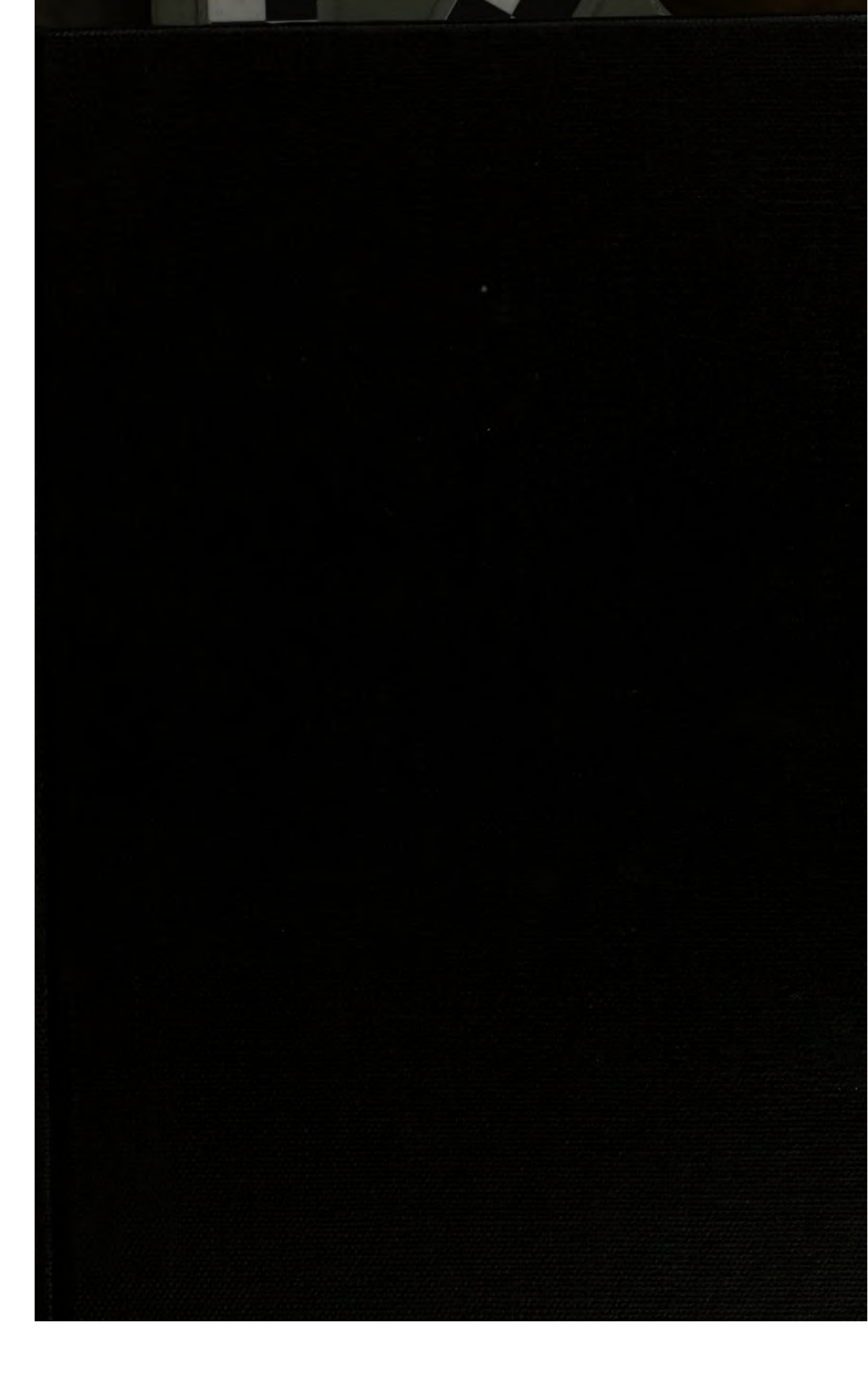
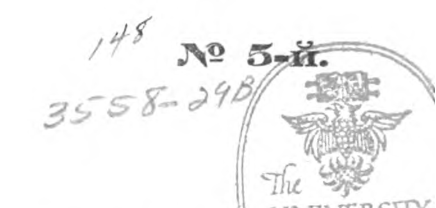

THE
UNIVERSITY
OF CHICAGO
LIBRARY

Годъ XI-й. № 5-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

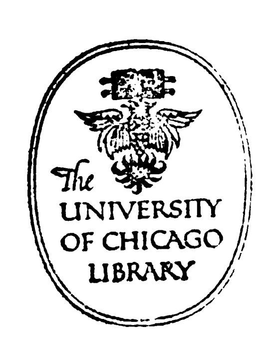
МАЙ

1902 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1902.

AP 50
.M67
V.11
No.5

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 27-го апрѣля 1902 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

ГОГОЛЬ И БѢЛИНСКІЙ.

I.

«Пусть вы или само время докажетъ мнѣ, что я заблуждался въ моихъ объ васъ заключеніяхъ», говорилъ Гоголю Бѣлинскій въ своемъ знаменитомъ письмѣ, переполненномъ горячими и страстными филиппиками. «Я первый—продолжалъ онъ,—порадуюсь этому, но не раскаюсь въ томъ, что̀ сказалъ вамъ». Въ этихъ немногихъ строкахъ передъ нами, какъ живой, нашъ незабвенный критикъ. Мы узнаемъ его благородную, открытую душу и беззавѣтную преданность истинѣ и убѣжденіямъ. Чуждый мелкихъ побужденій зависти или личной злобы, онъ тѣмъ не менѣе по страстности своей натуры и способности увлекаться не былъ застрахованъ отъ ошибокъ, въ которыхъ потомъ охотно сознавался. Зная эту свою черту, онъ можетъ поручиться лишь за то, что никогда не отступитъ отъ дорогихъ для него убѣжденій, что не сдѣлается никогда реакціонеромъ и угодникомъ сильныхъ міра; но въ минуту самаго крайняго увлеченія гнѣвомъ и самаго изступленнаго негодованія чувство справедливости подсказываетъ ему, что, несмотря на слишкомъ распространенные невыгодные слухи о Гоголѣ, возможна и ошибка, и онъ тутъ же съ радостью выражаетъ готовность взять обратно свое мнѣніе о немъ, какъ о человѣкѣ, если увидитъ, что оно невѣрно.

Но немногія приведенныя строки Бѣлинскаго заслуживаютъ серьезнаго вниманія еще и по другимъ причинамъ. Прежде всего не надо забывать, что письмо это получило такое значеніе, котораго не ожидалъ и на которое никакъ не могъ разсчитывать Бѣлинскій, слѣдовательно, онъ вообще не бралъ на себя строгой отвѣтственности за каждое слово и выраженіе въ той степени, какую налагаетъ печать, да и тутъ еще отчасти говоритъ условно. Между тѣмъ, совсѣмъ не предназначенное для печати, вдохновенное и правдивое слово, подверглось чрезвычайной огласкѣ и распространенію. При томъ вылившееся въ необыкновенно яркую и опредѣленную форму, оно получило значеніе манифестаціи и даже завѣта потомству, чему особенно способствовало то, что по волѣ судьбы письмо это оказалось послѣднимъ его словомъ о Гоголѣ и такъ и осталось навѣки скрѣпленнымъ печатью времени, тогда какъ оно отражало еще не успокоившееся, слѣдова-

тельно переходное настроеніе и было вызвано случайной причиной— только что полученнымъ письмомъ отъ огорченнаго его рецензіей Гоголя. «Неожиданное полученіе вашего письма,—говоритъ Бѣлинскій Гоголю,—дало мнѣ возможность высказать вамъ все, что лежало у меня на душѣ противъ васъ, по поводу вашей книги. Я не умѣю говорить въ половину, не умѣю хитрить — это не въ моей натурѣ», и именно вслѣдъ за этимъ онъ говоритъ приведенныя выше слова. Слѣдовательно, нельзя отрицать возможности, что Бѣлинскій, какъ натура въ высшей степени живая и впечатлительная, но вмѣстѣ съ тѣмъ какъ человѣкъ идеальной честности, всегда готовый жертвовать истинѣ личнымъ самолюбіемъ, могъ бы и отказаться отъ части высказанныхъ мнѣній о Гоголѣ, если бы представились вѣскія основанія для того взгляда. Поэтому, нисколько не оскорбляя глубоко чтимой нами памяти этого величайшаго рыцаря чести и правды и лучшаго изъ лучшихъ людей Россіи и безусловно отказываясь отъ малѣйшей тѣни солидарности съ новѣйшими панегиристами «Переписки съ друзьями», мы теперь, на основаніи достовѣрныхъ данныхъ, можемъ положительно утверждать, что мнѣніе Бѣлинскаго о личности Гоголя и о степени искренности его убѣжденій было въ самомъ дѣлѣ весьма ошибочно, хотя въ то же время это нимало не обязываетъ насъ считать его неправымъ по существу. Дѣло въ томъ, что какъ при жизни Гоголя, такъ и послѣ его смерти, несомнѣнно существовавшая иногда неискренность Гоголя въ личныхъ отношеніяхъ не разъ подавала поводъ къ невѣрному заключенію и о неискренности высказываемыхъ имъ взглядовъ и убѣжденій, тогда какъ это надо строжайшимъ образомъ различать. Если бы Бѣлинскій, проживъ десятью годами дольше, могъ застать исполненное Кулишомъ изданіе писемъ Гоголя, то, при ближайшемъ ознакомленіи съ его личностью, онъ, вѣроятно, убѣдился бы въ томъ, что отовсюду посыпавшіеся на Гоголя упреки за неискренность и лицемѣріе «Переписки съ друзьями» были совершенно неосновательны. Какъ человѣкъ высокаго благородства и истинный идеалистъ, онъ, вѣроятно, взялъ бы назадъ часть своихъ рѣзкихъ обличеній, нѣкогда такъ безпощадно брошенныхъ Гоголю «не въ бровь, а въ глазъ», но это касалось бы исключительно вопроса объ искренности его любимаго писателя, а не порицанія общаго смысла «Переписки съ друзьями». Раскаяваться пришлось бы развѣ въ неумѣренной жестокости тона, умѣстной въ томъ случаѣ, если бы, какъ онъ предполагалъ, книга эта была плодомъ притворства и разсчитаннаго лицемѣрія. Но изданіе писемъ Гоголя вышло въ свѣтъ послѣ смерти Бѣлинскаго, и не ему, а преемнику его на поприщѣ критики Чернышевскому выпало на долю впервые разъяснить въ «Очеркахъ гоголевскаго періода русской литературы» вопросъ о неправильно предполагаемомъ въ Гоголѣ переломѣ и показать, какъ несправедливы были толки объ его измѣнѣ прежнему направленію, о лицемѣріи и т. п. Однако, глубокое впечатлѣніе, произведенное страстнымъ и поистинѣ громовымъ письмомъ Бѣлинскаго, потребовало бы для уравновѣшенія

если не такого же пламеннаго и страстнаго тона, то, во всякомъ случаѣ, не меньшей колоритности и захватывающей увлекательности. Но для этого, конечно, не было и не могло быть данныхъ въ непритязательной статьѣ Чернышевскаго, вовсе не желавшаго и не имѣвшаго ни малѣйшаго повода противопоставлять свое заключеніе взгляду Бѣлинскаго, безъ сомнѣнія въ общемъ считаемому имъ вполнѣ справедливымъ. Его умѣренное и спокойное слово, хотя и безусловно вѣрное, прошло безслѣдно для такъ называемой большой публики и было выслушано лишь горстью любителей и изслѣдователей литературы въ болѣе тѣсномъ смыслѣ.

II.

Итакъ, недостатокъ личнаго знакомства съ Гоголемъ помѣшалъ Бѣлинскому и многимъ современникамъ распознать, въ чемъ именно заключались неискренность Гоголя, и матеріалы для разъясненія этого вопроса естественно стали появляться позднѣе. Поэтому, намъ надо прежде всего разсмотрѣть, насколько намъ позволяютъ скудныя данныя, все, что̀ извѣстно о личныхъ отношеніяхъ Бѣлинскаго къ Гоголю.

Прежде всего надо замѣтить, что всѣ ихъ отношенія почти ограничивались нѣсколькими встрѣчами у общихъ знакомыхъ, и хотя тѣмъ не менѣе они скоро переступили предѣлы номинальнаго знакомства и дѣло начанало, повидимому, клониться къ взаимному сближенію, но оно не состоялось, и постепенно между ними стала обозначаться рознь и натянутость, которыя повели потомъ къ глубокому внутреннему отчужденію.

Въ первый разъ они, кажется, видѣлись въ 1835 году, въ Москвѣ, у Аксаковыхъ. С. Т. Аксаковъ по ошибкѣ пріурочиваетъ этотъ фактъ къ 1834 г., но память, очевидно, на этотъ разъ измѣнила ему, такъ какъ Гоголь былъ въ Москвѣ не въ этомъ, а въ слѣдующемъ году. Такъ какъ Бѣлинскій жилъ въ тѣ годы въ Москвѣ, а Гоголь лишь однажды, и то на самый короткій срокъ, пріѣзжалъ въ Москву лѣтомъ 1832 г. и потомъ еще разъ былъ проѣздомъ на обратномъ пути въ октябрѣ того же года, то весьма трудно допустить, чтобы уже тогда могло произойти его знакомство съ малоизвѣстнымъ тогда Бѣлинскимъ. Въ 1835 г., какъ разсказываетъ С. Т. Аксаковъ въ своей «Исторіи моего знакомства съ Гоголемъ», въ назначенный день, въ домѣ С. Т. Аксакова должно было происходить чтеніе «Женитьбы», которое, впрочемъ, не состоялось, и въ числѣ приглашенныхъ гостей были Станкевичъ и Бѣлинскій, въ то время еще часто посѣщавшій Аксаковыхъ. С. Т. Аксаковъ съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что въ этотъ пріѣздъ Гоголя между ними сближенія еще не послѣдовало, и, слѣдовательно, тѣмъ менѣе можно допустить, что тогда уже установи-

лись какія-либо опредѣленныя отношенія Гоголя къ Бѣлинскому. Послѣ этого, до іюня 1836, т.-е. до отъѣзда Гоголя за границу, живя въ разныхъ городахъ, Гоголь и Бѣлинскій не могли встрѣтиться, и переписки между ними не было; не встрѣтились и не переписывались они также и въ слѣдующіе года до возвращенія Гоголя въ Россію, въ 1839 г., когда собственно и началось ихъ знакомство—уже въ Петербургѣ, куда, какъ извѣстно, переселился тогда Бѣлинскій. Они стали встрѣчаться у общихъ знакомыхъ—у Прокоповича, Комарова и, вѣроятно, у Анненкова. Хотя намъ совершенно неизвѣстно никакихъ подробностей объ этомъ фазисѣ ихъ отношеній, но мы знаемъ, напримѣръ, что Бѣлинскому чрезвычайно нравилось мастерское чтеніе Гоголя, которое онъ, конечно, слыхалъ не разъ. Съ другой стороны, въ перепискѣ Гоголя съ Прокоповичемъ сохранились кое-какіе неясные и мимолетные слѣды ихъ отношеній,—уже не настолько поверхностныхъ, чтобы они только помнили другъ друга въ лицо, но и не довольно близкихъ, такъ какъ мы знаемъ, что Гоголь провелъ тогда въ Петербургѣ всего какой-нибудь мѣсяцъ. Весьма возможно, что они, встрѣчаясь не разъ у общихъ знакомыхъ, провели вмѣстѣ нѣсколько вечеровъ. Уже къ этому времени, вѣроятно, можно отнести начало нѣкоторой привязанности Бѣлинскаго къ Гоголю, о которой онъ такъ говоритъ въ своемъ письмѣ: «Я васъ любилъ со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить ея надежду, честь и славу, одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». Въ слѣдующій пріѣздъ Гоголя въ Россію, когда онъ жилъ въ Москвѣ у Погодина и собирался отослать въ Петербургъ для представленія въ цензуру рукопись перваго тома «Мертвыхъ душъ», онъ увидѣлся съ проѣзжавшимъ черезъ Москву Бѣлинскимъ и поручилъ ему передать рукопись. Сношенія Гоголя съ Бѣлинскимъ по этому дѣлу велись тайно и держались въ строжайшемъ секретѣ, что не помѣшало, однако, скорому распространенію слуховъ объ нихъ. С. Т. Аксаковъ, тогда уже весьма непріязненно относившійся къ Бѣлинскому, такъ разсказываетъ объ этомъ: «Случилось что-то такое, чего я теперь объяснить не умѣю. Гоголь хотѣлъ послать первый томъ «Мертвыхъ душъ» въ Петербургъ къ Жуковскому или къ графу Віельгорскому, для того, чтобъ найти возможность представить ее прямо къ государю: ибо всѣ мы думали, что обыкновенная цензура его не пропуститъ. Вдругъ Гоголь перемѣнилъ свое намѣреніе и послалъ рукопись въ Петербургъ прямо къ цензору Никитенко и, кажется, послалъ съ Бѣлинскимъ, который пріѣзжалъ на короткое время въ Москву, секретно отъ насъ, потому что въ это время мы всѣ уже терпѣть не могли Бѣлинскаго, переѣхавшаго въ Петербургъ для сотрудничества въ изданіи «Отечественныхъ Записокъ». Аксаковъ не ошибся въ своемъ предположеніи; но впослѣдствіи, когда рукопись «Мертвыхъ душъ» застряла въ цензурѣ, Гоголь, не зная, чѣмъ объ

яснить непонятную и досадную затяжку, началъ было уже подозрѣвать Бѣлинскаго въ неаккуратности насчетъ доставки. Онъ писалъ его общему съ Бѣлинскимъ другу Прокоповичу въ видѣ предположенія, что, можетъ быть, «Бѣлинскій невѣрный человѣкъ и не передалъ во-время писемъ и тетради». Зная Бѣлинскаго съ хорошей стороны преимущественно по отзывамъ Прокоповича, Гоголь ему и высказываетъ зародившееся сомнѣніе въ Бѣлинскомъ. При встрѣчахъ Бѣлинскаго съ Гоголемъ, безъ сомнѣнія, не могло не обозначиться искреннее сочувствіе и уваженіе знаменитаго критика къ геніальному писателю. Но съ одной стороны, Гоголь былъ склоненъ принимать энтузіазмъ Бѣлинскаго, какъ подобающую дань, и широко пользоваться услугами оказываемой ему пріязни, а съ другой — надо думать, что самый фактъ секретной отъ друзей передачи рукописи и тайныхъ сношеній едва ли могъ придтись по душѣ такому прямому человѣку, какъ Бѣлинскій. Получивъ письмо отъ Бѣлинскаго, Гоголь, напримѣръ, отвѣчаетъ не ему, а проситъ Прокоповича передать: «не пишу, потому что минуты не имѣю времени, и потому что, какъ онъ самъ знаетъ, обо всемъ нужно потрактовать и поговорить лично, что мы и сдѣлаемъ въ нынѣшній проѣздъ мой черезъ Петербургъ», т.-е. на обратномъ пути въ Италію, въ 1842 г. Но въ Петербургѣ Гогоголю удалось пробыть недолго и онъ былъ такъ обремененъ разными спѣшными хлопотами, что едва ли могъ выполнить свое намѣреніе относительно свиданія съ Бѣлинскимъ, и если они видѣлись, то развѣ мелькомъ и ненадолго. Однако, несмотря на то, что Бѣлинскій при встрѣчахъ еще дружески относился къ Гоголю и не только не отказывался отъ исполненія его просьбъ и порученій, но даже просматривалъ корректуру порученнаго Прокоповичу изданія его сочиненій, но уже въ душу Бѣлинскаго проникла и стала отчасти обозначаться какая-то неудовлетворенность, какое-то зерно недовольства Гоголемъ. Ему чувствовался въ Гоголѣ недостатокъ простоты и искренности, что, при величайшей симпатіи къ нему, какъ къ писателю, отталкивало отъ него, какъ человѣка. Все это обнаружилось въ слѣдующихъ строкахъ его къ Боткину: «Я къ Гоголю послалъ письмо, которое думалъ доставить черезъ тебя, но, полагая, что эта тетрадь не будетъ отослана, послалъ сегодня по почтѣ. Прилагаю черновое: изъ него ты увидишь, что я повернулъ круто—оно и лучше: къ чорту ложныя отношенія—знай нашихъ—и люби, уважай; а не любишь, не уважаешь—не знай совсѣмъ. Постарайся черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ письма». Къ сожалѣнію, ни самое письмо, ни черновая не сохранились. Но еще 15-го мая 1842 г. такое письмо не было получено Гоголемъ, что видно, напримѣръ, изъ слѣдующаго порученія Гоголя Прокоповичу: «Попроси Бѣлинскаго, чтобы сказалъ что-нибудь о книгѣ въ немногихъ словахъ, какъ можетъ сказать не читавшій ея». Послѣ этого Гоголь уѣхалъ за границу и до самаго столкновенія по

поводу «Переписки съ друзьями» между нимъ и Бѣлинскимъ не было никакихъ отношеній.

III.

Такимъ образомъ, если Гоголь оставался загадкой и для близкихъ людей, то понятно, что его внутренній міръ былъ совершенно закрытъ для Бѣлинскаго, знавшаго его слишкомъ мало, но уже успѣвшаго вынести изъ личныхъ сношеній впечатлѣніе далеко не въ пользу Гоголя. Онъ могъ только убѣдиться относительно его, что Гоголь представляетъ собой не то, чего онъ ожидалъ.

Но дѣло въ томъ, что, при своей неискренности въ отношеніяхъ къ людямъ, совершенно нельзя допустить, при ближайшемъ знакомствѣ съ личной перепиской Гоголя, чтобы онъ былъ неискрененъ въ высказываемыхъ имъ взглядахъ и убѣжденіяхъ уже въ виду того, что, высказывая ихъ, онъ нигдѣ не противорѣчитъ себѣ: лицемѣръ не могъ бы всегда и вездѣ быть послѣдовательнымъ въ словахъ и гдѣ-нибудь его лицемѣріе непремѣнно всплыло бы наружу. Съ тѣхъ поръ, какъ Чернышевскій первый призналъ искренность и послѣдовательность взглядовъ Гоголя, высказываемыхъ имъ въ «Перепискѣ», чѣмъ больше въ теченіе цѣлаго полстолѣтія появлялось въ печати писемъ геніальнаго писателя, тѣмъ блистательнѣе подтверждалось это заключеніе. Въ редактированномъ нами послѣднемъ изданіи писемъ Гоголя мы сочли своей непремѣнной обязанностью приводить множество сопоставленій одинаковыхъ и сходныхъ мыслей, разсѣянныхъ въ разныхъ мѣстахъ «Переписки», и мы вполнѣ увѣрены, что всякій, кто безпристрастно отнесется къ данному вопросу, какъ сумѣлъ уже полвѣка назадъ отнестись къ нему Чернышевскій, непремѣнно придетъ къ тому же заключенію: Гоголь бывалъ неискренъ въ практической жизни и въ личныхъ отношеніяхъ, но онъ имѣлъ полное право сказать свои безсмертныя слова, что «съ словомъ слѣдуетъ обращаться честно».

Но Бѣлинскій, какъ натура страстная и порывистая, былъ охваченъ по прочтеніи «Переписки» такимъ бурнымъ пламенемъ негодованія и кипѣлъ такимъ неудержимымъ желаніемъ бойца сильнѣе поразить и ниспровергнуть ложь и тьму, какія чувствовались ему въ этой книгѣ, что ему было не до взвѣшиванія выраженій, направленныхъ противъ автора: онъ хотѣлъ высказаться какъ можно рѣшительнѣе и сильнѣе. Здѣсь конечно, личное неблагопріятное впечатлѣніе, вынесенное нѣсколько лѣтъ назадъ изъ знакомства съ Гоголемъ и, казалось, находившее подтвержденіе въ носившихся тогда слухахъ, могло также сыграть извѣстную роль: вѣдь еще прежде онъ хотѣлъ черезъ Щепкина узнать объ эффектѣ какого-то, очевидно, нелестнаго для Гоголя письма. Новые слухи могли только разжигать его глубоко возмущенное чувство, хотя они въ значительной степени были невѣрны и частью даже не-

лѣпы. При томъ, когда Бѣлинскій писалъ свое письмо, то, какъ онъ и самъ говоритъ, для него на первомъ планѣ были мысли о Россіи и судьбахъ русскаго просвѣщенія и литературы и онъ несравненно меньше думалъ о личности Гоголя, на котораго онъ теперь съ горечью смотрѣлъ, какъ на погибающую великую силу горячо любимой литературы. Гнѣвъ Бѣлинскаго усиливался обманутыми надеждами, рѣзкимъ противорѣчіемъ съ тѣмъ свѣтлымъ образомъ гуманнаго и передового писателя, котораго онъ заранѣе полюбилъ «со всею страстью, какъ человѣкъ, кровью связанный со своею страною, можетъ любить одного изъ великихъ вождей ея на пути сознанія, развитія и прогресса». Къ тому же Бѣлинскій страшился вреднаго дѣйствія книги, какъ онъ говоритъ, «не столько на публику, сколько на цензуру и правительство», и чѣмъ больше было основаній для такихъ опасеній, тѣмъ сильнѣе должно было отразиться на совершенно неповинномъ въ данномъ случаѣ авторѣ, которому пришлось тутъ же пострадать и самому отъ того же режима. Въ глазахъ Бѣлинскаго проповѣдь Гоголя по узкости защищаемыхъ принциповъ была непростительнымъ преступленіемъ передъ цѣлой страной, и онъ съ горячностью крайняго ожесточенія бросился защищать свою святыню, свои кровныя убѣжденія, которыя были для него дороже жизни.

IV.

Письмо Бѣлинскаго увлекало и продолжаетъ увлекать неотразимой силой воодушевленія и энергическимъ честнымъ протестомъ особенно противъ язвы крѣпостного права. Онъ громилъ здѣсь весь глубоко антипатичный ему и всѣмъ передовымъ его современникамъ строй дореформенной крѣпостнической Руси и оказался блистательнымъ публицистомъ, такъ что письмо его сдѣлалось навсегда историческимъ фактомъ, какъ выраженіе горячо прочувствованнаго протеста противъ варварства и застоя. Поэтому, несмотря на нѣкоторыя излишества и преувеличенія, оно затрогиваетъ за живое и донынѣ каждаго друга прогресса.

Надо только подумать, какое роковое значеніе имѣли въ этой страшной драмѣ въ сущности совершенно постороннія для Гоголя, но сами по себѣ въ высшей степени важныя обстоятельства, въ которыхъ, впрочемъ, Гоголь былъ нисколько не виноватъ. Прежде всего виновата была эпоха, и появись «Переписка» въ болѣе свѣтлое и отрадное время, напр., въ «эпоху великихъ реформъ», книга не встрѣтила бы сочувствія, но и не вызвала бы такого ожесточеннаго протеста. Самъ Бѣлинскій не ополчился бы противъ нея съ такою запальчивостью и не ударилъ бы такъ громко въ набатъ, а современное общество и потомство на этотъ боевой кличъ, на этотъ вопль гнѣва и негодованія не отозвалось бы съ такимъ задушевнымъ сочувствіемъ и горячей благодар-

ностью. Каждая строка знаменитаго письма проникала въ самое сердце, читателя, потому что дышала правдой и несокрушимымъ убѣжденіемъ. Но Гоголь въ значительной степени явился здѣсь не въ пору подвернувшейся жертвой, затронувъ въ своей «Перепискѣ» жгучіе вопросы и заявляя притязаніе поучать приблизительно въ духѣ той самой системы, которая была такъ ненавистна.

Сходные съ гоголевскими взгляды высказывалъ печатно и Жуковскій и многіе другіе, но въ небольшихъ статьяхъ и въ умѣренномъ тонѣ. Гоголь же, въ свою очередь глубоко проникнутый извѣстными убѣжденіями, выступилъ самоувѣренно и притязательно, чѣмъ навлекъ на себя грозу, сдѣлавшись главнымъ фокусомъ нападеній и принявъ на свои плечи бремя отвѣтственности за цѣлое знамя. Здѣсь, несомнѣнно, произошли не малыя недоразумѣнія: то, что для Гоголя было самымъ существеннымъ и святымъ, слишкомъ мало могло интересовать Бѣлинскаго, и наоборотъ, противъ чего Бѣлинскій готовъ былъ ратовать до изступленія, особенно относительно положенія и судьбы крѣпостныхъ крестьянъ, и что было для него самымъ важнымъ и дорогимъ, то въ глазахъ Гоголя вовсе не выступало на первый планъ просто потому, что онъ былъ поглощенъ совсѣмъ иными вопросами и интересами. Поэтому, Бѣлинскій придалъ колоссально преувеличенное значеніе нѣкоторымъ случайнымъ обмолвкамъ въ данномъ отношеніи Гоголя. Правда, обмолвки эти выдавали общій уровень взглядовъ его, но и тутъ его вина заключалась только въ томъ, что, не возвысившись надъ понятіями вѣка, онъ взялъ на себя публичное поученіе.

V.

Бѣлинскій съ своей точки зрѣнія имѣлъ полное основаніе возмутиться отдѣльными мыслями и выраженіями статьи «Русскій помѣщикъ», но онъ несправедливо заподозрилъ Гоголя въ крѣпостничествѣ и рѣшился осыпать его такими выраженіями, какъ проповѣдникъ кнута, апостолъ невѣжества и панегиристъ татарскихъ нравовъ. Люди, податливые на чужое мнѣніе, вслѣдъ за Бѣлинскимъ, безапелляціонно и безъ провѣрки записали Гоголя въ крѣпостники. Впрочемъ, и не только такіе люди. Вотъ что сказалъ Добролюбовъ: «Даже знаменитый писатель, отъ котораго ведетъ свое начало современное направленіе литературы, писалъ къ помѣщику совѣты о томъ, какъ ему побольше наживать отъ мужиковъ денегъ, и совѣтовалъ для этого называть мужика бабою, неумытымъ рыломъ и т. п. Бить не совѣтовалъ только потому, что «мужика этимъ не проймешь: онъ къ этому уже привыкъ».

Между тѣмъ, во всей частной перепискѣ Гоголя и въ извѣстныхъ фактахъ его біографіи, собираемыхъ теперь уже полстолѣтія, мы рѣшительно нигдѣ не встрѣчаемъ подтвержденія этому, а наоборотъ, скорѣе находимъ данныя, свидѣтельствующія о противномъ. Взглядъ

Гоголя на крѣпостное право сводится въ сущности къ тому, что «нѣсть власти, аще не отъ Бога» и что «помѣщикъ долженъ смотрѣть во всѣ глаза за мужиками и повелѣвать ими, заставляя, приказывая дѣлать хорошо дѣло» и такъ «говорить съ ними, чтобы они видѣли, что, исполняя дѣло помѣщичье, они съ тѣмъ вмѣстѣ исполняютъ и Божье». Этотъ взглядъ выраженъ въ письмѣ къ матери и сестрамъ отъ 1-го мая 1845 г., замѣчательномъ потому, что въ этомъ безусловно искреннемъ и интимномъ письмѣ Гоголь наиболѣе обстоятельно и опредѣленно высказываетъ свой взглядъ на интересующій насъ вопросъ и при томъ *до столкновенія съ Бѣлинскимъ*. Отношенія Гоголя къ крѣпостнымъ выразились также въ слѣдующемъ упрекѣ Аннѣ Михайловнѣ Віельгорской: «Крестьяне насъ кормятъ, называя насъ же своими кормильцами, а намъ некогда даже и взглянуть на нихъ», но эти строки относятся уже къ болѣе позднему времени. Въ дѣйствительности, ни самъ Гоголь, ни его родные и родственники вовсе не были крѣпостниками, хоть нестолько по принципу, сколько по личнымъ свойствамъ характера. При томъ, если бы возмутившіе Бѣлинскаго взгляды представляли какую-нибудь опредѣленную систему и выраженія не были случайными, то они непремѣнно, какъ и всѣ другіе его задушевные взгляды, неоднократно были бы повторены имъ въ разныхъ варіаціяхъ во многихъ другихъ мѣстахъ его личной переписки, а между тѣмъ мы напрасно стали бы искать къ нимъ параллелей, обыкновенно слишкомъ частыхъ во всѣхъ другихъ случаяхъ. Бѣлинскаго крайне возмутили совѣты Гоголя помѣщику назвать мужика «неумытымъ рыломъ» и уговоры не бить его, потому что «съѣздить его въ рожу еще не большое искусство». Выраженія эти очень грубыя, но дѣло въ томъ, что здѣсь въ Гоголѣ говоритъ, такъ сказать, человѣкъ, *воспитанный на крѣпостномъ правѣ*, а вовсе *не лично крѣпостникъ*, что́ составляетъ огромную разницу и что доказывается уже тѣмъ, что онъ, напротивъ, хотѣлъ удержать помѣщика отъ побоевъ.

Бѣлинскому въ данномъ случаѣ было не до Гоголя лично, его справедливо возмущала убійственная и позорная язва русской жизни, въ которой въ сущности Гоголь былъ виноватъ ровно столько же, сколько все населеніе тогдашней Россіи.

VI.

Если Бѣлинскій, какъ современникъ, могъ справедливо осуждать Гоголя за то, что онъ, какъ геніальный человѣкъ, не сталъ выше своего вѣка, то съ безпристрастной точки зрѣнія потомство обязано принять во вниманіе слѣдующія соображенія. Всякая геніальная личность становится на ту высоту, на которой она представляется современникамъ и потомству, благодаря огромному множеству благопріятныхъ вліяній, безъ которыхъ многое въ ней заглохло бы и пропало

даромъ. Такъ и Бѣлинскій чрезвычайно многимъ обязанъ хотя бы московскому университету и кружку Станкевича, своему собственному разностороннему чтенію и постоянному обмѣну мыслей съ друзьями, передовыми людьми вѣка, наконецъ, знакомству, благодаря имъ, съ нѣмецкой философіей и т. д. Чернышевскій сказалъ, что Гоголю можно было бы возразить, что онъ читалъ не тѣ книги, какія нужно. Но смыслъ этихъ словъ надо значительно расширить, распространяя его также на бесѣды, встрѣчи и многое другое. Укажу слѣдующій примѣръ. Всякому приходится переживать минуты апатіи, разочарованія, сомнѣнія въ успѣхѣ своихъ стремленій и въ самомъ себѣ. Однажды въ такомъ настроеніи находился Грановскій. Другъ его Станкевичъ ободрялъ его слѣдующими словами: «Мужество, терпѣніе, Грановскій! Твой предметъ—жизнь человѣчества; ищи же въ этомъ человѣчествѣ образа Божія. Тысячу разъ бросишь ты книги, тысячу разъ отчаешься и снова исполнишься надеждъ; но вѣрь, вѣрь и иди путемъ своимъ!» Какія простыя слова, а какое въ нихъ огромное значеніе, когда вспомнишь, что сказаны они не какимъ-нибудь фразеромъ, а высокимъ идеалистомъ и такимъ убѣжденнымъ человѣкомъ, какъ Станкевичъ. И если Рудинъ способенъ забросить добрыя сѣмена въ душу зауряднаго Басистова, то сколько прекраснаго производило взаимное общеніе такихъ даровитыхъ личностей, какъ Бѣлинскій, Станкевичъ, Герценъ, Грановскій и другіе! По особенностямъ своей натуры, Бѣлинскій мучительно добивался истины въ обмѣнѣ взглядовъ и спорахъ и уже потомъ говорилъ съ публикой, тогда какъ Гоголь искалъ истины въ одиночку, на свой страхъ и въ одностороннемъ чтеніи, потомъ въ кругу близкихъ людей являлся скорѣе учителемъ, чѣмъ собесѣдникомъ, и наконецъ, сразу выступилъ съ всенароднымъ поученіемъ. Но оказалось, что силы самаго геніальнаго ума недостаточно безъ дружнаго содѣйствія мысли многихъ другихъ людей. Впрочемъ, во всю жизнь судьба странно распоряжалась имъ: сознавая въ себѣ огромныя природныя силы, Гоголь, подобно многимъ, часто ошибался въ выборѣ способа ихъ примѣненія. Юношей онъ мечталъ о необыкновенныхъ успѣхахъ на поприщѣ государственной службы, но эта надежда была разрушена на самыхъ первыхъ порахъ, онъ лишь между прочимъ начинаетъ писать повѣсти, и онѣ имѣютъ громадный успѣхъ, ему кажется, что онъ имѣетъ призваніе къ наукѣ и къ педагогической дѣятельности—и это не оправдывается; пока онъ сравнительно неглубоко смотрѣлъ на свое настоящее призваніе, онъ создавалъ величайшія произведенія; онъ начинаетъ подъ вліяніемъ Пушкина серьезнѣе вдумываться въ него и уже не развлекается посторонней дѣятельностью—и спустя непродолжительное время талантъ его начинаетъ падать, и онъ жестоко страдаетъ нравственно; наконецъ, выступаетъ въ качествѣ учителя жизни съ глубоко прочувствованнымъ словомъ и съ искреннѣйшимъ желаніемъ принести пользу... и терпитъ рѣшительное фіаско!

Гоголь высказывалъ и защищалъ въ «Перепискѣ» свои собствен-

ные взгляды, во многомъ совпавшіе съ тогдашними оффиціальными принципами, потому что они вытекали изъ той же основы и изъ тѣхъ же традицій, но вовсе не по желанію угодить или попасть въ тонъ, да въ тонъ они и не попали, потому что все-таки оказались слишкомъ широкими и смѣлыми. Между тѣмъ, какихъ только обвиненій не посыпалось на голову Гоголя. Самая геніальность Гоголя и занятое имъ высокое мѣсто въ литературѣ чрезвычайно и справедливо увеличивали его отвѣтственность за каждое неосторожное слово, за каждую невѣрно взятую ноту и даже за то, что онъ вовсе не думалъ сказать, но что можно съ натяжкой вывести изъ его словъ, злоупотребляя его авторитетомъ, какъ и теперь подъ его авторитетнымъ флагомъ иной разъ проповѣдуются антипрогрессивныя идеи. Вотъ чего и боялся Бѣлинскій. Но Гоголь *нравственно* не былъ виноватъ ни передъ кѣмъ, какъ не виноватъ и передъ собственной совѣстью.

Указавъ на возмутительныя безобразія крѣпостного права, Бѣлинскій говоритъ: «И въ это-то время (т.-е во второй половинѣ сороковыхъ годовъ, при господствовавшемъ тогда режимѣ) великій писатель, который дивно-художественными и глубокомысленными твореніями такъ могущественно содѣйствовалъ самосознанію Россіи, давъ ей возможность взглянуть на себя самое, какъ въ зеркалѣ, является съ книгою, въ которой, во имя Христа и церкви, учитъ варвара-помѣщика наживать отъ крестьянъ побольше денегъ, ругая ихъ «неумытыми рылами». Но вѣдь Гоголь совсѣмъ не представлялъ помѣщика непремѣнно варваромъ, такъ какъ надѣялся найти въ этой средѣ людей, подобныхъ Костанжогло, и лишь неосторожно обмолвился возмутившими Бѣлинскаго словами, вовсе не думая сосредоточить въ нихъ суть поученій. Между тѣмъ, именно за нихъ Бѣлинскій сказалъ ему: «Да если бы вы обнаружили покушеніе на мою жизнь, и тогда бы я не болѣе возненавидѣлъ васъ, какъ за эти позорныя строки». Въ другомъ мѣстѣ письма Бѣлинскій говоритъ о русской публикѣ, что она, «всегда готовая простить писателю книгу плохую, никогда не проститъ ему зловредной книги».

VII.

Для Бѣлинскаго вопросъ объ искренности Гоголя былъ весьма второстепеннымъ. На его нервную и впечатлительную натуру особенно подѣйствовали тѣ «вопли дикой радости», которые, какъ онъ писалъ Гоголю, «издали при появленіи «Переписки» всѣ враги Гоголя, и не литературные (Чичиковы, Ноздревы, городничіе и проч.), и литературные. И конечно, не будь этого, онъ отнесся бы къ Гоголю сдержаннѣе, но въ этихъ вопляхъ Гоголь опять нисколько не былъ виноватъ. Вообще, Бѣлинскій былъ глубоко правъ и чрезвычайно проницателенъ, когда онъ останавливался на общей сторонѣ вопроса и даже когда на минуту и мимоходомъ останавливалъ свое вниманіе на личности Го-

голя. Но дѣло въ томъ, что не это его занимало, и мысль его съ свойственной ей живостью постоянно, какъ магнитная стрѣлка, отклоняется къ главному предмету письма, т.-е къ вопросу о вѣроятномъ вліяніи книги на цензуру и правительство. Это онъ прямо и ясно высказываетъ самъ: «Тутъ дѣло идетъ не о моей или вашей личности, но о предметѣ, который гораздо выше не только меня, но и васъ. Тутъ дѣло идетъ объ истинѣ, о русскомъ обществѣ, о Россіи».

Но въ настоящее время, по прошествіи болѣе пятидесяти лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ «Переписки», связывать вопросъ о ней не только съ судьбой Россіи и русскаго общества, но даже просто съ отвлеченной истиной было бы совершенно очевиднымъ для всѣхъ анахронизмомъ, а также и бояться теперь за вліяніе ея на общество просто смѣшно. Вся острая сторона вопроса давно и навсегда миновала, и потому намъ слѣдуетъ стать на совершенно иную точку зрѣнія, отрѣшившись отъ политическихъ тенденцій какого бы ни было характера, такъ какъ для насъ теперь всего важнѣе личность великаго писателя.

Въ своемъ письмѣ, не утратившемъ своей силы даже черезъ полвѣка и какъ бы волшебствомъ сохранившемъ весь жгучій зной страсти въ мертвыхъ печатныхъ строкахъ, при чтеніи которыхъ такъ и представляешь себѣ блѣдное, лихорадочно возбужденное лицо Бѣлинскаго, съ горящими глазами, пылающими негодованіемъ на противника,—онъ, не зная Гоголя лично, какъ будто какимъ-то даромъ прозрѣнія понялъ было и разгадалъ его душу; но жаль, что въ своемъ возбужденіи онъ былъ не въ состояніи остановиться на своей вѣрной точкѣ зрѣнія и тотчасъ же сбивается съ нея на другую и волнуется носившимися въ обществѣ ложными слухами. Вотъ вскользь это необыкновенно мѣтко и проницательно высказанное Бѣлинскимъ мнѣніе о Гоголѣ: «Я думаю, — пытается онъ объяснить причину несимпатичнаго ему міросозерцанія Гоголя,—что это оттого, что вы глубоко знаете Россію только какъ художникъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, роль котораго вы неудачно приняли на себя въ вашей фантастической книгѣ, и это не потому, чтобы вы не были мыслящій человѣкъ, а потому, что вы уже столько лѣтъ привыкли смотрѣть на Россію изъ вашего прекраснаго далека». «Въ этомъ прекрасномъ далекѣ,—продолжаетъ Бѣлинскій,—вы живете совершенно чужимъ духомъ, въ самомъ себѣ, внутри себя, или въ однообразіи кружка, одинаково съ вами настроеннаго и безсильнаго противиться вашему на него вліянію. Поэтому-то вы *не замѣтили*» и проч. Здѣсь для насъ важно слово *не замѣтили*, которое именно исключаетъ возможность невыгодныхъ для Гоголя предположеній въ нравственномъ смыслѣ. И дальше во многихъ мѣстахъ письма такъ и чувствуется, что Бѣлинскій мысленно представляетъ передъ собой человѣка, который имѣетъ невѣрные взгляды, которому это надо указать и разъяснить, потому что онъ упустилъ это изъ виду, но который все же говорилъ честно и по убѣжденію. Смѣшеніе двухъ, взаимно исключающихъ другъ друга точекъ зрѣнія, проходитъ красной нитью черезъ все письмо, и

если оно при всемъ томъ ни на минуту не теряетъ своей силы, то это потому, что отъ Бѣлинскаго нельзя было требовать опредѣленнаго взгляда на личность Гоголя и ему нельзя ставить въ упрекъ, что онъ допускаетъ разныя предположенія собственно для разъясненія занимавшаго его *литературнаго факта*. Вѣрныхъ данныхъ имѣть онъ *не могъ*, а его горячей вѣрой въ святыню убѣжденій и страстностью его натуры оправдывается безпощадность брошенныхъ Гоголю въ лицо упрековъ по *предположенію*. Оправдывается это и болѣзненнымъ состояніемъ Бѣлинскаго. Но странно, что заранѣе составленное высокое представленіе о Гоголѣ, какъ мыслителѣ, все какъ-то мѣшаетъ ему: невольно возвышая Гоголя мысленно въ одномъ направленіи, онъ его унижаетъ въ другомъ. Это особенно видно въ слѣдующихъ строкахъ: «Неужели вы, авторъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», неужели вы искренно, отъ души пропѣли гимнъ русскому духовенству, поставивъ его неизмѣримо выше католическаго? Положимъ, *вы не знаете*, что второе было когда-то чѣмъ-то, между тѣмъ какъ первое никогда ничѣмъ не было» и проч. Но мы теперь знаемъ навѣрно, что Гоголь отнюдь не лицемѣрилъ въ «Перепискѣ» и что у него просто были совсѣмъ иныя убѣжденія, чѣмъ у Бѣлинскаго, и, не сравнивая этихъ убѣжденій, считаемъ умѣстнымъ напомнить слѣдующія слова изъ письма Бѣлинскаго къ московскимъ друзьямъ (отъ 20 марта 1847 г.) по поводу «интермедіи къ роману «Кто виноватъ?»: «У художественныхъ натуръ умъ уходитъ въ талантъ, въ творческую фантазію, и потому въ своихъ твореніяхъ, какъ поэты, они страшно, огромно умны, а какъ люди— ограниченны». Далѣе въ скобкахъ значится: «Пушкинъ, Гоголь». Между тѣмъ, онъ измѣняетъ этой точкѣ зрѣнія, восклицая: «И вы хотите, чтобы вѣрили искренности вашей книги».

Однимъ словомъ, Бѣлинскій является въ своемъ письмѣ не столько тонкимъ и проницательнымъ психологомъ, сколько трибуномъ. Что онъ многаго не сказалъ бы въ болѣе спокойномъ настроеніи, ясно изъ слѣдующихъ словъ: «Нѣтъ, если бы вы дѣйствительно преисполнились истинами Христова ученія, совсѣмъ не то говорили бы вы, совсѣмъ не то написали бы вы помѣщику,—что такъ какъ крестьяне его братья о Христѣ, и братъ не можетъ быть рабомъ брата, то онъ долженъ дать имъ свободу или, по крайней мѣрѣ, пользоваться чужими трудами какъ можно льготнѣе для трудящихся, сознавая себя въ глубинѣ своей совѣсти въ ложномъ положеніи въ отношеніи къ нимъ». Какъ будто онъ, Бѣлинскій, не зналъ, какъ удобно было въ то время высказывать подобныя мысли, если бы Гоголь захотѣлъ это сказать!

Во всякомъ случаѣ, за свои убѣжденія Гоголь рисковалъ своимъ великимъ писательскимъ авторитетомъ и такъ же, какъ Бѣлинскій, не усомнился смѣло и громко высказать ихъ.

В. Шенрокъ.

НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРѢ.

Весною, помнишь, на разсвѣтѣ,
Всю ночь въ дорогѣ проведя,
Мы были радостны, какъ дѣти,
Какъ послѣ теплаго дождя —
Вся эта степь. Въ ушахъ звенѣли
Веселымъ звономъ бубенцы.
Зарею тучи заалѣли,
А первыхъ жаворонковъ трели
Будили утро, какъ гонцы.

Покуда намъ перепрягали
Въ деревнѣ тройку,—мы съ двора
Къ большому озеру сбѣжали.
Собаки лаемъ провожали
Насъ у воротъ. Трава мокра
Была отъ дождика. Съ долины
Донесся свистъ перепелиный,
Въ деревнѣ жеребенокъ ржалъ,
И воздухъ весело дрожалъ.

Отъ зоревой прохлады было
Свѣжо и сыро у воды.
Недвижно озеро застыло,
Но ужъ на немъ вились слѣды:
Тамъ—рыбьи легкіе кружечки,
А здѣсь—царапины стрижа;
Какъ будто воду сторожа,
Стоялъ недвижно гусь на кочкѣ,
Весь отраженъ въ водѣ до точки.

Другіе гуси шли съ луговъ,
Мелькая въ зелени далеко,
Подобно нити жемчуговъ.
И все: вода, луга, осока
И даже гусь на кочкѣ той
Улыбкой алою зардѣлось;
И ты такою чистотой
Сіяла вся, что загорѣлась
Душа, и плакать мнѣ хотѣлось.

Я будто чувствовалъ тогда,
Что это счастье не вернется,
Что пошлость жизни насъ коснется,
И никогда я, никогда
Не встрѣчу вновь такой безгрѣшной
Зарю и юность, и тебя...
Все, что слилось съ зарею вешней,
Чѣмъ я проникнутъ былъ, любя...
Все, въ чемъ я чувствовалъ себя.

А. М. Өедоровъ.

ДРУГЪ ДѢТСТВА.

Повѣсть.

(*Продолженіе* *).

VI.

Часа два спустя студентъ отъ нетерпѣнія отправился самъ въ сарай, гдѣ для него запрягали коляску. Лариса у себя писала письма знакомымъ докторамъ. Евгенія Петровна и Дина остались съ больной.

Она сидѣла на кровати, куда ее насильно уложили и не умолкая ни на минуту, пѣла панихиду; и голосъ не ослабѣвалъ, онъ, напротивъ, окрѣпъ... Сестра не выдержала, убѣжала къ себѣ и свалилась въ истерикѣ; Дина осталась съ матерью одна.

Первый, кого Саня встрѣтилъ на дворѣ, былъ Савелій. Онъ только что привелъ съ озера лошадей; взялся ихъ выкупать, пока кучеръ Илья наскоро приводилъ въ порядокъ экипажъ. Теперь онъ шелъ съ ведромъ отъ колодца.

Завидя молодого барина, Савелій заспѣшилъ, поставилъ ведро въ траву и повернулъ навстрѣчу. Его голубые глаза издали ласково улыбались.

— Здорово, Александръ Ивановичъ! Съ пріѣздомъ васъ! — крикнулъ онъ съ фамильярностью стараго товарища, для виду только притрогивающагося къ фуражкѣ.

Александръ Ивановичъ едва удержался отъ перваго побужденія повернуть спину и вернуться въ домъ. Тяжелое чувство стыда—(хоть онъ не хотѣлъ вѣрить и не вѣрилъ клеветамъ Ларисы) точно ядомъ обливало сердце. И въ то же время однимъ быстрымъ взглядомъ онъ уже схватилъ, какой Савелій сталъ красивый, прибранный... Возмужалъ...

А Савелій непринужденно протягивалъ руку; глаза перестали улыбаться.

---

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль.

— Бѣда-то какая стряслась для вашего пріѣзда... Ахъ ты Господи! Коли вамъ послать куда-нибудь понадобится, такъ я во всякое время съ радостью... экій грѣхъ какой!..

Сумрачный видъ молодого барина былъ, разумѣется, вполнѣ понятенъ. Савелій уже и ротъ раскрылъ, чтобы спросить: „Какъ теперь Надежда-то Ивановна, бѣдная?“ — но что-то безотчетно остановило его.

— Грѣхъ и есть...—повторилъ онъ только задумчиво.

— Ты это какъ на мызѣ очутился въ такое время? — процѣдилъ сквозь зубы баринъ.

Тонъ былъ такой суровый для перваго привѣтствія, что съ парня мигомъ слетѣла вся его простодушная развязность.

— Да я... я тутъ зашелъ, а тамъ и кричатъ, запрягать чтобы какъ можно проворнѣе... У Ильи неисправность что ли какая-то, такъ я лошадей сводилъ выкупать... По такой жарѣ развѣ возможно не выкупавши!.. Илья при экипажѣ... И то, ведро-то я бросилъ, а онъ, небось, дожидается!..

Онъ на рысяхъ подхватилъ ведро и помчался съ нимъ къ каретнику. Александръ Ивановичъ крикнулъ сердито въ пространство: „Лошадей живѣе!“ и вернулся на крыльцо.

...Зачѣмъ Савелій въ рабочій день вертится на мызѣ? грызло противъ воли ненавистное сомнѣніе. Саня былъ радехонекъ броситься въ экипажъ. Убѣжать отъ всего хоть на время— какъ-нибудь дѣйствовать!..

Въ комнатѣ больной время тянулось въ мучительномъ пассивномъ волненіи. Невозможно заставить несчастную умолкнуть— не удается привлечь къ себѣ ни на мигъ ея вниманія... Восторженный взоръ устремленъ въ невидимое...

Дина насильно схватывала бѣдныя, безпокойныя руки, нѣжно удерживала ихъ въ своихъ, покрывая поцѣлуями.

— Мамочка, ангелъ мой... не надо — отдохни! отдохни! — молила она отчаянно и напрасно.

Больная металась, сердилась, пока ее не выпускали на свободу,— къ этимъ страннымъ монотоннымъ, мучительнымъ движеніямъ... Рука точно раскачиваетъ что-то, мѣрно и плавно...

„Умретъ... навѣрное умретъ! съ такимъ лицомъ нельзя жить“,—мучилась Дина. И безобразная сцена, прерванная этимъ новымъ ужасомъ, сейчасъ же всколыхнется въ памяти: безъ словъ, одной душной чернотой кошмара... Сердце рванется отъ острой боли. „За меня!“

Дѣвушка хватала себя за голову, чтобы принудить собраться съ мыслями... Подумать... подумать... Нѣтъ, здѣсь не смѣешь думать! Нельзя думать ни о чемъ своемъ подъ эти раздирающіе могильные стоны.

..."Это она себя хоронитъ... мы убили!"

Можно только терзать себя, какъ можно больше и дольше—безпощаднѣе...

Къ ночи Саня привезъ изъ города доктора. Евгенія Петровна настаивала, чтобы больную завтра же перевезти въ больницу; она давала понять, что домашняя обстановка въ высшей степени вредна для нея.

Но Анна Петровна была знакомая, давнишняя паціентка, и старичокъ докторъ все настаивалъ на своемъ доводѣ: опасаться нечего—она будетъ тиха. Очевидно, онъ былъ того мнѣнія, что ни она другимъ, ни ей никто уже не можетъ причинить вреда. Однако, ему пришлось сдаться передъ настояніями независимой московской барыни, непринужденно сыпавшей именами медицинскихъ свѣтилъ всѣхъ національностей.

Евгенія Петровна и сама такъ потрясена всѣмъ случившимся, что ей необходимо предварительно отдохнуть и собраться съ силами, чтобы добраться до своего курорта. Было рѣшено, что больную отвезутъ въ городъ Лариса и Саня подъ охраной доктора, который былъ принужденъ остаться ночевать.

— А ты тутъ за мною поухаживаешь—tu me dois bien cela!—сказала тетушка ласково Динѣ, тронутая ея нѣмымъ отчаяніемъ.

Всѣ безпрекословно и даже съ облегченіемъ повиновались распоряженіямъ тети Жени, не исключая и Ларисы.

Поздно вечеромъ больная, наконецъ, заснула послѣ нѣсколькихъ пріемовъ лекарства. Старая Домна усѣлась на мѣстѣ Дины, а ей строго приказано отдохнуть нѣсколько часовъ.

Дѣвушка почувствовала, какъ она разбита только теперь, когда смолкъ, упорствуя и замирая, этотъ жалкій и страшный, безумный голосъ...

...Спать... нѣтъ, нѣтъ! Дина была увѣрена, что во снѣ все начнется сначала, весь ужасъ этого дня... И на яву—чуть забудешься—уже чудится: „со свя-тыми у-упо-кой"... Такъ явственно, что два раза она бросалась къ дверямъ: но за дверью та же гробовая тишина... Слышно, какъ кровь звенитъ въ ушахъ... А къ себѣ въ комнату вернулась и опять поютъ...

Дина закуталась въ платокъ и пошла въ садъ. Охватило живительнымъ ароматомъ свѣжей росистой ночи, зацвѣтающихъ травъ и молодой еще листвы; березками пахнетъ, точно въ Троицинъ день...

Въ мягкомъ сумракѣ такъ беззвучно, что слышенъ скрипъ собственныхъ шаговъ по песку. Темныя пятна на дорожкѣ вдругъ оживаютъ и неуклюжими прыжками спасаются въ траву: лягушки выбрались на охоту. Въ небѣ черезчуръ свѣтло, нѣтъ звѣздъ... Птицы уже отпѣли влюбленныя весеннія пѣсни. Тихо

совсѣмъ... Точно невидимыя свѣжія струи льются на пылающіе нервы.

Нѣсколько времени Дина шла скоро и ровно, прямо передъ собой. Безъ мыслей. Въ свободномъ безцѣльномъ движеніи разрѣшалось нервное напряженіе: мучительная скованность долгаго пассивнаго вниманія и потрясеніе внезапнаго удара, сгоняющаго всю энергію къ одному центру — обезжизнившаго тѣла... Она могла бы такъ идти долго, долго—безъ цѣли, безъ мысли, безъ усталости...

Сознаніе вернулось—какъ приходятъ въ себя отъ обморока.

Она сѣла на первую скамейку; и точно занавѣсъ взвился передъ умственнымъ взоромъ: она увидала поблѣднѣвшее лицо Ларисы близко, близко, съ сиплымъ крикомъ: „идите, Надежда Ивановна, развратничайте! позорьте дворянское имя!..“

...Хоть это самое ужасное—вершина всего—но что то властное въ ней самой, въ ея просвѣтлѣвшемъ умѣ, легко (почти даже безъ боли) отбросило сейчасъ же это безуміе. Безуміе — не опасность. Другое есть, другое... неизмѣримо болѣе важное—страшное!

„... *Онъ ужъ прошлое все лѣто, какъ собака, слѣдомъ за ней ходилъ...*“

...Эти слова слушаетъ Савелій... Съ лицомъ залитымъ слезами, тяжело прислонившись къ старому стволу. Онъ подкошенъ вѣстью, что она уѣдетъ. Проступаютъ, точно впечатлѣнія недавняго сна, еле уловимыя, нежданныя ощущенія утренняго разговора тамъ, на косогорѣ. Какая-то небывалая между ними, быстро выросшая неловкость... Отъ этой неловкости она спѣшитъ уйти поскорѣе... Смутно испуганная..

„...Полюбуйтесь сами по какимъ дорожкамъ благородныя барышни бѣгаютъ на свиданія съ деревенскими парнями!“

...Да, правда... похоже вѣдь на свиданіе! Никто этой тропочки не знаетъ... А!.. они это такъ думали, что никто не знаетъ! Пронюхали, выслѣдили шпіоны Ларисины...

...Притаился... Даже и ей словечкомъ не проговорился пока всей дорожки не проложилъ по водѣ, въ зыбкихъ зеленыхъ стѣнкахъ. Точно ребенокъ радовался!..

Въ скучномъ прозябаніи глухого угла Дину ждала восторженная преданность маленькаго полузабытаго товарища дѣтскихъ игръ. Съ первой минуты, въ самый день ея пріѣзда въ Зажоры, „Савка“ явился по праву требовать себѣ вниманія—и овладѣлъ имъ.

...И теперь, по мѣрѣ того какъ больше и больше наплываютъ привычныя ощущенія, на душѣ Дины яснѣетъ. Съ какой стати она такъ испугалось слѣпой злобы, слишкомъ знакомой

*

ей? Другіе—всякій справедливый человѣкъ долженъ понять, что могло быть только такъ: нельзя было Савелію позабыть ихъ дѣтскую дружбу. Для него въ этихъ воспоминаніяхъ сосредоточивались единственные проблески яркихъ и радостныхъ впечатлѣній. Нѣтъ, онъ за нихъ хватался, держался всѣми силами души—онъ ждалъ! Ему даже на умъ не приходило, чтобы его пріятели на мызѣ могли оттолкнуть его, отказались помочь.

Съ застѣнчивой улыбкой, подъ которой таилось гордое сознаніе мужественно выдержаннаго искуса, выложилъ Савелій передъ барышней грязную груду истрепанныхъ книжонокъ, которыя она, уѣзжая, подарила ему. Сказалъ только: „Вотъ-съ, всѣ тутъ. Теперь новенькихъ пожалуйте".

Четыре года назадъ... Совсѣмъ мальчуганъ еще онъ былъ, хоть они ровесники. Ее это такъ захватило живымъ, неожиданнымъ интересомъ, что разомъ слетѣло себялюбивое легкомысліе городской барышни, замкнутой въ узкія рамочки личной жизни. И потянуло дальше, дальше уже съ неудержимой силой... И съ каждымъ днемъ все стыднѣе становилось за свою и за чужую слѣпоту .. И разгоралась старая дѣтская вражда къ той, кто была живымъ воплощеніемъ недавняго прошлаго, съ его мрачными сторонами и со всѣми мелкими повадками,—уже не инстинктивная, а сознательная вражда.

Когда Дина припоминаетъ, какъ все это начиналось четыре года назадъ, она сама не можетъ надивиться на свою тогдашнюю отвагу и самонадѣянность: ничего то она не умѣла, не понимала...

Кажется, доведись теперь начинать такое же дѣло—шага одного не ступила бы!.. Тогда невѣдѣнье окрыляло всепобѣждающей энергіей. Школка постепенно разрослась съ четырехъ до двадцати учениковъ. Тутъ же, на дѣлѣ молоденькой учительницѣ приходилось вырабатывать всѣ свои пріемы и способы, увлекаясь и разочаровываясь попеременно. Теперь она видитъ свои ошибки, она успѣла сжиться съ чуждымъ тогда темнымъ міромъ... Совѣстно вспомнить ту первую восторженность! Въ Петербургъ къ Санѣ летѣли цѣлыя поэмы о феноменальныхъ, едва ли не геніальныхъ способностяхъ ихъ зажорскаго пріятеля. Стыдно вспомнить... но тогда сколько это придавало энергіи и радости и счастливой находчивости въ новомъ нелегкомъ трудѣ! Она давно узнала, что быстрый ростъ первыхъ, нерѣдко поразительныхъ успѣховъ доводитъ до такой черты, которая переходится уже съ трудомъ. Теперь она не такъ щедра на аттестаты.

Дина знаетъ чего желать своему любимцу, гордости школы: народный учитель — сѣятель. Изъ тѣхъ, которые сѣютъ не только крупицы знанія, но прививаютъ собственную пламенную

вѣру въ него, будятъ и въ другихъ жажду свѣта. Дина не думаетъ, что въ немъ она пробудила эту жажду—нѣтъ, она только поняла и освѣтила для него самого. По юности переоцѣнила на первыхъ порахъ... Что за бѣда! Онъ ничего не потерялъ отъ этого. Здѣсь, на дѣвственной цѣлинѣ, тщеславіе не выростаетъ само собой, какъ сорная трава рядомъ съ зерномъ; но слишкомъ легко глохнутъ безъ поддержки чахлые зачатки вѣры въ себя.

— Точно вы мою душу разбудили!—сказалъ Савелій.

Прошлой весной. Праздничный день былъ.

— А не задремлетъ опять душа твоя безъ меня?—пошутила Надежда Ивановна отъ смертной боязни взять черезчуръ высокій тонъ.

Онъ весь насторожился:

— Какъ это—безъ васъ! Что вы такое говорите? Да я рази отстану отъ васъ?! Стыдно бородачу съ ребятами на лавкѣ сидѣть—такъ вѣдь я не про то думалъ! „Не задремлетъ"... какъ это вы сказали то! или я вамъ и въ самомъ дѣлѣ ненадеженъ кажусь??

Но такимъ онъ ей казался надежнымъ въ ту минуту, такое чистое чувство радости вливалось въ душу отъ его словъ, что Дина невольно протянула ему руку.

— Не надо надежнѣе, Савелій! Друзья мы съ тобой—еще ребятишками друзьями были, правда?

Онъ взялся за протянутую руку и, забывшись, раскачивалъ изъ стороны въ сторону... И не отвѣтилъ ничего словами.

Кажется, что именно послѣ этого разговора они стали чаще сходиться у камышей. Не сговаривались. Въ обѣдъ старшіе полягутъ отдыхать. На косогорѣ всегда прохладно. Лежитъ Дина на травѣ, въ небо глядитъ или съ книгой. Ждетъ и не ждетъ. Коли не придетъ Савелій—ну, стало быть отецъ услалъ куда нибудь, а то придетъ непремѣнно. Прибѣжитъ чѣмъ-нибудь возбужденный, съ какими-нибудь вопросами, планами.

Безсознательно она пошла той же дорогой, которой рѣдко кто остережется: тянуть въ свою сторону, подсказывать собственные взгляды и требованія, безъ терпимости къ чужому.

...Надо ли жалѣть объ этомъ?

Легко думается ночью въ тихомъ душистомъ саду... Всей матеріальной тяжеловѣсности жизни точно нѣтъ и не будетъ. Умы и сердца поверхъ ея говорятъ другъ другу свою правду.

Дина не успѣла еще подумать о своемь, о томъ—что будетъ съ нею? Учительствовать гдѣ нибудь въ земской школѣ—не все ли равно! Ничего другого не можетъ быть и она не захочетъ. Будутъ новыя Анютки, Лизутки, Иваны и Савеліи...

Точно въ тискахъ держитъ мысль: какъ будетъ здѣсь безъ

нея? Здѣсь не одному Савелію придется плохо. За четыре версты не каждый день побѣжишь въ школу по морозу или въ распутицу—да и не примутъ взрослаго, для ребятъ школа.

...Не сдержала „наша барышня“ всего, что насулила—только поманила задаромъ! „Наскучило. Побаловалась—и полно“, именно такъ будутъ говорить враги школы. Знаетъ Дина, какъ разростается неискоренимая, нелѣпая деревенская сплетня: нѣтъ доводовъ, нѣтъ такихъ очевидностей, которыя могли бы потушить ее до корня, помѣшать гнѣздиться въ упрямыхъ темныхъ умахъ...

Хотѣлось громко стонать отъ унизительнаго чувства невольнаго обмана... Родныя онѣ сестры съ Ларисой Ивановной!—такое же неукротимое сердце бьется въ ея груди, не зная прощенія, такая же упрямая воля идти до конца, ни передъ чѣмъ не останавливаясь.

...Еслибъ можно было собрать всю деревню (всѣхъ—молодыхъ и старыхъ), предупредить, объяснить имъ, почему приходится закрыть школу. Чтобы не винили ее же, не коверкали по своему!.. Но только всѣмъ прямо въ глаза попрежнему глядѣть—знать, что нѣтъ ни крупицы правды въ томъ, о чемъ шушукаются Ларисины пріятельницы и прислужницы... Но вотъ... вотъ эта-то увѣренность и колеблется въ ея сердцѣ такъ мучительно!..

Передъ грозой, прорѣзывая зловѣщія тучи, проносятся съ крикомъ испуганныя птицы. Внезапныя сопоставленія, догадки мелькаютъ въ умѣ. Отогнанныя, онѣ оставляютъ тревожный слѣдъ.

...Крестьянскій парень—мужикъ полюбилъ барышню... Развѣ возможно?!.. Развѣ бывало такъ гдѣ-нибудь, когда-нибудь, съ какой-нибудь другой женщиной?.. Кто ей отвѣтитъ на это?..

Стоитъ сказать себѣ такими словами: называть его не Савеліемъ, а парнемъ и мужикомъ, называть себя не Надеждой Ивановной, а барышней—и вся угроза блѣднѣетъ. Сердце точно расколоться хочетъ отъ безсильнаго гнѣва...

Дина не замѣтила, какъ она очутилась у площадки передъ домомъ. Домъ выступалъ изъ полумрака сплошной темной массой; нигдѣ нѣтъ огня, всѣ давно спятъ.

..Неужели это было сегодня!?.. Она принесла Санѣ кружку молока, увела его на озеро. Вскочила чуть свѣтъ, радостная, что наконецъ, онъ пріѣхалъ, увѣренная въ его дружбѣ. Сегодня...

...Боже мой, что, что теперь думаетъ Саня?..

...Что онъ скажетъ ей?.. Что будетъ говорить деликатная тетя Женя!?

Стыдъ передъ своими теперь охватывалъ ее, точно раскаленными тисками. До сихъ поръ она только старалась разобраться въ самой себѣ...

Въ темнотѣ пронесся сдавленный стонъ безсилія.

Дина рванулась впередъ и неожиданно толкнулась ногой о земляныя ступеньки; но вмѣсто того, чтобъ подняться по нимъ на площадку, она опустилась на лѣсенку въ изнеможеніи, склонилась низко горячимъ лбомъ къ жесткому песку.

Но сейчасъ же она испуганно вскинулась...

...Шаги?.. Не можетъ быть! Идетъ кто-то отъ дома—да! Неужели къ ней?.. Шопотъ—или кровь звенитъ въ ушахъ?..

„...Не надо вставать—замѣтятъ", сообразила она и беззвучно сползла ниже, до послѣдней ступеньки.

— Кто тутъ есть?! Стонетъ будто кто-то?—спрашивалъ уже явственно тревожный шопотъ.

...Савелій!..

Хотя все время Дина о немъ думала — теперь ее охватилъ безсознательный, какой-то животный испугъ.

Савелій бросился по ступенькамъ, засыпая пескомъ ея платье.

— Надежда Ивановна... Господи! расшиблись вы?.. Да какъ вы такъ упали?! гдѣ-гдѣ?!..

Онъ топтался надъ нею, нагибаясь къ самому лицу, тронулъ рукой и вдругъ пошатнулся отъ неожиданнаго толчка: Дина, что было силы, оттолкнула его отъ себя и вскочила на ноги.

— Уходи сію минуту! прочь, прочь!—крикнула она, не помня себя, задыхаясь...

Савелій растерянно пятился.

— Господи Твоя воля... уйду я, уйду, не сердитесь! Что такое?.. Слышу, кто-то простоналъ, а вы тутъ лежите... Должно быть расшиблись, пощупайте хорошенько. Сгоряча вѣдь и не почувствуешь!..

Дина неслась отъ него по дорожкѣ, точно летѣла, не касаясь земли. Остановилась только въ концѣ аллеи, тяжело приходя въ себя... Кровь отхлынула отъ головы.

...Что это съ нею было!? Испугалась (такъ внезапно!), закричала на него... Нелѣпо, нелѣпо, такъ нельзя оставить! что онъ подумаетъ?!..

Она знала, что Савелій идетъ за ней. Когда онъ подошелъ, боязливо замедляя шаги, она вдругъ разомъ совсѣмъ успокоилась.

„О, какой все это безбожный, безбожный вздоръ!" подумала горячо.

— Ну, ну... иди ужъ!

Онъ кинулся со всѣхъ ногъ, заслышавъ въ голосѣ улыбку.

— Голубушка... Надежда Ивановна... да что такое?! Я весь помертвѣлъ даже, когда вы...

— Ну, да, да—хорошо ужъ!—перебила Дина.—Испугалъ. И не думала я вовсе стонать, съ чего это тебѣ примерещилось!

Просто на ступенькахъ сидѣла. Вдругъ человѣкъ полѣзъ на меня—какъ же тутъ не испугаться...

Но Савелій добросовѣстно защищался.

— Да съ чего бы я полѣзъ, кабы не услыхалъ?..

— Нѣтъ, ты самъ откуда взялся, ты вотъ что скажи мнѣ!—перебила Дина строго.—Что ты выдѣлываешь, Савелій?! Ночью... у насъ по саду бродишь—въ умѣ ли ты?!..

Онъ стоялъ передъ ней, понуря голову.

— Что-жъ... я вѣдь такъ и пообѣщался давеча... говорилъ, что приду. Да хорошо, что и пришелъ—кстати Ильѣ подсобить пришлось...

— А ночью?

— Что-жъ ночь... успѣю выспаться. Ишь у васъ бѣда какая! Надежда Ивановна, родная вы наша, все сердце за васъ изныло!.. Вы не убивайтесь такъ, Надежда Ивановна—доктора вылечатъ. Это у насъ горе—у васъ ото всего вылечатъ...

Онъ придвинулся ближе, робко пробуя коснуться ея руки.

— Нѣтъ, все-равно и у насъ. Отъ этого рѣдко когда вылечиваютъ.

Въ то время, какъ Дина говорила это суровымъ голосомъ—ей вдругъ со всею ясностью представилось, что Савелій непремѣнно узнаетъ про ихъ домашній скандалъ. Опять начало давить горло, точно сжимаетъ невидимая рука... Она рѣзко повернулась къ нему. Бѣлая рубаха проступала свѣтлымъ пятномъ; лица нельзя разглядѣть.

— Что дома-то скажешь? По какому случаю прогулялъ рабочій день?

— Ничего не скажу,—не сразу, точно нехотя, отвѣтилъ Савелій.

— Какъ это—ничего?

— Да я вѣдь не батракъ, мнѣ жалованья не платятъ. На себя работаю.

— Ты такъ отцу скажешь?

— И скажу. Я, Надежда Ивановна, тутъ... сидючи у васъ на лавочкѣ... я много думалъ. Я не боюсь...

Дина тихо, точно невольно, тронулась дальше по дорожкѣ.

— Что-жъ ты хорошаго надумалъ?..

Савелій тяжело вздохнулъ.

— Откуда хорошаго... гдѣ ужъ! Такъ... про себя думалъ. Я бы и вовсе домой не пошелъ, покамѣсть не узнаю... да, вишь, бѣда-то какая стряслась! Небось, сейчасъ вы и сами не знаете, что теперь будетъ...

Она не дала ему кончить:

— Н-ну! не знаю, какія ты умныя вещи придумалъ, а я

одно только знаю: сію минуту, съ этого самаго мѣста, ты отправишься домой и не покажешь глазъ на мызу до тѣхъ поръ, пока я не пошлю за тобой.

Она остановилась. Остановилась и темная тѣнь съ свѣтлымъ пятномъ.

„По какому праву я такъ говорю съ нимъ?.. Если онъ сейчасъ тоже думаетъ это"... мелькнуло неожиданно въ умѣ.

— Савелій...

— Коли вы велите, Надежда Ивановна, я уйду, сейчасъ уйду!.. А только завтра я опять приду... Въ городъ, сказывали, повезутъ, Лариса Ивановна поѣдетъ. Вы, стало быть, за хозяйку останетесь? Вы меня помогать возьмите..

Дина жестоко разсмѣялась.

— Недурно придумалъ, сидя на лавочкѣ!

Слышно, какъ онъ тяжело дышетъ—рѣдко и неровно.

— Помощниковъ мнѣ не нужно и за хозяйку я не останусь. Тетка нездорова—какъ мало-мальски поправится, мы и поѣдемъ вмѣстѣ. Ну, вотъ, больше тебѣ и узнавать нечего, такъ ужъ, пожалуйста, завтра выходи на работу, какъ добрые люди. Чтобы не говорили, что учительница сбиваетъ васъ лѣниться, да старикамъ грубить.

Отвѣта опять не было. Дина сдѣлала нѣсколько шаговъ, остановилась и договорила мягче:

— Не бойся, я не уѣду, не попрощавшись. Прощай пока, будь здоровъ.

Савелій и на это ничего не сказалъ.

Дина пошла, не останавливаясь. Она не знала, идетъ ли онъ за нею, или въ другую сторону, или стоять остался на томъ же мѣстѣ. Такъ сурово она никогда еще не говорила съ нимъ и испытывала отъ этого какое-то странное удовлетвореніе...

Въ ту минуту, когда Дина поднималась по землянымъ ступенькамъ на площадку, тамъ, гдѣ ее нашелъ Савелій —отъ дома явственно долетѣлъ стукъ затворившагося окна.

Дѣвушка замерла, какъ шла... Холодъ отвратительнымъ ощущеніемъ побѣжалъ по спинѣ...

Черезъ минуту она уже не знала навѣрное, было это на самомъ дѣлѣ или ей только померещилось?

VII.

Чуть свѣтъ въ домѣ поднялась суматоха поспѣшныхъ сборовъ.

Никто въ сущности не зналъ, что необходимо и чего не нужно; всѣ метались по дому, разыскивая другъ друга, чтобы

спросить, раздражаясь на другихъ и на собственное незнаніе. Лариса и Евгенія Петровна безъ конца спорили. Тетка настаивала на томъ, чтобы ничего не тащить въ городъ, потому что одежда полагается больничная. Но Ларисѣ почему-то именно эта подробность казалась особенно трагичной и она упрямо кричала, что ни за что этого „не допуститъ“.

Докторъ, плохо выспавшійся и злой на ненужную „бабью“ затѣю, демонстративно держался въ сторонѣ. Впереди ясно представлялись всѣ затрудненія, какія именно ему предстояло преодолѣвать.

Больная проснулась изнеможенная и притихшая послѣ тяжелаго насильственнаго сна; но суета и крики сейчасъ же опять взволновали ее. Натащивъ до самыхъ глазъ одѣяло, скорчившись въ маленькій комочекъ, она лежала неподвижно и только слѣдила блестящими подозрительными глазами; какъ только къ ней подходили, она начинала вся дрожать. Когда пришлось приступить къ одѣванью, она судорожно уцѣпилась за шею старой Домны и молила душу раздирающимъ воплемъ:

— Дину!.. маленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Дина стояла тутъ же, всѣхъ ближе къ ней, и тоже кричала, сама не сознавая, какія-то безсвязныя мольбы. Мать отталкивала ее и твердила свое:

— Маленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Евгеніи Петровнѣ казалось, что у нея нѣтъ силъ, чтобы подняться съ постели,—но на эти вопли она прибѣжала, не помня себя, полуодѣтая, старая и некрасивая, точно старшая сестра вчерашней элегантной красавицы.

— Докторъ, докторъ! помогите же намъ!.. Докторъ, скажите же, что̀ дѣлать?!..—взывала она каждую минуту, какъ будто у доктора въ карманѣ спрятаны всѣ возможности, никому другому недоступныя.

Его это бѣсило еще больше.

— А вотъ, не угодно ли-съ! Я вѣдь вамъ докладывалъ. Что же я могу — вѣдь не чудотворецъ! Позовите сюда Александра Ивановича—мы вдвоемъ будемъ держать, а вы одѣньте какъ-нибудь. Что же тутъ еще дѣлать!

Дина въ ужасѣ бросилась изъ комнаты отъ раздирающей картины насилія. А вслѣдъ ей неслись тѣ же отчаянные крики:

— Ма-аленькую Дину!.. маленькую Дину!..

Студентъ еще не вставалъ. Онъ не пустилъ ее къ себѣ.

— Тебя зовутъ!.. Докторъ—помочь тамъ надо—скорѣе, Саня, Бога ради!—объяснила Дина черезъ дверь.

Онъ ничего не отвѣтилъ. Черезъ минуту ей показалось, что уже прошло четверть часа. Она опять начала стучаться.

— Саня! Что же ты? Вѣдь необходимо—тебя ждутъ!

Пришлось повторить три раза, пока, наконецъ, дверь рванулась, и Саня стоялъ передъ нею съ краснымъ злымъ лицомъ, застегивая тужурку.

— Ты, кажется, думаешь, что я оглохъ? Что имъ отъ меня надо? вѣдь тамъ есть докторъ!

— Ахъ, Богъ мой... иди, когда зовутъ!

Она не могла выговорить, зачѣмъ его зовутъ.

Студентъ шагнулъ было по корридору, но вдругъ всей фигурой стремительно повернулся къ ней лицомъ, и она увидала, какъ у него запрыгала нижняя челюсть.

— Кто былъ съ тобой въ саду ночью?!...

...Окно! Она только теперь вспомнила...

— Впрочемъ, можете не отвѣчать! Не надо—мнѣ вѣдь стоило только шагнуть за окно!..

— Савелій былъ,—выговорила Дина твердо, ему вслѣдъ.

Онъ былъ уже далеко.

...О-о! Что за казнь произнести своимъ голосомъ то слово, которое не можетъ показать всей правды—можетъ только запечатлѣть вину!... Точно захлопнется навсегда единственный выходъ.

Въ первый разъ имя Савелія прозвучало въ ея ушахъ жутко и значительно. Прозвучало въ ея жизни.

. . . .

До самаго отъѣзда братъ ни разу больше не взглянулъ на нее, когда ихъ руки сталкивались за общимъ дѣломъ.

Тетя Женя послала его съ порученіемъ въ столовую, гдѣ Дина укладывала въ корзинку дорожную провизію. За эту корзинку всѣ по очереди принимались и бросали для какого-нибудь спѣшнаго дѣла: Лариса и Домна и Аннушка.

Саня на порогѣ отвернулся, точно онъ увидалъ что-то позади себя, и выговорилъ въ пространство:

— Докторъ велитъ уложить бутылку вина крѣпкаго.

Ушелъ сейчасъ же. Ему противно видѣть ее! Тогда, въ маминой комнатѣ, онъ не вѣрилъ Ларисѣ... Она тогда чувствовала, что Саня никому не повѣритъ.

Евгенія Петровна, попрежнему непричесанная и полуодѣтая подъ наброшенной накидкой, принуждена была усѣсться въ коляску. Больная не выпускала ее изъ судорожныхъ рукъ, съ ужасомъ молила не отдавать врагамъ. Всѣхъ она допрашивала, куда-куда заперли маленькую Дину?

Евгенія Петровна должна была клясться, что она отвезетъ ее къ себѣ въ Москву, что и Дина будетъ тамъ. Больная вдругъ вся просіяла и прильнула къ ея уху:

— Дина убѣжала?—прошептала она, и въ безумномъ взорѣ мелькнуло торжество.

Студентъ усѣлся пока на козлахъ, чтобы потомъ пересѣсть на мѣсто тетки.

Дина напрасно ждала, что хоть на прощанье поймаетъ его взглядъ. Точно магнитъ ее приковалъ къ его сумрачному лицу... Снизу, стоя у колеса, она вполголоса взволнованно просила не возвращаться домой, пока она не пріѣдетъ въ городъ. Лариса, вѣроятно, вернется—чтобы тамъ былъ кто-нибудь свой!

Онъ и на это ничего не сказалъ, не шевельнулся.

Докторъ терялъ терпѣнье. Въ послѣднюю минуту Лариса услала Палашку разыскивать еще какой-то платокъ „на всякій случай". Но въ коляскѣ не успѣли еще поспорить на счетъ того—„къ дождю или не къ дождю такъ паритъ съ самого утра", какъ Палашка уже вернулась съ платкомъ, мячикомъ прокатившись черезъ дворъ.

— Ахъ, Господи! Илья! да кто же у насъ садъ-то докоситъ безъ тебя?—вырвалась у Ларисы Ивановны одна изъ тѣхъ заботъ, безъ которыхъ истинный хозяинъ ни при какихъ обстоятельствахъ не можетъ покинуть своего дома.

— Рази Савелію не велите ли, Лариса Ивановна? Савелій и безъ того вчерась цѣльный день Ильѣ Иванычу подсоблялъ!—подвернулась сейчасъ же Палашка, уставившись наивно-наглыми глазками въ озабоченное лицо своей барышни.

— Трогай, трогай живѣе!—крикнулъ кто-то сердито кучеру, и коляска тяжело качнулась своимъ старымъ кузовомъ.

Дина слышала слова, но не поняла чей голосъ ихъ сказалъ. Саня усмѣхнулся: не шевельнулся, не перевелъ глазъ—только усмѣхнулся... Для нея усмѣхнулся...

Дина должна была пойти вслѣдъ за коляской, чтобы проводить домой тетю Женю отъ поворота. Все вылетѣло у нея изъ памяти; она стояла и смотрѣла вслѣдъ...

Коляска показалась еще разъ изъ-за длиннаго зданія амбара, на нѣкоторое время заслонившаго дорогу.

...Докторъ снимаетъ шляпу, машетъ ею...

Дина испугалась, не поняла сразу, что это докторъ ее увидѣлъ и прощается въ послѣдній разъ. Она съ ужасомъ прислушивалась: нѣтъ, никакихъ криковъ не слышно. Саня, вытянувшись, сидитъ на козлахъ, не оглядываясь... Не видно больше! Изрѣдка только среди тишины доносится погромыхиваніе стараго экипажа на мягкой дорогѣ.

Вдругъ Дина замѣтила, что она не одна на дворѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ стоитъ Палашка и, тоже забывшись, любопытно выжидаетъ чего-то.

...А-а!.. Стало быть, Палашка не спроста,—нарочно подслужилась про Савелія!..

Дина безсознательно сдѣлала два шага, и дѣвчонка бросилась бѣжать, головой впередъ.

...О! что за гадость, гадость!...

Но сейчасъ же Дина обуздала себя: нѣтъ, нѣтъ, не надо поддаваться негодованію—ничему своему не надо... И безъ того все время она мучилась Саней, почти и не почувствовала, что это были послѣднія минуты... можетъ быть, самыя послѣднія!—никогда больше, быть можетъ, она не увидитъ несчастную мамочку...

Дѣвушка пошла въ комнату матери.

Тамъ старая Домна уже приводила не спѣша все въ порядокъ; бродила тяжело взадъ и впередъ на слабыхъ ногахъ стараго существа, сраженнаго горемъ и усталостью.

Дина остановилась у двери, прислонилась головой къ притолкѣ и смотрѣла въ эту странную, любимую комнату, гдѣ все такъ гармонировало съ хрупкимъ созданіемъ, исполненнымъ какой-то больной поэзіи... Поэзіи таинственнаго страданія—свершившейся судьбы... Чего мы не знаемъ такъ, какъ оно было въ дѣйствительности, и невольно сами создаемъ изъ намековъ и догадокъ... Что-то смутное и волнующее... Здѣсь она жила цѣлые годы, безнадежно оторванная отъ жизни.

Не будетъ больше жить.

И милой комнаты не будетъ! Домна съ сосредоточеннымъ видомъ каждую вещицу бережно ставитъ на извѣстное мѣсто. Домнѣ это кажется важнымъ, полнымъ смысла. Никто другой этого дѣлать не станетъ. Все здѣсь сразу превратится въ старый ненужный хламъ...

Дина вспомнила, какъ однажды мать горько проплакала цѣлый день, когда котенокъ, играя, столкнулъ съ полки большую фарфоровую чашку съ остатками стершагося узора. Она попробовала было подтрунить надъ мамочкой, чтобы положить конецъ трагедіи, но та взглянула на нее съ такимъ гнѣвомъ, какого никогда еще ея любимица не видала въ этихъ нѣжныхъ глазахъ.

Оказалось, что эту чашку Анна Петровна привезла въ подарокъ свекру, когда молодые въ первый разъ пріѣхали въ Зажоры. Необузданному самодуру, передъ которымъ все трепетало, сразу полюбился и скромный подарокъ, и кроткая молоденькая невѣстка... Вотъ именно здѣсь таится, какая-то ужасная драма въ жизни матери... Никто изъ старшихъ не хотѣлъ разсказать ее Динѣ...

...Не здѣсь ли источникъ неизмѣнной, подчасъ самоотверженной нѣжности избалованной счастливицы, тети Жени, къ ея не-

счастной сестрѣ?.. Можетъ быть, на ея совѣсти тяготѣетъ какая-то легкомысленная вина или несчастная случайность?..

Тайны чужой жизни! Много ли мы прозрѣваемъ въ нихъ истиннаго даже и тогда, когда оголенные факты беззащитно всѣмъ мечутся въ глаза?..

Что остается отъ красы букета, когда поблекли яркіе благовонные лепестки?.. Жизнь выдыхается, осыпается...

Въ потрясенномъ организмѣ какъ будто задержанъ былъ естественный процессъ. Дѣйствительность безсильна передъ грезой—безсильна именно та всесокрушающая обыденность, что, какъ непрерывное треніе о жесткую поверхность, стираетъ выпуклости. Тихую мечтательницу заставляло очнуться, пробуждало отъ грезы для жизни только какое-нибудь страданіе.

— Няня... не вернется наша мамочка... какъ ты думаешь?..— сказала Дина, и глаза ея наполнились слезами.

— Смиловался судья праведный!—выговорила тихо Домна.

— Какъ ты можешь такъ говорить!

— А что сказать-то? Никому знать не дано, когда нашимъ грѣхамъ положится отпущеніе.

— Такъ ты думаешь, что живутъ *за грѣхи!?*

Домна помолчала съ минуту.

— Всяко живутъ. Коли грѣхъ жизнь одолитъ, стало быть, за грѣхъ.

„Интересно—много ли она сама понимаетъ въ этомъ?" думала Дина: „и какъ ужасно жестоко: страдаешь—стало быть, виноватъ!"

— Мы всѣ, навѣрное, въ сто разъ грѣшнѣе ея!—сказала она съ негодованіемъ.

Старуха внимательно и долго поглядѣла ей въ лицо.

— Такая ангельская кротость! Мама всегда такая была, вѣдь правда?

Домна покачала головой. Въ темномъ лицѣ проступало умиленіе.

— Теперь-то иной разъ и пожалится... покапризничаетъ... Отъ болѣзни томится. Прежде такая ли была: словно тихій мѣсяцъ надъ домомъ стоялъ.

Дина глухо зарыдала, припавъ головой къ стѣнѣ.

— И по писанію праведники грѣшниковъ искупаютъ. Грѣхъ родительскій, сказано, до седьмого колѣна взыщется...

„...Боже мой... Навѣрное, она и маму такъ же утѣшала!"

...Но, противъ воли, что-то зловѣщее звучало въ суевѣрныхъ рѣчахъ... Точно неумолимая сила и ее, своевольную, хотѣвшую свободы, не вѣрящую въ грѣхъ и искупленіе,—и ее пріобщала къ чему-то смутному, для всѣхъ одинаковому, неотвратимому...

Динѣ всегда хотѣлось поговорить о матери съ Домной: старуха одна должна знать все. Теперь она больше не хотѣла спрашивать. Нѣтъ, не надо, не надо ничего узнавать! Пусть „тихій мѣсяцъ“ закатится, ничѣмъ не затемненный для маленькой Дины, любимицы

И негодованіе на Домну стихло. Пускай для нея страданіе — только искупленіе грѣха; это не мѣшало ей на дѣлѣ оставаться самымъ вѣрнымъ другомъ, когда всѣхъ другихъ—дѣтей родныхъ—жизнь увлекала своимъ путемъ. Одна Домна няньчила больную, какъ малаго ребенка.

— И для чего это Евгеніи Петровнѣ понадобилось? Ѣхала бы себѣ съ Богомъ, куда ей хочется, никто бы съ нея ничего не спросилъ,—проговорила неожиданно старуха, принимаясь снова за свою метелку.

Дина не поняла сразу, что у нея въ мысляхъ.

— Тетя?.. Да вѣдь она только до поворота сѣла... Ахъ, Господи! Я вѣдь совсѣмъ забыла про нее! Какъ же это она одна домой доберется...

— Небось... Коли надо, также добѣжитъ не хуже другого. Баловство одно. Я и сама знаю, что до поворота,—а для чего въ городъ-то потащили, дома помереть не дали спокойно? И вы съ сестрицей тоже отлично себя показали:.. когда изъ-за пустяковъ какихъ-нибудь не сговоришь, а тутъ отъ родной матери сразу всѣ такъ и отступились: на, молъ, голубушка, распоряжайся, какъ только тебѣ надобно!

Дина слушала, вся красная, испуганно расширивъ глаза.

— Домна... Домна, милая, что ты, Господь съ тобой! Ее же лечить нужно—какъ же здѣсь...

— Ничего ей не нужно, ничего! Успокоилась бы черезъ малое время, коли нѣтъ на то воли Господней. Никто другой, какъ я, за ней ходить стала бы, такъ я не боюсь, меня она стала бы слушаться...

Дина невольно бросилась къ ней; слезы опять душили ее. Но Домнѣ объятія рѣшительно не понравились; она очутилась на другомъ концѣ комнаты, и пестрая метелка заходила ходуномъ въ коричневыхъ рукахъ.

— Съ глазъ-то долой—сердцу легче.

...Про кого она это?! Боже мой, неужели мнѣ говоритъ? Всѣмъ, всѣмъ...

— Я останусь жить въ городѣ, пока мамѣ не станетъ лучше!— сказала она поспѣшно.

Домна покосилась недовѣрчиво.

— А денегъ откудова возьмете? Больница-то ваша, небось,

въ копѣечку станетъ. Также походите съ недѣльку и все... Нечего вамъ дѣлать въ городѣ.

— Здѣсь мнѣ тоже нечего дѣлать!

Нянька подошла ближе своей грузной походкой, отъ которой дрожали старыя половицы.

— А ты къ тетенькѣ въ Москву погостить съѣзди... право ну! Людей посмотрѣть да себя показать. Что ужъ это за житье для тебя съ мужичьемъ?.. Потрудилась около нихъ достатошно. Теперь-то ужъ и вовсе... Поѣзжай, поѣзжай, умница, послушай старую Домну. Не у чего тебѣ тутъ на съѣденье ей оставаться! Бога не боится, Лариса Ивановна... Съ ней не совладаешь, Динушка, брось лучше. Плюнь да отойди. Евгенія Петровна, она суматошная, а сердцемъ не злая. Она тебѣ пріютъ должна оказать... на это ты не гляди. Должна! Ужъ я тебѣ вѣрно говорю.

Дѣвушка разсмѣялась рѣжущимъ смѣхомъ, въ которомъ звенѣли слезы обиды.

— Спасибо, Домнушка, а какъ будто мнѣ въ пріютъ рановато еще! Обо мнѣ не заботься—буду жить, какъ сама захочу, тетушку съ сестрицей не буду спрашивать.

Старуха печально затрясла головой. Хоть не понимала, но привычное ухо ловило знакомые звуки самовластія, хорошо знакомые Зажоромъ.

— Такъ, такъ... Охъ, спрашиваться-то у насъ никто не охотникъ! Затѣяла на грѣхъ, никого не послушалась... У добрыхъ-то людей кто всѣхъ младше, тотъ чужого ума слушаетъ. Вотъ и дождалась теперь!

— Чего же я дождалась, чего?!.. Говори—не бойся!

— Мнѣ нечего бояться, коли я Бога боюсь. И скажу, не егози. Срама дождалась, за свои же за труды—вотъ чего. Да, ну ихъ всѣхъ къ лѣшему! Прости меня, Господи. Поживи у тетки, Динушка, развесели себя сколько-нибудь. Чай, ты барышня, а не крестьянская дѣвка, никто тебѣ велѣлъ, платочкомъ накрывшись, бѣгать... Ну, ну, не пыли! Я-то вѣдь знаю, что ты это отъ добраго сердца. Отъ скуки.

Дина противъ воли разсмѣялась неожиданному выводу.

— Ну, что-жъ, няня! Я въ платочекъ наряжаюсь отъ скуки, а зажорскіе ребята отъ того грамотными стали. Будто ужъ это такъ плохо? Ты по своему, по-крестьянски разсуди. Школа-то, гдѣ она у насъ?...

Домна махнула рукой.

— Такъ нешто я не понимаю! Подняли твои-то, небось вой, словно по покойнику.

— Да!?

— Должны за тебя вѣкъ свой Бога молить. Вонъ, крестникъ мой сейчасъ приказчикъ хоть куда!

— Приказчикъ?! Савелій?.. Это чтобы такой человѣкъ въ приказчики пошелъ?!—восклицала дѣвушка въ невѣроятномъ негодованіи.

— Да что ты, что ты это и въ самомъ дѣлѣ?.. Да отецъ ему ужъ и мѣсто въ городѣ сыскалъ... Помалкиваетъ только старикъ до времени... Себѣ на умѣ...

Домна незнала какъ и отвѣчать, когда Дина взволнованно накинулась ее допрашивать. Ѣздилъ больше тому полмѣсяца старикъ въ городъ, тамъ у него кумъ въ сидѣльцахъ у хорошаго хозяина... Сладились на осень. Ничего больше она не знала.

— И всякій скажетъ что ладно! Умникъ-то ея вовсе отъ рукъ дома отбился. Ничего—пусть маленько около чужихъ людей обломается, авось своя чернота милѣй покажется. Ничего, не въ рекруты сдадутъ!

Подъ эти монотонныя сентенціи барышня, точно угорѣлая, бѣгала по комнатѣ большими шагами.

— Не будетъ этого! Никогда, никогда этому не бывать! Не для того я Савелія учила, чтобы вы изъ него мошенника сдѣлали... Ха!..

Старуха пятилась отъ нея, ошеломленная такимъ пыломъ.

— Ахъ, ты Создатель-Батюшка... да ты-то тутъ что? мать родная, что ли?.. тебя, что ли, теперь спрашиваться должны?!.

Но ее уже ломало нестерпимое внутреннее напряженіе, головокружительный вихрь мыслей вспыльчивыхъ натуръ: когда исчезала всякая возможность взвѣшивать слова, остановиться во время... Когда она точно летитъ впередъ въ слѣпомъ стремленіи дать выходъ тому, что клокочетъ внутри—и чѣмъ слова безразсуднѣе, тѣмъ острѣе и сладостнѣе ощущеніе освобожденія.

— Да, да!.. я не позволю — я! Спроситъ меня, будьте покойны! Не сидѣльцемъ лабазнымъ будетъ твой крестникъ, безразсудная ты старуха — учителемъ будетъ! Понимаешь ты это?.. Другихъ людьми дѣлать, такихъ же темныхъ, какимъ самъ былъ. Не потянете вы его назадъ, нѣтъ, нѣтъ!.. Не надѣйтесь...

Она вся дрожала и съ облегченіемъ провела рукой по влажному лбу.

„А я уѣхать должна черезъ два, три дня! Сошлось все вмѣстѣ!..Минуты терять нельзя... Повидать его сейчасъ же...“

При всемъ волненіи она чувствовала облегченіе—точно вдругъ дверь распахнулась на просторъ изъ душной тѣсноты. Все сразу стало ясно, опредѣленно, нѣтъ больше мѣста колебаніямъ.

Ясно, что нельзя позволить исковеркать всю судьбу Савелія, и что кромѣ нея онъ ни въ комъ не найдетъ поддержки. И въ

то же время ярко, какъ никогда раньше, въ умѣ ея прошло сознаніе его невыдержанности и великой неопытности... Безъ гнѣва, безъ укоризны; съ той трезвой терпимостью, какая является въ рѣшительныя минуты, когда уже ни на что побочное тратить силъ нельзя. Въ такія минуты всѣ цѣли сами собой намѣчаются безошибочно.

Изъ-за всей смуты, поднятой въ душѣ чужимъ грубымъ вмѣшательствомъ, опять она ощутила живо свою безграничную власть надъ этой пробужденной душой. И, какъ всегда, ощущеніе это вызывало подъемъ энергіи—энергіи, какъ будто раненой тревожнымъ чувствомъ неисходной отвѣтственности.

Необходимо сейчасъ повидать Савелія... Не такъ-то оно легко, однакожъ! Разговоръ въ саду промелькнулъ въ памяти поблекшій; теперь ея собственное строгое запрещеніе показываться на мызѣ стояло на пути досадной помѣхой...

Дина озабоченно направилась къ двери.

Тихій мѣсяцъ закатился.

Маленькая Дина уже захвачена всецѣло новыми живыми тревогами...

VIII.

Евгенія Петровна сдѣлала племянницѣ бурную сцену.

...Бросили одну на большой дорогѣ, зная, какъ ей трудно ходить! Теперь она панически боялась слечь больной въ Зажорахъ; ей казалось, что она погружается все больше и больше въ какую-то пучину грубости и самыхъ неправдоподобныхъ несчастій... Еще разъ она раскаивалась въ своемъ великодушіи, тѣмъ болѣе, что и пользы оно никому не принесло. О, конечно, еслибъ она могла подозрѣвать въ чемъ дѣло, она не подумала бы вмѣшаться въ подобную исторію.

— Ça n'a pas de nom ce qu'elle raconte là, mais... pas de fumée sans flamme!..

Подъ вліяніемъ обиды, брезгливость изящной женщины уступала мѣсто злорадному любопытству: посмотрѣть, какъ будетъ выпутываться изъ положенія (comment se tirerait d'affaire) эта самонадѣянная барышня...

Однако, привычное чувство самобереженія все-таки взяло верхъ; послѣ всего, что пришлось выносить здѣсь ея нервамъ, было бы сущимъ безразсудствомъ напрашиваться на новыя волненія... Se reconforter d'abord — попытаться хоть уснуть до обѣда... Всего лучше дѣйствуетъ въ такихъ случаяхъ теплая ванна—но въ этой дичи развѣ можетъ быть рѣчь о какомъ-нибудь комфортѣ! И это

люди у себя, цѣлый вѣкъ живутъ на одномъ мѣстѣ... А-а!.. точно существа какой-то другой породы! Бѣжать, бѣжать скорѣе...

Тетушка отпустила Дину, холодно предупредивъ, что будетъ имѣть съ нею серьезный разговоръ, какъ только немного соберется съ силами.

. . . .

„Ну, кажется, можно не опасаться, чтобы тетушка стала звать жить къ себѣ въ Москву!“ думала иронически дѣвушка, вспомнивъ наивныя уговариванія старой Домны.

Дина почти бѣжала къ себѣ, полной грудью вдыхая непривычную свободу остаться въ домѣ одной; но все-таки она еще не видѣла способа, какъ ей сейчасъ повидаться съ Савеліемъ.

Въ другое время, не задумываясь, прошла бы камышами въ деревню и тамъ послала бы за нимъ перваго попавшагося мальчугана. Она обыкновенно знала все, что дѣлается у нихъ въ семьѣ; но въ послѣднее время было не до того, чтобы интересоваться мелочами, и сейчасъ Дина плохо соображала какія должны быть очередныя работы.

...А главное, въ деревнѣ самой показываться не охота...

Это ощущеніе вполнѣ опредѣленное... И глухое негодованіе на себя за него... Что она—стыдится? или боится?.. Чего?!.

Войдя къ себѣ въ комнату, Дина сейчасъ же увидала, что на столѣ передъ окошкомъ бѣлѣется какая-то бумажка: четвертушка писчей бумаги съ заложенными концами; безъ всякой надписи.

Возмущеніе полетѣло вверхъ, какъ ртуть въ градусникѣ, который сунули въ горячую воду... Письмо!..

„Надежда Ивановна! неужели вы такъ и не сжалитесь надо мною? Я точно какъ слѣпой мучаюсь. Не на то я ропщу, что вы сердитесь на меня: ну, стало быть, я виноватъ, прогнѣвилъ васъ, значитъ не стою лучше... Да только, откудова же я узнать могу, что дома у васъ случилось? Точно вдругъ громъ изъ неба—уѣзжаете вы, и все... Говорятъ, на васъ одну вся семья навалилась, оттого будто и съ барыней бѣда случилась... Ну, стало быть, изъ-за насъ все это—за школу! Не дуракъ же я, чтобы столько не разобрать! Такъ какъ же это стерпѣть, что за всю вашу доброту, за добро какое дѣлаете, вы же сами страдать должны... Да мы и всѣ-то, сколько насъ есть, того не стоимъ!

„Ради Господа, не гоните меня, простите за вчерашнее, коли моей мочи не было усидѣть дома, ничего не знать... Коли вы уѣдете—все мое счастье кончается, знаете сами. Даже и о томъ, что будетъ, силы нѣтъ подумать, какъ надо — не знаю ничего! Знаю только что нѣтъ мнѣ жизни безъ васъ. Вашъ вѣрный Савелій“.

*

Вся кровь гудѣла и звенѣла у нея въ головѣ.

...Безподобно! Взять вотъ сейчасъ письмецо, да и представить его тетушкѣ Евгеніи Петровнѣ вмѣсто всякихъ „серьезныхъ объясненій!“

Ее охватилъ такой же страстный взрывъ гнѣва, какъ ночью въ саду при внезапномъ появленіи Савелія. Она изорвала бумажку въ мелкіе клочки.

„Ничего, любезный, я тебя сразу укорочу! Будетъ о чемъ поважнѣе горевать безъ всякихъ сантиментальностей!“ думала она жестко. Такъ жестко, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ ей ни чуточки не жаль его... Не только за какія-то неумѣстныя волненія о ней не жаль, нѣтъ, и за то, чего онъ самъ пока еще не знаетъ, за опасность, что вся судьба его можетъ быть непоправимо исковеркана. Напротивъ, хотѣлось какъ можно скорѣе объявить ему объ этомъ—поставить на настоящее мѣсто...

...Скажите на милость—теперь онъ еще письма отчаянныя сочинять вздумалъ!

Градусникъ все поднимался. Взяло верхъ что-то наносное, чужое... Не изъ ея разума, не изъ ея сердца выливается оно—нѣтъ, какъ тина выкинуто мутнымъ потокомъ, куда ее внезапно толкнули. Тина, темная, липкая, осталась на ней... Естественная тревога, вызванная неожиданнымъ сообщеніемъ Домны, заглушена острыми подновленными уколами послѣдняго столкновенія съ тетушкой...

Теперь ужъ и сомнѣнія не могло быть, что этотъ безумецъ бродитъ гдѣ нибудь около мызы. Дина взяла зонтикъ, для того чтобы ее легче было увидѣть, и пошла садомъ. Шла, прислушиваясь и оглядываясь — не слѣдитъ ли за нею кто нибудь... Палашка негодница! Ее кидало въ жаръ и она шла все скорѣе, точно спѣшила на расправу.

Въ саду никого не встрѣтила. Вышла черезъ заднюю калитку на дорогу; поглядѣла въ залитое зноемъ поле, на блестѣвшее вдали озеро и не знала, что ей предпринять дальше... Ужъ не воображлетъ ли Савелій, что она по его письму явиться къ камышамъ?.. Конечно, воображаетъ! Вѣдь онъ не знаетъ, что она навсегда не можетъ больше слышать этого слова безъ отвращенія...

Дина разсердилась сильнѣе отъ собственныхъ мыслей, круто повернулась и пошла назадъ къ саду; но въ ту же минуту послышалось что за нею бѣгутъ.

Странно: всегда, какъ бы она ни была раздражена противъ Савелія, первый брошеный на него взглядъ ее обезоруживаетъ. Весь онъ въ дѣйствительности оказывается гораздо привлекательнѣе, чѣмъ въ воображеніи, когда она думаетъ объ немъ...

Думать нельзя только о томъ, что видятъ глаза, что входитъ въ слухъ, доходитъ до сердца, волнуетъ его... Въ мысляхъ это ощущаемое, профильтрованное сквозь собственныя чувства неудержимо заслоняется отвлеченнымъ образомъ *мужика*. Существа, скрывающагося въ обособленномъ мірѣ, гдѣ медленно, тяжело—страшно медленно и страшно тяжело—вращается, не двигаясь съ мѣста, намъ чуждая его жизнь... И то, что эту жизнь Дина знаетъ во всѣхъ ея внѣшнихъ подробностяхъ, все-таки не дѣлаетъ ее ни на іоту менѣе чужой... И то, что Савелій близокъ ей съ дѣтства, что онъ ученикъ ея, что она такъ долго ужъ усиливается перелить въ его умъ всѣ свои знанія и понятія—почему-то даже и это не можетъ совершенно высвободить его изъ чуждаго, заслоняющаго его отъ нея міра деревни...

И каждый разъ снова Дина ждетъ, когда увидитъ его, почувствовать въ немъ это чужое, отталкивающее ее въ мысляхъ. Но въ дѣйствительности бываетъ всегда иначе, она другое видитъ: видитъ быстро растущее, полусознательное, полубезотчетное стремленіе, тяготѣніе всего его существа къ ней, къ ея міру—къ человѣческому міру—къ сліянію съ нимъ. Непосредственное впечатлѣніе сразу приближаетъ Савелія къ ней, стираетъ разъединяющую работу ея ума, когда они не вмѣстѣ.

Изъ поразительно чистыхъ голубыхъ глазъ подъ соболиными бровями на нее глядитъ трепетная человѣческая душа, вся въ броженіи, вся въ порывѣ—туда, куда она укажетъ! Съ нѣкоторыхъ поръ для Дины каждая встрѣча начинается такими сложными ощущеніями; но въ послѣдніе дни каждому ощущенію приходится выбиваться изъ-подъ ѣдкаго осадка оскорбленій, изъ-подъ липкой тины чужихъ нечистыхъ помысловъ...

Своими зоркими глазами Савелій сейчасъ же уловилъ гнѣвъ во всей ея фигурѣ; онъ смущенно замедлялъ шаги.

„Набѣдилъ и труситъ .. трусишка!" вспылила окончательно Дина.

— Н-ну-съ! какъ же это происходило? Ты самъ пожаловалъ въ мою комнату? или передалъ Аннушкѣ свое посланіе?..

Она заговорила сейчасъ же, не дала ему подойти, чтобы поздороваться. Савелій невольно попятился передъ неожиданнымъ нападеніемъ.

— Господи... какъ это вы такъ шутите! Съ ума еще не сошелъ, Богъ милуетъ... Изъ сада—окошко у васъ отворено... Я такъ и боялся, что вы разсердитесь!..

— А-а!.. ты все-таки боялся!

Но вдругъ Савелій смѣло шагнулъ къ ней ближе; голосъ его, точно сорвавшись, зазвенѣлъ въ горячемъ воздухѣ.

— Какъ мнѣ не бояться-то, коли вы все только сердитесь!?

Ума не приложу, что такое? Чѣмъ я такъ провинился, что и самъ знать не знаю. Думалъ, думалъ... глазъ всю ночь не завелъ. Рази вы прежде такая были?!..

Отъ собственнаго волненія ему не до того, чтобы выслѣдить первую дрожь смущенія въ ея лицѣ. Онъ тяжело взмахнулъ обѣими руками и уронилъ ихъ вдоль тѣла.

— Да... это что! Это я долженъ стерпѣть, понимаю —нѣтъ ли. А какъ мнѣ узнать про то, что дома у васъ приключилось... вотъ мое горе! Сказать не хотите—съ глазъ гоните, такъ, стало быть, изъ-за насъ терпите. Школа наша...

Надежда Ивановна отвернувшись смотрѣла на озеро, точно она невѣсть что тамъ завидѣла. Они стояли у дороги, на виду. Черезъ минуту Дина повернулась къ нему.

— Вотъ что, Савелій... мнѣ необходимо сказать тебѣ очень важное... Затѣмъ и шла. Сейчасъ надо. Зайдемъ, что ли, въ школу, тамъ можно въ сѣнцахъ посидѣть...

Это только сейчасъ пришло ей въ голову—и, не взглянувъ на него, обрадованная, что придумала, дѣвушка поспѣшно направилась къ флигелю. Рощей можно пройти къ заднему крыльцу, какъ пробирались ея ученики, чтобы на чистомъ дворѣ не попадаться на глаза Ларисѣ Ивановнѣ.

Сѣни во флигелѣ не заперты, потому что двѣ молодыя работницы выпросились спать тамъ въ каникулы.

Въ довольно большой низкой комнатѣ стоялъ бѣлый длинный столъ и нѣсколько скамеекъ. Старенькій шкафъ, для простора внесеный сюда изъ классной комнаты, запертъ у Дины на ключъ. Большое окно съ мелкимъ переплетомъ ветхой, почернѣвшей рамы, все запыленое, затянутое по угламъ паутиной, пропускало унылый свѣтъ. Снаружи его еще больше затѣнили какіе то большіе, разросшіеся кусты.

Со свойственнымъ русскому человѣку и въ особенности русской простой женщинѣ пренебреженіемъ къ собственной личности, случайныя обитательницы этой комнаты ровно ничѣмъ не обнаруживали своего присутствія: все оставалось въ такомъ же видѣ, какъ было въ послѣдній учебный день. Нигдѣ не видно хотя бы самыхъ примитивныхъ приспособленій необходимаго удобства, кромѣ свернутой на сундучкѣ за шкафомъ постели съ набросаннымъ на ней тряпьемъ. Застоявшійся воздухъ; пыль на столѣ и скамьяхъ.

Дина прошла прямо къ окну. Оно, очевидно, ни разу не открывалось съ того дня, когда здѣсь, словно растревоженный улій, гудѣли школьники; когда она до послѣдней минуты внушала, твердила, что-то вписывала въ тетрадки, что-то отмѣчала въ книжкахъ, нагнувшись надъ этимъ бѣлымъ столомъ.

...И не побывала здѣсь съ тѣхъ поръ! Сердце сжалось тоскливымъ ощущеніемъ навсегда отжитой полосы жизни.

— Тоже живутъ... по-свински!— ворчалъ сквозь зубы Савелій, оглядываясь, не найдется ли чѣмъ пыль смахнуть со скамейки, въ то время какъ Дина съ усиліемъ раздвигала тяжелую раму.—Ишь—даже окошка разу не открыли! Небось, повалятся спать, какъ были, въ одежѣ... Чуть свѣтъ на работу, въ кадкѣ гдѣ нибудь на дворѣ сполоснутъ глаза, и ладно... Этакъ то и у собаки конура есть! А вотъ, небось, чуть только кто почище около себя привыкнетъ, сейчасъ и бариномъ прозовутъ, на это ума хватаетъ!..

Надежда Ивановна повернулась къ нему отъ окна и спросила, не возвышая голоса:

— Ну, а тебя, Савелій, какъ прозвали? Въ рабочую пору, прибравшись словно на ярмарку, безъ дѣла слоняешься цѣлыми днями.

Онъ вспыхнулъ, блеснувъ глазами.

— Мнѣ наплевать, какъ они меня ни зови!

— Однако... Отецъ неужели ни слова не говоритъ тебѣ?

— Никакъ вы, Надежда Ивановна, строже отца съ матерью хотите быть!—усмѣхнулся онъ съ горечью.—Рабочую пору всякій дуракъ понимаетъ, не хитро... Лѣнтяемъ, слава Богу, еще не бывалъ... Вы мнѣ велѣли лѣто отработать, виду не показывать—такъ развѣ это было когда, чтобы я васъ ослушался своей волей!?.

Голосъ напрягался сильнѣе съ каждымъ словомъ. Страстный упрекъ выливался въ его рѣчи—отдѣльный отъ словъ...

...Сколько ужъ времени разговариваютъ, а весь ея гнѣвъ и пробиться неможетъ—встрѣчнымъ потокомъ точно смываетъ все наносное...

Дина порывисто двинула отъ стола скамейку и сѣла, поставивъ локти на столъ. Строгія брови опустились еще суровѣе.

— Вы на меня, точно какъ на маленькаго, сердитесь. Ну, пришелъ, не послушался приказу! Ну, стало быть, не могъ не придти! Стало быть, не чужое оно мнѣ, коли я... я...

Дина шумно поднялась опять на ноги.

— Отлично! вы и всегда такъ же разсуждаете, Савелій Алексѣевичъ?.. Сдѣлалъ—стало быть, не могъ не сдѣлать—только и всего!

Въ горящемъ взорѣ, полномъ страданія, что то мерцало... и потухало... Странно смотрѣли его глаза на Дину съ побѣлѣвшаго лица.

Захваченные жуткимъ любопытствомъ, глаза подъ тяжелыми бровями оторвались не сразу отъ этого преобразившагося лица...

Дина безсознательно провела рукой по лбу, снова опустилась на скамейку.

— Сядь... Вонъ тамъ, на скамейкѣ садись. Пожалуйста, такъ не волнуйся, Савелій... Я тебя за дѣломъ позвала сюда...

Онъ повиновался съ привычной покорностью. Слѣпая, не повинующаяся сила отхлынула. Сердце горитъ... Точно объ него грозная волна разбилась напрасно...

Давно ли Дина кипѣла злораднымъ нетерпѣніемъ сообщить ему новость („поставить на мѣсто")—теперь она чувствовала только, какъ въ ней растетъ... не можетъ дать себѣ отчета: жалость или страхъ?

— Отецъ ничего не говорилъ тебѣ?—спросила она, безсознательно протягивая время.

Два раза пришлось повторить вопросъ.

— Ничего... Да я, никакъ, два дня не видалъ отца. На сѣновалъ къ себѣ проходилъ.

— Раньше когда-нибудь не было у васъ дома разговора объ мѣстѣ въ городѣ?

— Да какъ же?.. Сами же вы не приказали говорить до осени?

...Не догадывается! За эти дни сильно осунувшееся лицо потеряло послѣдніе слѣды юношеской беззаботности, но оно смотрѣло на нее съ той же довѣрчивой беззащитностью... О-о!.. это выраженіе Дина слишкомъ хорошо знаетъ! Каждый такой взглядъ прибавляетъ свою каплю къ грузу, растущему на сердцѣ...

Дина отвела глаза и заговорила дѣловымъ тономъ.

...Домна выдумывать не станетъ. Коли крестной сказано, стало быть дѣло конченное... Отецъ не охотникъ съ бабами толковать — не совѣта вѣдь у нихъ спрашивать!.. Кто кумъ то у отца въ городѣ?.. знаетъ онъ?..

Савелій немогъ не знать;—но въ эту минуту онъ ничего не въ состояніи былъ припомнить, связать... Онъ вспыхнулъ весь, какъ смоляной фитиль отъ брошеной искры.

...Не стоитъ объ этомъ толковать... охота время терять!.. Все равно, въ лавку живымъ не засадятъ... Ну, коли ужъ никакимъ манеромъ не удастся выправить паспорта—если всѣ отцову сторону потянутъ—ну, тогда, значитъ, конецъ пришелъ — судьба, значитъ, такая...

— И, вы думаете, пожалѣю я?!. — восторженно прижималъ онъ стиснутыя руки къ груди:—Жить бы себѣ тихо, смирно — какъ на роду написано... Ни объ чемъ, что не про насъ на свѣтѣ ведется не мечтать... Женить, вонъ, пора... Сосватаютъ жену глупую, вздорную... ребятъ полдюжину народитъ на такую же долю безпросвѣтную...

— Савелій!—Къ чему, къ чему это?!.

— А чтобы вы-то про себя никогда не подумали: это я его съ пути свела—а на новую дорогу выбраться некуда оказалось. Знаю вѣдь, что вы думать будете!

— А-а-а!.. ты, стало быть, думаешь!?.—вырвалось съ ужасомъ у Дины.

— Думаю... Какъ же мнѣ не думать? Думаю я, Надежда Ивановна, день и ночь одно думаю: пусть всей моей жизни сколько то дней остается—да не смѣняю я ее на долгій вѣкъ, отъ какого вы отвели меня... Хоть въ щелочку маленькую на свѣтъ поглядѣлъ!.. Человѣкомъ себя понялъ...

— Что это?!. о чемъ у тебя такія мысли?!

Онъ свѣсилъ голову, тоскливо помоталъ ею вмѣсто отвѣта.

Нѣсколько минутъ Дина въ себя придти не могла. Почемъ же она знаетъ, на что онъ и въ самомъ дѣлѣ способенъ въ отчаянную минуту!? Но въ то же время какое - то другое, безформенное опасеніе спадаетъ съ души отъ его словъ... Можетъ быть, и не сила звучала въ этой восторженности, но звучало красотой беззавѣтнаго порыва.

И когда Дина заговорила, въ ея голосѣ тоже открылись новые свободные звуки. Строгія брови дрогнули и поднялись надъ сіявшими глазами:

— Спасибо, спасибо тебѣ, Савелій! Спасибо, что обо мнѣ такъ думаешь. Сколько-нибудь понимаешь, какой меня въ иную минуту страхъ беретъ за чужую судьбу... Только теперь малодушныя мысли вонъ гнать надо, вонъ! Незачѣмъ ими голову туманить въ нужную минуту—дѣйствовать пришла пора! Я тебя искала, чтобы обсудить все толкомъ, а мы на что столько времени потеряли?..

...Потеряли!! Нѣтъ, сколько - нибудь на сердце полегчало только — дышать стало можно! Не дѣльное что нибудь? да для него оно, самое то дѣльное и есть!.. Только вотъ... словами никакъ не скажешь—не тѣ все слова попадаются...

Савелій весь расцвѣлъ, счастливый отъ ея ласковаго голоса—совсѣмъ ласковаго, лучше чего ужъ и быть не можетъ. Отчего это — Богъ знаетъ—только онъ всегда слышитъ, если Надежда Ивановна говоритъ ласковыя слова, а въ головѣ у нея свои мысли... Тѣхъ мыслей ему никогда, никогда не узнать... Тогда и отъ хорошихъ словъ все равно тоска на душѣ... А теперь...

...Отъ пронесшагося волненія горячо въ сердцѣ, да легкій будто угаръ въ головѣ... Онъ не отрывалъ отъ нея восторженныхъ глазъ.

Дина тоже чувствовала приливъ своей счастливой рѣшимости, когда намѣченная цѣль встаетъ передъ нею съ такой ясностью—точно она глазами видитъ ее. Въ такія минуты всѣ трудности и

препятствія кажутся легкими, одолимыми. Въ такія минуты — удача! Такъ бы вотъ сію минуту и начать дѣйствовать—не ждать...

Прежде всего Надежда Ивановна хотѣла все знать, она должна своими глазами видѣть, какъ вся эта каша расхлебается. Но если она долго проживетъ въ городѣ.. Какъ переписку завести съ Савеліемъ?

— Извѣстно, мое письмо нипочемъ отдадутъ отцу! Мы развѣ люди...

— На чужой адресъ писать... Я что-нибудь придумаю...

Онъ только горько усмѣхался на всѣ планы.

— Думаете, не узнаютъ? Разъ, другой сходилъ за письмомъ — и готово, ха! Развѣ у насъ бываетъ своя жизнь, которую бы уважили!

Дина нетерпѣливо остановилась передъ нимъ. Она возбужденно кружилась по комнатѣ, а Савелій стоялъ, тяжело прислонившись спиною къ столу.

— Такъ какъ же по твоему-то?! Дня черезъ два, три я сѣла въ коляску и уѣхала... а ты тутъ одинъ, какъ знаешь?

— Стало быть...

Лицо его разомъ опять побѣлѣло—глаза вспыхнули и мрачно слѣдили за нею.

Она прошлась безпокойно по комнатѣ.

— Н-ну! Стало быть, ждать больше нельзя, ты долженъ сейчасъ же поговорить съ отцомъ. Можешь сказать, пожалуй, что про мѣсто узналъ на мызѣ... это не важно...

Въ разговорѣ самъ собою намѣчался ближайшій планъ дѣйствія, котораго раньше не было, и это еще придавало ей одушевленія.

— Будешь знать, что я во всякую минуту поддержу тебя. Сама поговорю съ отцомъ и земскаго повидаю... Должна же учительница за своего ученика хлопотать!

Онъ и успокаивался отъ горячаго звука ея голоса—и страшился необходимости сейчасъ же самому обрушить все это на себя... Развѣ Надежда Ивановна знаетъ все! Небось передъ нею всякій прикидывается сколько можетъ... Что̀ она съ ними говорить будетъ!..

— Ну, такъ какъ же? когда будешь съ отцомъ говорить? Сегодня за ужиномъ... ладно, что ли? скажешь сегодня? — настаивала Дина со своей стремительной энергіей.

— Хорошо. Сегодня... уступилъ Савелій безо всякаго увлеченія.

Дина зорко присмотрѣлась, сдвигая брови.

— А впрочемъ, дѣлай, какъ самъ знаешь. Подумай еще... разсчитай въ послѣдній разъ... Это дѣло цѣлой жизни! Можетъ

быть, сидѣльцемъ лучше проживешь — легче и сравненія нѣтъ нежели учителемъ. Попробуй..

Иногда ее захватывало странное желаніе быть съ нимъ жестокой—увидѣть въ немъ гнѣвъ. Безъ этого, такъ знакомаго самой ей чувства, чужая душа какъ будто не до конца ясна... Не потому ли эти странныя безгнѣвныя натуры имѣли такую власть надъ ея строптивымъ сердцемъ?..

— Господи... за что вы такъ на меня??. отвѣтилъ Савелій своимъ привычнымъ кроткимъ упрекомъ.

— Да вѣдь и мнѣ, Савелій, толкать тебя... какая же нужда!?

— Какая вамъ нужда! — повторилъ только онъ ея слова своимъ выраженіемъ.

У нея, какъ зарево, загорѣлось лицо.

— Ну, кажется, ты не можешь упрекнуть, чтобы... я отступалась отъ тебя!

— Нѣтъ, ужъ если... тогда разомъ!.. тогда чтобы... одинъ конецъ!..

Онъ выдавливалъ изъ себя каждый звукъ мучительнымъ усиліемъ.

— Охъ, смотри... самъ только не отступись! — засмѣялась тревожно Дина. — Вотъ, я и не знаю даже, на что ѣду, когда еще я до школы доберусь, да мнѣ объ этомъ вовсе и думать не хочется! Надо, чтобы и тебѣ тоже совсѣмъ не было страшно... А я знаешь, что думаю?.. Мы тебя въ земскую семинарію выхлопочемъ... На экзаменѣ то вы меня, Савелій Алексѣевичъ, надѣюсь, не осрамите?.. Подъ лежачій камень вода не бѣжитъ... Вотъ, погоди, я въ городъ какъ пріѣду — прямо въ управу и отправлюсь. Какъ-ни-какъ, а я у нихъ землевладѣлицей числюсь! Да и старые знакомые найдутся.

Дина весело вскидывала голову, легкія колечки свѣтлаго хохолка вздрагивали и слегка щекотали ей лобъ. Острый взглядъ совсѣмъ смягчился, точно расплавился въ сіявшихъ зрачкахъ. Брови поднимались все выше, выравнивались. Она поразительно хорошѣла въ такія минуты.

— Да что — учительница! Мы же друзья дѣтства съ тобой, Савушка! помнишь, какъ ты разъ въ плѣнъ меня отбилъ у моихъ рыцарей? ха, ха, ха!.. пресерьезно не выпускалъ до тѣхъ поръ, пока не получилъ выкупа. Полдня продержалъ на сѣновалѣ... этакій варваръ! Санька стащилъ у Ларисы черносливу и явился съ бѣлымъ флагомъ... А я проголодалась, какъ собака, злилась на тебя... у-у-у — просто бѣсновалась! Вся перецарапалась, въ каждую щелочку пробовала пролѣзть, чтобы убѣжать... Помнишь, небось?..

— Я-то?!. Вы со мной послѣ того цѣльную недѣлю говорить не хотѣли... Простили, когда зайчонка словилъ...

— Ахъ, да, зайчонокъ! помню зайчонка... Околѣлъ... Ну, видишь,—какихъ еще надо друзей дѣтства!..

Онъ что-то лепеталъ, протягивая къ ней руки...

— А теперь... теперь... теперь...

Дина перестала улыбаться и выговорила съ сосредоточенной силой.

— Да, и теперь. Теперь, Савелій, можешь навсегда закрѣпить нашу дружбу. Если съ моей помощью добьешься всего, о чемъ мы мечтали, да кто же будетъ тебѣ ближе, чѣмъ я?!. Только, чуръ, со всѣмъ такъ прямо ко мнѣ и иди. Чтобы ничего не затѣвать, не посовѣтовавшись, въ каждомъ пустякѣ кайся! Не бойся, не бойся — только вѣдь до тѣхъ поръ, пока я сама не признаю тебя совершеннолѣтнимъ...

Онъ всплеснулъ руками въ невыразимомъ восхищеніи:

— Да я-то... я развѣ захочу!?.

— Ну, вотъ еще! еще какъ захочется-то!—смѣялась Дина:—кому это сладко вѣкъ на помочахъ ходить! Ну, а пока, что еще Богъ дастъ—пока уговоръ соблюдать свято и нерушимо... Вѣдь я, Савелій, передъ всѣми отвѣчаю за тебя...

И вдругъ послѣднія слова разомъ потушили беззаботный взрывъ молодого увлеченія. Въ сердце кольнуло. Того ли она хотѣла?..

„Что со мною?.. Развѣ нельзя иначе...“ подумала дѣвушка безпокойно...

Но тутъ же она невольно залюбовалась другомъ дѣтства... Не въ первый разъ случалось ей такъ поджигать его, и долго, долго потомъ онъ живетъ приливомъ страстной энергіи, которой она заражаетъ его... Точно внушаетъ свою безтрепетную вѣру въ могущество человѣческой воли. Но никогда еще Савелій не говорилъ такъ смѣло, какъ сегодня, не распрямлялся передъ нею во весь свой ростъ...

Только для нея поддаться порыву было въ такомъ явномъ диссонансѣ со всѣми предшествовавшими настроеніями, что Дина вдругъ вся сжалась; заспѣшила, оборвала разговоръ и отослала Савелія, наскоро повторивъ свои наставленія.

Онъ ушелъ, какъ въ чаду.

Первымъ дѣломъ поглядѣлъ на небо: гдѣ солнышко, куда идти теперь, чтобы отца повидать?..

...Нѣтъ, не за ужиномъ: сейчасъ надо, сію минуту говорить съ отцомъ, сейчасъ начать борьбу за обѣщанную драгоцѣнную награду—дружбу навѣкъ!

...Стоитъ ему мысленно повторить эти два слова *друзья дѣтства*—точно прямая, гладкая дорога манитъ въ золотистую даль...

Робость, неувѣренность, страхъ своего ничтожества—все это въ немъ отъ сознанія непроходимой пропасти между ними... Хоть какъ добра, какъ близка!

...Ко всѣмъ добра — не къ нему одному. Всякаго разспроситъ, научитъ, за всякаго вскипитъ негодованіемъ, какъ за самое себя... То — для всѣхъ. „Другъ дѣтства"—это онъ одинъ! Такъ вѣдь было, не слова это—на самомъ дѣлѣ было. Заиграются—даже иной разъ и позабудешь, что барышня... Онъ былъ тогда и смѣлѣе, и умѣлѣе ихъ, тогда у него перенимали. Саничку-то и покалачивалъ ни по чемъ!

...Случилось разъ,—чуть-чуть и ее не ударилъ... Обидѣла, раздразнила—и кинулся не въ себѣ. Не опомнился, нѣтъ,—зажалѣлъ!.. рука не поднялась...

Дина никогда этого не узнала.

„Пожалуй, признаюсь когда-нибудь... Вотъ, когда все уладится—въ семинарію поступлю..." думалъ теперь Савелій, шагая широко и смѣло по узенькой межѣ, овсами, туго поднимавшимися отъ засухи.

Эта ребячья тайна, которую онъ хоронилъ въ своей душѣ, давно получила для него особенную важность: она одна приближала его къ Динѣ больше, чѣмъ все другое... то, что тогда онъ удержался—пожалѣлъ ее.

Но только сегодня въ первый разъ еще Савелій подумалъ, что когда-нибудь онъ это разскажетъ Надеждѣ Ивановнѣ. И когда это думалъ—на ту минуту—пропасти точно и вовсе ужъ не стало между ними: черезъ пропасть перекинулась та дорожка, расчищенная сегодняшними рѣчами...

Савелій шелъ длинной, кружной дорогой. Будто и не на непріятное шелъ, не на открытую, давно готовившуюся схватку съ отцомъ. Точно его и не заботило въ эту минуту, какъ все это у нихъ кончится?

Не одинъ вѣдь онъ шелъ... Плечомъ къ плечу съ другомъ, неизмѣримо его сильнѣе.

На край свѣта, кажется, пошелъ бы такъ, безъ страха, безъ думы...

Ольга Шапиръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КАКЪ Я СДѢЛАЛСЯ СКУЛЬПТОРОМЪ.

(Изъ моихъ воспоминаній).

(*Окончаніе* *).

Въ Петербургѣ я скоро забылъ и неудавшееся заграничное путешествіе, и гродненскія непріятности. Мнѣ предстояло держать экзаменъ въ академію; но у меня не было тѣхъ стремленій и волненій, которымъ обыкновенно бываютъ подвержены поступающіе въ спеціальное заведеніе. Академію я уже зналъ раньше, мнѣ были знакомы всѣ классы, корридоры, служителя, я зналъ даже нѣкоторыхъ профессоровъ. Рисовалъ я недурно, и на экзаменѣ мой рисунокъ оказался однимъ изъ лучшихъ. Первое, что меня притягивало, это—скульптурный классъ, и какъ только занятія начались, я устремился туда рано утромъ. Всѣ ученики были въ сборѣ, ждали профессора. Пока же мы разсматривали бюсты и статуи, которые, впрочемъ, мнѣ и до того были знакомы. Служитель-солдатъ Илья, много лѣтъ проведшій въ этомъ классѣ сторожемъ, намъ объяснялъ названія бюстовъ и статуй. «Вотъ это Люциферъ», сказалъ онъ, шепелявя и подмигивая однимъ подслѣповатымъ глазомъ. «Это Аполлонъ съ ящерицей, а тамъ—съ лукомъ. Вотъ Антиной; не надо его путать съ «Бахомъ». У того на головѣ кочанъ, ананасъ». Такъ онъ перечислилъ всѣ статуи, точно упоминалъ своихъ бывшихъ товарищей по полку. Конечно, большинство названій было намъ чуждо; нѣкоторые не знали даже, имена ли это историческія, или миѳологическія. Были новички, которые впервые видѣли статуи. «Посмотри», говоритъ длинный, худой сибирякъ, въ русской рубашкѣ и и въ высокихъ сапогахъ, обращаясь къ земляку, горбатенькому, «вотъ Херкулесъ. Какой, должно быть былъ дуракъ набитый. Говорятъ, онъ жену свою поколачивалъ». «А кто эта мамка съ кокошникомъ?» спрашиваетъ другой, указывая на Юнону. Останавливаемся передъ Лаокономъ. «Вотъ здорово!» говоритъ горбатенькій. «Это, пожалуй, самая лучшая группа».—«Вотъ ужъ не попалъ,—возражаетъ ученикъ старенькій, съ порядочной лысиной. Лѣтъ 6 онъ ужъ занимается въ скульптур-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль. 1902 г.

номъ классѣ.—Эта группа относится ко времени упадка. Вишь какіе мускулы! Какъ мѣшки; не то что у Аполлона».—«А что это, господа», говоритъ молоденькій новичокъ, «женщина или мужчина?» указывая на молодого Аполлона. Всѣ хохочутъ.

Пришелъ профессоръ, красивый старикъ фонъ-Боккъ. Всѣ его окружили и дружно отвѣсили поклонъ. «Ну, что, пришли работать?» пробормоталъ онъ тихо, угрюмо, окинувъ насъ общимъ взглядомъ. «Выбирайте себѣ голову, какую хотите, и сдѣлайте барельефъ». Ждали мы какихъ-нибудь указаній, совѣтовъ, навострили уши, чтобы услышать какое-нибудь наставленіе, не скажетъ ли онъ рѣчь, но онъ, переваливаясь съ ноги на ногу, только еще чтото сквозь зубы сказалъ, пожелалъ намъ успѣха и ушелъ. Тогда мы обратились къ тому старенькому ученику, который такъ важно говорилъ объ упадкѣ въ Лакоонѣ и просили его посовѣтовать намъ, что лѣпить. «Начните по порядку», сказалъ онъ увѣренно, основываясь на долголѣтнемъ опытѣ. «Сперва голову «Анатоміи», потомъ профиль Антиноя; Гомера труднѣе, а Лакоона еще труднѣе».— «А можно лѣпить Дискобола?» спрашиваю я. «Вишь чего захотѣлъ», возразилъ онъ сердито. «Вотъ полѣпите-ка, какъ я, три раза Германика съ фаса и 2 раза спинку, 5 разъ Аполлона, да научитесь наизусть лѣпить слѣдочки и кисточки, и тогда можете приступить, пожалуй, и къ группѣ».

Пришелъ глинщикъ, натурщикъ Дмитрій. Онъ 40 лѣтъ стоялъ на натурѣ и зналъ всѣхъ профессоровъ и художниковъ. Сталъ онъ намъ разсказывать, какъ въ старину бывали строги, какъ какой-то профессоръ любилъ одного ученика, а другого не любилъ, и какъ нелюбимцу велѣлъ поступить въ дворники; какъ другой профессоръ настаивалъ на томъ, чтобы его ученику дали медаль, какъ ученикъ ничего не могъ сдѣлать и какъ профессоръ передъ экзаменомъ проработалъ всю ночь у него. Затѣмъ онъ перешелъ на себя, разсказалъ, какъ онъ стоитъ на натурѣ, не шевелясь, 2 часа, безъ отдыха, и въ это время спитъ. Но скоро онъ перешелъ къ охотѣ (онъ былъ страстный охотникъ). Его фигура даже напоминала тургеневскаго Ермолая. Мы испугались длинныхъ охотничьихъ разсказовъ и поспѣшили разойтись. Кое какъ перекусивъ въ плохой кухмистерской, находившейся по 1-й линіи въ подвалѣ, мы въ 4 часа были опять въ академіи. Занятій еще не было, но мы всѣ собирались въ темный корридоръ и дожидались открытія классовъ вечерняго рисованія. До 5 часовъ еще было далеко, а надо было соблюдать очередь: кто становился ближе къ двери, тотъ раньше всѣхъ могъ попасть въ классъ и выбрать себѣ лучшее мѣсто. И вотъ въ темнотѣ цѣлой толпой мы осаждаемъ дверь. Всѣ стоятъ съ длинными трубами Ватманской бумаги и съ пучкомъ угольковъ, кто стоитъ прислонившись къ двери, кто у стѣны, а кто наваливается на товарища. Разсказываются анекдоты; всѣ смѣются. Иногда слышны брань и ругательства. Народъ прибываетъ, и тѣснота дѣлается ужасная; просто

лежать другъ на другѣ. Слышны шаги въ коррндорѣ. «Это генералъ идетъ», говоритъ тотъ, кто ближе стоитъ къ наружной двери. Показывается высокая, сухощавая фигура вахтера Яковлева, или, какъ ученики его называли, «самого начальника». Николаевскій солдатъ изъ кантонистовъ, лысый, съ бакенами, съ рыжими усами, Яковлевъ смѣшилъ насъ своимъ строгимъ, начальственнымъ видомъ и своей важной гордой походкой. Выраженіе «мы съ Исеевымъ» приписывалось ему; его, однако, боялись; поговаривали, что онъ обо всѣмъ докладываетъ инспектору Черкасову. Однако, онъ не былъ неподкупенъ и нѣкоторымъ протежировалъ. При его появленіи всѣ еще плотнѣе прижались и налегли на дверь. «Ну, баловники, посторонитесь!» говоритъ строго вахтеръ-фельфебель. Кто-то ударяетъ его по головѣ бумагой. «Черкасову скажу, мы вамъ зададимъ! Вотъ не отопру, и стойте тутъ». Но дверь онъ все-таки открываетъ. Тутъ, какъ солдаты крѣпость, мы приступомъ беремъ дверь, врываемся толпой въ классъ, бѣжимъ по скамьямъ, расположеннымъ амфитеатромъ. Бѣгутъ всѣ черезъ скамьи, подъ скамьи, всѣ ищутъ мѣста, откуда модель, бюстъ или статуя лучше освѣщается и кажется красивѣе. Черезъ нѣсколько минутъ всѣ уже заняли мѣста, и только опоздавшіе бродятъ по классу и мѣняются оставшимися плохими мѣстами.

Весь шумъ, весь хаосъ разомъ утихаетъ, какъ только принимаются рисовать. Тутъ водворяется такая тишина, что, несмотря на страшную толпу (около 100 человѣкъ работаетъ въ одномъ классѣ), слышенъ только скрипъ угольковъ и шумъ отъ тряпокъ, стиравшихъ угольки. Иногда слышенъ звонкій голосъ инспектора, академика Черкасова. Если Яковлевъ насъ смѣшилъ своей строгостью, то инспекторъ иной разъ этой же напускной строгостью насъ пугалъ. «Нельзя-съ», бывало раскричится этотъ художникъ-чиновникъ стараго добраго времени. «Что вы, господа, не знаете, что ли? Вы ученики еще, а не профессоры. Не позволю!» Но ученикъ ходитъ за нимъ и съ покорностью продолжаетъ просить. Тогда, не отворачиваясь, онъ сердито говоритъ: «Ну, позволяю, но это послѣдній разъ». Это былъ типъ, современный Яковлеву: изъ художниковъ, кантонистовъ, высокій, живой, съ длинными нафабренными усами, всегда дѣятельный, онъ любилъ строгости. Кричалъ онъ не только на служащихъ и учениковъ, но иногда и на профессоровъ. Какъ человѣкъ, онъ былъ добрый, но ограниченный; какъ художникъ—бездарный, но добросовѣстный.

Отъ страшной жары, отъ множества лампъ и отъ дыханія воздухъ въ классѣ дѣлается удушливымъ, жара дѣлается нестерпимой, но всѣ до того увлечены рисованіемъ, что никто не чувствуетъ ни жары, ни духоты. Время летитъ, и 2 часа прохятъ незамѣтно. Звонокъ, возвѣщающій конецъ рисованія, вызываетъ сожалѣніе. Неохотно всѣ вкладываютъ рисунки въ папку и, лѣниво отирая съ лица обильный потъ, выходятъ въ холодный, свѣжій корридоръ; вы-

ходятъ всѣ мокрые, красные, съ блестящими глазами и съ взъерошенными волосами. Вечерніе классы рѣдко кто пропускалъ. Бывало, больные, голодные приходятъ рисовать, до того увлекались тогда рисованіемъ. Мой хозяинъ квартиры, больной, пожилой уже человѣкъ, отецъ семейства, служилъ въ штабѣ. Жалованье у него было маленькое, и чтобы его увеличить, онъ бралъ домой работу, но не могъ эту работу исполнить, потому что аккуратно посѣщалъ вечерніе классы въ академіи. За эту любовь къ рисованію онъ не получалъ повышенія и бѣдствовалъ. Товарищъ мой впослѣдствіи разсказывалъ, что одно время онъ по цѣлымъ днямъ голодалъ; но мысль о вечернемъ рисованіи поддерживала и ободряла его. Рисунокъ ему очень удавался, онъ же увѣрялъ, будто только тѣ рисунки бывали удачны, которые онъ рисовалъ, будучи голоденъ. Служитель при классѣ разъ указалъ намъ на одного тихаго, бѣднаго ученика, который, какъ влюбленный, всегда смотрѣлъ на свой рисунокъ. Онъ по окончаніи классовъ позже всѣхъ оставался, собиралъ корки грязнаго хлѣба, которымъ стираются рисунки и ихъ съѣдалъ. За хорошіе рисунки выдавались медали и получившіе допускались къ конкурсу на золотую медаль. Но главное, всѣхъ увлекало соревнованіе.

Многіе очень хорошо рисовали, и ученіе происходило не столько благодаря указаніямъ молчаливыхъ и малодаровитыхъ профессоровъ, которымъ ученики мало вѣрили и которыхъ мало уважали, сколько благодаря совѣтамъ самихъ товарищей. Словомъ, учились сами собою. Совсѣмъ другое было въ скульптурномъ классѣ. Тутъ насъ скульпторовъ было всего человѣкъ 8—10. Всѣ мы плохо еще работали и другъ отъ друга нечего было позаимствовать, а отъ профессоровъ, приходившихъ черезъ день, мы узнавали нѣкоторыя мелочи и детали, касающіяся рисунка, собственно же лѣпки, т.-е. какъ лѣпить и чѣмъ, насъ не учили. Правда, свойство барельефа таково, что рисунокъ и перспектива играютъ въ немъ, важную роль, но и въ круглыхъ вещахъ примѣнялся такой способъ преподаванія, который скорѣе убивалъ истинное чувство скульптуры, а не развивалъ его. Такъ, для сравненія формъ, профессоръ всегда совѣтовалъ вертѣть и модель и копію и тѣмъ провѣрять постоянно наружный контуръ, исходя изъ той теоріи, что какъ линія есть сумма точекъ, такъ круглая поверхность есть сумма линій. По этому способу ученикъ пріучался, копируя, видѣть только линіи, а не чувствовать форму и оттого лѣпка выходила сухая, безсознательная, а главное—формы сами не запечатлѣвались въ памяти ученика. Благодаря этому, работая въ вечернихъ рисовальныхъ классахъ, два часа въ день и 5 разъ въ недѣлю, я дѣлалъ гораздо болѣе успѣха въ техникѣ (скоро я перешелъ въ фигурный и натурный классъ), чѣмъ въ скульптурномъ классѣ, гдѣ работалъ ежедневно отъ 9 до 2 почти безъ отдыха. И въ то время, какъ въ рисункѣ я увлекался съ начала до конца, въ лѣпкѣ мнѣ нравилось

только начало; тутъ въ 2—3 дня я дѣлалъ общее, а потомъ, гоняясь за линіей и за рисункомъ, я «зарабатывался». Скоро, бывало работа совсѣмъ надоѣдаетъ и ждешь случая начать новую. Работалъ я не хуже другихъ и считался успѣвающимъ и прилежнымъ. Но не я одинъ, а всѣ въ скульптурномъ классѣ относительно дѣлали мало успѣховъ въ техникѣ. Всѣ лѣпили вяло, и только у тѣхъ кто, дома лѣпилъ съ натуры безъ всякаго руководства, въ работахъ, какъ—будто, проявлялась жизненность и нѣкоторая свѣжесть. Но домашнія работы не поощрялись профессорами. Помню, я принесъ показать фигурку съ натуры. Профессоръ такъ свысока отнесся къ этой работѣ, съ такой насмѣшкой указалъ на ошибки: тутъ кисточка мала, тамъ слѣдокъ не на мѣстѣ, а о самой работѣ ни слова, что мнѣ стыдно стало передъ товарищами. «Вотъ что», добавилъ профессоръ, «лучше не показывайте мнѣ домашнихъ работъ. Что вы дома работаете, это ваше дѣло. Сперва научитесь здѣсь копировать антики, а потомъ дѣлайте, что хотите». Да, потомъ...

Но это «потомъ» продолжается у меня уже около 6 лѣтъ. Еще до реальнаго училища хотѣлось мнѣ вылѣпить нѣкоторыя сценки изъ еврейской жизни, которая тогда была мнѣ еще такъ близка. Задумалъ я вылѣпить сценки: въ хедерѣ, въ синагогѣ, на кладбищѣ: но «потомъ» некогда было; при томъ не было той обстановки, которая необходима для жанриста. Въ Петербургѣ трудно было достать еврейскіе типы и характеры. «Потомъ» я много изъ еврейской жизни позабылъ. Я окунулся въ новую жизнь, сблизился съ другими людьми. Будучи въ душѣ жанристомъ, я захотѣлъ брать сюжеты изъ этой новой обстановки. И вотъ, только что сталъ привыкать къ жизни русскихъ людей, какъ опять новая жизнь, опять новая обстановка меня окружаетъ. Попалъ я въ жизнь неизвѣстныхъ мнѣ древнихъ грековъ, съ утра до вечера нахожусь среди статуй боговъ, философовъ, о которыхъ прежде понятія не имѣлъ, попалъ въ чуждый мнѣ міръ, и какъ я ни старался имъ проникнуться, читалъ миѳологію и исторію, часами смотрѣлъ на статуи,—все никакъ не могъ настроить себя такъ, чтобы переживать то, что греки переживали, и изображать ихъ жизнь въ сценахъ. Отъ жизни евреевъ къ жизни не-евреевъ я могъ еще перейти; какъ растеніе, я могъ быть пересаженъ на новую почву. Но отъ живого къ отжившему, отъ почвы къ небу я не могъ перескочить. И потому, чѣмъ больше я это сознавалъ, тѣмъ больше уходилъ отъ себя. Осталось мнѣ одно: углубляться въ автоматическое изученіе формъ и въ механическое копированіе Ахиллесовъ и Аполлоновъ. Повторялось то же, что и въ реальномъ училищѣ: тамъ вмѣсто ожидаемой умственной пищи я получалъ какія-то пилюли и облатки, значеніе которыхъ мнѣ и до сихъ поръ неизвѣстно; а тутъ, въ академіи, я изучалъ бытъ и жизнь народа, жившаго за нѣсколько тысячъ лѣтъ до меня вмѣсто того, чтобы сперва

научиться вѣрнѣе видѣть и изображать то, что вокругъ меня. Однако, нѣкоторые мои товарищи скоро свыклись съ новой обстановкой, стали дѣлать эскизы на темы изъ миѳологіи и изъ исторіи и нѣкоторые довольно удачно. Правда, у нихъ, можетъ быть, природныя способности къ исторіи, между тѣмъ какъ я люблю жанръ. А можетъ быть, я просто неспособенъ, часто думалось мнѣ. Можетъ быть, всѣ ошиблись; но тогда зачѣмъ меня такъ хвалили, зачѣмъ носились со мною и находили, что мои эскизы изъ еврейской жизни что-то обѣщаютъ. Неужели это все была насмѣшка? Какъ разъ въ это время находясь въ такихъ сомнѣніяхъ, я наткнулся на слѣдующій эпизодъ.

Въ одномъ богатомъ домѣ я познакомился съ инженеромъ-евреемъ. «А, вы въ академіи учитесь! Можетъ быть, вы сумѣете мнѣ сказать, что сталось съ мальчикомъ-скульптуромъ, о которомъ лѣтъ 6 тому назадъ много говорили? Его привезъ сюда Антокольскій. Говорили, что этотъ мальчикъ будущая знаменитость. И вотъ съ тѣхъ поръ онъ точно въ воду канулъ. Что съ нимъ стало?» Этотъ вопросъ какъ разъ отвѣчалъ моему внутреннему состоянію, и я съ злорадствомъ отвѣтилъ: «Да этотъ мальчикъ былъ я; меня привезъ Антокольскій, и вотъ теперь...»—«Не можетъ-быть!» удивленно вскрикнулъ разочарованный инженеръ. Мнѣ тогда пріятно было его разочарованіе; небось, самъ былъ одинъ изъ тѣхъ, которые, не зная меня, разносили обо мнѣ чудеса и небылицы; вотъ теперь получай за это награду! Инженеръ стушевался. Доставалось мнѣ отъ нѣкоторыхъ старыхъ знакомыхъ, видавшихъ меня у Рѣпина и у Антокольскаго. «А вы все еще въ академіи? Однако, давненько занимаетесь!» Все это, да и мои внутреннія сомнѣнія такъ подѣйствовали на меня, что я потерялъ энергію и вѣру въ академію, о которой мечталъ. Вотъ почему съ особенной чуткостью я сталъ прислушиваться къ тому, что происходило въ художественномъ мірѣ внѣ академіи, и съ особеннымъ интересомъ сталъ слѣдить, какъ нѣкоторые талантливые художники, у которыхъ я раньше бывалъ и учился, сплотились вмѣстѣ и во имя свободы и самостоятельности творчества образовали товарищество.

Въ это время я получилъ предписаніе изъ гродненскаго воинскаго присутствія пріѣхать немедленно отбыть воинскую повинность. Хотя въ академіи я былъ уже въ натурномъ классѣ, но чтобы получить отсрочку, надо было имѣть малую серебряную медаль. Поговаривали, что нѣкоторые получали эту медаль раньше, когда подходилъ срокъ службы. Надо было хлопотать, просить; а иногда канцелярія приходила на помощь юношамъ, если за нихъ хлопотали. Впрочемъ, такъ только говорили; но я ничего не предпринималъ и рѣшился какъ-нибудь самостоятельно справиться съ этимъ дѣломъ. Одновременно съ предписаніемъ начальства я получилъ письмо отъ дядюшки: онъ проситъ и умоляетъ не пріѣзжать въ Гродно. «Если пріѣдешь, то хромого, слѣпого—тебя возьмутъ, ибо въ Гроднѣ дѣтки самихъ депутатовъ (по

*

набору) разбѣжались и не хватаетъ положеннаго числа рекрутовъ». Итакъ, меня требуютъ въ Гродно. Но такъ какъ тамъ евреи уклоняются отъ воинской повинности, то и мнѣ надо было стараться туда не пріѣхать.

Я находился въ другомъ положеніи, чѣмъ мои единовѣрцы, скученные въ провинціи: русскій языкъ я отчасти зналъ, русскихъ полюбилъ и съ ними сблизился и все-таки старался избавиться отъ воинской повинности. И понятно почему: бросить на нѣсколько лѣтъ любимое дѣло художества, носить тяжеловѣсное ружье на своемъ слабомъ, покатомъ плечѣ, ѣсть пищу, которую мой желудокъ не варитъ, жить въ атмосферѣ, котурую мои легкія не выносятъ—это было печальное будущее. Но послѣ того, чему я насмотрѣлся въ Гродно, послѣ того, что написалъ мнѣ дядя, что въ Гроднѣ и слѣпого, и хромого примутъ, я рѣшился, если служить, то только не въ провинціи. А этого я могу достигнуть тѣмъ, что объявлю себя вольноопредѣляющимся. Это даетъ право выбрать мѣсто службы, жить на частной квартирѣ и ѣсть свою пищу. И вотъ когда я получилъ изъ Гродны бумагу съ требованіемъ пріѣхать отбывать воинскую повинность, я немедленно сталъ хлопотать о томъ, чтобы остаться служить въ Петербургѣ. Въ гвардію, конечно, меня не принимаютъ; армейскихъ полковъ только два; въ Новочеркасскомъ евреямъ отказываютъ. Иду въ единственный пѣхотный резервный батальонъ. Полковой командиръ, полковникъ О., сердито читаетъ мою рекомендацію изъ академіи. «Что такое конференцъ-секретарь?» спрашиваетъ онъ. Я объясняю. «А гдѣ эта академія художествъ находится? Чѣмъ вы тамъ занимаетесь?» И разузнавъ все, полковникъ говоритъ: «Все-таки не могу васъ принять». Разсказываю я о своей бѣдѣ знакомому, у котораго въ это время былъ генералъ Н. «Я охотно вамъ это устрою», сказалъ любезно генералъ, «только надѣну ордена и съѣзжу къ командиру; посмотримъ, какъ онъ васъ не приметъ». На слѣдующій день, когда я явился къ командиру, онъ ужъ менѣе сердито сказалъ: «Зачѣмъ вы безпокоили генерала? Я васъ принимаю. Но знайте, что у меня художествомъ не заниматься. Вы будете у меня жить въ общей казармѣ». И болѣе тихимъ голосомъ прибавилъ: «Пойдите въ канцелярію; тамъ вамъ скажутъ, какія бумаги подать». Въ канцеляріи меня окружаютъ дежурные офицеры. Молоденькій красивый брюнетъ меня спрашиваетъ: «Вы какой художникъ? Портреты дѣлаете?» «А меня можно снять?» спрашиваетъ другой, толстый, рыжій поручикъ. «Самое удобное мое лицо» говоритъ третій, «у меня усовъ нѣтъ». Однако, за дѣломъ они меня отослали къ главному письмоводителю. То былъ унтеръ-офицеръ, маленькій, сгорбленный, на видъ очень скромный, но съ хитрыми, бѣгающими глазами. «Поздравляю васъ, радуюсь за васъ», говоритъ онъ тихимъ, вкрадчивымъ голосомъ, «счастье, что генералъ пріѣхалъ, а то нашъ командиръ строгій. Теперь вотъ что: принесите копіи со всѣхъ вашихъ

бумагъ, а главное—не забудьте медицинское свидѣтельство, котораго у васъ не хватаетъ. Когда все это принесете, мы васъ тотчасъ зачислимъ, задержки не будетъ. Впрочемъ, можете теперь уже считать себя принятымъ».

«Итакъ я принятъ», думалъ я, выйдя изъ канцеляріи; «достигъ того, о чемъ мѣсяцъ хлопочу». Однако-жъ, мнѣ жутко стало. При выходѣ изъ казармъ, я увидѣлъ группу молодыхъ солдатиковъ; ихъ обучали. Неужели и я на холоду буду часами такъ стоять и тяжелое оружіе носить, гимнастику дѣлать? А вѣдь здоровье мое плохо, еле-еле въ казармы тащусь. Но вспомнивъ Гродно, пристава, слова дядюшки, я примирился со своимъ положеніемъ. Разсказываю я друзьямъ о томъ, что меня приняли, но что у меня не хватаетъ докторскаго свидѣтельства. Знакомый военный докторъ, старикъ Г., меня спрашиваетъ: «Неужели будете служить? Вѣдь вы для службы негодны. Это видно по наружности; груди не хватаетъ, да и ростъ слишкомъ малъ». Разсказываю я, въ чемъ дѣло, что не хочется мнѣ ѣхать въ Гродно, гдѣ служить придется при еще худшихъ условіяхъ; здѣсь же мнѣ легче служить и академія близка. «Нѣтъ, гдѣ вамъ служить», говоритъ заслуженный докторъ. «А насчетъ свидѣтельства приходите ко мнѣ завтра въ корпусъ; тамъ я васъ освидѣтельствую и выдамъ вамъ документъ». На слѣдующее утро, придя въ кабинетъ доктора, я нашелъ тамъ цѣлую коммиссію докторовъ. Всѣ меня освидѣтельствовали, взвѣшивали, мѣрили, постукивали грудь, выслушивали и затѣмъ за подписями всѣхъ написали мнѣ свидѣтельство съ приложеніемъ казенной печати. «Ну вотъ и документъ», улыбаясь, говоритъ главный докторъ, «снесите это въ полкъ. Посмотримъ, какъ они васъ примутъ». «Вѣдь мнѣ хуже будетъ», говорю я, «если не примутъ; въ Гродно пошлютъ».—«Не ваше дѣло; отдайте бумагу. Какой вы солдатъ? Вамъ надо художествомъ заниматься, а не военнымъ быть».

Несу всѣ бумаги въ полкъ. Письмоводитель ихъ просматриваетъ и говоритъ: «Вотъ прекрасно, теперь все въ порядкѣ. Сегодня же приму васъ». Но читая докторскій документъ, онъ раскрываетъ глаза отъ изумленія и тихо мнѣ говоритъ: «Послушайте, ваше дѣло скверное, съ такой бумагой вы не можете поступить. Совѣтую, подите къ нашему полковому доктору, попросите: онъ человѣкъ добрый, онъ дастъ вамъ такое свидѣтельство, которое будетъ годиться; а эту бумагу лучше не показывайте. Да и написали вамъ бумагу: точно полтора понедѣльника осталось вамъ жить», сказалъ улыбаясь письмоводитель, кончая чтеніе. Но посмотрѣвъ на меня, онъ прибавилъ: «а дѣйствительно, какой вы худенькій и маленькій!»—«Да, я дѣйствительно нездоровъ», жалуюсь я. «Да тогда какого чорта вы къ намъ поступаете, хлопочете и рветесь на службу».—«Но мнѣ нужно отбывать воинскую повинность. Не хочется мнѣ ѣхать въ Гродно. А если бы не повинность, то ни за что не служилъ бы: здоровье плохое, да и въ академіи учусь».—«Такъ,

значитъ, вамъ служить не хочется?» замигалъ быстро глазами письмоводитель. «Такъ бы и сказали! А я-то все думаю, что вамъ хочется служить. Что-жъ, можно и иначе устроить: вотъ напишу вамъ бумагу въ думу, чтобы васъ тамъ освидѣтельствовали. Снесите ее, и если дѣло уладится, приходите ко мнѣ потомъ на квартиру; вотъ я тамъ-то живу».

Снесъ я свидѣтельство въ думу. Предсѣдатель воинскаго присутствія, прочитавъ ее, такъ разозлился, что я отъ страха чуть не убѣжалъ. «Какъ смѣлъ полкъ намъ предписать васъ освидѣтельствовать! Я задамъ нахлобучку тому, кто это написалъ. Не ихъ дѣло. Поѣзжайте въ Гродно, въ вашъ участокъ». Опять горе; всѣ хлопоты потеряны. Жалуюсь всѣмъ, разсказываю. Но добрый генералъ Н. еще разъ за меня заступается. Онъ близко знакомъ съ гродненскимъ губернаторомъ, который тогда находился въ Петербургѣ и разсказалъ ему всю мою исторію. Губернаторъ призываетъ меня къ себѣ и совѣтуетъ мнѣ написать ему же прошеніе о томъ, чтобы освидѣтельствоваться въ Петербургѣ. «Эту бумагу», говоритъ губернаторъ, «отправьте въ Гродно къ моему вице-губернатору; онъ ее сюда мнѣ перешлетъ, а я уже поговорю съ здѣшнимъ губернаторомъ». Но случилось другое. Вице-губернаторъ въ Гроднѣ передалъ мою бумагу воинскому начальнику, который послалъ мнѣ телеграмму немедленно явиться въ Гродно. Казалось, мое дѣло совершенно погибло.

Я былъ въ отчаяніи. «Отъ кого это, наконецъ, зависитъ?» спрашиваетъ В. В. Стасовъ, которому я разсказалъ свое горе. «Отъ министерства внутреннихъ дѣлъ», отвѣчаю». «А кто товарищъ его?» задумался В. В. «Ба, вѣдь онъ товарищъ мой по правовѣдѣнію. Попробую, попытаюсь. Вы тутъ, Эліасъ, подождите, а я сейчасъ сбѣгаю къ нему». Черезъ коротенькій промежутокъ времени возвращается В. В. радостный. «Ну, Эліасъ, вотъ вамъ и устроилъ! Все кончено. Прихожу я къ товарищу министра. Сейчасъ меня принимаетъ, встрѣчаетъ меня съ распростертыми объятіями. «Вы, В. В., ко мнѣ! Что васъ заставило придти?» Я ему такъ и такъ, все разсказалъ, а онъ, не давъ мнѣ договорить, спрашиваетъ: «Не еврей ли онъ?» Да, говорю, еврей. «Жалко», отвѣчаетъ министръ, «я далъ себѣ слово для евреевъ ничего не дѣлать». А я ему о васъ запѣлъ. Тогда онъ говоритъ: «Вы дасте мнѣ слово, что это человѣкъ хорошій?» Даю. Онъ надавилъ электрическую пуговку и моментально распорядился о васъ. Вотъ какъ скоро!» «Да», подумалъ я, надавилъ пуговку и я избавился отъ всего, всего. Черезъ нѣсколько дней въ думѣ меня освидѣтельствовали и нашли меня никуда не годнымъ. Этимъ закончилась моя эпопея о воинской повинности. Мѣсяцъ я ходилъ по казармамъ, по канцеляріямъ, часами стоялъ у дверей командира, и это такъ надорвало мое и безъ того слабое здоровье, что я сталъ сильно кашлять и у меня показалась кровь изъ горла.

Поднялся вопросъ уже не о томъ, годенъ ли я къ военной службѣ

или нѣтъ, а годенъ ли я вообще, ибо здоровье мое совсѣмъ пошатнулось, и не къ полковому доктору, котораго рекомендовалъ мнѣ писарь, а къ самому С. П. Боткину меня отправили. Тогда С. П. былъ въ полномъ апогеѣ своей славы, къ нему простому смертному трудно было попасть; но за меня, по просьбѣ В. В. Стасова, хлопоталъ М. А. Балакиревъ. Онъ устроилъ такъ, что С. П. принялъ меня въ своей клиникѣ, въ академіи.

Пріемъ происходилъ во время чтенія лекціи на IV курсѣ. Аудиторія была полна. Всѣ студенты, а также молодые доктора были въ сборѣ. Лекція была посвящена мнѣ, т.-е. моей болѣзни. Мнѣ такъ интересно было ее слушать, что вмѣсто паціента я превратился въ слушателя. Въ аудиторіи было свѣжо, и я, сидя раздѣтымъ, не чувствовалъ даже холода и такъ увлекся лекціей, что забылъ, въ какомъ я видѣ, и чуть не вышелъ раздѣтый вмѣстѣ со студентами изъ аудиторіи. Съ тѣхъ поръ прошло около 20 лѣтъ, но многое осталось мнѣ еще въ моей памяти. С. П. я до того времени не видалъ, но я тотчасъ узналъ его по бюсту Антокольскаго. Только на бюстѣ онъ задумчивъ, а въ дѣйствительности былъ полонъ жизни. Черты лица хотя заплывшія, но по выпуклому лбу и глубоко лежащимъ живымъ глазамъ видно было, что это человѣкъ высокаго ума и таланта. Общій типъ чисто русскій, купеческій. Разспросивъ меня предварительно о томъ, что я дѣлаю, какъ лѣплю, гдѣ живу, чѣмъ питаюсь, онъ приступилъ къ выслушиванію груди и затѣмъ заговорилъ приблизительно такъ: «Вотъ передъ вами субъектъ крайне истощенный, тщедушнаго сложенія. Грудь слабая, подъ такимъ-то ребромъ слышна хрипота. Онъ занимается скульптурой и весь день стоитъ передъ мокрой глиной; питается плохо, въ кухмистерскихъ. У него появилась кровь изъ горла. Ему 21 годъ. Если такой больной къ вамъ обратится, то вы сейчасъ гоните его изъ Петербурга. Его года опасны. Его болѣзнь можетъ развиться быстро. Но за этого молодого человѣка не бойтесь: онъ еврей. Его родители бѣдны, тщедушны по рожденію, набожны, ѣдятъ мясо, съ котораго спущена кровь, не ѣдятъ ничего сырого, сала не выносятъ. Многіе ведутъ сидячую жизнь. Отъ рода къ роду у нихъ передается тщедушіе; но вмѣстѣ съ тѣмъ передается и удивительная выносливость. Они обладаютъ изумительной жизненной способностью. Ихъ семейная жизнь строгая, кровь чистая, циркуляція крови правильная. Ровно 10 лѣтъ тому назадъ обратился ко мнѣ другой еврей, его учитель Антокольскій, такой же тщедушный. У него была болѣзнь горла въ такой острой формѣ, что я испугался и упустилъ изъ виду всѣ тѣ обстоятельства, которыя вамъ только что говорилъ, я приговорилъ его къ смерти, думалъ, что онъ недолго проживетъ. Но вотъ онъ поправился и понынѣ здравствуетъ. Итакъ, если такой субъектъ къ вамъ обратится, то, на основаніи его прежней жизни, его происхожденія, его расовыхъ особенностей не пугайтесь и не думайте,

чтобъ онъ былъ въ опасности». Такъ вотъ, какой я, обрадовался я. Мнѣ и бояться нечего. Пожалуй, въ академіи могу продолжать заниматься. Однако, на словахъ Боткинъ передалъ черезъ Балакирева, что мнѣ слѣдуетъ уѣхать на югъ, и добрый баронъ Г. А. Гинцбургъ далъ мнѣ на то средства Я разстался съ академіей и уѣхалъ въ Парижъ.

«Ѣду, ѣду въ Парижъ», полный восторга и радости, говорилъ я всѣмъ и повсюду. «Счастливый, счастливый», мнѣ вездѣ отвѣчали. «Не забудьте, Эліасъ, побывать въ тѣхъ мѣстахъ, въ тѣхъ музеяхъ, о которыхъ я вамъ говорилъ», твердилъ мнѣ В. В. Стасовъ. «Впрочемъ, я вамъ напишу все на бумажкѣ, чтобы не забыли», прибавилъ онъ. «Постарайтесь попасть въ палату депутатовъ во время преній», говорили мнѣ знакомые. «Конечно, вы сходите въ Bal mobil, въ Alcazar», шопотомъ и съ насмѣшкой прибавляли третьи. Я забылъ свою болѣзнь, свои непріятности съ воинской повинностью, все думалъ о томъ, что мнѣ предстоитъ. Какое счастье, что буду въ Парижѣ, въ этомъ великомъ городѣ. Это было вскорѣ послѣ славной всемірной выставки 1878 года, когда почти весь міръ поздравлялъ Парижъ и Францію съ полнымъ возстановленіемъ силъ послѣ неудачнаго 71 года. Все молодое, все свободное устремлялось тогда во Францію, чтобы поучиться у знакомыхъ профессоровъ и художниковъ. Впрочемъ, я не учиться ѣхалъ: хотѣлось мнѣ повидаться съ Антокольскимъ и потомъ уѣхать на югъ. Помню, пріѣхалъ я въ Парижъ рано утромъ, когда на улицахъ не было еще никакого оживленія. Сидя въ закрытой каретѣ, я все нагибался къ окошку и смотрѣлъ въ маленькое окошко на однообразную линію домовъ, которые послѣ цвѣтныхъ домовъ петербургскихъ казались мнѣ скучными и некрасивыми. Зато глазъ мой былъ пораженъ пестротой огромныхъ афишъ, наклеенныхъ на заборахъ и на стѣнахъ. Эта новинка характеризуетъ Парижъ, подумалъ я.

Заѣхалъ я къ Антокольскому, жившему тогда возлѣ Place d'Etoiles, Avenue Victor Hugo. Восемь лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я жилъ у Антокольскаго, въ домѣ Воронина, противъ академіи,—и какая перемѣна! Квартира, куда я теперь заѣхалъ, правда, маленькая, но что за убранство, какое изящество, съ какимъ вкусомъ все разставлено и устроено! На всѣхъ столахъ разложены старинныя вещи изъ кости, дерева и кожи! «А что это за ружье, зачѣмъ оно вамъ?» спрашиваю я у Марка Матвѣича. «Это старинное; впрочемъ, тебѣ-то еще не понятно. Здѣсь въ Парижѣ всѣ собираютъ antiquités, и я пристрастился къ этому. Проживешь, и самъ втянешься въ эту страсть, она очень завлекательна. А сколько пользы принесла эта коллекція моей работѣ! Ужасно развиваешь вкусъ; одно только: разоряешься очень на покупку этихъ вещей. Но деньги не потеряны; я ихъ всегда получу обратно». Въ первый разъ увидѣлъ я красивыхъ дочерей Анто-

кольскаго, одѣтыхъ съ большимъ вкусомъ, по старинному. Онѣ напоминали средневѣковые портреты. Похорошѣвшая Елена Емеліановна одѣта была къ лицу и изящно. Самъ Маркъ Матвѣичъ ничуть не постарѣлъ: онъ былъ полонъ силъ и энергіи. «Счастливѣйшій», подумалъ я, «вотъ, должно быть, доволенъ судьбою: всего достигъ, чего хотѣлъ». «Ну, теперь поведу тебя въ мастерскую, тамъ увидишь другое», сказалъ мнѣ Антокольскій.

По дорогѣ пройдя по Place d'Etoiles, онъ обратилъ мое вниманіе на огромный барельефъ на Arche de Triomphe, работы Ruhd'a. «Вотъ посмотри, это одинъ изъ лучшихъ бразцовъ французскаго творчества. Сколько тутъ огня, какъ талантливо, но и какая *риторика*! Талантливы французы, но вмѣстѣ съ тѣмъ и безсодержательны», продолжаетъ мой бывшій учитель. «Въ искусствѣ они спрашиваютъ, *какъ сдѣлано*, а *не что сдѣлано*. На выставкѣ увидишь массу хорошихъ вещей, но много плохихъ А насчетъ себя скажу, что мнѣ тутъ не мѣсто», прибавилъ онъ съ нѣкоторой грустью въ голосѣ. «Меня все тянетъ обратно въ Италію: тамъ меня понимаютъ, и жизнь тамъ спокойная, тихая. А тутъ этотъ шумъ, гамъ мнѣ не по сердцу. Одно—дѣтямъ тутъ лучше учиться и женѣ здѣсь очень нравится». Незамѣтно, въ разговорѣ, подошли мы къ мастерской, находящейся въ узенькой улицѣ, гие Bayen, у шумнаго грязнаго рынка. Сердце у меня забилось, когда я увидалъ массу статуй и бюстовъ. «А вотъ старый знакомый!» вскрикнулъ я, увидавъ Іоанна Грознаго и Петра. «Нѣтъ, ты посмотри мои новыя вещи; увидишь, какой я сдѣлалъ успѣхъ. Старое то, да не то». И взявъ меня за руку, онъ подвелъ меня къ мраморному Сократу, а затѣмъ къ Христу, работы, за которыя онъ получилъ награду на всемірной выставкѣ. Дѣйствительно, какая удивительная техника, какая широкая лѣпка въ этихъ новыхъ работахъ! Что за красивыя формы тѣла и драпировки и сколько вездѣ мысли и чувства! Но невольно опять мой глазъ перескакиваетъ на Іоанна Грознаго, стоявшаго въ глубинѣ мастерской. Сравниваю его съ новыми работами, и кажется мнѣ, что онъ не хуже новыхъ. Иванъ Грозный поражаетъ энергіей и смѣлостью. «А гдѣ «Инквизиція»? спрашиваю я, желая провѣрить свои прежнія впечатлѣнія. «Охъ, объ ней не говори; она у меня повернута къ стѣнкѣ: ее какъ испортилъ при отливкѣ бронзовщикъ, такъ я на нее и смотрѣть не могу и никому ея не покажу. Можетъ быть, когда-нибудь ее передѣлаю. Впрочемъ, у меня сюжетовъ столько, что не знаю, за который раньше взяться. Есть и еврейскіе сюжеты: Моисей, Деборa, «Вѣчный жидъ»; но теперь я думаю о другихъ».

Кромѣ работъ Антокольскаго въ Парижѣ я ничего не смотрѣлъ въ этотъ пріѣздъ. (Докторъ хотя находилъ мое здоровье удовлетворительнымъ, однако совѣтывалъ поскорѣе уѣхать на югъ). Не стоило въ нѣсколько дней осматривать Парижъ, когда я собирался всю зиму остаться здѣсь. Пока, до отъѣзда, я пользовался

прекрасной погодой и гулялъ по окрестностямъ Парижа. Весна была безподобная. Не знаю, почему добрые знакомые мои въ Петербургѣ, перечисливъ всѣ прелести Парижа, не говорили мнѣ о парижской веснѣ; я думаю потому, что въ эту пору имъ не приходилось бывать въ Парижѣ, иначе они съ восторгомъ говорили бы объ этомъ. Памятна мнѣ моя первая прогулка. Рано утромъ я отправился по широкой, чистой avenue въ Булонскій лѣсъ. Перспектива высокихъ, зеленѣющихъ деревьевъ, за которыми виднѣлись капризно выстроенные особнячки-отели, безконечныя густыя аллеи, чисто-голубое небо, все вмѣстѣ подѣйствовало на меня такъ, что, казалось, съ природою, перерождаюсь, возобновляюсь и я. Не чувствуя усталости, я прошелъ по главнымъ аллеямъ, черезъ весь лѣсъ, перешелъ черезъ Сену, берега которой поразили меня простотой и своеобразной красотой, и попалъ въ St.-Cloud; тамъ, мимо дворца, поднялся на террассу, откуда неожиданно открылся моему взору весь Парижъ, Парижъ, въ которомъ я жилъ, но котораго не зналъ, Парижъ, о которомъ столько мечталъ, но прежде чѣмъ проникнуть во внутрь его, любуюсь его общимъ видомъ. Вернулся я по чуднымъ берегамъ Сены, черезъ Neuilly. Эту прогулку я повторялъ нѣсколько разъ, но эта первая осталась мнѣ больше всего въ памяти.

Скоро я уѣхалъ на югъ Франціи и уѣхалъ не одинъ, а съ художникомъ К., пансіонеромъ академіи. Онъ былъ пейзажистъ, и ему хотѣлось писать этюды на югѣ Франціи, но не зная французскаго языка, онъ нашелъ удобнымъ присоединиться ко мнѣ, и мнѣ было веселѣе ѣхать съ товарищемъ. По совѣту одного художника, мы поѣхали въ маленькій городокъ St.-Iean de Luz, тогда еще мало посѣщаемый иностранцами. Мы прибыли туда рано утромъ. Носильщикъ перенесъ наши вещи въ ближайшую гостинницу, и мы, осмотрѣвъ комнату и разложивъ тамъ вещи, выбѣжали на улицу, чтобы осмотрѣться, гдѣ мы. Было чудное, свѣжее утро. На улицѣ была полная тишина, точно всѣ спали. Зеленыя ставни были вездѣ закрыты. Мы нѣкоторое время стояли въ раздумьи, куда намъ идти; но съ конца улицы доносился какой-то равномѣрный глухой гулъ, и мы направились къ нему по круто подымающейся улицѣ. Дойдя до конца улицы, мы наткнулись на каменный заборъ и передъ нами открылось неожиданное зрѣлище: страшно широкій синій горизонтъ отдѣлялъ тихое зеркало океана отъ ярко-голубого неба, и огромная полоса бѣлаго песку отдѣляла насъ отъ безконечной глади воды. Все казалось неподвижно и тихо; только въ томъ мѣстѣ, гдѣ песокъ кончался, пѣна въ видѣ еще болѣе бѣлой ленты шевелилась, и тамъ происходилъ этотъ глухой гулъ. Я никогда океана не видалъ, и зрѣлище это произвело на меня такое впечатлѣніе, что я долго стоялъ въ изумленіи. Такъ вотъ откуда этотъ шумъ! Такъ близокъ онъ, а мнѣ онъ показался Богъ знаетъ гдѣ. «Что за тишина, что за колоритъ!»

говорилъ товарищъ мой. На возвратномъ пути, когда мы спускались съ высокаго берега, намъ представился видъ совершенно другого рода: огромная зеленая долина отдѣляла нашъ небольшой городокъ отъ красивой цѣпи Пиренеевъ; вдали свѣтилась на солнцѣ рѣчка, за которой виденъ былъ другой городокъ. «Какъ тутъ прекрасно, какое счастье, что мы сюда попали!» сказали мы въ одинъ голосъ. Со слѣдующаго же дня мы стали отправляться на этюды. Товарищъ мой, любившій очень Малороссію, все искалъ мѣста ровныя, съ большимъ горизонтомъ. Ему горы не нравились. «Что за природа здѣсь грубая, непоэтичная! То ли дѣло Малороссія, степи, безконечный горизонтъ и высокое небо». Я не былъ съ ними согласенъ: мнѣ нравились горы. Случалось, однако, что мы направлялись въ горы. Товарищъ мой, навьюченный цѣлымъ багажомъ: ящикомъ съ красками и зонтикомъ, а я альбомомъ и складнымъ стуломъ; усаживались мы въ тѣнистомъ мѣстѣ и работали часами, не замѣчая, какъ время проходитъ. Чистый горный воздухъ, тишина и чудесная природа,—все это доставляло такое удовольствіе, которое понятно больше всего истинному пейзажисту. Работа намъ удавалась, и мы чувствовали себя счастливыми. Иногда мы отправлялись на этюды вторично, послѣ обѣда. Вечеромъ мы развѣшивали свои работы по стѣнамъ, сравнивали ихъ и радовались, что число ихъ увеличивается. Бывало, на насъ нападаетъ меланхолія. Тогда отправляемся мы на plage и тамъ гуляемъ. Товарищъ тогда напѣваетъ русскія пѣсни, которыя зналъ въ изобиліи, а я подтягиваю, какъ могу. Въ пѣсняхъ этихъ иногда высказывалась наша грусть по родинѣ, и обыкновенно послѣ пѣнія разсказывали мы другъ другу о своемъ житьѣ-бытьѣ въ Россіи.

Русскихъ тамъ никого не было. Но разъ былъ такой случай: мой товарищъ былъ въ ударѣ, и отъ пѣсенъ меланхоличныхъ перешелъ къ веселымъ цыганскимъ романсамъ. «Вдругъ услышитъ насъ кто-нибудь», предостерегаю я его. «Какая собака насъ тутъ пойметъ», возражаетъ расходившійся пѣвецъ, продолжая свой жестокій романсъ. «Голубчики, стойте!» кричитъ въ это время кто-то по-русски. Оглядываемся—видимъ, къ намъ бѣжитъ высокій мужчина, лѣтъ 35-ти; брюнетъ, съ открытымъ, добрымъ лицомъ. «Ахъ вы, милые русскіе! Самъ Богъ прислалъ васъ сюда», сказалъ, приблизившись, незнакомецъ. «Позвольте представиться: моя фамилія А. Я погибаю здѣсь отъ тоски, хотя не одинъ я здѣсь: вотъ тутъ гуляетъ генералъ К. съ семействомъ своимъ. Оттого-то я и остановилъ васъ: боюсь, заноете вы такой романсъ, котораго барышнѣ не слѣдуетъ слышать. Пойдемте, познакомлю васъ съ генераломъ». Генералъ—старикъ восточнаго типа, съ очень энергичнымъ лицомъ. Черные, красивые глаза, большой орлиный носъ говорили о его энергіи, но блѣдный цвѣтъ лица, сгорбленность и медленный разговоръ свидѣтельствовали о настоящемъ болѣзненномъ его состояніи. Съ нимъ была дѣвица, съ

длинной свѣтлой косой, и старушка мать, обѣ очень симпатичныя. «Радъ познакомиться,—говоритъ генералъ,—какъ вы сюда попали? Еслибъ не болѣзнь, я бы въ эту дыру ни за что не поѣхалъ. Хвастуны эти французы! Какъ расписали! Въ путеводителѣ даже отмѣчены тумбы и деревья».—«А все-таки вамъ тутъ лучше», успокаиваетъ генерала старушка, типъ разсудительной, умной русской женщины. «Милости просимъ», обращается она къ намъ, «приходите къ намъ сегодня чай пить, у насъ самоваръ есть». Въ тотъ же вечеръ мы отправились съ новымъ нашимъ знакомымъ А. въ кафе. Онъ угощалъ насъ виномъ, но больше всего угощался самъ. Тутъ мы узнали его исторію. Онъ сынъ московскаго высокопоставленнаго лица и въ Москвѣ предавался вину. Родитель послалъ его за границу провѣтриться и полѣчиться. «И вотъ какой я несчастный», кончаетъ свой разсказъ самобичующій А., «здѣсь такъ тоскую, что мѣста себѣ не нахожу. Позвольте мнѣ съ вами на этюды ходить; это меня развлечетъ, и я отъ недуга своего избавлюсь». Мы охотно согласились, и съ тѣхъ поръ въ нашей кампаніи было много веселья, ибо нашъ спутникъ оказался очень остроумнымъ и веселымъ собесѣдникомъ.

Но недолго съ нами продержался нашъ интересный знакомый: по вечерамъ онъ сталъ носить вино къ намъ и насъ угощалъ. Мы запрещали ему это дѣлать, обыскивали его передъ приходомъ, но онъ въ нашемъ отсутствіи пряталъ подъ кроватью корзину съ шампанскимъ.

Въ St.-Jean de Luz мы проводили тихую, рабочую жизнь цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Дни шли за днями незамѣтно и однообразно. Но нѣсколько разъ наша жизнь выбивалась изъ обыкновенной колеи. Разъ мы три дня гуляли, участвуя на праздникахъ St.-Jean. Тогда весь городъ превращается въ ярмарку; устраиваются игры, театры, цирки и проч.; съѣзжаются со всѣхъ окрестныхъ деревень крестьяне; тутъ и испанцы, и баски, и французы, многіе въ національныхъ костюмахъ. Мы присутствовали на всѣхъ играхъ и зрѣлищахъ, но больше всего насъ интересовали народные танцы. Не забуду, какъ разъ, возвратившись съ гулянья вечеромъ мы наткнулись на слѣдующее: городская площадь, вся облитая луннымъ свѣтомъ, казалось намъ, колыхалась, какъ море, точно волны, и только приблизившись, мы увидѣли, что это танцующій народъ, которымъ сплошь наполнена была вся площадь. Нѣсколько мандолинъ играли народный танецъ—фанданго, а рослые, красивые баски, какъ мотыльки кругомъ цвѣтка, вертѣлись кругомъ граціозно танцующихъ дѣвушекъ. Въ эти три дня мы больше познакомились съ жизнью мѣстныхъ жителей. Незадолго до отъѣзда мнѣ удалось увидѣть болѣе грандіозное зрѣлище.

Въ St.-Jean de Luz было вывѣшено объявленіе, что въ такой-то день будетъ въ St.-Sébastien'ѣ представленіе: бой быковъ. Программа была подробная, имена главныхъ участниковъ напечатаны жирнымъ, красивымъ шрифтомъ; назывались города, гдѣ они родились, перечи-

слялись всѣ ихъ успѣхи и заслуги. Я рѣшился туда поѣхать, посмотрѣть то, о чемъ такъ много говорятъ. До границы я пошелъ пѣшкомъ. Это была прекраснѣйшая прогулка черезъ чудесные Пиренеи. Первый городъ Ирунъ уже носитъ испанскій характеръ: узкія улицы, заборы, обвитые зеленью, дома со множествомъ балконовъ—все это было для меня ново и прекрасно. Дальше я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ, по берегу моря, мимо чудеснаго острова, на которомъ красовался старинный городокъ съ развалинами и башнями. Погода была восхитительная; путешествіе обѣщало быть удачнымъ. St.-Sébastien я не успѣлъ осмотрѣть: торопился на представленіе. Театръ, гдѣ происходитъ бой быковъ, огромный, открытый, круглый, какъ Коллизей. Поразило меня убранство: сидѣнія разукрашены зеленью, флагами и красной матеріей. Главная ложа задрапирована коврами и чудесной матеріей національныхъ цвѣтовъ. Испанскій гербъ, прибитый сверху, указываетъ на то, что въ этой ложѣ сидитъ мэръ или другой представитель города. У меня было хорошее мѣсто, и вся арена и всѣ мѣста были мнѣ видны. Скоро весь театръ заполнился; все запестрѣло. Публика образовала собой сплошную полосу. Свизу полоса эта окаймлялась красной рампой арены; сверху же кончалась флагами, гирляндами, а тамъ—чистое голубое небо. Зрѣлище необыкновенное; пестрота чудныхъ цвѣтовъ пріятно раздражала глазъ, и я любовался общимъ видомъ. Появилась процессія артистовъ въ костюмахъ, расшитыхъ золотомъ и шелками. Они заблестѣли на весь театръ. Мурашки забѣгали у меня по тѣлу, когда музыка заиграла національные испанскіе мотивы. Казались они похожими на еврейскій темпъ. Разодѣтые, стройные, красивые актеры идутъ бодро въ тактъ музыки чудесно звучащихъ мандалинъ. Все зашевелилось отъ восторга; у всѣхъ, видно, пробудился духъ національный. Процессія обходитъ весь театръ и останавливается у разукрашенной ложи. Тамъ на первомъ мѣстѣ сидитъ красавица. Процессія ей кланяется, публика неистово апплодируетъ. Многіе выкрикиваютъ имя красавицы. «Вотъ такъ торжество», сказалъ я по-русски громко, почувствовавъ потребность услышать свой собственный голосъ. «Стоитъ изъ-за тридевять земель сюда пріѣхать, чтобы посмотрѣть это великолѣпіе». Процессія удаляется; музыка замолкаетъ; все утихаетъ.

Не замѣтилъ я, какъ на аренѣ появился быкъ. То былъ не такой быкъ, костлявый, неуклюжій, какихъ я привыкъ видѣть дома. Предо мной стоялъ стройный, красивый звѣрь, чуднаго темно-сѣраго цвѣта (на довольно высокихъ ногахъ и съ удлиненной шеей). Онъ гордо поднялъ голову и удивленно посмотрѣлъ своими прекрасными, большими черными глазами на пеструю публику. Вся его фигура выражаетъ силу и красоту, и невольно любуешься этой дикой породой. Красивые костюмы, музыка, голубое небо и этотъ дикій звѣрь, все вмѣстѣ продолжаетъ восхищать мой глазъ; всѣ эти вещи одинаково прекрасны, и оттого испытываю я большое удовольствіе. Но на этомъ вс удо-

вольствіе, все торжество кончается; дальше совершается такой ужасъ, такое безобразіе, что изъ настроенія восторженнаго разомъ переходишь въ раздраженіе и, наконецъ, доходишь до невыносимаго страданія. Не вѣрится, что тѣ разодѣтые красавцы, которые въ процессіи ходили плавно подъ аккомпаниментъ мандолинъ, которые такъ любезно кланялись красавицѣ, теперь всѣ вооружены орудіями пытки: кто длинными иглами, кто пикой, а кто кинжаломъ. Поочередно, соблюдая какой-то порядокъ, правило и программу (безъ правилъ и безъ программы не совершается ни одно насиліе, ни одно убійство—война, дуэль) они мучаютъ дикаго, растерявшагося звѣря, сперва втыкаютъ ему иглы въ кожу, потомъ пиками колютъ его и затѣмъ закалываютъ ножомъ. Всѣ эти ужасныя мученія совершаются съ такимъ разсчетомъ, чтобы быкъ какъ можно больше разъярился, и когда истекающее кровью животное бросается на мучителей, то одни, какъ жалкіе трусы, разбѣгаются, а другіе дразнятъ быка, отвлекая его въ сторону. Глядя на эту безобразную потѣху, я вспомнилъ то, что видѣлъ въ дѣтствѣ: дрянные мальчишки поймали мышонка. Они накалили желѣзный прутъ и черезъ отверстіе мышеловки жгли имъ глаза и тѣло несчастнаго звѣрька. Мышь бѣгала, пищала, а мучители хохотали. Одинъ старался прутикомъ попасть прямо въ глазъ, и когда ему это удалось, то всѣ захлопали въ ладоши отъ радости. Вскорѣ они утомились, и мышь бросили на съѣденіе кошкѣ. До того я возстановленъ былъ противъ этой жестокости, что у меня совершенно исчезло чувство солидарности съ этой прекрасной породой человѣческой, и я только слѣдилъ за несчастнымъ быкомъ, ждалъ, чтобы онъ бросился на мучителей и отомстилъ бы имъ. И когда быкъ перескакиваетъ черезъ барьеръ и публика въ ужасѣ разбѣгается, то я хохочу. Хочется мнѣ, чтобы быкъ погнался за ними; но быкъ, растерянный, къ досадѣ моей, возвращается на арену. Пикадоръ на лошади, у которой перевязаны глаза, чтобы не пугаться и не видѣть ужаса мученій, втыкаетъ пику въ открытую рану быка. Быкъ въ остервенѣніи бросается на лошадь, рогами распарываетъ ея животъ; кишки лошади вываливаются на землю. Пикадоръ спасается въ ужасѣ. Скоро и убитую лошадь, и внутренности ея на глазахъ всей публики стаскиваютъ съ арены. Быкъ бросается на другого мучителя, который перескакиваетъ черезъ барьеръ и, падая, разбиваетъ себѣ носъ. Кровью онъ облилъ всю рампу. Наконецъ, выполняется самый важный и послѣдній номеръ программы: такъ называемый матадоръ шпагою закалываетъ быка. Публика кричитъ, галдитъ, я думаю, что это отъ радости, но смотрю показываютъ кулаки, ругаются неприличными словами, бросаютъ на сцену апельсинныя корки. Думаю, что это негодованіе, злятся, что убили быка, но и того нѣтъ. По программѣ быка слѣдуетъ убить. Оказывается не такъ убилъ, не по тѣмъ правиламъ, главный гладіаторъ измученнаго звѣря. Музыка заиграла, но шумъ и гамъ не унимается. На сцену является новый быкъ. Я встаю и, громко ругаясь, направляюсь къ выходу. На

меня смотрятъ и иронически улыбаются. Нѣсколько дней я былъ подъ впечатлѣніемъ этого ужаснаго зрѣлища, не могъ ѣсть и спать. Когда черезъ нѣсколько лѣтъ я былъ въ Мадридѣ и узналъ, что скоро тамъ дается бой быковъ, то уѣхалъ изъ города, чтобы не видѣть ту публику, которая приметъ участіе въ неслыханномъ безобразіи.

Я вернулся въ Парижъ глубокой осенью и ради дешевизны поселился въ предмѣстьѣ Парижа, Neuilly. Нанялъ я комнату въ глухой улицѣ, въ маленькомъ ресторанѣ, въ которомъ жили преимущественно итальянскіе рабочіе и кучера. Комната моя находилась въ темномъ корридорѣ верхняго этажа, и обстановка ея была такая, какая обыкновенно бываетъ въ подобныхъ ресторанахъ. Огромная деревянная кровать, занимающая три четверти комнаты покрыта старыми, запыленными, съ потолка спускающимися занавѣсами. Полукруглый столъ прислоненъ къ мраморному камину, на которомъ стоитъ зеркало въ золотой рамѣ и испорченные часы. Старый умывальникъ, маленькій столъ у кровати и единственный стулъ — вотъ все, что могла вмѣстить эта крошечная комната. Все имѣло видъ старый и ветхій; мѣнялись хозяева ресторана: одни умирали, другіе, наживаясь, передавали ресторанъ третьимъ, но обстановка въ комнатахъ оставалась одна и та же впродолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Какая-то грусть всегда охватывала меня, когда я оставался въ комнатѣ лишній часъ, и письма я предпочиталъ писать внѣ дома, лишь бы не видать этой грустной картины изъ окна: черныя крыши и рядъ закоптѣлыхъ трубъ. Впрочемъ, дома я только спалъ и рано утромъ отправлялся въ мастерскую, и по дорогѣ на улицѣ, подъ воротами, гдѣ старуха продавала готовый кофе, я стоя выпивалъ за три су огромную чашку сѣрой жидкости. Въ мастерской я тогда копировалъ съ гипсовъ, большею частью съ работъ самого Антокольскаго. Но работа шла у меня туго, и я не былъ доволенъ ею; техника у меня была слабая: въ академіи я еще не успѣлъ ничему научиться, а указанія Антокольскаго не всегда были мнѣ понятны. Его поправки только обезкураживали меня. Антокольскій тогда реставрировалъ статую Петра. Онъ поручилъ мнѣ по гипсовой статуѣ работать воскомъ, и я исполнялъ его порученіе неумѣло, не такъ, какъ ему хотѣлось. Онъ сердился и бывалъ мною недоволенъ. Вообще, я чувствовалъ себя въ мастерской не совсѣмъ свободно: самъ стѣснялся работать и казалось мнѣ, точно стѣсняю другихъ. Обожая работу Антокольскаго, его изумительную технику и глубокую мысль, которую онъ всегда вкладываетъ во всѣ свои произведенія, я, однако, самъ чувствовалъ себя неспособнымъ къ исторической и героической скульптурѣ (grand art) и все мечталъ о жанрѣ. Въ музеяхъ, на выставкахъ я искалъ вещи, представляющія сцены изъ современной жизни. Еще въ петербургскомъ эрмитажѣ я любовался картинами голландской и фламандской школы. Въ Парижѣ я тогда былъ въ восторгѣ отъ новаго направленія—націоналистовъ. Тогда Jules Breton, Bastien-Lepage, Lehrmite, Dangan-Bouveret

и др. писали изумительныя картины изъ народнаго быта, писали правдиво и такъ понятно для всякаго, что я сталъ больше сознавать въ себѣ это влеченіе къ жанру. Не менѣе нравился мнѣ реализмъ французскихъ скульпторовъ; и они уже сбросили старую, непонятную мнѣ манеру подражанія классикамъ, и хотя все еще работались голыя фигуры, безсмысленныя аллегоріи, однако сама трактовка вещей была реальная, правдивая. Не принималось на вѣру, какъ прежде, то, что дѣлали греки и римляне, а все провѣрялось по натурѣ, и въ этомъ отношеніи искусство скульптуры начало жить своею жизнью. Началось хотя пока только для техники новая эпоха, не возрожденія стараго, а созданія чего-то новаго.

Антокольскому тогда очень понравились мои рисунки и нѣкоторые этюды масляными красками, которые я привезъ изъ St.-Jean de Luz. Онъ посовѣтовалъ мнѣ показать ихъ Боголюбову, съ которымъ былъ тогда въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ. Боголюбовъ, видѣвшій меня въ мастерской Антокольскаго, принялъ меня въ своей мастерской довольно любезно, но работу свою мнѣ не показалъ. Я замѣтилъ только нѣсколько мольбертовъ, на которыхъ висѣли небольшія марины, писанныя по французской манерѣ. Самъ Боголюбовъ, высокій, бодрый еще старикъ, стоя, покровительственнымъ тономъ разспрашивалъ о моихъ занятіяхъ въ акcдеміи. «Здѣсь теперь вашъ президентъ, великій князь; вамъ слѣдуетъ ему представиться», сказалъ онъ. Рисунки мои онъ одобрилъ: «хорошо рисуете. Я могу принять васъ въ ученики; вы у меня научитесь хорошо писать. Это ничего, что вы еврей. Вотъ скульпторъ Беренштамъ также еврй, а я ему протежирую. Одно только: чтобъ вы мнѣ потомъ не сдѣлали того, что сдѣлалъ бывшій ученикъ мой Б: онъ, подлецъ, сталъ копировать меня и такъ поддѣлался подъ мою манеру писать, что его картины принимали за мои.» Показалъ я также свои рисунки М. Я. Виллie. «Надо вамъ поступить въ школу къ какому-нибудь знаменитому художнику», громко сказалъ всегда весело настроенный художникъ. «Только у французовъ и можно учиться. Если позаимствуете ихъ манеру, то въ гору пойдете». И не сказавъ мнѣ ничего, онъ съѣздилъ къ Bonnat и попросилъ его принять меня въ ученики. Однако, всѣ эти любезныя предложенія Боголюбова и Виллie я не могъ принять: скульптурѣ я не былъ намѣренъ измѣнить, а поступать вновь къ какому-нибудь учителю мнѣ не хотѣлось. Я наслышался достаточно разсказовъ о парижскихъ знаменитостяхъ, какъ они равнодушно относятся къ своимъ ученикамъ, а съ другой стороны, какъ сами ученики пользуются только именемъ знаменитыхъ профессоровъ, и мнѣ все это было противно. Я тогда уже чувствовалъ инстинктивное отвращеніе къ слѣпому поклоненію художественнаго авторитета и манерѣ работать, и такимъ образомъ я остался вѣренъ академіи, а пока мастерской Антокольскаго.

Тамъ я близко сошелся съ молодымъ евреемъ Зильберманомъ. Судьба

этого человѣка въ нѣкоторомъ отношеніи замѣчательна. Уроженецъ Орловской губ., онъ получилъ въ наслѣдство отъ отца водочный заводъ, но изъ принципа не сочувствовалъ этому дѣлу, все распродалъ и уѣхалъ въ Парижъ, чтобы тамъ научиться новому дѣлу; но въ поискахъ за работой онъ растратилъ свои деньги, заболѣлъ и попалъ въ больницу. Тамъ случайно его увидѣлъ художникъ Дмитріевъ-Оренбургскій. Впослѣдствіи онъ поступилъ къ Антокольскому въ мастерскую, гдѣ за извѣстную плату исполнялъ всякія порученія, убиралъ мастерскую и покрывалъ колпакомъ работу. Но въ свободное время онъ лѣпилъ, рѣзалъ по дереву и обнаружилъ такія большія способности, что Антокольскій считалъ его своимъ ученикомъ, съ нимъ совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ. И другіе художники оцѣнили способности Зильбермана его потомъ сдѣлали секретаремъ русскаго общества. Съ нимъ я по, дружился и проводилъ почти весь день; вмѣстѣ мы завтракали въ очень маленькомъ кабачкѣ, находившемся у рынка и содержавшемся высокой, толстой бретонкой, m-me Эрнестъ, которая замѣчательно вкусно готовила намъ завтраки. Въ этомъ кабачкѣ я встрѣчался съ нѣсколькими русскими художниками. Русскіе садились вмѣстѣ за отдѣльный столикъ, вмѣстѣ мы ѣли, шутили, смѣялись. Я тогда жилъ на очень скудныя средства и не могъ много тратить на ѣду. Бывало съ завистью смотрю, какъ мои сосѣди берутъ цѣлыя порціи; я же долженъ былъ удовлетворяться полупорціями, при томъ такихъ блюдъ, за которыя не платится supplément. Въ компаніи, изъ подражанія, я пилъ много простого вина, и послѣ завтрака, подъ впечатлѣніемъ оживленнаго разговора съ русскими и выпитаго отвратительнаго вина, я находился въ возбужденномъ состояніи, и вмѣсто того, чтобы идти въ мастерскую, гдѣ никого еще не было (Антокольскій и рабочій уходили завтракать), я уходилъ на часъ въ fortifications; тамъ, усаживаясь на насыпь, я зачерчивалъ виды и наблюдалъ за быстро пробѣгающими мимо меня поѣздами Ceinture. Въ мастерской я работалъ вплоть до вечера и вмѣстѣ съ Маркомъ Матвѣичемъ мы отправлялись къ нему обѣдать. Антокольскій тогда велъ жизнь семейную, замкнутую; никто у него не бывалъ, рѣдко собирались гости. Обыкновенно послѣ обѣда всѣ домашніе расходились по своимъ комнатамъ. Маркъ Матвѣичъ читалъ или писалъ, и я, чуточку посидѣвъ и почитавъ русскую газету, уходилъ. Но куда идти? Домой еще рано было. Мнѣ противно было возвращаться въ мою комнату чрезъ ресторанъ, наполненный пьющими кучерами и лакеями. И вотъ, очутившись на Place d'Etoiles, откуда лучами идутъ улицы по всѣмъ направленіямъ, я, не зная куда дѣться, бывало хожу, куда глаза глядятъ. Иногда спускаюсь по тѣмъ улицамъ, которыя ведутъ къ Сенѣ, но тамъ темнота, закрытые большіе отели наводили на меня тоску. Не менѣе грустно мнѣ было гулять по аллеямъ, ведущимъ въ Bois de Boulogne; тамъ просто страшно было одному: какія-то подозрительныя лица встрѣчались по дорогѣ. Заманчивой ка-

залась мнѣ Avenue des Champs Elysées, эта главная артерія, ведущая въ центръ Парижа. Точно пульсъ, тутъ бьется жизнь бульваровъ. Бывало, спускаюсь по этой единственной въ своемъ родѣ улицѣ, останавливаюсь у Concerts, освѣщенныхъ тысячами огней, но не имѣя денегъ, чтобы войти, иду мимо, черезъ Place de la Concorde къ Madeleine, а оттуда на бульвары.

Такъ я разъ гулялъ вечеромъ по Boulevard Montmartre. Скучно мнѣ было одному въ этомъ шумѣ и общемъ весельѣ. Остановился я у théâtre Vaudeville и съ завистью смотрю, какъ разряженная публика входитъ въ ярко освѣщенный театръ. Я еще ни разу не былъ въ парижскомъ театрѣ, и мнѣ очень хотѣлось посмотрѣть, какъ французы играютъ. Но въ карманѣ у меня былъ лишь одинъ франкъ, а мнѣ еще хотѣлось выпить вечеромъ Groseille. Какой-то субъектъ, молодой, въ котелкѣ, похожій на тѣхъ, которые снуютъ у café съ разными товарами, предлагаетъ мнѣ билетъ въ театръ: «Seulement 50 centimes», говоритъ онъ шопотомъ. «Вѣроятно фальшивый билетъ», думаю я. Но точно онъ угадалъ мои мысли и продолжаетъ: «N'ayez pas peur, le prix est 2 fr. Je vous placerai bien».

«Можетъ быть, это барышникъ; ему даромъ достался билетъ. Отчего бы не идти, если такъ дешево», думаю я и плачу 50 сант. Направляюсь къ главному входу, но продавецъ беретъ меня за руку и говоритъ: «Я поведу васъ другимъ ходомъ», и свелъ меня въ темный дворъ, гдѣ ждали человѣкъ десять, снабженныхъ такими билетами, какъ у меня. Вмѣстѣ поднялись мы по грязной черной лѣстницѣ въ верхній этажъ и очутились за кулисами. Тутъ опять ждала насъ партія человѣкъ въ десять. Пересчитавъ всѣхъ насъ, благодѣтель нашъ исчезъ; мы остались одни и въ недоумѣніи смотрѣли другъ на друга. «Все равно, попался», подумалъ я, «что будетъ, то будетъ». Однако, скоро вернулся нашъ предводитель, и мы пошли за нимъ; черезъ какія то кладовыя и темный низенькій корридорчикъ попали мы въ освѣщенный театръ на самый верхъ. «Вотъ первая скамейка въ вашемъ распоряженіи; разсаживайтесь, какъ хотите, мѣста хорошія». Самъ онъ садится на краю скамьи нашей. Мое мѣсто, дѣйствительно, хорошее: точь въ точь такое, какъ первая скамейка 2-го яруса Маріинскаго театра, а тамъ заплатилъ бы за такое мѣсто не менѣе 75 коп. Внизу, въ партерѣ, пустовато; какой-то субъектъ расхаживаетъ важно между скамейками и о чемъ-то выкрикиваетъ. Прислушиваюсь, но ничего не могу разобрать; но мой сосѣдъ, весельчакъ-шутникъ, передразниваетъ: «Voilà le programme!» Занавѣсъ поднимается; начинается представленіе. Актеръ декламируетъ, сильно размахивая руками. Я ничего не слышу и ничего не понимаю, и только окончился монологъ, какъ нашъ предводитель слегка приподнимается, нагибается и, глядя въ нашу сторону, сильно хлопаетъ, за нимъ вся наша скамейка. Смотрю—внизу въ театрѣ гробовое молчаніе. Представленіе продолжается; актриса

говоритъ, и только она кончаетъ свой разсказъ, какъ опять раздается неистовое хлопанье на моей скамейкѣ. Я единственный не хлопаю, а то рѣшительно всѣ сидящіе возлѣ меня. Сосѣдъ толкаетъ меня въ плечо. Оглядываюсь: вижу—нашъ благодѣтель киваетъ на меня головой, жестикулируетъ, точно въ чемъ-то меня упрекаетъ. Въ недоумѣніи я на него смотрю. Тогда онъ подбѣгаетъ ко мнѣ сзади и говоритъ: «Monsieur, il faut claquer!» Но слово «claquer» было для меня еще менѣе понятно, чѣмъ кивки его головы. Тогда онъ, складывая руки ладонями и то поднимая, то опуская ихъ, говоритъ: «Il faut faire comme ça, comme ça, comme ça!» Тутъ-то я догадался, что мой дешевый билетъ наложилъ на меня обязанность хлопать. «Но зачѣмъ это?» спрашиваю я себя. Мнѣ не столько стыдно, сколько досадно стало, что, ничего не понимая, ни единаго слова, что говорится на сценѣ, я долженъ еще аплодировать. Улучивъ удобную минуту, когда всѣ внимательно слушали, я незамѣтно вышелъ въ корридоръ, а оттуда бросился внизъ по лѣстницамъ. Счастливый, что спасся, очутился на бульварѣ. Когда я вернулся домой и о случившемся разсказалъ Антокольскому, то онъ долго хохоталъ. «Ты, голубчикъ, въ клакеры попалъ; знаешь, что это»? И разсказалъ онъ мнѣ подробности этого сорта рекламы. «Но совѣтую», закончилъ мой бывшій учитель, «не разсказывай никому, какъ ты попался: будутъ смѣяться надъ тобой».

Разъ въ недѣлю, кажется, по вторникамъ, я проводилъ въ обществѣ русскихъ художниковъ, въ такъ называемомъ русскомъ клубѣ. Онъ помѣщался въ домѣ барона Гинцбурга, rue Tilsite 7, очень близко отъ меня и отъ Антокольскаго. Тамъ всегда собирались почти всѣ русскіе художники, живущіе въ Парижѣ, но бывали и посторонніе: пріѣзжіе русскіе. Вечеръ проходилъ всегда очень оживленно, въ разговорахъ, рисованіи и чаепитіи, и я аккуратно посѣщалъ эти вечера. Предсѣдателемъ этого общества тогда былъ И. С. Тургеневъ, который не всегда бывалъ. Но когда онъ приходилъ, то всѣ его окружали и съ жадностью ловили каждое его слово. Говорилъ онъ, впрочемъ, мало, и я не помню его разговоровъ, кромѣ одного анекдота, какой обыкновенно разсказывается въ мужской компаніи послѣ обѣда. Но душой вечера всегда бывалъ Боголюбовъ. Онъ какъ будто представлялъ собою главную силу общества. Больше всѣхъ онъ говорилъ и разсказывалъ, да и дѣйствительно больше другихъ зналъ все, что дѣлается въ Парижѣ и въ Россіи. Имѣя большія знакомства какъ въ русскихъ, такъ и во французскихъ высшихъ сферахъ, онъ много дѣлалъ для молодыхъ нуждающихся художниковъ. Доставалъ стипендіи и работы, и солидные художники часто пользовались его услугами; нѣкоторымъ онъ доставлялъ заказы, а иногда и ордена. Но покровительствуя однимъ, онъ иногда обходилъ другихъ. Горе было тому, кто ему почему-либо не нравился, такому онъ не только добра не дѣлалъ, но иногда и вредилъ. Не забуду бѣднаго, разбитаго параличемъ художника Егорова. Его не по-

любилъ всесильный Боголюбовъ и всячески отказывалъ ему въ какой-либо помощи. Въ обществѣ Боголюбовъ всегда рисовалъ, спичку или свернутую въ трубочку бумажку онъ макалъ въ чернильницу и этимъ дѣлалъ въ нѣсколько часовъ красивый морской видъ или пейзажъ. При этомъ онъ громко разсказываетъ, какъ онъ былъ у такого-то высокопоставленнаго лица, какъ его приняли, и какъ ему удалось выхлопотать для бѣднаго ученика стипендію. Изъ этихъ разсказовъ видно было сознаніе собственной силы и его вліянія въ высшихъ кругахъ общества. Нѣкоторые бѣдные художники, заискивающіе его расположенія, съ особеннымъ подобострастіемъ слушали разсказы этого генерала-художника, какъ его всѣ называли въ Парижѣ. Другіе молодые художники, которые были ему дѣйствительно обязаны, съ благоговѣніемъ смотрѣли на своего благодѣтеля. Болѣе индифферентно относились къ разсказамъ Боголюбова художники уже извѣстные, не нуждающіеся въ немъ, какъ Харламовъ, Леманъ, Вилліе и др. Много жизни и веселья вносилъ въ Общество вѣчно бодрый и веселый М. Я. Вилліе. Этотъ художникъ, типъ бывшаго военнаго, всегда держался по джентльменски, со всѣми одинаково—вѣжливо и просто. Страстный поклонникъ всего французскаго, онъ до тонкости зналъ Парижъ и частную жизнь французскихъ художниковъ. Изящный, офранцузившійся Харламовъ, добродушный простякъ Леманъ и молчаливый болѣзненный на видъ Дмитріевъ-Оренбургскій держались нѣсколько въ сторонѣ, мало вмѣшивались въ общіе разговоры и свои взгляды высказывали отрывочно, иногда въ шутливой формѣ. Многіе изъ этихъ художниковъ состояли членами комитета общества, но о томъ, какъ они тамъ дѣйствовали, было мнѣ неизвѣстно. Антокольскій рѣдко бывалъ въ обществѣ. Но кто больше всего тогда мнѣ нравился, это молодой, еще только начинающій входить въ славу малороссъ Похитоновъ; высокій, некрасивый, съ огромной шапкой всклокоченныхъ волосъ и широко разставленными глазами, онъ былъ, однако, очень симпатиченъ. При всемъ его поклоненіи французскимъ художникамъ-пейзажистамъ онъ больше другихъ оставался въ душѣ русскимъ. Его скромность и простота располагали всѣхъ въ его пользу. Въ собраніяхъ общества больше всего разсказывалось о событіяхъ дня, сообщались художественныя новости, менѣе всего говорилось о русскихъ художникахъ въ Россіи. Зато съ особеннымъ обожаніемъ говорилось о Франціи и о салонѣ. Меня поразило это обожаніе и фетишизмъ ко всему безъ разбору: и рекламы, и приторная вѣжливость, и внѣшніе эффекты, все превозносилось наравнѣ съ дѣйствительно хорошими сторонами французскаго художества. Меня огорчало пренебреженіе ко всему тому, что находилось внѣ Парижа, мѣриломъ всего въ искуствѣ былъ салонъ, а единственнымъ признакомъ успѣха художника—парижскіе газетные отзывы.

Помню, какой-то пріѣзжій русскій разсказалъ о передвижной выставкѣ

въ Петербургѣ. «Вотъ я вамъ, господа, скажу, какой успѣхъ имѣлъ знаменитый».—«Какой знаменитый?» спрашиваетъ одинъ изъ офранцузившихся художниковъ. «Чѣмъ онъ знаменитъ? Въ салонѣ не было его картины? Нѣтъ? Значитъ, онъ не знаменитъ. Парижскія газеты о немъ не писали? Нѣтъ? Значитъ, успѣха еще не имѣлъ. Батенька, кто въ Парижѣ не выставляетъ, того мы не знаемъ. Пускай его работы примутъ въ салонъ, пускай о немъ говорятъ здѣсь, тогда онъ будетъ признанъ!» И дѣйствительно, между собой художники различали другъ друга не по таланту, не по тому, кто что писалъ, а потому, принята ли его работа въ Салонъ, получилъ ли онъ награду. Такой художникъ почитался и уважался всѣми. «Позвольте вамъ представить молодого художника; его картины приняли въ Салонъ»; часто слышалось это изъ устъ корифеевъ художниковъ. О томъ, что за картина, что она представляетъ, — не говорилось. Вообще вопросы объ искусствѣ и о его задачахъ рѣзко затрагивались, и молодые художники, пріѣхавшіе въ Парижъ поучиться, слушая разсказы о важности успѣха въ салонѣ, о газетныхъ отзывахъ, проникались страстью къ достиженію этой извѣстности, этого успѣха (succès); и вмѣсто того, чтобы искренно работать, слѣдуя внутреннему влеченію, они принимались изучать тѣ вещи въ салонѣ, которыя больше всего по манерѣ и внѣшней техникѣ превозносились; начинали подражать салоннымъ clous (гвоздямъ). Правда, многимъ начинающимъ молодымъ талантамъ бывала трудна такая погоня за этой изысканной виртуозностью, ради которой приходилось жертвовать своими возлюбленными сюжетами; но желаніе держаться въ Парижѣ брало иногда верхъ надъ другими чувствами. Какъ муха, попавшая въ тарелку съ медомъ, прилипаетъ крылышками къ краямъ, такъ иногда эти молодые художники сидѣли годами у ярко освѣщеннаго костра и сами терпѣли холодъ и голодъ. Парижскіе старожилы-художники съ опаскою и недовѣріемъ смотрѣли на пріѣзжихъ русскихъ, зная, съ какимъ трудомъ удается инымъ проскочить, а въ лучшемъ случаѣ сдѣлаться похожимъ на француза.

Таковымъ казалось мнѣ тогда настроеніе Общества русскихъ художниковъ въ Парижѣ. Впослѣдствіи, когда черезъ нѣсколько лѣтъ я вернулся въ Парижъ и посѣщалъ общество, многое уже тамъ перемѣнилось. Я держался въ сторонѣ отъ всѣхъ, и старыхъ, и молодыхъ, и ни съ кѣмъ, кромѣ Зильбермана, не разговаривалъ. Чувствовалъ я себя пришельцемъ, случайнымъ гостемъ; всѣ знали, что я пріѣхалъ въ Парижъ на время, оставилъ петербургскую академію, гдѣ числился ученикомъ. Никто не спрашивалъ, что я дѣлаю, къ чему меня влечетъ. Но былъ такой случай, изъ-за котораго на меня обратили вниманіе. Баронъ У. О. Гинцбургъ предложилъ маленькій конкурсъ — сдѣлать картину или барельефъ на свободную тему по данному размѣру рамки, которая имѣлась у него. Участвовали все молодые художники, которыхъ привлекли три небольшія денежныя преміи, и я вылѣпилъ ба-

рельефъ, сценку изъ дѣтской жизни: «Масло жмутъ»; шалуны-мальчишки поймали ненавистнаго имъ товарища и на скамейкѣ жмутъ его со всѣхъ сторонъ. Жюри состояло изъ художниковъ, которые не принимали участія въ конкурсѣ. Всѣ удивились, когда узнали, что и Боголюбовъ работаетъ для конкурса; и дѣйствительно, скоро среди представленныхъ вещей мы узнали его картину. На ней была изображена Вандомская колонна, съ которой летитъ головой внизъ художникъ, держа въ рукахъ палитру и кисть. Внизу у картины написано: «Такова участь художника, который провалится на семъ конкурсѣ». Всѣ думали, что первую премію присудятъ Боголюбову, какъ болѣе почтенному художнику; да и самъ Боголюбовъ, вѣроятно, былъ въ томъ увѣренъ. Скоро жюри вынесло резолюцію, для всѣхъ неожиданную: первую премію получилъ Похитоновъ, вторую—я, а третью не помню кто. Боголюбовъ такимъ образомъ остался за флагомъ. Курьезно было то, что онъ обидѣлся, сталъ вышучивать конкурсъ, хотѣлъ его разстроить и, наконецъ, въ сердцахъ сказалъ: «Ну, ужъ вы, тамъ, неизвѣстно, получите ли вы свои преміи! А я завтра же свою картину предложу купить барону».

Мнѣ важно было получить денежную премію; деньги мнѣ тогда очень нужны были. Кромѣ того этотъ небольшой успѣхъ меня пріободрилъ, я почувствовалъ, что я способенъ къ дѣтскому жанру и что послѣ того, какъ оставилъ сюжеты изъ еврейской жизни, ближе всего и интереснѣе всего мнѣ была дѣтская жизнь. Съ тѣхъ поръ я дѣйствительно лѣпилъ все дѣтей. Чтобы совершенствоваться въ рисункахъ, я поступилъ въ частную академію бывшаго натурщика Колороски, но только нѣсколько недѣль я тамъ рисовалъ: мнѣ не понравилось, какъ всѣ относились къ работѣ. Отношеніе къ рисованію было не болѣе серьезно, чѣмъ къ свисту и пѣнію, которыми оно сопровождалось; поверхностное изученіе натуры, не передача дѣйствительности всѣхъ занимала, а больше щегольство и ловкость наброска. Руководителя никакого не было, и учиться не у кого было. Я предпочелъ лучше не заниматься.

Кромѣ единственнаго развлеченія въ кругѣ художниковъ, все остальное время въ недѣлю я проводилъ въ одиночествѣ. Пріятель мой Зильберманъ влюбился въ француженку (впослѣдствіи онъ на ней женился) и я рѣже сталъ его видѣть. Нѣкоторые русскія знакомые, съ которыми бы хотѣлъ повидаться, жили въ другомъ концѣ города и, какъ въ Парижѣ водится, никогда дома не бывали. Французскій языкъ я плохо зналъ, а русскихъ книгъ у меня не было. Иногда мое одиночество приводило меня въ отчаяніе, и вечеромъ меня только раздражалъ этотъ веселящійся Парижъ; онъ только искупалъ мою жаждущую жизни натуру. Бродя по улицамъ, я иногда заходилъ въ какой-нибудь ярко освѣщенный bal. Огромная толпа веселящихся лакеевъ и жокеевъ биткомъ наполняла залу; духота, пыль и смрадъ меня утомляли. Рѣзкая музыка неистово звучала, и дикіе танцы грубаго,

развратнаго пошиба возбуждали во мнѣ одно отвращеніе. Танцовали почти на одномъ мѣстѣ, до того тѣсно было. Это были не тѣ танцы, которые я видѣлъ на площади St.-Jean de Luz. Тамъ молодые работники и порядочныя дѣвушки веселились отъ души, здѣсь же забавлялись преимущественно пожилые развратники, насмотрѣвшіеся всякой скверности у своихъ избалованныхъ господъ.

Иногда я гулялъ до изнеможенія и поздно вечеромъ возвращался пѣшкомъ домой. Послѣ шумнаго Парижа загородная жизнь казалась мнѣ мертвой и тоскливой. Усталый, разбитый я входилъ въ свою крошечную комнату, гдѣ запахъ сырости, старья и постельнаго бѣлья раздражалъ меня. Долго бывало, не засыпаю: мерещатся въ глазахъ бульвары, bal, шумъ и веселье. Бывало отъ безсонницы пытаюсь писать роднымъ и знакомымъ, но письма выражали у меня такое отчаяніе, такую безнадежность, что я ихъ не отсылалъ по назначенію. Скоро одно обстоятельство вывело меня изъ этого состоянія. Разъ въ мастерскую Антокольскаго пришла молодая француженка, бывшая модель, красивая и на видъ очень скромная. «A, m-lle Amélie!» обрадовался ей Антокольскій и протянулъ ей руку. «Bonjour, monsieur!» кокетливымъ, симпатичнымъ голосомъ сказала гостья. «Mais vous êtes décoré! Comme c'est beau d'être décoré!» говоритъ француженка, глядя на красную ленточку, которая красовалась въ петличкѣ Антокольскаго. «Вотъ, рекомендую тебѣ», обратился ко мнѣ Антокольскій, «премилая, хорошая дѣвушка. Ты вылѣпи ея бюстъ, она денегъ не возметъ. Бюстъ ты ей подаришь, а тебѣ будетъ хорошее упражненіе».—«Кто она такая»? поспѣшилъ я спросить Зильбермана, стоявшаго за перегородкой. «Прехорошенькая дѣвушка», подтвердилъ мнѣ другъ. «Она, бѣдная, въ прошломъ году была влюблена въ художника Шведа, который жилъ надъ нами. Онъ уѣхалъ, и она долго горевала. Вотъ цѣлый годъ не показывалась». Я сталъ лѣпить ея бюстъ и скоро увлекся самой моделью. Послѣ сеансовъ провожалъ ее домой, а иногда по вечерамъ ждалъ ее на улицѣ, чтобы проводить въ школу, гдѣ она училась рисовать. Бюстъ я удачно кончилъ. И вотъ, въ одинъ прекрасный вечеръ отлитый изъ гипса бюстъ несу въ подарокъ модели. Amélie жила въ Neuilly, у самой Сены. Родителей у нея не было, она жила у бабушки и дѣдушки, глубокихъ стариковъ, консьержей при старомъ необитаемомъ отелѣ, старики занимали флигель, а внучка жила въ мезонинѣ при отелѣ. Старики любезно меня приняли, благодарили за подарокъ, угостили меня кофе, разспрашивали, откуда я, и скоро объявили, что пора имъ ложиться спать. Это было въ 9 часовъ вечера, ни мнѣ, ни Amélie не хотѣлось разставаться. И вотъ француженка придумала слѣдующее: подъ предлогомъ показать мнѣ что-то въ своей комнатѣ, она меня провела къ себѣ, а сама, уложивъ бабушку и дѣдушку спать, объявила имъ, что провожаетъ меня; но выйдя изъ комнаты, стукнувъ наружною дверью

и пожелавъ мнѣ спокойной ночи, она вернулась ко мнѣ и мы проболтали нѣсколько часовъ наединѣ.

Съ тѣхъ поръ я часто сталъ бывать въ этомъ бѣдномъ семействѣ. Парижъ я оставилъ, и вмѣсто того, чтобы бродить по освѣщеннымъ улицамъ, я сталъ удаляться на окраину города, въ глушь и тишину. Особенную прелесть представляли мнѣ вечернія прогулки, когда я возвращался одинъ домой, по тихимъ, грустнымъ аллеямъ, мимо запущенныхъ садовъ, заборовъ и кладбища. Поэтичными казались мнѣ въ лунную ночь покрытыя снѣгомъ высокія деревья, аллеи и освѣщенная готическая церковь. Иногда слышно было въ этой церкви пѣніе; я тогда входилъ туда и съ удовольствіемъ слушалъ, какъ на клиросѣ поютъ молодыя англичанки, въ то время, какъ въ другихъ частяхъ города раздавались веселыя пѣсни и оргіи. Благодаря знакомству съ француженкой, я хорошо сталъ понимать по-французски. Вмѣстѣ мы читали книги и газеты. Сталъ я интересоваться парижскими новостями и политикой. Но въ то же время я сталъ манкировать иногда работою въ мастерской, а иногда даже не приходилъ обѣдать къ Антокольскому. Отъ Антокольскаго не ускользнуло мое увлеченіе.

Зима близилась къ концу, годъ моего отпуска изъ академіи кончался; мнѣ слѣдовало серьезно подумать о будущемъ. Нѣкоторые совѣтовали мнѣ оставаться въ Парижѣ и тамъ поступить въ академію. Антокольскій обѣщалъ даже выхлопотать, чтобы стипендія, которую я получалъ въ Петербургѣ, переводилась въ Парижъ. Но я чувствовалъ себя неспособнымъ учиться при такихъ условіяхъ, безъ знакомыхъ и родныхъ. Кромѣ того парижская жизнь, казалось мнѣ тогда, мало могла давать матеріала для художника-иностранца. Правда, техника у французовъ такая, что есть чему поучиться, но я уже тогда не могъ отдѣлить форму отъ содержанія. Впрочемъ, главное, что меня побудило уѣхать, это желаніе повидаться съ знакомыми и съ товарищами по академіи, гдѣ, какъ казалось мнѣ, работалось съ особеннымъ увлеченіемъ. Грустно мнѣ было все-таки разстаться съ Парижемъ; Зильберману и француженкѣ я далъ слово скоро вернуться. Счастливый пріѣхалъ я въ Петербургъ и съ рвеніемъ принялся за занятія; больше, чѣмъ прежде я работалъ, и сомнѣнія, которыя раньше, до отъѣзда изъ Петербурга, меня мучили, теперь исчезли.

Илья Гинцбургъ.

—

МУРАВЬИ И ТЛИ

въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ (симбіозъ).

Біологическій очеркъ *).

Общеизвѣстно, что муравьи пользуются тлями, какъ человѣкъ — дойнымъ скотомъ. Со временъ *Линнея*, назвавшаго тлей «коровами муравьевъ», различными послѣдующими авторами (*П. Гюберомъ*, *А. Форелемъ*, *Леббокомъ* и др.) тли называются коровами, козами, скотомъ, домашними животными муравьевъ. Этотъ взглядъ нашелъ себѣ отраженіе и въ общихъ учебникахъ зоологіи, напр., въ учебникѣ зоологіи *Р. Гертвига*.

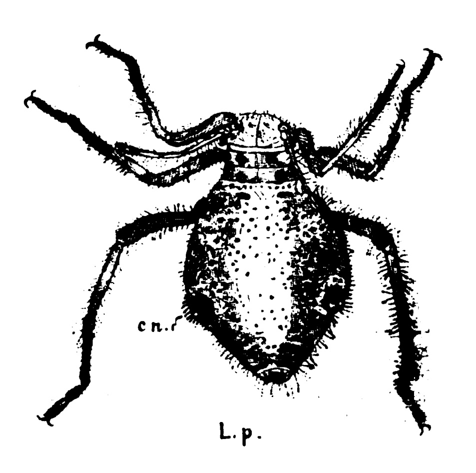

Рис. 1. Безкрылая партеногенетическая (живородящая) самка *Lachnus pineus* Mordw. Видъ живетъ на побѣгахъ сосны между хвоями. *сп. б.*—спинной бугорокъ (соотвѣтствуетъ трубочкѣ другихъ тлей).

Едва ли найдется сколько-нибудь наблюдательный человѣкъ, который бы не имѣлъ представленія о тляхъ, этихъ мелкихъ насѣкомыхъ—то безкрылыхъ, то крылатыхъ, живущихъ, часто густыми и значительными колоніями, на тѣхъ или другихъ частяхъ различныхъ растеній и часто приносящихъ послѣднимъ значительный вредъ. На побѣгахъ и частью подъ листьями розъ сосетъ обществами довольно крупная, продолговатая, зеленаго цвѣта тля, называемая *Siphonophora rosae;* на молодыхъ побѣгахъ и подъ листьями яблони, айвы, иногда груши и нѣкоторыхъ другихъ деревьевъ сосетъ мелкая травянистая

*) За болѣе подробными свѣдѣніями по данному вопросу, также за литературными указаніями желающіе могутъ обратиться къ сочиненію автора: «Къ біологіи и морфологіи тлей», напечатанному въ «Трудахъ русск. энтомол. общества», т. 33. 1901.

тля *Aphis mali*; на макѣ, лебедѣ, свеклѣ, русскомъ бобѣ, щавеляхъ и многихъ другихъ травянистыхъ растеніяхъ сосетъ лѣтомъ бурая тля *Aphis papaveris* (*evonymi* и *rumicis* — синонимы), на вѣтвяхъ хвойныхъ деревьевъ сосутъ крупныя тли рода *Lachnus* (рис. 1) и т. д. Изъ нашихъ деревянистыхъ растеній лишь немногія свободны отъ нападеній тлей, напримѣръ, сирень, одинъ видъ кизиля (*Cornus mas*). Но тли совершенно не встрѣчаются на папоротникахъ, хвощахъ и вообще на тайнобрачныхъ растеніяхъ. На деревянистыхъ и различныхъ травянистыхъ растеніяхъ тли встрѣчаются не только на надземныхъ частяхъ растеній, но и на подземныхъ — корняхъ и корневищахъ; такъ, напр., нѣсколько видовъ тлей живетъ на корняхъ и корневищахъ злаковъ; на корняхъ полевой полыни (*Artemisia campestris*), чернобыльника (*Art. vulgaris*), цикорія сосетъ крупная продолговатая тля *Trama radicis* (см. рис. 4). Многіе виды тлей своимъ сосаніемъ на листьяхъ, листовыхъ черешкахъ и побѣгахъ вызываютъ образованіе галловъ, въ которыхъ онѣ и уединяются. Нѣкоторые виды тлей получили печальную извѣстность, благодаря тому вреду, который они наносятъ культурнымъ растеніямъ; таковы напримѣръ, виноградная филлоксера (*Phylloxera vastatrix*), красная кровяная тля (*Schizoneura lanigera*), частью—зеленая гороховая тля (*Siphonophora pisi*, см. рис. 2 *a* и *b*) *).

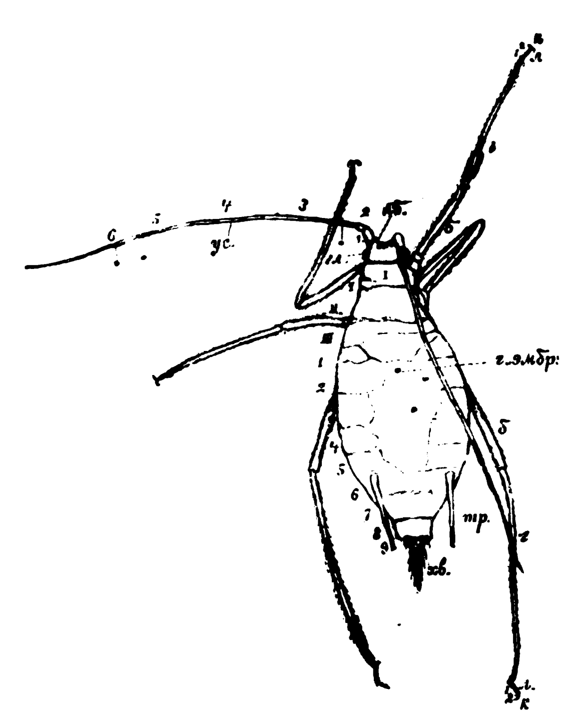

Рис. 2 *a*. Безкрылая живородящая (партеногенетическая) самка *Siphonophora pisi* K a l t. (*ulmariae* auct.). *л. б.*—лобные бугорки, на которыхъ сидятъ усики; *ус.*—усики, *1—6*—членики ихъ, .:—обонятельныя ямки (на 3-емъ членикѣ при основаніи нѣсколько ямокъ и при концѣ 5-го и основной части 6-го члениковъ по одной); *гл.*—сложные глаза, I—III—грудные сегменты; въ ножкахъ *б*—бедро, *г*—голень, *л*—лапка, *1*, *2*—первый и второй членики ея, *к*—коготки; *1—9*—сегменты брюшка; *тр*—спинная трубочка; *хв*—хвостикъ; *г. эмбр.*—просвѣчивающіе черезъ кожу глаза эмбріоновъ.

*) Тли лѣтомъ размножаются посредствомъ безкрылыхъ партеногенетическихъ самокъ, откладывающихъ живыхъ дѣтенышей; осенью же и къ концу лѣта появляются самцы и особыя половыя самки, которыя, послѣ оплодотворенія, откладываютъ зимующія яйца.

Не всѣ тли посѣщаются муравьями, равнымъ образомъ не всѣ виды муравьевъ одинаково относятся къ тлямъ. Въ то время, какъ нѣкоторые виды муравьевъ живутъ исключительно насчетъ тлей, другіе утилизируютъ ихъ лишь въ большей или меньшей степени, третьи не посѣщаютъ тлей совершенно.

Мы сперва разсмотримъ, въ чемъ именно состоятъ отношенія между муравьями и тлями, а затѣмъ уже перейдемъ къ рѣшенію вопроса, каковы взаимоотношенія между тѣми и другими насѣкомыми. По вопросу объ отношеніи муравьевъ къ тлямъ много цѣнныхъ наблюденій произвелъ уже *П. Гюберъ*; послѣдующимъ авторамъ пришлось частью подтвердить наблюденія Гюбера, частью дополнить.

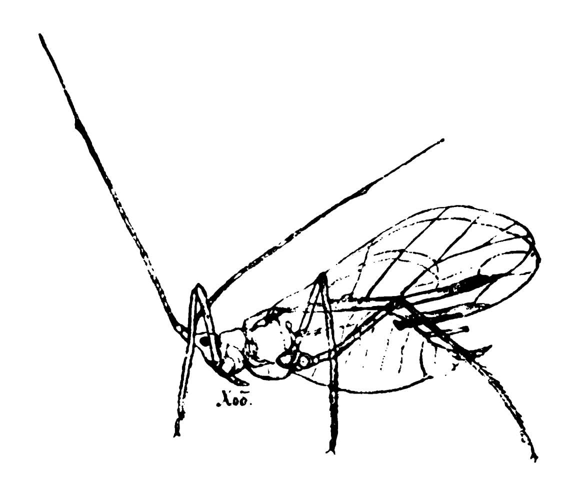

Рис. 2 *b*. Крылатая живородящая самка *Siphonophora pisi* (сбоку) со сложенными кровлеобразно крыльями. *хоб.*—хоботокъ.

Тли привлекаютъ муравьевъ своими жидкими, сладкими экскрементами, которые выступаютъ изъ ихъ порошицевыхъ (анальныхъ) отверстій въ видѣ свѣтлыхъ шарообразныхъ капель. Если эти капли опадаютъ на листья вѣтки растеній въ большомъ количествѣ, то, при засыханіи, они образуютъ липкій блестящій слой — такъ называемую медяную росу. Анализы медяной росы показываютъ, что она содержитъ, кромѣ небольшого количества бѣлковыхъ веществъ, слизи и др., особенно много сахаристыхъ веществъ. Уже изслѣдованіе состава медяной росы показываетъ, какимъ цѣннымъ продуктомъ, какъ пищевыя вещества, являются для муравьевъ жидкіе экскременты тлей, а если при этомъ принять во вниманіе большое количество экскрементовъ, выдѣляемыхъ тлями, то легко будетъ представить себѣ, какую громадную роль въ жизни муравьевъ могутъ играть тли. «Достаточно,—говоритъ *Форель*,—двухъ или трехъ порцій экскрементовъ этихъ насѣкомыхъ, чтобы наполнить зобъ одного муравья, который затѣмъ отрыгаетъ эту жидкость своимъ товарищамъ и своимъ личинкамъ».

Вотъ наблюденія *Гюбера* надъ способомъ, которымъ муравьи получаютъ экскременты тлей.

«Вѣтка чертополоха была покрыта бурыми муравьями и тлями. Нѣкоторое время я наблюдалъ этихъ послѣднихъ, чтобы, если возможно, уловить моментъ, когда онѣ выпустятъ изъ своего тѣла это выдѣленіе; но я замѣтилъ, что послѣднее только очень рѣдко выступало само по себѣ, и что тли, устраненныя отъ муравьевъ, далеко отбрасывали его посредствомъ движенія, напоминающаго ляганіе.

«Какъ же, однако, происходитъ, что муравьи, блуждающіе по вѣтвямъ, почти всѣ имѣютъ брюшко, замѣчательное по своему объему и, очевидно, наполненное жидкостью? Вотъ что я узналъ, пристально слѣдя за однимъ муравьемъ. Я вижу, какъ онъ сначала проходитъ мимо нѣкоторыхъ тлей, видимо не желая ихъ безпокоить; но скоро онъ останавливается подлѣ одной изъ наиболѣе мелкихъ; повидимому, онъ ласкаетъ ее своими усиками, касаясь конца ея брюшка, попеременно однимъ и другимъ, очень быстро двигая ими; я съ удивленіемъ вижу, какъ появляется жидкость на концѣ тѣла тли и какъ муравей тотчасъ хватаетъ каплю и препровождаетъ ее въ свой ротъ. Затѣмъ его усики направляются на другую тлю, гораздо бо́льшую, чѣмъ первая; эта, обласканная такимъ же образомъ, выпускаетъ питательную жидкость въ большей дозѣ, муравей схватываетъ ее. Онъ переходитъ къ третьей тлѣ, которую ласкаетъ, какъ и предыдущихъ, посредствомъ многихъ маленькихъ ударовъ усиками по заднему концу ея тѣла, жидкость тотчасъ выступаетъ и муравей снова принимаетъ ее. Онъ идетъ дальше; но четвертая тля, вѣроятно, уже опорожненная, не поддается его дѣйствію, и муравей, можетъ быть, угадывающій, что ему нечего на нее разсчитывать, оставляетъ ее для пятой, отъ которой онъ на моихъ глазахъ получаетъ свою пищу».

Отъ вниманія *Гюбера* не ускользнуло и то, что тли выпускаютъ медленно капли лишь въ присутствіи муравьевъ, въ отсутствіи же ихъ—съ нѣкоторою силою отбрасываютъ ихъ въ сторону.

«Если муравьи,—говоритъ онъ,—очень долгое время не посѣщаютъ тлей, онѣ выбрасываютъ медяную росу на листья, гдѣ муравьи находятъ ее, прежде чѣмъ они приблизятся къ доставляющимъ ее насѣкомымъ. Но если муравьи часто появляются около тлей, послѣднія, повидимому, примѣняются къ ихъ желанію, ускоряя время своего испражненія, о чемъ можно судить по діаметру выпускаемой ими капли, и въ этомъ случаѣ онѣ не отбрасываютъ въ сторону манны муравьевъ, можно сказать даже стараются удержать ее, чтобы выпустить ее потомъ въ ихъ присутствіи. Иногда случается, что муравьи, будучи въ слишкомъ большомъ числѣ на одномъ и томъ же растеніи, истощаютъ тлей, которыми оно покрыто; въ этомъ случаѣ они лишь напрасно заставили бы свои усики играть по тѣлу кормилицъ, и имъ нужно ждать, пока тѣ не высосутъ изъ вѣтвей новой порціи сока; но тли не скупы на него и никогда не отказываютъ муравьямъ въ ихъ просьбахъ, если въ состояніи удовлетворить ихъ; я часто видѣлъ, какъ одна и та же тля жаловала капли этого сиропа послѣдовательно различнымъ муравьямъ, которые, повидимому, были очень жадны до него».

Подобныя же наблюденія были сдѣланы позднѣе *А. Форелемъ* и авторомъ настоящей статьи.

Впрочемъ, въ способѣ выдѣленія тлями ихъ экскрементовъ у различныхъ формъ наблюдаются нѣкоторыя различія. Виды тлей, не посѣщающіеся муравьями, но живущіе на открытыхъ частяхъ растеній, отбрасываютъ капли экскрементовъ въ сторону; тли же, часто или даже обыкновенно посѣщаемыя муравьями, напр., *Lachnus taeniatoides*, живущій на вѣтвяхъ сосенъ, упомянутая выше (въ наблюденіи *Гюбера*) тля съ чертополоха, въ присутствіи муравьевъ выпускаютъ капли медленно, причемъ эти капли задерживаются на особыхъ прианальныхъ волоскахъ (на самомъ концѣ брюшка), въ отсутствіе же муравьевъ и эти тли отбрасываютъ капли въ сторону. Наконецъ, нѣкоторые виды тлей, постоянно живущіе въ обществѣ съ тѣми или другими муравьями, (напр.: *Trama* (см. рис. 4), нѣкоторые крупные виды рода *Stomachis*,

живущіе въ трещинахъ коры и подъ отставшей корой на стволахъ тополей, ивъ, дубовъ, березъ и др. деревьевъ, и различныя корневыя тли, напр. *Pemphigus caerulescens* (см. рис. 3), *Pentaphis*, *Aphis farfarae* какъ показываютъ наши собственныя наблюденія даже въ отсутствіе муравьевъ, медленно выпускаютъ капли экскрементовъ, почему послѣднія и можно часто видѣть на прианальныхъ волоскахъ этихъ тлей. У указанныхъ сейчасъ тлей выдѣленіе капель экскрементовъ легко можно вызвать и искусственнымъ образомъ. Виды *Trama*, также *Stomachis bobretzkyi* легко выдѣляютъ капли, даже нѣсколько подъ рядъ, одну за другой (2—4), если ихъ трогать слегка какимъ-либо тонкимъ предметомъ, напр., палочкой, иголкой и пр., между тѣмъ какъ по наблюденіямъ *Дарвина*, тли со щавеля (вѣроятно, *Aphis acetosae*) не выдѣляли экскрементовъ, когда онъ трогалъ ихъ волосомъ, хотя муравьи нашли потомъ у тѣхъ же тлей хорошій сборъ.

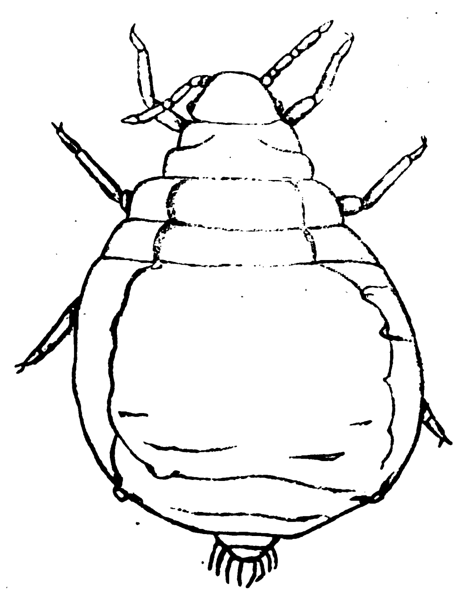

Рис. 3. Корневая безкрылая самка *P. caerulescens* Pass. съ 6-члениковыми усиками и многофасеточными глазами. На концѣ брюшка прианальные волоски, на которыхъ задерживаются капли экскрементовъ.

Муравьи вообще ревниво оберегаютъ тѣхъ тлей, которыхъ они посѣщаютъ, и не выносятъ, чтобы посторонніе муравьи оспаривали у нихъ пищу, доставляемую тлями. «Они, — говоритъ *Гюберъ*,—прогоняютъ постороннихъ зубами; видно при этомъ, какъ они суетятся; безпокоятся около нихъ и съ гнѣвомъ пробѣгаютъ по вѣтви. Иногда они берутъ тлей въ ротъ, чтобы избавить ихъ отъ атаки другихъ муравьевъ. Наиболѣе часто они сторожатъ около тлей, но иногда они охраняютъ послѣднихъ отъ своихъ соперниковъ болѣе искуснымъ образомъ, и я видѣлъ многіе примѣры этого». Вслѣдъ затѣмъ *Гюберъ* описываетъ такъ называемые павильоны и трубчатые ходы, сооруженія, особенно свойственныя бурому муравью *Lasius niger* и краснымъ муравьямъ рода *Myrmica*.

Lasius niger, *alienus* и др. строятъ крытыя землей дороги, соединяющія ихъ гнѣзда съ растеніемъ, на которомъ сосутъ культивируемыя ими тли. Иногда такія дороги, достигши основанія травянистаго или другого мелкаго растенія, продолжаются по длинѣ его стебля въ земляныя галлереи, въ которыхъ оказываются заключенными тли; часто при этомъ галлереи расширяются въ хижины, служащія одновре-

менно и жилищемъ для тлей, и помѣщеніемъ для воспитанія муравьиныхъ личинокъ, которыхъ муравьи выносятъ сюда въ извѣстные часы дня. Но эти хижины могутъ и не сообщаться съ землей. Хижины, возводимыя муравьями *Myrmica*, также то сообщаются съ почвой спускающеюся вдоль стебля галлереей, то совершенно изолированы и снабжены только маленькимъ отверстіемъ для входа и выхода муравьевъ.

Lasius brunneus, исключительно живущій насчетъ самыхъ крупныхъ тлей, принадлежащихъ къ роду *Stomachis*, постоянно и, повидимому, очень совершеннымъ образомъ уединяетъ своихъ тлей отъ внѣшняго міра. Изъ древесной гнили и трухи этотъ *Lasius* строитъ надъ тлями своды, которые тянутся, извиваясь по трещинамъ коры, иногда довольно высоко надъ землею, но прерываются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тли сосутъ подъ отставшей корою (на стволахъ тополей, ивъ и нѣкоторыхъ другихъ деревьевъ). По указаннымъ сводамъ, закрывающимъ снаружи трещины коры, очень легко можно находить какъ тлей *Stomachis*, такъ и муравьевъ *Lasius brunneus*. Въ корѣ же этихъ деревьевъ, какъ указываетъ уже *Форель*, муравьи обыкновенно строятъ и свое гнѣздо. Муравьи тотчасъ же уносятъ тлей или, по крайней мѣрѣ, сопровождаютъ, если не въ состояніи тащить ихъ, въ свои еще не разрушенныя галереи, въ томъ случаѣ, когда неожиданно вскроютъ ихъ галереи и жилища. Тли рода *Stomachis* имѣютъ очень длинные хоботки, раза въ $1^1/_2$—3 превосходящіе длину ихъ тѣла; они обыкновенно очень глубоко погружаютъ въ ткань растенія выходящій изъ конца хоботка сосательный аппаратъ и часто лишь съ большимъ трудомъ вытаскиваютъ его изъ растенія. Но въ этой работѣ имъ обыкновенно помогаютъ муравьи. «Нѣтъ ничего забавнѣе,—говоритъ *Форель*,—какъ, вскрывъ ихъ ходы, наблюдать, какъ L. *brunneus* тащитъ этихъ бѣдныхъ животныхъ изъ всѣхъ своихъ силъ, причемъ хоботокъ послѣднихъ, медленно выходящій изъ коры, такъ натягивается, что ему грозитъ опасность разорваться». Хотя обыкновенно L. *brunneus* живетъ только въ обществѣ съ видами тлей рода *Stomachis*, но онъ можетъ обращаться за пищей и къ другимъ тлямъ, если только предложить ему послѣднихъ. Я помѣщалъ въ пробирки къ муравьямъ L. *brunneus*, уже долго голодавшимъ передъ опытомъ, тлей *Trama radicis*, и муравьи сейчасъ же обратились къ послѣднемъ и стали трогать ихъ своими усиками, въ отвѣтъ на что тли выпускали капли экскрементовъ.

Подобно L. *brunneus*, *также* и желтые муравьи рода *Lasius*: *flavus umbratus* *) и др., ведущіе подземный образъ жизни, получаютъ пищу единственно отъ культивируемыхъ ими корневыхъ тлей. И надъ этими муравьями уже *Гюберъ* произвелъ очень цѣнныя наблюденія.

---

*) *L. umbratus* отличается отъ *L. flavus* большей величиной и болѣе высокой съуженной къ вершинѣ, чешуйкой брюшного стебелька.

Указанные желтые муравьи обнаруживаютъ по отношенію къ тлямъ необыкновенную заботливость: продѣлываютъ вокругъ корней растеній ходы, часто перетаскиваютъ тлей съ одного мѣста на другое, причемъ не всегда примѣняютъ къ тлямъ нѣжныя средства; именно, когда они боятся, чтобы тли не были унесены муравьями другого вида, живущими близъ ихъ обиталища, или когда неожиданно вскроютъ дернъ, подъ которымъ онѣ скрыты, они наскоро берутъ тлей и уносятъ ихъ вглубь подземелій. Я видѣлъ, продолжаетъ *Гюберъ*, какъ муравьи двухъ сосѣднихъ гнѣздъ оспаривали другъ у друга ихъ тлей: когда муравьи одного гнѣзда могли проникнуть къ чужимъ тлямъ, они крали тлей у ихъ настоящихъ собственниковъ, а эти, въ свою очередь, часто утаскивали ихъ у первыхъ; муравьи, видимо, хорошо знаютъ всю цѣну этихъ маленькихъ животныхъ, которыя, какъ будто для нихъ предназначены, составляютъ ихъ сокровище. Муравейникъ богатъ болѣе или менѣе, смотря по тому, больше или меньше имѣетъ онъ тлей: это ихъ скотъ, это ихъ коровы и козы. Кто бы подумалъ, что бы муравьи были пастушескимъ народомъ!»

По сухимъ канавамъ около дорогъ, по склонамъ валовъ и насыпей, въ садахъ часто встрѣчаются *Artemisia campestris* и *vulgaris*, *Cicho-*

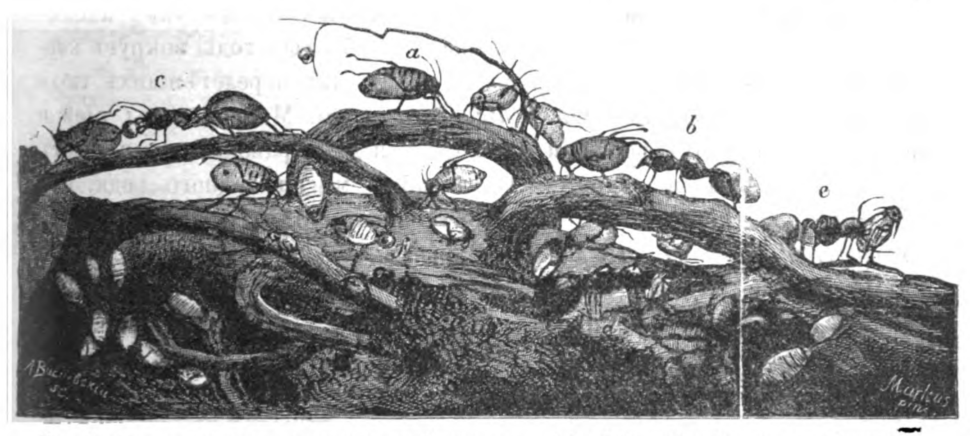

Рис. 4. Часть главнаго корня чернобыльника, *Artemisia vulgaris*, съ его боковыми вѣтвями, заключенная въ горизонтально положенную пробирку. Снизу и съ боковъ корень и его вѣтви частью закрыты землей, однако не плотно прилегающей къ нимъ, а такъ, что между ней и корнями остаются свободныя пространства—ходы муравьевъ и помѣщенія для тлей. Эти ходы и помѣщенія сдѣланы муравьями *Lasius umbratus* уже въ пробиркѣ. На корняхъ сосутъ тли *Trama radicis*, изъ коихъ старыя особи болѣе темныя, а молодыя—свѣтлыя. Увеличено приблизительно вдвое. (Рисовалъ съ натуры студ. Маркусъ).
a—изображена сосущая взрослая тля съ приподнятыми надъ брюшкомъ задними ножками; *b*—муравей, потрагивающій тлю своими усиками; *c*—муравей, берущій челюстями выступившую изъ анальнаго отверстія тли каплю экскремента; *d* и *e*—муравьи, переносящіе въ своихъ челюстяхъ тлей; *f*—тля съ сидящею на ея прианальныхъ волоскахъ каплею экскремента.

rium intybus, на корняхъ которыхъ сосутъ тли *Trama radicis* (см. рис. 4). Стоитъ только вытянуть изъ земли болѣе или менѣе осторожно корни этихъ растеній, и на нихъ мы увидимъ и тлей, и муравьевъ, большею частью желтыхъ, рѣже бурыхъ. При этомъ часть тлей и муравьевъ будетъ выброшена на землю, да, кромѣ того, сами тли очень легко опадаютъ съ корней. И вотъ, посмотрите теперь, какъ желтые муравьи хватаютъ тлей своими челюстями и стараются утащить ихъ

въ землю, тли же въ это время остаются спокойными, съ приложенными къ тѣлу ножками *). Возьмите часть корня растенія въ стеклянную пробирку, насыпьте въ нее земли, положите пробирку горизонтально, и вы увидите черезъ нѣсколько часовъ или черезъ ночь, какъ хорошо устроятся муравьи въ новомъ для нихъ мѣстѣ: они очистятъ корни отъ земли, продѣлаютъ вокругъ корней ходы и помѣщенія для тлей, а потомъ пересадятъ на корни тлей и будутъ пожинать здѣсь плоды своихъ трудовъ.

За корневыми тлями ухаживаютъ и другіе виды муравьевъ, напр., бурый муравей *Lasius niger*, жалящіе муравьи рода *Myrmica*, очень мелкій бурый муравей—дерновикъ *Tetramorium caespitum* («микроскопическій муравей» *Гюбера*).

Всѣ эти муравьи и свои гнѣзда или, по крайней мѣрѣ, ходы, прокладываютъ вокругъ корней растеній, на которыхъ сосутъ тли. Они расчищаютъ для тлей отъ земли новыя части корней или вообще подземныя части растеній. *Лихтенштейнъ* наблюдалъ, какъ бурые муравьи продѣлывали трубчатые ходы вокругъ корней злаковъ, начиная съ поверхности земли, для перелетѣвшихъ сюда съ кизилей крылатыхъ тлей *Schizoneura corni*. Многіе виды тлей и зимуютъ на корняхъ растеній, посѣщаемыя же муравьями тли зимуютъ вмѣстѣ съ этими послѣдними. Въ декабрѣ мѣсяцѣ одного года, при 12-градусномъ морозѣ, я нашелъ въ окрестностяхъ Варшавы тлей *Trama troglodytes* въ гнѣздахъ муравьевъ.

Нѣкоторые желтые муравьи не только ухаживаютъ за корневыми тлями, но они еще собираютъ въ свои гнѣзда и яйца тлей, которыя найдутъ на землѣ, и тщательно ухаживаютъ за ними въ гнѣздахъ. Уже *Гюберъ* открылъ въ хижинахъ желтыхъ муравьевъ бурыя яйца тлей, за которыми муравьи тщательно ухаживали. Одинъ разъ *Гюберъ* нашелъ яйца тлей въ ноябрѣ, другой разъ—весною, причемъ въ обоихъ случаяхъ яйца были различной величины, слѣдовательно, принадлежали различнымъ видамъ тлей. Вотъ какъ описываетъ *Гюберъ* уходъ муравьевъ за яйцами тлей, уходъ, который онъ наблюдалъ у себя дома, куда онъ принесъ хижину муравьевъ.

«Яйца были соединены въ кучу подобно яйцамъ самихъ муравьевъ, и ихъ охранители, повидимому, очень цѣнили ихъ. Осмотрѣвъ ихъ, муравьи часть унесли въ землю; но я былъ свидѣтелемъ заботъ, проявленныхъ муравьями въ отношеніи другихъ. Они приблизились къ яйцамъ, раздвинувъ немного свои челюсти, пропустили между ними свой языкъ, вытянули его, послѣдовательно водили имъ по каждому изъ этихъ яицъ и, мнѣ казалось, отлагали на нихъ жидкое вещество; повидимому, они поступали съ ними, какъ съ яйцами своего вида: ощупывали ихъ своими усиками, складывали ихъ вмѣстѣ и часто носили въ своемъ рту; они ни на мгновеніе не оставляли ихъ, брали ихъ, переворачивали и, забот-

---

*) Если этихъ тлей трогать какимъ-нибудь предметомъ, то онѣ точно также становятся спокойными и неподвижными.

ливо осмотрѣвъ, съ чрезвычайной заботливостью уносили въ маленькую земляную хижину, которую я помѣстилъ возлѣ нихъ».

Другой разъ *Гюберъ* нашелъ яйца тлей въ гнѣздѣ желтыхъ муравьевъ весною. Дома у него изъ яицъ вылупились тли, которыя стали сосать на предложенной имъ вѣткѣ дуба, а муравьи начали получать отъ нихъ свою пищу. Но въ природѣ желтые муравьи, конечно, не посѣщаютъ тлей на вѣтвяхъ дуба, потому что они почти не оставляютъ земли.

Позже также *Леббокъ* наблюдалъ яйца какого-то вида тлей въ гнѣздѣ *Lasius flavus*. Весной изъ яицъ вылуплялись молодыя тли, которыя направлялись затѣмъ изъ подземелья наружу, причемъ сами муравьи иногда помогали имъ оттуда выбраться. Одинъ разъ, повидимому, сами муравьи повытаскивали тлей къ растущимъ на мѣстѣ муравейника растеніямъ, а когда тли устроились на послѣднихъ, то тѣ же муравьи построили вокругъ нихъ и надъ ними земляную стѣну. Тли жили здѣсь въ теченіе лѣта, а 9-го октября на маргариткахъ было найдено болѣе или менѣе значительное количество яицъ тлей.

«Яйца эти, говоритъ *Леббокъ*, безполезны для муравьевъ, но муравьи не оставляютъ ихъ тамъ, гдѣ они положены и гдѣ имъ грозитъ суровая непогода и безчисленныя опасности, а тащутъ ихъ въ свои гнѣзда, и тамъ съ величайшимъ вниманіемъ заботятся объ нихъ въ теченіе всей долгой зимы вплоть до марта, когда молодыя тли выходятъ изъ яицъ; тогда они снова перемѣщаютъ ихъ на молодые побѣги маргаритокъ. Мнѣ это кажется замѣчательнымъ примѣромъ предусмотрительности. Наши муравьи, можетъ быть, не откладываютъ пищи на зиму, но они дѣлаютъ нѣчто болѣе важное: они въ теченіе шести мѣсяцевъ хранятъ и оберегаютъ яйца, изъ которыхъ выйдутъ насѣкомыя, доставляющія имъ лѣтомъ пищу; случай предусмотрительности, безпримѣрный въ царствѣ животныхъ».

Форбсъ сообщаетъ, что муравьи вида *Lasius alieno-brunneus*, культивирующіе нѣкоторыхъ корневыхъ тлей, также ухаживаютъ за яйцами тлей въ своихъ гнѣздахъ, то унося ихъ на глубину до 6 дюймовъ, то, смотря по погодѣ, вынося на поверхность, какъ это они дѣлаютъ и съ своими собственными куколками.

Я рѣшилъ провѣрить наблюденія предыдущихъ авторовъ объ уходѣ муравьевъ за яйцами тлей и опредѣлить, какіе именно муравьи обладаютъ этой способностью. У меня въ пробиркахъ держались осенью муравьи слѣдующихъ видовъ: *Lasius flavus*, *umbratus*, *niger* и *brunneus*. Всѣмъ этимъ муравьямъ я предложилъ крупныя яйца одного вида *Stomachis*, собранныя мною въ октябрѣ подъ корою ивъ и тополей. Оказалось слѣдующее. Въ то время, какъ муравьи *L. umbratus* ограничились лишь изслѣдованіямъ предложенныхъ имъ яицъ и затѣмъ оставили ихъ въ покоѣ, больше не обращая на нихъ вниманія, а *niger* даже почти не обратили вниманія на нихъ, муравьи *flavus* тотчасъ же стали утаскивать яйца въ свое жилище, продѣланное ими въ землѣ около корней злака (въ пробиркѣ). Яйца тлей были настолько крупны (2,4 mm. длины и 1,06 mm. толщины), что муравьи

почти не могли обхватить ихъ своими челюстями и потому лишь съ трудомъ перетаскивали ихъ. Я наблюдалъ, какъ одинъ муравей усиливался отдѣлить одно яйцо отъ коры, къ которой оно слегка было приклеено. Иногда при изслѣдованіи пробирки яйца тлей оказывались въ ходахъ муравьевъ на стѣнкахъ пробирки; но на свѣту муравьи не оставляли ихъ здѣсь, а утаскивали вглубь своихъ помѣщеній. Въ послѣдней трети ноября, благодаря комнатной теплотѣ, развилась и вылупилась изъ яйца одна молодая тля, которая сидѣла одна, безъ муравьевъ, на стѣнкѣ пробирки, когда я ее увидѣлъ здѣсь. Осторожно развернувъ главную камеру муравьевъ, я увидѣлъ въ ней, кромѣ муравьевъ, также 4 яйца тлей; часть этихъ яицъ была тотчасъ схвачена муравьями и унесена въ болѣе темныя помѣщенія.

Но въ то время, какъ *Lasius flavus*, въ природѣ, можетъ быть, никогда не утилизирующій тлей рода *Stomachis*, ухаживаетъ за ихъ яйцами, если ему предложить ихъ, *Lasius brunneus*, исключительно живущій на счетъ нѣкоторыхъ видовъ *Stomachis* и уединяющій послѣднихъ отъ внѣшняго міра посредствомъ сводовъ изъ древесной гнили и трухи, совершенно не обращаетъ вниманія на яйца тлей, которыя откладываются въ его же помѣщеніяхъ. Я держалъ *L. brunneus* въ пробиркѣ и туда же помѣщалъ и яйца *Stomachis*, но я ни разу не видѣлъ, чтобы муравьи обнаруживали въ отношеніи яицъ какую-либо заботливость, хотя бы яйца тлей были и на свѣту, между тѣмъ какъ самихъ тлей они бы не оставили на свѣту. Но этимъ муравьямъ и нѣтъ надобности въ особой способности ухаживать за яйцами тлей, въ виду того, что яйца культивируемыхъ ими тлей откладываются въ ихъ же помѣщеніяхъ, гдѣ вылупившіяся весною молодыя тли и будутъ сосать, расти и размножаться, откладываются при томъ въ безопасномъ для яицъ мѣстѣ.

Въ заключеніе нужно указать еще на способность нѣкоторыхъ видовъ муравьевъ обрывать крылья у крылатыхъ особей посѣщаемыхъ ими тлей.

Уже *Гюберъ* наблюдалъ, что муравьи обращаются за своей пищей и къ крылатымъ тлямъ, хотя и менѣе настойчиво. Но очевидно, что крылья у тлей, закрывающія кровлеобразно ихъ брюшко и часто болѣе или менѣе значительно выступающія назадъ за конецъ ихъ брюшка, должны представлять для муравьевъ значительныя препятствія при полученіи отъ тлей ихъ сладкихъ экскрементовъ. И вотъ, повидимому, въ видахъ устраненія этого препятствія, нѣкоторые виды муравьевъ и обкусываютъ тлямъ ихъ крылья. Указанной способностью обладаетъ *Lasius niger* и, можетъ быть, также и желтые муравьи: *flavus* и *umbratus*. *Лихтенштейнъ* наблюдалъ, какъ черные муравьи (вѣроятно, *E. niger*) обкусывали крылья у крылатыхъ тлей *Schizoneura corni*. *Е. Богдановъ* находилъ въ гнѣздахъ муравьевъ крылатыхъ *Trama troglodytes* съ обкусанными крыльями, я находилъ съ обкусанными

крыльями крылатыхъ самокъ *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni* (въ началѣ лѣта, при корняхъ растеній) и *Trama radicis* (во второй половинѣ лѣта и въ началѣ осени). Однако, крылья обкусываются муравьями не всегда, напр., у *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni* крылатыя самки съ обкусанными крыльями встрѣчаются только въ началѣ лѣта, между тѣмъ какъ позднѣе встрѣчающіяся на корняхъ крылатыя тли остаются съ цѣльными крыльями. Вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что муравьи обкусываютъ крылья у крылатыхъ особей тлей лишь въ томъ случаѣ, когда имъ преимущественно съ этими послѣдними и приходится имѣть дѣло, т.-е. когда почему-либо не появились въ большомъ количествѣ безкрылыя самки тлей, а это имѣетъ мѣсто въ началѣ лѣта (на корняхъ) по отношенію къ *Aphis farfarae* и *Schizoneura corni*.

На этомъ мы и покончимъ съ отношеніями муравьевъ къ тлямъ. Мы видимъ, что муравьи получаютъ отъ тлей значительную пользу и что нѣкоторые виды муравьевъ пріобрѣли высокія способности ухаживать за тлями и даже за ихъ яйцами. Теперь же посмотримъ, получаютъ ли и тли какую-либо пользу отъ муравьевъ, и если получаютъ, то какую именно. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы тѣмъ самымъ рѣшимъ и другой вопросъ: къ какому разряду явленій можно отнести взаимоотношенія между муравьями и тлями?

Какъ уже указывалось выше, существуютъ виды тлей, которые даже въ отсутствіе муравьевъ задерживаютъ на своихъ прианальныхъ волоскахъ капли экскрементовъ, хотя, безъ сомнѣнія, въ этомъ случаѣ для нихъ было бы выгоднѣе отбросить капли въ сторону, такъ какъ эти капли болѣе или менѣе липки, особенно при высыханіи. Очевидно, что указанная особенность тлей (*Stomachis Trama* см. рис. 4, *Pentaphis*, *Pemphigus caerulescens* (см. рис. 3), *Aphis farfarae* и др.) разсчитана единственно на посѣщеніе ихъ муравьями. У посѣщаемыхъ муравьями тлей вообще болѣе или менѣе развиты прианальные волоски, располагающіяся, къ тому же, на самомъ концѣ брюшка (рис. 3), и на этихъ только волоскахъ и могутъ задерживаться капли экскрементовъ, особенно во время посѣщенія тлей муравьями. Наоборотъ, у тлей, не посѣщаемыхъ муравьями, прианальные волоски очень слабо развиты или даже почти совсѣмъ не развиты, какъ у *Pemph. bursarius*. Такимъ образомъ, всѣ эти тли и не могутъ задерживать на концѣ брюшка капель экскрементовъ. Кромѣ того, у нѣкоторыхъ изъ этихъ тлей на концѣ брюшка надъ порошицевымъ отверстіемъ имѣется болѣе или менѣе длинный хвостикъ—выступъ послѣдняго (порошицеваго) сегмента брюшка (см. рис. 2). Этотъ хвостикъ, уже самъ по себѣ, представляетъ большое препятствіе для муравьевъ при слизываніи капель экскрементовъ, даже если бы у данныхъ тлей существовали прианальные волоски. Другіе же изъ непосѣщаемыхъ муравьями видовъ тлей выдѣляютъ на поверхности брюшка восковую пыль или даже болѣе или менѣе длинный пу-

шокъ, который частью, въ видѣ пыли, обсыпаетъ капли экскрементовъ съ поверхности и, можетъ быть, именно въ виду этого дѣлаетъ ихъ непригодными для муравьевъ; но можетъ быть, и то, что выдѣленіе на поверхности тѣла восковаго пушка или пыли стоитъ какимъ-либо образомъ въ связи съ нѣсколько отличающимся составомъ экскрементовъ соотвѣтствующихъ тлей; во всякомъ случаѣ, фактъ тотъ, что всѣ такія тли не посѣщаются муравьями. Послѣ всего сказаннаго едва ли можно допустить, чтобы разсмотрѣнныя здѣсь особенности строенія и инстинкты посѣщаемыхъ муравьями тлей развились безъ всякаго отношенія къ посѣщенію тлей муравьями; напротивъ, все указываетъ на то, что эти особенности развивались у тлей единственно въ видахъ наиболѣе сильнаго привлеченія муравьевъ, и что, поэтому, посѣщеніе муравьевъ должно быть очень полезно для тлей.

Форель первый вѣрно представилъ себѣ пользу, извлекаемую тлями изъ посѣщенія ихъ муравьями, указавъ, что «союзъ между муравьями и тлями состоитъ въ обмѣнѣ полезныхъ услугъ, ибо муравьи защищаютъ свой скотъ противъ его многочисленныхъ враговъ, напр., противъ личинокъ Coccinellidae, Diptera и др.». Позднѣе ботаникъ *Бюсгенъ* сдѣлалъ и непосредственныя наблюденія надъ тѣмъ, какъ муравьи вступаютъ въ борьбу съ нѣкоторыми врагами—хищниками тлей: личинками божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*), мало поворотливыми личинками особыхъ мухъ (*Syrphidae*) и личинками тлеевыхъ львовъ (*Chrysopa*).

Указанные здѣсь враги тлей принадлежатъ къ наиболѣе опаснымъ для нихъ: эти враги живутъ исключительно насчетъ тлей и истребляютъ ихъ въ чрезвычайно громадныхъ количествахъ. На это въ свое время обратилъ вниманіе уже *Реомюръ*.

«Исторія тлей показала намъ,—говоритъ *Реомюръ*,—что существуетъ столько видовъ ихъ и столь необычайно плодовитыхъ, что нужно удивляться, что ими не покрыты всѣ листья и стебли травянистыхъ растеній, стволы кустарниковъ и деревьевъ; но, наблюдая этихъ маленькихъ животныхъ, скоро можно замѣтить, что именно препятствуетъ имъ чрезмѣрно размножаться: между ними находятъ другихъ насѣкомыхъ изъ многихъ различныхъ классовъ, родовъ и видовъ, которыя, повидимому, для того только и рождаются, чтобы пожирать тлей, и между этими насѣкомыми существуютъ столь прожорливыя, что становится, наконецъ, удивительнымъ, что тли, несмотря на ихъ большую плодовитость, еще продолжаютъ служить имъ достаточно обильной пищей».

Кромѣ указанныхъ выше враговъ тлей, живущихъ исключительно на ихъ счетъ, существуютъ еще и другіе хищники, при томъ какъ изъ насѣкомыхъ (уховертки, клопы *Anthocoris*, песочныя осы и др.), такъ и изъ другихъ классовъ, напр., изъ класса пауковъ, изъ птицъ, которые питаются тлями наравнѣ съ другой добычей или вообще пищей. Существуютъ, кромѣ того, и паразиты, также живущіе насчетъ тлей и даже ихъ однѣхъ, каковы, напр., нѣкоторые мелкіе наѣздники и др. Но въ данномъ случаѣ насъ особенно интересуютъ лишь указан-

ные раньше враги-хищники тлей, истребляющіе ихъ въ особенно значительныхъ количествахъ, противъ которыхъ, слѣдовательно, тли особенно нуждаются въ защитѣ, будетъ ли она дана въ особенностяхъ организаціи и въ повадкахъ, или въ чемъ другомъ. Оказывается, что муравьи представляютъ значительную защиту тлямъ противъ ихъ враговъ-хищниковъ, особенно воинственные и плотоядные виды муравьевъ. Эти послѣдніе, не причиняя никакого вреда тлямъ, отъ которыхъ они получаютъ пищу, нападаютъ на другихъ насѣкомыхъ и, если возможно, убиваютъ ихъ. На побѣгахъ и стволахъ сосенъ въ сосновыхъ лѣсахъ часто встрѣчаются то колоніями, то почти въ одиночку различные виды рода *Lachnus*, которыхъ усердно посѣщаютъ муравьи, особенно *Formica rufa*, и оказывается, что эти тли почти свободны отъ нападенія враговъ-хищниковъ. Въ концѣ іюля я наблюдалъ въ одномъ сосновомъ лѣсу на вѣткахъ дуба значительныя колоніи крупныхъ быстро бѣгающихъ тлей *Dryobius roboris*, которыхъ усердно посѣщали муравьи вида *Formica rufa*. Среди тлей я не нашелъ никакихъ враговъ. Интересно при этомъ было поведеніе муравьевъ на вѣткахъ. Уже при малѣйшемъ обезпокоиваніи ихъ они выгибали брюшко по направленію къ предполагаемому врагу и выбрызгивали капли муравьиной кислоты, которыя, попадая на лицо и на руки, производили не совсѣмъ пріятное ощущеніе. Въ одномъ мѣстѣ я наблюдалъ блестящечерныхъ муравьевъ *Lasius fuliginosus*, посѣщавшихъ нѣсколько различныхъ видовъ тлей: *Lachnus taeniatoides* на побѣгахъ одной сосны, *Myzus cerasi* подъ листьями вишни, *Aphis frangulae* и нѣкоторыхъ другихъ тлей, и всѣ эти тли были свободны отъ враговъ-хищниковъ, между тѣмъ какъ обычно *Myzus cerasi*, *Aphis frangulae* и другія тли сильно страдаютъ отъ послѣднихъ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда муравьи возводятъ около посѣщаемыхъ ими тлей земляныя и другія сооруженія (крытые ходы и хижины) и такимъ путемъ уединяютъ ихъ отъ внѣшняго міра, они тѣмъ самымъ уже предохраняютъ тлей и отъ ихъ различныхъ враговъ, не только хищниковъ, но и паразитовъ. *Lasius brunneus* приноситъ культивируемымъ имъ тлямъ рода *Stomachis* даже бо́льшую пользу, чѣмъ *Formica rufa* или *Lasius fuliginosus*—своимъ тлямъ, несмотря на то, что послѣдніе виды муравьевъ плотоядны и воинственны, а *L. brunneus*—робкій и спокойный видъ и настолько слабый, что сейчасъ же уступаетъ въ борьбѣ бурому *Lasius niger*. *Lasius brunneus* почти совершенно уединяетъ культивируемыхъ имъ тлей отъ внѣшняго міра.

Но невоинственные виды муравьевъ, посѣщающіе тлей въ открытыхъ помѣщеніяхъ, каковы, напр.: *Formica fusca*, *Lasius alienus* и даже болѣе или менѣе храбрый *Lasius niger*, сравнительно мало оказываютъ тлямъ пользы въ смыслѣ защиты послѣднихъ отъ ихъ враговъ-хищниковъ, мало или даже почти не обращая на послѣднихъ вниманія. Такъ, я часто находилъ тлей *Aphis sambuci*, *evonymi* и *ра-*

paveris (т.-е. *evonymi* на травянистыхъ растеніяхъ), посѣщавшихся муравьями *L. niger* и, однако, подвергавшихся истребленію личинками *Syrphidae*, божьихъ коровокъ и взрослыми божьими коровками. Однако, по наблюденіямъ *Бюсгена* и *L. niger* вступаетъ въ сраженія съ личинками *Syrphidae* и *Chrysopa*.

На корняхъ растеній тли почти свободны отъ нападеній враговъ какъ хищниковъ, такъ и паразитовъ. Какого же рода пользу получаютъ корневыя тли отъ посѣщающихъ ихъ муравьевъ? Этимъ тлямъ муравьи могутъ быть полезны уже потому, что освобождаютъ тлей отъ ихъ экскрементовъ, которые иначе могли бы загрязнять (въ виду ихъ липкости) какъ самихъ тлей, такъ и ихъ помѣщенія. Но гораздо болѣе значительную пользу тлямъ оказываютъ муравьи тѣмъ, что очищаютъ для нихъ отъ земли новыя части корней и вообще подземныхъ частей растеній, на которыхъ сосутъ тли, и даже могутъ перетаскивать тлей на новыя мѣста для сосанія. Мы уже видѣли раньше, какъ муравьи *Lasius umbratus* и *flavus* продѣлываютъ въ пробиркахъ ходы вокругъ растеній, и какъ они утаскиваютъ тлей въ землю, если выдернуть изъ земли корень растенія, обитаемый тлями. Очевидно, что то же самое муравьи способны продѣлывать и въ естественномъ состояніи въ природѣ. Вѣроятно, при перезимовываніи корневыхъ тлей муравьи заключаютъ ихъ въ болѣе защищенныя отъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій мѣста въ землѣ, частью, можетъ быть, даже въ свои жилища.

Тѣ муравьи (*Lasius flavus*), которые способны собирать въ свои подземелья яйца тлей и здѣсь ухаживать за ними, оказываютъ соотвѣтствующимъ видамъ тлей очень значительную пользу, потому что на воздухѣ яйца тлей подвержены многимъ неблагопріятнымъ условіямъ, особенно передъ началомъ зимы и послѣ нея, а въ началѣ весны, кромѣ того, и вылупившіяся изъ яицъ личинки основательницъ колоній тлей.

Въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что различные виды тлей, посѣщающіеся муравьями на открытыхъ частяхъ растеній, уже благодаря этому посѣщенію, предохранены отъ нападеній различныхъ враговъ-хищниковъ, мы можемъ объяснить и ту особенность этихъ тлей, что онѣ лишены нѣкоторыхъ защитительныхъ средствъ въ своей организаціи и въ повадкахъ, которыя, напротивъ, присущи не посѣщающимися муравьями тлямъ. Какъ спеціальный органъ противъ нападеній враговъ-хищниковъ, у многихъ тлей служатъ такъ называемыя спинныя трубочки (см. рис. 2), раньше ошибочно считавшіяся и называвшіяся соковыми трубочками, на самомъ же дѣлѣ выдѣляющія не сладкій сокъ, которымъ пользуются муравьи, но круглые шарики особаго воско-виднаго вещества. Послѣднее, при выходѣ изъ трубочекъ, оказывается жидкимъ, но на воздухѣ быстро затвердѣваетъ. Очевидно, что если тля обмажетъ этимъ выдѣленіемъ челюсти или переднюю часть головы какому-либо своему врагу, то этимъ причинитъ послѣднему большое безпокойство, такъ

какъ это выдѣленіе скоро засохнетъ на челюстяхъ или головѣ врага-хищника, и отъ него нужно будетъ освободиться какимъ-либо образомъ, а на это потратишь время. Длинныя же трубочки тлей, къ тому же болѣе или менѣе подвижны, что прямо стоитъ въ связи съ ихъ указаннымъ назначеніемъ. Трубочки особенно развиты у тлей, не посѣщаемыхъ муравьями и не защищенныхъ какимъ-либо другимъ образомъ отъ нападеній враговъ-хищниковъ, напр., у рода *Siphonophora*, *Rhopalosiphum* и др. У тлей же, посѣщаемыхъ муравьями и особенно у тѣхъ, которыя сильно посѣщаются ими, трубочки развиты сравнительно мало.

Кромѣ тлей, снабженныхъ болѣе или менѣе развитыми трубочками, существуютъ рода и виды ихъ, у которыхъ трубочки развиты очень мало или замѣнены бугорками или даже просто отверстіями на мѣстѣ не развившихся бугорковъ. Наконецъ, существуютъ роды и виды, у которыхъ совершенно не имѣется соотвѣтствующихъ трубочкамъ образованій. Многія изъ такихъ тлей посѣщаются муравьями, а другія нѣтъ. Но если спинныя трубочки у нѣкоторыхъ родовъ и видовъ тлей достигли относительно большого развитія, какъ органъ, служащій для защиты ихъ отъ ихъ враговъ-хищниковъ, то спрашивается, почему же не развились трубочки у другихъ родовъ и видовъ тлей, у которыхъ уже имѣются соотвѣтствующія трубочкамъ бугорки и которымъ, въ случаѣ непосѣщенія ихъ муравьями, также могла бы угрожать опасность со стороны враговъ-хищниковъ. Прежде всего здѣсь нужно имѣть въ виду, что отъ враговъ-хищниковъ особенно страдаютъ виды тлей, живущіе скученно, т.-е. большими колоніями, такъ какъ только такія тли могутъ доставить достаточный кормъ для мало поворотливыхъ безногихъ личинокъ *Syrphidae* и даже для снабженныхъ ножками, но все же не обладающихъ быстрымъ передвиженіемъ (безкрылымъ), личинкамъ божьихъ коровокъ (*Coccinellidae*) и тлеевыхъ львовъ (*Chrysopa*). Поэтому-то скученно живущіе виды тлей, къ которымъ относятся почти всѣ тли, снабженныя трубочками, имѣли особенную нужду въ особыхъ органахъ защиты противъ враговъ-хищниковъ. Многія же изъ тлей, снабженныя бугорками вмѣсто трубочекъ, живутъ разрозненно; такія тли уже въ силу ихъ разрозненной жизни мало доступны для нападеній враговъ-хищниковъ (многіе виды *Callipterus*, нѣкоторые виды *Chaitophorus*, *Rhopalosiphum* и др.); другія же тли живутъ въ болѣе или менѣе плотно закрытыхъ помѣщеніяхъ, какъ, напр., въ различнаго рода галлахъ, гдѣ онѣ также почти недоступны для враговъ-хищниковъ; нѣкоторыя, наконецъ, болѣе или менѣе предохранены отъ враговъ-хищниковъ особымъ строеніемъ, иногда въ связи съ незначительной величиной (напр., лѣтнія личинки *Chaitophorus testudinatus* и *aceris*, на и подъ листьями кленовъ), очень мелкими размѣрами особей извѣстныхъ поколѣній (половыя особи *Pemphigide* на корѣ различныхъ деревьевъ), сходствомъ въ окраскѣ тѣла съ цвѣтомъ обитаемой поверхности и пр. Въ виду того, что многія изъ указан-

ныхъ здѣсь тлей, при своей относительно незначительной величинѣ, живутъ разрозненно, онѣ и для муравьевъ являются столь же малоцѣнными, какъ и для враговъ тлей, ибо не могутъ представить для нихъ достаточнаго количества пищи, хотя бы ихъ экскременты и были болѣе или менѣе пріятны для муравьевъ. Совершенно недоступны для муравьевъ тли, живущія въ галлахъ. Но тли, живущія открытыми колоніями, большею частью болѣе или менѣе сильно посѣщаются муравьями, напр., *Vacuna betulae*, различные виды *Chaitophorus*, *Cladobius*, *Callipterus* и др., и благодаря муравьямъ, эти тли въ достаточной степени предохранены противъ враговъ-хищниковъ. Нѣкоторые крупные виды тлей изъ снабженныхъ бугорками вмѣсто трубочекъ, хотя и живутъ почти разрозненно, но посѣщаются муравьями, что объясняется, конечно, тѣмъ, что у этихъ тлей уже отдѣльныя особи могутъ въ достаточной степени удовлетворить аппетиты муравьевъ.

Однако, нельзя не отмѣтить того факта, что нѣкоторые виды тлей изъ снабженныхъ воскоотдѣлительными бугорками или лишенныхъ ихъ совершенно, хотя и живутъ открытыми колоніями, но не посѣщаются муравьями, таковы, напр.: *Phyllapis fagi*, *Lachnus pineti*, *Pemphigus nidificus*, *xylostei*, *Schisoneura lanigera* и др. Хотя эти тли и выдѣляютъ обильный восковый пушокъ или пыль, такъ что съ этой стороны непосѣщеніе ихъ муравьями до нѣкоторой степени объяснимо, однако представляется непонятнымъ, что эти тли, какъ колоніально живущія и, слѣдовательно, открытыя для нападеній враговъ-хищниковъ, не пріобрѣли способности привлекать къ себѣ муравьевъ. Нужно допустить, что эти тли какимъ-либо особымъ образомъ предохранены противъ значительнаго истребленія врагами. Не играетъ ли здѣсь роли обильный восковый пушокъ? Извѣстно, что наиболѣе опушенные виды наименѣе подвержены нападеніямъ враговъ. Можетъ быть, здѣсь играютъ роль и еще какія-либо неизвѣстныя пока причины. Считаю не лишнимъ указать на одно свое наблюденіе надъ уховертками: въ то время какъ уховертки съ жадностью пожирали опушенныхъ *Pemphigus spirothecae*, онѣ совершенно почти не трогали тлей *Frama radicis*, которыхъ я также предлагалъ имъ.

Кромѣ хищниковъ, у тлей имѣются еще и враги-паразиты; особенно страдаютъ онѣ отъ мелкихъ наѣздниковъ, откладывающихъ въ ихъ тѣло свои яйца. Но противъ этихъ враговъ муравьи не могутъ предохранить тлей; поэтому-то какъ не посѣщающіяся муравьями тли, такъ и посѣщающіяся ими имѣютъ нѣкоторыя общія особенности въ строеніи и повадкахъ, направленныя къ защитѣ ихъ отъ наѣздниковъ.

Мы знаемъ теперь, какую дѣйствительную защиту противъ враговъ-хищниковъ оказываютъ тлямъ посѣщающіе ихъ муравьи, особенно плотоядные и воинственные виды послѣднихъ. Но если это такъ, то возникаетъ вопросъ: почему способность привлеченія муравьевъ развилась не у всѣхъ тлей, даже не у всѣхъ колоніально и открыто живущихъ видовъ ихъ, а у родовъ: *Siphonophora*, *Rhopalosiphum*, *Hyalop*-

terus и нѣкоторыхъ другихъ даже появилась, въ видѣ длиннаго хвостика на концѣ брюшка, особенность строенія, какъ будто исключительно направленная противъ слизыванія муравьями капель экскрементовъ этихъ тлей?

Вѣроятно, при первоначальномъ развитіи взаимоотношеній между муравьями и тлями въ ту или другую сторону играло нѣкоторую роль качество и характеръ экскрементовъ тѣхъ или другихъ тлей. Если экскременты тлей были болѣе или менѣе привлекательны для муравьевъ и, благодаря этому, тли могли привлечь къ себѣ сильныхъ и плотоядныхъ муравьевъ, то для нихъ было очень выгодно заручиться постояннымъ и усерднымъ посѣщеніемъ такихъ муравьевъ, и вотъ въ результатѣ дѣйствія естественнаго отбора, т.-е. переживанія наиболѣе приспособленныхъ къ даннымъ условіямъ особей или формъ животныхъ, и появились у нѣкоторыхъ тлей особенности строенія и повадки, разсчитанныя почти исключительно на посѣщеніе ихъ муравьями. Если же экскременты тлей были не особенно привлекательны для муравьевъ, то, конечно, онѣ не могли сильно привлекать къ себѣ послѣднихъ и поэтому-то предоставлялись болѣе сильными и храбрыми муравьями менѣе сильнымъ и болѣе спокойнымъ, каковы, напр., *Formica fusca*, *Lasius alienus* и даже *niger* и другіе. А мы уже видѣли, что только посѣщеніе муравьями перваго рода приноситъ тлямъ дѣйствительную защиту противъ враговъ-хищниковъ, между тѣмъ какъ слабые и спокойные муравьи, если они не умѣютъ къ тому же уединять тлей, въ этомъ отношеніи безполезны для нихъ.

Въ виду этого, могло оказаться, что для нѣкоторыхъ формъ тлей было выгодно совершенно избавиться отъ посѣщенія ихъ муравьями, и я склоненъ думать, что, напримѣръ, длинный хвостикъ урода *Sinophora*, большинство видовъ *Rhopalosiphum* и нѣкоторыхъ другихъ формъ тлей развился, какъ спеціальное приспособленіе противъ посѣщенія ихъ муравьями, которые не могли бы оказать имъ существенной выгоды въ смыслѣ защиты ихъ противъ ихъ различныхъ враговъ или, даже напротивъ, могли бы оказать имъ лишь вредъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ представить себѣ, что отношенія между муравьями и тлями могли развиваться въ двухъ направленіяхъ, какъ въ положительномъ, такъ и въ отрицательномъ, что опредѣлялось лишь тѣмъ, было ли сожительство съ муравьями выгодно для тлей или нѣтъ. И дѣйствительно, въ настоящее время, какъ мы уже знаемъ, можно наблюдать троякаго рода отношенія между муравьями и тлями, Нѣкоторыя формы тлей постоянно посѣщаются тѣми или другими муравьями (*Stomachis*, *Dryobius roboris*, различные ляхнусы и другія тли) или даже постоянно живутъ съ тѣми или другими видами муравьевъ (*Stomachis bobretzkyi* съ *Lasius brunneus*, *Trama radicis* съ *L. umbratus* и рѣже съ другими муравьями и т. д.); многія формы тлей, напротивъ, никогда не посѣщаются муравьями, и, наконецъ, существуетъ еще группа тлей, умѣренно или даже слабо посѣщающихся муравьями.

Является еще одинъ вопросъ. Какъ могли возникнуть представленныя выше отношенія между плотоядными муравьями и тлями? Вѣдь эти муравьи могли бы просто убивать и поѣдать тлей?! Въ виду того, что муравьи вообще не трогаютъ тлей, можно думать, что, въ качествѣ пищи, тли вообще не привлекательны для муравьевъ. А если это такъ, тогда уже сравнительно легко представить себѣ развитіе разсмотрѣнныхъ выше отношеній между муравьями и тлями.

Если у многихъ тлей, именно у посѣщающихся муравьями, существуютъ несомнѣнныя приспособленія въ цѣляхъ сожительства съ муравьями или привлеченія послѣднихъ, то и относительно муравьевъ необходимо допустить наличность соотвѣтствующихъ приспособленій къ сожительству съ тлями и утилизированію ихъ, что могло сопровождаться дальше, еще различными другими особенностями ихъ организаціи и поведенія. Стоитъ только обратить вниманіе на образъ жизни и на стоящія въ связи съ нимъ особенности организація и поведенія нѣкоторыхъ формъ муравьевъ, живущихъ исключительно насчетъ тлей, чтобы убѣдиться въ справедливости такого допущенія. Муравьи, наилучше приспособившіеся къ жизни на счетъ тлей, это: *Lasius brunneus* и различные желтые, постоянно живущіе въ землѣ, муравьи: *L. flavus*, *umbratus* и др. Такъ какъ тли составляютъ единственный источникъ пропитанія этихъ муравьевъ, то, въ соотвѣтствіи съ этимъ, мы и видимъ, что различныя особенности поведенія и организаціи послѣднихъ вращаются около существеннаго вопроса ихъ жизни—сожительства съ тлями и утилизаціи послѣднихъ. Эти муравьи пріобрѣли особую окраску, особенно желтые земляные муравьи, стали избѣгать свѣта, нѣкоторые утратили воинственныя наклонности и, наконецъ, главное—пріобрѣли высокія способности ухаживать за своими тлями, а *L. flavus* и *alieno-brunneus* — также и за яйцами тлей, устраивать для тлей помѣщенія, возводить около нихъ различныя сооруженія и пр.

Итакъ муравьи и тли пріобрѣли нѣкоторыя особенности строенія и повадокъ, разсчитанныя на сожительство, одинаково лишь подъ вліяніемъ естественнаго отбора, такъ какъ это сожительство было выгодно и для тѣхъ, и для другихъ. И напротивъ, когда посѣщеніе муравьевъ было почему-нибудь невыгодно тлямъ, послѣднія пріобрѣли, также въ результатѣ дѣйствія естественнаго отбора, особенности строенія, почти исключительно направленныя противъ посѣщенія ихъ муравьями. Въ виду всего сказаннаго, отношенія между муравьями и тлями скорѣе всего можно отнести къ группѣ явленій, названныхъ *де-Бари* и *О. Гертвигомъ*—симбіозомъ, а *П. ванъ-Бенеденомъ*—мутуализмомъ. Этими названіями обозначаются такія явленія сожительства различныхъ животныхъ и растеній, когда сожительствующія стороны въ той или другой степени полезны другъ другу.

А. Мордвилко.

ИЗЪ ДНЕЙ МИНУВШИХЪ.

Съ польскаго.

Повѣсть **Г. Даниловскаго**.

Перев. А. И. Я-ъ.

(*Продолженіе* *).

VI.

Недоразумѣнія.

Несмотря на всѣ мѣры, предпринятыя съ цѣлью скрыть самоубійство Марыни, молва о немъ, въ видѣ глухихъ и сбивчивыхъ разсказовъ, распространилась далеко за предѣлы Кленова, въ чемъ вскорѣ и убѣдился панъ Игнатій. Ибо, когда онъ на другой день послѣ этого прискорбнаго событія явился къ священнику уговориться о погребеніи, новый ксёндзъ, человѣкъ молодой, началъ ему задавать испытующе различные щекотливые вопросы: отчего его въ соотвѣтствующее время не позвали для пріобщенія Св. Тайнъ? чѣмъ объясняется такая внезапная кончина прихожанки? и т. п.

Игнатій попробовалъ было сначала выкручиваться, но, какъ человѣкъ, не привыкшій къ дипломатическимъ разговорамъ, началъ сбиваться и, въ концѣ концовъ, разсерженный и уязвленный разспросами, объявилъ рѣзко и напрямикъ, что Марыня наложила на себя руки, но произошло это въ состояніи сильнаго нервнаго разстройства, умственнаго помраченія, подъ вліяніемъ несчастья,—однимъ словомъ, при условіяхъ, равносильныхъ невмѣняемости.

— Надо будетъ въ справедливости этого убѣдиться!—сухо отвѣтилъ ксендзъ, обиженный тономъ Игнатія, который показался ему вызывающимъ.

— Что!? — задыхаясь, спросилъ Игнатій, и даже мурашки забѣгали у него по спинѣ при одной мысли объ этомъ; и уже дѣйствительно вызывающе и надменно, пыхтя отъ раздраженія, выпалилъ однимъ духомъ:

— А вы, должны быть, не знаете, что домъ, въ которомъ мы находимся, обязанъ своимъ появленіемъ и существованіемъ благотвори-

*) См. «Міръ Божій», № 4, апрѣль, 1902 г.

тельности Гинтовтовъ и находится на землѣ Постанскихъ, которые основали костелъ... Предшественники ваши, деканъ, почтенный, уважаемый каноникъ... да, наконецъ, и старыя таблицы на стѣнахъ могутъ вамъ свидѣтельствовать объ этомъ.

— Что было, то прошло и быльемъ поросло!—выразительно произнесъ кисендзъ.—Я, правда, не каноникъ,—скромно прибавилъ онъ,— но обязанности свои знаю прекрасно и стараюсь исполнять ихъ до мелочей... Что же касается настоящаго, то, повидимому, самымъ близкимъ моимъ прихожаниномъ состоитъ какой-то Постанскій, котораго, увы, я никогда не имѣю чести видѣть въ костелѣ, но зато часто вижу работающимъ на полѣ въ праздничные дни...

— Такъ, значитъ, вы собираетесь съ своей стороны ставить всевозможныя препятствія?

— Ничуть! Только строго придерживаться предписаній своей религіи! — смиренно складывая ладони и наклоняя голову, произнесъ ксендзъ и сжалъ узкія губы.

— По-смо-тримъ!—процѣдилъ сквозь зубы Игнатій и, трясясь отъ гнѣва, вышелъ, хлопнувъ дверьми, усѣлся въ шарабанъ и сейчасъ же, приказалъ ѣхать изъ Труппа на желѣзную дорогу.

Во время пути онъ безпрестанно чувствовалъ, точно все его существо замкнуто твердымъ, упорнымъ замкомъ; это тяжелое чувство покинуло его только по пріѣздѣ домой, куда онъ вернулся на другой день разбитый, съ цвѣтомъ лица, напоминающимъ кофейныя пятна, съ желтыми бѣлками, но зато съ бумагою отъ епископа: похоронить simplicissime *).

На основаніи этой оговорки, тѣло не было выставлено въ костелѣ; процессія двинулась прямо изъ Кленова.

Невдалекѣ отъ кладбища появился послушный власти ксендзъ въ помятомъ стихирѣ и потертой рясѣ и занялъ мѣсто во главѣ процессіи, отъ которой сейчасъ же отдѣлился старикъ Постанскій.

Передъ гробомъ несли не серебряный, а обыкновенный деревянный крестъ; когда шествіе миновало кладбищенскія ворота, отозвался нѣсколько разъ только маленькій колоколъ; все освѣщеніе состояло изъ одного солнца. И похоронили ее не у входа посреди каменныхъ надгробныхъ памятниковъ, а въ отдаленномъ уголкѣ кладбища, гдѣ зеленѣли густою травой ряды плоскихъ грядокъ — могилы бѣдняковъ.

Смерть Марыни не представила въ жизни Кленова того трудно замѣнимаго пробѣла, какой составляетъ утрата лица близко касающагося повседневной жизни, мыслей и чувствъ. Это было естественнымъ слѣдствіемъ заколдованнаго круга отчаянія, въ предѣлахъ котораго она очутилась совершенно одна, на разстояніи его радіуса отъ всѣхъ остальныхъ.

---

*) Какъ можно проще.

Поэтому, не только не чувствовалось ея отсутствіе, а, наоборотъ, среди печальныхъ вздоховъ невольно дышалось свободнѣе, точно изъ окружающей атмосферы исчезъ какой-то элементъ, вся тяжесть котораго проявилась только тогда, когда отъ него уже избавились.

Глаза не наполнялись скорбными слезами, не видя за столомъ этого чуднаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ и стѣсняющаго лица, не дававшаго свободно улыбнуться.

Пересталъ сновать по комнатамъ этотъ образъ, гасящій всякую искру веселья, какъ призракъ несчастья, а связанныя съ нимъ воспоминанія были настолько трагическими, что память инстинктивно отступала передъ ними, какъ отступаютъ назадъ пальцы передъ прикосновеніемъ къ ранѣ. Послѣдній же кровавый обликъ ея смерти былъ такъ ярокъ и остръ, что никакъ нельзя было отдѣлаться отъ боли при воспоминаніи о немъ и переработать эту боль въ грустное сожалѣніе, а потому старались всѣми силами его замалчивать, чтобы какъ можно скорѣе поблѣднѣли и потеряли мучительную выразительность его контуры.

И средство это, дѣйствительно, помогало. Хотя образъ этотъ и существовалъ, но никто на него не хотѣлъ смотрѣть. Самъ же онъ бросался въ глаза развѣ только случайно, какъ это и случалось нѣсколько разъ.

Какъ то разъ Игнатій, зайдя на опустѣвшій верхъ, вернулся оттуда необыкновенно разсерженнымъ и на другой день приказалъ немедленно перекрасить полы наверху, чтобы закрыть въ комнатѣ Марыни краской поблекшее пятно, видъ котораго, точно внезапный лучъ свѣта, озарилъ тотъ темный закоулокъ, въ которомъ сейчасъ же засіялъ угасавшій колоритъ ужасной картины.

Въ другой разъ Бэля, возвращаясь со скотнаго двора, встрѣтила оригинальную процессію дѣтей: Мечиславъ съ Аврелей несли на дощечкѣ задушенную кошкой синицу, сзади шелъ Апусь съ лопаткой, передъ ними Зыгмусь съ вѣткой въ формѣ креста, а во главѣ Игнась въ ея пелеринѣ, достигающей ему до пятокъ, и, стараясь басить, издавалъ различные носовые звуки, которые, дѣйствительно, напоминали похоронное пѣніе.

Бэля, сообразивъ, что творится, почувствовала сначала боль того страшнаго впечатлѣнія, а потомъ разсердилась. Налетѣвъ на дѣтей, она вырвала у нихъ предметы ихъ тяжелой забавы, перебросила ихъ далеко черезъ заборъ, забрала съ собой пелерину, раздала всѣмъ по порціи шлепковъ, причемъ самый горячій выпалъ на долю Игнася вмѣстѣ со словами: «Шелопай, безсердечный!».

Такимъ образомъ, мальчикъ имѣлъ случай убѣдиться первый разъ въ жизни, но не въ послѣдній, что сиротство слагается не изъ однѣхъ привилегій, а онъ уже былъ близокъ къ этому убѣжденію, потому что

почетная роль ксендза, принадлежавшая по старшинству Зыгмусю, единогласно была уступлена ему, какъ сиротѣ.

Вообще Бэля, хорошая по существу женщина, отличная хозяйка, старательно занимавшаяся откармливаніемъ своихъ птенцовъ, мало вмѣшивалась въ воспитаніе дѣтей. Вспыльчивая, склонная къ предубѣжденіямъ, руководящаяся впечатлѣніями минуты, она судила о людяхъ и поступкахъ чисто наружно, поверхностно, не подозрѣвая даже, что подъ одной и тою же оболочкою можетъ скрываться совершенно различный смыслъ, часто совершенно съ ней несходный.

Подвижность темперамента никогда не позволяла ей углубиться въ мысли о самой себѣ, тѣмъ болѣе о комъ-нибудь другомъ, въ особенности о дѣтяхъ, «объ этихъ молокососахъ, которыхъ только нужно во-время накормить, одѣть, слѣдить за тѣмъ, чтобы они себѣ шею не свернули, а прежде всего не вдаваться ни въ какія церемоніи съ этими сморкатыми, у которыхъ «фью-фью»—вѣтеръ въ головѣ гуляетъ».

Эта система и господствовала, такъ какъ именно Бэля чаще всего сталкивалась съ дѣтьми, самостоятельно разрѣшая ихъ дѣла; всѣ жалобы на маленькихъ виновниковъ представляли на ея усмотреніе, она судила, рядила, наказывала, награждала въ той мѣрѣ справедливости, какая была ей доступна, правильной съ формальной стороны, а въ сущности часто ошибочной. И поэтому она для дѣтей являлась до извѣстной степени самой близкой инстанціей, непосредственной властью, искренно привязанной, крайне заботящейся о здоровьѣ, чистотѣ и питаніи, но въ то же время близорукой. Въ болѣе сложныхъ случаяхъ она не понимала дѣтей совершенно, или въ основѣ неправильно, въ особенности Игнася, который въ этомъ отношеніи съ каждымъ годомъ представлялъ все большія трудности; по мѣрѣ того, какъ онъ росъ и развивался, все болѣе усложнялись разнородныя свойства его богатой души, проявляясь въ видѣ неопредѣленныхъ, запутанныхъ порывовъ, которые Бэля старалась исключительно обуздывать, не умѣя ихъ ни разгадывать, ни развивать.

Панъ Игнатій игралъ какъ бы роль сената, къ которому прибѣгали только въ исключительныхъ случаяхъ.

Что касается учителей, то первый замѣститель панны Флорентины, ex-студентъ, преподавалъ прекрасно, но внѣ учебныхъ часовъ избѣгалъ докучливыхъ ребятъ, какъ огня. Послѣ урока они не касались его вовсе. За то, — романтикъ по природѣ, демократъ по убѣжденіямъ, свободный отъ всевозможныхъ кастовыхъ предразсудковъ,—онъ сильно интересовался тайной народной жизни, которую изучалъ по ночамъ, а потому днемъ былъ всегда заспанный. По этой причинѣ, когда Зыгмусь поступилъ въ гимназію, пришлось студента удалить, къ великому неудовольствію женскаго персонала прислуги, а вмѣсто него появился изсохшій старикашка, сторонникъ «ногтевой методы» «отселѣ

доселҌ», «наизусть и въ разбивку», совершенный калҌка, котораго Постанскій иначе и не называлъ, какъ «заклепанная пушка».

Докторъ, по смерти Марыни, началъ почти ежедневно заглядывать въ Кленово и проявлялъ живое участіе къ дҌтскимъ дҌламъ, чҌмъ до такой степени завоевалъ симпатіи Бэли, что она велҌла его называть дҌдушкой, что тотчасъ же всҌми было принято.

Новоиспеченный дҌдушка, хотя и самый старшій, лучше всҌхъ оріентировался въ міркҌ нареченныхъ внуковъ, изъ которыхъ настоящимъ признавалъ Игнася. Онъ присматривался къ нему старательнҌе, чҌмъ къ другимъ, и не разъ старался внушить БэлҌ свои весьма мҌткія наблюденія.

Однако, та чаще всего пропускала ихъ мимо ушей, потому что, во-первыхъ, считала доктора за чудака, а во-вторыхъ—не любила, если кто-нибудь вмҌшивался въ ея дҌйствія.

Неоднократно она жалҌла о томъ, что сама уполномочила его принимать участіе въ ея дҌлахъ, давъ ему званіе «дҌдушки».

Однажды даже, когда Постанскій выступилъ въ роли открытаго заступника Игнася, она не на шутку вспылила.

— Какъ вамъ не стыдно думать,—говорила она, задѣтая за живое,—что я могу допустить какую-нибудь разницу между Игнасемъ и моими дҌтьми!.. СкорҌе наоборотъ; я бываю къ нему часто болҌе снисходительна; а что онъ зачинщикъ всякихъ шалостей, и не проходитъ дня, чтобы онъ чего-нибудь не выкинулъ—это ужъ не моя вина!.. По головҌ его за это не поглажу. ВҌдь хвалю же я его за ученье!..

— Что онъ зачинщикъ и предводитель, это правда, и умҌетъ имъ быть! Но ты, сударыня, кажется не понимаешь, что когда они играютъ въ «похищеніе сестры», то Мечиславъ только живо себҌ представляетъ, что похищаетъ сестру, а Игнась вҌритъ въ это, какъ въ дҌйствительность. Трудно желать, чтобы онъ думалъ о цҌлости своихъ штанишекъ, когда индҌйцы похищаютъ у него Аврелю! Это совершенно то же самое, какъ если бы я передъ атакой предупреждалъ солдатъ, чтобы они не испачкали себҌ рукъ и мундировъ!..

— Да онъ лжетъ!

— НҌтъ! только прикрашиваетъ, выражаетъ гиперболически свои мысли и чувства.

— Хороша гипербола!.. Вчера, напримҌръ, послҌ урока выбҌгаетъ въ садъ, начинаетъ топать ногами, издаетъ такой крикъ, отъ котораго въ ушахъ перепонки лопаются! «Опять ты пищишь, Игнась!» говорю, а онъ мнҌ на это: «Я не нарочно, тетя!»

— Конечно! Потому что это не онъ, а жизнь въ немъ кричитъ.

— Ну, такъ пусть потише кричитъ!—оборвала разговоръ Бэля.

И подобными доказательствами всегда кончался щекотливый разговоръ.

Игнась продолжалъ получать чаще другихъ выговоры, обвинялся въ недостаткахъ, которыхъ за собою и не чувствовалъ, обѣщалъ исправиться, а потомъ продолжалъ шалить и, въ концѣ концовъ, не зналъ, чего отъ него хотятъ? А такъ какъ онъ былъ мальчикъ впечатлительный до крайности и страшно самолюбивый, то каждое наказаніе дѣйствовало на него тѣмъ сильнѣе.

Такимъ образомъ, хотя Бэля въ сущности и не имѣла намѣренія дѣлать различія между своими дѣтьми и Игнасемъ, различіе это существовало,—Игнась это чувствовалъ и приписывалъ своему сиротству, которое начинало огорчать его и трогало его чуткую душу. На этой почвѣ стала зарождаться въ немъ тоска по умершимъ родителямъ и благоговѣйное почитаніе ихъ памяти.

Въ эти горькія минуты сознанія своего сиротства, ребенокъ изъ отрывковъ блуждающихъ воспоминаній, подслушанныхъ разсказовъ создалъ себѣ идеальные образы двухъ героическихъ и святыхъ существъ: отца и матери; ставилъ ихъ передъ собой, какъ недостижимый образецъ, стремился сдѣлаться достойнымъ ихъ сыномъ, быть такимъ же отважнымъ, какъ они, во всемъ, что ни придется, влѣзть ли на крутую крышу, перенести ли въ рукахъ горящіе уголья изъ печки въ печку, или похлопать горячаго заводскаго жеребца—все-равно, однимъ словомъ совершить какой-нибудь такой поступокъ, на который бы никто не отважился.

Такъ возникла новая причина, побуждавшая Игнася ко всевозможнымъ смѣлымъ затѣямъ въ ихъ маленькомъ сборищѣ, причина, существованія которой никто и не подозрѣвалъ, такъ какъ Игнась скрывалъ свое благоговѣніе къ памяти родителей втайнѣ, какъ святыню, которую не выставляютъ на поруганіе. Однако, какъ-то онъ измѣнилъ себѣ.

Когда дѣтей спрашивали по очереди, кѣмъ каждый хочетъ впослѣдствіи сдѣлаться, Игнась съ разгорѣвшимися глазками отвѣтилъ:

— Я хочу быть папой, или мамочкой.

Это заявленіе произвело на обоихъ супруговъ непріятное впечатлѣніе, которое, однако, скоро разсѣялось.

Доктора при этомъ не было, и только позднѣе, совершенно случайно, онъ узналъ эту тайну и множество другихъ. Ему попалась въ руки тетрадка Игнася, гдѣ между списками бѣлья и различными замѣтками, какъ, напримѣръ: Что я сломалъ? Что нашелъ? Что кому дамъ, когда выросту?—Постанскій замѣтилъ два неуклюжихъ, но указывающихъ на особенности рисунка-силуэта съ подписями: мой папа и моя мама, а дальше двѣ могилки съ кривыми крестами. Кромѣ того, подъ заголовкомъ: кого я люблю больше всѣхъ? въ одну строчку были громадными буквами написаны слова: «папочку» и «мамочку», ниже болѣе мелко: «дѣдушку Постанскаго», а потомъ, небрежно, имена всѣхъ дѣтей, дяди и тети, домашнихъ, собакъ, лошадей, прислуги и т. д.

Докторъ прочелъ все внимательно и изъ отрывковъ недоконченныхъ мыслей, сквозь призму этихъ кривыхъ буквъ, увидѣлъ насквозь всю душу мальчика. Онъ убѣдился, что этотъ ребенокъ—настоящій сынъ своихъ родителей, чудный отпрыскъ союза двухъ необыкновенныхъ существъ, бутонъ, который тянется высоко, къ самому солнцу. И докторъ при этой мысли сильно встревожился, точно предчувствовалъ, что это можетъ быть продолженіемъ печальной цѣпи страданій.

Не разъ также, присматриваясь со стороны къ чертамъ лица ребенка, онъ подмѣчалъ въ нихъ какое-то неясное выраженіе трагизма, точно печать роковыхъ предзнаменованій, передъ которой трепетало неустрашимое сердце стараго чудака. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря этому открытію, Постанскій пріобрѣлъ рѣшающее вліяніе на Игнася, и какъ только ему хотѣлось къ чему-нибудь склонить мальчика, или искоренить какую-нибудь дурную привычку, достаточно было прибѣгнуть къ магическимъ словамъ «папа» или «мамочка», чтобы достигнуть желаемаго результата. Къ тому же, благодаря называнію этихъ именъ, которыхъ избѣгали всѣ остальные въ присутствіи мальчика, докторъ пріобрѣлъ такую привязанность Игнася, что новое лицо, которое въ это время овладѣло сердцемъ мальчика, въ рубрикѣ: «кого я люблю больше всѣхъ?» было записано не выше, а на одной линіи съ именемъ «дѣдушки». Лицо это была тетя Миля, дальняя родственница Бэли, сирота, барышня, не особенно богатая, прожившая по окончаніи пансіона всю зиму и весну въ Кленовѣ. Хорошо развитая дѣвушка, лѣтъ семнадцати, съ точенымъ профилемъ, продолговатыми, томными глазами цвѣта фіалокъ, съ пурпуровыми губами, привыкшая къ городской жизни, она скучала въ деревнѣ, и для развлеченія, за неимѣніемъ взрослаго рыцаря, постояннаго предмета пламенныхъ вздоховъ, превратила въ пажа Игнася, который нравился ей своей безъискусственностью и не дѣтскою отвагой. Она ему приказывала приносить себѣ цвѣты, цѣловать ее въ губы, въ сгибы рукъ и шею; брала его на колѣни и ласкала его часами; а десятилѣтній мальчикъ находилъ въ ея поцѣлуяхъ забытую нѣжность и сладость материнскихъ ласкъ и еще какой-то смутный, невѣдомый элементъ, который заставлялъ его скрывать передъ посторонними глазами свои чувства къ тетѣ Милѣ и краснѣть до слезъ, когда его въ шутку называли ея женихомъ.

VII.

Ночь на Ивана Купала.

— Вотъ, еслибъ кто-нибудь изъ васъ нашелъ сегодня ночью этотъ свѣтящійся цвѣтокъ—былъ бы счастливымъ и всемогущимъ! А я бы къ тому приласкался, только чтобъ позволилъ понюхать...

Тутъ Конанскій улыбнулся своими блѣдными губами.

— Развѣ обязательно надо въ лѣсу? А то у насъ и въ паркѣ есть папоротникъ,—прервалъ молчаніе Мечиславъ.

— Говорятъ, что въ лѣсу. А можетъ быть, и ни въ лѣсу, ни въ саду,—отвѣтилъ Конанскій и устремилъ въ пространство свои добрые потускнѣвшіе, задумчивые глаза.

Такъ разговаривалъ съ дѣтьми первый гость, который пріѣхалъ подъ утро въ Кленово, чтобы поздравить съ годовщиной свадьбы обоихъ супруговъ. Это былъ отдаленный сосѣдъ и школьный товарищъ пана Игнатія, человѣкъ, подававшій нѣкогда большія надежды, рано сбившійся съ пути благодаря сердечной неудачѣ, нынѣ—не лишенная очарованія развалина. Жилъ онъ одиноко, зарывшись въ разваливающейся барской усадьбѣ, съ которой разставался только разъ въ годъ ради визитовъ, чтобы навѣстить Кленово и напомнить себѣ тотъ давнишній вечеръ, когда онъ дирижировалъ танцами на свадьбѣ съ такимъ увлеченіемъ и почти бѣшенствомъ, точно предчувствовалъ, что веселится послѣдній разъ въ жизни.

— А что, вы могли бы сдѣлать изъ большой лошади двухъ собачекъ?—вдругъ спросилъ Игнась, всматривавшійся съ полуоткрытымъ ртомъ въ изнуренное лицо Конанскаго и глотавшій слова его разсказа.

Но въ эту минуту вошелъ на веранду Игнатій и весело произнесъ:

— Ну, что жъ, Тадеушъ, сыграемъ передъ обѣдомъ партію, для аппетита.

— Хорошо, только дай пѣшку впередъ, а то я давно ужъ не игралъ.

— Я тоже, чуть ли не съ тобой въ послѣдній разъ!—отбояривался Игнатій.

— Да, только вѣдь ты знаешь, что мнѣ вообще не везетъ ни въ какую игру,—засмѣялся Конанскій голосомъ и всѣмъ лицомъ, кромѣ глазъ.

Вышли.

Дѣти подъ впечатлѣніемъ разсказа минуту сидѣли тихо, задумчиво. Одинъ только Апусь вертѣлся нетерпѣливо и вдругъ объявилъ:

— Я совѣтую передъ обѣдомъ, для возбужденія аппетита, поиграть въ «лѣсного духа».

— Хорошо!—оживляясь согласился Мечиславъ.—Зыгмусь! что ты тамъ дѣлаешь? Иди, играть въ «лѣсного духа».

— Одѣваюсь! — серьезно и дѣланнымъ басомъ, какъ подобаетъ четвероклассинку, отвѣтилъ Зыгмусь, выходя съ папиросой, зажатой въ рукѣ.

— Что жь это пріятно?

— А, вовсе нѣтъ!—вмѣшался, очнувшись отъ задумчивости, Игнась.

— А ты почемъ знаешь?—сурово, съ нѣкоторымъ недовольствомъ спросилъ Зыгмусь.

— Я пробовалъ трубку Яна.

— И не тошнило тебя?

— Нѣтъ, только страшно языкъ щипало.

— Потому что не умѣешь затягиваться, попробуй, вотъ такъ!—И тутъ Зыгмусь затянулся, закашлялся, плюнулъ и, заслышавъ шаги, затопталъ окурокъ.

На веранду вбѣжала Авреля и быстро заговорила, состроивъ сильно озабоченное лицо и живо жестикулируя.

— Пойдемъ, Зыгмусь, помоги мнѣ вертѣть мороженое, потому что я одна ничего не могу сдѣлать, масса работы.

— Что? что я баба, что ли?—возмутился Зыгмусь.

— Ну такъ кто-нибудь изъ васъ?

— Мы не можемъ, мы должны начать игру въ «лѣсного духа»,—категорически заявилъ Апусь.

— Ну, мелюзга, не разговаривать! — началъ басомъ, а кончилъ роковымъ дискантомъ Зыгмусь, поднеся руку къ бородавкѣ подъ носомъ.

— Противные мальчишки! Толку отъ васъ не добьешься!.. А ты, Зыгмусь, не кури, а то скажу мамѣ; я видѣла,—проговорила Авреля, разсерженная отказомъ.

.— Ну и жалуйся! и будешь фискала, зубоскала!

— Буду или не буду, тамъ видно будетъ! Тоже, важная фигура! щиплетъ бородавку подъ носомъ и думаетъ, что у него усы... Пѣтухъ индѣйскій! — отрѣзала Авреля, повернулась кругомъ и съ достоинствомъ удалилась.

— Ябеда!—пустилъ въ догонку оскорбившійся Зыгмусь.

— Ну, чѣмъ ссориться, лучше сыграемъ въ «лѣсного духа»! — закричалъ Игнась.—Ку-ка-ре-ку! — запѣлъ онъ пѣтухомъ.— Я кровожадный Натанъ, или «лѣсной духъ»! Знайда, поди-ка сюда!—позвалъ онъ молодую дворняшку—ты будешь, какъ Конфетка, искать индѣйцевъ! Зыгмусь! Ты — вождь краснокожихъ! Я крикну: пора!—тогда и начинайте!

И мальчикъ во всю прыть пустился съ собакой въ садъ. Апусь заткнувъ за ленточку на шляпѣ утиное крыло, вооруженный копьемъ изъ орѣшника, а Мечиславъ съ изогнутымъ лукомъ вскочили и побѣжали. Зыгмусь тоже поднялся, но еще колебался, подобаетъ ли ему принять участіе въ игрѣ, хотя ему и сильно хотѣлось.

— Пора!—раздался изъ-за кустовъ звонкій голосъ.

Оба индѣйца бросились въ ту сторону. Въ это время Игнась, согнувшись и прячась, перебѣжалъ съ вѣрнымъ Знайдой черезъ «чащу» смородиновыхъ кустовъ, присѣлъ, придерживая собаку за шею, и шепталъ съ бьющимся сердцемъ: «Стереги, стереги, Конфетка!»

Вскорѣ на аллеѣ показался Апусь, обманутый маневромъ Игнася; онъ шелъ спокойно, не подозрѣвая, что непріятель такъ близко.

— Ку-ка-ре-ку, я «лѣсной духъ»! — съ страшнымъ крикомъ бро-

сился на него Игнась, повалилъ его на землю и раздавленной смородиной поставилъ ему на груди кровавый крестъ.

— Ой, ой, ой! кричалъ ошеломленный Апусь.

— Держи его!—оралъ во все горло Мечиславъ, пробираясь сквозь густые кусты подстриженной акаціи.

При видѣ пораженія брата, кровь закипѣла въ Зыгмусѣ, и, сбросивъ съ себя напускную важность, онъ опрометью поспѣшилъ на помощь брату.

Игнась, проникнутый неподдѣльнымъ страхомъ, пустился бѣжать изо всѣхъ силъ, точно ему, дѣйствительно, грозила опасность. Мальчикъ бѣгалъ скоро, но Зыгмусь, благодаря своимъ длиннымъ ногамъ, быстро его нагналъ, однако ему не удавалось поймать Игнася, который, какъ ужъ, выскользалъ у него изъ рукъ.

Въ это время подоспѣлъ Мечись; показался и Апусь.

Наступала критическая минута. «Лѣсной духъ» былъ окруженъ съ трехъ сторонъ, съ четвертой преграждала путь канава съ водой.

Не долго думая, Игнась прыгнулъ, чтобы перескочить препятствіе. Это не разъ ему удавалось, но теперь, какъ разъ, силы ему измѣнили; онъ ввалился прямо по поясъ въ воду, выкарабкался на другой берегъ и удиралъ дальше со всѣхъ ногъ..

Остальныя дѣти, помня предостереженія Бэли, которая принарядила ихъ по случаю сегодняшняго торжества, остановились на берегу и, разочарованныя неудачей, вернулись домой.

Игнась, не чувствуя за собою погони, бросился на траву и съ минуту тяжело дышалъ, чувствуя точно раскаленныя уголья въ груди. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ опомнился совершенно, окинулъ тревожнымъ взглядомъ свое платье и оробѣлъ. Свѣтлыя штанишки, башмачки и чулочки—все это приняло неопредѣленный грязный цвѣтъ, со всего текла вода и илъ: весь передъ его матросской блузы былъ тоже мокрый насквозь; руки, а что еще того хуже, концы рукавовъ и бѣлыя перламутровыя пуговички были сплошь облѣплены грязью.

Игнась долго сидѣлъ смущенный, съ лицомъ раскаивающагося преступника, съ опущенными глазами, готовый расплакаться, однако когда онъ уже совсѣмъ отдохнулъ, новый приливъ энергіи заставилъ его задуматься надъ способами, какъ привести въ порядокъ испорченное платье.

«Лучше всего выстирать!» подумалъ онъ и направилсякъ рѣчкѣ.

Сначала онъ снялъ башмачки, соскребъ съ нихъ палочкой грязь, вымылъ и вытеръ листьями лопуха. Потомъ раздѣлся до рубашки; блузу только выполоскалъ, а штанишки выстиралъ усердно. Какое-то полѣно сыграло ему роль колотушки, и онъ съ огромнымъ удовольствіемъ и съ такимъ увлеченіемъ колотилъ по нему, что съ полѣна даже щепки летѣли вмѣстѣ съ кусочками разбитыхъ перламутровыхъ пуговицъ.

Потъ катился у него съ лица, но онъ былъ доволенъ результа-

тами, убѣжденный въ томъ, что когда высохнетъ, все будетъ выглядѣть прекрасно.

Онъ развѣсилъ свой туалетъ на вѣтвяхъ березы, а самъ улегся на мягкую траву, наслаждаясь тепломъ солнечнаго дня и легкимъ дуновеніемъ ласкающаго вѣтерка, надувавшаго его рубашку.

Тихо было вокругъ, только ручеекъ монотонно журчалъ, и жужжали невидимые рои мелкихъ мошекъ; надъ рѣчкой господствовало безпрестанное движеніе. Пролетѣло нѣсколько горлицъ и изчезло гдѣ-то вблизи; потомъ выскочила на берегъ трясогузка и бѣгала такъ близко отъ Игнася, что онъ прекрасно видѣлъ ея черные, какъ бисеръ, глазки. Двѣ бабочки, одна маленькая, блѣдно-голубая, другая побольше, бѣлая, порхали надъ красненькой головкой шиповника. Прожужжалъ черно-полосатый шмель, спугнулъ ихъ съ шиповника, онѣ пересѣли на мальву, на которой качалась маленькая, сѣренькая птичка, такъ называемая чухоловка. По травѣ бѣгали тѣни отъ вѣточекъ и листьевъ березы, а по временамъ продвигались большія пятна взлетающихъ птичекъ. Одно такое, почти неподвижное пятно обратило вниманіе Игнася, онъ взглянулъ на небо и увидѣлъ парящаго надъ нимъ ястреба, который былъ такъ низко, что мальчикъ безъ труда различалъ блескъ серебристыхъ перышекъ на крыльяхъ, клювъ и движенія головы. Они смотрѣли другъ на друга нѣкоторое время, затѣмъ ястребъ едва замѣтными колебаніями крыльевъ началъ подыматься все выше и выше.

— Ахъ, еслибъ мнѣ такъ!..—подумалъ Игнась, слѣдя за нимъ глазами, и грудь его широко вздохнула отъ удовольствія воображаемаго полета.

Птица описала большой кругъ и исчезла.

Игнась, лежа на травѣ, продолжалъ смотрѣть вверхъ. Передъ нимъ мелькали въ чистомъ воздухѣ какія-то подвижныя сѣточки, вращающіеся кружочки, золотистыя пылинки, далѣе голубой сводъ неба, а на немъ бѣлыя мелкія облачка, плывущія въ безконечную даль.

— Ахъ, еслибъ съ ними поплыть!..—снова подумалъ мальчикъ, и сердце затрепетало въ немъ отъ воображаемаго наслажденія плавать по небесному простору; онъ даже закрылъ глаза, чтобы усилить яркость этого впечатлѣнія.

Вдругъ прозвонилъ три раза колоколъ, возвѣщающій время обѣда.

Игнась сорвался съ мѣста и началъ быстро одѣваться; ему это какъ-то не удавалось; все было искомкано, неопредѣленнаго цвѣта, тѣсное и сырое. Башмаки, потерявшіе блескъ, скоробившіеся, были точно состряпаны изъ стараго сукна, зато штанишки, цвѣта половой тряпки, казались сшитыми изъ помятой кожи.

Это сильно огорчало Игнася; онъ медленно направился къ дому, расправляя по пути руками безпокоившія его складки и морщины.

На ступеняхъ крыльца онъ увидѣлъ Постанскаго.

— Ну, ну,—произнесъ докторъ,—гдѣ это ты такъ вырядился на

сегодняшнее торжество? Повернись-ка! Хорошъ, точно корова тебя жевала!

— Я хотѣлъ выстирать,—началъ Игнась и, посмотрѣвъ на улыбавшееся лицо старика, на его запыленные заплатаные сапоги, вытертый пиджакъ и брюки съ бахромой, набрался смѣлости и заискивая произнесъ:—не пойти ли намъ, дѣдушка, въ буфетную, тамъ Степа почиститъ, и я...

— Дѣдушка, пожалуйте въ залу, сейчасъ обѣдъ!—прервала вбѣгая Авреля въ розовенькомъ платьѣ, опоясанномъ бѣлымъ шарфомъ.— Игнась!—простонала она, остановившись въ изумленіи,—ну, ну, ну!— покачала она печально головой. А когда Постанскій удалился, увидѣвъ вытянувшееся лицо мальчика, таинственно прибавила:—не бойся, ничего! Мама уже знаетъ, что ты упалъ въ канаву, ничего тебѣ не сдѣлаетъ! Дѣдушка и тетя Миля попросили за тебя; бѣги, одѣнься въ старый костюмъ.

— Такъ тетя Миля здѣсь?—живо спросилъ Игнась, взволнованный ея пріѣздомъ и растроганный ея заступничествомъ.

— Пріѣхала съ какимъ-то господиномъ и какой-то барыней!.. Поторопись, ужъ супъ разливаютъ...

Когда Игнась въ сѣрой ежедневной запятнанной курточкѣ явился въ столовую, всѣ уже сидѣли за столомъ.

Очнувшись отъ робости, ошеломленный многочисленными взглядами, направленными на него, онъ увидѣлъ грозившій ему нѣжный пальчикъ Изабеллы и услышалъ ея приказаніе:

— Поздоровайся! И въ другой разъ помни... видишь, какъ всѣ выглядятъ, ты одинъ только замарашка.

«И дѣдушка тоже», подумалъ мальчикъ, и сразу почувствовалъ себя свободнѣе. Подбѣжалъ, улыбаясь издали, къ тетѣ Милѣ, поцѣловалъ ее въ обѣ ручки горячо и нѣжно; шаркнулъ ножками передъ немолодой уже барыней и незнакомымъ господиномъ съ лысинкой, сидѣвшимъ рядомъ съ тетей Милей.

— А, такъ это мой соперникъ! — громко засмѣялся незнакомый гость.—Ну, такъ надо намъ познакомиться!

Гость всталъ съ мѣста и взявъ въ жирную, потную, огромную руку маленькую ручку Игнася, произнесъ:

— Кулаковскій, главный директоръ!—послѣднія слова онъ невольно произнесъ съ гордостью и удареніемъ.

Игнась окинулъ недовѣрчивымъ взглядомъ его толстую фигуру на короткихъ, кривыхъ ногахъ и ему припомнился самоваръ вмѣстѣ со столикомъ на искривленныхъ ножкахъ.

Ему сразу не понравился этотъ гость, и даже показался обиднымъ его голосъ и тонъ разговора.

— Бородка, какъ у козла!—подумалъ, усаживаясь, мальчикъ.

— Чѣмъ онъ мажется, что такъ сіяетъ?—шепнулъ онъ Мечиславу, глядя на лоснящіяся, выхоленныя щеки директора.

А директоръ, женихъ тети Мили, уставившись хитрыми глазами на Игнася, громко продолжалъ:

— Такъ это тотъ самый молодой человѣкъ, который носилъ вамъ цвѣты? Что-то онъ не похожъ на такого!

Игнась покраснѣлъ до слезъ и такъ разобидѣлся на тетю Милю, что даже забылъ на время свое нерасположеніе къ этому незнакомцу, который казался ему въ эту минуту болѣе чѣмъ несноснымъ. Мальчикъ уткнулся въ тарелку и боялся взглянуть на кого-нибудь.

Къ счастью, разговоръ принялъ другой оборотъ, и въ немъ сильнѣе всѣхъ слышался голосъ гостя, который въ концѣ концовъ заставилъ всѣхъ замолчать; этотъ голосъ раздавался одиноко и сообщалъ либо о достоинствахъ собственной персоны директора, либо фабрики; когда слышалось «мы», надо было подразумѣвать фабрику, когда—«я», никто уже не сомнѣвался, что рѣчь идетъ о самомъ господинѣ директорѣ.

Несмотря на то, что гость разсказывалъ плавно, даже краснорѣчиво и выказывалъ громадное знакомство съ вещами, несомнѣнно интересными, въ особенности для деревенскихъ жителей, разсказы его не заинтересовали никого и не доставляли удовольствія. Скорѣе наоборотъ; Игнатія невольно коробило при его словахъ, ибо онъ видѣлъ въ нихъ временами грубое приложеніе собственныхъ позитивныхъ взглядовъ, что было для него тѣмъ болѣе непріятно, такъ какъ и прежде еще онъ сомнѣвался въ справедливости многихъ изъ нихъ. Бэля чувствовала себя смущенной и какъ бы сконфуженной.

На впечатлительномъ лицѣ Конанскаго отражалось сильное неудовольствіе. Лицо Мили выражало скуку и лишь отъ времени до времени въ ея томныхъ глазахъ мелькалъ короткій блескъ нетерпѣнія и скрытой раздраженности.

Одна только тетка Кулаковскаго казалась на седьмомъ небѣ, и, когда директорское «я» выступало въ полномъ блескѣ,—ея увядшее, изсохшее лицо сіяло, и голова утвердительно кивала въ сторону Постанскаго, который сидѣлъ vis-à-vis и, убійственно-безучастно уставившись своими огромными, налитыми кровью глазами въ пространство, выражалъ полнѣйшее невниманіе къ ея племяннику.

А Кулаковскій распространялся о «нашихъ» огромныхъ печахъ, о необыкновенной работѣ «нашихъ» паровыхъ молотовъ, о богатствѣ руды, привозимой съ юга Россіи, о бѣдности страны, о «нашихъ» мѣсторожденіяхъ каменнаго угля, камня и т. д., причемъ временами получалось впечатлѣніе, что все это не только дѣйствительная собственность господина директора, но и обязано своимъ существованіемъ и развитіемъ его милостивому разрѣшенію, что достаточно, чтобы онъ—главный директоръ—сдѣлалъ въ соотвѣтственное время соотвѣтственному собранію соотвѣтственный докладъ съ соотвѣтственно размаши-

стою подписью или, Боже сохрани, погрозилъ своей отставкой, чтобы все это распалось и исчезло безъ слѣда.

— А у васъ, должно быть, много работы,—замѣтила въ концѣ этой пространной тирады Бэля, желая прервать наскучившій монологъ и придать ему хотя внѣшій видъ общаго разговора.

— Совершенно вѣрно, сударыня, я встаю въ шесть часовъ, но и послѣ двѣнадцати часовъ ночи можно застать меня за дѣлами.

— Да, да, надо будетъ понемногу привыкнуть къ такому образу жизни,—добавилъ онъ, обращаясь съ снисходительной улыбкой къ Милѣ, и опять продолжалъ:

— Седьмой день въ недѣлю я также не отдыхаю. Просматриваю лично въ это время счета, выписки и отдѣльные рапорты и собственноручно снабжаю ихъ мелкими замѣчаніями; конечно приходится ограничиваться лаконическими выраженіями: «дорого» синимъ карандашомъ и одинъ восклицательный знакъ—первое предостереженіе! «Дорrогоо» и два восклицательныхъ знака краснымъ карандашомъ—послѣднее! А счетный отдѣлъ знаетъ ужъ, съ кѣмъ придется разсчитываться и распрощаться...

— А что бы было, если бы я написала эти роковыя буквы?—вдругъ спросила Миля и нервно разсмѣялась.

— То-есть какъ это?—съ комичнымъ удивленіемъ взглянулъ директоръ на невѣсту.

— А такъ: забираюсь въ кабинетъ, беру резинку и вытираю одно *р*, одно *о* и одинъ восклицательный знакъ.

— Браво! прекрасно! — отъ души смѣялся Конанскій.—Да, директоръ, у панны Мили доброе сердце и ручаюсь, что это она пожелаетъ сдѣлать, а какъ директорша, она будетъ имѣть право контролировать ваши распоряженія и пользоваться резинкой въ соотвѣтствующихъ случаяхъ.

Не успѣла пройти минута общей веселости, какъ директоръ уже вновь принялъ утраченную осанку, улыбнулся принужденно и началъ оправдываться.

— Да!.. конечно!.. Мнѣ, можетъ быть, и самому хотѣлось бы сдѣлать послабленія и подчиненнымъ, и себѣ, но что-жъ дѣлать, когда акціонеры интересуются не моимъ сердцемъ, а дивидендомъ. Мы вѣдь должны заботиться о пониженіи расходовъ производства, считаться съ условіями рынка, которыя становятся все тяжелѣе, потому что иначе нѣмцы и евреи поглотятъ насъ безъ остатка. Слѣдуетъ разъ навсегда понять, — прибавилъ онъ съ удареніемъ, глядя нѣсколько сверху на Конанскаго, — что эта, такъ называемая доброта сердца, а въ сущности слабохарактерность, сентиментализмъ, романтизмъ—наши національные недостатки, стоившіе намъ много крови и слезъ (тутъ директоръ вздохнулъ, какъ будто бы онъ самъ проливалъ эту кровь и слезы), и которые намъ надо разъ навсегда похоронить въ реальной

жизни. Они потеряли кредитъ даже у поэзіи и допустимы, пожалуй, еще въ альбомахъ институтокъ, но не въ солидномъ трудѣ, трудѣ коренномъ, стремящемся къ обновленію края.

— А теперь одинъ маленькій вопросъ: скажите мнѣ, сколько у васъ можетъ заработать поденщикъ? Максимумъ полтинникъ!—предупредилъ отвѣтъ Конанскій, смотрѣвшій на директора съ едва замѣтной ироніей.—А у меня послѣдній прощалыга вырабатываетъ рубль!

— Ну, такъ и слава Богу! замѣтилъ Игнатій.

— Конечно — подхватилъ директоръ, — хотя, повѣрьте мнѣ, что каждый лишній грошъ въ рукахъ такого, съ позволенія сказать, животнаго,—то же, что оружіе въ рукахъ безумца — лишняя возможность напиться до самозабвенія, поступокъ въ высокой степени деморализующій!.. Да, господа, — продолжалъ онъ,—со стороны все это представляется въ радужныхъ краскахъ, а вблизи, при трезвомъ взглядѣ... Я вѣдь тоже когда-то, какъ...

— Дуракъ!—ясное, звонкое слово остановило потокъ рѣчи директора.

Все затихло. Глаза всѣхъ устремились на Постанскаго, который съ невозмутимымъ спокойствіемъ ковырялъ вилкой по тарелкѣ.

Кулаковскій и тетка его остолбенѣли, Игнатій и Бэля смутились, Конанскій оставался безучастнымъ къ происшедшему, а Миля окинула Постанскаго рѣзкимъ взглядомъ.

Въ тишинѣ этой раздался короткій, сдерживаемый смѣхъ Игнася.

— Дуракъ Игнась!—тономъ подтвержденія повторилъ докторъ.— Самъ не знаетъ, чего смѣется.

Всѣ облегченно вздохнули. Положеніе, по крайней мѣрѣ по наружному виду, казалось было спасено, но сейчасъ же снова повисло на волоскѣ.

Игнась съ быстротою молніи всталъ со стула, точно намѣреваясь прочесть лекцію, и упрямо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, знаю!

И достаточно было видѣть его смѣлое личико и шаловливые каріе глазенки, чтобы убѣдиться, что онъ дѣйствительно знаетъ и готовъ даже это высказать.

Предупредительныя молніи посыпались изъ удивленныхъ глазъ Бэли. Игнась сѣлъ и, шаловливо нагнувъ голову, началъ коситься въ сторону директора.

Кулаковскій покраснѣлъ и ненавистнымъ, пронизывающимъ взглядомъ окинулъ мальчика, въ отвѣтъ на что получилъ насмѣшливую гримасу и вызывающій взглядъ непокорнаго ребенка.

Все это продолжалось не больше минуты, которую прервалъ Конанскій удачнымъ тостомъ за здоровье хозяевъ дома, желая имъ дождаться брилліантовой свадьбы, внуковъ и правнуковъ.

Игнатій въ отвѣтъ поднялъ бокалъ за здоровье гостей и помолвленныхъ жениха и невѣсту.

Потомъ Конанскій—за здоровье директора, промышленность края и ея представителей.

Такимъ образомъ, впечатлѣніе непріятнаго инцидента изгладилось довольно скоро, тѣмъ болѣе, что послѣ обѣда Постанскій уже не возвращался больше въ залъ, а прямо изъ столовой выбрался въ переднюю, схватилъ шляпу и направился домой.

На дворѣ его догналъ Игнась:

— Дѣдушка, за ужиномъ будетъ земляника и клубника, останьтесь, и пирожное съ вареньемъ, вѣдь вы, дѣдушка, любите...

— Нѣтъ!

— Съ вареньемъ?..—удивился мальчикъ.—Развѣ вы никогда не ѣли?... Съ начинкой, какъ разломаешь, точно двѣ лодочки!..—болталъ, прыгая вокругъ доктора, мальчикъ и вдругъ спросилъ:

— Вѣдь вы, дѣдушка, не про меня сказали дуракъ?

— Про тебя!

— Это во второй разъ, а въ первый нѣтъ! Правда? У этого господина кривыя ноги, какъ у Буренки—вы видѣли дѣдушка? и блеститъ, какъ самоваръ. Что онъ чиститъ себя помадой? — разспрашивалъ мальчикъ.

Постанскій молчалъ.

Игнась потянулъ его за рукавъ, и ласкаясь, сказалъ:

— Отчего вы, дѣдушка, не хотите сегодня со мной разговаривать?

Докторъ пріостановился, посмотрѣлъ на мальчика испытующимъ взглядомъ и вдругъ спросилъ:

— Хорошо—сколько будетъ восемью девять?

Игнась смутился на минуту и выпалилъ:

— Шестьдесятъ три.

— Не хочу съ такимъ осломъ и разговаривать, — бросилъ отрывисто Постанскій и пошелъ дальше.

Мальчикъ, какъ ошеломленный, постоялъ минуту молча, потомъ со слезами на глазахъ началъ лихорадочно повторять девятью восемь, девятью восемь, восемью девять, и вдругъ, словно озаренный какой-то блестящей мыслью, пустился въ погоню за докторомъ:

— Дѣдушка!—жалобно кричалъ онъ.—Семьдесятъ два, дѣдушка, семьдесятъ два!

— Сколько?

— Семьдесятъ два.

— Такъ зачѣмъ же ты сказалъ шестьдесятъ три?

— Да, дѣдушка, такъ сразу, ни съ того, ни съ сего... а теперь еще и вакаціи...—объяснялъ Игнась, подбѣгая все время прыжками, что ему мѣшало говорить:

— Чего вы такъ летите, дѣдушка, какъ жидъ на шабашъ?

— Спѣшу, голубчикъ, домой,—отвѣтилъ докторъ, замедляя шаги.

— А зачѣмъ?

— Хотѣлось сегодня еще связать сжатую рожь.

— А завтра вы, дѣдушка, не можете?

— Завтра буду полоть картофель; если не сдѣлаю всего во-время, то что я буду ѣсть зимой?

— Наймите, дѣдушка, работника!

— Не могу.

— Почему?

— Каждый долженъ работать самъ на себя.

— Каждый?

— Да, каждый.

— Такъ и я, значитъ?

— И ты!

— А вѣдь я не работаю.

— Потому что ты еще маленькій, теперь на тебя другіе работаютъ.

— А кто?

— А вотъ видишь, эти волы, которые тамъ пашутъ, лошади, которыя боронятъ для мужиковъ, бабы, что тамъ кряхтятъ и съ утра ходятъ—онѣ работаютъ, чтобы доставить тебѣ свѣжій хлѣбъ къ завтраку. Надъ этимъ платьемъ, которое на тебѣ, работало много народу. Индусъ, негръ, а, можетъ быть, и китаецъ собиралъ для него хлопокъ...

— Негръ такой черный, а китаецъ съ косой, какъ на жестянкахъ отъ чая!—повторилъ удивленный Игнась.

— Да, этотъ самый китаецъ собиралъ чай, который ты пьешь ежедневно.

— А еще кто?

— Всѣ и все, животныя, растенія, тысячи людей, которыхъ ни ты, ни я не знаемъ...

— И Знайда, и Живой?

— И Знайда, и Гнѣдка. Не думай, что только живые! Работали на тебя и умершіе...

— Умершіе!—прошепталъ Игнась...—Знаю,—прибавилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—папа и мама...

— Не только они! Табличку умноженія, которой ты пользуешься при рѣшеніи задачъ, составилъ давно, давно одинъ грекъ; если бы не онъ, пришлось бы тебѣ не разъ попотѣть. Тотъ лукъ, которымъ ты вчера игралъ, выдумалъ еще раньше дикій человѣкъ, можетъ быть, уже исчезнувшій съ лица земли, благодаря людской злобѣ... и ты состоишь его должникомъ!

На Игнася грекъ не произвелъ особенно большого впечатлѣнія, за то дикарь прямо расчувствовалъ его; онъ произнесъ печально:

— Я бы его поблагодарилъ и отдалъ, ну что-жъ мнѣ дѣлать, если его уже нѣтъ, а лукъ сломался.

— Благодари другихъ и люби ихъ, пока маленькій, а потомъ отдашь...

Докторъ вдругъ замолчалъ и нахмурился.

«Какого чорта я ему все это говорю», подумалъ онъ и зашевелилась въ немъ вся горечь озлобленія.

— Всѣхъ?—повторилъ Игнась.

— А дѣлай, какъ хочешь, да ступай домой, далеко ужъ зашли мы что-то, иди, иди ужь!—ворчалъ Постанскій.

Игнась поцѣловалъ ему руку и медленно направился домой въ какомъ-то странномъ настроеніи.

Онъ не понималъ цѣликомъ смысла словъ Постанскаго, но весь разговоръ съ дѣдушкой оставилъ въ его душѣ съ невыработанными понятіями цѣлый хаосъ чувствъ, среди которыхъ яснѣе всего выдѣлялись зачатки страха передъ какою-то огромной невѣдомой отвѣтственностью и вмѣстѣ съ тѣмъ растроганности.

Народъ возвращался съ полей, и навстрѣчу Игнасю на каждомъ шагу попадались опрокинутые плуги, загорѣлыя лица пахарей, курящихъ короткія трубочки, волы, степенно покачивающіе головами въ деревянныхъ ярмахъ, босыя бабы съ грудными дѣтьми, ребятишки въ парусныхъ штанишкахъ и грязныхъ распахнутыхъ рубашонкахъ, погонявшіе лошадей съ вытертыми боками и свѣжими ранами на шеѣ.

Сначала мальчикъ робко присматривался къ этимъ людямъ и животнымъ, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ, а потомъ началъ имъ улыбаться всѣмъ своимъ личикомъ, глазками и полнымъ благодарности сердечкомъ.

— Ахъ, если бы мнѣ *то* найти сегодня...—молился онъ въ душѣ, думая о цвѣткѣ папоротника,—если бы найти... сейчасъ бы...

И, полный надеждъ, онъ уже обѣщалъ воламъ снять съ нихъ тяжелое ярмо, лошадямъ—залечить ихъ опаленныя солнцемъ раны, дѣтямъ игрушки, красивыя штанишки, чистыя рубашки, много травы и сѣна бабамъ, всѣмъ башмаки и пахарямъ длинные чубуки съ янтаремъ.

На дворѣ онъ поласкалъ Знайду такъ нѣжно, какъ никогда еще, и только передъ крыльцомъ, при видѣ тети Мили, прогуливающейся подъ руку съ директоромъ, открытое для всѣхъ сердце его внезапно замкнулось, сжимаясь и отступая въ какую-то тѣсную темницу, точно тронутая пальцемъ улитка въ свою скорлупу.

Объятый безсознательной грустью, точно тоскуя по промелькнувшей минутѣ широкаго чувства, Игнась опечаленный усѣлся на ступеньки лѣстницы и опустилъ голову.

Приближался вечеръ, повѣяло прохладой послѣ знойнаго дня. Съ вышины голубого свода сплывали внизъ, на край горизонта легкія

облачки, точно пушистыя пташки, передъ сномъ сбивающіяся въ стаи.

Со стороны деревни сквозь окружающую тишину доносилось мычаніе, блеянье и визгъ возвращавшейся домой скотины. Было еще свѣтло. На крыльцѣ Игнатій игралъ съ Конанскимъ въ шахматы; Апусь и Мечиславъ, по приказанію Бэли, вышедшей похлопотать объ ужинѣ, показывали теткѣ Кулаковскаго окружающія клумбу розы, а по собственному вдохновенію — ужасныя гримасы; женихъ и невѣста, перекидываясь отъ времени до времени втихомолку словами, прогуливались взадъ и впередъ въ блѣдной расплывчатой тѣни, бросаемой кленовскимъ домомъ.

И передъ Игнасемъ мелькали поперемѣнно двѣ картины: то напряженное движеніе искривленныхъ ногъ директора на фонѣ мѣрно колебающейся свѣтлой юбки тети Мили, и тогда ему припоминался водяной паукъ, котораго онъ какъ-то видѣлъ лазящимъ по лепесткамъ кувшинки, и онъ невольно вздрагивалъ, то снова стройная фигура тети Мили, точеный профиль ея лица, а на немъ та самая, пугающая его, блуждающая улыбка, скользившая по временамъ по ея губамъ, когда она его ласкала,—и тогда ему хотѣлось плакать. Такъ они нѣсколько разъ прошлись мимо него и молча пошли въ паркъ.

Игнась вздрогнулъ и внезапно почувствовалъ приступъ той злой и болѣзненной веселости, которая являлась у него по временамъ, когда, несправедливо наказанный, онъ дѣлалъ видъ, что его это наказаніе совершенно не коснулось, что онъ равнодушенъ къ нему, смѣется надъ нимъ и—баста! Онъ позвалъ Знайду и, притворяясь, что играетъ съ нимъ, побѣжалъ вслѣдъ за ними, чувствуя, что онъ имъ теперь помѣшаетъ, такъ какъ догадывался о ихъ намѣреніи остаться наединѣ.

Мальчикъ игралъ свою роль превосходно, съ виду не обращалъ на нихъ никакого вниманія, но все время вертѣлся вблизи, проказничая съ собакой. По временамъ онъ скрывался въ кусты, для того только чтобы вырости какъ изъ-подъ земли на первомъ поворотѣ аллеи; то опережалъ ихъ, то отставалъ немного, маневрируя такъ, чтобы они все время чувствовали его присутствіе.

Когда парочка направилась въ сторону бесѣдки, Игнась пробрался знакомыми путями черезъ чащи кустовъ напрямикъ, такъ что когда они вошли въ бесѣдку, то застали уже тамъ Игнася сидящимъ на скамейкѣ и помѣстившаго рядомъ съ собой вѣрнаго Знайду.

— Не хотите ли сѣсть, тетя?—задорно спросилъ мальчикъ, видя что оба они стоятъ у входа съ вытянутыми лицами.—Я вамъ уступлю свое мѣсто, а Знайда этому господину.

— Нѣтъ! Благодарю, — сухо отвѣтила Миля, а ея спутникъ бросилъ на мальчика негодующій взглядъ.

Ушли.

Игнась опечалился, задѣтый тономъ голоса тети, зато взглядъ

несноснаго гостя повліялъ на него, какъ шпилька. Онъ сорвался съ мѣста и, гоняясь за собакой, пробѣжалъ около нихъ и черезъ нѣсколько шаговъ, дѣлая видъ, что споткнулся, растянулся во всю длину.

— Игнась, ушибешься! Чего ты лучше съ дѣтьми не играешь?—произнесла Миля, съ оттѣнкомъ легкаго раздраженія.

— А они не хотятъ больше играть, а Знайда хочетъ!

— Что-жъ они дѣлаютъ?

— Осматриваютъ розы.

— Розы, розы!—машинально повторила Миля, а потомъ произнесла съ просьбой въ голосѣ:

— Еслибы ты, Игнась, былъ хорошій мальчикъ, то принесъ бы мнѣ бѣлую розу, такую, какъ тогда... помнишь?..

— Помню!—глухо отвѣтилъ Игнась; постоялъ минутку, а потомъ, посмотрѣвъ недовѣрчиво въ глаза Мили, произнесъ:—Хорошо тетя!—и помчался во всю прыть по направленію къ двору; сорвалъ, не обращая вниманія на шипы, первую попавшуюся розу и сейчасъ же побѣжалъ обратно. Онъ не нашелъ уже парочки на прежнемъ мѣстѣ, но, точно подталкиваемый инстинктомъ, свернулъ въ грабовую аллею.

Когда онъ, предшествуемый собакой, влетѣлъ туда, тетя и ея спутникъ сидѣли на двухъ концахъ скамейки далеко одинъ отъ другого, сильно смущенные.

При видѣ мальчика, тетя Миля наклонила разгорѣвшееся личико и начала усердно разсматривать свои ногти, а Кулаковскій старательно занялся обрываніемъ мелкихъ вѣточекъ съ лежащаго рядомъ со скамейкой прута.

Игнась, остановившись, какъ вкопанный, окидывалъ ихъ нѣкоторое время подозрительными взглядами безпокойно бѣгавшихъ глазъ, а затѣмъ все его существо точно повисло на краю невѣдомой бездны, гдѣ сѣтовала невѣдомымъ шопотомъ безымянная грусть. Глаза потухли, замедлилось біеніе пульса въ жилахъ, ослабли всѣ мускулы; изъ обезсилѣвшихъ пальцевъ выскользнулъ бѣлый цвѣтокъ и упалъ на землю.

На розу сейчасъ же кинулся Знайда, и, послѣ двухкратныхъ безплодныхъ попытокъ, схвативъ ее зубами, хотѣлъ отдать своему маленькому господину, но видя, что тотъ ея не беретъ, несмотря на поощряющія помахиванія хвостомъ, побѣжалъ къ скамейкѣ, выпустилъ добычу на колѣни Мили и началъ самъ на нихъ взбираться бѣлыми лапами.

— Фу, измажешь, ну, пошелъ! Игнась, возьми его!—вскрикнула разсерженнымъ голосомъ Миля, стараясь освободиться отъ назойливаго пса.

Игнась, устремивъ взглядъ въ пространство, молчалъ.

— Слышишь, возьми его и убирайтесь!—откликнулся тономъ приказанія Кулаковскій и замахнулся прутомъ на молодую собаку.

Игнась вздрогнулъ, какъ уколотый; Знайда отскочилъ, но разыгравшись началъ прижиматься къ ногамъ директора. Тотъ оттолкнулъ его со злостью, а когда собака снова приблизилась, хотѣлъ ее ударить.

— Пожалуйста, не бить Знайду!—загремѣлъ разгнѣванный дѣтскій голосокъ, и директоръ почувствовалъ на своихъ глазахъ два горящихъ, какъ угольки, зрачка.

— Что?!—протяжно и тихо проговорилъ Кулаковскій, и хищный огонекъ мелькнулъ въ чертахъ его лица; директоръ схватилъ собаку за шею и началъ лупить ее изо всѣхъ силъ, такъ что въ воздухѣ засвистѣлъ упругій прутъ.

Знайда завылъ, и, одновременно съ этимъ, похожій, только еще болѣе высокій звукъ вырвался изъ груди Игнатія; блѣдный, какъ мертвецъ, съ быстротою молніи бросился онъ впередъ и впился обѣими руками въ жирную руку директора.

— Прочь, сморчокъ!—не владѣя больше собой, срывающимся голосомъ крикнулъ директоръ, стараясь схватить мальчика за ухо, но въ ту же минуту отдернулъ руку и, зашипѣвъ отъ боли, началъ стряхивать капельки крови съ пальцевъ.

— Что такое!—увидѣвъ кровь, воскликнула Миля, ошеломленная внезапностью происшедшей сцены, длившейся не болѣе нѣсколькихъ секундъ.

— Этотъ негодяй мальчишка меня укусилъ! Я вамъ покажу!—кричалъ Кулаковскій, грозя Знайдѣ и Игнасю, которые быстро удалялись.

Впереди съ поджатымъ хвостомъ удиралъ сбоку аллеи испуганный Знайда, а за нимъ по серединѣ машинально двигался, напрягая остатокъ силъ, мальчикъ, съ глазами полными слезъ, согнувшись подъ бременемъ обиды и оскорбленія, подергиваемый рыданіями, вырывающими со дна возмущеннаго до глубины сердца.

И когда тетя Миля, освободившись совершенно отъ пламени страсти, оканчивала осмотръ пострадавшаго пальца своего жениха, бросая на него при этомъ злобные взгляды, Знайда облизывалъ языкомъ соленыя слезы съ лица Игнася, который лежалъ на мягкой травѣ, обнявъ ручкой собаку за шею, и горько плакалъ, медленно приходя въ себя.

— А все-таки я его укусилъ!—вдругъ припомнилось ему, и мальчикъ почувствовалъ значительное облегченіе, такъ какъ съ этой мыслью съ него смывалось пятно оскорбленія.

— Да, онъ меня хотѣлъ за ухо, а я въ это время... и принужденъ былъ пустить... —вполголоса припоминалъ мальчуганъ.—Такъ, значитъ, наша взяла!—прибавилъ онъ всхлипывая, и слезы застыли отъ холодной дрожи торжествующей мести. Игнась вздрогнулъ, точно насквозь пронизанный ледяной сосулькой; еще разъ колыхнулось въ немъ какое-то лучшее, хотя и печальное волненіе, и онъ онѣмѣлъ отъ удовольствія.

Онъ всталъ и бормоча: «Такъ тебѣ и надо! толстая свинья! кривой самоваръ»!.. пошелъ гордой походкой по направленію къ дому, откуда раздавался зовъ къ ужину.

Очутившись въ столовой, Игнась, отдѣлываясь холоднымъ молча-

ніемъ отъ всѣхъ разспросовъ товарищей, стремительно усѣлся на свое мѣсто и уставилъ разгорѣвшіеся глаза въ бѣлую блестящую поверхность тарелки.

— Что съ вами? Вы пострадали?—послышался вскорѣ голосъ тети Бэли, и въ мальчикѣ застучало неровными ударами сухое сердце.

Онъ не чувствовалъ себя виноватымъ, ожидаемое наказаніе не устрашало его, а разжигало ожиданіе, въ которомъ вся его душонка болѣзненно сжалась, готовая къ борьбѣ съ этимъ ненавистнымъ для него человѣкомъ.

Директоръ, въ свою очередь, съ принужденной веселостью, небрежно разсказывалъ:

— Да, немножко! Со мной случился довольно оригинальный случай; хотѣлъ наказать собаку, которая собиралась вытереть свои грязныя лапы о мое платье, и...

— Карлуша!—простонала старая дама,—побойся же Бога, можетъ быть, бѣшеная...

— Ахъ, тетя... всегда эта преувеличенная заботливость!—перебилъ нетерпѣливо племянникъ и спокойно продолжалъ:

— Въ томъ-то и дѣло, что собака меня не укусила, а исполнилъ это за нее ея неотлучный другъ, и, надо отдать справедливость, что онъ это произвелъ не хуже собачки, должно быть у него острые зубки и соотвѣтствующій навыкъ! Необычайный ребенокъ,—прибавилъ онъ, бросивъ взглядъ на Игнася,—вполнѣ подтверждаетъ пословицу: съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я убѣдился въ этомъ на самомъ себѣ,—добродушно закончилъ директоръ и ненатурально засмѣялся.

Въ Игнасѣ, по мѣрѣ того, какъ онъ слушалъ, все заволновалось, и изъ общаго хаоса возникла мысль: какъ онъ лжетъ, какъ онъ страшно лжетъ! и одиноко билась въ головѣ, возбуждая смятеніе и паническій страхъ.

И въ самомъ дѣлѣ, хотя директоръ и не переиначилъ самыхъ фактовъ, все-таки лгалъ безбожно и преднамѣренно: прежде всего онъ обратилъ въ шутку весь инцидентъ, чтобы замаскировать главную причину и тѣмъ ярче выставить заслуженность наказанія за продѣлку Игнася; съ тою же цѣлью, онъ окуталъ добротой и снисходительностью свое мстительное намѣреніе, и, желая добиться наивысшей мѣры наказанія, умышленно употребилъ слово «необычайный», указалъ на несообразность сообщества ребенка съ собакой, чтобы задѣть самолюбіе его воспитателей.

Но хорошо составленный планъ оказался черезчуръ тонкимъ для Кулаковскаго и такъ погрубѣлъ въ исполненіи, что всѣ почувствовали нѣкоторое неудовольствіе, а впечатлительный Конанскій насквозь увидѣлъ всю фальшь словъ директора.

Бэля измѣнилась въ лицѣ и безпокойно пробормотала:

— Правда ли это, Игнась?

Мальчикъ сорвался съ мѣста, силясь выразить словами весь запу-

тайный смыслъ происходившихъ въ немъ чувствъ, выставить ихъ въ свою защиту, но не могъ.

Конанскій посмотрѣлъ съ ироніей на директора и довольно энергично проговорилъ:

— Ну, ужъ вы вѣрно помирились и извинились другъ передъ другомъ, а ранка, безъ сомнѣнія, заживетъ до свадьбы.

— Увы, у насъ не хватило на это времени, потому что устыженный, какъ видно, виновникъ далъ тягу... впрочемъ мой палецъ не сердится! дитя!—махнулъ рукой директоръ.

«Какъ онъ лжетъ, какъ онъ страшно лжетъ!» замелькало вновь въ головѣ Игнася, и въ глазахъ отразилось изумленіе; мальчикъ стоялъ, точно загипнотизированный видомъ этого моря лжи, которое въ первый разъ въ жизни заливало его волна за волною.

— Игнась! — повторила огорченная Бэля.—Да какъ же ты могъ? пожалуйста, извинись сейчасъ! — а когда мальчикъ даже не двинулся съ мѣста, она заговорила мягкимъ тономъ убѣжденія:

— Вѣдь ты же долженъ извиниться, самъ знаешь! Каждый съ этимъ согласится!—обратилась она ко всѣмъ, призывая ихъ на судъ.

Игнатій двусмысленно усмѣхнулся, Конанскій настойчиво всматривался въ красивое лицо Мили, а она отчетливо проговорила:

— Конечно! — и презрительнымъ, высокомѣрнымъ взглядомъ отразила печальный взглядъ Конанскаго, а потомъ холоднымъ и жестокимъ, какъ сама ненависть, взглядомъ окинула своего соучастника, который лукаво улыбался.

— Ну, видишь, Игнась!—быстро проговорила Бэля, и вдругъ въ ней все закипѣло, она стукнула рукою по столу, такъ что посуда зазвенѣла и рѣзко заговорила:

— Извинись сейчасъ же, а не послушаешься, такъ вставай изъ-за стола и маршъ спать! такъ или иначе! это что за новости!

Настала глубокая тишина, и среди этой тяжелой, возбужденной минуты всеобщаго напряженія отодвинулся стулъ, въ глазахъ у всѣхъ промелькнуло смертельно блѣдное, застывшее личико, и маленькая фигурка въ сѣромъ костюмѣ, съ опущенной черной головкой молча отдѣлилась отъ испуганной группы готовыхъ расплакаться дѣтишекъ и исчезла въ дверяхъ.

Игнась, какъ лунатикъ, безсознательно добрелъ до спальни, раздѣлся и влѣзъ въ кроватку, гдѣ долго трясся отъ сухого внутренняго плача, въ состояніи глухого остолбенѣнія, точно придавленный тяжестью этой лжи, передъ которой содрогнулась правдивая его натура. Подъ этимъ тяжелымъ, давящимъ впечатлѣніемъ медленно, точно подземныя воды пробивающіяся сквозь скалу, просачивались пламенныя слезы возмущенія, бьющія ключомъ изъ сердца сжимающагося отъ острой боли.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПОБѢЖДЕННЫЕ.

(Изъ А. Негри).

Сотни ихъ... тысячи... словно морскія
Волны шумящія, вѣтромъ гонимыя,
Движутся полчища эти людскія
Неисчислимыя.
Движутся медленно такъ... рядъ за рядомъ
Волны подходятъ, тяжелыя, ровныя...
Впалыя очи съ горячечнымъ взглядомъ,
Лица безкровныя.
Вотъ подошли ко мнѣ!.. Море разбитыхъ
Жизней въ борьбѣ за грядущее темное;
Грубыхъ одеждъ и головъ непокрытыхъ
Море огромное.
Вотъ окружаютъ—сомкнулись ...И ясно
Слышу я медленный хрипъ ихъ дыханія,
Голосъ проклятій, звучащихъ напрасно,
Вздохи, стенанія:
„Отъ очаговъ мы пришли раззоренныхъ,
Гдѣ подъ золою ни искры не тлѣетъ;
Съ бѣдныхъ постелей, гдѣ въ мукахъ безсонныхъ
Тѣло слабѣетъ.
„Изъ шалашей, изъ землянокъ пришли мы.
Мрачно ползутъ по землѣ наши тѣни—
Скорби исполненный, необозримый
Сонмъ привидѣній!..
„Лучъ идеала сіялъ намъ въ ненастье;
Это сіяніе насъ обмануло.
Счастья любви мы искали; и счастье
Насъ оттолкнуло.
„Трудъ насъ отвергъ,—хоть и были бы рады
Силы отдать мы и ночи безсонныя.
Гдѣ же исходъ? гдѣ надежда?.. Пощады!
Мы—побѣжденные.

—

„Всюду подъ солнцемъ, въ лучахъ его жгучихъ,
Всюду живетъ и смѣется, ликуя,
Счастье труда и усилій могучихъ,
И поцѣлуя;
„Трудъ и умы призываетъ, и руки;
Мощь ихъ желѣзо и паръ покоряетъ;
Смѣлымъ борцамъ яркій свѣточъ науки
Путь озаряетъ.
„Тысячи жизней на подвигъ стремятся,
Къ жертвѣ святой отъ станка и отъ плуга;
Тысячи устъ опьяненныхъ томятся
Жаждой другъ-друга...
„Мы только лишніе! Къ жизни порогу
Дали намъ стать, но во храмъ не впустили;
Всюду незримыя стѣны дорогу
Намъ преградили.
„Кѣмъ же воздвигнуты эти преграды?
Чьимъ же проклятьемъ на вѣкъ осужденные,
Жить не имѣемъ мы права?... Пощады!
Мы побѣжденные!“

С. Свиридова.

ПО АМУРУ И ПРИАМУРЬЮ.

(Изъ путевыхъ замѣтокъ 1901 года).

I. Стрѣтенскъ.

Медленно извиваясь по каменному карнизу, на протяженіи сотенъ верстъ огибающему утесы лѣваго берега Ингоды, а потомъ Шилки, поѣздъ подходитъ къ Стрѣтенску—этому, въ настоящее время, преддверью амурскаго края. Станція Стрѣтенскъ лѣпится на такомъ же каменномъ карнизѣ, только чуть-чуть пошире, а «городъ», или вѣрнѣе—станица Стрѣтенская—длинною лентой протянулся вдоль противоположнаго, отлогаго берега Шилки. Общій видъ Стрѣтенска приблизительно такой же, какъ и большинства болѣе крупныхъ уѣздныхъ и болѣе плохихъ губернскихъ городовъ Сибири, но окружающій пейзажъ—удивительно красивъ: куда ни посмотрѣть, со всѣхъ сторонъ надвигаются довольно высокія безлѣсныя горы, образуя что-то вродѣ котловины, изъ которой не видно выхода иначе, какъ черезъ горные перевалы.

На паромѣ-самолетѣ (ихъ въ Стрѣтенскѣ три, тогда какъ въ губернскомъ городѣ Красноярскѣ еще недавно обходились однимъ такимъ же паромомъ) переѣзжаемъ въ городъ, причемъ за перевозку багажа—разстояніе до пристаней не болѣе полуверсты—ломовые извозчики берутъ по два рубля съ телѣги. Первое, что бросается здѣсь въ глаза,—это гостинницы,—«настоящія» гостинницы, съ ресторанами, билліардами и граммофонами, вѣчно биткомъ набитыя народомъ и дерущія — когда поѣзда подвозятъ много пассажировъ — по пяти и болѣе рублей за крохотную коморку. Затѣмъ рядъ довольно нарядныхъ по наружному виду магазиновъ, нѣкоторые съ зеркальными стеклами,—«магазины не хуже петербургскихъ», какъ говорила мнѣ, описывая Стрѣтенскъ, ѣхавшая со мною въ одномъ вагонѣ мѣстная дама. По ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, эти магазины оказываются лавками обычнаго сибирскаго типа, гдѣ можно достать все что угодно, начиная съ серебрянаго блюда и дамской шляпки и кончая кирпичнымъ чаемъ и колесною мазью, но гдѣ мнѣ не сразу удалось найти баночку плохихъ чернилъ. Но главное, что бросается въ глаза,—это лихорадочное движеніе, которое не прекращается на главной артеріи Стрѣтенска, — на берегу

Шилки, тяготѣя къ полудюжинѣ стоящихъ здѣсь на якорѣ пароходовъ,—и царящая здѣсь «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». Одинъ изъ стоящихъ у пристани пароходовъ зафрахтованъ для перевозки крестьянъ-переселенцевъ, двигающихся на Амуръ и въ Уссурійскій край; на другой грузятъ партію новобранцевъ, присланную изъ западной Сибири для укомплектованія воинскихъ частей Дальняго Востока; на одну буксирную баржу садится партія молодыхъ казаковъ-забайкальцевъ, которые идутъ въ свои полки, стоящіе въ Манджуріи; другая приготовлена для партіи казаковъ-переселенцевъ, по преимуществу кубанцевъ, которые направляются въ Уссурійское войско и которые въ данную минуту пестрятъ улицы Стрѣтенска своими разноцвѣтными бешметами, мохнатыми папахами и характерными, энергичными физіономіями; на баржу амурскаго общества пароходства, которую предстоитъ буксировать нашему почтовому пароходу, грузятъ партію ссыльно-каторжныхъ, отправляемыхъ на Сахалинъ. По улицамъ снуетъ разнообразная «чистая публика», въ томъ числѣ не мало иностранцевъ-европейцевъ,—кое-гдѣ попадаются японцы, и въ перемежку съ мѣстными казаками и съ крестьянами-переселенцами двигается сплошная масса китайцевъ, изъ которыхъ многіе отъ традиціоннаго китайскаго наряда сохранили только косы, курьезнымъ образомъ контрастирующія съ русскою крестьянскою одеждою или съ «нѣмецкимъ» платьемъ. Чувствуется уже та связь съ Тихимъ океаномъ и черезъ океанъ—съ Америкою и Европой, которая такъ характерна для всего Приамурья. Вотъ идетъ вамъ навстрѣчу мужикъ, несущій свои пожитки въ мѣшкѣ съ американскимъ красно-зеленымъ клеймомъ; вы проходите мимо домовъ и амбаровъ, крытыхъ американскихъ цинкованнымъ желѣзомъ; вы заходите купить свѣчей,—вамъ даютъ прескверныя свѣчи какого-то англійскаго завода съ этикетами на русскомъ языкѣ; вы садитесь обѣдать—къ скверному жаркому вамъ подаютъ *настоящую* англійскую, а не распространенную по всей Сибири эйнемовскую сою, а на третье блюдо вы получаете компотъ изъ калифорнскихъ фруктовыхъ консервовъ. И вездѣ разговоры о вновь введенныхъ таможенномъ тарифѣ, и о томъ, какъ благодаря отмѣнѣ порто-франко трудно становится жить на Дальнемъ Востокѣ...

Вообще съ тѣхъ поръ, какъ Стрѣтенскъ сталъ узловымъ пунктомъ сквозного сибирскаго желѣзнодорожно-пароходнаго движенія, жизнь кипитъ здѣсь, какъ въ котлѣ: постоянное населеніе «города» достигаетъ пяти тысячъ, а съ пришлыми и проѣзжими въ Стрѣтенскѣ скопляется, временами, до двадцати тысячъ людей. И какъ вездѣ, гдѣ создаются подобные узлы, около нихъ ютится масса всякаго темнаго народа, и разнообразнѣйшія темныя дѣла, начиная отъ мелкихъ мошенничествъ и кражъ и кончая крупными преступленіями, входятъ здѣсь, можно сказать, въ обычный порядокъ вещей. «Другого такого труднаго участка, пожалуй, во всей Россіи не найдете», жалуется мѣст-

ный судебный слѣдователь—онъ же мировой судья. «Народъ—на девять десятыхъ жулье», характеризуетъ мѣстный приставъ подвѣдомое ему населеніе. Лучшій элементъ изъ всего сосредоточеннаго въ Стрѣтенскѣ разнообразнаго сброда,—это, повидимому, рабочіе китайцы. «Самый смирный народъ,—говоритъ объ нихъ приставъ,—никого не трогаютъ, не пьянствуютъ, какъ нашъ братъ русскій рабочій; нетребовательны, работящи,—только цѣну русскимъ рабочимъ сбиваютъ»,—быть можетъ, главная причина той готовности, съ которою русскіе жители Приамурья приняли участіе въ «усмиреніи» попадавшихся имъ подъ руку, нерѣдко и вполнѣ мирныхъ китайцевъ. А нравы, въ этомъ смыслѣ, выработались жестокіе!.. Всего за нѣсколько дней до моего проѣзда черезъ Стрѣтенскъ атаманъ одного изъ ближайшихъ къ Стрѣтенску поселковъ, «чтобы попробовать берданку», началъ стрѣлять по группѣ безоружныхъ китайцевъ-рабочихъ и двоимъ изъ нихъ перебилъ ноги...

Ѣду на переселенческій пунктъ. Переселенческій пунктъ въ Стрѣтенскѣ, какъ гнѣздо ласточки, прилѣпился на склонѣ горы, надъ станціонными путями; доступъ къ нему для пѣшеходовъ — по крутой деревянной лѣстницѣ, для экипажей и телѣгъ — по зигзагообразной, достаточно отлогой дорогѣ. Первое, что вамъ бросается въ глаза, когда мы взобрались на верхъ — это чудно-прекрасный видъ на Стрѣтенскъ и на окружающія его горы, — видъ, отъ котораго, положительно, трудно оторваться... Вы, однако, отрываетесь отъ чудной горной панорамы и видите себя посреди приблизительно полуторыхъ десятковъ свѣжихъ, частью еще не достроенныхъ деревянныхъ строеній, съ крышами изъ листоваго или американскаго цинкованнаго желѣза. Тутъ нѣсколько жилыхъ бараковъ для переселенцевъ, больничка, контора, баня, домъ для служащихъ на пунктѣ; но, кромѣ того, вы видите еще рядъ хозяйственныхъ построекъ — принадлежностей крупнаго пунктоваго хозяйства: вотъ амбаръ, въ которомъ въ данную минуту сложено до шести тысячъ пудовъ хлѣбныхъ припасовъ; пекарня, гдѣ выпекается въ день до 160—180 пудовъ хлѣба, а можетъ, при нуждѣ, выпекаться и до трехсотъ; кухня съ нѣсколькими, разныхъ размѣровъ, котлами для варки пищи и съ сорокаведерными кубами для кипятку; конюшни для водовозныхъ лошадей. Пунктъ потребляетъ въ день до пятидесяти бочекъ воды, а водовозы брали по 50 копѣекъ за бочку; оказалось, поэтому, выгоднѣе купить лошадей для возки воды; а теперь уже устраиваютъ водопроводъ, или точнѣе — водоподъемъ съ нагнетательнымъ насосомъ. По периферіи пункта стоитъ нѣсколько грязныхъ, прокопченыхъ войлочныхъ юртъ киргизскаго типа На юрты эти когда-то, при первоначальномъ оборудованіи первыхъ переселенческихъ пунктовъ, возлагались большія надежды; но теперь

онѣ, по крайней мѣрѣ на Стрѣтенскомъ пунктѣ, служатъ исключительно какъ изоляціонныя помѣщенія для переселенческихъ семей съ заразными больными; «самое лучшее—сжечь бы ихъ совсѣмъ», говоритъ мнѣ провожающій меня по пункту стрѣтенскій обитатель, и грязный видъ юртъ заставляетъ меня думать, что, можетъ быть, это и въ самомъ дѣлѣ было бы самое лучшее...

Стрѣтенскій пунктъ—исключительно проходной,—около него нѣтъ земель, гдѣ бы водворялись переселенцы. Какъ и всѣ пункты на Дальнемъ Востокѣ, онъ разсчитанъ преимущественно на такъ называемое «организованное переселеніе»: переселенцы, получившіе разрѣшеніе переселяться въ Уссурійскій край, на мѣстахъ выхода группируются въ партіи, вносятъ за себя сумму, соотвѣтствующую стоимости проѣзда по переселенческому тарифу и содержанія на время пути, и затѣмъ поступаютъ на полное иждивеніе и попеченіе устроенной на средства комитета Сибирской желѣзной дороги переселенческой организаціи министерства внутреннихъ дѣлъ, которая размѣщаетъ ихъ по вагонамъ и пароходамъ, кормитъ и лечитъ во время пути. Въ 1900 году, когда открылось желѣзнодорожное движеніе до Стрѣтенска, сдѣланъ былъ первый опытъ перевозки черезъ сибирскій материкъ организованныхъ уссурійскихъ партій, которыя раньше перевозились исключительно морскимъ путемъ, на пароходахъ добровольнаго флота. Для перевозки отдѣльными поѣздами было сформировано шесть большихъ партій; партіи эти двинулись изъ дому самою раннею весною, съ разсчетомъ проплыть по весеннему половодью и попасть на мѣсто ко времени полевыхъ работъ; но благодаря необыкновенно раннему мелководью Шилки, а затѣмъ — «китайскимъ событіямъ», эти партіи застряли въ Стрѣтенскѣ и прожили здѣсь значительную часть лѣта, причемъ переселенцы, конечно, немало наголодались и порастратили и средствъ, и здоровья. Въ нынѣшнемъ, 1901 году было всего три организованныхъ партіи; имъ удалось захватить весеннее половодье, а потому всѣ три партіи безъ задержки были посажены на пароходы и очень быстро, безъ всякихъ промедленій, достигли до мѣста назначенія. Дѣятельность Стрѣтенскаго пункта въ этомъ году затихла бы, поэтому, уже къ серединѣ мая, если бы этому пункту, какъ и всѣмъ остальнымъ пунктамъ переселенческой организаціи, не пришлось взять на себя другую заботу — попеченіе о шести тоже организованныхъ партіяхъ, общею численностью до четырехъ тысячъ человѣкъ, казаковъ-кубанцевъ, терцевъ, оренбуржцевъ и другихъ, переселяющихся въ Амурское и Уссурійское казачьи войска, на китайскую границу. Переселеніе это вызвано, очевидно, политическою необходимостью, выяснившеюся подъ вліяніемъ послѣднихъ «китайскихъ событій». Переселяются желающіе, по вызову начальства, причемъ какъ всѣ издержки по перевозкѣ ихъ, такъ и крупныя денежныя пособія на ихъ обзаведеніе приняты на счетъ войсковыхъ капиталовъ; перевозка со-

вершается распоряженіемъ военнаго начальства, каждая партія сопровождается офицеромъ и фельдшерицей, продовольственную же часть приняла на себя переселенческая организація, которая взимаетъ съ военнаго вѣдомства заготовительную стоимость израсходованныхъ продуктовъ.

— Они еще экономію на продовольствіи сдѣлаютъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ служащихъ на пунктѣ, пока мы съ нимъ ходили по занятымъ казаками—я засталъ на пунктѣ пятую казачью партію—баракамъ:—мы ихъ кормимъ по 12 копѣекъ въ день, а имъ даютъ на день по 16 копѣекъ на взрослыхъ и по 10 копѣекъ на дѣтей.

— А терцамъ всѣмъ наравнѣ выдали,—вмѣшался въ разговоръ пожилой казакъ-кубанецъ (пятая партія—почти все кубанцы):—имъ-было дали меньше на ребятъ, а они послали телеграмму военному министру, онъ и приказалъ всѣмъ выдавать вравнѣ.

— Такъ что-жъ, и вы посылайте, можетъ, и вамъ добавятъ; телеграммы посылать никому не запрещено,—полуиронически, полусерьезно отвѣтилъ мой спутникъ;—очень они любятъ,—добавилъ онъ, обращаясь уже ко мнѣ,—посылать телеграммы къ высшему начальству!

— И не удивительно,—возразилъ я:—они вѣдь по вызову идутъ, слѣдовательно понимаютъ, что они нужны; это не то, что крестьяне-переселенцы, которыхъ только терпятъ, которымъ только дозволяютъ переселяться; не удивительно, что казаки считаютъ себя въ правѣ быть требовательными.

— Вообразите, какъ разъ наоборотъ: казаки—все-таки народъ служилый, болѣе или менѣе дисциплинированный; съ ними притомъ есть офицеръ, у котораго громадныя полномочія: онъ можетъ каждаго вернуть на родину или списать изъ партіи и отправить по этапу. Такъ или иначе, но только они довольны тѣмъ, что получаютъ,—по крайней мѣрѣ не заявляютъ никакихъ претензій. А съ крестьянами—мука: вообразите, въ прошломъ году они разъ заявили, что не желаютъ ѣхать съ врачомъ и фельдшерицей; ноньче одна партія отказалась брать провіантъ—*такой же точно,* какой казаки принимали безъ всякихъ претензій и жалобъ—нѣтъ, съ казаками куда легче имѣть дѣло!..

Прелюбопытный народъ, эти кубанцы! Ихъ характерныя физіономіи прямо говорятъ каждому, что это—*казаки*, а не мужики въ форменныхъ фуражкахъ, какъ казаки-забайкальцы или сибирскіе. И въ то же время, въ отличіе, напримѣръ, отъ донцовъ, кубанцы—исконные хлѣборобы, любящіе землю и въ Сибири не ищущіе ничего, кромѣ земли. Они везутъ съ собой и свои плуги, и сѣмена, которыя собираются акклиматизировать на Дальнемъ Востокѣ. Поднимаясь по пѣшеходной тропѣ, ведущей къ пункту, я нагналъ пожилого казака, который на плечѣ несъ ящикъ... съ разсадою клубники и съ черенками груши и сливы. «Выростутъ—должны вырости», заявилъ онъ мнѣ, съ полною

вѣрою въ голосѣ, когда я, заговоривъ съ нимъ, сталъ разсказывать ему о неблагопріятномъ для плодовыхъ деревьевъ климатѣ Приамурья.

Въ литературѣ неоднократно отмѣчался фактъ, что донцы, которыхъ пытались также переселять на Дальній Востокъ, здѣсь рѣшительно не акклиматизируются. Кубанцы подсмѣиваются надъ донцами: «не того имъ нужно», говорятъ они; и ходоки-кубанцы не нахвалятся уссурійскими землями.

Кромѣ казаковъ, на Срѣтенскомъ пунктѣ я засталъ и неболвшую группу неорганизованныхъ переселенцевъ, по большей части самовольныхъ. Это, по мнѣнію мѣстныхъ дѣятелей переселенческаго дѣла, самый надежный колонизаціонный элементъ; разъ у нихъ хватило рѣшимости на свой страхъ и рискъ пустился на Амуръ или на Уссури, то у нихъ хватитъ и энергіи устроиться, и они едва ли увеличатъ собою контингентъ обратныхъ переселенцевъ.

Обратныхъ черезъ Срѣтенскъ въ нынѣшнемъ году прошло довольно много,—на увеличеніе числа ихъ повліяли и «китайскія событія», и военно-конская перепись, возбудившая опасенія новыхъ «событій», и разныя другія, еще менѣе относящія къ дѣлу обстоятельства. Но обратные въ Срѣтенскѣ не засиживаются: ихъ сажаютъ въ ближайшій-же поѣздъ и отправляютъ дальше, «въ Россію». Мнѣ довелось застать на пунктѣ лишь небольшую партію обратныхъ—могилевцевъ. Народъ, на видъ, довольно бойкій и даже словоохотливый, особой удрученности не замѣтно. Были въ окрестностяхъ Благовѣщенска, но устроиться не пожелали или не съумѣли.

—Скотина очень дорога,—такъ объясняли они причину возвращенія изъ Амурской области:—которая лошадь въ Рассеѣ тридцать рублей стоитъ, здѣсь—триста (въ дѣйствительности порядочную рабочую крестьянскую лошадь въ окрестностяхъ Благовѣщенска можно имѣть за 120—150 рублей; триста рублей за лошадь,—это одно изъ тѣхъ преувеличеній, которыя такъ характерны для обратныхъ переселенцевъ); а цѣлину пахать сколько лошадей надо!.. И потомъ—купишь лошадей, а онѣ и вывалятся, сибирка губитъ...

Земель могилевцы, въ сущности, даже не смотрѣли:

—Поглянулось намъ на манджурскомъ обрѣзѣ (районъ въ окрестностяхъ Благовѣщенска, гдѣ раньше жили, по договору съ Китаемъ, нѣсколько десятковъ манчжурскихъ селеній; послѣ «китайскихъ событій» 1900 года манджуръ прогнали, и земли этого района предназначены подъ заселеніе казаками); мѣста чистыя, удобныя; да туда не пускаютъ мужиковъ, гонятъ въ тайгу, а въ тайгѣ землю разработать какой капиталъ надо!..

Опять характерное для обратныхъ переселенцевъ преувеличеніе: отводимыя подъ заселеніе въ Амурской области земли вовсе не таёжныя; расположены онѣ по смежности со старыми крестьянскими селеніями и сравнительно очень не трудны для разработки.

По словамъ пунктоваго начальства, обратные съ Амура—почти исключительно могилевцы, минскіе, витебцы,—«народъ слабый, хилый, почти всѣ больные; у нихъ и силъ нѣтъ бороться съ амурскою природой». Прочно на Амурѣ до сихъ поръ устраивались одни хохлы. Но большой вопросъ, будутъ ли они прочно устраиваться и дальше: хохламъ было хорошо, пока заселялись степные, вообще малолѣсные районы; но земельные запасы въ такихъ районахъ болѣе или менѣе исчерпаны,—свободными скоро останутся почти исключительно лѣсныя и гористыя пространства, которыя слишкомъ ужъ не похожи на благодатныя степи Малороссіи и едва ли могутъ привлечь непривычнаго къ лѣсу хохла.

II.

Шилка и верхній Амуръ. Благовѣщенскъ.

Почтовый пароходъ быстро разсѣкаетъ слегка красноватыя, мутныя отъ весенняго ила воды Шилки. Я почти цѣлые дни сижу на верхней палубѣ или смотрю въ окна рубки и не могу свести глазъ съ величественной картины береговъ этой рѣки,—картины, вызывающей во мнѣ представленіе о берегахъ Рейна или верхней Роны, какими они были, приблизительно, полторы тысячи лѣтъ тому назадъ.

Русло Шилки, а затѣмъ—и верхняго Амура прорыто къ непрерывной горной странѣ. Лѣвый берегъ круто падаетъ въ воду обнаженными, мѣстами почти отвѣсными утесами, по которымъ лишь кое-гдѣ лѣпятся отдѣльныя чахлыя березы или лиственницы; правый берегъ немного отложе, и лѣсъ на немъ какъ будто немного гуще. Мѣстами къ рѣкѣ выходятъ «пади»,—горныя лощины, позволяющія заглянуть нѣсколько вглубь страны, — и тогда вы видите поодаль другія гряды невысокихъ горъ, поросшихъ то березою, то лиственницей. Кое-гдѣ, изрѣдка, утесы и каменистыя горы немного отступаютъ отъ русла рѣки, оставляя неширокую полосу приръчной долины; въ такихъ мѣстахъ располагаются немногочисленныя крестьянскія селенія и казачьи поселки верхняго Приамурья, и пашни ихъ то тянутся узкою полосою по приръчной равнинѣ, то всползаютъ высоко въ гору, выбирая для себя отлогіе, покрытые болѣе мощнымъ почвеннымъ слоемъ горные склоны.

Березовые и лиственничные лѣса окаймляютъ берега Амура почти до самаго Благовѣщенска; только незадолго передъ Благовѣщенскомъ они уступаютъ мѣсто дубу и коряво-раскидистой черной березѣ, столь типичнымъ для всего средняго теченія Амура. Самые берега, начиная, приблизительно, отъ сліянія Шилки съ Аргунью, постепенно понижаются, и обнаженные утесы уступаютъ мѣсто болѣе пологимъ склонамъ. Но мѣстами и здѣсь встрѣчаются картины, которыя такъ и просятся на полотно: таковъ, напримѣръ Кумарскій утесъ, падающій въ воду совершенно отвѣсною каменною стѣною, съ какими-то выступами, въ родѣ

башенъ, на углахъ, и немного выше по Амуру другой, совершенно похожій утесъ на китайскомъ берегу; таковы «дымящія горы»—обнаженія желтовато-бѣлыхъ слоистыхъ песковъ съ выступающею наружу и тлѣющею—повидимому отъ простого соприкосновенія съ атмосфернымъ воздухомъ—прослойкой каменнаго угля или лигнита.

— Хорошая у васъ рѣка,—говорю я какъ-то командиру парохода, чтобы дать исходъ вызванному какимъ-то особенно красивымъ видомъ восторгу.

— Да, хорошая,—расхолаживаетъ меня капитанъ,—только если въ хорошую воду плыть; а вотъ попробуйте-ка плыть въ мелководье,— не очень вамъ наша Шилка понравится!...

И дѣйствительно: мы плывемъ въ хорошую весеннюю воду, пароходъ сидитъ всего четыре фута, и тѣмъ не менѣе на носу все время стоитъ матросъ съ «наметкой», и почти все время раздаются его заунывные возгласы: ше-е-есть, шесть съ половина-а-ай, ше-е-есть, пять съ половина-а-ай, пя-я-ять... И когда дѣло подходитъ къ пяти футамъ, «классные» пассажиры высыпаютъ на верхнюю палубу или облѣпляютъ окна каютъ-компаніи и начинаютъ слѣдить за распоряженіями командира и за курсомъ парохода. «Пройдетъ или не пройдетъ», думаютъ одни вслухъ, другіе про себя,—и болѣе опытные разсказываютъ новичкамъ о томъ, какъ имъ доводилось «садиться» именно на этомъ самомъ мѣстѣ, какъ они маялись, сидя безъ провизіи, или какъ третій классъ сгоняли на берегъ, чтобы облегчить пароходъ и дать ему всплыть съ мели.

Однако, наше плаваніе, благодаря весенней водѣ, прошло вполнѣ благополучно; разъ только я слышалъ, какъ днище парохода процарапало небольшую дорожку въ песчаномъ днѣ, всѣ же остальные перекаты мы миновали совершенно благополучно. Правда, въ одномъ мѣстѣ мы простояли часовъ шесть изъ-за какой-то баржи, сѣвшей на мель и перегородившей узкій фарватеръ; въ другомъ мѣстѣ мы тоже около шести часовъ простояли изъ-за густого тумана. Но на такіе пустяки на Амурѣ никто не обращаетъ вниманія, — и несмотря на эти маленькія задержки, мы пришли въ Благовѣщенскъ даже нѣсколько раньше положеннаго по росписанію времени. Но черезъ нѣсколько дней послѣ насъ вода начала убывать; уже слѣдующій почтовый пароходъ опоздалъ въ Благовѣщенскъ слишкомъ на двое сутокъ, а черезъ мѣсяцъ, въ концѣ мая и въ началѣ іюня, плаваніе отъ Срѣтенска до Благовѣщенска продолжалось, вмѣсто положенныхъ по росписанію четырехъ дней, цѣлыхъ три недѣли. А что̀ дѣлается на Шилкѣ и Амурѣ осенью, послѣ второго половодья — объ этомъ разсказываютъ цѣлыя эпопеи: пароходы и баржи сидятъ на меляхъ по цѣлымъ недѣлямъ; пассажировъ и грузы пересаживаютъ и перегружаютъ на лодки, заставляютъ идти пѣшкомъ десятки верстъ, а то и вовсе бросаютъ на произволъ судьбы, предоставляя имъ добираться, какъ кто знаетъ, до мѣста назначенія. Всѣ, кто можетъ, дерутъ въ это время все, что̀

могутъ,—дерутъ и съ пароходчиковъ, и съ пассажировъ: при сгрузкѣ съ обмелѣвшихъ пароходовъ лишняго груза зарабатываютъ по шести и по восьми рублей въ день; за провозъ берегомъ по приамурскому вьючному тракту берутъ по 10 — 15 рублей съ лошади за станцію въ 20 — 25 верстъ; за фунтъ хлѣба съ пассажировъ берутъ до 25 и 30 копѣекъ...

Всѣмъ извѣстно, какъ некстати пришлось мелководье Шилки въ 1900 году, во время «китайскихъ событій». Чтобы обойти обмелѣвшую Шилку, экстренно была построена дорога отъ Срѣтенска до Игнашиной, и вотъ теперь, плывя на пароходѣ, вы все время любуетесь смѣлыми изгибами этой дороги, которая то высѣчена въ скалѣ, въ полуторыхъ или двухъ десяткахъ саженъ надъ уровнемъ рѣки, то спускается почти къ самому урѣзу воды, поражая крутизною своихъ подъемовъ и замысловатостью зигзаговъ. Но увы!—компетентные люди сообщаютъ вамъ, что подъемы слишкомъ круты для перевозки грузовъ, а вглядываясь пристальнѣе, вы замѣчаете, что въ низкихъ участкахъ дорога мѣстами размыта первымъ-же осеннимъ половодьемъ.

Пассажиры смотрятъ и обмѣниваются ядовитыми замѣчаніями по адресу «инженеровъ», къ которымъ здѣсь, какъ и во всей Сибири, не питаютъ особенныхъ симпатій; вспоминаютъ, по этому поводу, и о забайкальской дорогѣ, значительную часть которой размыло первымъ же разливомъ, и полотно которой послѣ этого пришлось поднять чуть ли не на двѣ сажени; и о затѣѣ возить поѣзда по рельсамъ, проложеннымъ черезъ байкальскій ледъ,—затѣѣ, инициаторы которой забыли объ образующихся во льду громадныхъ трещинахъ! и о байкальскихъ ледоколахъ, служащихъ неисчерпаемою темой для обывательскаго злословія...

Я уже упоминалъ о крестьянскихъ селеніяхъ и казачьихъ поселкахъ верхняго Приамурья. По наружному виду они крайне разнообразны. Вотъ Ломы, Баты, Шилкино,—деревни, по характеру застройки очень мало отклоняющіяся отъ обычнаго средне-сибирскаго типа—аккуратно построенные дома, изъ крѣпкаго лѣса, съ обязательными бѣлыми ставнями; вотъ Горбица, съ массою большихъ, шикарно отдѣланныхъ, хотя и крестьянскаго типа, домовъ и съ множествомъ лавокъ; вотъ Джалинда—маленькій городокъ съ цѣлою улицею домовъ «господскаго» вида, съ садиками, огромными амбарами и съ тротуарами по берегу Амура. Но всѣ эти селенія, несмотря на свою разнохарактерность, имѣютъ одну общую, рѣзко бросающуюся въ глаза черту: почти полное отсутствіе хозяйственныхъ построекъ — амбаровъ, сараевъ, скотскихъ хлѣвовъ и т. п. И эта общая черта даетъ внѣшнее выраженіе существенному признаку, характеризующему болѣе или менѣе все населеніе верхняго Приамурья: населеніе это живетъ не отъ земли, а отъ золота и разныхъ побочныхъ заработковъ, прямо или косвенно связанныхъ съ золотопромышленностью, отъ пароходнаго дви-

женія, отъ извоза или почтовой гоньбы. Джалинда — это «резиденція» одной изъ крупныхъ золотопромышленныхъ компаній. Горбица — мѣсто выхода рабочихъ съ цѣлой системы пріисковъ; населеніе ея «живетъ около пріискателей», промышляя скупкою краденаго золота, спиртоносничествомъ, а главное—тѣмъ разгуломъ рабочихъ послѣ разсчета, который такъ хорошо описанъ въ «Паутинѣ» покойнаго Н. И. Наумова. Населеніе другихъ селеній заготовляетъ сѣно для пріисковъ, нанимается возить пріисковые грузы, ставитъ дрова для пароходовъ, а затѣмъ—«срываетъ», что можно,—а сорвать можно много!—въ случаяхъ посадки на мель или перегрузки пароходовъ и баржей съ пассажирами и товарами и вообще во время тѣхъ заторовъ, которые образуются во время обмелѣнія рѣкъ.

Золото играетъ видную роль и въ разговорахъ пассажировъ парохода,—разговорахъ, которые очень быстро завязываются за общепринятымъ на амурскихъ пароходахъ табль-д'отомъ и за общими чаепитіями. Передаютъ другъ другу свѣдѣнія о вновь найденномъ или разыскиваемомъ въ той или другой мѣстности золотѣ; о положеніи—чаще всего о печальномъ положеніи—дѣлъ той или другой золотопромышленной компаніи; объ условіяхъ найма рабочихъ, въ особенности о вліяніи «китайскихъ событій» и связаннаго съ ними отлива китайскихъ рабочихъ. Люди, повидимому, близко стоящіе къ золотопромышленному дѣлу, жалуются на стѣсненное положеніе золотопромышленности — результатъ, отчасти, истощенія (конечно, въ высокой степени относительнаго) большей части разрабатываемыхъ пріисковъ, а частью вызваннаго китайскими событіями вздорожанія рабочихъ рукъ и многихъ продуктовъ; отчасти, впрочемъ, стѣсненное положеніе золотопромышленности связываютъ и съ отмѣною порто-франко, значительно увеличившею издержки добычи золота, потому что прежде изъ Америки получались не только машины и инструменты, но даже такіе продукты, какъ крупчатка, или сало. Отмѣчаютъ также любопытное измѣненіе, наблюдаемое, въ самые послѣдніе годы, въ области быта золотопромышленныхъ рабочихъ: старый типъ «пріискателя», который, выйдя съ пріиска, тотчасъ-же прокучивалъ весь заработокъ и нерѣдко, даже не дойдя до дому, вновь законтрактовывался на слѣдующую золотопромышленную кампанію,—этотъ типъ, повидимому, начинаетъ уступать мѣсто новому типу рабочаго, который тщательно бережетъ заработанныя деньги и цѣликомъ уноситъ ихъ домой, въ свое хозяйство.

Безконечные разговоры о китайцахъ; говорятъ о нихъ всѣ безъ исключенія почти восторженно. Одинъ расхваливаетъ честность китайскаго рабочаго, его вѣрность данному слову, его методичность и аккуратность. Другой разсказываетъ чудеса о земледѣльческомъ и огородномъ хозяйствѣ китайцевъ; «не имъ у насъ культуру перенимать, а намъ у нихъ», говоритъ пассажиръ, ѣдущій изъ Кяхты, и разсказываетъ, какъ китайцы около Кяхты развели на голомъ пескѣ превос-

ходные огороды. Третій распространяется насчетъ коммерческихъ способностей китайцевъ: «появится китаецъ въ деревнѣ,—разсказываетъ пассажиръ изъ Забайкалья—товару у него на пять рублей, а черезъ два-три года, глядишь, еврей изъ этой деревни бѣжитъ, ему не устоять противъ китайца». Среди восторговъ явственно проглядываетъ страхъ передъ китайскою конкуренціею—передъ «мирнымъ нашествіемъ желтой расы», отъ котораго мѣстные люди не разсчитываютъ такъ легко отбиться, какъ въ девятисотомъ году отбились отъ вооруженнаго нападенія.

О переселенцахъ и переселеніи разговоровъ сравнительно мало—золото и китайцы поглощаютъ все вниманіе мѣстныхъ людей. Слышатся больше отрицательные отзывы о переселенцахъ и о будущности края, какъ русской земледѣльческой колоніи,—слышатся и противоположныя нотки. «Мѣста хваленыя, да негодныя,—говоритъ богатый хабаровскій коммерсантъ:—въ Уссурійскомъ краѣ у насъ равнины плодородныя, да топитъ ихъ; остальное—каменныя горы, совсѣмъ безъ почвы, удобныхъ земель совсѣмъ нѣтъ».

— Не въ этомъ дѣло,—возражаетъ другой мѣстный обыватель,—а въ томъ, что мѣста не изведаны: ходокъ ѣдетъ на пароходѣ, видитъ скалы, и назадъ,—негодныя, говоритъ мѣста; чиновнику поручаютъ осмотрѣть долину рѣки, онъ проѣдетъ по рѣкѣ на лодкѣ и доноситъ, что ничего, кромѣ болотъ, не оказалось. А сунься кто подальше отъ рѣки—и земли сколько угодно найдется.

— По Зеѣ на триста верстъ все удобныя земли, — подтверждаетъ третій собесѣдникъ:—ужъ на что, на первый взглядъ неудобныя мѣста по Шилкѣ—однѣ горы да скалы; а пошли крестьяне и казаки съ Шилки работать на желѣзнодорожныхъ развѣдкахъ, — и руками стали разводить; ну, парень, говорятъ, какая въ нашихъ мѣстахъ земля находится! Нѣтъ, не въ этомъ дѣло, надо только развѣдать, и удобныя земли найдутся.

Въ одномъ только всѣ спорящіе согласны,—въ томъ, что на переселенца трудно угодить: «полтавецъ привыкъ къ аршинному чернозему; здѣсь онъ видитъ всего на два-три вершка черной земли, онъ дальше и не разбираетъ,—значитъ земля негодная; вѣдь корейцы и китайцы чуть не голые пески да отвѣсныя горы обрабатываютъ, да какіе урожаи получаютъ, а нашъ братъ переселенецъ только самыя лучшія мѣста по долинамъ пораспашетъ, а дальше и посмотрѣть вокругъ себя не хочетъ».

Благовѣщенскъ... Пароходъ проходитъ мимо поселка Верхне-Благовѣщенскаго—того самаго, гдѣ годъ тому назадъ происходила печальной памяти «переправа» китайцевъ *), затѣмъ приближается къ китайскому

*) Любопытный разсказъ объ этой переправѣ см. въ любопытныхъ очеркахъ А. В. Верещагина въ январьской книжкѣ «Вѣстн. Европы».

берегу и проходитъ мимо длинной линіи обгорѣлыхъ столбовъ и кучъ пережженной глины, обозначающихъ мѣсто бывшаго китайскаго города Сахаляна, круто поворачиваетъ и подходитъ къ городу.

Благовѣщенскъ расположенъ на почти плоской равнинѣ, частью затопляемой большими разливами рѣки, у самаго сліянія Амура съ Зеею. Въ отличіе отъ старыхъ городовъ, располагающихся обыкновенно въ видѣ ряда концентрическихъ колецъ или полуколецъ, Благовѣщенскъ, какъ городъ недавняго происхожденія, отличается прежде всего чрезвычайно правильною и при томъ широкою планировкой. Пять или шесть очень широкихъ улицъ, параллельныхъ Амуру, и множество перпендикулярныхъ къ нимъ, нѣсколько болѣе узкихъ; въ длину городъ растянулся, кажется, на шесть верстъ, и множество кварталовъ по окраинамъ стоятъ еще совершенно пустыми или только начинаютъ обстраиваться.

Застройка преимущественно деревянная—бревенчатые, по большей части небольшіе дома, иногда и болѣе обширные и причудливо отдѣланные; многіе дома окрашены масляною краскою, и почему-то почти исключительно въ разные оттѣнки зеленаго цвѣта. Не мало, однако, особенно въ центрѣ города, и каменныхъ построекъ. Въ противоположность большинству сибирскихъ городовъ, гдѣ пріѣзжему прежде всего бросаются въ глаза тѣ или другія казенныя зданія, въ Благовѣщенскѣ казенныя зданія поражаютъ скорѣе своею скромностью и даже запущенностью. Губернаторскій и архіерейскій дома, гимназіи, мужская и женская, присутственныя мѣста, судъ, все это деревянные дома, довольно ветхаго вида; пріятно бросается въ глаза только обширное и довольно красивое бѣлое зданіе почтамта. Но первая достопримѣчательность Благовѣщенска—это роскошныя палаццо, одно въ стилѣ московскихъ верхнихъ рядовъ, другое—что-то въ родѣ ренессанса съ несимметрично расположенными полумавританскими куполками, занятыя громадными универсальными магазинами Чурина и Кунста-Альберса—этихъ властителей думъ населенія Благовѣщенска и другихъ городовъ Приамурья. И опять-таки, какъ и въ Срѣтенскѣ, только еще сильнѣе, здѣсь бросается въ глаза, отчасти, связь съ океаномъ и черезъ него—съ Америкою и Западною Европой, отчасти—тѣсное соприкосновеніе съ Китаемъ и Японіей. По улицамъ, на ряду съ обычными русскими пролетками, на каждомъ шагу попадаются экипажи-американки разнообразныхъ фасоновъ, но непремѣнно съ высокими колесами; на Большой улицѣ — цѣлый рядъ складовъ сельскохозяйственныхъ орудій и машинъ, почти исключительно американскаго или нѣмецкаго происхожденія; въ магазинахъ почти исключительно американскіе и нѣмецкіе мануфактурные товары. Японія представлена разнообразнѣйшими ремесленниками, изъ которыхъ наибольшею популярностью пользуются японцы-прачки, и... японскими публичными домами, которые во всемъ Приамурьѣ побѣдоносно конкурируютъ съ русскими учрежденіями подобнаго-же рода. Что ка-

сается до китайцевъ или точнѣе манджуръ, то они занимали въ Благовѣщенскѣ особые китайскіе кварталы, а затѣмъ жили болѣе нежели въ шестидесяти деревняхъ въ такъ называемомъ за-Зейскомъ отводѣ, пользуясь здѣсь чѣмъ-то въ родѣ права экстерриторіальности. Но теперь китайскіе кварталы опустѣли, китайскія деревни выжжены, а обитатели ихъ частью перебиты или перетоплены, частью ушли за Амуръ. Впрочемъ, Благовѣщенскъ не долго будетъ обходиться безъ китайцевъ: уже и теперь, менѣе чѣмъ черезъ годъ послѣ погрома, множество китайцевъ расхаживаетъ по благовѣщенскимъ улицамъ, и мало-по-малу они, конечно, опять обоснуются въ городѣ и около города, опять сдѣлаются главными поставщиками рабочей силы и разнообразныхъ, особенно огородныхъ продуктовъ. А пока что́, благовѣщенцы безъ китайцевъ кряхтятъ и охаютъ: въ городѣ ни за какія деньги нельзя достать никакой зелени, кромѣ лука, проросшаго на разоренныхъ китайскихъ огородахъ; яйца, которыя китайцы продавали по 10—15 копѣекъ, теперь стоятъ отъ 30 до 50 копѣекъ, а зимой за яйца платили и до рубля десятокъ. Страшно вздорожалъ всякаго рода трудъ: изъ китайцевъ благовѣщенцы брали домашнюю прислугу, дворниковъ, чернорабочихъ, китайцы были дешевыми и аккуратными плотниками, каменьщиками, малярами и печниками,—съ уходомъ ихъ-за всякаго рода подѣлки приходится платить, буквально, втридорога. Вообще въ Благовѣщенскѣ «нельзя жить безъ китайцевъ»,—въ этомъ согласны, повидимому, всѣ благовѣщенскіе обыватели. Продолжаетъ волновать благовѣщенцевъ и прошлогодняя расправа съ китайцами. Одни оправдываютъ или извиняютъ ее, другіе рѣзко осуждаютъ; но всѣ, кто болѣе, кто менѣе, конфузятся, всѣ хотятъ знать, «что́ объ этомъ говорятъ», и всѣ признаютъ, что подъ флагомъ расправы и усмиренія было совершенно не мало ненужно-жестокаго и возмутительнаго.

Благовѣщенскъ—городъ, растущій почти съ американскою быстротой. По переписи 1897 года въ немъ числилось 32.000 жителей; теперь ихъ насчитываютъ болѣе 45.000, и слѣдовательно, за четыре года населеніе возрасло приблизительно на 50%. «Благовѣщенскъ,—говорилъ мнѣ одинъ изъ старожиловъ края, крупный коммерсантъ, американецъ,—это не то, что Хабаровскъ или Владивостокъ; тѣ живы только пока казна даетъ деньги, а Благовѣщенскъ—единственный городъ на Амурѣ, который самъ себя содержитъ, который играетъ самостоятельную экономическую роль». Въ настоящее время, правда, Благовѣщенскъ переживаетъ нѣкоторый кризисъ, обусловленный стѣсненнымъ положеніемъ золотопромышленности, и многіе опасаются, что кризисъ этотъ, особенно если Благовѣщенскъ и дальше останется въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, затянется и превратится въ длящійся упадокъ. Но въ современномъ Благовѣщенскѣ жизнь кипитъ ключомъ, и эта кипучая жизнь имѣетъ своимъ послѣдствіемъ совершенно своеобразный складъ хозяйственнаго быта благовѣщенскаго

населенія. Въ Благовѣщенскѣ *все* дорого, — дешевы только деньги: «здѣсь рубль нипочемъ», «у насъ сто рублей не деньги»—такія фразы вы на каждомъ шагу услышите отъ благовѣщенскихъ обывателей. Цѣны на квартиры и на предметы первой необходимости—на эти послѣдніе благодаря слабости земледѣльческой колонизаціи края—стоятъ по большей части не ниже, а нерѣдко и значительно выше петербургскихъ: фунтъ мяса 30 копѣекъ, погонная сажень дровъ въ самое дешевое время 6—7 рублей, а зимою и до двѣнадцати рублей, даже чай—и тотъ не дешевле, чѣмъ въ Петербургѣ. Страшно дороги всякіе привозные продукты и издѣлія, что обусловливается, прежде всего, плохимъ состояніемъ, а періодически—и полнымъ прекращеніемъ сообщеній Благовѣщенска съ внѣшнимъ міромъ. До послѣдняго времени, правда, благодаря амурскому порто-франко, были дешевы многіе заграничные продукты, а китайскіе торговцы какъ-то ухитрялись продавать почти все гораздо дешевле большихъ магазиновъ. Но теперь порто-франко отмѣнено, китайскихъ торговцевъ почти не осталось,—и благовѣщенцы отданы въ полную власть крупныхъ фирмъ Чурина и Кунстъ-Альберса, которыя берутъ за продукты все, что только вздумается... И несмотря на это, масса населенія, въ частности весь рабочій людъ, живетъ припѣваючи: «деньга» здѣсь дешевая, но зато и легкая—условія оплаты труда чрезвычайно благопріятны. Пароходы и пріиски предъявляютъ громадный спросъ на трудъ, а предложеніе труда невелико, такъ какъ сельское населеніе, превосходно обезпеченное землею и по большей части очень зажиточное, не нуждается въ заработкахъ. Даже вновь приходящіе въ край переселенцы, и тѣ приводятъ въ негодованіе самыхъ благодушныхъ благовѣщенцевъ: стремясь какъ можно скорѣе устроить свое собственное хозяйство и по большей части располагая для этого достаточными средствами, они отказываются отъ предлагаемыхъ имъ заработковъ, хотя бы имъ давали по два рубля въ день и дороже. И вотъ, обычная плата дворнику или сторожу въ Благовѣщенскѣ не менѣе 25—30 рублей въ мѣсяцъ; женская прислуга, ничего не умѣющая, получаетъ по 12—15 рублей; поденщицѣ, какая въ Петербургѣ получаетъ 50—60 копѣекъ, платятъ отъ рубля до рубля двадцати коп. въ день. Еще выше, конечно, заработки ремесленниковъ: весною 1901 года, во время горячей работы по снаряженію пароходовъ, обойщики зарабатывали по десяти, печники во время строительнаго сезона—по восьми рублей въ день.

Въ концѣ концовъ, повторяю, трудящемуся люду въ Благовѣщенскѣ живется хорошо: заработки, и хорошіе заработки, находитъ всякій, кто только желаетъ работать. Недурно положеніе и той низшей интеллигенціи или полуинтеллигенціи, которая занимаетъ мѣста писцовъ въ казенныхъ, общественныхъ и т. п. учрежденіяхъ. Конечно, получаемое такими низшими служащими жалованье совершенно не достаточно для сноснаго существованія; но каждый изъ нихъ легко можетъ получить

хорошій добавочный заработокъ въ коммерческомъ препріятіи или иную частную работу — достаточно сказать, что за переписку на ремингтонѣ въ Благовѣщенскѣ платятъ отъ рубля до двухъ рублей съ листа, и что грамотнаго писца здѣсь нельзя имѣть дешевле, нежели за 75 — 80 рублей въ мѣсяцъ. Нечего и говорить о томъ, какъ хорошо въ этой странѣ золота и монопольныхъ цѣнъ живется торгово-промышленному классу, хотя какъ разъ въ данное время золотопромышленники и жалуются на «плохія времена», такъ какъ вмѣсто прежнихъ обычныхъ 20—30%, а то и 200—300% на капиталъ должны довольствоваться семью, восемью, а то и тремя процентами. Процвѣтаютъ около золота адвокаты и нотаріусы, процвѣтаютъ немногочисленные врачи, заработокъ которыхъ исчисляется, говорятъ, десятками тысячъ. Тяжело только мѣстному чиновничеству. Всѣ оклады, правда, значительно повышенные, но далеко не въ той пропорціи, въ какой повышены цѣны на квартиру, прислугу, продукты и т. п. Большинство чиновниковъ, поэтому, не сводитъ концы съ концами, многіе должаютъ, а другіе находятъ исходъ изъ затруднительнаго положенія въ заработкахъ своихъ женъ и дочерей, которыя даютъ частные уроки, служатъ по разнымъ конторамъ и канцеляріямъ, сидятъ въ кассахъ большихъ магазиновъ, и трудъ которыхъ также оплачивается сравнительно недурно.

Подъ вечеръ мой пріятель—мѣстный «переселенный», везетъ меня на переселенческій пунктъ. Въ противоположность съ иголочки новенькому, превосходно, хотя и безъ излишней роскоши, обставленному Срѣтенскому пункту, Благовѣщенскій пунктъ, еще не вошедшій въ составъ «переселенческой организаціи» сибирскаго комитета, устраивался и содержится на мѣдные гроши, и это отражается даже и на его внѣшнемъ видѣ. На пунктѣ всего три барака; изъ нихъ только одинъ построенъ спеціально для пункта; остальные два—низкія, длинныя, каменныя зданія, разгороженныя на маленькія отдѣленьица съ низкими кирпичными «канами» (отопляемыя нары)—были выстроены городомъ для пристанища пришлыхъ китайскихъ рабочихъ и затѣмъ, за ненадобностью, переданы подъ устройство переселенческаго пункта. Вмѣсто кухни—небольшой навѣсъ и подъ нимъ первобытнѣйшаго устройства очаги, гдѣ переселенцы варятъ пищу въ собственныхъ котелкахъ. Гордость пункта—только-что отстроенная небольшая деревянная больничка; но она занята больными сыпнымъ тифомъ, оставшимися отъ одной изъ прошедшихъ весною организованныхъ партій,—а неподалеку отъ нея строится небольшой изоляціонный баракъ. Эта постройка—наглядный образецъ того, какъ на Благовѣщенскомъ пунктѣ молотятъ на обухѣ рожь. Потребовалось выстроить изоляціонный баракъ, стоимость его была исчислена архитекторомъ въ 1.800 рублей, а на лицо имѣлось всего семьсотъ; вотъ и пришлось прибѣгнуть къ своеобразному способу укладки

стѣнъ изъ двухъ рядовъ досокъ, съ забивкой промежутка между ними смѣсью глины съ соломой.

Вообще, строй жизни благовѣщенскаго пункта совсѣмъ не тотъ, что на пунктахъ, состоящихъ на попеченіи сибирскаго комитета: эти послѣдніе хорошо оборудованы, обставлены достаточнымъ персоналомъ и средствами, и каждый пунктъ и каждый служащій на пунктѣ дѣлаетъ свое опредѣленное, хотя и не легкое дѣло. Въ Благовѣщенскѣ не то. Средства здѣсь такъ ничтожны, что не позволяютъ имѣть ни постояннаго врача, ни даже сколько-нибудь порядочнаго фельдшера, не говоря уже о такихъ должностяхъ, какъ завѣдующіе хозяйственною частью, бухгалтеры и т. п. персоналъ, имѣющійся на другихъ пунктахъ. Все дѣлаетъ переселенческій чиновникъ—онъ и администраторъ, и хозяинъ, и банкиръ переселенцевъ, и строитель, и благотворитель. Да, благотворитель, потому что за ничтожностью отпускаемыхъ изъ казны средствъ, многія существенныя потребности Благовѣщенскаго пункта удается кое-какъ удовлетворить лишь при помощи частной благотворительности. Но и послѣдняя для Благовѣщенскаго пункта — плохой источникъ доходовъ: въ Благовѣщенскѣ не любятъ переселенцевъ, и многіе состоятельные, даже богатые люди прямо говорятъ, что не дадутъ на переселенцевъ ни копѣйки; всѣхъ возмущаетъ бьющее всѣхъ по карману систематическое нежеланіе переселенцевъ браться за какіе-бы то ни было заработки, — и мало кто хочетъ понять, что это нежеланіе вполнѣ естественно, такъ какъ переселенецъ, которому важнѣе всего какъ можно скорѣе обзавестись своимъ хозяйствомъ, не можетъ не избѣгать заработковъ въ городѣ, отдаляющихъ для него время самостоятельнаго обзаведенія.

Переселенцевъ на пунктѣ я засталъ очень мало. Кромѣ нѣсколькихъ одиночекъ, на пунктѣ проживало, въ ожиданіи зейскаго парохода, семей двадцать пять черниговцевъ, направлявшихся на уже облюбованный въ прошломъ году ходоками участокъ на берегу Зеи.

— Много мы земель смотрѣли, разсказываетъ мнѣ одинъ изъ ходоковъ: на одно мѣсто пришли,—пашня такая, что лучше не надо, да покоса нѣтъ; на другое, — покосы хороши, да пашни какъ будто маловато; пошли на третье, на четвертое; наконецъ видимъ—мѣсто какъ будто ладное, да и ноги уже пристали мѣста смотрѣть, ну, думаемъ себѣ, видно здѣсь намъ жить доведется. А что́, ваше высокоблагородіе—обращается ходокъ къ «переселенному»—ежели это мѣсто не поглянется, можно намъ еще другія мѣста посмотрѣть будетъ?

— Можно то можно,—отвѣчаетъ «переселенный»,—а только отчего же оно вамъ не понравится, вѣдь вы же смотрѣли мѣсто?

— Мы — какъ старики наши; вотъ они придутъ, поглядятъ, скажутъ ладно, мы и жить будемъ; а не поглянется мѣсто, будемъ другого искать.

Обзаводиться скотомъ переселенцы сразу не думаютъ: «побѣднѣли

*

шибко за дорогу,—говорятъ они, — а скотина здѣсь дорога: за пару коней отдай двѣсти рублей, а пахать залогъ шесть лошадей надо. Вотъ придемъ, да поглядимъ, да мотыками, сколько сила позволитъ, разробимъ земли».

«Переселенный» даетъ черниговцамъ болѣе практическій совѣтъ: для перваго посѣва снять мягкой землицы гдѣ-нибудь въ ближайшихъ селеніяхъ. Переселенцы съ радостью ухватываются за эту простую мысль.

Очень безпокоитъ ихъ также вопросъ—гдѣ покупать хлѣбъ на продовольствіе: жители ближайшей къ облюбованному мѣсту деревни—староверы, и сами-то хлѣба не имѣютъ, а не то чтобы продать, — живутъ исключительно рыболовствомъ и звѣринымъ промысломъ.

У «переселеннаго» опять оказывается хорошій совѣтъ—въ какихъ деревняхъ достать хлѣба, какъ въ эти деревни проѣхать и т. д.

Затѣмъ, переговоривъ съ какимъ-то старикомъ по поводу невысланнаго солдатскаго билета, съ другими — относительно не полученныхъ по переводу денегъ, съ какимъ-то самовольнымъ переселенцемъ о затрудненіяхъ при припискѣ по пріемному приговору, вымѣривъ окно въ строющемся изоляціонномъ баракѣ, распорядившись покупкою пары недостающихъ бревенъ, произведя разслѣдованіе относительно недавно случившейся на пунктѣ кражи, взявъ у фельдшера прописанные врачомъ рецепты, «переселенный» уѣзжаетъ домой. Я уѣзжаю вмѣстѣ съ нимъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Александръ Кауфманъ.

ВАСИЛІЙ АНДРЕЕВИЧЪ ЖУКОВСКІЙ.

(*Окончаніе*) *).

VII.

Педагогическая дѣятельность Жуковскаго при цесаревичѣ начинается еще въ царствованіе императора Александра I. Еще весной 1825 года А. Тургеневъ называетъ его «великимъ педагогомъ» и «дѣтскимъ Аристотелемъ», погруженнымъ въ дѣтскія и учебныя книги и занятымъ изысканіемъ легчайшихъ методовъ преподаванія. Но всетаки назначеніе Жуковскаго въ 1826 году воспитателемъ наслѣдника престола оказалось для него неожиданнымъ, тѣмъ болѣе, что онъ чувствовалъ себя неподготовленнымъ къ столь высокой и отвѣтственной должности. Поручая воспитаніе своего сына Жуковскому, императоръ и императрица имѣли въ виду его любвеобильное сердце и благородный характеръ. Но самъ поэтъ отлично понимаетъ, что если Мёрдеру, которому было поручено нравственное воспитаніе цесаревича, при всѣхъ его высокихъ нравственныхъ достоинствахъ, «недостаетъ образованія», то еще необходимѣе это образованіе ему, Жуковскому, которому поручаютъ наблюденіе за учебною частью.

Откровенное признаніе Жуковскаго въ своей неподготовленности не измѣняетъ царскаго рѣшенія, и въ жизни поэта происходитъ такой рѣзкій переворотъ, какого съ нимъ еще не происходило и какого трудно было даже ожидать отъ его лѣнивой натуры. «Я брошенъ на особаго рода путь,—признается онъ одной знакомой француженкѣ—котораго никогда не думалъ выбирать и по которому влечетъ меня сила судьбы, приведшей меня безъ моего вѣдома къ той точкѣ, гдѣ я теперь. Я отданъ дѣятельности, вовсе не похожей на ту, которая нѣкогда наполняла мою душу. Не я выбралъ ее. Она явилась ко мнѣ, какъ воля Провидѣнія, и этой волѣ я хочу повиноваться съ полнѣйшимъ усердіемъ. Эта дѣятельность, конечно, пугаетъ меня, она выше моихъ способностей; но она наполняетъ собою мое существованіе; она подымаетъ мою душу; вся моя жизнь принадлежитъ ей».

Изъ представленнаго государю «Плана ученія» мы узнаемъ, что

*) См. «Міръ Божій», апрѣль, 1902 г.

цѣлью воспитанія Жуковскій считаетъ «образованіе для добродѣтели» путемъ пробужденія, развитія и сохраненія природныхъ добрыхъ качествъ и ознакомленіе питомца съ тѣмъ, что его окружаетъ, съ тѣмъ, что онъ есть, и съ тѣмъ, что онъ долженъ быть, какъ существо нравственное и безсмертное. Сравнивая воспитаніе съ путешествіемъ, Жуковскій въ первомъ періодѣ (отъ 8 до 13 лѣтъ) считаетъ нужнымъ «дать въ руки компасъ, познакомить съ картой, снабдить орудіями». Компасъ—это предварительное образованіе ума, путемъ практической логики, и сердца, посредствомъ первыхъ понятій религіи. Карта—это знанія, которыя должны дать отвѣты на четыре вопроса жизни: гдѣ я? что я? чѣмъ я долженъ быть? и къ чему предназначенъ? Орудія—языки *), какъ средство пріобрѣтенія знаній. Во второмъ періодѣ (отъ 13 до 18 лѣтъ) должно быть подробное преподаваніе наукъ *антропологическихъ*, имѣющихъ предметомъ *человѣка*, и *онтологическихъ*, имѣющихъ предметомъ *вещь*. Науки эти слѣдующія: во-первыхъ, исторія, географія (этнографія и статистика), политика, философія; во-вторыхъ, математика, естественная исторія и *технологія* (физическая географія), физика. Третій періодъ (отъ 18 до 20 лѣтъ)—періодъ самообразованія. «Этотъ періодъ,—говорится въ планѣ,—долженъ быть посвященъ занятіямъ собственнымъ и чтенію немногихъ истинно-классическихъ книгъ, предпочтитательно такихъ, кои могутъ познакомить питомца съ высокимъ его назначеніемъ и страною, которой онъ долженъ посвятить жизнь свою».

Особенно подробно разрабатываетъ Жуковскій планъ ученія въ первомъ періодѣ, руководствуясь, главнымъ образомъ, идеями Песталоцци, съ примѣненіемъ которыхъ на практикѣ онъ познакомился сначала въ Дерптѣ, а потомъ въ Швейцаріи. Въ основу преподаванія онъ кладетъ наглядность и развитіе самодѣятельности.

Изъ отдѣльныхъ учебныхъ предметовъ Жуковскій обращаетъ особенное вниманіе на исторію. «Сокровищница просвѣщенія царскаго,—говоритъ онъ,—есть исторія, наставляющая опытами прошедшаго, ими объясняющая настоящее и предсказывающая будущее. Она знакомитъ государя съ нуждами его страны и его вѣка. Она должна быть главною наукою наслѣдника престола. Исторія, освѣщенная религіею, воспламенитъ въ немъ любовь къ великому, стремленіе къ благотворной славѣ, уваженіе къ человѣчеству, и дастъ ему высокое понятіе о его санѣ. Изъ нея извлечетъ онъ правила дѣятельности царской». Дальше Жуковскій указываетъ, какія правила наслѣдникъ престола извлечетъ изъ уроковъ исторіи подъ его руководствомъ. Правила эти, на изложеніе которыхъ Жуковскій смотритъ въ то же время, какъ на свою исповѣдь, слѣдующія: «Вѣрь, что власть царя происходитъ отъ Бога...

---

*) Французскій, нѣмецкій, англійскій и польскій. Преподаваніе латинскаго языка императоръ Николай I призналъ излишнимъ.

Уважай законъ и научи уважать его своимъ примѣромъ: законъ, пренебрегаемый царемъ, не будетъ хранимъ и народомъ. Люби и распространяй просвѣщеніе: оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти; народъ безъ просвѣщенія есть народъ безъ достоинства... Уважай общее мнѣніе: оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха; оно—вѣрнѣйшій помощникъ его, ибо строжайшій и безпристрастный судья исполнителей его воли... Люби свободу, то есть правосудіе, ибо въ немъ и милосердіе царей, и свобода народовъ... Владычествуй не силою, а порядкомъ: истинное могущество государя не въ числѣ его воиновъ, а въ благоденствіи народа. Будь *вѣренъ слову*: безъ довѣренности нѣтъ уваженія, неуважаемый безсиленъ. Окружай себя достойными тебя помощниками; слѣпое самолюбіе царя, удаляющее отъ него людей превосходныхъ, предаетъ его на жертву корыстолюбивымъ рабамъ, губителямъ его чести и народнаго блага. Уважай народъ свой: тогда онъ сдѣлается достойнымъ уваженія. Люби народъ свой: безъ любви царя къ народу нѣтъ любви народа къ царю. Не обманывайся на счетъ людей и всего земного, но имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго—вѣрь добродѣтели! Сія вѣра есть вѣра въ Бога! Она защититъ душу твою отъ презрѣнія къ человѣчеству, столь пагубнаго въ правителѣ людей» *).

Прежде чѣмъ приступить къ учебнымъ занятіямъ по утвержденному государемъ плану, Жуковскій отправляется за границу для поправленія здоровья и пріобрѣтенія необходимыхъ учебныхъ пособій. Онъ лѣчится въ Эмсѣ, зиму проводитъ въ Дрезденѣ, лѣтомъ 1827 года ѣдетъ въ Парижъ, гдѣ, между прочимъ, посѣщаетъ палату депутатовъ и знакомится съ Гизо. Но главное вниманіе Жуковскаго и за границей обращено на предстоящій ему трудъ, къ которому онъ готовится усердно и съ увлеченіемъ. Даже составленіе сухихъ историческихъ таблицъ для него «имѣетъ прелесть поэтическихъ работъ». Теперь онъ считаетъ себя вполнѣ счастливымъ, и только мысль о собственной неопытности и неподготовленности временами смущаетъ его.

Сознавая, что «никакія правила, преподаваемыя, проповѣдуемыя учителями въ классахъ, не могутъ уравняться въ силѣ съ впечатлѣніями ежедневной жизни», Жуковскій и изъ-за границы зорко слѣдитъ за своимъ воспитанникомъ. Прочитавъ въ газетахъ, что юный наслѣдникъ явился верхомъ на одномъ парадѣ, онъ пишетъ императрицѣ, что этотъ «эпизодъ совершенно излишній въ прекрасной поэмѣ, надъ которой мы трудимся», и проситъ государыню, чтобы «въ будущемъ не было подобныхъ сценъ». Жуковскій не противъ изученія военнаго искусства: онъ отводитъ ему въ своемъ планѣ лѣтнія вакаціи; но преждевременныя «воинственныя игрушки» онъ считаетъ

---

*) «Планъ ученія» перепечатанъ въ 8-омъ изд. соч. Жуковскаго, т. VI. Спб 1885 года.

крайне вредными. «Долженъ ли онъ быть только воиномъ,—восклицаетъ Жуковскій въ письмѣ къ императрицѣ,—дѣйствовать только въ сжатомъ горизонтѣ генерала? Когда же будутъ у насъ законодатели? Когда будемъ смотрѣть съ уваженіемъ на истинныя нужды народа, на законы, просвѣщеніе, нравственность! Государыня, простите моимъ восклицаніямъ; но страсть къ военному ремеслу стѣснитъ его душу: онъ привыкнетъ видѣть въ народѣ только полкъ, въ отечествѣ—казарму. Мы видѣли плоды этого: арміи не составляютъ могущества государства или государя. Если царь занятъ однимъ устройствомъ войска, то оно годится только на то, чтобы произвести 14-е декабря».

По возвращеніи Жуковскаго въ Петербургъ, для него начинается пріятный, но въ то же время тяжелый, вредно отзывающійся на его здоровьѣ трудъ. Онъ руководитъ всѣми классными занятіями цесаревича, остальные учителя на первыхъ порахъ, по крайней мѣрѣ, только «дополнители и репетиторы». «Занятій множество,—пишетъ Жуковскій Зонтагъ,—надобно учить и учиться, и время захвачено. Прощай навсегда, поэзія съ рифмами! Поэзія другого рода со мною, мнѣ одному знакомая, понятная для одного меня, но для свѣта безмолвная. Ей должна быть посвящена вся остальная жизнь». Мѣсто поэзіи теперь занимаютъ разнаго рода таблицы: грамматическія, хронологическія, генеалогическія, географическія и даже по естесвовѣдѣнію, по исторіи скульптуры, живописи и архитектуры *). Въ это время Жуковскій ведетъ самую уединенную и однообразную жизнь и едва находитъ время для посѣщенія лучшихъ друзей.

Тяжелый педагогическій трудъ скоро расшаталъ здоровье Жуковскаго. Онъ страдаетъ сильной одышкой, такъ что не въ состояніи подниматься на третій этажъ въ свою квартиру, а болѣзнь печени и застарѣлый геморрой дѣлаютъ его лицо «желто-сафьяннаго цвѣта». Для поправленія здоровья въ іюнѣ 1832 года Жуковскій уѣзжаетъ за границу, гдѣ живетъ болѣе года. Лѣто онъ проводитъ въ Эмсѣ и Вейльбахѣ, весну 1833 года въ Италіи, большую же часть времени живетъ въ полномъ уединеніи на берегу Женевскаго озера, въ Верне, близъ города Веве, вмѣстѣ съ однорукимъ живописцемъ Рейтерномъ, въ семьѣ котораго нашъ поэтъ встрѣтилъ свою будущую жену. Возстановляя свои силы, любуясь красотами природы и художественными перлами Италіи, Жуковскій не забываетъ своего «святого дѣла», воспитанія наслѣдника. Онъ пишетъ своему воспитаннику длинныя письма, въ которыхъ разсказъ о путешествіи пересыпается нравственными совѣтами. «Примѣръ добрыхъ дѣлъ,—пишетъ Жуковскій въ первомъ своемъ письмѣ,—есть лучшее, что мы можемъ даровать тѣмъ, кто жи-

---

*) См. «Бумаги В. А. Жуковскаго» въ приложеніи къ Отчету Императорской Публичной библіотеки за 1884 г.

ветъ вмѣстѣ съ нами, память добрыхъ дѣлъ есть лучшее, что можемъ оставить тѣмъ, кто будетъ жить послѣ насъ». Онъ совѣтуетъ цесаревичу сохранить «на всякій часъ своей жизни свое прекрасное сердце», дорожить своимъ временемъ, бороться съ «ненавистнымъ врагомъ»—лѣнью—посредствомъ чувства долга и развивать въ себѣ нравственное достоинство. «Мы живемъ въ такое время,—пишетъ Жуковскій изъ Веве,—въ которое нужна бодрость, нужно твердое, ясное знаніе своихъ обязанностей и правилъ, помогающихъ исполнять оныя, правилъ, извлеченныхъ изъ вѣрнаго знанія того, что справедливо, и соединенныхъ съ живымъ стремленіемъ къ общему благу, внушаемымъ тою любовью, которую проповѣдуетъ намъ религія... Знайте только одно, что въ наше бурное время необходимѣе, нежели когда-нибудь, чтобы государи своею жизнью, своимъ нравственнымъ достоинствомъ, своею справедливостью, своею чистою любовью общаго блага (т.-е. къ общему благу) были образцами на землѣ и стояли выше остальнаго міра. Нравственная сила непобѣдима; она въ душѣ государей хранитъ народы въ мирное время, спасаетъ ихъ во времена опасныя и во всякое время влечетъ ихъ къ тому, что назначилъ имъ Богъ, то-есть къ вѣрному благу, неразлучному съ человѣческимъ достоинствомъ. Толпа можетъ имѣть силу матеріальную; но сила нравственная въ душѣ государей: ибо они могутъ быть дѣятельными представителями справедливости и блага» *).

Изъ-за границы Жуковскій привозитъ крайнее несочувствіе къ новымъ вѣяніямъ въ западно-европейской жизни. Онъ крайне недоволенъ «убійственно позитивнымъ вѣкомъ, когда все возвышающее душу засыпано земнымъ сором, когда нѣтъ святого, когда математическій гордый умъ гонитъ Бога съ Его мѣста, и когда образованность сдѣлалась плодомъ безъ зерна». Особенно «ужасаетъ» его Франція, гдѣ «достоинство человѣческое унижено, (все) свѣтлое раздавлено», гдѣ «не чувствуютъ нужды въ святынѣ».

Въ настроеніи западно-европейскаго общества Жуковскій усмотрѣлъ призракъ «революціонной богини ума», и страхъ передъ этимъ призракомъ отразился въ той «горной философіи», которую онъ излагаетъ въ одномъ изъ писемъ къ цесаревичу. «Разрушать существующее,—внушаетъ Жуковскій своему пятнадцатилѣтнему воспитаннику,—*жертвуя справедливостью*, жертвуя настоящимъ для возможнаго будущаго блага, есть опрокидывать гору на человѣческія жилища съ безумною мыслью, что можно *вдругъ* безплодную землю, на которой стоятъ они, замѣнить другою, болѣе плодоносною... Средство не оправдывается цѣлью; что вредно въ настоящемъ, т.-е. истинное зло, хотя бы и было благодѣтельно въ своихъ послѣдствіяхъ, никто не имѣетъ права жерт-

*) Письма Жуковскаго къ цесаревичу перепечатаны изъ «Русскаго Архива» въ VI томѣ сочиненій Жуковскаго. Изд. 8-е. Спб. 1885.

вовать будущему настоящимъ и нарушать вѣрную справедливость для невѣрнаго возможнаго блага». Отсюда дѣлаются такіе практическіе выводы: «Иди шагъ за шагомъ за временемъ, вслушивайся въ его голосъ, и исполняй то, чего онъ требуетъ. Отставать отъ него столь же бѣдственно, какъ и перегонять его». Еще рѣзче и опредѣленнѣе выводы изъ «горной философіи» Жуковскаго формулированы въ его «Чертахъ исторіи государства Россійскаго», составленныхъ для наслѣдника престола на основаніи исторіи Карамзина.

По возвращеніи изъ-за границы, Жуковскій опять замыкается на четыре года въ свой кабинетъ и въ свою «учебную горницу», гдѣ почти не видитъ свѣта «отъ лѣни и недосуга». Но теперь у него нѣсколько больше свободнаго времени, чѣмъ прежде, хотя ему приходится руководить занятіями не только цесаревича, но и великихъ княженъ и великаго князя Константина Николаевича. По возвращеніи изъ-за границы Жуковскій позволяетъ себѣ даже такую роскошь, какъ еженедѣльные вечера, на которые собираются литературныя, ученыя и артистическія знаменитости Петербурга, въ томъ числѣ Пушкинъ, Гоголь, Крыловъ и др.

Въ 1837 году обученіе наслѣдника заканчивается, и Жуковскій сопровождаетъ его въ путешествіи по Россіи и по Европѣ, а по окончаніи путешествія считаетъ свою миссію законченной и покидаетъ придворную службу съ чиномъ тайнаго совѣтника и содержаніемъ въ 32 тысячи рублей ассигнаціями. Женитьба отрываетъ поэта отъ горячо любимаго имъ отечества, отъ «благословенной Россіи», но связь его со своими царственными учениками и ученицами не прерывается. Великіе князья поддерживаютъ письменныя сношенія со своимъ бывшимъ наставникомъ до самой его смерти, дѣлятся съ нимъ своими семейными радостями и выслушиваютъ его совѣты. Жуковскій на коротенькія письма своихъ бывшихъ учениковъ отвѣчаетъ длиннѣйшими посланіями, въ которыхъ подробно разсказываетъ о своей заграничной жизни, дѣлится съ великими князьями своими взглядами на политическія событія западной Европы и при этомъ никогда не упускаетъ удобнаго случая подать руководящій совѣтъ политическаго или нравственнаго характера. Давать цесаревичу совѣты и вообще говорить съ нимъ вполнѣ откровенно Жуковскій считаетъ своимъ «святымъ правомъ», и великій князь съ своей стороны не думаетъ отрицать этого права. «Вѣрность моя къ вамъ,—пишетъ Жуковскій уже въ 1839 г.,—должна теперь состоять въ томъ, чтобы я безъ оглядки передавалъ вамъ тѣ чувства и мысли, кои будутъ мнѣ казаться правдою. Другой дани приносить вамъ не могу; но эта дань святая».

Въ заграничныхъ письмахъ Жуковскаго къ цесаревичу мы не найдемъ программы «великихъ реформъ», ознаменовавшихъ царствованіе императора Александра II, но встрѣтимъ новыя варіаціи тѣхъ совѣтовъ общаго характера, которые были преподаны раньше подъ

видомъ уроковъ исторіи и выводовъ изъ «горной философіи», и которые были направлены противъ рѣзкихъ перемѣнъ въ жизни народовъ. «Бойтесь опаснаго правила,—писалъ, между прочимъ, Жуковскій въ 1843 году,—которое столько зла надѣлало на свѣтѣ, правила, что для общаго блага, такъ называемаго государственнаго блага, надобно жертвовать частнымъ (другими словами, для общаго блага позволять себѣ частныя несправедливости)».

Но не въ урокахъ «горной философіи» заключается заслуга Жуковскаго передъ Россіей въ качествѣ воспитателя цесаревича. Его заслуга въ томъ, что онъ содѣйствовалъ развитію у своего воспитанника уваженія къ человѣку и «добраго сердца, готоваго на все хорошее и благородное», что было признано самимъ императоромъ Николаемъ I. Болѣе чѣмъ кто-либо-другой, Жуковскій содѣйствовалъ исполненію того пожеланія, которое онъ высказалъ еще въ 1818 году, чтобы будущій государь «на чредѣ высокой не забылъ святѣйшаго изъ званій: *человѣкъ!*» «Сѣмена правды и добра,—говоритъ біографъ императора Александра II,—вложенныя въ его отзывчивую душу... въ особенности Жуковскимъ, разрослись въ ней пышнымъ цвѣтомъ. Возвышенному идеалу человѣчности Александръ II остался вѣренъ до конца. Имъ воодушевлены были его помыслы и дѣйствія». Этотъ идеалъ, съ одной стороны, и ходъ исторической жизни, съ другой—оказались сильнѣе «горней философіи» человѣка, всю свою жизнь смотрѣвшаго на дѣйствительный міръ сквозь затуманенные очки мечтателя, и гуманный императоръ, вопреки совѣтамъ своего наставника, ради общаго, государственнаго блага не остановился передъ коренными реформами, при которыхъ неизбѣжны «частныя несправедливости».

VIII.

Педагогическая дѣятельность Жуковскаго неблагопріятно отражается на его творчествѣ. Тѣ пятнадцать лѣтъ, которыя онъ отдаетъ воспитанію царскихъ дѣтей, въ поэтическомъ отношеніи оказываются наименѣе производительными годами его жизни. Въ нѣкоторые годы этого періода онъ не написалъ почти ни строчки для печати или написалъ одно-два небольшихъ стихотвореній и то случайнаго происхожденія. Только начало и конецъ тридцатыхъ годовъ отмѣчены временнымъ подъемомъ его творчества. Особенно продуктивенъ 1831 годъ, когда у Жуковскаго оказывается сравнительно больше свободнаго времени вслѣдствіе того, что въ 1830 году закончился подготовительный періодъ обученія наслѣдника. Долго сдерживаемая потребность творчества просыпается у Жуковскаго съ необыкновенною силою, и въ теченіе одного 1831 года онъ даетъ болѣе поэтическихъ произведеній, чѣмъ въ теченіе цѣлыхъ девяти предыдущихъ лѣтъ. Онъ переводитъ (изъ Гердера) романсы о Сидѣ, баллады Шиллера, Соути,

Уланда, Бюргера («Ленора»), идилліи Гебеля; въ поэтическомъ состязаніи съ Пушкинымъ онъ перелагаетъ въ стихи народныя сказки; пишетъ нравоучительныя повѣсти въ стихахъ; даетъ юмористическую «Войну мышей и лягушекъ»; вмѣстѣ съ Пушкинымъ откликается на взятіе Варшавы двумя патріотическими пѣснями, наконецъ, даетъ нѣсколько элегій. Въ произведеніяхъ 1831 года мы находимъ отраженіе почти всѣхъ литературныхъ вкусовъ Жуковскаго и всѣ почти основные мотивы его поэзіи: тутъ и романтическая тоска, и романтическое стремленіе *туда*, куда недавно еще ушла вторая любимая его племянница, Воейкова, и ультраромантическая фантастика, и тяготѣніе къ идиллической жизни и желаніе проникнуться народностью, и прописная мораль, и юморъ, и патріотическое, и религіозное воодушевленіе и, наконецъ, неудачная любовь, на этотъ разъ къ фрейлинѣ Россетъ (Смирновой).

Третье и четвертое заграничныя путешествія также отражаются на творчествѣ Жуковскаго, хотя и не такъ благопріятно, какъ первое путешествіе. Въ Верне онъ написалъ «Судъ въ подземельѣ» *), перевелъ нѣсколько балладъ Уланда и балладу Шиллера «Элевзинскій праздникъ». Тамъ же былъ начатъ и переводъ знаменитой «Ундины», оконченный лѣтомъ 1836 года въ окрестностяхъ Дерпта. Изъ четвертаго заграничнаго путешествія Жуковскій привозитъ написанную въ Римѣ драматическую поэму «Камоэнсъ», въ которой дѣлаетъ много автобіографическихъ признаній и высказываетъ свои любимыя мысли о пользѣ страданія,

Страданіемъ душа поэта зрѣетъ,
Страданіе—святая благодать

и свой возвышенный взглядъ на поэзію и ея задачи.

Поэзія небесной религіи сестра земная...
Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли,—

говоритъ Жуковскій устами Камоэнса.

Если педагогическая дѣятельность Жуковскаго неблагопріятно отражается на его поэтическомъ творчествѣ, зато связанная съ этой дѣятельностью близость къ императорскому двору даетъ поэту широкую возможность служить «благотворенію», о чемъ онъ мечталъ еще въ Мишенскомъ, когда и самъ нуждался въ посторонней помощи и могъ дарить несчастныхъ только «слезою». Всѣ, кто сколько-нибудь зналъ Жуковскаго, единогласно говорятъ о необыкновенной добротѣ его сердца, которое заставляло поэта горячо откликаться на чужое горе и оказывать роднымъ, друзьямъ, знакомымъ и даже незнакомымъ людямъ всевозможнаго рода услуги, начиная съ доброжелательнаго совѣта и кончая матеріальной помощью или ходатайствомъ передъ сильными міра сего. «Списокъ добрыхъ дѣлъ Жуковскаго, — говоритъ

*) Содержаніе взято у В.-Скотта.

г. Бартеневъ,—разнообразнѣе и обильнѣе списка его сочиненій», и мнѣніе это нельзя считать крайнимъ преувеличеніемъ, хотя, конечно, полнаго списка добрыхъ дѣлъ Жуковскаго мы никогда не будемъ имѣть. Мы можемъ имѣть только нѣкоторое представленіе объ этомъ спискѣ, читая заявленія, что Жуковскій былъ «щедръ до расточительности», что на счетъ денегъ онъ былъ «живой прорѣхой», что ему «не разъ случалось опорожнять свои карманы въ руки бѣдныхъ», что на лѣстницѣ его квартиры постоянно толпились бѣдняки и просители разнаго рода и т. д. Конечно, болѣе всего «были осыпаны благодѣяніями» поэта его родственники. Достаточно напомнить, что въ 1814 году онъ отдаетъ весь свой капиталъ въ приданое Воейковой, а послѣ ея смерти обезпечиваетъ ея дочерей новымъ капиталомъ въ 115 тысячъ руб. асс., вырученнымъ отъ продажи своего дерптскаго имѣнія. Но не мало получали отъ добраго поэта и лица, ему совершенно незнакомыя. Если вѣрить Смирновой, Жуковскій въ одинъ годъ роздалъ изъ собственныхъ средствъ восемнадцать тысячъ руб. асс. А сколько денегъ онъ выпросилъ для цѣлей благотворенія у своихъ богатыхъ знакомыхъ, у своихъ учениковъ и ученицъ, а также у государя и государыни! Жуковскій до того надоѣлъ своими просьбами, что принужденъ былъ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, чтобы заставить высочайшихъ особъ расщедриться. Однажды ему надо было собрать три тысячи рублей, чтобы выкупить крѣпостного живописца на свободу. И вотъ онъ является во дворецъ съ рядомъ рисунковъ, на которыхъ представлена вся невыносимая жизнь крѣпостного художника. Зрители и зрительницы любуются рисунками, жалѣютъ художника и, въ концѣ концовъ, собираютъ требуемую за его свободу сумму.

Это не единственный случай освобожденія талантливаго человѣка отъ крѣпостной зависимости, благодаря стараніямъ Жуковскаго. Достаточно напомнить, что извѣстный профессоръ, цензоръ, академикъ и авторъ «Дневника» Никитенко и знаменитый украинскій поэтъ Шевченко получили свободу при ближайшемъ содѣйствіи Жуковскаго. Можно составить цѣлый списокъ менѣе извѣстныхъ лицъ, получившихъ свободу, благодаря Жуковскому, и въ этотъ списокъ войдутъ не только художники и стихотворцы-самоучки, но и «простые русскіе люди», какъ, напримѣръ, престарѣлая мать и братъ Никитенки, для освобожденія которыхъ Жуковскому достаточно было написать письмо къ графу Шереметеву. Еще важнѣе заслуги Жуковскаго въ качествѣ ходатая и заступника за лицъ, возбудившихъ подозрѣніе и недовольство «властей предержащихъ» или же подвергшихся опалѣ. Особенно близко принимаетъ онъ къ сердцу несчастія своихъ собратій по перу. Еще въ царствованіе императора Александра I, благодаря Жуковскому, прибѣгшему къ посредничеству князя А. Н. Голицына, Баратынскій, служившій простымъ солдатомъ, производится въ первый офицерскій чинъ и такимъ образомъ спасаетъ свой талантъ, такъ какъ получаетъ воз-

можность выйти въ отставку. Въ 1826 году Жуковскій является главнымъ виновникомъ примиренія Пушкина съ правительствомъ. Въ 1829 г. онъ вступается за князя Вяземскаго, навлекшаго неудовольствіе государя своимъ либерализмомъ и частною жизнью, «воюетъ» за него и перомъ, и словомъ и, въ концѣ концовъ, содѣйствуетъ превращенію «вольнодумца» въ вице-директора департамента внѣшней торговли. Въ 1832 году горячее и энергическое заступничество Жуковскаго спасаетъ И. Кирѣевскаго отъ высылки изъ столицы послѣ запрещенія «Европейца». Въ 1837 году ходатайство Жуковскаго содѣйствуетъ переводу Герцена изъ Вятки во Владиміръ и т. д., и т. д.

Доброе сердце Жуковскаго заставило его приложить не мало стараній и для облегченія участи декабристовъ. Самъ онъ уклонился отъ участія въ тайныхъ обществахъ, заявивъ князю Трубецкому въ 1819 г., что не чувствуетъ себя настолько добродѣтельнымъ, чтобы надѣяться на осуществленіе тѣхъ высокихъ цѣлей, которыя намѣчены «Союзомъ Благоденствія». Впослѣдствіи, послѣ 14-го декабря, онъ осыпаетъ декабристовъ цѣлымъ градомъ ругательствъ: онъ называетъ ихъ «сволочью», «шайкой разбойниковъ», «мелкой дрянью», «малодушными подлецами» и т. д. (Письма къ Тургеневу, стр. 209 — 210). Но эти ругательства не помѣшали Жуковскому вскорѣ же явиться ходатаемъ за отдѣльныхъ декабристовъ и вступить съ нѣкоторыми изъ нихъ въ переписку. Жуковскому же, главнымъ образомъ, обязаны нѣкоторые декабристы улучшеніемъ своего положенія послѣ проѣзда наслѣдника по Западной Сибири. Особенно много сдѣлалъ Жуковскій для облегченія участи Николая Тургенева, заочно приговореннаго къ смертной казни, хотя онъ считалъ себя совершенно непричастнымъ къ заговору. Тургеневъ лишился отечества, но спасъ свою свободу, не явившись на судъ, потому что Жуковскій передалъ ему совѣтъ императора не возвращаться въ Россію. Впослѣдствіи Жуковскій передалъ государю оправдательную записку Тургенева и добивался даже пересмотра его дѣла и полнаго оправданія своего школьнаго товарища и друга. Старанія эти не увѣнчались успѣхомъ, но зато Николай Тургеневъ получилъ возможность жить за границей на полной свободѣ, не опасаясь выдачи русскому правительству.

Своимъ положеніемъ Жуковскій пользовался и для исходатайствованія матеріальной помощи русскимъ и даже иностраннымъ писателямъ и художникамъ. Такъ въ 1826 году онъ обращаетъ вниманіе государя на матеріальную необезпеченность умирающаго Карамзина и его семейства, и государь за девять дней до кончины исторіографа утѣшаетъ его лестнымъ рескриптомъ и указомъ о назначеніи его семьѣ огромной пенсіи въ пятьдесятъ тысячъ рублей асс. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ Жуковскій является ходатаемъ за Гоголя, и авторъ «Ревизора» получаетъ крупныя субсидіи изъ шкатулки императора и наслѣдника.

—

Но и помимо придворныхъ связей, однимъ личнымъ своимъ участіемъ Жуковскій много сдѣлалъ для отдѣльныхъ русскихъ писателей въ самыя трудныя минуты ихъ жизни. Извѣстны, напримѣръ, его чисто-отеческія заботы о Батюшковѣ, сошедшемъ съ ума, о Козловѣ, лишившемся зрѣнія, о декабристѣ Кюхельбекерѣ, о Кольцовѣ, положеніе котораго и въ родной семьѣ и въ воронежскомъ обществѣ рѣзко измѣнилось къ лучшему послѣ того, какъ Жуковскій посѣтилъ поэта-прасола во время путешествія съ цесаревичемъ. Видную роль сыгралъ Жуковскій и въ жизни Пушкина, особенно тогда, когда великій поэтъ предавался отчаянію въ псковской глуши и даже собирался бѣжать за границу. Письма Жуковскаго были цѣлительнымъ бальзамомъ для ожесточенной души опальнаго поэта и болѣе чѣмъ что - либо другое содѣйствовали его успокоенію. Въ этихъ письмахъ Жуковскій признаетъ у Пушкина не просто дарованіе, а геній, предоставляетъ ему «первое мѣсто на русскомъ Парнассѣ», пророчитъ ему самую блестящую будущность, но при одномъ только условіи, если съ «высокостью генія» будетъ соединена и «высокость цѣли», если жизнь поэта перестанетъ быть «забавной эпиграммой» и сдѣлается «возвышенной поэмой», потому что «талантъ ничто, главное: величіе нравственное». «Прошу покорнѣйше,—пишетъ Жуковскій 23 сентября 1825 года,—уважать свою жизнь и помнить, что можешь сдѣлать съ ней много прекраснаго, несмотря ни на какія обстоятельства... Слава побѣдитъ обстоятельства, въ этомъ я увѣренъ... Перестань быть эпиграммой, будь поэмой» *).

Всѣ приведенные факты, а число ихъ при желаніи можно значительно увеличить, даютъ право считать Жуковскаго добрымъ геніемъ русской литературы. Какъ ни тяжело было положеніе русской литературы при императорѣ Николаѣ I, оно, по всей вѣроятности, было бы еще безотраднѣе, если бы вблизи престола не было такого человѣка, какъ Жуковскій, съумѣвшій внушить уваженіе къ собственной личности и къ той профессіи, которую онъ считалъ службой отечеству. Жуковскій, самъ страдавшій отъ строгой цензуры, несмотря на всю свою благонамѣренность, не могъ не жалѣть, что «существуетъ какое-то предубѣжденіе противъ всякой литературной дѣятельности». Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ томъ, что «общество безъ литературы такъ же существовать не можетъ, какъ человѣкъ безъ языка»; что «народъ безъ литературы то же,что глухонѣмой». И это свое убѣжденіе Жуковскій, конечно, постарался передать своему воспитаннику вмѣстѣ съ совѣтами уважать общественное мнѣніе, любить и уважать противорѣчія и «покоряться власти убѣжденія и справедливости».

*) Письма Жуковскаго къ Пушкину напечатаны въ «Русскомъ Архивѣ» за 1889 годъ.

IX.

Послѣ прекращенія своей педагогической дѣятельности Жуковскій думалъ покинуть дворъ и провести остатокъ своихъ дней въ Муратовѣ, вмѣстѣ съ Екатериной Аѳанасьевной Протасовой и ея внучками. Но этому намѣренію не суждено было осуществиться. Лѣтомъ 1840 года въ Дюссельдорфѣ на пятьдесятъ восьмомъ году своей жизни Жуковскій дѣлается женихомъ восемнадцатилѣтней дочери своего друга Рейтерна, а черезъ годъ происходитъ его свадьба. Этотъ неравный бракъ не можетъ не вызвать горькой усмѣшки и въ свое время не мало повредилъ поэту даже во мнѣніи близкихъ ему лицъ. И самъ Жуковскій не могъ не чувствовать всей неловкости своего положенія и постарался подробнѣйшимъ образомъ объяснить всѣ обстоятельства, заставившія его рѣшиться на бракъ съ дѣвушкой, которая была втрое моложе его. Поэтъ давно уже любовался своей будущей женой, какъ «райскимъ видѣніемъ» и «образомъ Рафаэлевой Мадонны», и въ то же время сознавалъ невозможность того счастья, о которомъ онъ мечталъ столько лѣтъ. Но вопреки ожиданіямъ невозможное оказалось возможнымъ. Молодая и красивая дѣвушка уже любила поэта, и при первомъ же откровенномъ разговорѣ это обнаружилось вполнѣ ясно. «Отвѣтъ ея,—пишетъ Жуковскій своимъ роднымъ,—былъ въ двухъ словахъ: «je n'ai pas besoin de réflèchir» *). Съ этимъ она кинулась ко мнѣ на шею».—Въ этой любви поэтъ усмотрѣлъ не «минутную вспышку души, разгоряченной романическимъ воображеніемъ», а романтическое «сродство душъ», и принялъ неожиданное счастье, какъ даръ Провидѣнія. «Я не искалъ, я не выбиралъ, я не имѣлъ нужды долго думать, чтобъ рѣшиться,—говоритъ Жуковскій въ томъ же письмѣ,—нашло, выбрало и рѣшило за меня Провидѣніе, которое, очевидно, все устроило».

Въ новую жизнь Жуковскій вступаетъ съ очень скромными требованіями. Его идеалъ—спокойная, смиренная жизнь, посреди домашняго очага, безъ заботъ о завтрашнемъ днѣ, посвященная труду и заботамъ о томъ, чтобы «все дурное или испорченное жизнью поправить или привести въ порядокъ, чтобъ, наконецъ, разчесться какъ должно со всѣмъ здѣшнимъ, подвесть подъ жизнь итогъ и собрать какъ можно болѣе на дорогу въ другую жизнь». Для осуществленія этого идеала онъ поселяется за границей, живетъ сначала въ Дюссельдорфѣ, а потомъ во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и на первыхъ порахъ переживаетъ со своимъ «милымъ, добрымъ и нѣжнымъ товарищемъ» минуты полнаго счастья. Къ сожалѣнію, это полное счастье было очень непродолжительно. Всего черезъ семь мѣсяцевъ послѣ свадьбы Жуковскій уже признается цесаревичу, что «семейная жизнь есть школа терпѣнія», что онъ успѣлъ уже прочитать «все предисловіе» своего будущаго и

---

*) «Мнѣ не нужно размышлять» (о сдѣланномъ предложеніи).

видитъ передъ собой не только радостныя, но и печальныя страницы жизненной книги. Но какъ ни готовился Жуковскій заранѣе къ жизненнымъ испытаніямъ и терніямъ семейной жизни, какъ ни запасался онъ заблаговременно терпѣніемъ и покорностью Провидѣнію, удары судьбы, упавшіе на его старческія плечи, оказались чувствительнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ. «Вся моя жизнь разбита въ дребезги,—пишетъ онъ своему бывшему воспитаннику въ 1848 году.—Того, что называется обыкновенно счастьемъ, семейная жизнь не дала мнѣ: ибо вмѣстѣ съ тѣми радостями, которыми она такъ богата, она принесла съ собою тяжкія, мною прежде не испытанныя тревоги, которыхъ число едва ли не перевѣшиваетъ число первыхъ почти вдвое». Дѣло въ томъ, что послѣ первыхъ неудачныхъ родовъ жены Жуковскій дважды испытываетъ счастье быть отцомъ, но за это счастье ему приходится заплатить здоровьемъ матери, страданія которой отравляютъ поэту конецъ его жизни.

Нервныя страданія жены и собственныя немощи заставляютъ Жуковскаго кочевать по германскимъ курортамъ и мѣшаютъ ему возвратиться въ Россію. Послѣ того, какъ разразилась февральская революція, отразившаяся въ Германіи и заставившая Жуковскаго удалиться изъ Франкфурта, онъ уже отправилъ часть своихъ пожитковъ въ Петербургъ; но болѣзнь жены снова задерживаетъ поэта въ опротивѣвшей ему Германіи и заставляетъ его вести «полутрактирную жизнь». Лѣтомъ 1851 года, за годъ до своей смерти Жуковскій снова собирается въ Россію и даже поручаетъ Зейдлицу нанять квартиру въ Дерптѣ, но почти наканунѣ отъѣзда поэта поражаетъ слѣпота. «Слѣпой или зрячій» онъ предполагаетъ вернуться въ Россію въ маѣ 1852 года, но за мѣсяцъ до назначеннаго срока поэтъ умираетъ въ Баденъ-Баденѣ, и въ Россію возвращается только его прахъ.

Послѣднія десять лѣтъ жизни Жуковскаго были для него временемъ тяжелыхъ испытаній, настолько тяжелыхъ, что по сравненію съ ними вся прежняя жизнь его казалась ему «поэтическимъ сномъ». Только въ трудѣ и религіи находитъ онъ забвеніе житейскихъ невзгодъ и спасенія отъ полнаго отчаянія. За границей Жуковскій, говоря его собственными словами, изъ «таинственно-заносчиваго романтика» превращается «въ смирнаго классика» и погружается въ область «первобытной свѣтлой поэзіи, которая живетъ дѣвственными преданіями древности и образуетъ особенный міръ, недоступный земному грязному эгоизму». Въ Германіи онъ оканчиваетъ переводъ «Наля и Дамаянти», переводитъ «Рустема и Зораба», наконецъ, переводитъ «Одиссею», при чемъ смотритъ на этотъ трудъ, какъ на любимое дѣтище своей музы, какъ на «твердѣйшій памятникъ» своей поэтической дѣятельности и даже какъ на противоядіе современной ему литературѣ, принявшей, по его мнѣнію, «уродливое, безнравственное, лишенное всякаго очарованія направленіе». Пристрастію Жуковскаго къ «первобытной поэзіи» мы

обязаны и поэтическими переложеніями русскихъ и нѣмецкихъ сказокъ («Сказка о Иванѣ царевичѣ и сѣромъ волкѣ», «Котъ въ сапогахъ», «Тюльпанное дерево»), тогда какъ религіозно нравственное его настроеніе отражается въ такихъ произведеніяхъ, какъ «Капитанъ Боппъ», «Сказка о мудрецѣ Керимѣ», «Выборъ креста» и др. Наконецъ, въ послѣдній годъ своей жизни, уже пораженный слѣпотой, Жуковскій пишетъ при помощи особой машинки поэму «Странствующій жидъ», которую хочетъ сдѣлать своей религіозно-поэтической исповѣдью. Но смерть прервала лебединую пѣснь поэта и не позволила ему исполнить и другое его намѣреніе—«оставить по себѣ въ наслѣдство отечеству полнаго Гомера». Точно такъ же не удалось Жуковскому довести до конца и задуманный имъ педагогическій трудъ — «первоначальный учебный курсъ» по особенной «мнемонико-логической методѣ», трудъ, который онъ считалъ еще важнѣе перевода «Иліады».

Кромѣ поэтическихъ и педагогическихъ трудовъ, послѣдніе годы жизни Жуковскаго отмѣчены цѣлымъ рядомъ небольшихъ трактатовъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ этихъ трактатахъ и въ письмахъ поэта мы находимъ наиболѣе полное и рѣзкое выраженіе того міросозерцанія, которое складывалось у Жуковскаго въ теченіе всей его жизни и вполнѣ опредѣлилось подъ вліяніемъ семейныхъ испытаній и заграничныхъ впечатлѣній. Болѣзнь жены и безпокойство о будущей судьбѣ дѣтей, съ одной стороны, вліяніе піэтистовъ и сношенія съ Гоголемъ, впавшимъ въ крайній мистицизмъ, съ другой, содѣйствовали развитію тѣхъ элементовъ мистицизма и піэтизма, которые давно уже были заложены въ религіозномъ настроеніи Жуковскаго. Преданность волѣ Божіей, покорность, смиреніе, благотворное вліяніе житейскихъ испытаній—всѣ эти излюбленныя мысли Жуковскаго встрѣчаются почти на каждой страницѣ его заграничныхъ разсужденій и посланій.

Религіозное настроеніе поэта отражается рѣшительно на всѣхъ его разсужденіяхъ, идетъ ли дѣло о морали, о философіи, о политикѣ, о воспитаніи, о наукѣ, о литературѣ или, наконецъ, объ искусствѣ.

Легко представить, какъ отнесется къ западно-европейской жизни человѣкъ, который еще въ 1833 году призывалъ религію для спасенія цивилизаціи, а черезъ десять лѣтъ послѣ того успѣлъ сдѣлаться крайнимъ піэтистомъ. Если изъ третьяго своего заграничнаго путешествія Жуковскій возвращается съ крайнимъ нерасположеніемъ къ новымъ вѣяніямъ, предшествовавшимъ политическимъ событіямъ 1848—1849 годовъ, то жизнь за границей еще болѣе усиливаетъ его нерасположеніе къ этимъ вѣяніямъ, въ которыхъ онъ усматриваетъ симптомы приближающейся революціи. Парижъ представляется ему «вулканомъ, изъ котораго выходятъ вредные пары, разливающіе свое вулканическое дѣйствіе на весь европейскій міръ». «Одна революція кончилась,—пишетъ онъ цесаревичу въ январѣ 1848 года,—другая готова вступить въ ея колеины... Теперь дѣло идетъ уже не о преобра-

вованіи политическомъ, не о разрушеніи вѣковыхъ привилегій и созданій историческихъ (это уже совершено прежнею революціею), а просто объ уничтоженіи различія между *твой* и *мой* или, лучше сказать, о превращеніи *твоего* въ *мое*. Аристократія уничтожена въ пользу средняго состоянія, говорятъ новѣйшіе историки, напримѣръ, Луи-Блааъ; среднее состояніе должно уступить народу... И уже провозглашено во услышаніе всѣмъ великое правило, правило практическихъ реформаторовъ, извлеченное изъ доктринъ новѣйшей философіи и весьма понятное ученикамъ ея въ лохмотьяхъ: la propriété c'est le vol *). И для утвержденія въ умахъ этого правила все сдѣлано. Главное разрушеніе антирелигіозное произведено доктринами разврата въ классѣ низшемъ. Туда, гдѣ царствуетъ нужда, огорчающая и раздражающая душу, голосъ искушенія, проповѣдующій ненависть, хищничество, отверженіе всякой власти, презрѣніе долга и отверженіе Божія промысла, проникаетъ съ быстротою смертоносной чумы, и тѣмъ быстрѣе, что всѣ предохранительныя и цѣлительныя средства противъ заразы напередъ уничтожены и что безсмысліе невѣжества съ жадностью принимаетъ ученіе, столь благопріятное страстямъ и потворствующее раздраженію, производимому бѣдствіями жизни, противъ которыхъ ничто не даетъ душѣ ни твердости, ни смиренія. Это всеобщее отверженіе всякой святыни называется *свободою*, движеніемъ, торжествомъ человѣчества, освобожденіемъ разума».

Для проникнутаго такой «дьявольской необузданностью» времени кроткій Жуковскій считаетъ даже необходимымъ появленіе «желѣзнаго Наполеона со своими мѣдными пушками». Когда же поэта захватываетъ водоворотъ политическихъ бурь и заставляетъ его съ больной женой и маленькими дѣтьми спасаться бѣгствомъ изъ Франкфурта, а потомъ изъ Бадена, тогда онъ не находитъ достаточно рѣзкихъ выраженій по адресу революціи и ея дѣятелей. «Тутъ и сатанинскіе визги нашего времени», и «ядовитыя доктрины нашего умствующаго вѣка», и «анархія во всей звѣрской своей красотѣ», и «мефитическое зловоніе бунтующей толпы», и «франкфуртская болтовня», и «буйство развратнаго книгопечатанія» и т. д., и т. д. Что касается дѣятелей революціи, то для нихъ у Жуковскаго не нашлось другого эпитета, какъ «грязные политическіе разбойники».

Столь же безпощаднымъ и несправедливымъ оказывается Жуковскій и по отношенію къ современной ему западно-европейской литературѣ. Уже въ тридцатыхъ годахъ онъ относится съ ненавистью къ французской литературѣ, гдѣ видитъ царство «дерзкаго матеріализма» и совершенное равнодушіе къ добру и злу. За границей Жуковскому еще болѣе «опротивѣла» «конвульсивная», «истерическая», «мутящая

*) «Собственность—кража». Выраженіе Прудона.

душу», «чудовищная поэзія нашего вѣка, разрушающая всякую святыню» и проникнутая «буйствомъ всеразрушающаго демократизма».

Ни одного изъ современныхъ поэтовъ Жуковскій не находитъ возможнымъ рекомендовать въ «товарищи жизни» на ряду съ Гомеромъ, Данте, Шекспиромъ, Мильтономъ и греческими трагиками. Когда-то онъ съ энтузіазмомъ относился къ Гейне, но теперь и этотъ величайшій изъ современныхъ ему германскихъ поэтовъ сдѣлался въ его глазахъ «хулителемъ всякой святыни», «собирателемъ и провозгласителемъ всего низкаго, отвратительнаго и развратнаго», «темнымъ демономъ, насмѣшливо являющимся въ образѣ свѣтломъ, чтобы прелестію красоты заманить насъ въ свою грязную бездну». Даже Байронъ, этотъ «духъ отрицанія, гордости и презрѣнія», симпатичнѣе Жуковскому, чѣмъ Гейне, потому что, несмотря «на губительную силу его поэзіи, влекущую въ бездну сатанинскаго паденія», онъ не «подвергаетъ въ безнадежность сердце, не волнуетъ чувственность». Идеалъ поэта и писателя воплощается для Жуковскаго въ лицѣ Вальтера-Скотта и Карамзина. Вальтеръ-Скоттъ поэтъ въ прямомъ смыслѣ этого слова и будетъ жить во всѣ времена «благотворителемъ души человѣческой», потому что, имѣя «въ душѣ идеалъ прекраснаго, любовь къ добру и вѣру въ Бога», онъ коснулся всѣхъ сторонъ жизни и человѣка, отъ самыхъ возвышенныхъ и божественныхъ до самыхъ низкихъ и безобразныхъ, но «нигдѣ не оскорбилъ красоты». Карамзинъ также прошелъ по землѣ «ангеломъ свѣта» и въ своей исторіи оставилъ отечеству «вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь ко благу и правдѣ, на благоговѣніе передъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ». Съ высоты такого идеала Жуковскій подвергаетъ рѣзкому осужденію не только иностранную, но и русскую литературу. «Теперешняя русская литература,—пишетъ онъ декабристу фанъ-деръ-Бриггену,—то же, что всѣ почти иностранныя литературы, съ тою только разницею, что состояніе нѣмецкой и французской литературы есть паденіе съ высоты, а у насъ просто паденіе. Ибо наша литература не черезъ святилище науки перешла на базаръ торгашей; а прискакала туда прямо проселочною дорогою и носитъ по толкучему рынку свое тряпье, которое съ смѣшною самоувѣренностью выдаетъ за цѣнный товаръ, не имѣя втайнѣ иного намѣренія, какъ только сбыть его подороже съ рукъ». Неодобреніе Жуковскаго не останавливается даже передъ величайшими созданіями Пушкина и Лермонтова. «Избавьте насъ,—пишетъ онъ графу Соллогубу,—отъ противныхъ *Героевъ нашего времени*, отъ *Онѣгиныхъ* и прочихъ многихъ, имъ подобныхъ... которые всѣ суть не иное что, какъ бѣсы, вылетѣвшіе изъ грязной лужи нашего времени, начавшіеся въ утробѣ Вертера и расплодившіеся отъ Донъ-Жуана и прочихъ героевъ Байрона». Для того, чтобы «совершить назначеніе поэта», по мнѣнію Жуковскаго, «нужно съ презрѣніемъ» оттолкнуть отъ себя «тенденціи, оскверняющія поэзію», и слу-

жить не матеріальной чувственности, а «высшей правдѣ». Такой совѣтъ онъ даетъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей смерти Аполлону Майкову.

Идеи и взгляды, выраженные Жуковскимъ въ послѣднее десятилѣтіе его жизни, дали Шелгунову поводъ заявить, что «изъ невиннаго романтика подъ старость вышелъ скучный и назойливый ретроградъ». Но было бы большой несправедливостью по отношенію къ Жуковскому принять это мнѣніе безъ существенныхъ оговорокъ и ограниченій. Этотъ «ретроградъ» понимаетъ истинныя причины революціи въ Германіи, онъ понимаетъ, что «государи Германіи остались въ долгу у своихъ народовъ», и что «безпрестанное пренебреженіе вѣчныхъ правилъ правительствами произвело, наконецъ, германскую революцію». Ругая дѣятелей революціи, онъ въ то же время сознаетъ невозможность возвратиться къ прежнимъ порядкамъ и даже пользуется послѣднимъ урокомъ исторіи для того, чтобы внести существенное разъясненіе въ свою «горную философію». «Революція,—пишетъ Жуковскій великому князю Константину Николаевичу,—есть безумно-губительное усиліе перескочить изъ понедѣльника прямо въ среду. Но и усиліе перескочить изъ понедѣльника назадъ въ воскресенье столь же напрасно и столь же можетъ быть губительно. Одно есть революція *впередъ*, другое—революція *назадъ*». Золотою же срединою между этими противоположными крайностями Жуковскій провозглашаетъ «*реформу* во время.., по закону вѣчной правды».

Это не единственное заявленіе Жуковскаго, не позволяющее считать его ретроградомъ и даже узкимъ консерваторомъ. По его мнѣнію, «одинъ строгій порядокъ, вслѣдствіе коего все на своемъ мѣстѣ, еще не составляетъ благоденствія общественнаго... При порядкѣ должна быть жизнь. Порядокъ есть и на кладбищѣ, и тамъ ничто его не нарушаетъ, но это порядокъ гробовъ. Чтобы было въ государствѣ благоденствіе, необходимо нужно, чтобы все, что составляетъ жизнь души человѣческой, цвѣло безъ всякаго утѣсненія... Движеніе—святое дѣло: все въ Божіемъ мірѣ развивается, идетъ впередъ и не можетъ и не должно стоять. Неподвижность есть смерть непримѣтная, тихая, но все же смерть, производящая только гниль. Движеніе, развитіе порядка, постоянное, мирное, безъ потрясеній, но безпрестанное, есть жизнь». Этому закону движенія, по мнѣнію Жуковскаго, должны подчиняться даже тѣ основныя силы, которыя «властвуютъ судьбою Россіи», то есть—*самодержавіе* и *церковь*.

Такимъ образомъ, февральская революція не только не сдѣлала Жуковскаго ретроградомъ, по крайней мѣрѣ въ вопросахъ внутренней политики Россія, но даже еще болѣе укрѣпила его прежнее убѣжденіе въ необходимости развитія и движенія впередъ, а не назадъ *). Только

*) Отмѣтимъ также, что до февральской революціи Жуковскій написалъ слѣ-

во взглядахъ Жуковскаго на взаимныя отношенія Россіи и Западной Европы произошла существенная перемѣна подъ впечатлѣніями заграничной жизни и подъ вліяніемъ И. Кирѣевскаго и Хомякова, которыхъ онъ цѣнилъ очень высоко. Еще въ 1841 году Жуковскій съ благоговѣніемъ относится къ Петру Великому, какъ представителю «зиждущей силы», вспахавшему «дикую почву Россіи» и засѣявшему ее сѣменами, которыя дали «богатую жатву для его потомковъ». А въ 1848 году, послѣ февральской революціи, тотъ же Жуковскій пишетъ цесаревичу о «насиліи, которое сдѣлала намъ могучая рука Петра, бросившая насъ на дорогу, намъ чуждую». Славянофильская идея о самобытности Россіи отнынѣ дѣлается любимою мыслью Жуковскаго. Россія представляетъ «отдѣльный, самобытный міръ», пишетъ онъ цесаревичу, и въ этой самобытности ея сила и значеніе. «Ходъ Россіи не есть ходъ Европы, а долженъ быть ея собственный; это говоритъ намъ вся наша исторія... Мы можемъ обойтись безъ Европы... Мы заняли образованіе у Европы и употребимъ его по своему и для себя... Мы будемъ ни Азія, ни Европа, мы будемъ Россія, самобытная, могучая Россія».— Въ своемъ нерасположеніи къ революціонной Европѣ Жуковскій доходитъ даже до заявленія, что «Россія... будетъ вдвое сильнѣе, когда все свое могущество устремитъ на свою внутренность, отгородивъ китайскою стѣною себя отъ заразы внѣшней». Но и славянофиломъ Жуковскій сдѣлался только отчасти, а не всецѣло. Такъ, напримѣръ, онъ не преклонился, подобно славянофиламъ, передъ народной вѣрой. Въ этомъ отношеніи крайне интересно письмо Жуковскаго своему духовнику о. Базарову. «Въ Германіи—говоритъ Жуковскій,—отъ самотолкованія произошло безвѣріе; у насъ отъ нетолкованія происходитъ мертвая вѣра, почти то же что безвѣріе. И едва ли мертвая вѣра не хуже самого безвѣрія. Безвѣріе есть бѣшеный, живой врагъ; онъ дерется, но его можно одолѣть и побѣдить убѣжденіемъ. Мертвая вѣра есть трупъ. Что можно сдѣлать изъ трупа?»

X.

Жуковскій занимаетъ почетное мѣсто въ исторіи русской литературы и считается однимъ изъ лучшихъ русскихъ поэтовъ не столько за свои оригинальныя произведенія, сколько за переводы. Да и самъ онъ не претендовалъ на имя оригинальнаго поэта и считалъ себя

дующія мысли о свободѣ: «Быть рабомъ есть несчастіе, происходящее отъ обстоятельствъ; любить рабство есть низость; не быть способнымъ къ свободѣ есть испорченность, произведенная рабствомъ. Государь—въ высокомъ смыслѣ сего слова, отецъ подданныхъ—также не можетъ любить рабство своего народа и желать продолженія его, какъ отецъ не можетъ любоваться низостью своихъ дѣтей». Послѣ же революціи онъ писалъ цесаревичу, что хотя въ Россіи и «есть искуственные пролетаріи, но правительство, которое само произвело ихъ, можетъ легко ихъ и уничтожить».

только переводчикомъ. Но переводчикъ онъ былъ необычный. «Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ—соперникъ», писалъ Жуковскій еще въ 1809 году. Переводчикъ по его мнѣнію, уступаетъ оригинальному поэту «пальму изобрѣтательности», но съ своей стороны необходимо долженъ имѣть «почти одинакое съ нимъ воображеніе, одинаковое искусство слога, одинакую силу въ умѣ и чувствахъ». Мало того. Переводчикъ долженъ воспринять идеалъ оригинальнаго поэта и «преобразить его въ созданіе собственнаго воображенія». Такимъ переводчикомъ-соперникомъ Жуковскій и старался быть въ теченіе всей своей литературной дѣятельности. Еще Бѣлинскій замѣтилъ, что Жуковскій «переводилъ особенно хорошо то, что гармонировало съ внутренней настроенностью его духа, и въ этомъ отношеніи бралъ свое вездѣ, гдѣ только находилъ его». Но далеко не всегда оказывалась *полная* гармонія въ настроеніи Жуковскаго и выбраннаго имъ для перевода образца. Тогда являлись на сцену отступленія отъ оригинала, отступленія, которыми или ослаблялся, или усиливался духъ подлинника, причемъ Жуковскій не останавливался ни передъ какими купюрами и вставками. Такой передѣлкѣ подвергались не только лирическія пьесы, которыя Жуковскій обыкновенно называлъ «подражаніями», но и эпическія и даже драматическія произведенія. Существенныя отступленія отъ подлинника встрѣчаются даже въ такихъ переводахъ, которые считаются шедеврами Жуковскаго и лучшими перлами переводной литературы, напримѣръ, въ «Орлеанской дѣвѣ», въ «Шильонскомъ узникѣ», въ балладахъ Шиллера, не говоря уже о такихъ передѣлкахъ подлинника и о такихъ подражаніяхъ, какъ «Камоэнсъ», «Рустемъ и Зорабъ», «Наль и Дамаянти». Даже переводъ «Одиссеи», несмотря на старанія переводчика «наблюдать не только вѣрность *поэтическую*, но и вѣрность *буквальную*», не остался чуждъ субъективной окраски, вслѣдствіе чего пострадали наивность и простодушіе гомеровскаго эпоса. А сколько у Жуковскаго заимствованныхъ сюжетовъ и такихъ произведеній, которыя въ собраніяхъ сочиненій выдаются за оригинальныя, хотя на самомъ дѣлѣ представляютъ или переводъ, или передѣлку иностранныхъ подлинниковъ! *)

Всѣ эти передѣлки, смягченія и поправки не могли не отразиться иногда довольно сильно на достоинствѣ переводовъ, изъ которыхъ одни слабѣе подлинниковъ, а другіе, наоборотъ, не только не уступаютъ имъ, но даже превосходятъ иностранные образцы силою выраженія и художественностью языка. Но какъ ни различны достоинства переводовъ и передѣлокъ Жуковскаго, всѣ они въ такой же мѣрѣ, какъ и

---

*) Даже въ прозаическіе переводы, печатавшіеся въ «Вѣстникѣ Европы», вопреки заявленію: «переводчикъ въ прозѣ есть рабъ». Жуковскій, по свидѣтельству Тихонравова, «вставляетъ нерѣдко по нѣскольку строкъ, выражающихъ его собственныя мысли, чувства, впечатлѣнія».

оригинальныя его произведенія, отражаютъ душевное настроеніе поэта, который имѣлъ полное право въ концѣ своей жизни сказать: «у меня почти все чужое или по поводу чужого — и, однако, все мое». Въ настроеніи же нашего поэта особенно рѣзко выдѣлялись такіе элементы; какъ мечтательность, любовь къ фантастическому и таинственному, меланхолія, недовольство конечнымъ *здѣсь* и тяготѣніе къ безконечному *тамъ*. Эти романтическіе элементы, въ значительной степени унаслѣдованные отъ матери, съ теченіемъ времени еще болѣе усилились въ Жуковскомъ подъ вліяніемъ несчастной любви и потери лучшихъ друзей.

Съ такимъ душевнымъ настроеніемъ Жуковскій не могъ удовлетвориться вполнѣ ни французскимъ классицизмомъ, отъ котораго онъ впрочемъ, освободился не сразу, ни сентиментализмомъ, которому онъ заплатилъ на первыхъ порахъ обильную дань. Наиболѣе родственные для него мотивы оказались въ нѣмецкой и отчасти въ англійской поэзіи романтизма, и Жуковскій сдѣлался, по собственному его выраженію, «родителемъ на Руси нѣмецкаго романтизма и поэтическимъ дядькой чертей и вѣдьмъ англійскихъ». Начавши съ романтическихъ произведеній Бюргера, Шиллера и Гёте, онъ скоро дошелъ и до настоящихъ романтиковъ, но поэты нѣмецкаго романтизма въ тѣсномъ смыслѣ этого слова (Тикъ, Новалисъ, Гофманъ и др.) по духу и содержанію своихъ произведеній не оказались для него такими близкими, какъ Шиллеръ, Уландъ и Гебель. Изъ наиболѣе типичныхъ произведеній нѣмецкаго романтизма Жуковскій усвоилъ русской литературѣ всего одну «Ундину» Ламотъ Фуке, но зато въ поэтической передѣлкѣ, далеко превышающей своими достоинствами подлинникъ, написанный прозой. Еще менѣе родственныхъ мотивовъ нашелъ Жуковскій въ англійской литературѣ, изъ которой онъ взялъ одну поэму Байрона, отрывокъ изъ-поэмы Мура и нѣсколько балладъ В. Скотта, Соути и др. Что касается французскаго романтизма, то онъ остался совершенно чуждымъ для нашего поэта.

Но хотя романтическое движеніе даже въ одной нѣмецкой литературѣ было усвоено Жуковскимъ только отчасти, все-таки внесенные имъ въ русскую литературу романтическіе элементы сыграли выдающуюся роль. Уже первыя переводныя и оригинальныя баллады Жуковскаго оказались для современниковъ «новымъ словомъ», которое жадно было воспринято одними и встрѣтило рѣзкое неодобреніе другихъ. «Одни,—по словамъ Бѣлинскаго, — видѣли въ его поэзіи новый міръ, и жизнь души и сердца и таинство поэзіи; другіе—талантливаго стихотворца, увлекающагося подражаніемъ уродливымъ образцамъ эстетическаго безвкусія нѣмцевъ и англичанъ». Съ одной стороны, «Людмила» и «Свѣтлана» вызвали цѣлый рядъ подражаній, такъ что, по ироническому выраженію Надеждина, «фантазія переселилась на кладбище, мертвецы и вѣдьмы потянулись страшною вереницею и литература наша огласилась дикими завываніями»; съ другой стороны, на-

водненіе русской литературы балладами вызвало рѣзкіе протесты противъ новаго направленія. Уже въ 1815 году князь Шаховской и Загоскинъ выступили въ своихъ комедіяхъ противъ «моднаго рода балладъ», причемъ первый не остановился даже передъ осмѣяніемъ заодно и лирики Жуковскаго. Въ слѣдующемъ году Гнѣдичъ, разбирая балладу Катенина «Ольга», пришелъ въ ужасъ при мысли о томъ, до какихъ крайностей могутъ дойти рьяные подражатели Жуковскаго. «Какой рядъ предвижу я убійцъ и мертвецовъ, удавленниковъ и утопленниковъ!—писалъ онъ.—Кто исчислитъ всѣ вымыслы творцовъ, для которыхъ нѣтъ ничего *невозможнаго*, нѣтъ ничего *невѣроятнаго*, нѣтъ ничего *низкаго!*» Вслѣдъ за Гнѣдичемъ выступилъ Мерзляковъ, бывшій другъ Жуковскаго, и также подвергъ баллады рѣзкому осужденію съ точки зрѣнія ложно-классической теоріи. Онъ не находилъ также въ балладахъ «ни вѣроятія въ содержаніи, ни начала, ни конца, ни цѣли, ни худой, ни доброй». Критикѣ подвергались не только новый «духъ», смѣшивавшій «всѣ правила піитики», не только обиліе фантастики, но даже языкъ. Такъ, Мерзляковъ на лекціяхъ приводилъ стихи Жуковскаго «въ примѣръ галиматьи», а одинъ изъ критиковъ имѣлъ даже храбрость поставить балладу «Рыбакъ» въ отношеніи языка *ниже* «Телемахиды» Тредьяковскаго. Даже друзья поэта, тѣ самые «арзамасцы», которые носили шутливыя прозвища, заимствованныя изъ его балладъ, возстали противъ увлеченія романтизмомъ. Предложеніе Жуковскаго выпускать ежегодно по книжкѣ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ переводовъ не было принято членами «Арзамаса», и Батюшковъ по этому поводу въ 1817 году писалъ князю Вяземскому: «Я согласенъ съ тобою на счетъ Жуковскаго. Къ чему переводы нѣмецкіе?.. У нихъ все каряченье и судороги».

Позже представители новыхъ общественныхъ и литературныхъ направленій отмѣтили въ романтизмѣ Жуковскаго еще болѣе крупные недостатки. Такими критиками, какъ Бестужевъ-Марлинскій, Полевой и, наконецъ, Бѣлинскій, были указаны въ поэзіи Жуковскаго односторонняя мечтательность, неопредѣленность, туманность, мистицизмъ, недостатокъ міровыхъ идей, отсутствіе національныхъ элементовъ, отрѣшенность отъ времени и мѣста и т. п. Наиболѣе рѣзко подчеркнулъ эти недостатки декабристъ Рылѣевъ. Возражая на мнѣніе Пушкина, что «Жуковскій имѣлъ рѣшительное вліяніе на духъ нашей словесности», Рылѣевъ въ февралѣ 1825 года написалъ слѣдующія строки: «Къ несчастью, вліяніе это было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которыя въ немъ иногда даже прелестны,—растлили многихъ и много зла надѣлали».

Но тѣ же самые критики указали и выдающіяся достоинства въ поэзіи Жуковскаго и еще при жизни поэта опредѣлили историческое значеніе его литературной дѣятельности. Несмотря на одностороннее

и неполное усвоеніе нѣмецкаго романтизма и даже идей и стремленій своего любимаго поэта Шиллера, Жуковскій все же сдѣлался, по выраженію Бѣлинскаго, «литературнымъ Колумбомъ Руси, открывшимъ ей Америку романтизма въ поэзіи». Это новое направленіе оказалось настолько своевременнымъ, живучимъ и сильнымъ, что изгнало изъ русской литературы и такъ называемый псевдо-классицизмъ и сентиментализмъ, хотя оба эти направленія въ самомъ Жуковскомъ довольно долго уживались рядомъ съ романтическими тенденціями. Пусть Жуковскій, по выраженію Полевого, успѣлъ схватить и разложить только одинъ изъ лучей западно-европейскаго романтизма—этого луча оказалось достаточнымъ, чтобы дать русской поэзіи «душу и сердце», «пробудить и воспитать чувство» и водворить его на мѣсто карамзинской «чувствительности». Пусть Жуковскій далеко не всегда увлекался лучшими иностранными произведеніями, онъ все-таки усвоилъ намъ Шиллера и положилъ начало дальнѣйшему знакомству съ нѣмецкой литературой, которая, въ свою очередь, проложила дорогу нѣмецкой философіи, сыгравшей первостепенную роль въ исторіи русскаго просвѣщенія. Хотя въ литературномъ наслѣдствіи нашего поэта найдется не мало крайне нелѣпыхъ и даже вредныхъ въ нравственномъ отношеніи произведеній, въ родѣ нѣкоторыхъ балладъ Соути, нравственное и гуманизирующее вліяніе поэзіи Жуковскаго, въ общемъ, не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Хотя въ патріотическихъ произведеніяхъ Жуковскаго и даже въ нѣкоторыхъ прославленныхъ его элегіяхъ слышатся отголоски державинскаго «паренія» и карамзинскаго риторства—это, во всякомъ случаѣ первый русскій поэтъ, поэзія котораго «вышла изъ жизни», у котораго «жизнь и поэзія—одно». Пусть, наконецъ, поэзіи Жуковскаго недостаетъ національныхъ элементовъ—во всякомъ случаѣ онъ расчистилъ дорогу и отшлифовалъ языкъ для величайшаго русскаго національнаго поэта.

Не только историческое, но и непреходящее значеніе поэзіи Жуковскаго было признано еще при жизни поэта, хотя это значеніе и было ограничено извѣстнымъ возрастомъ жизни и извѣстнымъ расположеніемъ духа. «Есть пора въ жизни человѣка,—говоритъ Бѣлинскій,—когда грудь его полна тревоги и волнуется тоскливымъ порываніемъ безъ цѣли, когда горячія желанія съ быстротой смѣняютъ одно другое, и сердце, желая многаго, не хочетъ ничего; когда опредѣленность убиваетъ мечту, удовлетвореніе подсѣкаетъ крылья желанію, когда человѣкъ любитъ весь міръ, стремится ко всему и не въ состояніи остановиться ни на чемъ; когда сердце человѣка порывисто бьется любовью къ идеалу и гордымъ презрѣніемъ къ дѣйствительности, и юная душа, расправляя мощныя крылья, радостно взвивается къ свѣтлому небу, желая забыть о существованіи земного праха... Правда, въ этой порѣ много односторонности, много ложнаго, больше фантазіи, чѣмъ сердца, и за ней непремѣнно должна слѣдовать пора горячаго и

тяжелаго разочарованія... Но эта пора юношескаго энтузіазма есть необходимый моментъ въ нравственномъ развитіи человѣка,—и кто не мечталъ, не порывался въ юности къ неопредѣленному идеалу фантастическаго совершенства, истины, блага и красоты, тотъ никогда не будетъ въ состояніи понимать поэзію—не одну только создаваемую поэтами поэзію, но и поэзію жизни; вѣчно будетъ онъ влачиться низкой душой по грязи грубыхъ потребностей тѣла и сухого, холоднаго эгоизма». Въ такую пору жизни всегда будутъ краснорѣчиво говорить душѣ и сердцу человѣка поэты «душевнаго порыва къ неопредѣленному идеалу».

Послѣ смерти Жуковскаго сдѣланы были попытки преувеличить значеніе его литературной дѣятельности и поставить его даже выше Пушкина; съ другой стороны, въ эпоху шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, къ поэзіи и даже къ личности Жуковскаго стали относиться съ преувеличенной строгостью, стали называть его «проповѣдникомъ общественнаго квіэтизма», поэтомъ томныхъ барышень и скучающихъ мужчинъ и т. д. Но всѣ эти крайнія мнѣнія, продиктованныя или обаяніемъ личности поэта или спеціальными точками зрѣнія, въ настоящее время должны быть сданы въ архивъ. Ставить Жуковскаго, какъ поэта, выше Пушкина въ настоящее время никому не придетъ въ голову. Едва ли также кто-нибудь рѣшится говорить и о «тлетворномъ вліяніи» поэтическихъ созданій того,

Кто всегда стоялъ на стражѣ
Благороднаго всего;
Кто душою чистъ и кротокъ
Полный свѣжихъ, теплыхъ силъ
И другихъ любить и вѣрить
И надѣяться училъ;
Кто изъ низменнаго міра
Заблужденья и грѣха
Уносилъ въ иное царство
Силой чуднаго стиха—
Царство мысли просвѣтленной,
Царство любящей души,
Созидающей благое
Въ поэтической тиши,—
Кто кидалъ въ родную землю
Съ вдохновеннаго пера
Сѣмена высокой правды,
Примиренья и добра *).

С. Ашевскій.

---

*) Изъ юбилейнаго (1883 г.) стихотворенія П. И. Вейнберга.

ИТА ГАЙНЕ.

Повѣсть.

Роза Бильтротъ, или просто Роза, была факторшей, и въ ея большой и пустынной, какъ сарай, комнатѣ, исполнявшей роль справочной конторы, съ утра до ночи толкалось много женскаго народа. Но мадамъ Бильтротъ рѣдко можно было застать дома. Она имѣла огромное знакомство во всѣхъ концахъ города и за день едва успѣвала побывать во всѣхъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе, что никогда не ѣздила, а для скораго передвиженія была уже не молода. Она была вдовой. Похоронивъ мужа лѣтъ тридцать тому назадъ, она, подобно большинству еврейскихъ женщинъ, не пожелала выйти вторично замужъ, хотя охотниковъ на нее было не мало.

Вся же ея работа и хлопоты предназначались для единственной дочери, бывшей замужемъ за чахоточнымъ столяромъ, и заработки цѣликомъ уходили на леченіе, на докторовъ и поддержаніе его здоровья. Факторшей она сдѣлалась лѣтъ десять тому назадъ, унаслѣдовавъ это занятіе отъ старшей сестры, умершей неожиданно для всѣхъ, внезапно, хотя по внѣшности должна была прожить не менѣе сотни лѣтъ.

Бильтротъ, познавшая послѣ смерти мужа рядъ тяжелыхъ, голодныхъ годовъ, быстро утѣшилась въ смерти сестры и съ жаромъ принялась за дѣло. Сначала оно не пошло, но она не упала духомъ и такъ долго била въ одну точку, пока не поставила дѣло на ноги. Понемногу она втянулась въ работу, значительно расширила кругъ знакомствъ и въ послѣдніе годы уже такъ прочно стояла, что была незамѣнима въ самыхъ лучшихъ домахъ, и съ ней охотнѣе предпочитали входить въ сношенія, чѣмъ со многими справочными конторами. Въ самое горячее время, когда требованіе на кормилицъ случалось огромное, Роза никогда не бывала въ затрудненіи, и въ то время, когда во всѣхъ родильныхъ пріютахъ и конторахъ медлили и затягивали присылку женщинъ, она поставляла ихъ такъ же свободно и легко, какъ

обыкновенно. Весною она бывала особенно незамѣнима поставкой женской прислуги, такъ какъ, чѣмъ ближе шло къ лѣту, дѣвушки и женщины разъѣзжались массами, накопивъ денегъ за зимнюю работу. Словомъ, Роза зарекомендовала себя большимъ талантомъ, считалась знаменитостью во многихъ кругахъ общества и пользовалась большимъ уваженіемъ въ средѣ наемницъ.

Какъ было сказано, всѣ заработки ея уходили въ бездонное мѣсто, и, будучи сама не жадной и равнодушной къ удобствамъ существованія, она жила странной, запущенной жизнью. Она занимала огромную, годную подъ танцклассъ, комнату, въ которой стояла большая русская печь, впрочемъ, никогда не топившаяся, широкая деревянная кровать, едва прикрытая короткимъ, грязнымъ одѣяломъ, столъ и нѣсколько длинныхъ скамеекъ, поставленныхъ, главнымъ образомъ, для ожидавшихъ женщинъ. Но такъ какъ женщинъ всегда было много, то часть изъ нихъ стояла у стѣнъ, другія, съ грудными дѣтьми на рукахъ, сиживали просто на полу, и этотъ безпорядокъ и тѣснота не только не мѣшали Розѣ, но были ей пріятны. Даже адскій шумъ въ этой комнатѣ, изъ-за котораго почти невозможно было понять другъ друга, былъ ей милъ, и она особенно прекрасно себя чувствовала, когда ей приходилось надрываться, чтобы быть услышанной. Уходила она съ ранняго утра, но каждые два часа регулярно возвращалась на нѣсколько минутъ, чтобы захватить съ собою новую партію женщинъ, съ которыми опять отправлялась, оживленно разговаривая и объясняя то по-русски, то по-еврейски, по-малороссійски и даже по-польски, какъ вести и держать себя съ нанимателями. По отбытіи партіи, ряды наемницъ смыкались, женщины перемѣнялись мѣстами, и гулъ отъ разговоровъ и криковъ дѣтей перемѣщался отъ одной группы къ другой. На смѣну ушедшимъ появлялись новыя, и шумъ не прекращался ни на минуту. Говорили здѣсь громко, заглушая, но понимая другъ друга, и, не взирая на плачъ грудныхъ дѣтей, ссорились и мирились, утоляли на ходу голодъ бубликами или хлѣбомъ, жажду—прямо изъ крана, находившагося тутъ же подъ рукой, вновь суетились, ругались, спорили, полоскали дѣтское бѣлье, заметали комнату, и каждая вела себя такъ, какъ будто она была единственной хозяйкой квартиры, а всѣ остальныя—пріятные или непріятные гости. Въ такой суетѣ день проходилъ незамѣтно и быстро, дѣло дѣлалось своимъ порядкомъ, сколько его положено было для дня, и слѣдующій день уже не приносилъ ничего новаго. Городская волна мѣрно продолжала то поглощать, то выбрасывать опредѣленное количество наемницъ, и та часть, что вчера работала въ западной части города, завтра была уже въ сѣверной, и такъ колесо это безостановочно крутилось изо

дня въ день, со своими спицами то вверху, то внизу, принося относительно равную степень удовлетворенія и недовольства и тѣмъ, которые требовали, и тѣмъ, которыя предлагали.

Въ одно холодное зимнее утро, такое холодное, что воробьи и голуби замерзали на улицахъ, а въ разныхъ концахъ города горѣли костры, разложенные, чтобы народъ имѣлъ возможность обогрѣться, Ита Гайне вошла въ квартиру факторши.

Народу у Розы было еще немного. Возлѣ топившейся печурки сидѣло нѣсколько женщинъ и занимались важнымъ дѣломъ. Испекши въ горячей золѣ картофель, онѣ теперь вынимали его, дули изо всѣхъ силъ на обожженные пальцы, ломали картофель и осторожно ѣли. Въ комнатѣ былъ удушливо сухой воздухъ, испорченный угаромъ, шедшимъ отъ раскалившагося чугуна. Съ правой стороны у стѣны на полу лежали грудныя дѣти и сладко спали. Сама Вильтротъ сидѣла на своей обширной, какъ вагонъ, кровати и пила чай. При входѣ Гайне, всѣ въ комнатѣ оглянулись на нее, чтобы встрѣтить восклицаніемъ, но такъ какъ она оказалась никому не знакомой, то, переставъ ѣсть и разговаривать, смотрѣли на нее съ любопытствомъ. Роза немедленно позаботилась о порядкѣ.

— Не стой же на порогѣ и закрой дверь. Теперь, слава Богу, не лѣто.

— Это вы факторша?—спросила Гайне, исполнивъ безпрекословно приказаніе.

— Я факторша,—что ты хотѣла?

Итѣ вдругъ захотѣлось заплакать, такъ ей сдѣлалось завидно теплотѣ и тому, что женщины ѣли горячій картофель. Давно уже она у себя не видѣла такого довольства.

— Что же тебѣ нужно отъ меня?—повторила Роза, подозрѣвая въ Итѣ одну изъ нищенокъ, знавшихъ къ ней отлично дорогу.

Что ей нужно? Когда приходишь съ ребенкомъ въ такую погоду къ факторшѣ, то, конечно, не для того, чтобы сказать: здравствуйте. Не Богъ вѣсть какая загадка, что ей нужно.

Ребенокъ подъ шалью и тряпками началъ кричать и прервалъ ея отвѣтъ. Онъ кричалъ по своему обыкновенію неистово, совсѣмъ не подозрѣвая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и, ища съ закрытыми глазами грудь, нетерпѣливо и капризно дергалъ ручонками и ножками. Но такъ какъ при входѣ Ита отняла его отъ груди, то, не находя ее такъ скоро, какъ бы хотѣлъ, онъ немедленно послѣ крика поднялъ такой визгъ, что у матери отъ стыда выступили слезы на глазахъ. Роза же недвусмысленно задвигалась на своемъ мѣстѣ.

— Онъ у меня разбаловался,—съ виноватой улыбкой оправдывала мальчика Ита.— Прежде,—здѣсь она запнулась,—мужъ мой

работалъ на спичечной фабрикѣ, а я смотрѣла за хозяйствомъ. Потомъ хозяинъ фабрики обанкротился, и мужъ остался безъ работы, я же послѣ родовъ два мѣсяца болѣла и не вставала, и мы разбаловали ребенка, то-есть я разбаловала. Первыхъ дѣтей вѣдь любишь, какъ жизнь,—опять извинилась она.—Вотъ я его сейчасъ успокою.

Она ловкимъ движеніемъ разстегнулась и приложила лицо мальчика къ своей груди. Мальчикъ немедленно, какъ по волшебству, успокоился, а Ита просто прибавила:

— Вотъ, видите. Это всегда такъ у меня съ нимъ. Онъ бы, кажется, спалъ въ молокѣ, такъ оно ему пріятно.—Она добродушно улыбнулась, погладила ручку ребенка, лежавшую на груди, развязала шаль и поискала глазами мѣсто, чтобы присѣсть. Розѣ сразу понравилось чрезвычайно симпатичное лицо и спокойная дѣловитость этой молоденькой еще женщины. Она усадила ее подлѣ себя и мелькомъ осмотрѣла ребенка.

— Онъ у тебя первый?—спросила она.—Какъ тебя зовутъ?

— Ита.

— Ита? Хорошо. Совсѣмъ не звучитъ по-еврейски. Теперь не въ модѣ еврейскія имена, и изъ-за этого могутъ и не принять. Даже себя—а на что я ужъ стара и не нуждаюсь,—я прозвала Розой, хотя зовутъ меня Рейзи. Нашимъ дамамъ не нравятся еврейскія имена. Оставимъ это. Ты хочешь въ городѣ наняться или можешь поѣхать, если случится?

— Я лучше бы хотѣла здѣсь. У меня... мужъ.

— Ты вѣнчалась?

Ита покраснѣла и ничего не отвѣтила.

— М.. м... протянула Роза,—значитъ такъ, какъ Богъ не велѣлъ?

Ита наклонила голову и упрямо уставилась глазами въ уголъ, будто она тамъ увидѣла что-то очень интересное.

— Ты говоришь, что ребенокъ у тебя первый? Лучше, если бы былъ второй. Какъ у тебя молоко?

— У меня хорошее молоко. Посмотрите только на мальчика. Такое уже хорошее молоко у меня, я и не знаю почему. Сама вѣдь почти ничего не ѣмъ, а ребенокъ вотъ.

Она быстро освободила мальчика отъ тряпокъ, въ которыя тотъ былъ завернутъ, и Роза, взглянувъ на него, ахнула отъ восторга. Прижавшись къ груди, такъ что виднѣлся одинъ только розовенькій въ складочкахъ затылокъ, онъ извивался, какъ гутаперчевый, пока Роза съ восхищеніемъ ощупывала его животикъ и взвѣшивала на рукахъ пухлыя ручки и ножки. Онъ былъ весь розоватый, безъ малѣйшаго пятнышка на тѣлѣ, весь въ ямочкахъ, складочкахъ, тепленькій и гладенькій, какъ маленькій

котеночекъ. Роза не могла оторваться отъ него и щипала, и гладила мальчика своей морщинистой рукой, приговаривая со смѣхомъ:

— Гдѣ ты его взяла такого?. Навѣрно ты его украла у богатыхъ людей. Признавайся-ка.

Ита отъ радости начала смѣяться, и лицо ея опять сдѣлалось добродушнымъ.

— Я вѣдь говорю вамъ, что молоко у меня такое. Такое ужъ молоко, и ничего съ этимъ не подѣлаешь. А сколько его у меня, что я бы, кажется, взрослаго накормила, если бы хоть немного наѣлась.

Она быстро завернула ребенка, но такъ внимательно и осторожно, что мальчикъ даже не пошевельнулся.

— Ну, хорошо,—произнесла, наконецъ Роза, послѣ нѣкотораго раздумья,—я тебя уже пристрою. Ты сиди здѣсь, а я пойду. Много мнѣ выходить нужно сегодня.

Въ комнатѣ говорили громко, но не очень шумѣли, воздерживаясь все-таки при Розѣ, которой отчасти побаивались. Наемницы понемногу прибывали. Женщины, дѣвушки, подростки сидѣли и стояли группами. Нѣкоторыя еще завтракали. Какая то горбатенькая старушка, долго уже поджидавшая мѣста няни, прилежно и съ изумительной ловкостью подметала комнату, врѣзываясь, какъ волчокъ, въ каждое свободное отъ ногъ мѣстечко. Три старыя женщины, очень полныя, съ лоснящимися потными лицами, съ искривленными и какъ бы разбухшими отъ ревматизма пальцами, не отходили отъ печурки и хотя уже разстегнули кофты, все сидѣли и грѣлись, упиваясь теплотой. Два подростка, дѣвушки лѣтъ по 14, въ грязныхъ юбкахъ, которыя онѣ, сидя на подоконникѣ, почему-то постоянно приподнимали, давая видѣть худыя и тоже грязныя ноги, подмигивали другъ дружкѣ на старухъ, и громко смѣялись, выбрасывая визгливый, короткій хохотъ такъ, точно въ ихъ горлѣ помимо собственной воли что то взрывалось. У нихъ были наглыя, циничныя лица, и все въ нихъ говорило, что суровая школа жизни не прошла для каждой даромъ. Въ самомъ дальнемъ углу тощая старуха съ непомѣрно длиннымъ и толстымъ горломъ и богобоязненнымъ лицомъ громко разсказывала сосѣдкѣ своей о новомъ чудесномъ лекарствѣ, которымъ она теперь только и спасала себя отъ удушья.

— Мрамеромъ, мать моя, и спасаюсь. Натолку его немножко, выпью, и какъ рукой сниметъ. Съ мрамерщикомъ, что монументы дѣлаетъ, познакомилась, и у него достаю я камень-то. Я безъ мрамера теперь и въ комнатѣ не переночую.

— Каменное леченіе!—колыхалась сосѣдка отъ изумленія. Ахъ ты, Боже мой, дѣла какія бываютъ. Мрамеромъ? Въ самдѣлѣ мрамеромъ?

Ита понемногу освоивалась. Съ ней заговорила еврейка и переманила ее къ себѣ. Ребенокъ тихо спалъ, и потяжелѣлъ для рукъ. Роза уже кончила приготовленія къ выходу и, отобравъ нѣсколько женщинъ, ушла съ ними. Сразу сдѣлалось значительно шумнѣе. Стекла въ дверяхъ и окнахъ оттаяли наконецъ, и казались нарочно забрызганными мутной жидкостью, а виднѣвшійся снѣгъ вырисовывался темнымъ и грязноватымъ. Мелькали неправильныя фигуры людей, ходившихъ по двору.

Ита уже сидѣла возлѣ новой сосѣдки, обязательно осмотрѣвшей ея ребенка.

— Вы тоже ищете мѣста?—спросила у нея Ита, переложивъ мальчика на другую руку.

Сосѣдка оказалась дѣвушкой, искавшей мѣста служанки.

— Да, давно уже,—отвѣтила та и прибавила чрезвычайно просто:—у меня недостатокъ, и это мѣшаетъ.

Гайне только теперь обратила вниманіе на то, что у дѣвушки время отъ времени вырвался легкій крикъ, точно отъ испуга, и что она старалась заглушить его, закрывая ротъ рукой.

— Откуда это у васъ?—съ участіемъ спросила Ита, но невольно отодвигаясь.

— Вы не бойтесь,—сказала та, замѣтивъ движеніе Иты,—у меня не черная болѣзнь.

— Я и не боюсь,—улыбнулась Гайне, придвинувшись.

— Другимъ это непріятно, но что же дѣлать? Это вѣдь не отъ рожденія, а отъ испуга. Я служила въ гостинницѣ нумеранткой, и мнѣ было недурно. Но случился одинъ пріѣзжій... И когда я какъ-то утромъ убирала его комнату, онъ бросился на меня, а я такъ испугалась, что не могла крикнуть..... Потомъ это сдѣлалось у меня. Теперь уже какъ будто меньше. Доктора говорили, что это пройдетъ, и я отдала имъ понемногу всѣ деньги, что имѣла,—но еще не прошло. У нихъ вѣдь все проходитъ.

Она подавленно пискнула два, три раза, но вдругъ не выдержала и рѣзко вскрикнула.

— Вотъ видите,—произнесла она, успокоившись,—развѣ меня возможно держать въ домѣ?

Ита сочувственно посмотрѣла на нее и спросила:

— Вы такъ и оставили дѣло?

— Что же я могла сдѣлать? Я вѣдь дурой была. Пріѣзжій уѣхалъ, а я забеременѣла.

— Забеременѣли?—переспросила Ита.—Ахъ вы бѣдная!

— Конечно, забеременѣла. Потомъ, когда родила, я завернула ребенка, не знаю мальчика или дѣвочку, и гдѣ-то подбросила его.

Она разсказывала спокойно, точно говорила о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Потомъ она задумалась и прибавила:

— Вѣроятно, ребенка подобрали еще живымъ, такъ какъ это случилось лѣтомъ. Но лучше бы онъ умеръ.

Ита съ возраставшимъ страхомъ слушала ее. Жестокость большого города какъ бы вплотную придвигалась къ ней и показывалась тѣми грозными сторонами своими, о которыхъ она, выросшая въ маленькомъ городишкѣ, и не подозрѣвала.

— Гдѣ же вы теперь живете?—тихо спросила она, чувствуя все больше и больше симпатіи къ дѣвушкѣ.

— Гдѣ придется. Вѣдь я всѣхъ безпокою. Вотъ, Богъ дастъ, выздоровѣю, и тогда все поправится. А не выздоровѣю, то уже знаю, что сдѣлаю.

Она произнесла это такимъ мрачнымъ голосомъ, что Ита вздрогнула.

— Что вы сдѣлаете?—шопотомъ спросила она.

— Проституткой стану, — попрежнему просто отвѣтила дѣвушка и внимательно посмотрѣла Итѣ въ глаза.—Хоть забудусь отъ горя,—я вѣдь даромъ пропала.

Въ разныхъ углахъ слышались крики и плачъ просыпавшихся дѣтей. Кормилицы съ трудомъ отрывались отъ разговоровъ и ворчливо вставали. Какая-то худая еврейка, со скверными глазами и сиплымъ голосомъ, уже била малютку, испачкавшаго пеленки. Она била съ наслажденіемъ и точно отчеканивала удары; изъ того же мѣста возвращались тончайшіе и колющіе, какъ иглы, крики.

Дѣвушка равнодушно слушала и вдругъ шепнула Итѣ:

— Въ моемъ городѣ меня женихъ ждетъ. И онъ ничего не знаетъ. Что говорите? А я изъ желѣза, теперь изъ желѣза. Еще въ прошломъ году онъ отъ солдатчины освободился и ждетъ меня. Нарочно въ городъ поѣхала, денегъ накопить, чтобы ему помочь. Понимаете, непремѣнно проституткой сдѣлаюсь. Все равно теперь.

Ита дрожала отъ страха. Такой глубины паденія она еще не знала. Было и у нея много сквернаго и ужаснаго, но до такого отчаянія она еще не доходила. Сколько силъ хватало, она боролась, подлаживаясь и урѣзываясь до послѣдней степени; она вѣчно охраняла себя отъ послѣдней пропасти, откуда не могло быть возврата. Но безыскусственность и простота дѣвушки, отчего даже отталкивающее выходило какъ бы освобожденнымъ отъ грязи, поражало и плѣняло ее. Въ ея довѣрчивости она находила откликъ и своей душѣ, желавшей и жаждавшей дружбы. Какъ давитъ жизнь! Вотъ и она дожила до того, что согласилась наняться въ кормилицы. Зачѣмъ она здѣсь? Тутъ вѣдь не

скотъ продаютъ, не людей, а матерей. И ее продадутъ и оторвутъ отъ ребенка, котораго она должна будетъ бросить въ чужія руки. Какъ жизнь ужасна! Она боялась размышлять больше, чтобы не появилось желаніе убѣжать отсюда: дома было вѣдь еще хуже. Дѣвушка теперь молчала и каждый разъ боролась съ приступомъ.

— Какъ я васъ жалѣю,—шептала Ита,—какъ жалѣю...

Кормилицы уже кормили дѣтей. Онѣ собрались рядышкомъ на самой большой скамьѣ подлѣ стѣны, и лица ихъ были серьезны, какъ будто эти женщины были ученицами и ждали прихода учителя. Всѣ дѣти, точно условившись, лежали на лѣвой сторонѣ и квакали и свистѣли отъ наслажденія. Съ закрытыми глазами, въ рядъ, съ раскраснѣвшимися носами, они играли грудью, то отворачивались вдругъ отъ нея, сладко улыбаясь и потягиваясь, то опять набрасывались, производя отъ жадности звуки крѣпкихъ поцѣлуевъ. Матери, положивъ на нихъ грубыя, некрасивыя отъ работы руки, не обращали вниманія на шалости и чинно вели свои бесѣды. Потомъ всѣ, какъ бы испытавъ одно и то же чувство усталости и отвращенія, привычнымъ движеніемъ перебросили дѣтей на правую сторону, ни на минутку не прекращая своей бесѣды. Ита съ умиленіемъ смотрѣла на эту картину. Женское чувство потянуло ее къ нимъ, и, повинуясь ему, она встала и пошла къ группѣ матерей.

Три толстыя старухи, подложивъ кофты подъ головы, уже спали около остывшей печурки и громко храпѣли. Подростки щебетали о чемъ-то и, обрывая ногтями штукатурку со стѣны, бросали ею въ старухъ, а тѣ сердито ворочались и обмахивались искривленными и разбухшими пальцами, не сознавая, что̀ ихъ тревожитъ. Ита осторожно обошла старухъ и усѣлась возлѣ кормилицъ. Она была страшно угнетена, и ей уже не хотѣлось ни разговаривать, ни слушать. Мальчикъ пошевелился, и она принялась кормить его.

Время между тѣмъ не стояло. Роза явилась, выбрала кучку женщинъ и ушла съ ними. Потомъ она явилась другой разъ, еще разъ выбрала и опять ушла, оживленная и разсѣянная. Оттого, что становилось меньше людей въ комнатѣ, сдѣлалось просторнѣе и холоднѣе. Теперь Ита, при каждомъ приходѣ Розы, бросала на нее вопрошающій взглядъ, но та знаками приказывала ей ожидать. Часамъ къ тремъ она почувствовала сильный голодъ и рѣшилась съѣсть свою четвертушку черстваго хлѣба. Но когда Маня,—такъ звали больную дѣвушку, съ которой она познакомилась утромъ, — краснорѣчиво посмотрѣла на нее, она съ радостью предложила ей подѣлиться. Обѣ онѣ сѣли подлѣ печурки, и Ита рѣшилась, наконецъ, по настоянію Мани,

положить ребенка на полъ. Хлѣбъ былъ раздѣленъ пополамъ, и каждая начала не спѣша ѣсть. Постепенно онѣ опять разговорились, но на этотъ разъ шопотомъ. Въ это время вошло еще нѣсколько запоздавшихъ кормилицъ съ дѣтьми на рукахъ, а вскорѣ начали приходить тѣ, которыя по разнымъ причинамъ не успѣли пристроиться на предложенныхъ Розой мѣстахъ. Шумъ опять возобновился, и Итѣ, какъ лицу уже извѣстному, пришлось знакомиться съ новыми кормилицами.

Роза явилась въ четвертый разъ и приказала одной изъ старухъ растопить печурку. Сдѣлалось снова тепло. Дѣти проголодались и стали кричать. Возлѣ крана шла стирка пеленокъ, и кормилицы, расплескивая воду и переругиваясь откровенными словами, спѣшили скорѣе окончить работу, чтобы пеленки успѣли высохнуть, пока печурка не остыла.

Ита, увлеченная новыми знакомыми, не замѣтила, какъ вошла какая-то старуха, и обернулась только тогда, когда та громко и рѣзко прокричача:

— Вотъ, и я здѣсь, дѣти, я здѣсь, я здѣсь.

Ита шопотомъ освѣдомилась у первой сосѣдки о новопришедшей.

— Это старуха Миндель, отвѣтила та, — такой мы бы съ вами не выдумали. Можетъ быть, она полуумная. Я ее всегда боялась. Но подождите, она сейчасъ вамъ скажетъ, кто она такая.

Дѣйствительно, старуха, объявивъ, что она здѣсь, своимъ не то мужскимъ, не то женскимъ голосомъ стала возглашать.

— Кто хочетъ отдать своихъ дѣтей на выкормъ? Спѣшите, я здѣсь.

Подождавъ для формы отвѣта, она закончила такимъ страшнымъ голосомъ припѣвъ: „есть кто нибудь?“ что всѣ невольно оглянулись на нее.

Ита вздрогнула и со страхомъ схватила своего мальчика, точно старуха хотѣла отобрать его у нея.

А Миндель все ходила по комнатѣ и зорко искала, нѣтъ ли новыхъ лицъ. Вся она была чудная какая-то съ головы до ногъ. Она носила мужскіе сапоги и держала приподнятой высоко отъ полу свою толстую красную юбку, будто въ комнатѣ лежала грязь по колѣно. Сверху она носила что-то, напоминавшее шубенку, обшитую какимъ-то грязнымъ мѣхомъ, почти вездѣ вылѣзшимъ. Голова ея, повязанная косынкой, была покрыта огромной сѣрой шалью, изъ-подъ которой выглядывало плутовское желтое лицо съ отвисшей кожей и пара красныхъ, съ оттопыренными вѣками глазъ, воспаленныхъ и слезящихся.

— Кто хочетъ отдать дѣтей своихъ?—вопрошала она возлѣ каждой группы и непремѣнно уже обращалась къ ближайшей жен-

щинѣ:—вамъ не нужно? Я знаю такую женщину, что теленокъ пожелалъ бы отвѣдать у нея сосцовъ. Не нужно вамъ? Почему? Какъ это не нужно? Развѣ вы подкинете своего ребенка? Хотите я вамъ подкину его? За пять рублей сегодня же онъ будетъ подброшенъ, гдѣ вы укажете. Нѣтъ? Можетъ быть, вы хотите, чтобы не подбросить, но лишь бы вышло, будто подбросили? Я также могу. Я все могу. Въ одной деревнѣ у меня есть довольно женщинъ, которыя за 30 рублей совсѣмъ возьмутъ отъ васъ ребенка и могутъ сдѣлать, чтобы вы о немъ ничего больше не знали. Вы только скажите мнѣ. Я все могу, все, только за это нужно дать мнѣ денежки, денежки, денежки...

Она смѣясь переходила къ другимъ и опять повторяла то же, шутила, но незамѣтно ловко рекламировала себя, обѣщая сдѣлать все, что нужно человѣку въ трудную минуту. Ита прислушивалась, и сердце ея тревожно билось, когда та случайно взглядывала на нее.

— Вы безъ нея не обойдетесь,—сказала другая сосѣдка Итѣ, замѣтивъ ея волненіе, — мы всѣ безъ нея никуда не годимся, даже меньше, чѣмъ безъ Розы.

Старуха уже стояла подлѣ Иты и, спокойно отвернувъ ея шаль, разсматривала спавшаго ребенка.

— Ого,—произнесла она,—какой хорошій мальчикъ; по тебѣ нельзя было догадаться. Хорошій мальчикъ,—повторила она,—но почему ты, дура, родила такого хорошаго? Похуже тебѣ нельзя было? Кормилицѣ грѣхъ родить хорошихъ дѣтей. Нужно родить уродовъ, калѣкъ, уродовъ.

Она грубо ущипнула ребенка, и тотъ закричалъ. Ита сердито отвела ея руку.

— Не сердись, красавица. Когда нужно отрѣзать палецъ, не смотрятъ на ноготь. Тебѣ вѣдь нужно отрѣзать отъ себя мальчика. Это у тебя первый? Ага, оттого онъ и вкусненькій такой. Ты корми его поменьше. Вѣдь онъ можетъ изъ груди кровь высосать, не то что молоко. Никто у тебя не возьметъ шести рублей за такого разбойника. Пусть онъ поголодаетъ нѣсколько дней.

— Вы сумасшедшая,—разсердилась наконецъ Ита.—Заставить голодать своего ребенка! Что, что, а этого не будетъ.

— Ну, такъ заплатишь денежки,—разсмѣялась старуха,—денежки, денежки. Мы еще поговоримъ объ этомъ, я вѣдь здѣсь каждый день бываю.

Она пошла дальше, и та кормилица съ сиплымъ голосомъ, что безпощадно била утромъ своего ребенка, остановила старуху, отвела ее въ сторону и стала о чемъ-то шептаться съ ней. Ита сидѣла подъ впечатлѣніемъ словъ старухи и такъ задумалась, что

не слышала криковъ мальчика, хотя онъ бился и метался на ея рукахъ.

Между тѣмъ день угасалъ, и нужно было уходить. Многія уже одѣвались, другія съ сожалѣніемъ поднимались со своихъ мѣстъ. Старухи у печурки сидѣли и охали, жалуясь на ломоты, и не спѣша перебирали тряпье, которыми закутывали ноги до колѣнъ. Темнота густыми потоками вливалась чрезъ стекла дверей и оконъ, и углы комнаты скрылись, какъ будто ихъ никогда не было. Ита заторопилась, и Маня бросилась ей помогать. Пришла Роза. Она была страшно утомлена и дрожала отъ холода. День ея кончился, и она съ наслажденіемъ мечтала объ отдыхѣ. Ита подошла къ ней узнать, не нашлось-ли для нея чего-нибудь.

— Сегодня нѣтъ еще,—сказала она, приказавъ мимоходомъ одному изъ подростковъ растопить печурку,—да я тебя и не отдамъ такъ, куда-нибудь. У тебя такое молоко, что меньше 13—14 рублей тебѣ нельзя взять. Приходи завтра.

И она отпустила ее жестомъ, какъ повелительница. Ита была въ восторгѣ. Четырнадцать рублей, когда она не разсчитывала больше, чѣмъ на десять! Михель ея уже навѣрно будетъ доволенъ.

Она распростилась съ Розой съ очень хорошимъ чувствомъ и вышла вмѣстѣ съ Маней, которая за день привязалась къ ней, какъ собачка. За ними гурьбой вышли кормилицы, и всѣ онѣ остановились у воротъ, чтобы разспросить другъ у друга, куда кто идетъ. Кухарки, служанки и подростки, шедшія позади, сейчасъ же разошлись. Кормилицы же все стояли и торговались, кому съ кѣмъ пойти, и были похожи на стадо коровъ, лѣниво собиравшихся домой. Потомъ онѣ потихоньку разбрелись, увязая въ снѣгу и болтая, чтобы не замѣтно было разстояніе, а дѣти, лежа у теплой груди, тихо засыпали отъ качки, переставъ наконецъ ѣсть.

Ита шла съ Маней, которую она изъ жалости пригласила ночевать, а рядомъ съ ними плелась та самая кормилица съ сиплымъ голосомъ, которая вечеромъ о чемъ-то шепталась со старухой Миндель.

— Теперь,—говорила она (ее звали Цирель),—Цирель подниметъ голову. Что такое дѣти? Кому они нужны? Богачамъ. А Цирель не богачка. Вы посмотрите только на моего мальчишку. Вы боитесь, что онъ простудится? Какъ же, простудится! Онъ не такой дуракъ, хотя и худъ, какъ головная булавка. Ну что, вы видѣли еще у кого-нибудь такую дурацкую голову? Вѣдь это бочка, а не голова, а жретъ такъ, что мозгъ мой изъ костей выходитъ.

Ита хмуро молчала, а Маня, не имѣвшая припадковъ на улицѣ, сказала:

— Я бы его въ снѣгъ бросила и ушла отъ него.

— А Цирель бы не бросила?—возразила та.—Но я боюсь. Я городового хуже смерти боюсь и вотъ ношу его, проклинаю и ношу. Я боюсь это сдѣлать. А вы подумайте еще, что мнѣ никто больше 8 рублей въ мѣсяцъ платить не будетъ. Я маленькая, немолодая, и слышите, какой у меня хриплый голосъ. Какой же хорошій домъ возьметъ меня? Примутъ меня, значитъ, такіе уже бѣдняки, что больше 8 рублей не дадутъ. Дай Богъ хоть восемь. Теперь посчитайте: должна я за ребенка хоть 4 рубля въ мѣсяцъ платить, а то и пять? Наши времена новыя времена, и дешево вы ничего не достанете. А Миндель ужъ все устроитъ. Она хотѣла 20 рублей, съ меня, чтобы я о немъ ничего не знала больше, но я выработала за 15. Цирель умнѣе ее.

Ита и Маня слушали, не прерывая, и ковыляли въ снѣгу. Ночь наступала, и повсюду зажглись огни. Морозъ крѣпчалъ. По утоптанной дорогѣ мчались сани, и лошади звенѣли бубенцами. Кому было весело отъ нихъ, кому грустно. Небо же было чисто и высоко, и ничего не хотѣло знать о томъ, что внизу. И отъ него все ниже спускалась ночь, чтобы на время не было видно и не слышно, и разобрать нельзя было, кому хорошо, кому скверно.

А лошади мчались, и бубенцы звенѣли.

Цѣлая недѣля прошла безъ результатовъ. Ита правильно посѣщала Розу, сидѣла у нея до вечера и возвращалась измученная и истомленная домой, гдѣ злой, какъ звѣрь, ее поджидалъ сожитель Михель. Требованій на нее было не мало, но всѣ какъ-то разстраивались, и это отзывалось на Гайне самымъ невыгоднымъ образомъ. Каждый лишній безрезультатный день подвергалъ ее все бо̀льшей опасности быть искалѣченной или даже убитой Михелемъ, у котораго были совсѣмъ другіе, чѣмъ у Иты, виды на ея будущее. Теперь она совсѣмъ подружилась съ Маней и почти не разлучалась съ ней, счастливая, что нашла хоть одного человѣка, искренно расположеннаго къ ней. Въ своей крошечной комнаткѣ она уступила ей уголъ, и обѣ въ досужее вечернее время, когда Михель не устраивалъ скандала, засиживались до полуночи въ мечтательныхъ разговорахъ о лучшемъ будущемъ. Спавшій мальчикъ мирно лежалъ подъ родительской подушкой, маленькая лампочка посылала сквозь мутное стекло неяркій желтый свѣтъ, по стѣнамъ шуршали всегда торопливые тараканы, а бесѣда женщинъ, не спѣша, лилась непрерывной струей.

Утромъ, запасшись четвертушкой хлѣба, онѣ отправлялись къ

Розѣ и спѣшили придти пораньше, словно ихъ ожидала служба, обѣ—со смутной надеждой, что сегодняшній день принесетъ конецъ этой невыносимой жизни. На улицѣ ничто не привлекало ихъ вниманія, и когда онѣ иногда засматривались въ окна магазиновъ или на людей, сидѣвшихъ въ саняхъ, или на важно проходившихъ мимо нихъ дамъ и господъ, то все это казалось существующимъ не на самомъ дѣлѣ, а какъ необходимая обстановка улицы; единственно же реальнымъ и важнымъ были онѣ, ихъ интересы, Роза, конкурировавшія кормилицы и слуги. У Розы онѣ сидѣли рядышкомъ и съ досаднымъ чувствомъ наблюдали, какъ на ихъ глазахъ происходила смѣна женщинъ. Каждый день алчная рука города выхватывала кучу невольницъ, нужныхъ ему, и выбрасывала назадъ маленькія арміи ихъ, почему-либо не понравившихся. Наблюдая за этими смѣнами, можно было слѣдить за настроеніемъ города, которое было такъ же капризно, какъ давленіе атмосферы на ртуть барометра. Сегодня выбрасывались неспособныя, худыя, злыя, и проглатывались здоровыя, толковыя, податливыя, а завтра здоровыя и податливыя уже не годились, и какъ будто требовались капризныя, злыя, больныя. На глазахъ смѣнялись лица кормилицъ и характеры ихъ, смѣнялись, какъ волной смытыя, старухи, няни, подростки, но комната вѣчно была переполнена, и вѣчно въ ней раздавался голосъ живой жизни со всѣми ея оттѣнками: жажданіемъ и алканіемъ, порокомъ, завистью, горемъ, сплетней. Сюда приносились всѣ сенсаціонныя происшествія города, выраставшія въ чудовищныя легенды, и чѣмъ пикантнѣе и циничнѣе выходила исторія, тѣмъ больше она имѣла успѣха. Убійства и грабежи, разводъ и побои, развратъ въ самыхъ развѣтвленныхъ и утонченныхъ формахъ и мечтательные, сентиментальные любовные случаи были здѣсь въ полномъ почетѣ, и женщины отравлялись ими съ такой же жадностью, какъ въ другихъ кругахъ отравляются азартной игрой, опіумомъ или морфіемъ. Сюда приносились подробнѣйшія данныя о положеніи и состояніи нанимателей, о ихъ привычкахъ и причудахъ, о ихъ алчности, злости или добротѣ, обо всѣхъ тайнахъ и порокахъ семьи,—рѣшительно все, что отъ прислуги нельзя уберечь. Извѣстна была всѣмъ и причина отказа отъ мѣста каждой наемницы; про тѣхъ, что пристроились, разсказывались интимнѣйшія исторіи изъ ихъ жизни, и въ этомъ базарѣ, гдѣ громко и безцеремонно обсуждалось все, что выходило изъ ряда вонъ, каждая находила такую школу низменной житейской мудрости, что малѣйшій проблескъ хорошаго неминуемо погибалъ.

Вначалѣ милый и сердечный домъ этотъ вскорѣ сталъ казаться Итѣ вертепомъ, и она всѣми силами старалась убѣдить Розу поскорѣе пристроить ее. Съ невольной завистью она ви-

дѣла, какъ исчезли въ пасти города три толстыя старухи, подростки и всѣ кормилицы, которыхъ она нашла здѣсь въ первый день; даже Цирель была проглочена, а Ита все сидѣла съ новой подругой, словно никому ненужная. Въ долгіе дни этого мучительнаго сидѣнія, съ четвертушкой хлѣба въ карманѣ, купленной на деньги отъ послѣдней вещи, отданной подъ закладъ, измученная ребенкомъ, который какъ бы мстилъ ея груди, за то, что въ ней становилось все меньше молока, она постепенно, урывками, между надеждой до прихода Розы и разочарованіемъ послѣ ея ухода, разсказала Манѣ свою жизнь.

— Видите,—однажды сказала она ей,—есть люди, которымъ ни въ чемъ не везетъ, у которыхъ самое обыкновенное дѣло идетъ на выворотъ, и какъ они ни хитрятъ, ни стараются—ничего противъ своей судьбы не могутъ сдѣлать. Къ такимъ людямъ принадлежу я. Не везетъ мнѣ. Возьмите ребенка моего. Онъ здоровъ и силенъ. Но и здѣсь не повезло и вышло на выворотъ. Нужно было бы калѣку родить, и это было бы хорошо. Молоко у меня отличное, а Цирель раньше меня поступила. Даже то хорошее, что есть у меня, какъ-то для моей жизни не нужно и мѣшаетъ.

— Можетъ быть это такъ,—задумчиво возразила Маня,—но я думаю скверно вамъ отъ того, что у васъ характеръ мягкій. Намъ, чтобы какъ нибудь жить, нужно быть выкованнымъ изъ желѣза. Другого спасенія нѣтъ вѣдь.

— Я пробовала, Маня, но не выходитъ, потому что мнѣ не везетъ, я и должна была родиться со своимъ характеромъ. Какъ я замужъ вышла, напримѣръ. Моя мать перебирала людей для меня, повѣрьте, такъ же внимательно, какъ если бы нужно было ей самой выйти замужъ. Но для себя она отличнаго мужа выбрала, а какъ дошло до меня, то такъ ошиблась, что испортила навсегда мою жизнь. Я выросла въ хорошей, честной и не совсѣмъ уже бѣдной семьѣ. Отецъ и мать меня любили, жила я какъ хозяйская дочь; отецъ же до послѣдняго вздоха работалъ, чтобы мы ни въ чемъ не нуждались. Только это время и было хорошимъ въ моей жизни, но и оно не долго продолжалось, такъ какъ отецъ умеръ, когда мнѣ было 14 лѣтъ. Братъ какъ разъ ушелъ въ тотъ годъ въ солдаты, и я съ матерью однѣ остались. Плохо намъ было ужасно, но мать ни за что не хотѣла тронуть мое приданое. Такъ мы мучались, пока мнѣ не стало 18 лѣтъ. Тогда я и вышла за мужъ. Теперь я думаю, почему я вышла за него? Вѣдь я не хотѣла, и сердце меня удерживало. Но не могла я изъ жалости противъ матери пойти.

— Согласилась я и пропала, въ тотъ же день пропала, какъ только я его увидѣла. Послѣ свадьбы сейчасъ же оказалось, что мой мужъ не былъ холостымъ: жена его была жива, но убѣжала

отъ него, оставивъ ему 4-хъ дѣтей. Какъ я это выжила тогда? А триста рублей моихъ были уже въ его рукахъ. Видите, какая я счастливая,—меланхолически улыбнулась она,—не везетъ, говорю вамъ. Къ счастью, я не забеременѣла, но развязалась я съ нимъ не легкс. Я два года, живя у матери, мучилась, чтобы получить отъ него разводъ, и только судомъ добилась этого.

Ребенокъ заплакалъ. Ита встала, чтобы уложить его, и, держа мальчика на рукахъ, согнувшись вдвое, раскачивалась, и лицо у нея было кроткое, какъ у младенца.

— Какая вы милая,—воскликнула Маня.—Все это очень нехорошо, что вы говорите, и совсѣмъ не такъ нужно было поступить, но, когда я слушаю и смотрю на васъ, мнѣ начинаетъ казаться, что вы правы.

— Нельзя знать кто правъ,—отвѣтила Ита, усаживаясь,—дѣлаешь такъ, какъ можешь, а не какъ хочешь. Хорошо только тому, кому везетъ.

— Какъ же вы сошлись съ Михелемъ?

Ита не успѣла ей отвѣтить, такъ какъ Роза вернулась, чтобы выбрать партію. Кормилицы, какъ пчелы, набросились на нее и покрыли такъ, что ее стало не видно. Роза выбирала, скользя по нимъ взглядомъ. Вошла Миндель и прокричала своимъ страшнымъ голосомъ: „Я здѣсь, я здѣсь, здѣсь".

— Опять Роза не возьметъ меня, вздохнула Ита, обращаясь къ Манѣ.

— И меня тоже,—отвѣтила она, подавленно пискнувъ.

Обѣ вернулись на свое мѣсто. Къ нимъ присѣла какая-то кормилица. Она была очень полная, низенькая и когда ходила, то не видно было, какъ она двигаетъ ногами, и потому казалось, что она катится. Кормилицы прозвали ее Любочкой за сильную любовь къ своему милому.

— Вы еще не поступили на мѣсто?—съ удивленіемъ обратилась Любочка къ Итѣ. Голосъ у нея былъ слâденькій до приторности.—Ахъ, какой у васъ красивый ребенокъ! Куколка! замедоточила она, осторожно ущипнувъ его въ щечку.

— Спасибо,—отвѣтила польщенная Ита,—но и вашъ ребенокъ тоже очень миленькій. Правда, Маня?

— Что вы!—съ искусственнымъ ужасомъ воскликнула Любочка,—вы смѣетесь надо мною. Мой миленькій? Вѣдь онъ похожъ на мертваго котенка. Вѣдь, я толстая, правда? а онъ, какъ обезьянка. Вы на жиръ мой не смотрите, это только для глаза красиво.

Ита видѣла, что она къ чему-то клонитъ, около чего-то вертится, но, не зная здѣшнихъ нравовъ, тщетно пыталась догадаться, въ чемъ дѣло.

— Какую грудь вы показываете?—вдругъ спросила Любочка.— Хотите, я вамъ дамъ совѣтъ? Показывайте всегда лѣвую — она у всѣхъ людей больше правой. Этого никто не знаетъ, а я знаю. Я опытная, я уже четвертый разъ иду за кормилицу и всѣ тонкости понимаю. Но знаете, что мнѣ мѣшаетъ скоро поступить на мѣсто? Грудь. Все хорошо, пока я не показываю ее. Только дошло до этого и пропало все. Хоть бы ребенокъ у меня былъ толстый, но и этого нѣтъ. Но зато когда меня принимаютъ, я такъ присасываюсь къ мѣсту, что сотня человѣкъ не оторвали бы меня отъ него. Я умѣю нравиться хозяйкамъ, и онѣ плачутъ, когда разстаются со мной, вотъ какая я ловкая.

Роза уже выдѣлила партію и уходила. Миндель приблизилась къ нимъ, предлагая свои услуги.

— Знаете, о чемъ я хочу васъ попросить,—сказала наконецъ Любочка,—одолжите мнѣ своего ребенка. Сдѣлайте доброе дѣло. Я возьму его, чтобы только показать. Тогда даже грудь не имѣетъ значенія. Вечеромъ я вамъ возвращу вашего мальчика. Сдѣлайте доброе дѣло, у меня дома трое дѣтей и они живутъ только тѣмъ, что я служу, мужъ мой вѣдь не зарабатываетъ.

Ита хорошо поняла, что скрывалось за послѣдними словами, но чувствовала себя въ большомъ затрудненіи. Ей очень хотѣлось помочь бѣдной женщинѣ, которая начинала ей нравиться, несмотря на ея ужимки и черезчуръ сладкій голосъ. Она бросила взглядъ на Маню, чтобы посовѣтоваться, какъ вдругъ помощь появилась съ неожиданной стороны. Миндель, услышавъ просьбу Любочки, проворно приблизилась и крикнула:

— Эта женщина не дастъ своего ребенка. Иди сюда толстая дура, нашла у кого просить. Пойдемъ и поговоримъ.

Любочка не дала себя долго уговаривать и пошла со старухой. Тогда Маня еще разъ спросила:

— Какъ же вы все таки сошлись съ Михелемъ?

— Это довольна длинная исторія, но я вамъ вкратцѣ разскажу ее. Когда я, наконецъ, получила разводъ, то въ своемъ городкѣ уже не могла оставаться и пріѣхала сюда. Здѣсь у меня была дальняя родственница по матери, не бѣдная, и я стала у нея служить. Черезъ два года у меня уже было скопленныхъ 120 рублей, и я чувствовала себя опять на ногахъ. Какъ-то разъ я у единственной подруги моей,—она умерла недавно отъ родовъ,—познакомилась съ молодымъ человѣкомъ. Это былъ Михель. Онъ мнѣ понравился, и вскорѣ я его полюбила. Такъ онъ хорошо держался со мной, что не могла не полюбить. Возлюбленный подруги моей увѣрялъ, что Михель работаетъ на фабрикѣ и зарабатываетъ по 30 рублей въ мѣсяцъ, и я почему-то повѣрила, что это правда. Такъ что, когда Михель предложилъ

мнѣ выйти за него, мнѣ показалось, что я, наконецъ, нашла свое счастье. Свадьбу онъ отложилъ на полгода, когда ему должны были прибавить жалованье. Я, конечно, согласилась и совсѣмъ предалась ему. Мѣсяца черезъ два я получила первый ударъ. Хозяинъ фабрики обанкротился, и Михель остался безъ работы. Была ли тутъ правда какая-нибудь, я и теперь не знаю. Тогда онъ задумалъ открыть собственное дѣло и такъ убѣдилъ меня, что я сейчасъ же отдала ему сто рублей. Онъ сдѣлался еще ласковѣе, и у меня совсѣмъ закружилась голова. Черезъ мѣсяцъ я уже была беременна, а отъ денегъ моихъ не осталось ни копѣйки. Я очутилась совершенно въ его рукахъ. Узнавъ, что я беременна и безъ денегъ, онъ пересталъ стѣсняться со мной и вначалѣ ругалъ, а потомъ и бить началъ за каждое мое слово, которое ему не нравилось. О свадьбѣ я не смѣла напомнить и такъ его еще любила, что все прощала ему, и дрожала только, чтобы онъ меня не выгналъ. Службу мнѣ пришлось бросить, и такъ безъ денегъ, замученная имъ, я родила. Теперь я его уже умоляю, чтобы онъ бросилъ меня, но онъ не хочетъ и тянетъ съ меня все, что можетъ. Уже полгода, какъ я знаю, что онъ шулеръ, и что всю жизнь прожилъ тѣмъ, что заманивалъ дѣвушекъ и заставлялъ ихъ работать на себя. Вы его не видѣли злымъ, такъ какъ онъ все еще гдѣ-то достаетъ денегъ. Но я ужасно боюсь его. Когда онъ разсердится, то можетъ меня убить. Если бы видѣли мое тѣло, то испугались бы, такъ оно черно отъ синяковъ.

— Я бы его ночью зарѣзала!—прорвалась, наконецъ, Маня, волнуясь,—такой подлецъ! Не понимаю, какъ вы терпите отъ такого человѣка.

— Этого объяснить нельзя,—нужно самому испытать. Хуже этихъ людей ничего быть не можетъ. Вотъ увидите, что сегодня будетъ, если онъ узнаетъ, что я еще не пристроилась. Онъ все время собирается на меня. Я дрожу идти домой. Хорошо еще, что вы со мной, хоть ребенка обережете. Недѣли двѣ тому назадъ онъ чуть его не убилъ.

— Вотъ разбойникъ!—возмутилась Маня.

— Бывало и хуже. Да, тяжелая у меня жизнь. Вотъ поступаю на мѣсто, а дрожу, дастъ ли служить. О деньгахъ не говорю,—все-равно отниметъ, но далъ бы хоть служить. По крайней мѣрѣ, моя жизнь не была бы въ опасности, и ребенка бы обезпечила.

Ихъ прервалъ шумъ. Двѣ кормилицы подрались, и поднялась страшная суматоха. Держа дѣтей на рукахъ и ежеминутно угрожая убить ихъ, онѣ вцѣпились другъ въ друга, образовавъ одну

массу, и страшно выли. Маня спросила у кого-то, почему онѣ подрались.

— Изъ-за любовника,—отвѣтила та,—у обѣихъ одинъ любовникъ, вотъ и подрались.

Женщинъ съ большими усиліями, наконецъ, развели. Онѣ были ужасны со своими растрепанными волосами, съ залитыми кровью лицами, которыя дышали злобой и дикой ненавистью. Онѣ все еще ругались, и самыя гнусныя и грязныя слова вырывались у нихъ такъ же свободно, какъ будто онѣ были мужчинами. Услужливыя кормилицы со скрытымъ злорадствомъ и наслажденіемъ отвели ихъ поочередно къ крану, гдѣ насильно умыли, хотя онѣ рвались и брыкались, какъ бѣшеныя. Исторія эта оживила всѣхъ и послужила прекрасной темой для пересудовъ на остатокъ дня. Когда появилась Роза, все уже было въ порядкѣ и не оставалось никакихъ слѣдовъ отъ драки. Нѣсколько любительницъ съ удовольствіемъ разсказывали ей объ этомъ приключеніи, разукрашивая его и вырывая другъ у друга нить и продолженіе разсказа. Роза хотѣла что-то отвѣтить, но, случайно замѣтивъ Иту, сказала ей:

— Что-то предвидится для тебя. Можешь идти теперь домой, но завтра непремѣнно приходи. На этотъ разъ, думаю, уже не оборвется.

Ита была внѣ себя отъ радости. Она посидѣла еще нѣсколько времени для формы, но уже не могла ни на чемъ сосредоточиться. Она слышала кругомъ себя обрывки разговоровъ, и, какъ маніакъ, повторяла чужія фразы по десятку разъ, но голова и сердце ея были далеки отъ этого мѣста. Наконецъ, она не выдержала и встала.

— Вы пойдете ко мнѣ?—обратилась она къ Манѣ.—Видно и сегодня вы ничего не дождетесь. Я куплю что-нибудь, и мы поужинаемъ вмѣстѣ. Кажется, дѣла мои поправляются.

Маня, хотя и хотѣла отказаться, но посовѣстилась и сказала, что согласна. Тогда онѣ быстро одѣлись и, оживленно разговаривая, вышли. Послѣ ихъ ухода, Роза приготовила себѣ чай и, усѣвшись на кровати и прихлебывая его, съ наслажденіемъ еще разъ прослушала исторію о томъ, какъ двѣ женщины крѣпко подрались изъ-за одного ничтожнаго мужчины.

Между тѣмъ, Ита и Маня продолжали путь. Какое-то нехорошее чувство смѣнило оживленіе Иты, и теперь она шла съ мрачными мыслями, которыхъ не могла отогнать отъ себя. Маня замѣтила, что Ита разстроилась, и молча слѣдовала за ней. Но на полпути отъ дома она не выдержала того, что и ее угнетало, и невольно произнесла:

— Вотъ и вы скоро пристроитесь, Ита. Вы не повѣрите,

какъ я къ вамъ привязалась за эти нѣсколько дней. Что-то такое хорошее напомнило мнѣ наше короткое знакомство. Теперь бы мнѣ хотѣлось, чтобы то, какъ мы живемъ, не проходило, не измѣнялось, чтобы мы всегда ходили къ Розѣ, были вмѣстѣ, разговаривали и мечтали. Главное—вмѣстѣ, потому что одиночество начинаетъ пугать меня, и все у меня болитъ, когда я остаюсь одна.

— Я къ вамъ тоже привязалась, Маня,—прошептала Ита,—но такія, какъ мы, не должны на долго привязываться. Нужно разучиться этому, Маня. Привяжешься и только лишней муки наберешься. Забыла вѣдь я о матери, о братѣ, а какъ я ихъ любила. Теперь я легко уже говорю о нихъ, а вначалѣ какъ я боролась, мучилась, плакала, пока жизнь душу мою неподмѣнила, и не научила думать о другомъ. Теперь я попалась со своимъ мальчикомъ, и сердце по старому начинаетъ болѣть. Вы вѣдь представить себѣ не можете, какъ я его люблю. Вотъ я радовалась, что поступлю на мѣсто. Но вѣдь это такая радость, какъ если бы мнѣ должны были двѣ руки отрѣзать, но отрѣзали только одну. Чужому ребенку я отдамъ свои заботы, свой уходъ, свое здоровье, моего же обокраду и какъ бы выброшу собакамъ. Сама не понимаю, какъ это я сдѣлаю.

— Но вѣдь такъ поступаютъ всѣ,—произнесла Маня.—Что же дѣлать, когда иначе нельзя?

— Это и я знаю, что иначе нельзя, но отъ этого мнѣ только хуже. Если бы я знала, что хоть какъ-нибудь можно иначе, я бы не пошла въ кормилицы.

Онѣ пошли быстрѣе, такъ какъ вечерѣло и становилось холоднѣе. Люди, эти ненужныя существа, служившія обстановкой для улицы, бѣгали мимо нихъ взадъ и впередъ и громко фыркали отъ рѣзкаго вѣтра... Доносились обрывки разговоровъ. Слышался стукъ копытъ по снѣгу, храпъ лошадей, окрики извозчиковъ. Въ иныхъ мѣстахъ уже горѣли фонари, и тусклые лучи отъ нихъ играли и переливались въ хрупкомъ снѣгѣ, лежавшемъ на тротуарѣ.

Ита и Маня молча дошли домой. Имъ было такъ холодно, что окоченѣвшія челюсти едва размыкались, а губы совсѣмъ не слушались.

— Какая ужасная зима,—невнятно и съ большимъ усиліемъ промямлила Маня, входя съ Итой во дворъ,—а мы вѣдь только въ ноябрѣ.

Ита не отвѣтила. То чувство отвращенія и смутная тревога, которыя всегда овладѣвали ею при возвращеніи домой, теперь опять ожили въ ней, и по особенному трепетанію сердца своего и перебѣгавшаго по спинѣ холодка она безошибочно знала, что

явится страхъ. Она замедлила шаги и, чтобы не пасть духомъ, взяла руку Мани.

— Скажите мнѣ что-нибудь веселое,—попросила она ее,— мнѣ теперь хоть одно слово надежды нужно:

Маня не поняла и съ недоумѣніемъ произнесла:

— Я и сама ничего веселаго не знаю. Развѣ богатство? Но я никогда не думала о немъ. Хорошій мужъ, который бы любилъ меня? Объ этомъ нужно навсегда забыть. Что же еще? Право, ничего я веселаго не знаю. Такъ ужъ, какъ-нибудь дотащусь до могилы.

Ита быстро пошла по двору, не сводя глазъ съ своей квартиры. Каморка была освѣщена. Кто-то въ ней возился и, повидимому, искалъ что-то, такъ какъ свѣтъ перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто и то здѣсь, то тамъ падалъ желтыми пятнами на снѣгъ, лежавшій во дворѣ. У Иты сердце сжалось отъ страха.

— Хоть бы сегодня еще оставилъ въ покоѣ,—промелькнуло у нея.

Она раскрыла дверь и, какъ бы предупреждая несчастье, прошла первой. Свѣтъ, прыгавшій до сихъ поръ, вдругъ застылъ на одномъ мѣстѣ и точно притаился. Послышалось тяжелое, до ужаса знакомое Итѣ дыханіе, сипловатое и быстрое. Ита инстинктивно поставила руку, локтемъ впередъ, чтобы защитить ребенка.

Михель, безъ сюртука, въ жилеткѣ и красномъ тепломъ шарфѣ вокругъ шеи, стоялъ подлѣ нея. Лицо его подергивалось отъ гнѣва, и мускулы на немъ бѣгали по всѣмъ направленіямъ, напруживаясь и чуть не разрывая покрывавшую ихъ кожу. Густая краска лежала на его лбу, ушахъ и шеѣ, а жилы вырисовывались большими и отчетливо бились. Онъ хотѣлъ что-то сказать, даже крикнуть, но захлебнулся отъ спазмъ. Ита стояла, насторожившись, со своей изогнутой, точно рогъ, рукой, и лицо ея было до ужаса спокойно. Маня раза два пискнула. Раздался оглушительный звукъ лопнувшей хлопушки. Сдѣлалось тихо. Ита отъ удара сейчасъ же стала маленькой, точно у нея вырвали ноги. Она сидѣла на полу, не издавая ни звука, и, положивъ ребенка, котораго Маня быстро взяла на руки, старалась проползти къ кровати. Михель предупредилъ ее и приподнялъ за шаль. Теперь она была полусогнута и напоминала мертвеца въ своей окоченѣвшей позѣ. Михель не выдержалъ ея тяжести и съ проклятіемъ бросилъ ее, начавъ бить куда попало. Ита ловко берегла свое лицо, помня, что завтра ей предстоитъ должность. Она подставляла только спину, изогнувъ ее, какъ кошка, и удары гулко отдавались, словно били въ пустой бочонокъ. Потомъ ему кулаки показались недостаточными, и нѣсколько ударовъ носкомъ сапога полетѣли въ бокъ. Ита сдавленно за-

стонала и опять поползла къ кровати. Маня оцѣпенѣла отъ ужаса.

— Такъ ты мнѣ деньги оставила? — крикнулъ онъ наконецъ, все еще преслѣдуя ее послѣдними ударами.—Мальчика ты себѣ глупаго нашла, что водить за носъ будешь? Я изъ тебя душу вымотаю за такія штуки. Говори, почему денегъ не оставила. Подожди, будешь ужъ ты служить!

Ита съ отчаяннымъ усиліемъ поднялась и сѣла на кровать. Что ей сказать ему? Что денегъ она не могла достать, сколько ни бѣгала вчера? Развѣ повѣритъ?—Она молча стала раздѣваться и беззвучно плакала.

— Хоть бы смерть скорѣе,—подумалось ей.

Ребенокъ закричалъ. Маня пошла помочь ей и передать мальчика, но не выдержала и на ходу сказала Михелю:

— Я бы васъ убила, если бы была на ея мѣстѣ. Ночью бы васъ непремѣнно зарѣзала. Вы вѣдь разбойникъ. Посмотрите, что вы съ ней сдѣлали.

— Чортъ ее не возьметъ еще! — огрызнулся онъ мрачно,— выдержитъ и больше. Она знала, что мнѣ нужны деньги. Почему она не достала? Заводитъ со мною новую игру. Посмотримъ, но она живой не вырвется отъ меня.

— Хорошая дѣвочка!—раздался чей-то голосъ у окна.— Вотъ такая мнѣ нужна. Такъ вы бы его зарѣзали? Повторите-ка еще разъ.

Маня испуганно оглянулась. Въ сумеркахъ она не обратила вниманія на то, что въ комнатѣ было постороннее лицо. Заговорившій былъ „Красивый Яшка", одинъ изъ пріятелей Михеля, которые иногда приходили къ нему. Яшка былъ дѣйствительно красивъ, но съ какимъ-то особеннымъ отпечаткомъ вульгарности. Это была красота уличнаго Альфонса, раздражающая и плѣняющая своими нѣжными и правильными отдѣльными чертами, какой-то женской мягкостью въ позѣ, лѣнивымъ тягучимъ голосомъ и внѣшнимъ франтовствомъ. Люди эти обыкновенно маленькаго роста, носятъ на пальцахъ широкія кольца, на рукѣ браслеты и обладаютъ желѣзной волей, въ чемъ главная ихъ сила.

Маня мелькомъ взглянула на него и вспыхнула до корней волосъ, такъ онъ поразилъ и сразу плѣнилъ ее.

— Вы не въ свое дѣло не мѣшайтесь,—съ напускной развязностью возразила она;—а то, что я вамъ нужна, разскажите своей тѣни. Меня же оставьте въ покоѣ.

Когда она себя хорошо чувствовала, то икота ее меньше преслѣдовала. Она только очень слабо пискнула и стала помогать Итѣ. А та, прійдя въ себя, тихо сказала:

— Я тебѣ давно говорила, Михель, что меня лучше бросить, и теперь то же самое скажу. Не гожусь я для того, что нужно тебѣ. А бить человѣка не можетъ быть удовольствіемъ, это я навѣрно знаю. Пойди ты въ одну сторону, а я въ другую. Я бы, Михель, даже откупилась у тебя, если бы у меня были деньги.

— Молчи, не зли меня,—зловѣще произнесъ онъ, и она услышала, какъ у него участилось дыханіе.

— На службу, какъ я уже сказалъ тебѣ, ты не пойдешь. Что же до денегъ, то я ихъ изъ тебя выколочу. Ты видишь этотъ кулакъ? Посмотри на него какъ слѣдуетъ. Въ немъ твоя смерть лежитъ. Помни это. Завтра ты пойдешь на улицу и принесешь деньги. Довольно строить церомоніи.

— Вотъ этого, Михель,—спокойно произнесла она,—я никогда не сдѣлаю. Можешь даже сейчасъ меня убить. Я это уже не разъ слышала отъ тебя, но ты только напрасно тратишь время.

Онъ понялъ, что она непоколебима, и, какъ всѣ деспоты, слабыя предъ сильной волей, смирился и ограничился тѣмъ, что ѣдко произнесъ:

— Непристройно тебѣ шляться? Гадина!

— Это не твое дѣло, почему, но никогда этого не будетъ, слышишь, никогда. Мнѣ легче умереть отъ твоей руки, чѣмъ такъ опуститься.

— Почему вамъ въ самомъ дѣлѣ не послушаться Михеля?— вмѣшался Яша вкрадчивымъ голосомъ.—Что васъ удерживаетъ? Стыдъ?

Онъ сдѣлалъ какой-то двусмысленный жестъ и засмѣялся, показавъ рядъ прекрасныхъ, густо сидѣвшихъ зубовъ.

— Вы, вѣроятно, сговорились?—сердито произнесла Ита,—можешь хоть постыдиться, Михель, что прибѣгаешь къ такимъ средствамъ.

— Ты съ моимъ пріятелемъ такъ не говори! —крикнулъ Михель, языкъ твой поганый вырву. Выучилась разговаривать!..

Яша самодовольно выслушалъ защиту и, поигравъ усами, концы которыхъ теперь шаловливо смотрѣли вверхъ къ глазамъ, сталъ бросать выразительные и стастные взгляды на Маню, очень ему понравившуюся. Потомъ онъ пересѣлъ поближе и началъ съ ней разговаривать. Та сидѣла хмурая, односложно отвѣчала и изрѣдка, помимо воли своей, быстро обдавала его горячимъ взглядомъ, не умѣя отразить охватывавшаго ее очарованія. Ита мелькомъ оглянула эту пару,—ласковый, знакомый ей огонь въ глазахъ Яши, такое жалкое растеряное лицо Мани,—и съ нехорошимъ чувствомъ принялась хлопотать, вздыхая отъ боли при каждомъ движеніи. Она уложила мальчика, затопила печурку и поставила вариться чай.

Михель сидѣлъ, опершись локтями о столъ, и лицо его было задумчиво и сердито. Стараясь неслышно охать, Ита подошла къ нему и положила руку на его плечо. Она отлично знала, что такъ поступать — значитъ давать ему еще больше власти надъ собой, но сердце ея всегда такъ жаждало мира, что ради него она многимъ готова была поступиться. Михель съ небрежностью и гордостью мужчины, отбросилъ ея руку. Она терпѣливо опять положила ее, наклонилась къ нему, вполголоса и произнесла:

— Кажется, Михель, я завтра поступлю на мѣсто. Перестань уже сердиться.

— Не хочу я мѣста,—процѣдилъ онъ угрюмо, опять сбрасывая ея руку,—ступай на улицу. У моихъ пріятелей всѣ этимъ кончаютъ,—ты не лучше ихъ.

— Это напрасно, Михель, — я на улицу не пойду. Не упрямься и не сердись. Я вѣдь во всемъ уступаю тебѣ, уступи и мнѣ хоть въ одномъ. Я не могу.

— Находка какая, твое мѣсто,—проворчалъ онъ. — Много мнѣ останется отъ 9 или 10 рублей?

До нихъ донесся смѣхъ Мани, которую Яша, наконецъ, разсмѣшилъ. Михель забылъ, что играетъ комедію и только для вида, форситъ, имѣя лишь только воспоминаніе о гнѣвѣ и подмигнулъ Яшѣ, на что Ита серьезно сказала:

— Съ ней нельзя шутить, Михель, Маня не я.

— Всѣ бабы сердиты на словахъ,—разсмѣялся онъ.

— Но ты ошибаешься,—вернулась она къ прежнему,—Роза меня увѣряетъ, что меньше 13—14 рублей мнѣ не предложатъ, а кромѣ того еще кое-что и другое будетъ. Я тебѣ буду отдавать свой обѣдъ...

Она оборвалась вдругъ, растроганная. Какъ бы она счастлива была, если бы могла ему пожаловаться, разсказать, какъ больно ей разставаться со своимъ мальчикомъ. А онъ, не подозрѣвая, что творится въ ея душѣ, уже повеселѣлъ отъ новой перспективы и дѣловито выкладывалъ:

— Конечно, меньше 14 тебѣ не дадутъ. Можешь на мой страхъ потребовать 15 и не спускай цѣны. Эти живодеры, когда увидятъ твое молоко, то отдадутъ всѣ деньги. И мальчика нашего покажи. Не будь только дурой. У тебя такое молоко, что я подобнаго еще и не видѣлъ. Теперь хорошей кормилицы и со свѣчей не отыщешь. А кварта коровьяго молока стоитъ 15 копѣекъ. Меньше 15-ти ни одного гроша, ни одной денежки. Попросишь, конечно, за мѣсяцъ впередъ. Живодеры тебя доить будутъ, а я ихъ. Объ этомъ мы еще поговоримъ.

Онъ совсѣмъ повеселѣлъ и сбросилъ съ себя спѣсь. Ита ждала, не разспроситъ ли онъ о ребенкѣ, но Михелю это и въ голову

но приходило. Онъ былъ весь занятъ новой перспективой. Ита вздохнула, удовлетворившись тѣмъ, что добилась мира, и пошла дѣлать чай. Когда всѣ усѣлись за столомъ, Михель со смѣхомъ произнесъ:

— Знай, Яша, что сегодня я купилъ хорошую корову.

Яша въ шутку поискалъ глазами въ комнатѣ, испугалъ мимоходомъ Маню намѣреніемъ ущипнуть ее и отвѣтилъ:

— Не произноси такихъ некрасивыхъ словъ; за столомъ вѣдь сидитъ невинная дѣвушка. Вы вѣдь совсѣмъ невинная?—обратился онъ къ Манѣ полусерьезно, въ упоръ глядя ей въ глаза.

Маня совсѣмъ уже освоилась съ нимъ и его шуточками и засмѣялась. Лицо Яши подвижное и ласковое, съ хорошенькими усами и красивой синеватой тѣнью на выбритыхъ щекахъ, все болѣе и болѣе плѣняло ее. Но смѣясь и невольно отражая его настроеніе, она все же держала себя серьезно, и не позволяла ему никакой вольности. Ея голова слегка затуманилась отъ неяснаго предчувствія, что начинается какой-то праздникъ въ ея жизни.

— Я не дѣвушка,—сказала она по своему откровенно и просто,—можете спокойно спать на мой счетъ.

— Не дѣвушка,—воскликнулъ Яша со смѣхомъ и разыграннымъ удивленіемъ—а, такъ она мальчикъ. Значитъ, Михель, теперь я могу ее поцѣловать, навѣрно вѣдь могу?

Онъ бросился на нее, сдѣлалъ видъ, что цѣлуетъ ее, и, чмокая свои руки, громко кричалъ:

— Какой вкусный мальчикъ, Ита хотите попробовать кусочекъ? Ахъ, что за мальчикъ. И вдругъ совершенно неожиданно для нея, онъ обхватилъ ее за шею, притянулъ къ себѣ и звонко поцѣловалъ въ губы. Маня растерялась на мигъ. Потомъ опомнилась и сердито крикнула:

— Если еще разъ попробуете, я вамъ усы вырву. Суньтесь только. Я терпѣть не могу такихъ шутокъ.

Михель съ интересомъ слѣдилъ за Яшей, предъ которымъ преклонялся. Ита становилась печальнѣе, и, не вмѣшиваясь, прихлебывала чай.

— Только усы?—обрадовался Яша, сдѣлавъ милое лицо,—такъ вотъ они, если они вамъ нравятся. А теперь давайте губы.

Онъ со смѣхомъ опять бросился на нее, и оба начали бороться, чуть не опрокинувъ столъ, она—отбиваясь, онъ—наступая все смѣлѣе.

— Усы,—слышался между поцѣлуями его голосъ,—только всего и ничего больше, а я думалъ, что вамъ мой глазъ нуженъ. Мнѣ же нужны ваши губы, губы. Ахъ, какой сердитый мальчикъ!

Михель съ наслажденіемъ потиралъ руки и смѣялся. Вотъ

это молодецъ! И чѣмъ онъ ихъ беретъ только? Счастливецъ, негодяй. Ита съ грустью думала о томъ, что ожидаетъ Маню, если она увлечется Яшей. Маня же сначала крикнула, потомъ замолчала и тихо боролась. Вдругъ Яша выпустилъ ее и схватился за губу. Маня стояла передъ нимъ и держала между пальцами маленькій клокъ волосъ. Глаза ея сверкали отъ возбужденія и радости. Яша же стоялъ красный отъ стыда и старался улыбнуться. Онъ былъ такъ комиченъ со своимъ недоумѣвающимъ лицомъ, что Маня не выдержала и засмѣялась. Засмѣялись и Михель съ Итой.

— Ну, вы! съ гримасой и скрывая сильную боль въ губѣ, произнесъ онъ.—Не гогочите такъ. Это вовсе не такъ весело, увѣряю васъ. Дай Богъ, чтобы черти въ аду хоть на половину такъ пекли васъ, какъ печетъ губа.

Всѣ опять усѣлись вмѣстѣ, но приключеніе это уже испортило прежнее непринужденное настроеніе. Яша, какъ ни старался, не могъ вернуть себѣ хорошаго расположенія и сидѣлъ скучный и серьезный; къ тому же и губа у него порядкомъ ныла, и это совсѣмъ портило дѣло. Съ нимъ какъ бы потухло и веселье, только что жившее здѣсь. Маня сидѣла задумчивая и мучительно чувствовала, какъ и въ ней что-то потухло. Она не отдавала себѣ отчета, что съ ней, и сидѣла, подобно ему, какъ убитая. Серьезность его пугала ее, а то, что онъ страдалъ вызывало сладкую и томительную радость, что она тому причиной. Потомъ ей крѣпко захотѣлось, чтобы онъ опять шутилъ и веселилъ ее. Она сидѣла, страшно тоскуя и замирая отъ рождавшихся желаній. Какъ обласкать его? Какъ показать ему свое раскаяніе, какъ сдѣлать, чтобы онъ не страдалъ и опять льнулъ къ ней словами, глазами? Внезапно она рѣшилась. Не допивъ чая, подмываемая вспыхнувшей и какъ бы вонзившейся ей въ мозгъ мыслью, она быстро встала и начала собираться, мечтая, что, можетъ быть, онъ догадается. Ита же была такъ поражена этой поспѣшностью, что только для формы спросила ее:

— Куда вы, Маня? Это просто глупо. Вамъ вѣдь некуда пойти.

— Ничего, ничего,—возразила та, не рѣшаясь поднять глазъ,—нужно мнѣ, такъ будетъ лучше.

— Можетъ быть, ты ее проводишь?—произнесъ Михель, подмигнувъ Яшѣ.

Какой-то токъ образовался между Яшей и Маней. Они оба почувствовали уколъ отъ одной и той же радости, и первый, поискавъ въ памяти слова, дрожащимъ голосомъ сказалъ:

— Могу, хотя ей и одной не опасно. Вѣдь она не дѣвушка..

Онъ подчеркнулъ эти слова, а Маня, скрывъ волненіе, нарочно отвѣтила колкостью.

— Вы мнѣ нужны, какъ смерть. Можете оставаться здѣсь. Посмотрите, какъ вы красивы теперь.

Она распрощалась съ Итой и расцѣловалась съ ней, все избѣгая ея взгляда. Ита крѣпко прижала ее къ себѣ, хотѣла что-то сказать, но удержалась, чувствуя, что въ этомъ дѣлѣ слова не сила.

— Мы еще увидимся, — стараясь улыбнуться, произнесла Маня,—судьбы своей не избѣжишь.

— Берегите себя, Маня,—отвѣтила Ита,—иногда можно и судьбу повернуть.

Всѣ посмотрѣли другъ на друга съ недоумѣніемъ. Маня махнула рукой и вышла.

— Сумасшедшая дѣвушка,—произнесъ Михель.

— Можетъ быть, она права,—громко подумала Ита, вспомнивъ слова Мани о томъ, что ничего у нея нѣтъ веселаго въ жизни, и только остается ей какъ-нибудь незамѣтно проползти до могилы.

— Ты хочешь сказать, женщина?—усмѣхнулся Яша, подмигнувъ въ свою очередь Михелю, и, быстро простившись со словами „судьба, судьба",—побѣжалъ за Маней. У воротъ онъ нагналъ ее, заглянулъ въ лицо и, замѣтивъ, что она въ слезахъ, быстро, прежнимъ ласковымъ и мягкимъ голосомъ спросилъ:

— Что съ тобой, женщина?

Она молчала. Яша взялъ ее подъ локоть и, почувствовавъ теплоту, такъ прильнулъ къ ея рукѣ, что никакая сила не оторвала бы его отъ нея. Онъ легонько повлекъ ее, и она покорно пошла за нимъ. Только вся дрожала.

По уходѣ Яши, Ита, засыпая золой печурку, мимоходомъ бросила:—Еще одна дѣвушка пропала.

— Спаслась, дура,—жестко отвѣтилъ онъ, и пропѣлъ:—еще одна спасенная, ибо ей за муки уготованъ рай.

Ита ничего не отвѣтила и пожала плечами. Заплакалъ ребенокъ. Она бросилась къ нему, легла подлѣ и начала кормить. Потомъ долго глядѣла на него, какъ бы стараясь запечатлѣть въ себѣ его милое, кругленькое личико, и незамѣтно заснула. Михель давно лежалъ возлѣ нея и спалъ.

Семенъ Юшкевичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОРОДЪ И ДЕРЕВНЯ ВЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ.

(Краткій очеркъ экономической исторіи Россіи).

(*Продолженіе*) *)

III.

Городъ и деревня въ удѣльной Руси (съ XIII до половины XVI вѣка).

Экономическій бытъ Кіевской Руси, какъ мы только что убѣдились, отличался чрезвычайной простотой и цѣльностью: для его пониманія нѣтъ необходимости различать на территоріи страны отдѣльныя области съ ихъ особенностями, потому что особенностей этихъ въ сущности не было, или, точнѣе говоря, онѣ были настолько незначительны, что безъ вреда для дѣла ими можно пренебречь. Такія простота и цѣльность вообще характерны для общества, которое едва еще начинаетъ жить историческою жизнью. Но уже во второмъ періодѣ, удѣльномъ, который начинается XIII вѣкомъ и оканчивается въ половинѣ XVI столѣтія, игнорировать важныя мѣстныя особенности значило бы отказаться отъ правильнаго научнаго анализа: уже въ это время зарождается раздѣленіе труда, нѣкоторая хозяйственная спеціализація отдѣльныхъ областей, входившихъ въ составъ обширной русской земли. Въ удѣльное время необходимо различать три крупныхъ экономическихъ района — центральный, новгородско-псковской и сѣверный. Каждому изъ нихъ соотвѣтствовала одна въ большей или меньшей степени господствовавшая въ немъ отрасль народной производительности, что, въ свою очередь, рѣзко сказывалось и на соціальномъ составѣ и на политическомъ строѣ отдѣльныхъ болѣе или менѣе политически-обособленныхъ частей страны. Зародыши всѣхъ этихъ особенностей существовали въ разныхъ степеняхъ развитія еще въ Руси кіевской, и на этомъ фундаментѣ, заложенномъ историческою жизнью перваго періода, сложились отношенія, опредѣлившіяся въ удѣльное время. Мы видѣли, какую первостепенную роль играла на зарѣ нашей исторіи первоначальная добывающая промышленность. Традиціи древ-

*) См. «Міръ Божій», апрѣль, 1902 г.

нѣйшаго періода были цѣликомъ усвоены жителями сѣвера, той обширной области, которая начинается отъ такъ называемыхъ сѣверныхъ уваловъ—ряда холмовъ, тянущихся съ запада на востокъ по водораздѣлу между бассейнами Волги и Сѣверной Двины, — и оканчивается побережьемъ Ледовитаго океана и Бѣлаго моря. Заселеніе этого края русскими началось еще въ XI и XII вѣкахъ и усилилось въ ближайшія затѣмъ столѣтія, причемъ новые поселенцы нашли приложеніе своей хозяйственной энергіи въ тѣхъ же звѣроловствѣ и рыболовствѣ, какія занимали населеніе кіевской Руси, а также въ солевареніи, особенно удобномъ и прибыльномъ вслѣдствіе естественныхъ условій крайняго сѣвера. Нѣкоторымъ подспорьемъ для сѣверныхъ колонистовъ служило мѣстами также скотоводство, но другая отрасль сельскаго хозяйства—земледѣліе — играла совершенно второстепенную, прямо ничтожную роль въ силу суровыхъ климатическихъ и неблагопріятныхъ почвенныхъ условій и очень часто—почти всегда—не давала даже того количества продуктовъ, какое необходимо было для мѣстнаго потребленія. До насъ дошло достаточное количество древнихъ актовъ, характеризующихъ народное хозяйство сѣвернаго края въ удѣльный періодъ. Читая эти акты, мы постоянно встрѣчаемся въ нихъ съ «путиками», т.-е. мѣстами звѣринаго лова, «перевѣсищами», приспособленіями для птичьей охоты, рыбными ловлями, соляными варницами. Гораздо рѣже попадаются «пожни», т.-е. сѣнокосы, и «поскотины», или выгоны для скота. Пашни, называвшіяся здѣсь «орамыми землями», также не часты и, главное, не велики, да къ тому же чаще всего встрѣчаются въ видѣ «притеребъ», земель, недавно расчищенныхъ изъ-подъ лѣса. Если мы возьмемъ другой важный источникъ, житія сѣверныхъ святыхъ, то опять-таки передъ нами развернется та же картина преобладанія добывающей промышленности и скотоводства. Пробираясь черезъ непроходимыя дебри и «дрязги великія», т.-е. непролазныя болота, сѣверный пустынножитель, основатель будущаго монастыря, добывалъ себѣ средства пропитанія обыкновенно рыболовствомъ; когда около него собиралось нѣсколько сподвижниковъ, тогда разводили скотъ; въ рѣдкихъ случаяхъ посвящали часть времени земледѣлію, очень при томъ первобытному: копали землю мотыками, т.-е. попросту лопатами или палками съ желѣзными наконечниками. При господствѣ первобытной добывающей промышленности, сѣверъ былъ въ то же время областью, въ которой натуральное хозяйство сохранилось въ наиболѣе чистомъ видѣ. Это видно изъ того, что, во-первыхъ, во все время изучаемаго періода здѣсь не встрѣчается упоминаній о торговыхъ центрахъ, ярмаркахъ и сколько-нибудь значительномъ торговомъ движеніи, а во-вторыхъ, даже въ XVI вѣкѣ сѣверные крестьяне уплачивали владѣльческіе оброки и государственныя подати натурой—«посопнымъ хлѣбомъ», т.-е. хлѣбомъ въ зернѣ, и даже тогда когда подати въ другихъ частяхъ государства стали переводиться на деньги, на сѣверѣ въ боль-

шинствѣ случаевъ сохранились старые натуральные платежи, а если они смѣнялись денежными, то послѣдніе назначались обыкновенно въ очень небольшомъ окладѣ: очевидно, денегъ у жителей сѣвера не было, т.-е. они почти не торговали, сохранили почти въ полной неприкосновенности натуральную систему хозяйства.

Чрезвычайно послѣдовательно, хотя съ бо̀льшими, чѣмъ на сѣверѣ, перемѣнами, кіевскія традиціи были восприняты и развиты также въ сѣверозападномъ углу страны, въ области Великаго Новгорода и Пскова. Какъ въ кіевской Руси земледѣліе играло второстепенную роль въ народномъ производствѣ, такъ оно не было важнымъ элементомъ и въ хозяйственной жизни новгородско-псковскаго края: населенію здѣсь сплошь и рядомъ не хватало своего хлѣба, и всегда чувствовалась, поэтому, нужда въ привозномъ зернѣ. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что московскіе великіе князья XIV и XV вѣковъ, при каждой ссорѣ съ Новгородомъ, подвергали новгородцевъ всѣмъ бѣдствіямъ голода, прекращая доставку хлѣба изъ области Волги и Оки. Болѣе, чѣмъ производство хлѣба, была развита культура техническихъ растеній—льна и конопли, сбывавшихся въ сыромъ, отчасти и обработанномъ видѣ за границу и служившихъ также для собственныхъ потребностей производителей. Въ то же время въ области Новгорода и Пскова продолжали сохранять важное значеніе добывающая промышленность и скотоводство, господствовавшія, какъ намъ уже извѣстно, въ Кіевской Руси. Заключая, напримѣръ, договоры со своими князьями, новгородцы чрезвычайно точно и тщательно опредѣляли районы и время княжеской звѣриной и птичьей охоты и рыбной ловли, ограждая, очевидно, интересы охотниковъ и рыболововъ изъ народа. Одинъ изъ новгородскихъ князей XIII вѣка даже былъ изгнанъ за злоупотребленіе гагачьей охотой. Въ житіи св. Антонія Римлянина, подобно житіямъ сѣверныхъ святыхъ, говорится о рыболовствѣ, какъ обычномъ занятіи монаховъ. О пчеловодствѣ свидѣтельствуетъ не одна статья такого важнаго законодательнаго памятника, какъ Псковская ссудная грамота. Наконецъ, имѣемъ также извѣстія о солевареніи въ Старой Руссѣ и добываніи желѣза въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Вотской пятины, занимавшей часть Финляндіи и нынѣшнія Петербургскую и отчасти Новгородскую губерніи. Обиліе пастбищъ и сѣнокосовъ, засвидѣтельствованное писцовыми книгами новгородскими, открывало въ свою очередь возможность разведенія скота въ значительномъ количествѣ.

Воспринявъ отъ кіевской Руси основную черту экономическаго быта, опредѣлявшую хозяйственную дѣятельность народной массы, новгородскій край XIII—XV вѣковъ унаслѣдовалъ отъ того же историческаго періода и развилъ въ очень значительныхъ размѣрахъ и ту отрасль промышленности, которая питала и усиливала высшіе слои общества,—внѣшнюю торговлю. Новгородскія и псковскія лѣтописи пестрятъ извѣ-

стіями о мѣновыхъ сношеніяхъ новгородцевъ и псковичей съ центромъ Россіи, съ одной стороны, и съ Западной Европой, преимущественно съ городами Ганзейскаго союза, съ другой. О томъ же ясно свидѣтельствуютъ торговые договоры Новгорода съ нѣмцами, договорныя грамоты великихъ князей съ новгородской вольной общиной, многочисленныя, сохранившіяся до нашего времени донесенія нѣмецкаго купечества, извѣстія иностранцевъ, посѣщавшихъ Новгородъ, подобно французу Ляннуа, наконецъ, народныя сказанія, былины и пѣсни, вродѣ извѣстной былины о Садкѣ-богатомъ гостѣ или того древняго новгородскаго сказанія, которое ведетъ рѣчь о добромъ молодцѣ, задавшемся «къ купцу—купцу богатому, ко бояриву». Насколько Новгородъ превосходилъ по своему торговому значенію другіе русскіе города того времени, можно усмотрѣть изъ одного лѣтописнаго извѣстія, наглядно показывающаго это: подъ 1216 годомъ въ лѣтописи упоминается о пріѣздѣ въ Переяславль-Залѣсскій (нынѣ уѣздный городъ Владимірской губерніи) новгородскихъ и смоленскихъ купцовъ: тогда какъ последнихъ, т.-е. смоленскихъ, было всего 15, число первыхъ, пріѣхавшихъ изъ Новгорода, простиралось до 150-ти. Новгородская торговля отличалась при этомъ весьма важными особенностями, которыя необходимо отмѣтить: прежде всего она опиралась не на мѣстное производство, изъ продуктовъ котораго только ленъ и конопля да отчасти еще продукты скотоводства—кожи, сало, масло, мясо, щетина, шерсть—отпускались за границу, а на богатства другихъ мѣстностей; другими словами, новгородская торговля была передаточной, транспортной: закупая въ центральной Россіи и забирая въ видѣ дани на сѣверѣ, подчинявшемся Новгороду, мѣха, медъ, воскъ, хлѣбъ, ленъ, коноплю, продукты скотоводства, новгородцы промѣнивали ихъ на заграничные товары: шелковыя и шерстяныя ткани, сукна, оружіе, металлическія издѣлія, вина и проч.; вторая характеристическая черта, отличавшая торговлю Новгорода и Пскова отъ древнѣйшей кіевской, заключается въ томъ, что въ этихъ вольныхъ городахъ удѣльной Руси для веденія торговыхъ операцій необходимы были уже предпринимательскіе труды, извѣстная коммерческая техника и значительный капиталъ, такъ какъ не дань уже, не даромъ достающіеся продукты служили товарами, предназначенными для заграничнаго вывоза: эти товары необходимо было купить, добыть путемъ торговой эксплуатаціи ихъ производителей. Вотъ почему торговля и денежный капиталъ имѣли несравненно бо̀льшее значеніе въ жизни вольныхъ городовъ удѣльнаго времени, чѣмъ въ кіевской Руси, хотя народное хозяйство въ новгородско-псковскомъ краѣ все-таки продолжало оставаться натуральнымъ, лучшимъ доказательствомъ чего служитъ господство натуральныхъ владѣльческихъ поборовъ, засвидѣтельствованное еще въ концѣ XV вѣка писцовыми книгами, этимъ отдаленнымъ подобіемъ и историческимъ прототипомъ современныхъ хозяйственно-статистическихъ изслѣдованій.

Если сѣверъ и новгородско-псковскій край можно признать чрезвычайно послѣдовательными хранителями старины въ народномъ хозяйствѣ, развившими далѣе основы древнѣйшаго экономическаго быта, то центръ удѣльной Руси, область верхней Волги и Оки, заключаетъ въ себѣ въ этомъ отношеніи гораздо болѣе новыхъ элементовъ, лишь въ слабой степени представленныхъ въ народномъ хозяйствѣ кіевской Руси: въ центральной области надъ другими отраслями производства преобладало уже въ удѣльное время сельское хозяйство, причемъ по мѣрѣ приближенія къ концу періода это преобладаніе постепенно усиливается, а въ предѣлахъ сельскохозяйственной промышленности все болѣе выдвигается на первый планъ земледѣліе. Древнѣйшіе сохранившіеся до нашего времени отрывки изъ писцовыхъ книгъ конца XV и первой половины XVI вѣка, относящіеся къ области Волги и Оки, сравнительно рѣдко упоминаютъ уже объ угодьяхъ, необходимыхъ для занятія добывающей промышленностью,—рыбныхъ ловляхъ, бобровыхъ гонахъ, бортныхъ ухожаяхъ; «путики» и «перевѣсища», столь частые на сѣверѣ, здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются; зато описаніе каждаго имѣнія неизмѣнно оканчивается указаніемъ, сколько въ немъ числится пашни. И въ мѣстности между Волгой и Окой основывались въ удѣльное время монастыри и происходила колонизація, но поселявшіеся здѣсь монахи, въ противоположность основателямъ сѣверныхъ монастырей, не охотились, не ловили рыбы и не варили соль, а воздѣлывали землю, занимались полевымъ, земледѣльческимъ хозяйствомъ. Типическимъ примѣромъ такихъ монаховъ хлѣбопашцевъ служатъ сподвижники основателя самаго знаменитаго изъ центральныхъ монастырей, св. Сергія Радонежскаго. О томъ же перевѣсѣ земледѣлія надъ другими отраслями народнаго труда свидѣтельствуютъ, наконецъ, многочисленные акты удѣльнаго періода, грамоты всякаго рода, государственныя и частныя. Такъ въ концѣ XIV вѣка митрополитъ Кипріанъ далъ уставную грамоту, опредѣляющую повинности крестьянъ, жившихъ на земляхъ митрополичьихъ монастырей; характеръ этихъ повинностей не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ преобладающемъ значеніи земледѣлія. Въ самомъ дѣлѣ: что̀ это за повинности? Главныя изъ нихъ заключаются вотъ въ чемъ: «игумнову долю пашни пахать, сѣять и жать, сѣно косить, рожь молоть, хлѣбы печь, солодъ молоть, на сѣмя рожь молотить».

Господствующимъ отраслямъ производства соотвѣтствовали и своеобразныя для каждаго изъ указанныхъ трехъ районовъ *формы землевладѣнія* и *формы хозяйства*. Сѣверъ и въ этомъ отношеніи стоялъ всего ближе къ кіевской Руси: и здѣсь, какъ и тамъ, преобладаніемъ добывающей промышленности обусловливалась семейная форма производства. Но въ сферѣ формъ землевладѣнія между кіевской Русью и сѣверомъ удѣльнаго времени уже не существовало тожества: совершились уже нѣкоторыя важныя перемѣны,—коренныя, необходимыя

и временныя или случайныя. Къ числу коренныхъ перемѣнъ принадлежитъ прежде всего полное исчезновеніе стариннаго вольнаго или захватнаго, кочевого землепользованія: каждая семья уже не переселяется постоянно, захватывая себѣ для хозяйственной эксплуатаціи на непродолжительный срокъ любой участокъ земли,—она осѣдаетъ довольно прочно, болѣе опредѣленнымъ образомъ и надолго размежевывается съ сосѣдями. Причина этой перемѣны кроется въ ростѣ населенія и естественныхъ условіяхъ сѣвернаго края, гдѣ суровость климата и скудость почвы, малоудобной для земледѣлія, исключаютъ возможность широкаго простора и требуютъ отъ каждой хозяйственной единицы столь напряженнаго труда, что она неохотно разстается съ облюбованнымъ участкомъ. Читая документы, касающіеся заселенія сѣвернаго края, легко убѣдиться, что обычнымъ типомъ колонизаціи здѣсь было поселеніе одинокаго крестьянина съ его семьей на пустомъ мѣстѣ, среди болотъ и лѣсовъ, и при томъ поселеніе болѣе или менѣе прочное. Сплошь и рядомъ встрѣчаются указанія, что тотъ или иной крестьянинъ «посѣче лѣсъ и многа древеса, яко ту селитву себѣ сотворитъ» или «завелъ новое мѣсто роспашное». Въ послѣдующихъ поколѣніяхъ семья такого отдѣльнаго поселенца размножается, но, сознавая еще сильно свое кровное единство, не дѣлится, владѣетъ землей сообща и живетъ вся въ одномъ дворѣ. Работа производится общими силами, а дѣлятся лишь продуктомъ, причемъ основаніемъ для раздѣла продукта служитъ степень кровной, родственной близости къ основателю двора, родоначальнику семьи. Возьмемъ простѣйшій схематическій примѣръ: предположимъ, что у этого родоначальника—перваго поселенца было два сына. Очевидно, каждому изъ нихъ, при совмѣстномъ веденіи хозяйства по смерти отца, должна была достаться половина продукта. Допустимъ далѣе, что въ третьемъ поколѣніи произошла такая перемѣна: у одного изъ сыновей родоначальника былъ одинъ сынъ, а у другого двое; очевидно, на долю перваго придется половина продукта, а на долю двухъ послѣднихъ лишь по четверти и т. д., такъ что съ размноженіемъ семьи доли въ каждомъ послѣдующемъ поколѣніи дробились все больше, и доля одного не равнялась долѣ каждаго изъ другихъ. Это неравенство содѣйствовало росту стремленія отдѣльныхъ членовъ семейнаго союза къ хозяйственной самостоятельности, потому что ни у кого нѣтъ желанія работать столько же, сколько другіе, получая вмѣстѣ съ тѣмъ меньше другихъ. Первымъ выраженіемъ такого стремленія было пріобрѣтеніе каждымъ членомъ семьи права продавать, закладывать, дарить и завѣщать свои права на долю общаго продукта постороннимъ, чужимъ людямъ, чужеродцамъ. Путемъ такихъ сдѣлокъ въ составъ семейнаго союза или двора проникли элементы не родственные, и такой осложнившійся чужеродными примѣсями союзъ получилъ названіе союза складниковъ, сябровъ или сосѣдей. Въ документахъ XIV, XV и даже XVI вѣковъ часто попа-

даются на сѣверѣ земли, находившіяся «съ складниками не въ раздѣлѣ». Но чужеродцы, конечно, еще болѣе, чѣмъ родственники, тянули врозь, и въ результатѣ получился уже не дѣлежъ продукта, а раздѣлъ земли, сначала временный, предполагавшій возможность новаго передѣла, нерѣдко и осуществлявшагося. О «новомъ дѣлѣ» или «передѣлѣ» земли между складниками можно прочитать во многихъ сѣверныхъ актахъ удѣльнаго періода. Наконецъ, отъ временнаго раздѣла земли не труденъ и не дологъ былъ уже переходъ къ полному и окончательному раздѣлу, т.-е. къ подворно-наслѣдственному владѣнію. Въ источникахъ часто встрѣчаются извѣстія о такихъ раздѣлахъ съ стереотипной оговоркой: «а тѣхъ земель намъ впредь не передѣливати». Однако въ удѣльное время такіе окончательные раздѣлы были на сѣверѣ Россіи не общимъ явленіемъ, а скорѣе исключеніемъ, такъ что вообще можно признать сѣверное землевладѣніе того времени складническимъ, сябриннымъ, или сосѣдскимъ, сопровождающимся или совмѣстнымъ веденіемъ хозяйства, или временными, періодическими передѣлами земли между складниками, сябрами или сосѣдями. Таковы необходимыя, коренныя перемѣны, совершавшіяся въ удѣльный періодъ въ сѣверномъ семейномъ землевладѣніи и представлявшія собою неизбѣжное, подъ вліяніемъ новыхъ условій, развитіе древнѣйшаго землевладѣльческаго права. Поверхностной, случайной и отчасти временной перемѣной въ той же сферѣ надо считать образованіе во многихъ мѣстахъ сѣвернаго края крупныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ и владыки, т.-е. архіепископа новгородскаго. Извѣстно, напр., что новгородскій владыка имѣлъ до конца XV вѣка обширныя владѣнія въ Обонежской пятинѣ, т. е. нынѣшней Олонецкой губерніи, что знаменитой Марѳѣ-посадницѣ принадлежали земли по берегамъ Бѣлаго моря, при устьѣ р. Онеги, а Важскій уѣздъ въ XIV вѣкѣ представлялъ собою территорію, почти всецѣло занятую громадной промышленной вотчиной новгородскихъ бояръ Своеземцевыхъ. Эта примѣсь архіерейскихъ и боярскихъ земель была, несомнѣнно, поверхностной перемѣной, потому что она не повела къ коренной перестройкѣ крестьянскаго землевладѣльческаго права на сѣверѣ: бояре и владыка пріобрѣли лишь высшее право на землю, подобное праву удѣльныхъ князей на всю территорію ихъ княжества; подъ покровомъ этого высшаго права собственности на землю въ боярскихъ и владычнихъ вотчинахъ сѣвера продолжали господствовать семейная форма крестьянскаго землепользованія и свободный оборотъ (продажа и залогъ) земли между крестьянами. Но появленіе этой боярской вотчины было еще случайнымъ: это потому, что она была создана не столько мѣстными экономическими условіями, сколько хозяйственными особенностями новгородскаго края: только пріобрѣтеніе капиталовъ посредствомъ торговой дѣятельности доставило новгородскимъ боярамъ и владыкѣ необходимыя для покупки, захвата и заселенія земель средства. Наконецъ, временнымъ надо признать

развитіе боярской и архіепископской вотчины на сѣверѣ по той причинѣ, что съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка эта вотчина была вырвана съ корнемъ Иваномъ III и замѣнена крестьянскимъ, такъ называемымъ чернымъ землевладѣніемъ, т. е. тою же семейною формою крестьянскаго землепользованія, какая существовала прежде, причемъ высшее право собственности на землю стало принадлежать московскому государю. Фактически перемѣна сводилась только къ тому, кому должны были платить оброкъ крестьяне: раньше они его платили боярамъ и владыкѣ, потомъ стали платить великому князю московскому.

Итакъ, на сѣверѣ господствовала съ извѣстными перемѣнами старая семейная форма землевладѣнія и хозяйства, съ примѣсью оброка высшимъ собственникамъ земли. Оброкъ этотъ платился не деньгами, а натурой, бо̀льшею частью долею продукта, половиною или третью, почему и лица, платившія его, назывались половниками, иногда третниками. Все это—формы производства весьма характерныя для натуральнаго хозяйства съ господствомъ добывающей промышленности.

Мы видѣли сейчасъ, какъ сильно содѣйствовала новгородская внѣшняя торговля развитію землевладѣнія новгородскихъ бояръ на сѣверѣ. Еще могущественнѣе было вліяніе того же экономическаго фактора на поземельныя отношенія въ предѣлахъ собственно-новгородской области; здѣсь по уцѣлѣвшимъ писцовымъ книгамъ мы можемъ наблюдать подавляющее господство боярскаго землевладѣнія, чрезвычайно при томъ крупнаго. Земли владыки и монастырей были также довольно виднымъ элементомъ въ новгородскомъ землевладѣніи, но уже онѣ уступали по размѣрамъ боярскимъ имѣніямъ. О владѣніяхъ же мелкаго городского и сельскаго люда—такъ называемыхъ своеземцевъ и даже купцовъ—и говорить нечего: они совершенно тонули въ морѣ боярской и церковной земли. Наконецъ, самостоятельнаго крестьянскаго землевладѣнія уже совсѣмъ не было. Процессъ обезземеленія новгородскихъ крестьянъ или смердовъ можно прослѣдить по уцѣлѣвшимъ поземельнымъ актамъ XIII, XIV и XV вѣковъ, равно какъ и по отрывочнымъ намекамъ другихъ источниковъ. Такія грамоты, какъ вкладная Варлаама Хутынскаго или завѣщаніе Антонія Римлянина, передавшихъ свои вотчины въ основанные ими монастыри, указываютъ, что монастыри пріобрѣтали свои владѣнія отъ лицъ разнаго общественнаго положенія прежде всего путемъ даренія: при жизни дарителя—посредствомъ вклада или по его смерти — посредствомъ духовной грамоты. Это вполнѣ понятно въ обществѣ, которое, несмотря на скопленіе нѣкоторыми его членами значительныхъ капиталовъ, жило все-таки по преимуществу при натуральномъ хозяйствѣ: земля оставалась наиболѣе значительной и самой распространенной цѣнностью, такъ что естественно и являлась наиболѣе удобнымъ средствомъ стяжать себѣ молитвы монашествующей братіи для достиженія царства небеснаго. На

ряду съ этимъ монастыри, разумѣется, пріобрѣтали земли и посредствомъ покупки и пріема въ залогъ, тѣмъ болѣе, что кредитныя операціи, по всѣмъ признакамъ, достигли въ Новгородѣ значительнаго развитія. Все сказанное о происхожденіи и развитіи монастырскаго землевладѣнія одинаково примѣнимо и къ землевладѣнію владыки или архіепископа новгородскаго. Что касается громадныхъ вотчинъ новгородскихъ бояръ, то покупка и пріемъ въ залогъ, несомнѣнно, также были важнымъ средствомъ сосредоточенія въ боярскихъ рукахъ большихъ земельныхъ богатствъ: это видно изъ новгородскихъ купчихъ и закладныхъ XIV и XV вѣковъ, а также изъ договорныхъ грамотъ Новгорода съ князьями, свидѣтельствующихъ, что покупка селъ была обычнымъ въ то время явленіемъ. Наконецъ, существовалъ еще способъ пріобрѣтенія земли, несомнѣнно примѣнявшійся въ нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ, случаяхъ новгородскими боярами: это — пріемъ свободныхъ людей, владѣвшихъ землею, въ закладни. Недаромъ въ договорныхъ грамотахъ Новгорода съ князьями, съ цѣлью преградить князьямъ возможность обогатиться землею въ новгородскомъ краѣ, постоянно запрещается князьямъ держать гдѣ бы то ни было закладней Закладни — это то же, что коммендаты въ средневѣковыхъ государствахъ Западной Европы; это лица, отдавшіяся подъ покровительство какого-либо сильнаго человѣка, подчинившіяся ему со своими землями въ податномъ и судебномъ отношеніяхъ.

Бояре, архіепископъ и монастыри, получая главную часть своихъ средствъ отъ внѣшней транспортной торговли, пользовались доходами со своихъ вотчинъ по преимуществу для удовлетворенія собственныхъ потребностей. Вотъ почему, какъ видно изъ писцовыхъ книгъ XV и даже первой половины XVI вѣка, главной формой эксплуатаціи крестьянскаго труда въ боярскихъ и церковныхъ вотчинахъ былъ оброкъ натурой, большею частью долей продукта, рѣже,—именно тамъ, гдѣ коренные устои натуральнаго хозяйства стали уже сильно колебаться,— деньгами. Несвободный, холопскій трудъ примѣнялся весьма мало. И въ самомъ дѣлѣ: для чего было заставлять крестьянъ работать на барщинѣ и употреблять для земледѣльческаго труда холоповъ, когда барская запашка была ненужна, потому что рынка для плохого новгородскаго хлѣба не было, а собственныя потребности владѣльцевъ легко удовлетворялись насчетъ оброка?

Наконецъ, перевѣсъ сельскаго хозяйства и въ частности земледѣлія въ предѣлахъ нынѣшней центральной Россіи также оказалъ сильное вліяніе на землевладѣльческія отношенія. Земледѣліе требуетъ уже нѣкоторой, довольно значительной сравнительно съ добывающей промышленностью, затраты капитала: первобытный звѣроловъ, рыболовъ или пчеловодъ почти совершенно не нуждаются въ капиталѣ для своихъ производительныхъ цѣлей: не трудно и ничего не стоитъ устроить тенета для звѣря, обзавестись рогатиной, сплести сѣти для рыбы; чтобы

собрать воску и меду, стоитъ только найти въ лѣсу дуплистое дерево и сдѣлать въ немъ нехитрыя приспособленія для пчелъ или даже просто отыскать дерево, гдѣ пчелы уже живутъ. Не то въ земледѣліи: при занятіи имъ въ лѣсной странѣ необходимо выжечь лѣсъ, выкорчевать пни, распахать новь, засѣять ее, переборонить поле, сжать и вымолотить хлѣбъ, смолоть зерно. Всѣ эти операціи требуютъ значительной затраты времени, слѣдовательно предполагаютъ у земледѣльца наличность извѣстнаго потребительнаго запаса, извѣстныхъ средствъ для пропитанія; кромѣ того, операція эти настолько сложны, что вызываютъ употребленіе земледѣльческихъ орудій—плуга, сохи, бороны, косы или серпа и т. д.; если къ этому прибавить необходимость сѣмянъ для посѣва, рабочаго скота и хозяйственныхъ построекъ, то станетъ понятна настоятельная нужда земледѣльца въ капиталѣ. Между тѣмъ, въ центральной Руси въ удѣльное время капиталъ былъ несравненно менѣе распространенъ въ массѣ населенія, чѣмъ это было даже въ области Новгорода и Пскова. Отдѣльная крестьянская семья сплошь и рядомъ не обладала, поэтому, достаточными для успѣшнаго веденія земледѣльческаго хозяйства средствами, а это заставляло ее нерѣдко отказываться отъ земли за ссуду инвентаремъ, получаемую отъ лицъ болѣе состоятельныхъ, или садиться на землю, принадлежащую этимъ состоятельнымъ лицамъ. Экономически сильными, капиталистами, по крайней мѣрѣ, болѣе, чѣмъ крестьяне, обезпеченными матеріально были въ то время, прежде всего князья, великіе и удѣльные, затѣмъ архіерейскія каѳедры, по преимуществу митрополичья, монастыри и, наконецъ, бояре. Въ ихъ рукахъ и сосредоточилась постепенно вся масса земельнаго богатства области между Окой и Волгой, произошло такъ называемое «окняженіе» и «обояреніе» земли, такъ что даже черная или тяглая земля т.-е. собственно крестьянская, стала считаться княжеской. Это была очень важная перемѣна въ землевладѣльческомъ правѣ: сущность ея сводится къ тому, что не только боярскія, княжескія-дворцовыя, монастырскія и архіерейскія, но и черныя земли не могли быть отчуждаемы крестьянами, что крестьяне потеряли право свободнаго распоряженія землей, ея продажи, залога, даренія и завѣщанія,—то право, которое составляло такой отличительный признакъ сѣвернаго складническаго землевладѣнія.

Но перемѣны въ землевладѣльческомъ правѣ центральной области не ограничились обезземеленіемъ крестьянъ и образованіемъ крупнаго землевладѣнія князей, церковныхъ учрежденій и бояръ. Дѣло въ томъ, что сбытъ земледѣльческихъ продуктовъ былъ чрезвычайно слабо развитъ, находился въ зачаточномъ состояніи; натуральное хозяйство оставалось еще непоколебленнымъ. Вотъ почему, несмотря на господство крупнаго *землевладѣнія*, нельзя было вести крупное земледѣльческое *хозяйство*, такъ какъ для такого хозяйства необходимъ обширный и

свободный рынокъ, а такого рынка нѣтъ и быть не можетъ при системѣ натуральнаго хозяйства. При томъ вотчины были слишкомъ обширны, чтобы можно было за всѣмъ услѣдить самому хозяину. Отсюда возникаетъ потребность въ раздачѣ крупныхъ имѣній по частямъ посредникамъ, третьимъ лицомъ, которыя занимали бы промежуточное положеніе между крестьянами, съ одной стороны, и крупными землевладѣльцами, съ другой. И вотъ, прежде всего, *князь* удѣльнаго періода начинаетъ раздавать свои земли *во временное и условное владѣніе* сначала своимъ несвободнымъ слугамъ, необходимымъ ему въ его хозяйствѣ въ качествѣ приказчиковъ или «тіуновъ», какъ тогда выражались. Это удобно и для этихъ слугъ, создавая имъ въ извѣстной степени обезпеченное существованіе, и для князя, такъ какъ даетъ ему возможность вознаграждать своихъ слугъ землей, не теряя послѣдней, потому что ее всегда можно взять обратно, и не затрачивая дорогого въ то время денежнаго капитала. Такъ въ сферѣ княжескаго дворцоваго землевладѣнія и хозяйства зародилась и воплотилась въ дѣйствительность идея *помѣстья*, т.-е. временнаго владѣнія землей подъ условіемъ службы и съ правомъ того, кто пожаловалъ землю, отобрать ее у временнаго владѣльца или помѣщика. Слѣды помѣстья на княжеской землѣ наблюдаются впервые, по нашимъ источникамъ, въ завѣщаніи великаго князя Ивана Калиты, составленномъ въ 1328 году. Но помѣстная система настолько органически связана съ системой натуральнаго хозяйства, что стала естественно и неудержимо расти и распространяться не на однихъ несвободныхъ хозяйственныхъ слугъ князя, но также и на его свободныхъ военныхъ слугъ, т.-е. бояръ и дворянъ. Мало того: и архіереи, и монастыри, и даже отдѣльныя лица служилаго класса, обладавшія обширными землями, стали раздавать значительную часть своихъ владѣній въ помѣстное владѣніе. Это можно наблюдать въ XIV, XV и XVI вѣкахъ на земляхъ митрополита московскаго, у архіереевъ, вродѣ архіепископовъ новгородскаго и рязанскаго, во владѣніяхъ монастырей, наконецъ, у бояръ и другихъ служилыхъ людей—по уцѣлѣвшей писцовой книгѣ Тверского уѣзда за первую половину XVI вѣка. На ряду съ помѣстьемъ господство земледѣлія при сохраненіи натуральнаго хозяйства повело къ распространенію еще одного типическаго для этого историческаго періода вида земельнаго владѣнія,—монастырской вотчины. Мы уже видѣли, что одной изъ главныхъ причинъ роста монастырскихъ земель было то обстоятельство, что монастыри принадлежали къ числу крупныхъ капиталистовъ. Другая причина также была отмѣчена выше, при изученіи землевладѣнія въ новгородскомъ краѣ: она заключалась въ томъ, что при натуральномъ хозяйствѣ земля была почти единственной значительной цѣнностью, почему ею по преимуществу и можно было дѣлать вклады въ монастыри. Постепенно такимъ образомъ бóльшая часть территоріи центральной

области перешла въ помѣстное и монастырское владѣніе. Въ XVI вѣкѣ даже во всей Россіи было не мало уѣздовъ, въ которыхъ почти вся земля сплошь была монастырская или помѣстная, и безъ преувеличенія можно сказать, что не было ни одного уѣзда (кромѣ сѣверныхъ), въ которомъ помѣстья и монастырскія земли не занимали бы большей части территоріи. Писцовыя книги не оставляютъ въ этомъ ни малѣйшихъ сомнѣній. По нимъ видно, напримѣръ, что въ новгородскихъ пятинахъ отъ 75 до 94% всей территоріи находилось въ помѣстномъ владѣніи, въ Казанскомъ уѣздѣ помѣстья занимали 65% всей площади, въ Коломенскомъ 59%, въ Вяземскомъ 97, а въ Московскомъ хотя подъ помѣстьями значилось 34% всей территоріи уѣзда, но 35% приходилось па монастырскія вотчины, такъ что на долю всѣхъ другихъ видовъ земельнаго владѣнія оставалось гораздо менѣе трети всей площади.

Такимъ образомъ мы видимъ, что для Сѣвера характерной земледѣльческой формой является въ удѣльный періодъ крестьянская сябринная или складническая земельная собственность, для новгородско-псковскаго края—крупная боярская, отчасти архіерейская и монастырская вотчина, для центральной области княжеская вотчина, въ меньшей степени также архіерейская и боярская, причемъ здѣсь зарождаются и затѣмъ развиваются еще помѣстье и монастырское землевладѣніе. Такъ какъ на всей почти территоріи страны продолжало въ то же время господствовать натуральное хозяйство, то формой эксплуатаціи чужого труда со стороны капиталистовъ-землевладѣльцевъ оставался по преимуществу натуральный оброкъ, чаще всего долей продукта; несвободный трудъ не игралъ сколько-нибудь видной хозяйственной роли.

Взаимное отношеніе разныхъ отраслей производства, а также формы землевладѣнія и хозяйства опредѣлили своимъ вліяніемъ и *систему хозяйства*, его технику. Говоря вообще, можно подмѣтить довольно яркіе слѣды прогресса въ этомъ отношеніи, смѣну первобытныхъ хозяйственныхъ системъ болѣе совершенными. Это замѣтно уже въ добывающей промышленности, напримѣръ, въ пчеловодствѣ, которое въ кіевской Руси существовало лишь въ видѣ бортничества, т. е. разведенія пчелъ въ дуплахъ лѣсныхъ деревьевъ, безъ особаго ухода за ними; въ удѣльное время отъ бортничества, какъ видно по нѣкоторымъ актамъ, переходятъ кое-гдѣ уже къ пасѣчному пчеловодству, къ устройству ульевъ. Тотъ же прогрессъ можно прослѣдить и въ земледѣліи: вмѣсто огневой, подсѣчной, кочевой системы, когда послѣ выжиганія лѣса палъ или огнище распахивается всего годъ или два и потомъ бросается для новаго участка,—на большей части территоріи удѣльной Руси получаетъ преобладаніе переложная система земледѣлія, когда сроки распашки отдѣльныхъ участковъ удлинняются, хотя пашня составляетъ все еще незначительную часть пахотной земли сравнительно съ

залежью, такъ что залежь или перелогъ возстановляетъ свои производительныя силы попрежнему естественнымъ путемъ отдыха, безъ всякаго удобренія. Мало того: въ XV-мъ и XVI-мъ вѣкахъ, какъ показываютъ писцовыя книги, въ области Волги и Оки и въ новгородскомъ краѣ распространяется еще болѣе совершенная паровая-зерновая или трехпольная система земледѣлія, при которой подъ паромъ остается не болѣе половины, а въ болѣе развитомъ состояніи—не болѣе трети всей земли, причемъ паровое поле удобряется навозомъ, а два другихъ поля засѣваются,—одно озимымъ хлѣбомъ, по преимуществу рожью, а другое яровымъ, овсомъ, пшеницей, или ячменемъ. Эти наблюденія надъ прогрессивнымъ развитіемъ системы земледѣлія служатъ нагляднымъ выраженіемъ того постепенно увеличивавшагося преобладанія земледѣлія въ народномъ хозяйствѣ удѣльнаго періода, о которомъ у насъ уже шла рѣчь раньше. Такимъ же яркимъ отраженіемъ господства внѣшней торговли въ хозяйствѣ Новгорода служатъ сохранившіяся свидѣтельства о развитіи тамъ коммерческой техники, системы торговли. И русскіе акты, и лѣтописи, и иностранные источники указываютъ на существованіе въ Новгородѣ купеческихъ компаній или товариществъ: такъ было товарищество купцовъ-прасоловъ, т.-е. гуртовыхъ торговцевъ скотомъ, вощаниковъ, т.-е. торговцевъ воскомъ, заморскихъ купцовъ или купцовъ, ѣздившихъ для торговли за море, за границу и т. д. Можно даже различить разные виды этихъ торговыхъ компаній: полныя товарищества, когда участники отвѣчаютъ за убытки и долги всѣмъ своимъ капиталомъ, и товарищества на вѣрѣ, въ которыхъ отвѣтственность простирается лишь на вложенный въ предпріятіе участникомъ капиталъ, а не на все его достояніе.

Ознакомившись съ хозяйственными условіями русской народной жизни въ удѣльный періодъ, мы тѣмъ самымъ становимся на твердую почву при рѣшеніи вопроса объ относительномъ значеніи города и деревни въ то время. Изъ всего сказаннаго нетрудно сдѣлать выводъ, что въ области Новгорода и Пскова первенствовало городское хозяйство-торговля, а на сѣверѣ и въ нынѣшнемъ центрѣ хозяйство деревенское—сельскохозяйственная и добывающая промышленность. Уже изъ этого видно, что городъ имѣлъ опредѣляющее значеніе въ жизни новгородско-псковской области, а деревня играла такую же роль въ остальной удѣльной Руси. И достаточно бросить даже поверхностный взглядъ на соціальный и политическій строй этого періода, чтобы убѣдиться въ справедливости такого заключенія. Общество Великаго Новгорода и Пскова распадалось на три большихъ слоя, если не считать несвободныхъ и полусвободныхъ состояній: то были, во-первыхъ, бояре, во-вторыхъ, житьи люди и купцы, въ-третьихъ, черные люди. Въ основу этого дѣленія легли совершенно опредѣленныя и рѣзкія различія въ экономическомъ отношеніи. Не подлежитъ сомнѣнію, что новгородское боярство принимало непосредственное участіе въ торговлѣ въ

первые вѣка послѣ призванія князей: недаромъ цитованная уже выше былина поетъ о добромъ молодцѣ, нанявшемся «къ купцу—купцу богатому, ко боярину»: купецъ и бояринъ здѣсь отожествляются. Вѣроятно, и позднѣе, боярскіе капиталы находили себѣ помѣщеніе въ торговыхъ купеческихъ товариществахъ, но, будучи отвлекаемы отъ торговли политическою дѣятельностью, новгородскіе бояре довольно скоро усвоили себѣ другую, совершенно необходимую при оживленномъ торговомъ оборотѣ, экономическую функцію: они сдѣлались крупными капиталистами-банкирами, у которыхъ кредитовалось купечество; эта банкирская дѣятельность новгородскихъ бояръ засвидѣтельствована однимъ лѣтописнымъ разсказомъ начала XIII вѣка, по которому народъ разграбилъ домъ посадника Дмитра и нашелъ у него множество «досокъ», на которыхъ были записаны денежныя обязательства лицъ, задолжавшихъ этому боярину; существовало также сказаніе о посадникѣ Щилѣ, дававшемъ деньги въ ростъ за проценты. Занятіе купцовъ ясно изъ самаго названія этого сословія. Въ немъ выдѣлялся высшій слой, самое богатое купечество, такъ называемые житьи люди. Наконецъ, черные люди распадались на смердовъ или крестьянъ, занимавшихся земледѣліемъ, скотоводствомъ и добывающей промышленностью на чужихъ, по преимуществу боярскихъ, земляхъ, и городское черное населеніе,—городчанъ, своеземцевъ и рядовичей. Своеземцы жили, впрочемъ, часто и въ деревняхъ: это были землевладѣльцы, нерѣдко обрабатывающіе землю собственнымъ трудомъ. Городчане и рядовичи занимались не столько ремеслами, сколько мелкой торговлей, и жили не только въ Новгородѣ и его многочисленныхъ пригородахъ, но и въ «рядкахъ», торгово промышленныхъ поселеніяхъ городского типа, расположенныхъ по рѣчнымъ торговымъ путямъ, каковы рѣки Мста, Шелонь, Волховъ, Свирь, Луга. Такъ какъ крестьяне жили на боярскихъ земляхъ, а купцы кредитовались у бояръ, то, господствуя надъ чернымъ сельскимъ населеніемъ посредствомъ землевладѣнія и надъ городскимъ чернымъ и надъ купечествомъ посредствомъ денежнаго капитала, служившаго для кредитныхъ операцій, новгородское боярство было и политически-правящимъ классомъ. Правда, юридически, по закону или обычаю, вѣче, т.-е. собраніе всего свободнаго населенія новгородской общины безъ различія сословій, считалось единственнымъ носителемъ верховной власти: оно законодательствовало, выбирало всѣ органы управленія—князя, владыку, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, старостъ концовъ и улицъ города, судило по важнѣйшимъ дѣламъ, нерѣдко тотчасъ же и расправлялось съ подсудимыми, распоряжалось финансами, наконецъ, было рѣшающимъ учрежденіемъ въ дѣлахъ внѣшней политики; но всѣ эти функціи вѣча нерѣдко обращались въ юридическія фикціи, оставались лишь въ области теоріи, не воплощаясь въ дѣйствительность. На практикѣ вѣче почти всецѣло подчинялось боярскому совѣту: послѣднему принадлежало право предварительнаго разсмотрѣнія законо-

дательныхъ проектовъ, мѣръ административныхъ и актовъ по внѣшней политикѣ, а это давало ему важныя преимущества: совѣтъ состоялъ исключительно изъ бояръ, т.-е. лицъ опытныхъ въ дѣлѣ администраціи, связанныхъ къ тому же общими сословными и хозяйственными интересами, согласныхъ поэтому между собой; умѣлость и единство взглядовъ давали совѣту возможность подсказывать вѣчу его рѣшенія. Какъ мало значило рѣшеніе вѣча послѣ совѣтскаго постановленія, видно изъ того, что совѣтъ, повидимому, иногда рѣшалъ дѣло, не доводя его до вѣча: въ началѣ XV-го вѣка, напр., купцы жалуются, что совѣтъ не все доводитъ до свѣдѣнія народа, а Иванъ III заставилъ совѣтъ безъ согласія вѣча утвердить запись или грамоту, по которой Новгородъ долженъ былъ присягнуть ему на полное подданство. Давая общее направленіе политикѣ Новгорода черезъ посредство правительственнаго совѣта, боярство держало въ своихъ рукахъ и всю текущую администрацію, такъ какъ право быть выбираемыми въ посадники, тысяцкіе, сотскіе, кончанскіе и уличанскіе старосты принадлежало исключительно боярамъ. Изъ другихъ сословій только купцы пользовались нѣкоторыми преимуществами, несравненно, впрочемъ, меньшими, чѣмъ бояре: въ рукахъ выборныхъ отъ купечества старостъ былъ судъ по торговымъ дѣламъ и участіе въ разборѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ между новгородцами и пріѣзжими нѣмцами. Если къ этому прибавить, что власть князя въ эпоху расцвѣта новгородской самостоятельности свелась почти къ нулю—за нимъ осталось почти только одно военное предводительство, да и то съ участіемъ посадника, и что въ вѣчѣ на дѣлѣ принимали участіе главнымъ образомъ городскіе черные люди, то будетъ вполнѣ ясно, что городъ, которому принадлежало господство въ экономической жизни Великаго Новгорода, направлялъ и всю соціальную и политическую жизнь этой вольной общины.

Развитіе деревенской промышленности — сельскаго хозяйства—въ области Волги и Оки имѣло важное вліяніе, прежде всего, на соотношеніе соціальныхъ силъ. Земледѣльческое населеніе, крестьянство, сохранившее еще за собой нѣкоторую долю земель, хотя и подчиненныхъ князю какъ высшему собственнику, не утратило здѣсь своего значенія въ такой степени, какъ въ аристократическомъ Новгородѣ: оно только сильнѣе примкнуло къ князю, естественному своему защитнику, и тѣмъ усилило его вотчинную власть. При полномъ почти отсутствіи торговли и городской промышленности, населеніе городовъ по существу не отличалось отъ сельскаго, занималось въ главной своей массѣ также земледѣліемъ, и было вообще малочисленно. Земли бояръ—аристократическаго элемента въ обществѣ—далеко уступали по своимъ размѣрамъ владѣніямъ князя; при томъ же экономическое благосостояніе боярства сильно зависѣло отъ воли князя, которому оно служило. Все это дѣлало самымъ сильнымъ рычагомъ въ общественной и политической машинѣ княжескую власть. Понятно поэтому, что князьямъ удѣльнаго времени

удалось выработать прочную связь со своими княжествами и установить порядокъ передачи княжескаго стола по нисходящей линіи,—отъ отца къ сыну. Естественно, что и политическое положеніе боярскаго класса не было обезпеченнымъ, не опиралось на такія опредѣленныя юридическія гарантіи, какія выработаны были исторіей новгородской вольной общины: князь удѣльнаго періода совѣтовался съ боярами, но не въ силу политическихъ обязательствъ, а подъ давленіемъ простой практической необходимости. Вотъ почему удѣльная боярская дума не имѣла еще характера настоящаго учрежденія съ постояннымъ составомъ и опредѣленнымъ вѣдомствомъ или кругомъ дѣлъ, подлежащихъ его рѣшенію. Усиленіе князя, ослабленіе аристократіи и крайне ничтожное значеніе городскихъ промысловъ и торговли, выразившееся въ томъ, что города въ области Волги и Оки были не торговыми и промышленными центрами, а временными убѣжищами на случай военныхъ нападеній, оказало роковое вліяніе на судьбу вѣча: лишенные хозяйственнаго значенія, горожане не были въ силахъ оградить свою политическую самостоятельность отъ притязаній князей и утратили довольно рано вѣчевое устройство, которое не было поддержано и крестьянствомъ, практически не заинтересованнымъ въ его сохраненіи, потому что деревенскому жителю трудно его посѣщать, и экономически подчинявшимся князю. Мы знаемъ, что пригороды въ отношеніи къ вѣчу старшаго города занимали такое же подчиненное положеніе, какъ и села съ деревнями: «на чемъ старшіе сдумаютъ, на томъ и пригороды станутъ»—таковъ былъ древній обычай. Понятно, что эта зависимость не могла нравиться пригородамъ, въ которыхъ къ тому же были слабы и вѣчевыя привычки. И потому сѣверо-восточные князья-«самовластцы», начиная съ Андрея Боголюбскаго, бросаютъ старые вѣчевые города, Ростовъ и Суздаль, и переселяются въ пригородъ, Владиміръ на-Клязмѣ. Послѣдній часъ вѣчевого строя въ области Волги и Оки пробилъ тогда, когда братья Андрея Боголюбскаго, Михаилъ и Всеволодъ Большое Гнѣздо, опираясь на тѣхъ же владимірцевъ, одержали верхъ надъ своими племянниками, которыхъ поддерживали суздальцы и ростовцы. Такъ преобладаніе деревенскаго склада жизни въ центральной Руси сказалось и въ сферѣ экономической, и въ соціально-политическихъ отношеніяхъ.

Сравнивая заключенія, получившіяся при опредѣленіи исторической роли города и деревни въ первые два періода русской исторіи, мы можемъ констатировать важныя измѣненія въ удѣльный періодъ сравнительно съ кіевскимъ. Тогда какъ въ Кіевской Руси преобладали деревня, и городъ являлся лишь постороннимъ придаткомъ къ сельскому быту, новообразованіемъ, лишь слегка связаннымъ съ основами народной жизни,—въ удѣльный періодъ каждая форма поселеній—городъ и деревня—завоевываетъ себѣ особую область, гдѣ и господствуетъ: городъ является опредѣляющимъ моментомъ въ жизни Новгорода и

Пскова, а деревня играетъ такую же роль въ жизни центральной области и сѣвера Россіи. Достойно при этомъ вниманія, что деревенская экономическая жизнь приблизилась въ удѣльное время къ *земледѣльческому* типу, имѣвшему такое важное значеніе въ послѣдующихъ историческихъ судьбахъ русскаго народа, а хозяйство городское сохраняло прежній, торговый характеръ, обрабатывающая же промышленность оставалась попрежнему въ зачаточномъ состояніи. Такимъ образомъ, въ удѣльное время не только обозначилось новое соотношеніе двухъ изучаемыхъ формъ поселеній, но опредѣлился надолго и экономическій типъ этихъ поселеній.

IV.

Городъ и деревня въ Московской Руси (во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ).

Одной изъ основныхъ причинъ успѣшнаго собиранія Руси московскими великими князьями служило, несомнѣнно, экономическое единство той территоріи, которая вошла въ составъ объединеннаго Московскаго государства. Великій Новгородъ, эта богатая, вольная, торговая республика удѣльнаго періода, служитъ блестящимъ тому доказательствомъ: онъ былъ связанъ тѣснѣйшими, неразрывными хозяйственными узами съ сѣверо-восточной Русью; новгородское купечество, какъ мы видѣли, вело транспортную, передаточную торговлю, сбывало за границу продукты не своей области, а центра нынѣшней Россіи, и въ свою очередь продавало здѣсь не предметы, производимые въ новгородскихъ пятинахъ, а иностранные товары. Мало того: Новгородъ съ его областью не могъ пропитаться своимъ хлѣбомъ и нуждался въ привозѣ его изъ сѣверо-восточной Руси, изъ великокняжескихъ владѣній. Стоило порвать экономическую связь Новгорода съ бассейномъ Волги и Оки, и все его торговое могущество должно было бы разрушиться и исчезнуть. Вотъ почему вольная новгородская община, подобно другимъ удѣльнымъ княжествамъ, должна была рано или поздно подчиниться власти московскаго государя, что и случилось при Иванѣ III. Это экономическое единство территоріи Московскаго государства, не только продолжало сохраняться во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, но и постепенно усиливалось и развивалось. Но, само собою разумѣется, этимъ не исключаются особенности въ хозяйственномъ строѣ отдѣльныхъ областей; даже напротивъ: этими областными особенностями именно и обусловливалось экономическое единство страны, такъ какъ съ усиленіемъ раздѣленія труда отдѣльныя хозяйственныя единицы стали острѣе ощущать необходимость въ обмѣнѣ между собою, т. е. начали болѣе нуждаться другъ въ другѣ, потеряли прежнюю изолированность. Вся территорія Московской Руси XVI и XVII вѣковъ можетъ быть раздѣлена на шесть естественныхъ областей: 1) центръ, включавшій

въ себя нынѣшнія губерніи Московскую, Тверскую, Ярославскую, Костромскую, Владимірскую и Нижегородскую; 2) новгородско-псковской край—губерніи Новгородскую, Псковскую и Петербургскую; 3) сѣверъ, состоявшій изъ нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній; 4) прикамскую область — губерніи Казанскую, Вятскую, Пермскую и Уфимскую; 5) степь—земли къ югу отъ центра и прикамскаго края, и 6) Поднѣпровье, бассейнъ Днѣпра, поскольку онъ не входилъ въ предѣлы литовско-русскаго государства, въ концѣ XVI вѣка соединившагося съ Польщей въ одинъ политическій организмъ подъ названіемъ Рѣчи Посполитой. Въ этотъ перечень не включена Сибирь, не игравшая долго значительной роли въ хозяйственной исторіи нашего отечества. Говоря вообще, надо признать, что къ половинѣ XVI вѣка на большей части очерченнаго громаднаго пространства—за исключеніемъ развѣ крайняго сѣвера и крайняго юга—земледѣліе одержало окончательную побѣду надъ другими отраслями народнаго производства. Это засвидѣтельствовано чрезвычайно цѣннымъ матеріаломъ, сохранившимся для насъ въ значительномъ обиліи въ писцовыхъ книгахъ, по тексту которыхъ пашенныя угодья далеко перевѣшивали собою землю, назначенную для другихъ хозяйственныхъ цѣлей; бобровые же гоны, бортные ухожаи, соляныя варницы и даже рыбныя ловли встрѣчались очень рѣдко и отступали все далѣе на сѣверъ и на югъ, такъ что о добывающей промышленности въ центральной Руси этого времени говорить уже почти не приходится. Еще менѣе значенія имѣла промышленность обрабатывающая: въ этой сферѣ сколько-нибудь замѣтную экономическую роль играло только крестьянское кустарное производство. Такъ, Владимірскій, Калужскій, Гороховецкій, Семеновскій и Корельскій уѣзды уже тогда славились деревянными издѣліями, въ Лысковѣ, Ярославлѣ, Костромѣ и Архангельскѣ существовало производство валяной обуви, шляпъ и полотенъ, въ отдѣльныхъ частяхъ новгородской области выдѣлывались металлическія издѣлія. Не надо при томъ же забывать, что большая часть этихъ кустарныхъ промысловъ развилась лишь къ концу XVII вѣка. Но хотя большая часть страны была, такимъ образомъ, несомнѣнно, земледѣльческой, однако двѣ старыхъ ея области, отличавшіяся естественными условіями, мало благопріятными для земледѣльческаго производства,—именно сѣверъ и область Новгорода и Пскова—не вполнѣ соотвѣтствовали такой характеристикѣ: и здѣсь, правда, земледѣліе выдвинулось на первый планъ уже въ XVI вѣкѣ, но оно не подавляло скотоводства и добывающей промышленности. Такъ называемыя «пожни», т.-е. сѣнные покосы, занимали громадныя пространства на сѣверѣ и особенно въ новгородскихъ пятинахъ. Сѣверъ отличался, кромѣ того, чрезвычайнымъ обиліемъ «путиковъ», «перевѣсищъ», рыбныхъ ловель, соляныхъ варницъ, что указываетъ на сильное развитіе добывающей промышленности. Въ этомъ отношеніи здѣсь сохранялись все еще ста-

ринныя преданія, съ трудомъ подававшіяся подъ напоромъ новыхъ условій. Это преобладаніе добывающей промышленности рѣзко отличало сѣверъ даже отъ новгородскаго края, не говоря уже о другихъ областяхъ страны.

Итакъ, исходнымъ пунктомъ дальнѣйшихъ нашихъ разсужденій является то положеніе, что на сѣверѣ продолжала, хотя и въ нѣсколько меньшей степени, господствовать добывающая промышленность, въ области Новгорода и Пскова обѣ главныя отрасли сельскаго хозяйства—скотоводство и земледѣліе—сохраняли приблизительное равновѣсіе, причемъ сельскохозяйственная промышленность господствовала надъ другими отраслями производства, а въ центрѣ, степи, прикамскомъ краѣ и Поднѣпровьѣ, особенно въ центрѣ, преобладало въ XVI и XVII вѣкахъ земледѣліе.

Но эта характеристика относительнаго значенія отдѣльныхъ отраслей производства далеко не полна: не данъ еще отвѣтъ на одинъ вопросъ первостепенной важности,—о значеніи торговли, внѣшняго и внутренняго обмѣна. Въ этомъ отношеніи съ половины XVI вѣка наблюдаются серьезныя и въ высшей степени любопытныя перемѣны, указывающія на зачатки коренной перестройки хозяйственныхъ отношеній. Перемѣны коснулись какъ внѣшней, такъ и внутренней торговли.

Мы видѣли уже, какую исключительную роль во внѣшней торговлѣ удѣльной Руси игралъ Великій Новгородъ, какъ монополизировало эту торговлю новгородское купечество. Съ паденіемъ новгородской вольности въ концѣ XV вѣка торговое значеніе Новгорода сильно пошатнулось, хотя и далеко не исчезло. Гораздо чувствительнѣе былъ другой ударъ, нанесенный этому торговому центру нѣсколько десятилѣтій спустя, въ половинѣ XVI вѣка: въ это время на отдаленномъ бѣломорскомъ сѣверѣ завязались торговыя и политическія сношенія съ народомъ, экономическая мощь котораго стала развертываться, какъ разъ тогда, когда поколебалась сила Ганзейскаго союза, этого виднѣйшаго торговаго контрагента новгородцевъ: въ 1553 году, капитанъ англійскаго корабля, случайно занесеннаго бурей въ Бѣлое море, Ричардъ Ченслёръ, высадившись на русскомъ берегу, пріѣхалъ въ Москву, былъ ласково принятъ Іоанномъ Грознымъ и заключилъ торговый договоръ между Англіей и Московскимъ государствомъ. Такъ на сѣверѣ, въ Холмогорахъ, а потомъ въ Архангельскѣ и другихъ городахъ, лежавшихъ на пути къ Москвѣ, образовались новые рынки для внѣшней торговли, не уступавшіе Новгороду, скоро даже превзошедшіе его по своему значенію. Можно наблюдать довольно сильное торговое оживленіе цѣлаго ряда городовъ, лежавшихъ на дорогѣ съ сѣвера въ центръ,—особенно Вологды, Ярославля и самой столицы государства, Москвы. Англичане, посѣщавшіе Россію во второй половинѣ XVI вѣка,—Ченслёръ, Климентъ Адамсъ, Дженкинсонъ, Флетчеръ,—всѣ оставили

описанія своихъ путешествій, указывающія на ростъ русскаго торговаго движенія. Въ томъ же убѣждаютъ и туземные источники: Котошихинъ, составившій любопытное описаніе Московскаго государства второй половины XVII вѣка, много говоритъ о русскихъ купцахъ, занимавшихся заграничной торговлей,—такъ называемыхъ гостяхъ и людяхъ гостиной и суконной сотенъ; въ 1667 году изданъ былъ новоторговый уставъ, придавшій этимъ заграничнымъ русскимъ торговцамъ корпоративную организацію для торговаго суда и сбора пошлинъ съ заграничныхъ и вывозимыхъ за границу товаровъ; съ конца XVI вѣка составляются такъ называемыя торговыя книги, служившія руководствами для правильнаго веденія торговли съ англичанами и замѣнявшія до извѣстной степени современные биржевые бюллетени о цѣнахъ на разные товары, обращающіеся на международномъ рынкѣ. Торговыя книги заключали въ себѣ свѣдѣнія о цѣнахъ на предметы русскаго экспорта на московскомъ рынкѣ, о стоимости ихъ провоза до Архангельска и о продажной цѣнѣ на тѣ же продукты въ Нидерландахъ, Англіи, и даже Испаніи: всѣ эти данныя были совершенно необходимы для богатыхъ русскихъ капиталистовъ-скупщиковъ, закупавшихъ товары въ Москвѣ въ очень значительномъ количествѣ и доставлявшихъ ихъ къ Бѣлому морю для сбыта за границу.

Такое широкое развитіе внѣшнихъ мѣновыхъ сношеній должно было сильно поколебать почти безраздѣльно господствовавшее ранѣе натуральное хозяйство. Но еще бóльшее значеніе принадлежало въ этомъ отношеніи торговлѣ внутренней, на развитіе которой съ половины XVI вѣка мы имѣемъ цѣлый рядъ указаній въ нашихъ источникахъ. Въ писцовыхъ книгахъ и актахъ съ этого времени постоянно мелькаютъ описанія отдѣльныхъ торжковъ, мѣстныхъ рынковъ и ярмарокъ, иногда охватывающихъ своими торговыми оборотами значительную территорію. Цѣлая сѣть торговыхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ пересѣкали страну: особенно часта была эта сѣть въ центрѣ: достаточно сказать, что такихъ большихъ дорогъ, проложенныхъ къ столицѣ государства, было не менѣе сѐми, такъ что Москва представляла собою въ то отдаленное время такой же туго завязанный узелъ торговыхъ гужевыхъ путей сообщенія, какимъ она является въ наше время въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ. По словамъ англичанъ, изъ одного ярославскаго края ежедневно по дорогѣ въ Москву проѣзжало по 700—800 возовъ съ зерномъ, предназначеннымъ на продажу. Но мы имѣемъ не одни прямыя указанія на ростъ внѣшней и внутренней торговли: мы обладаемъ фактами, ясно показывающими, что товарное обращеніе успѣло уже проникнуть въ народныя массы, захватить болѣе или менѣе значительную ихъ часть: съ половины XVI вѣка натуральные владѣльческіе оброки съ крестьянъ и натуральныя государственныя повинности переводятся на деньги, что было бы немыслимо, если бы деньги не проникли въ народныя массы

наконецъ, цѣнность денегъ въ теченіе XVI вѣка понизилась въ $3^1/_2$ раза, а это показываетъ, что въ странѣ увеличилось количество денегъ,—естественный результатъ оживленнаго торговаго оборота. Такимъ образомъ въ хозяйственной жизни Московской Руси второй половины XVI и XVII столѣтій совершилась чрезвычайноважная перемѣна: система натуральнаго хозяйства, столь характерная для первыхъ двухъ періодовъ русской исторіи, стала подтачиваться и разрушаться: на смѣну ей зарождалось и все болѣе выдвигалось впередъ денежное хозяйство, когда значительная часть населенія работаетъ уже не для собственнаго потребленія, а для продажи. Это обстоятельство на ряду съ указаннымъ выше значеніемъ земледѣлія или—въ видѣ лишь мѣстнаго исключенія—добывающей промышленности, имѣло послѣдствія первостепенной важности, выразившіяся, прежде всего, въ области формъ земледѣлія и способовъ хозяйства.

Всего слабѣе обнаружились эти послѣдствія на сѣверѣ,—разумѣется, по той причинѣ, что здѣсь господствовала попрежнему первобытная добывающая промышленность, и наименѣе затронутъ былъ старый натурально-хозяйственный строй. Но и сѣверъ не остался все-таки внѣ вліянія измѣнившихся мѣновыхъ условій. Здѣсь все больше и больше значенія стало пріобрѣтать въ XVI и XVII вѣкахъ церковное землевладѣніе,—монастырское и архіерейское, а въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ развилась промышленная (солеваренная) вотчина Строгановыхъ. Наконецъ, въ сѣверныхъ уѣздахъ, болѣе близкихъ къ центру, распространялось также до нѣкоторой степени служилое дворянское землевладѣніе—вотчинное и помѣстное. Несмотря однако на все это, крестьянская поземельная собственность, подъ покровомъ высшей собственности царя на черную землю, продолжала господствовать на сѣверѣ и въ XVI и XVII столѣтіяхъ; только въ ея формахъ совершились перемѣны, явившіяся естественнымъ продолженіемъ измѣненій, подмѣченныхъ нами въ удѣльный періодъ: многочисленные сѣверные акты о крестьянскомъ землевладѣніи даютъ полную возможность наблюдать, какъ складническіе союзы, прежде ведшіе хозяйство нераздѣльно или прибѣгавшіе лишь къ временнымъ передѣламъ, окончательно разлагаются на подворные участки съ обязательствомъ бывшихъ совладѣльцевъ «новаго раздѣла не замышлять». Ясно такимъ образомъ, что экономическія условія сѣвера создали изъ него типическую крестьянскую область, гдѣ деревня царила почти исключительно, и хотя и были городскіе центры, въ родѣ Холмогоръ, Архангельска или Вологды, но они являлись въ сущности посторонними придатками, почерпали свою торговую мощь не столько въ мѣстномъ населеніи, сколько отъ пріѣзжавшихъ изъ-за моря иностранныхъ купцовъ и отъ московскихъ скупщиковъ-гостей.

Тотъ процессъ зарожденія денежнаго хозяйства, который наблюдался нами во второй половинѣ XVI вѣка и продолжался въ бóльшей сте-

пени въ XVII столѣтіи, сильно повліялъ на исторію землевладѣльческихъ формъ въ остальныхъ областяхъ страны, кромѣ сѣвера. Переходъ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному сопровождается всегда сильнымъ потрясеніемъ общественнаго организма, отличается крайней болѣзненностью. Въ это время экономически слабыя хозяйства погибаютъ, и особенно обостряется потребность въ денежномъ капиталѣ, чѣмъ вызывается усиленное рыночное предложеніе недвижимой собственности, предложеніе, очень скоро насыщающее спросъ, сильно превосходящее его затѣмъ и потому содѣйствующее тому, что масса земель скопляется путемъ покупки и пріема въ залогъ въ рукахъ тѣхъ, кто обладаетъ денежнымъ капиталомъ и можетъ пустить его въ оборотъ. Такими капиталистами въ древней Руси были въ особенности монастыри; вотъ почему ихъ земельныя богатства продолжали увеличиваться и во второй половинѣ XVI вѣка. Такъ, богатѣйшій изъ монастырей центральной Россіи—Троицкій-Сергіевъ—пріобрѣлъ именно въ это время, по крайней мѣрѣ, половину своихъ владѣній, если не болѣе. То же приходится сказать о рядѣ другихъ монастырей—Чудовѣ, Іосифовѣ-Волоколамскомъ, Саввинѣ-Сторожевскомъ и др. Но со второй половины XVI вѣка правительство рядомъ указовъ старается прекратить дальнѣйшій ростъ монастырскаго землевладѣнія, запрещаетъ земельные вклады, продажу и залогъ вотчинъ въ монастыри. Подъ вліяніемъ этихъ мѣръ развитіе монастырскихъ владѣній въ XVII вѣкѣ, дѣйствительно, почти совершенно прекратилось, что очень любопытно и характерно для развитія денежнаго хозяйства. Денежное хозяйство требуетъ свободнаго оборота цѣнностей, неограниченнаго права отчуждать недвижимость, какъ и движимость, постороннимъ лицамъ, постоянной возможности превратить землю въ денежный капиталъ и наоборотъ. Между тѣмъ, по церковному праву имущество церкви признается неотчуждаемымъ, и получается, такимъ образомъ, изъятіе изъ системы свободнаго оборота. Противорѣчіе между правами церкви и новыми экономическими условіями разрѣшается на первыхъ порахъ, пока денежное хозяйство находится еще въ стадіи зарожденія,—лишь прекращеніемъ роста монастырскихъ владѣній, а не совершеннымъ ихъ уничтоженіемъ. Параллельныя явленія можно наблюдать и въ исторіи служилаго помѣстья: оно такъ же несовмѣстимо съ денежнымъ хозяйствомъ, какъ и монастырская вотчина, потому что помѣщикъ лишенъ права продавать, дарить, завѣщать и закладывать свое помѣстье, т.-е. свободнаго оборота съ помѣстной землей не существуетъ. Вотъ почему въ XVII вѣкѣ помѣстье приближается постепенно къ обязанной службою вотчинѣ, усваиваетъ нѣкоторыя особенности послѣдней, дѣлающія его прочнымъ и подлежащимъ отчужденію владѣніемъ. Прежде всего правительство XVII вѣка внимательно слѣдитъ за тѣмъ, чтобы помѣстья переходили къ законнымъ наслѣдникамъ помѣщиковъ, а не къ постороннимъ, старается упрочить помѣстье въ опредѣленной

семьѣ. Затѣмъ разрѣшается свободно мѣнять помѣстья не только на помѣстья же, но и на вотчины, и сдавать ихъ постороннимъ иногда даже за деньги: это было уже въ сущности не чѣмъ инымъ, какъ замаскированной продажей, и открывало возможность свободнаго въ извѣстной мѣрѣ оборота помѣстной земли. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ и количество помѣстныхъ земель уменьшается, такъ какъ значительная часть ихъ жалуется государемъ въ вотчину, совершенно совмѣстную съ системой денежнаго хозяйства, потому что ее можно продавать, закладывать, дарить и завѣщать. Въ документахъ того времени сплошь и рядомъ мелькаютъ передъ глазами читателя многочисленныя указанія на то, что царь за службу, плѣнъ или «осадное сидѣнье» пожаловалъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ обращеніемъ части ихъ помѣстій въ вотчину. Были даже установлены законодательнымъ путемъ нормы такого пожалованія.

Описанная эволюціи общихъ экономическихъ условій и формъ землевладѣнія оказала—далѣе—могущественное вліяніе на *формы* самого *хозяйства*. Отношенія крестьянина-арендатора къ лицу, на землѣ котораго онъ сидитъ, отливаются, какъ извѣстно, въ двѣ основныхъ формы,—оброкъ и барщину: за пользованіе землей можно платить деньгами или продуктомъ,—это будетъ оброкъ; но можно также работать на землевладѣльца вмѣсто арендной платы, т.-е. нести барщину. Мы видѣли, что въ удѣльное время крестьяне почти всегда сидѣли на оброкѣ, мало работая на барщинѣ. Это и понятно при господствѣ натуральнаго хозяйства: землевладѣльцу не для чего заводить сколько-нибудь значительную свою пашню, чаще всего онъ ее и почти совсѣмъ не заводитъ, потому что нѣкуда сбывать продукты за отсутствіемъ спроса на нихъ, за невозможностью ихъ продать, за отсутствіемъ рынка; все-же необходимое для собственнаго потребленія землевладѣлецъ получаетъ отъ крестьянъ въ видѣ натуральныхъ сборовъ. Но какъ только безобмѣнное, натуральное хозяйство начинаетъ подаваться и замѣняется постепенно растущимъ мѣновымъ или денежнымъ хозяйствомъ,—землевладѣлецъ живо чувствуетъ потребность въ обзаведеніи собственной запашкой, «боярской пашней», какъ тогда говорили, и мало-по-малу переводитъ значительную часть своихъ крестьянъ съ оброка на барщину. Это замѣчается и въ служилыхъ помѣстьяхъ и вотчинахъ, и въ монастырскихъ имѣніяхъ, и въ земляхъ, принадлежавшихъ архіерейскимъ каѳедрамъ, и, наконецъ, въ государевыхъ дворцовыхъ земляхъ. Уже въ XVI вѣкѣ попадаются иногда дворянскія имѣнія, въ которыхъ барская запашка занимаетъ 16, 35, 38 и даже 56% всей распахиваемой площади. Въ концѣ того же столѣтія во владѣніяхъ Троицкаго-Сергіева монастыря нерѣдко треть, четверть, даже половина крестьянъ сидѣла на барщинѣ. Но помимо этого распространенія барщинной повинности существенно измѣнился и характеръ маго оброка: изъ натуральнаго онъ все болѣе и болѣе превращается въ де-

нежный. Въ одной изъ новгородскихъ пятинъ уже въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка болѣе 75% всѣхъ крестьянъ платили оброкъ деньгами; тотъ же денежный оброкъ безъ всякихъ уже признаковъ натуральнаго наблюдается и въ вотчинахъ Троицкаго Сергіева монастыря въ 1590-хъ годахъ. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: съ зарожденіемъ денежнаго хозяйства потребность въ денежныхъ капиталахъ неудержимо растетъ и заставляетъ землевладѣльцевъ вносить существенныя измѣненія въ характеръ оброка; въ то же время и крестьяне, будучи въ значительной мѣрѣ втянуты въ торговый оборотъ, менѣе, чѣмъ прежде, затрудняются денежными платежами.

Но землевладѣльцы не ограничивались тѣмъ, что переводили крестьянъ на барщину съ цѣлью достигнуть обработки крестьянскимъ трудомъ своей, боярской пашни. Они прибѣгли еще къ другимъ средствамъ, также чрезвычайно характернымъ для зарождающагося денежнаго хозяйства. Прежде всего увеличилось сравнительно съ удѣльнымъ періодомъ приложеніе несвободнаго, холопскаго труда къ земледѣлію. Это замѣтно уже въ дворянскомъ хозяйствѣ, гдѣ нерѣдко очень значительная часть пашни обрабатывалась холопами: такъ въ Тверскомъ уѣздѣ, по писцовой книгѣ 1540 года, до 15% всей распахиваемой площади приходилось на долю несвободнаго труда. Но соотвѣтствующія явленія замѣчаются и въ монастырскихъ вотчинахъ. Церковное право запрещаетъ церкви рабовладѣніе; поэтому, монастырскій холопъ былъ юридической невозможностью; но сила экономическихъ обстоятельствъ была настолько велика, что фактически на монастырскихъ земляхъ конца XVI и XVII вѣка появился многочисленный контингентъ несвободныхъ лицъ, прилагавшихъ свои руки къ земледѣлію и только называвшихся не холопами, а слугами, служками и дѣтенышами. Эти дѣтеныши, точное подобіе холоповъ, принадлежавшихъ свѣтскимъ лицамъ, всегда работали на монастырской пашнѣ, не имѣя своей запашки и получая отъ монастырей содержаніе въ большинствѣ случаевъ натурой съ незначительной денежной доплатой. Въ XVII вѣкѣ, въ средѣ дѣтенышей становится замѣтнымъ другой важный элементъ, не имѣющій уже несвободнаго характера: появляются дѣтеныши-наемные люди, получающіе отъ монастырей настоящую заработную плату. Это вполнѣ понятно: зарождающееся денежное хозяйство естественно ведетъ къ появленію наемнаго труда, продающагося на рынкѣ, какъ всякій другой товаръ, и по мѣрѣ развитія торговаго оборота въ странѣ долженъ былъ расти и контингентъ наемныхъ сельскохозяйственныхъ рабочихъ. Параллельное наемнымъ дѣтенышамъ явленіе наблюдается въ XVII вѣкѣ и въ земляхъ свѣтскихъ лицъ: и сюда проникаетъ наемный элементъ въ видѣ такъ называемыхъ бобылей. Бобылями назывались въ древней Руси не сироты или одинокіе люди, какъ теперь; подъ этимъ названіемъ въ XVI и XVII вѣкахъ извѣстны были сельскіе жители, занимавшіеся не земледѣліемъ, а разнаго рода промыслами, торговлей

или, наконецъ, работой по найму. Въ XVII вѣкѣ, по свидѣтельству писцовыхъ книгъ, число такихъ наемныхъ бобылей, обрабатывавшихъ пашню на землевладѣльца, сильно растетъ, иногда мало чѣмъ уступаетъ числу крестьянъ.

Наконецъ, первая стадія въ развитіи мѣнового сельскаго хозяйства сопровождается распространеніемъ начала зависимости и на свободное прежде крестьянство. Въ переходѣ отъ натуральнаго хозяйства къ денежному и слѣдуетъ видѣть главную причину происхожденія крѣпостного права на крестьянъ. Намъ уже извѣстно, что крестьянство къ половинѣ XVI вѣка было почти совершенно обезземелено, и что русскіе крестьяне того времени садились на чужія земли, — государевы, боярскія, архіерейскія, монастырскія. Садясь на чужую землю, крестьянинъ заключалъ съ землевладѣльцемъ особый договоръ, такъ называемую «порядную грамоту». Стоитъ раскрыть любую изъ этихъ порядныхъ, чтобы убѣдиться; что крестьяне почти всегда получали отъ владѣльца имѣнія ссуду или подмогу для хозяйственнаго обзаведенія на новомъ мѣстѣ. Напримѣръ, вотъ что читаемъ въ одной порядной конца XVI вѣка: «я, Ѳедоръ Игнатьевъ сынъ, порядился въ вотчину Николаевскаго Вяжицкаго монастыря и взялъ у игумена съ братіею на подмогу денегъ 5 рублей» (125 руб. на наши деньги). По нѣкоторымъ признакамъ можно заключить, что $^3/_4$, мѣстами даже $^9/_{10}$ всѣхъ крестьянъ были обременены такими займами. Уходя отъ одного землевладѣльца къ другому, свободный крестьянинъ - арендаторъ чужой земли былъ обязанъ расплатиться, возвратить ссуду и, сверхъ того, заплатить еще «пожилое» — опредѣленную въ законѣ сумму денегъ за пользованіе дворомъ и хозяйственными строеніями, въ немъ находящимися. Но русскій крестьянинъ второй половины XVI и XVII столѣтія въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ былъ маломощнымъ, оказывался несостоятельнымъ должникомъ. *Неоплатная задолженность крестьянъ и была первымъ элементомъ крѣпостного права.* Дѣло въ томъ, что крестьянскій выходъ вслѣдствіе неоплатной задолженности крестьянскаго населенія дѣлался невозможнымъ и вырождался въ вывозъ крестьянъ одними землевладѣльцами отъ другихъ. Въ то время многіе землевладѣльцы чувствовали потребность въ рабочихъ рукахъ для воздѣлыванія своихъ полей и потому занимались подыскиваніемъ крестьянъ, готовыхъ къ нимъ перейти съ чужой земли, расплачивались съ кредиторами этихъ крестьянъ и вывозили ихъ за себя. Отъ этого, конечно, положеніе крестьянина по существу не измѣнялось: онъ мѣнялъ только одного кредитора - землевладѣльца на другого, но вовсе не дѣлался свободнѣе. *Такимъ образомъ, вторымъ элементомъ крѣпостныхъ отношеній явилась нужда землевладѣльцевъ въ рабочихъ.* Крестьяне на дѣлѣ уже лишились возможности свободно переходить отъ одного землевладѣльца къ другому. Для образованія настоящаго крѣпостного права не доставало лишь одного: идеи о томъ, что невозможность уплатить долгъ

дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ. Эта идея была дана новымъ развившимся въ XVI вѣкѣ видомъ холопства, такъ называемымъ кабальнымъ. Кабальнымъ назывался человѣкъ, занявшій у кого-либо извѣстную денежную сумму и обязавшійся служить на дворѣ кредитора и работать на него за проценты до уплаты долга. Въ концѣ XVI вѣка былъ изданъ указъ, по которому кабальные люди получали свободу по смерти господина, но зато при его жизни они потеряли право уплачивать долгъ и, слѣдовательно, не могли уже прекратить зависимость по своей волѣ. Это и дѣлало кабальныхъ людей холопами, крѣпостными людьми. Итакъ, кабальные холопы по закону не могли уплачивать долгъ, а крестьяне не могли расплатиться на дѣлѣ, вслѣдствіе несостоятельности. Сходство было слишкомъ сильно, и землевладѣльцы распространили на задолжавшихъ крестьянъ идею, что долгъ дѣлаетъ человѣка крѣпостнымъ: они стали вносить въ крестьянскія порядныя условіе, которымъ крестьянинъ обязывался не уходить отъ владѣльца: «крестьянство и впредь крестьянствомъ», «я государю своему крѣпокъ безвыходно»—вотъ часто встрѣчающіяся въ порядныхъ XVII вѣка выраженія. Такъ, крѣпостное право на крестьянъ выразилось сначала не въ законѣ, а въ частныхъ договорахъ, живѣе, чѣмъ законъ, отражающихъ экономическія потребности эпохи. *Вліяніе кабальнаго холопства и было третьимъ элементомъ крѣпостной неволи.* Мы видимъ, такимъ образомъ, что крѣпостное право образовалось подъ вліяніемъ хозяйственныхъ условій: нужды крестьянъ въ ссудѣ для хозяйственнаго обзаведенія, потребности землевладѣльцевъ въ постоянномъ, осѣдломъ рабочемъ контингентѣ и воздѣйствія кабальнаго холопства, которое въ свою очередь было однимъ изъ видовъ эксплуатаціи несвободнаго труда. Нужда въ ссудѣ продиктована природой господствующей отрасли народнаго производства—земледѣлія, немыслимаго безъ нѣкотораго капитала, котораго былъ лишенъ крестьянинъ. Потребность землевладѣльцевъ въ постоянномъ рабочемъ контингентѣ и эксплуатація несвободнаго труда кабальныхъ людей — неизбѣжныя слѣдствія нарождающагося денежнаго хозяйства, которое требуетъ развитія барской запашки и барщины, немыслимаго безъ закрѣпощенія рабочей массы.

Резюмируя сказанное о формахъ землевладѣнія и хозяйства въ Московскомъ государствѣ, можно придти къ такимъ общимъ выводамъ. Преобладанію добывающей промышленности на сѣверѣ въ XVI и XVII вѣкахъ соотвѣтствовало сохраненіе крестьянской земельной собственности, которая, вслѣдствіе роста населенія и примѣси мѣновыхъ вліяній, обратилась постепенно въ подворно-участковое наслѣдственное владѣніе безъ передѣловъ. Возникновеніе денежнаго хозяйства при господствѣ земледѣлія на остальной территоріи государства прекратило ростъ помѣстныхъ и монастырскихъ владѣній, увеличило количество служилой вотчинной земли и содѣйствовало расширенію барской запашки, росту барщины насчетъ оброка, бо̀льшему примѣненію холопскаго и

наемнаго труда къ земледѣлію и возникновенію и развитію крѣпостного права на крестьянъ, получившаго окончательную законодательную санкцію въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 года, когда денежное хозяйство сдѣлало уже нѣсколько рѣшительныхъ шаговъ впередъ.

Чтобы закончить изученіе *экономической* эволюціи Московскаго государства во второй половинѣ XVI и въ XVII вѣкѣ, намъ остается познакомиться съ техникой или системой хозяйства въ то время. Въ этомъ отношеніи приходится наблюдать любопытныя и чрезвычайно важныя явленія. Изучая систему земледѣлія по писцовымъ книгамъ послѣдняго тридцатилѣтія XVI вѣка и сравнивая результаты этого изученія съ тѣмъ, что̀ намъ извѣстно о земледѣльческой системѣ первой половины того же столѣтія, мы неожиданно встрѣчаемся съ ярко выраженнымъ фактомъ хозяйственнаго упадка двухъ старинныхъ областей государства,—центра и области Новгорода и Пскова: тогда какъ въ первыя семьдесятъ лѣтъ на пространствѣ центральной области и новгородско-псковскаго края господствовала уже трехпольная или паровая-зерновая система полевого хозяйства, начиная съ 1570-хъ годовъ или нѣсколько раньше установившееся - было равновѣсіе между паровымъ полемъ и обрабатываемой пашней нарушается, паръ снова вырастаетъ въ залежь, среди громаднаго пространства которой, подобно оазисамъ въ пустынѣ, рѣдко попадаются обработанные клочки земли; земледѣлецъ все чаще и чаще возвращается къ кочевому хозяйству, пашетъ землю наѣздомъ, временно, хищнически, скоро истощая и потомъ забрасывая ее; однимъ словомъ, и въ центрѣ, и въ области Новгорода и Пскова совершается къ концу вѣка переходъ не къ высшей, а къ низшей системѣ земледѣлія,—именно къ переложной. Тогда какъ въ первой половинѣ XVI вѣка пашня вчетверо, впятеро, иногда даже въ десять, двадцать разъ и болѣе превосходила своими размѣрами перелогъ, въ концѣ столѣтія наблюдается обратное явленіе: напр., въ Московскомъ уѣздѣ перелогъ занималъ впятеро бо̀льшую площадь, чѣмъ пашня,—его считалось около 120 тысячъ десятинъ при 24 тысячахъ десятинъ пашни; въ одной изъ новгородскихъ пятинъ перелогу было уже въ 12 разъ больше, чѣмъ пашни. Вмѣстѣ съ тѣмъ и размѣры запашки на каждый рабочій дворъ сокращаются: вмѣсто прежнихъ 12—15 десятинъ во всѣхъ трехъ поляхъ, стали пахать только по 4, 5 или 6 десятинъ. Чрезвычайно любопытно, что всѣ эти регрессивныя явленія замѣтны только въ центрѣ и на новгородскомъ западѣ, тогда какъ въ степи, прикамскомъ краѣ и даже на суровомъ сѣверѣ наблюдается непрерывный земледѣльческій прогрессъ: переложная система въ этихъ областяхъ все болѣе и болѣе приближается къ паровой-зерновой, размѣры запашки на дворъ не уменьшаются и даже достигаютъ нерѣдко бо̀льшей высоты, чѣмъ въ регрессировавшихъ въ земледѣльческомъ отношеніи уѣздахъ. Чѣмъ объяснить этотъ любо-

пытный фактъ упадка земледѣлія въ коренныхъ, старыхъ областяхъ государства? Ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что ключъ къ его объясненію можно найти, изучая хозяйственное вліяніе все еще преобладавшихъ тогда, хотя и отживавшихъ свой вѣкъ, старыхъ формъ землевладѣнія, — помѣстья и монастырской вотчины. Писцовыя книги свидѣтельствуютъ, что именно на помѣстныхъ и монастырскихъ земляхъ переходъ къ переложной системѣ былъ особенно рѣзко выраженъ, что именно здѣсь наиболѣе сильно развилось кочевое хозяйство, и чрезвычайно измельчала крестьянская запашка. Нерѣдки прямыя и ясныя указанія на то. что помѣщики разоряли или «пустошили» свои имѣнія: сохранился длинный списокъ тверскихъ дѣтей боярскихъ, разорившихъ и забросившихъ рядъ помѣстій; не было уѣзда, гдѣ не значились бы обширныя пространства такъ называемыхъ «порозжихъ» помѣстій, т.-е. именно разоренныхъ и брошенныхъ владѣльцами; въ отдѣльныхъ актахъ нерѣдки замѣчанія въ родѣ слѣдующаго: «та деревня запустѣла отъ помѣщика такого-то, который пашню заперeложилъ, и лѣсъ повысѣкъ, и крестьянъ поразогналъ». Относительно монастырскихъ земель мы имѣемъ оффиціальное свидѣтельство соборнаго приговора 15-го января 1581 года, въ которомъ прямо сказано, что монастырскія и архіерейскія владѣнія «въ пустошьяхъ изнуряются», «въ запустѣніе пріидоша», «прибытка отъ нихъ никоего нѣтъ». Но почему же помѣстное и монастырское землевладѣніе такъ гибельно вліяли на земледѣльческое хозяйство? Отвѣта на этотъ вопросъ слѣдуетъ искать, прежде всего, въ юридической природѣ помѣстья: мы уже знаемъ, что помѣстье было собственностью государя, что владѣлецъ не имѣлъ права распоряжаться имъ. а сохранялъ лишь право пользованія подъ условіемъ службы; правительство всегда могло взять помѣстье у владѣльца и передать другому, иными словами, если того требовали интересы государства, могло по своему усмотрѣнію лишать помѣщика и правъ пользованія предоставленнымъ ему имѣніемъ. Въ теченіе всего XVI вѣка такая юридическая особенность помѣстья не была фикціей, ей и фактически соотвѣтствовала крайняя подвижность помѣстья, необезпеченность его за потомствомъ владѣльца. Въ большинствѣ случаевъ помѣстныя земли переходили не къ потомству владѣльцевъ и даже не къ ихъ родственникамъ, а къ постороннимъ. Московское правительство XVI вѣка, не стѣсняясь интересами помѣщиковъ, отдавало помѣстья въ монастыри, жаловало ихъ въ вотчины, передавало постороннимъ помѣщику лицамъ и т. д. Понятно, что такая необезпеченность помѣстья за владѣльцемъ и его потомствомъ пріучала помѣщика къ мысли, что плоды его хозяйственныхъ заботъ и трудовъ пожнетъ, вѣроятнѣе всего, чужой человѣкъ, не связанный съ нимъ кровными узами; а такая мысль порождала, въ свою очередь, убѣжденіе въ необходимости извлечь изъ даннаго участка помѣстной земли возможно больше пользы для себя, не заботясь о томъ, какъ это отразится на дальнѣйшей производительности

почвы и на возможности продолжать ея хозяйственную эксплуатацію. Вотъ почему въ источникахъ сохранились любопытные факты, иллюстрирующіе насилія и грабежи помѣщиковъ, ихъ стремленіе къ скорой наживѣ и наносимый этимъ трудно поправимый ущербъ хозяйственной цѣнности помѣстной земли. Приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ самомъ концѣ XVI вѣка въ селѣ Погорѣлицахъ, Владимірскаго уѣзда, жилъ крестьянинъ Иванъ Сокуровъ. Въ 1599 г. Погорѣлицы были пожалованы въ помѣстье сыну боярскому Өедору Соболеву. Этотъ послѣдній, въ отсутствіе Сокурова, явился къ нему на дворъ и произвелъ тамъ полный разгромъ, забралъ себѣ троихъ холоповъ крестьянина, увелъ лошадь, корову, быка, четырехъ овецъ, взялъ у жены Сокурова деньгами 1 рубль 13 алтынъ (35 рублей на наши деньги), увезъ къ себѣ, сколько могъ, ржи, овса, ячменя и конопли. Мало того: когда Сокуровъ вернулся домой, помѣщикъ присвоилъ себѣ и его дворъ. Понятно, что послѣ всего этого потерпѣвшему, по его собственнымъ словамъ, стало «прожити немочно», тѣмъ болѣе, что добиться защиты своихъ правъ было трудно и нужно было вынести сначала утомительную и разорительную процедуру судебной волокиты. Нерѣдко помѣщикъ совсѣмъ не жилъ въ помѣстьѣ, не заботился даже о привлеченіи туда крестьянъ, а сдавалъ землю сосѣднимъ чужимъ крестьянамъ на оброкъ, что̀, конечно, избавляло его отъ хлопотъ, но вело къ разоренію имѣнія, такъ какъ такіе арендаторы знали о возможности случайнаго и скораго перерыва въ арендѣ по волѣ самого помѣщика или по предписанію правительства, преслѣдовавшаго подобный способъ веденія хозяйства на помѣстной землѣ, и стремились, разумѣется, только къ одному: извлечь для себя въ возможно болѣе короткое время наибольшій доходъ изъ арендованной земли. Но всего ярче вредное хозяйственное вліяніе помѣстной системы обнаруживается на слѣдующемъ примѣрѣ: въ 1598 году сынъ боярскій Михаилъ Өоминъ отдалъ свое владимірское помѣстье на оброкъ нѣкоему Өедору Шишкину; помѣстье было сильно запущено, и арендаторъ приложилъ не мало труда, чтобы привести его въ лучшее состояніе: онъ посѣялъ яровой хлѣбъ, вспахалъ паръ подъ рожь, вырубилъ и выжегъ на многихъ десятинахъ лѣсъ, скосилъ сѣно на лугахъ. Въ разгаръ этихъ усиленныхъ работъ старый помѣщикъ Өоминъ вдругъ лишенъ былъ своего имѣнія, которое было отдано въ помѣстье другому лицу, Василію Соболеву. Послѣдній, вступивъ во владѣніе и не получивъ ничего отъ Шишкина, такъ какъ весь оброкъ былъ уплаченъ имъ прежнему владѣльцу, счелъ себя въ правѣ предъявить притязаніе на плоды трудовъ арендатора и осуществить это право самовольно: посѣялъ озимой хлѣбъ на пару, приготовленномъ Шишкинымъ, свезъ къ себѣ скошенное имъ сѣно, «и Өедоръ Шишкинъ сталъ въ великихъ убыткахъ безъ пашни и безъ сѣна на три года. А лѣсъ разсѣкая и пашню распахивая, онъ лошади и волы поморилъ». Въ результатѣ, жалоба и подлежащая власть

разрѣшили дѣло такъ: арендаторъ имѣетъ право взять себѣ посѣянный имъ яровой хлѣбъ, равно какъ и скошенное имъ сѣно; новый помѣщикъ Соболевъ долженъ вознаградить его за расчистку земли изъ-подъ лѣса и за приготовленіе къ посѣву парового поля, уплативъ ему за каждую десятину по той цѣнѣ, какую обыкновенно въ этой мѣстности платили крестьяне, бравшіе земли на оброкъ. Рѣшеніе справедливое и, повидимому, уравновѣшивающее интересы обѣихъ сторонъ, но нѣтъ сомнѣнія, что оно не могло вознаградить арендатора за тотъ хозяйственный ущербъ, который онъ понесъ: онъ оказался, правда, теперь съ хлѣбомъ и сѣномъ, но попрежнему безъ пашни, да сверхъ того потерялъ значительную часть своего живого сельскохозяйственнаго инвентаря,—тѣхъ лошадей и воловъ, которыхъ онъ «поморилъ», разсѣкая лѣсъ и распахивая пашню. Эти не вознаградимые убытки являются такимъ образомъ прямымъ слѣдствіемъ принципа помѣстнаго землевладѣнія, въ силу котораго земля подлежитъ отчужденію изъ рукъ прежняго владѣльца по волѣ подлежащей власти, если послѣдняя находитъ это болѣе совмѣстнымъ съ интересами службы. Такъ помѣстная система XVI вѣка по своей юридической природѣ пріучала служилыхъ людей къ кочевому, экстенсивному, хищническому хозяйству, понижала техническій уровень земледѣлія. Сознаніе такого хозяйственнаго вреда помѣстной системы и повело къ тому сближенію помѣстья съ вотчиной, которое произошло въ XVII вѣкѣ и съ которымъ мы познакомились выше. Что касается монастырскихъ вотчинъ, то главной причиной дурного веденія хозяйства была ихъ крайняя обширность и разбросанность. Достаточно сказать, что Троицкій-Сергіевъ монастырь владѣлъ землями въ тридцати трехъ уѣздахъ и въ 27-ми изъ нихъ считалось у него до 200 тысячъ десятинъ земли, а Новодѣвичій въ четырнадцати уѣздахъ обладалъ 30 тысячами десятинъ, и прибавить, что это были далеко не единственные и не рѣдкіе примѣры крупнаго и вмѣстѣ разбросаннаго въ разныхъ мѣстахъ монастырскаго землевладѣнія. Но на ряду съ этимъ и въ связи съ этимъ дѣйствовала еще другая, не менѣе важная причина: извѣстное уже намъ сильное развитіе временнаго и условнаго владѣнія на монастырскихъ земляхъ: такъ какъ очень многіе монастыри отдавали значительную часть своихъ владѣній во временное пользованіе разныхъ лицъ за службу или за денежный вкладъ, то здѣсь возникло нѣкоторое подобіе настоящей помѣстной системы со всѣми ея неизбѣжными хозяйственными послѣдствіями, только что сейчасъ изображенными.

Мы съ намѣреніемъ такъ долго остановились на вопросѣ о хозяйственныхъ послѣдствіяхъ помѣстной системы и монастырскаго землевладѣнія: эти послѣдствія имѣли очень большое вліяніе на деревенскую жизнь того времени и, указывая на упадокъ хозяйства въ центрѣ и въ новгородско-псковской области, отразились вмѣстѣ съ тѣмъ въ прогрессивныхъ явленіяхъ хозяйственной жизни остальныхъ областей го-

*

сударства. Передъ ними совершенно блекнутъ такое, повидимому, важное явленіе, какъ смутное время, и такой разрушительный потокъ, какъ бунтъ Разина. Конечно, смута усилила разореніе ряда областей и, подобно разинскому бунту, распространила его на такія мѣста, которыхъ оно раньше не касалось, но только тамъ это разореніе было устойчивымъ и длительнымъ, гдѣ раньше въ томъ же направленіи повліяли давно уже существовавшіе и развивавшіеся пріемы монастырскаго и помѣстнаго хозяйства; вотъ почему вліяніе смутнаго времени и разинскаго бунта, какъ и войнъ того времени, было преходящимъ и временнымъ, поверхностнымъ и неглубокимъ; раны, нанесенныя хозяйственному организму страны этими соціальными бурями, скоро затянулись и зажили. Въ экономической исторіи XVII вѣка смута и бунтъ Разина имѣютъ, такимъ образомъ, ничтожное значеніе сравнительно съ вліяніемъ того кризиса, который мы сейчасъ наблюдали въ центрѣ и новгородско-псковскомъ краѣ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка. Этотъ кризисъ вызвалъ массовое выселеніе народа на окраины, засвидѣтельствованное и писцовыми книгами, и иностранными писателями, и извѣстіями объ основаніи новыхъ городовъ въ южной степи, Поволжьѣ и Прикамьѣ, и тѣмъ не только способствовалъ, какъ мы видѣли, прогрессу земледѣльческаго производства на этихъ окраинахъ, но и ускорилъ въ XVII вѣкѣ начавшійся раньше процессъ зарожденія и первоначальнаго развитія денежнаго хозяйства: хищническое помѣстное и монастырское хозяйство выгнало крестьянъ на новыя мѣста, расширило тѣмъ территорію государства и содѣйствовало большему раздѣленію труда, неизбѣжному при увеличившемся разнообразіи естественныхъ свойствъ и особенностей отдѣльныхъ областей. Къ концу XVII вѣка исторія земледѣльческой техники принимаетъ постепенно совершенно нормальный характеръ: трехпольная система опять вступаетъ въ свои права и въ старинныхъ областяхъ государства, передъ тѣмъ подвергшихся тяжелому кризису.

Не менѣе, если не болѣе, важны были *политическія* послѣдствія земледѣльческаго кризиса конца XVI-го вѣка и начала XVII-го. Но чтобы понять эти политическія послѣдствія, надо ненадолго возвратиться назадъ, къ удѣльному времени, и посмотрѣть, каково было политическое наслѣдство, завѣщанное Московскому государству удѣльнымъ періодомъ. Безъ преувеличенія можно сказать, что наслѣдство это состояло въ зародышахъ настоящаго феодальнаго порядка, составлявшаго въ развитомъ состояніи столь характерную черту средневѣковаго политическаго строя западной Европы. Хорошо извѣстно, что феодализмомъ называется такой политическій порядокъ, при которомъ государственная власть въ ея различныхъ проявленіяхъ становится достояніемъ землевладѣльцевъ: кто владѣетъ землей, тотъ имѣетъ право войны, чеканки монеты, суда, сбора податей въ свою пользу, право участія въ законодательныхъ постановленіяхъ. Такого порядка въ окон-

чательно сложившемся видѣ въ Россіи никогда не существовало. Но зародыши его были одинаково свойственны и нашему отечеству и другимъ европейскимъ и внѣевропейскимъ странамъ. Западно-европейскій феодализмъ сложился изъ трехъ основныхъ элементовъ: бенефиція, коммендаціи и иммунитета. Бенефиціемъ называлось временное владѣніе землей съ обязательствомъ службы и безъ права распоряжаться этою землею, т.-е. продавать, закладывать, дарить, завѣщать ее. Значитъ, бенефицію точно соотвѣтствовало наше помѣстье. Подъ именемъ коммендаціи разумѣется поступленіе свободнаго человѣка подъ покровительство сильнаго человѣка съ обязательствомъ подчиняться ему въ судебномъ и финансовомъ отношеніяхъ. Въ настоящее время доказано, что въ древней Руси было совершенно такое же состояніе, называвшееся закладничествомъ: закладень или закладникъ такъ же, какъ западно-европейскій коммендатъ (commendatus), былъ подсуденъ не органамъ государственной власти, а тому лицу, за которое онъ заложился или задался; ему же онъ платилъ и подати. Наконецъ, иммунитетъ—это право землевладѣльца судить всѣхъ безъ исключенія жителей своего имѣнія и собирать съ нихъ подати. Это право было также и у русскихъ землевладѣльцевъ удѣльнаго времени, которые, по словамъ жалованныхъ грамотъ, «вѣдали и судили» всѣхъ жившихъ на ихъ земляхъ сами. Итакъ, всѣ зародыши феодализма были въ удѣльной Руси. Почему же изъ нихъ не образовался самый феодализмъ, а, напротивъ, возникла неограниченная власть московскаго государя, подавившая аристократическія притязанія князей и бояръ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ заключается, главнымъ образомъ, въ только что изученныхъ нами явленіяхъ въ области исторіи народнаго хозяйства. На западѣ Европы вредное хозяйственное вліяніе бенефиція и существовавшаго рядомъ съ нимъ монастырскаго землевладѣнія не могло вызвать уходъ населенія, запустѣніе и упадокъ земледѣлія, потому что уйти было некуда за недостаткомъ пустыхъ, незаселенныхъ пространствъ. Поэтому владѣльцы бенефиціевъ не были ослаблены и успѣли обратить бенефицій въ ленъ, т.-е. въ наслѣдственную поземельную собственность съ обширными государственными правами, такъ что власть короля была сведена къ минимуму, и онъ сталъ лишь первымъ между равными. У насъ помѣстье и монастырская вотчина, разоряя населеніе, вызвали его отливъ на окраины, возможный по той причинѣ, что незанятыхъ никѣмъ земель на этихъ окраинахъ была бездна. Этотъ отливъ населенія совершился какъ разъ въ разгаръ борьбы Іоанна Грознаго съ боярствомъ, во время ужасовъ и конфискацій опричнины, въ тотъ историческій моментъ, когда разрѣшался одинъ изъ коренныхъ вопросовъ нашей исторіи,—вопросъ о томъ, пойдетъ ли развитіе русскаго государства въ направленіи аристократической боярской олигархіи, или дворянской самодержавной монархіи. Князья и бояре, вслѣдствіе разоренія и ухода населенія на окраины, потеряли всю свою экономиче-

скую мощь, а вмѣстѣ съ нею утратили и надежду на осуществленіе своихъ политическихъ притязаній. Московское самодержавіе одержало рѣшительную побѣду надъ аристократическими тенденціями боярства: отбирая у бояръ и князей ихъ старинныя вотчины въ опричнину, Грозный лишалъ ихъ и связанныхъ съ землей судебныхъ и финансовыхъ привилегій, т.-е. уничтожалъ существовавшіе зародыши феодальнаго порядка.

Побѣда царскаго самодержавія имѣла неисчислимыя послѣдствія для соціальнаго и политическаго строя Россіи. Подъ вліяніемъ этой побѣды у насъ въ XVII-мъ вѣкѣ сложились настоящія крѣпостныя сословія. Памятникомъ ихъ образованія является извѣстный, долго дѣйствовавшій кодексъ древне-русскаго права, такъ называемое Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, изданное въ 1649 году. По Уложенію, русское общество XVII-го вѣка дѣлилось на три большихъ сословія, военно-служилое, городское и крестьянское, различавшіяся между собою спеціальными правами и обязанностями. Основная спеціальная обязанность служилаго сословія—это повинность военной службы государству, продолжавшейся для каждаго, по крайней мѣрѣ, отъ 15-ти до 60-ти-лѣтняго возраста. Каждый служилый человѣкъ,—дворянинъ или сынъ боярскій, долженъ былъ являться на службу вооруженнымъ и на конѣ и приводить съ собою извѣстное количество «конныхъ и оружныхъ» слугъ, соотвѣтственно размѣрамъ земли, которою онъ владѣлъ. Содержаніе себя и своихъ слугъ во время службы лежало также на обязанности служилаго человѣка, который получалъ далеко не покрывавшее этихъ расходовъ жалованье, денежное и хлѣбное. Эта тяжелая военная повинность обусловливала зато свободу служилыхъ людей отъ всѣхъ остальныхъ обязанностей, налагаемыхъ государствомъ, отъ податей и натуральныхъ повинностей. Всѣ служилые люди были лицами лично свободными и обладали особенными, имъ однимъ свойственными имущественными правами: правомъ владѣть землей и правомъ владѣть крѣпостными крестьянами. Оба эти права были необходимы служилымъ людямъ для отбыванія тяжелой ихъ военной службы государству, такъ такъ безъ нихъ нечѣмъ было бы содержать себя и своихъ слугъ на войнѣ. Такой же характеръ обезпеченія служебныхъ обязанностей свойственъ былъ и корпоративнымъ правамъ служилаго сословія, т.-е. правамъ, принадлежащимъ не отдѣльнымъ лицамъ, а сословію, какъ цѣлому, какъ корпораціи: служилые люди каждаго уѣзда выбирали изъ своей среды окладчиковъ, обязанныхъ вмѣстѣ съ бояриномъ, пріѣзжавшимъ изъ Москвы, верстать на службу «новиковъ», т.-е. достигшихъ 15-ти-лѣтняго возраста дворянъ и дѣтей боярскихъ, и доставлять боярину свѣдѣнія о имущественномъ положеніи и служебной годности этихъ новиковъ. Кромѣ того уѣздные дворяне, составлявшіе во время похода особую сотню, выбирали изъ числа болѣе богатыхъ и знатныхъ въ своей средѣ сотенныхъ знаменщиковъ, изъ которыхъ воеводы потомъ назначали одного сотеннымъ головой. Наконецъ, выс-

шій слой служилаго сословія, думные люди, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, имѣлъ очень важное спеціальное право— участвовать въ засѣданіяхъ высшаго государственнаго учрежденія, боярской думы.

Городское торгово-промышленное и ремесленное сословіе имѣло одно важное сходство съ крестьянствомъ: какъ и послѣднее, оно обязано было «нести тягло», т.-е. уплачивать рядъ податей въ государственную казну и отбывать повинности: горожане, какъ и крестьяне, платили стрѣлецкую подать, шедшую на содержаніе постоянной пѣхоты такъ называемыхъ стрѣльцовъ, данныя деньги—остатокъ старинной прямой подати, дани, полоняничныя деньги, предназначавшіяся на выкупъ плѣнныхъ, оброчные сборы съ лавокъ и промысловъ; наконецъ въ военное время государство налагало на городское сословіе особые экстренные сборы на военныя нужды,—сборы, доходившіе до 5, 10, 15 и даже 20% съ дохода; повинности горожанъ заключались въ службѣ на денежныхъ, таможенныхъ и кружечныхъ дворахъ, т.-е. въ завѣдываніи подъ строгой имущественной отвѣтственностью чеканкой монеты, сборомъ таможенныхъ и проѣзжихъ пошлинъ, тяжелымъ гнетомъ лежавшихъ тогда на торговлѣ не только внѣшней, но и внутренней, и казенной продажей вина. Основное личное право всѣхъ членовъ городского сословія, иначе посадскихъ людей или людей черныхъ сотенъ и слободъ какъ, ихъ тогда называли—это право владѣть дворами и лавками въ городахъ и вести торговлю. Всѣ остальныя сословія были лишены этого права и исключенія допускались для нихъ только подъ условіемъ платежа посадскаго тягла,—и то не всегда и не для всѣхъ. И городскому сословію, какъ и служилому, свойственны были, наконецъ, и нѣкоторыя корпоративныя права, обязанныя, впрочемъ, своимъ существованіемъ единственно тому обстоятельству, что они были необходимы для отбыванія сословныхъ повинностей: посадскіе люди выбирали старостъ для раскладки и сбора податей. О крестьянствѣ у насъ уже шла рѣчь: крестьяне въ половинѣ XVI вѣка были людьми несвободными, крѣпостными; на нихъ, какъ и на городскомъ сословіи, лежало тягло, уплата податей и исполненіе повинностей.

Наблюдая такое общественное устройство, не трудно подмѣтить двѣ его основныхъ черты: во-первыхъ, сословность, рѣзкія юридическія различія однѣхъ общественныхъ группъ отъ другихъ; во-вторыхъ, преобладаніе обязанностей надъ правами, принудительную разверстку обязанностей между отдѣльными сословіями, разверстку, произведенную государствомъ. Такую сословную организацію принято называть крѣпостной, такъ какъ всѣ соціальные слои прикрѣплены къ опредѣленному спеціальному тяглу, къ опредѣленной обязанности. Сословность и крѣпостной характеръ общества обязаны своимъ существованіемъ тѣмъ экономическимъ, отчасти и политическимъ условіямъ, которыя составляли отличительную черту Московскаго государства вто-

рой половины XVI и начала XVII вѣка: они прежде всего слѣдствіе экономическихъ особенностей первой стадіи развитія денежнаго хозяйства, когда начавшееся раздѣленіе труда дробитъ уже общество на рѣзко обособленныя группы, но при этомъ новый складъ жизни настолько еще не окрѣпъ и не установился, что нуждается въ постоянной поддержкѣ и регламентаціи; а затѣмъ и побѣда московскаго государя надъ мятежнымъ боярствомъ, руководимымъ потомками удѣльныхъ князей, наложила свою печать на устройство общества: логическимъ послѣдствіемъ торжества самодержавной власти былъ крѣпостной сословный строй, перевѣсъ сословныхъ обязанностей надъ правами, усиленіе государства въ ущербъ общественной самодѣятельности и самостоятельности.

Наконецъ, черезъ посредство организаціи верховной власти и соціальныхъ отношеній, условія русскаго народнаго хозяйства XVI и XVII вѣковъ отразились и въ сферѣ администраціи. Пока хозяйство было натуральнымъ, а княжеская власть и общество оставались неорганизованными, какъ то было въ удѣльное время, до тѣхъ поръ не существовало ни правильныхъ учрежденій съ постояннымъ вѣдомствомъ, опредѣленнымъ составомъ и самостоятельностью въ извѣстномъ кругѣ дѣлъ, ни даже правильнаго понятія о государствѣ какъ общественномъ союзѣ, преслѣдующемъ интересы общаго блага. Князь удѣльнаго времени смотрѣлъ на свое княжество какъ на личное достояніе, какъ на собственность, дающую ему доходъ,—и только. Поэтому и органы его власти, ему подчиненные, были его личными слугами, которымъ онъ каждый разъ поручалъ или «приказывалъ» то или другое дѣло: мы тщетно стали бы искать въ этихъ отдѣльныхъ порученіяхъ, даваемыхъ придворнымъ чиновникамъ—большею частью дворецкому и казначею,—какого-либо постоянства или хотя бы нѣкоторой опредѣленности: все было шатко, неясно, непрочно и случайно. Въ областяхъ или уѣздахъ управляли тогда намѣстники и волостели, которые также руководились въ своей дѣятельности, главнымъ образомъ, не соображеніями общаго блага, тогда совершенно еще смутными, неясными, а своимъ матеріальнымъ интересомъ, доходомъ отъ должности. По картинному выраженію одного документа, намѣстники и волостели «своего прибытка смотрѣли», были кормленщиками, интересовались по преимуществу кормомъ, получавшимся ими непосредственно съ населенія. Но какъ только денежное хозяйство сплотило общество въ одно органическое, болѣе или менѣе связное и единое цѣлое, такъ идея общаго блага, какъ основа общественнаго союза, ясно выступила въ сознаніи и потребовала иной организаціи управленія. Кормленщики стали неудобны, и правительство Ивана Грознаго попыталось сначала замѣнить ихъ широкимъ земскимъ самоуправленіемъ, позволивъ населенію отдѣльныхъ областей выбирать изъ своей среды «излюбленныхъ» (т.-е. выборныхъ) старостъ съ цѣловаль-

никами (присяжными) для завѣдыванія всѣмъ областнымъ управленіемъ. Но крѣпостной характеръ общества, проникавшее весь соціальный строй начало обязанности не вязалось съ принципомъ самоуправленія, и потому земскія учрежденія царя Ивана IV скоро исчезли: въ XVII вѣкѣ ихъ, какъ и намѣстниковъ, тамъ, гдѣ послѣдніе сохранились, замѣнилъ во всѣхъ уѣздахъ воевода, завѣдывавшій государственными доходами, администраціей и судомъ на царя, представлявшій собою носителя государственной власти. Параллельно этому совершались перемѣны и въ центральной администраціи: усложненіе государственной дѣятельности приводило къ скопленію въ боярской думѣ, у дворецкаго и казначея массы новыхъ дѣлъ, съ которыми имъ было трудно справляться. При томъ многія изъ этихъ дѣлъ требовали для своего правильнаго рѣшенія извѣстной привычки, сноровки, административной техники, спеціализаціи, невозможной тогда, когда управленіе построено на временныхъ и личныхъ порученіяхъ. Тогда на смѣну личностей явились учрежденія: государь сталъ «приказывать» извѣстныя дѣла одному и тому же лицу и въ помощь ему назначилъ дьяка (секретаря) и подьячихъ (писцовъ); такъ получились приказы. Конечно, ихъ составъ не былъ достаточно постояненъ и въ вѣдомствѣ было не мало путаницы и нескладицы, но все-таки это были учрежденія, хотя и еще только зарождавшіяся. Высшее государственное учрежденіе—боярская дума—также значительно измѣнило свой характеръ подъ вліяніемъ новыхъ условій: его составъ сталъ постояннѣе—въ немъ принимали участіе лица думныхъ чиновъ, бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки, а вѣдомство опредѣлилось точнѣе—дума стала почти исключительно законодательнымъ учрежденіемъ. Наконецъ, пока необходима была созидательная совмѣстная, общая работа по устроенію новаго общественнаго и государственнаго порядка, не примѣнившагося еще къ новымъ условіямъ и поколебленнаго кризисомъ XVI вѣка и смутой XVII, до тѣхъ поръ собирались земскіе соборы, сначала изъ правительственныхъ чиновниковъ, потомъ изъ выборныхъ отъ сословій. Но когда окончательно сложились крѣпостныя сословія, матеріала для совмѣстной работы не оказалось, и земскіе соборы прекратили свое существованіе.

На предыдущихъ страницахъ выяснено въ главныхъ чертахъ значеніе города и деревни въ экономической, соціальной и политической исторіи Московскаго государства XVI и XVII вѣковъ. Мы убѣдились при этомъ, что о такомъ господствѣ города надъ деревней, какое наблюдалось въ Великомъ-Новгородѣ удѣльнаго времени, теперь не можетъ быть и рѣчи. Деревня, а не городъ, давала основной тонъ всей народной и государственной жизни Московской Руси, измѣненія въ земледѣльческой деревенской промышленности вызвали то оригинальное сочетаніе соціальныхъ силъ, какое наблюдается въ это время. Однако, было бы большой ошибкой придавать деревнѣ исключительное значе-

ніе въ изучаемый періодъ русской исторіи; къ доминирующему тону, создаваемому деревенской жизнью, примѣшивались уже довольно громкіе аккорды жизни городской,— результатъ зарожденія денежнаго хозяйства. И эта смѣсь не звучала диссонансомъ, не создавала непримиримыхъ противорѣчій, не была механической, какъ то было въ удѣльное время, а напротивъ, представляла собою стройное, гармоническое цѣлое: городская жизнь вошла уже въ органическую связь съ деревенской, объединилась съ ней, потому что денежное хозяйство стало проникать въ массы населенія. Не надо только забывать, что городъ и въ Московскомъ государствѣ не былъ еще центромъ обрабатывающей промышленности, а имѣлъ только торговое значеніе. Изъ этого значенія города, какъ торговаго центра, и изъ преобладанія земледѣлія въ деревнѣ выводятся и господство извѣстныхъ формъ землевладѣнія и хозяйства, и послѣдовательныя измѣненія въ хозяйственной системѣ, и побѣда самодержавія въ государственномъ строѣ, и, наконецъ, образованіе крѣпостныхъ сословій. Одно только условіе пришлось признать, какъ дополнительное,—именно отношеніе количества населенія къ пространству страны, непомѣрную обширность территоріи, давшую возможность населенію уйти отъ тяжелыхъ хозяйственныхъ условій на свободныя, незанятыя земли. И позднѣе это условіе оказывало могущественное вліяніе на историческую жизнь нашего отечества; оно дѣйствуетъ даже и въ современной намъ дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ преувеличивать его значеніе: существованіе обширныхъ пустыхъ пространствъ создавало лишь *возможность* отлива населенія; его *необходимость* вызывалась чисто хозяйственными условіями, занимающими такимъ образомъ первое мѣсто. Резюмируя въ краткихъ словахъ все сказанное о значеніи города и деревни въ исторіи московскаго государства, мы получаемъ слѣдующую формулу: унаслѣдованныя отъ удѣльнаго времени формы землевладѣнія—помѣстье и монастырская вотчина—повели къ упадку системы земледѣлія въ коренныхъ областяхъ государства, къ отливу населенія на окраины и, вслѣдствіе этого, къ торжеству самодержавія и крѣпостного сословнаго строя; отливъ населенія вызвалъ, въ свою очередь, усиленный обмѣнъ продуктами производства между разными областями государства, ускорилъ развитіе денежнаго хозяйства, т.-е. повысилъ торговое значеніе города, и тѣмъ самымъ произвелъ очень важныя измѣненія и въ формахъ землевладѣнія и деревенскаго хозяйства: помѣстье и монастырская вотчина начали отживать свое время, стали расти барщина, барская запашка и несвободный земледѣльческій трудъ. Этимъ новымъ явленіямъ суждено было сыграть первостепенную роль въ исторіи дореформенной Россіи XVIII и XIX вѣковъ.

Н. Рожковъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕТЕРПѢНІЕ ТОЛПЫ.

Графа Вилльe-де-Лиль-Аданъ *).

(Пер. съ франц. *И. А.*).

«Прохожій! Поди и объяви въ Лакедомонѣ, что мы здѣсь и что мы мертвы, потому что повиновались его священнымъ законамъ».

Симонидъ.

Тяжелое крыло главныхъ воротъ Лакедемона стояло на отмашь и, прислонившись къ камнямъ стѣны, точно мѣдный щитъ къ груди воина, открывало взорамъ Тайгетъ. Пыльный скатъ холма алѣлъ отъ холодныхъ огней заката, и его выжженная пологость отбрасывала на стѣнѣ Геракла кровавый отблескъ той гекатомбы, которая творилась тамъ, въ тайникахъ безжалостнаго вечера.

Надъ силуэтомъ портика тяжко поднималась городская стѣна. На ея убитомъ гребнѣ была толпа, вся красная отъ заката. И отблескъ желѣзныхъ доспѣховъ, и пеплосы, и колесницы, и острія пикъ, все играло въ кровавыхъ лучахъ свѣтила. Только глаза людей были темны и они упорно метали взоры острѣе, какъ копья, на вершину горы изъ-за которой ждали важнаго извѣстія.

Два дня тому назадъ триста спартанцевъ вышли отсюда со своимъ царемъ. Увѣнчавшись, они спѣшили на пиръ, уготованный для нихъ отчизной, и, зная, что раздѣлятъ вечернюю трапезу съ Аидомъ, въ послѣдній разъ расчесали и умастили свои волосы въ храмѣ Ликурга. Потомъ, поднявъ щиты и ударяя о нихъ мечами, съ гимномъ Тиртея на устахъ и среди пляшущихъ женщинъ они скрылись въ алыхъ лучахъ зари. И теперь, конечно, высокія травы тѣснины уже щекочутъ ихъ голыя ноги, точно земля, которую они готовятся защищать, хочетъ на прощанье приласкать своихъ дѣтей, прежде чѣмъ она откроетъ для нихъ свое священное лоно. На утро вѣтеръ донесъ до Спарты

---

*) Ранѣе было напечатано въ «Contes cruels». Изд. Кальманнъ Леви, потомъ вошло въ изд. Демана «Histoires souveraines». Брюссель. 1899.

стукъ мечей, и эхо побѣдныхъ кликовъ подтвердило спутанный лепетъ пастуховъ.

Два раза отступали персы, и среди неслыханнаго погрома они оставили поверхъ земли десять тысячъ безсмертныхъ.

Локрида видѣла побѣду. Өессалія поднималась. Пробуждались даже Өивы, а Аөины слали войско и, по знаку Мильтіада, ихъ ряды поспѣшно одѣвались кольчугами. Семь тысячъ воиновъ стояло наготовѣ за спартанской фалангой.

Но вотъ среди побѣдныхъ хоровъ и моленій въ храмѣ Артемиды пять эфоровъ, выслушавъ послѣдняго герольда, молча переглянулись.

Безъ минуты промедленія совѣтъ старѣйшихъ объявилъ городъ на осадномъ положеніи, и спартанцы стали наскоро возводить окопы. Прежде городу бывало довольно спартанскихъ щитовъ.

Тѣнь застлала веселье. Уже болѣе не давали вѣры розсказнямъ пастуховъ, и всѣ эти великолѣпныя извѣстія какъ-то сразу потускнѣли и стали пустыми баснями.

Содрогнулись суровые жрецы, и пламя треножниковъ затрепетало на воздѣтыхъ рукахъ авгуровъ, творящихъ заклинанія богамъ преисподней. Шопотомъ изъ устъ въ уста переходили отрывочныя слова и получали грозный смыслъ. И дѣвушкамъ приказали уйти, такъ какъ надо было назвать измѣнника. И ихъ длинные покровы задѣвали илотовъ, которые напившись чернаго вина, лежали поперекъ ступеней портика; дѣвушки наступали на нихъ и не замѣчали лежащихъ.

Тогда прозвучала отчаянная вѣсть. Глухая фокидская тропа открыта врагу. Мессенскій пастухъ продалъ Элладу. Эфіальтъ предоставилъ Ксерксу собственную мать. И уже персидскіе всадники въ челѣ которыхъ сверкали золотые панцыри сатраповъ, покрывали землю боговъ и попирали грудь, вспоившую героевъ. Прощайте храмы и вы жилища предковъ, и вы священныя поля! Эти люди сейчасъ будутъ здѣсь и, изнѣженные и блѣдные, будутъ отбирать себѣ рабынь изъ твоихъ дочерей Лакедемонъ!

Казалось, ужасъ возрасталъ отъ самаго вида горы, пока граждане толпились на стѣнѣ. Вѣтеръ жалобно вылъ въ ущельяхъ и среди ямъ, а ели гнулись и трещали, мѣшая свои нагія вѣтви, точно спутанные волосы на головѣ, запрокинутой отъ ужаса.

Горгона перебѣгала за тучами и, казалось, что ихъ вуали по временамъ облегаютъ ея страшное лицо. А толпа раскрашенная пожаромъ, стѣснившись въ амбразурахъ стѣны, точно дивилась суровому отчаянію земли передъ небесною угрозой.

Но всѣ эти суровоустные мужи осудили себя на строгое молчаніе въ виду присутствія дѣвушекъ. Не надо было волновать дѣвичью грудь и мутить дѣвичью кровь, обвиняя эллина передъ будущими матерями. Спартанцы берегли своихъ будущихъ дѣтей.

Между тѣмъ, нетерпѣніе, обманутыя ожиданія, недостовѣрность са-

маго несчастья дѣлали томленіе все болѣе и болѣе невыносимымъ. Каждый точно старался сгустить краски грядущаго, и близость разрушенія стѣнъ казалась спартанцамъ неизбѣжной.

О, конечно, первые вражескіе отряды появятся еще сумерками.

Иные видѣли даже, какъ отблескъ персидской конницы пересѣкаетъ горизонтъ, видѣли колесницу Ксеркса.

А жрецы, насторожившись, различали клики, которые несутся съ сѣвера, не замѣчая того, что вѣтеръ южныхъ морей съ шумомъ клубилъ ихъ плащи. Подкатывали и наставляли машины, нацѣпляли скорпіоны, около колесъ грудами сбрасывали копья.

Дѣвушки раскладывали костры, чтобы варить смолу, а ветераны одѣлись въ ржавые доспѣхи и, скрестивъ руки, прикидывали въ умѣ, сколькихъ они еще уложатъ, пока не придется улечься самимъ; ворота должны были замуровать, потому что Спарта не хотѣла сдаваться, даже въ случаѣ штурма. Подсчитывали припасы, женщинамъ предписывалось самоубійство; тамъ и сямъ, еще дымясь, валялись внутренности жертвъ, и надъ ними наклонялись внимательныя лица.

Такъ какъ спартанцы разсчитывали не уходить со стѣнъ и ночью, на случай внезапнаго нападенія, то человѣкъ, по имени Ногаклъ, который былъ приставленъ отъ государства варить пищу для караула, тутъ же, на брустверѣ, дѣлалъ свое дѣло. Онъ стоялъ, низко наклонившись надъ огромнымъ чаномъ, и тяжелымъ каменнымъ пестомъ разминалъ зерна въ густо посоленномъ молокѣ; но и онъ былъ разсѣянъ, то и дѣло поглядывая на гору.

Повсюду чувствовалось напряженное ожиданіе. Шопотомъ начинали даже порочить воиновъ Леонида. Отчаяніе толпы всегда чревато клеветой, и братья тѣхъ самыхъ людей, которые не побоялись изгнать Аристида, Ѳемистокла и Мильтіада, не могли теперь, не впадая въ ярость, выдерживать тревоги ожиданія.

Только старухи недовѣрчиво покачивали головами, заплетая свои длинныя бѣлыя косы. Онѣ были спокойны за своихъ дѣтей и сохраняли злобную самоувѣренность волчицъ, которыя уже откормили.

Вдругъ потемнѣло небо... только не отъ ночныхъ тѣней. Откуда-то, съ далекаго, невѣдомаго юга, появилась неисчислимая стая вороновъ.

Когда птицы пролетали надъ Спартой, ихъ голоса звучали дикой радостью, и казалось, что онѣ заполонили все небо и отняли у людей весь его свѣтъ.

Но вотъ ряды ихъ унизали деревья священныхъ рощъ, опоясавшихъ Тайгетъ. Вороны засѣли тамъ, зоркіе и неподвижные, повернувъ на сѣверъ свои клювы и горящіе зрачки.

Тогда поднялись людскіе вопли, и громъ проклятій посыпался на зловѣщихъ.

Захрипѣли катапульты и изрыгнули цѣлыя тучи камней, и камни

свистѣли и пѣли на всѣ лады, передъ тѣмъ, какъ со звономъ и трескомъ ворваться въ лѣсную чащу.

Но даромъ только судорожно сжатые кулаки и цѣлый лѣсъ воздѣтыхъ къ небесамъ рукъ, стремился спугнуть вороновъ. Казалось, они застыли, околдованные священнымъ ароматомъ павшихъ воиновъ и не ворохнутся съ черныхъ вѣтокъ, которыя гнулись отъ ихъ тяжкаго груза.

Молча содрогнулись матери передъ этимъ знаменіемъ. Очередь тревоги дошла и до дѣвушекъ. Имъ роздали священные клинки, которые въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ оставались невидимо висѣть въ храмахъ. И онѣ спрашивали: «Для кого эти мечи?» И ихъ взоры, еще нѣжные, переносились съ мерцающихъ обнаженныхъ мечей къ холодному блеску отцовскихъ глазъ. Но онѣ встрѣчали только почтительныя улыбки; ихъ еще оставляли въ невѣдѣніи—лишь въ самую послѣднюю минуту скажутъ имъ, что эти мечи предназначены для нихъ.

Вдругъ раздались дѣтскіе крики. Дѣтскіе глаза раньше всѣхъ различили вдали какую-то точку, и, дѣйствительно, тамъ, съ опустѣлой и уже синѣющей вершины быстро спускался къ городу бѣглецъ, точно погоняемый вѣтромъ. Всѣ взоры приковались къ его очертанію. Онъ приближался, низко опустивъ голову, и опирался рукой на палку, которую, должно быть, срѣзалъ самъ гдѣ-нибудь по дорогѣ, и которая теперь помогала его бѣгу, направленному прямо на городскія ворота. Вотъ онъ вступилъ въ полосу, освѣщенную послѣдними лучами солнца, и теперь можно было даже различить длинный плащъ, обмотанный вокругъ его тѣла.

Повидимому, онъ падалъ по дорогѣ, потому что его одежда была вся въ грязи, какъ и его палка. Но это не могъ быть солдатъ, такъ какъ съ нимъ не было щита.

Мрачное молчаніе шло навстрѣчу призраку.

— Изъ какой объятой ужасомъ земли направлялся его бѣгъ? О тяжкое знаменіе!

— Такое бѣгство недостойно мужа... Что ему надо?

— Убѣжища?.. Или за нимъ погоня... персы?.. Какъ?.. Уже...

Умирая, косой лучъ освѣтилъ фигуру бѣглеца цѣликомъ съ головы до пятъ. На немъ были кованныя поножи.

Цѣлая буря ярости и стыда закружила мысли зрителей. Забыли даже о присутствіи дѣвушекъ. Да и сами дѣвушки, побѣлѣвъ, какъ лиліи, получили какой-то зловѣщій отпечатокъ.

И вотъ оцѣпененіе и ужасъ выжали изъ устъ страшное слово. Это былъ *спартіатъ*. Это былъ одинъ изъ трехсотъ. Теперь его узнавали... Да... это онъ... Спартанецъ, бросившій щитъ... Какъ?.. Значитъ, они бѣгутъ... И другіе?.. Тѣ?.. Избранники?.. Мучительный страхъ судорогой проходилъ по лицамъ. Этотъ человѣкъ открывалъ глазамъ картину пораженія... Зачѣмъ же далѣе отвертываться отъ

ужаснаго призрака? Они бѣжали... Всѣ... Этотъ только опередилъ другихъ... Тѣ прочіе могутъ показаться каждую минуту. А по пятамъ за ними, конечно, гонятся конные персы... И, приставивъ руку къ бровямъ, поваръ объявлялъ окружающимъ, что онъ уже различаетъ въ туманѣ фигуры воиновъ Леонида.

Но вотъ одинъ крикъ ярко выдѣлился изъ смутнаго гула... Его испустили старикъ и высокая женщина. Закрывая свои, отнынѣ навѣкъ опозоренныя лица, они произнесли только два ужасныхъ слова: «Мой сынъ». И это вызвало цѣлый ураганъ. Отовсюду на встрѣчу бѣглецу поднимались сжатые кулаки.

— Ты ошибся. Поле битвы не здѣсь.

— Не такъ быстро. Побереги силы.

— А почемъ щиты на персидскомъ рынкѣ? Что дали тебѣ за мечъ?.

— У Эфіальта много денегъ.

— Гей... ты... Не забирай вправо. Ты осквернишь кости Пелопа, Геракла и Полидевка. Какая низость! Ты тревожишь тѣнь великаго предка. Развѣ онъ долженъ гордиться тобою?

— Ужъ не Гермесъ ли, скажи, отдалъ тебѣ свои крылатые башмаки? Клянусь Стиксомъ, ты будешь первымъ въ Олимпіи.

Но воинъ, казалось, не слышалъ этихъ словъ. Онъ продолжалъ бѣжать по направленію къ городу.

Это еще болѣе обозлило толпу. Брань становилась все ужаснѣе. Дѣвушки, оцѣпенѣвъ, не сводили съ бѣгущаго глазъ.

Жрецы кричали ему:

— Низкій! Посмотри на себя. Ты весь въ грязи... Или, вмѣсто того, чтобы цѣловать родную землю, ты кусалъ ее?

— Какъ? Онъ направляется къ воротамъ. Нѣтъ, никогда! Клянусь Аидомъ, ты не войдешь сюда.

И цѣлый лѣсъ рукъ вставалъ передъ нимъ высокой оградой.

— Назадъ!.. Тебя ждетъ яма... Нѣтъ, скорѣе...—Назадъ! Мы не хотимъ твоей крови даже для нашей ямы.

— Воротись назадъ... туда, гдѣ бьются...

— Опомнись... Тѣни героевъ обступаютъ тебя.

— Персы приготовили для тебя цвѣты и лиры... Ступай пировать съ ними, рабъ!

При этихъ словахъ дѣвственныя дочери Лакедемона низко опустили головы и, сжимая мечи, которые когда-то, вѣка тому назадъ, украшали свободныхъ царей, — онѣ молча плакали. И ихъ благородныя слезы, какъ драгоцѣнные камни, усыпали суровые клинки. Теперь онѣ все поняли и обрекали себя смерти за отчизну.

Но вотъ изъ ихъ толпы выдѣлилась одна, и ей очистили путь до самаго края стѣны: это была нареченная невѣста бѣглеца.

— Не смотри, не смотри, Симеида!—удерживали ее подруги.

Но она нацѣлилась и швырнула камнемъ въ изнемогавшаго человѣка.

Камень попалъ въ него. Онъ поднялъ глаза и остановился. Онъ весь дрожалъ мелкой дрожью, но черезъ минуту голова его опять упала на грудь.

Онъ будто грезилъ... Только о чемъ-же?..

Дѣти съ любопытствомъ разглядывали загрязненнаго человѣка, и матери тихо говорили имъ что-то, указывая на него пальцами.

Огромный и воинственный поваръ остановилъ свою стряпню и выпустилъ изъ рукъ пестъ. Священное негодованіе заставило его забыть объ обязанностяхъ: отступивъ отъ чана, онъ свѣсился за амбразуру стѣны. Потомъ, собравшись съ духомъ и надувъ щеки, старый воинъ съ силою плюнулъ по направленію къ бѣглецу. И случайный вѣтеръ, точно сговорившись съ его священнымъ гнѣвомъ, прилѣпилъ къ бѣлому лбу несчастнаго комокъ позорной пѣны. Повару стали рукоплескать. Да, это была настоящая месть.

А солдатъ тяжело опирался на палку и теперь, не отрывая глазъ, смотрѣлъ прямо въ городскія ворота.

И вотъ, по знаку начальника, тяжелая дверь захлопнулась передъ нимъ, и мѣдная полоса соединила два каменныхъ выступа стѣны.

Тогда передъ этой, навсегда закрытой для него святыней, бѣглецъ упалъ навзничь, тѣло его выпрямилось по склону горы.

Спустились сумерки и стая вороновъ хлынула на упавшаго: на этотъ разъ общее одобреніе встрѣтило черныхъ гостей,—и въ одинъ мигъ гробовая пелена вороньей стаи скрыла лежащаго отъ поруганій человѣческой толпы.

Потомъ пала вечерняя роса и смочила вокругъ него пыль. На зарѣ отъ человѣка оставались только разбросанныя кости.

Такъ умеръ во славѣ,—можетъ быть, единственной, которой завидуютъ боги,—умеръ, набожно смеживъ вѣки, чтобы видъ дѣйствительности никакой суетной печалью не смутилъ для него высокаго образа отчизны, который жилъ въ его сердцѣ,—такъ умеръ, не разжавъ губъ и сжимая въ рукѣ пальму, заразъ и погребальную, и побѣдную, едва отдѣленный отъ породившей его грязи пурпуромъ собственной крови, царственный вѣстникъ побѣды трехсотъ. Когда онъ былъ раненъ на смерть, товарищи убѣдили его, бросивъ въ Ѳермопильскій потокъ его мечъ и щитъ, отдать послѣднія силы для спасенія Спарты. Такъ исчезъ въ смерти, почтённый или нѣтъ отъ тѣхъ, за кого онъ погибалъ, посолъ Леонида.

ИДЕАЛИЗМЪ И МАРКСИЗМЪ.

«Матеріализмъ есть только первая, ближайшая, но въ то же время и наиболѣе низкая ступень нашего міровоззрѣнія». *Ланге.* «Исторія матеріализма», т. II, стр. 322.

Въ жизни человѣчества бываютъ эпохи, когда люди нуждаются въ разрушеніи того, что создавалось долгимъ трудомъ ихъ предшественниковъ, когда имъ приходится разрушать храмы своихъ предковъ, чтобъ на ихъ развалинахъ строить новый храмъ для новыхъ боговъ. Изъ подобнаго чередованія разрушенія храмовъ, низверженія идоловъ и возведенія на пьедесталъ дѣйствительности новыхъ боговъ слагается умственная жизнь какого угодно народа. Въ большинствѣ случаевъ періодъ разрушенія въ царствѣ мысли есть періодъ матеріализма, періодъ же построекъ неразрывно связанъ съ царствомъ идеализма. Въ этой смѣнѣ кумировъ, въ этомъ непрерывномъ чередованіи двухъ великихъ силъ, можно сказать, заключалась до сихъ поръ духовная жизнь человѣчества.

Матеріализмъ несетъ въ себѣ элементъ разрушенія, элементъ отрицанія; его историческая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ, раскрывая глаза человѣчеству на создаваемыя имъ фикціи, мѣшаетъ ему успокоиться на этихъ фикціяхъ; его роль—роль революціонера. Но такъ какъ его сила есть только сила разрушителя, то онъ мало способенъ къ творческой работѣ. Разрушивъ зданіе, расчистивъ мѣсто для постройки, онъ долженъ удалиться, уступивъ мѣсто творческой силѣ. Эта сила—идеализмъ. Все, что было хорошаго, высокаго, вѣчнаго въ жизни человѣчества, все это продукты этой силы. Эта сила намъ дорога потому, что только она является носительницей человѣческой сущности. Матеріализмъ съ его наглядной «простотой» можетъ удовлетворять только «простые» умы. Поэтому человѣчество никогда долго не останавливалось на немъ, никогда не дѣлало его конечнымъ пунктомъ стремленій своего духа. Исторія русской мысли можетъ служить великолѣпной картиной, отражающей этотъ фактъ.

Русская общественная мысль въ теченіе всего XIX столѣтія ски-

талась въ поискахъ за міросозерцаніемъ, всѣ ея стремленія были направлены на отысканіе и созданіе незыблемыхъ, вѣчныхъ идеаловъ. Въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ русская интеллигенція искала этихъ идеаловъ въ царствѣ отвлеченной мысли и строила ихъ на «абсолютной идеѣ», на Гегелѣ. Всѣ преклонялись предъ его «философскимъ колпакомъ», какъ говаривалъ Бѣлинскій, имъ зачитывались какъ западники, такъ и славянофилы, желая найти отвѣты на мучившіе ихъ вопросы. Но Гегель удовлетворялъ далеко не многихъ. Русскимъ интеллигентамъ того времени была нужна живая мысль, а не та сухая, отвлеченная, прогоняемая сквозь строй абстрактныхъ понятій теорія, которую они видѣли въ идеализмѣ Гегеля. И вотъ, несмотря на то, что тогдашняя интеллигенція мыслила только Гегелемъ и отъ Гегеля, несмотря на то, что въ основѣ ея міросозерцанія была положена одна философская система, она все-таки распалась на двѣ совершенно противоположныя другъ другу группы, на лѣвую и правую—западниковъ и славянофиловъ. Но вотъ сошли со сцены отцы, умерли еще при жизни, оставивъ дѣтямъ наслѣдство. Почти ничего цѣннаго не осталось тамъ для дѣтей—философскій колпакъ Гегеля, предъ которымъ преклонялись отцы, нѣсколько армяковъ, въ которыхъ расхаживали по Москвѣ славянофилы, да многорѣчивыя статьи объ эстетикѣ. Послѣ разныхъ метафизическихъ умствованій, послѣ притворно-сладкихъ разглагольствованій наступило «навожденіе», т.-е. эпоха шестидесятыхъ годовъ. Гегелевскую философію смѣнили Дарвинъ, Бюхнеръ, Молешоттъ.

Но не долго продолжалось царство матеріализма. Матеріализмъ, позитивизмъ хороши только, какъ методъ изслѣдованія, какъ положительное содержаніе науки, но въ смыслѣ міросозерцанія они совершенно неудовлетворительны. Немудрено, что жизнь сейчасъ же констатировала этотъ фактъ. Не удовлетворившись позитивизмомъ, русскій интеллигентъ начинаетъ искать новыхъ идеаловъ. Литература семидесятыхъ годовъ полна такихъ исканій. Духъ недовольства реформами шестидесятыхъ годовъ, не доведенными до конца, и развитіе капитализма въ Россіи—вотъ характерные моменты для той эпохи. Капитализмъ, какъ и слѣдовало ожидать, еще не успѣлъ развить въ себѣ тѣхъ силъ, которыя должны, въ концѣ концовъ, вырыть для него могилу, и его мрачныя стороны, особенно въ первое время, давали о себѣ знать очень чувствительно. Поэтому, нашъ близорукій интеллигентъ, напуганный западно-европейскимъ капитализмомъ, начинаетъ искать идеаловъ позади, на заднемъ дворѣ жизни, и вотъ на элементахъ прошлаго возникаютъ тѣ «устои», предъ которыми такъ долго преклонялись народники.

Появляется «субъективная соціологія». Главная ошибка «русскихъ субъективистовъ» заключалась въ томъ, что тотъ идеалъ, который рисовался въ ихъ воображеніи, не обладалъ элементами объективности,

общеобязательности, въ томъ, что этотъ идеалъ былъ «слишкомъ субъективенъ». Теперь, послѣ того, какъ это направленіе уже умерло, хотя нѣкоторые представители его еще живы, послѣ того, какъ вся слабость и неосновательность философскихъ предпосылокъ этой концепціи разобрана въ интересной книгѣ Н. Бердяева, говорить и критиковать «русскій субъективизмъ» излишне. Неумолимые законы жизни удалили его на задній планъ, и въ настоящее время русскій субъективизмъ со всѣми его перипетіями является лишь интереснымъ матеріаломъ въ рукахъ историка, на долю котораго выпадаетъ весьма любопытная задача—изслѣдовать, какъ нашъ «критически мыслящій» интеллигентъ могъ такъ жестоко ошибиться въ своемъ «высшемъ идеалѣ».

Духъ и характеръ всякаго соціальнаго теченія опредѣляются въ конечномъ счетѣ тѣмъ взаимоотношеніемъ реальныхъ общественныхъ силъ, которое существуетъ въ данную эпоху, для данной страны. Когда капиталистическій способъ производства сталъ развивать внутри себя реальныя силы, которымъ принадлежитъ будущее, когда такимъ образомъ создались тѣ условія, которыми опредѣляется и направляется «надстройка», тогда въ Россіи явился марксизмъ. Между представителями «устоевъ» и представителями нарождавшагося направленія завязалась страстная полемика, обусловливаемая какъ важностью практическихъ задачъ, такъ и идейнымъ стремленіемъ найти тѣ критеріи, которые опредѣляли бы, на чьей сторонѣ истина. Жизнь рѣшила споръ; народники, проповѣдывавшіе, «что капитализмъ намъ не къ лицу», и рѣшившіе, во что бы то ни стало, не пускать въ Россію «побочное дитя западно-европейской буржуазіи», были побѣждены неумолимыми экономическими фактами того же капитализма. Такъ погибло славное царство русскаго субъективизма. Fuit Troia!..

Въ области соціологіи, получившей надежную научную почву, воцарился экономическій матеріализмъ. Мысли Маркса и Энгельса, положенныя ими въ основу своей доктрины, были доведены русскими «учениками» до своихъ крайнихъ предѣловъ; все носило настолько «экономическій» характеръ, что обвиненія со стороны противоположнаго лагеря въ «однобокости» заслуживали извѣстной доли вниманія. Такая философія, противная истинѣ и человѣческому духу, конечно, не могла разсчитывать на долгое существованіе и вотъ, когда марксизмъ въ Россіи былъ еще ребенкомъ, уже начали раздаваться голоса изъ среды самихъ учениковъ, что въ ортодоксіи нѣтъ спасенія, что главной задачей учениковъ является не преклоненіе предъ догмой, а систематическое дополненіе и развитіе теоріи учителя. Первымъ такимъ голосомъ, опередившимъ до извѣстной степени свое время, былъ голосъ П. Струве, но будучи заняты идейной борьбой съ отживающимъ свой вѣкъ направленіемъ, русскіе марксисты не оцѣнили въ свое время

этого призыва. Другимъ такимъ реформаторомъ, поставившимъ опредѣленныя задачи, является Н. Бердяевъ. (Смотри его статьи «Ланге и критическая философія», «Борьба за идеализмъ», напечатанныя въ «Мірѣ Божьемъ», и книгу «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи»).

Марксизмъ, какъ и всякая вообще философская доктрина, пережилъ въ своемъ развитіи нѣсколько фазисовъ. Первый фазисъ знаменуетъ собою появленіе и распространеніе марксизма—фазисъ догматическій; второй начинается съ того момента, когда на марксизмъ стали смотрѣть сквозь очки сомнѣнія, когда его отожествляли съ утопизмомъ прежнихъ временъ или когда предсказывали ему близкій неминуемый «крахъ» и даже пытались доказывать это на основаніи фактовъ—это періодъ скептицизма, и наконецъ, въ третій и послѣдній фазисъ—критическій—марксизмъ вступаетъ въ наши дни. Этому фазису суждено играть роль чистилища по отношенію къ марксизму. Только при помощи духа критицизма послѣдній можетъ очиститься отъ односторонности, только при свѣтѣ критической философіи онъ можетъ стать цѣльнымъ философскимъ міросозерцаніемъ, удовлетворяющимъ человѣческой сущности тѣхъ лицъ, которыя хотятъ обосновать свое міровоззрѣніе на идеѣ прогрессивнаго общественнаго класса.

Современный марксизмъ, собственно говоря, во многихъ чертахъ отличается отъ того ученія, которое оставили Марксъ и Энгельсъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на этихъ различіяхъ, а только постараемся разсмотрѣть основныя предпосылки, положенныя Марксомъ въ свою систему и уцѣлѣвшія въ ней до сего дня.

Духовнымъ отцомъ Маркса принято считать Гегеля. Намъ подобное мнѣніе кажется не вполнѣ вѣрнымъ. Ужъ если въ числѣ учителей считать Гегеля, то необходимо сюда причислить Фейербаха и Фихте, Штейна, Грюна, Канта и др. Мы не хотимъ оспаривать духовнаго вліянія Гегеля на Маркса вообще, но мы протестуемъ противъ того распространеннаго мнѣнія, что доктрина Маркса создалась исключительно подъ вліяніемъ этого идеалиста-метафизика. Въ одномъ мѣстѣ Энгельсъ, желая выставить научные элементы марксизма, говоритъ, что нѣмецкіе его адепты могутъ гордиться своимъ происхожденіемъ не только отъ Сенъ-Симона, Фурье и Оуэна, но также отъ Канта, Фихте и Гегеля. Гегель и въ особенности Кантъ выставлены здѣсь, конечно, для большаго парада, въ видѣ тѣхъ восковыхъ imagines предковъ, которыми такъ гордились римляне. Въ самомъ дѣлѣ, что вы найдете въ сочиненіяхъ Маркса-Энгельса общаго съ критицизмомъ Канта, съ его идеализмомъ? Ровно ничего. Марксъ почти совсѣмъ даже не упоминаетъ его, а Энгельсъ, если и останавливается на немъ, то непремѣнно съ усмѣшкой, и если судить о Кантѣ на основаніи сочиненій Энгельса, то получится впечатлѣніе, что Кантъ былъ величай-

шимъ нѣмецкимъ филистеромъ и буржуемъ, не больше *). Съ Гегелемъ у Маркса, въ сущности говоря, также очень мало общаго. Сравните этого абстрактнаго мыслителя-идеалиста, вѣрующаго въ абсолютный духъ и конструирующаго дѣйствительность изъ понятій, съ позитивнымъ реалистомъ Марксомъ,—кажется трудно представить себѣ двухъ болѣе противоположныхъ мыслителей. Единственнымъ, пожалуй, мостикомъ, перекинутымъ черезъ эти двѣ пропасти идеализма и матеріализма, является діалектическій методъ, да и тотъ для большаго удобства перевернутый вверхъ ногами. Гегель стремится исчерпать въ мышленіи всѣ явленія жизни во всей ихъ полнотѣ. Для этого дѣйствительность была введена въ кругъ идей, въ которомъ каждая изъ нихъ находилась въ такой же неразрывной связи другъ съ другомъ, въ какой одинъ моментъ бытія стоитъ по отношенію къ другому. Высшее сознаніе, воплощающее въ себѣ всю дѣйствительность, а вмѣстѣ съ нею и этотъ кругъ идей и объединяющее ихъ въ себѣ, есть, по понятію Гегеля, абсолютный духъ, абсолютная идея. Міровое содержаніе приводится въ порядокъ и направляется къ самому высшему понятію, къ этой абсолютный идеѣ, созерцающей себя во всѣ моменты развитія содержанія дѣйствительности: мышленіе и бытіе это одно и то же,—поэтому и діалектическій методъ развитія мысли будетъ тожественъ съ содержаніемъ, съ формами дѣйствительности. У Маркса, въ противоположность Гегелю, иная исходная точка зрѣнія. Въ предисловіи къ «Zur Kritik», являющемся для насъ теоріей познанія марксизма, мы читаемъ: «Не сознаніе людей опредѣляетъ формы ихъ бытія, а напротивъ, общественное бытіе опредѣляетъ формы ихъ сознанія». Чѣмъ былъ въ рукахъ Гегеля духъ, тѣмъ стала у Маркса матерія. «Мой діалектическій методъ,—говоритъ онъ,—въ его основѣ не только отличается отъ метода Гегеля, но и составляетъ его прямую противоположность. Для Гегеля процессъ мышленія, который онъ даже превращаетъ въ самостоятельный объектъ подъ именемъ идеи, есть Деміургъ дѣйствительности, составляющій только внѣшнее его проявленіе. Для меня, наоборотъ, идеальное есть не что иное, какъ переведенное въ человѣческую голову матеріальное» **). Такимъ образомъ гегелевская идеологія была устранена Марксомъ и замѣнена матеріалистической подкладкой; мѣсто гегелевской абсолютной идеи заняла экономика. Въ общемъ вкладъ гегелизма въ соціальную доктрину Маркса былъ очень незначителенъ, да и тотъ носилъ, главнымъ образомъ, формальный характеръ. Того идеализма, которымъ изобиловалъ Гегель, у Маркса и въ поминѣ нѣтъ.

Гораздо больше вліянія оказалъ на Маркса, по нашему мнѣнію,

*) Въ книгѣ Вольтманна «Историческій Матеріализмъ» приведено не мало образчиковъ такой оцѣнки Канта Энгельсомъ.

**) Предисловіе ко второму изданію I т. «Капитала».

другой мыслитель—Людвигъ Фейербахъ, не тотъ первоначальный Фейербахъ, который былъ поклонникомъ Гегеля и его идеализма, а тотъ, который заявлялъ во второй періодъ своей жизни, что духъ есть высшій продуктъ матеріи, что наше сознаніе есть продуктъ мозга и т. п. Фейербахъ какъ-то затерялся среди другихъ философовъ, его знаютъ очень немногіе, а между тѣмъ, его философія такъ близка большинству людей, такъ вѣрно намѣчаетъ основныя черты этого большинства; впрочемъ, можетъ быть, въ этомъ и заключается причина непопулярности его имени. «Въ то время,—говоритъ Іодль,—какъ вокругъ играющихъ въ остроуміе парадоксовъ Шопенгауэра цѣлыми массами наростаютъ всякаго рода литературные продукты, отъ такого мыслителя, какъ Фейербахъ, отдѣлываются какъ попало, видя въ немъ не болѣе, какъ нѣсколько выродившійся отпрыскъ Гегеля. Такое отношеніе къ Фейербарху обнаруживаетъ совершенное непониманіе не только того огромного значенія, какое его философія имѣетъ для нашего времени, но и хода историческаго развитія» *). Вся послѣкантовская нѣмецкая философія усиленно старалась очистить этическій идеалъ отъ всякихъ неморальныхъ элементовъ, пока, наконецъ, этотъ идеалъ не предсталъ предъ ней въ видѣ «безкровнаго призрака посреди полной движенія человѣческой жизни, которой онъ же долженъ былъ служить толчкомъ». Фейербахъ возвратилъ права гражданства забытому на время эвдемонизму и далъ ему дальнѣйшее обоснованіе. Вмѣстѣ съ нимъ воскресъ и практическій позитивизмъ, вызванный къ жизни потребностями дня. Мышленіе у Фейербаха всегда служило жизни. Изъ соотношеній между мышленіемъ и бытіемъ возможно только одно, именно—лишь бытіе порождаетъ мышленіе, а не наоборотъ. Общія понятія, въ которыхъ вращалась гегелевская философія, непригодны для обозначенія реальной, конкретной дѣйствительности, поэтому дѣйствительны только единичныя, чувственныя понятія. Марксъ, слѣдуя въ общихъ чертахъ за Фейербахомъ, замѣнилъ его чувственное начало хозяйственной природой человѣка, а его антропологизмъ соціально-экономическимъ содержаніемъ жизни. Никто другой, какъ Фейербахъ, оказалъ наибольшее вліяніе на Маркса въ дѣлѣ созданія матеріалистическаго пониманія исторіи—это признавали и сами его основатели. Подобное, напримѣръ, признаніе мы встрѣчаемъ у Энгельса въ его отзывѣ о книгѣ Фейербаха «Wesen des Christentums»: «Нужно самому было пережить пробуждающее мысль вліяніе этой книги, чтобы составить себѣ объ этомъ представленіе. Воодушевленіе было всеобще: мы всѣ мгновенно сдѣлались послѣдователями Фейербаха».

Вмѣстѣ съ идеализмомъ Гегеля Марксомъ была отвергнута и его неизбѣжная метафизика. Основная концепція его теоріи познанія—приматъ бытія надъ сознаніемъ—не есть построеніе метафизическаго

*) Іодль. «Исторія этики», т. II, стр. 219.

характера, а представляетъ лишь выводъ изъ соціально-историческихъ фактовъ. Равнымъ образомъ нельзя ставить марксовскую «силу экономическихъ факторовъ» въ зависимость отъ гегелевской абсолютной идеи, какъ это иногда дѣлаютъ, основываясь на нижеслѣдующихъ словахъ— Марксъ совсѣмъ не придавалъ этой силѣ метафизическаго значенія. «Въ общественномъ производствѣ,—говоритъ онъ,—служащемъ поддержанію жизни, люди вступаютъ въ опредѣленныя, необходимыя, не зависящія отъ ихъ воли отношенія, которыя соотвѣтствуютъ опредѣленной ступени развитія матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ производительныхъ отношеній образуетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, надъ которымъ возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соотвѣтствуютъ опредѣленныя общественныя формы сознанія. Способомъ производства матеріальной жизни обусловливается соціальный, политическій и духовный процессъ жизни» (Предисловіе къ «Zur Kristik»).

Мы бы такъ формулировали заслугу марксизма, выраженную въ этихъ немногихъ словахъ ея основателя: марксизмъ, познавая соціальныя явленія подъ категоріей причинности, впервые ввелъ исторію человѣчества въ область научнаго опыта. Ставя феномены соціальной жизни въ извѣстную зависимость отъ измѣненія «экономической структуры общества», марксизмъ вноситъ единство въ познаніе этихъ явленій, а это очень важно. Онъ не только констатируетъ закономѣрность въ общественной жизни, но и пытается опредѣлить эту закономѣрность. «Мы можемъ объяснить только то,—говоритъ Кантъ,—что мы въ состояніи свести къ законамъ, предметъ которыхъ можетъ быть данъ въ какомъ-либо возможномъ опытѣ». Марксизмъ такъ и дѣлаетъ—онъ, основываясь на опытѣ, ставитъ идеологію, «надстройку» въ извѣстное соотношеніе къ «реальному базису», хозяйству. Въ этомъ научная заслуга марксизма и, вмѣстѣ съ тѣмъ, здѣсь же, въ этомъ познаніи подъ принципомъ единства въ закономѣрности, заключается на ряду съ положительной и его отрицательная сторона. Пониманіе соціальной жизни по принципамъ міровой механики невольно приводитъ человѣческое сознаніе къ пессимизму (въ родѣ того, которымъ вѣетъ отъ сочиненій Шопенгауэра); этимъ духомъ пессимизма запечатлѣна большая часть изслѣдованій о свободѣ воли, о роли личности въ исторіи и т. п. тѣхъ марксистовъ, которые, презирая трусость въ мышленіи, шли по прямому позитивно-матеріалистическому пути. Марксизмъ объявляетъ свободу человѣка обусловленной, «детерминированной». Стоя на позитивно-матеріалистической точкѣ зрѣнія, ортодоксальные марксисты и не могли придти къ другому рѣшенію—человѣческая личность въ ихъ глазахъ есть нѣчто оборванное (lumpige Individuum), безвольное, рабски подчиняющееся неумолимымъ, желѣзнымъ экономическимъ законамъ. Они видятъ человѣка черезъ свои позитивные очки только съ одной стороны, со стороны чувственнаго міра—въ этой эмпирической области

своего бытія человѣкъ дѣйствительно несвободенъ, всѣ «явленія» этого бытія тѣсно связаны другъ съ другомъ закономъ причинности, какъ предыдущее съ своимъ послѣдующимъ, какъ причина съ слѣдствіемъ. Но за предѣлами этого эмпирическаго міра у человѣка открывается цѣлое царство свободы, которое реализуется въ *нравственномъ* содержаніи духовной жизни.

Человѣкъ есть не только существо, отражающее въ своемъ сознаніи дѣйствительность, не только существо мыслящее, но прежде всего и больше всего, обладающее волей, ставящее себѣ извѣстныя цѣли и стремящееся къ ихъ осуществленію. «Разсудокъ и воля не суть однородныя способности, стоящія на ряду одна съ другой, напротивъ, между ними существуетъ отношеніе зависимости; но не разсудокъ производитъ волю, какъ думали догматическіе метафизики, а наоборотъ, отъ воли зависитъ разсудокъ» *). Разсудокъ есть вассалъ, а воля всегда сюзеренъ. Цѣль ставится не разсудкомъ, а волей; на долю разсудка выпадаетъ лишь подчиненная роль; его задача—найти средства и пути къ ея осуществленію. «Человѣкъ хочетъ жить такою-то опредѣленной жизнью абсолютно, а не на основаніи познанія ея достоинства. Конечно, у человѣка бываетъ предвосхищеніе жизни, идеалъ, но идеалъ есть продуктъ не разсудка, а воли, созерцающей въ немъ самое себя. Разсудокъ не строитъ идеаловъ, у него нѣтъ и чувства для идеаловъ» **).

Человѣческое сознаніе имѣетъ два направленія—мышленіе и волю—оба эти элемента настолько тѣсно связаны другъ съ другомъ, что нѣтъ никакой возможности раздѣлить ихъ, и каждый изъ нихъ, взятый отдѣльно, не имѣлъ бы того значенія, какое они имѣютъ вмѣстѣ. Разница между объектами мышленія и воли та, что объекты воли, въ противоположность объектамъ мышленія, не даны въ дѣйствительности, а поставлены въ видѣ опредѣленной цѣли, въ видѣ извѣстнаго рода задачи. Эти объекты воли, или практическаго разума, реальны не въ опытѣ, который можетъ воспринять ихъ послѣ ихъ осуществленія, а въ самой волѣ, которой надлежитъ ихъ осуществить; и осуществленіе это будетъ не случайное, а необходимое, опредѣляемое разсудкомъ.

Соотвѣтственно этимъ двумъ функціямъ человѣческой психики существуютъ и двѣ формы сознанія: причинное и телеологическое. Къ прошедшимъ событіямъ, къ исторіи я могу относиться, какъ къ явленіямъ, стоящимъ по отношенію другъ къ другу въ причинной зависимости—это понятно. Но какъ мнѣ относиться къ событіямъ не совершившимся, какъ мнѣ относиться къ своимъ собственнымъ поступкамъ, къ тому, чего я еще не сдѣлалъ, но намѣреваюсь сдѣлать. Я знаю, что эти поступки будутъ находиться въ извѣстной зависимости отъ тѣхъ или другихъ факторовъ, но я не могу мыслить этихъ поступковъ

*) Куно Фишеръ. «Исторія Новой философіи». 1865 г., т. IV. стр. 160.
**) Паульсенъ. «Введеніе въ философію»

подъ категоріей причинности. Прежде всего эти поступки могутъ быть, могутъ и не быть, а какъ таковые, они не могутъ подпадать подъ причинную зависимость. Кромѣ того, я поступаю такъ или иначе, совершая эти поступки, только потому, что такъ я хочу. Я поступаю такъ, а не иначе потому, что я нахожусь въ извѣстной причинной зависимости отъ чего-нибудь; изъ цѣлой серіи поступковъ, которые я могу совершить въ данномъ случаѣ (а это уже ясно доказываетъ, что причинной зависимости здѣсь нѣтъ), я выбираю такой, который болѣе всего соотвѣтствуетъ и достигаетъ поставленной мною цѣли. Въ этомъ смыслѣ и можно сказать, что цѣль есть реализація извѣстной идеи. Телеологическая закономѣрность, т.-е. закономѣрность, направленная на какую-нибудь цѣль, приписывается трансцендентному бытію не произвольно, но такъ же, какъ причинная эмпирическому міру; она есть существенное содержаніе этого бытія. Находясь къ свободной волѣ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ причинность находится къ познанію, телеологическая закономѣрность, по своему существу, есть свободное самоопредѣленіе, переносимое изъ внутренняго міра во внѣшній, свободная оцѣнка цѣлей но ихъ достоинству. Есть цѣлый рядъ явленій, при разсматриваніи которыхъ закономѣрность въ формѣ каузальности оказывается совершенно неудовлетворительной, недостаточной и гдѣ требуется, кромѣ того, закономѣрность телеологическая. Сюда прежде всего относится область соціальныхъ явленій. Стремленіе къ разсмотрѣнію феноменовъ общественной жизни съ точки зрѣнія этой телеологической закономѣрности существуетъ — оно *называется соціальнымъ вопросомъ* *). Соціальный процессъ, содержащій въ себѣ постановку этого вопроса и его формулировку, состоитъ изъ цѣлаго ряда моментовъ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себѣ извѣстную цѣль, извѣстный идеалъ, создаваемый волей; соціальный процессъ есть переходъ отъ болѣе низкихъ формъ жизни къ болѣе высокимъ, болѣе сложнымъ, совершающійся во имя этихъ идеаловъ.

Одна изъ главныхъ соціологическихъ ошибокъ Маркса и въ особенности его послѣдователей заключалась въ томъ, что они приравняли соціально-экономическую жизнь человѣчества къ области физическихъ явленій. На самомъ дѣлѣ между той и другой областью лежитъ большая пропасть. Человѣкъ при изученіи естественныхъ наукъ вполнѣ удовлетворяется познаніемъ подъ категоріей причинности, между тѣмъ какъ въ познаніи явленій хозяйственной жизни дѣло усложняется — соціальное познаніе только тогда удовлетворяетъ настоятельной потребности человѣческой сущности, когда оно разсматриваетъ эти явленія одновременно и съ точки зрѣнія причинности, и съ точки зрѣнія *идеи справедливости*. Человѣкъ никогда не примирится съ сознаніемъ

---

*) См. интересную книгу Stammler. ‹Wirtschaft und Recht› etc. Первый томъ переведенъ на русскій языкъ.

своей зависимости отъ слѣпой необходимости, онъ никогда не согласится съ тѣми изъ ортодоксальныхъ марксистовъ, которые говорятъ ему, что онъ есть лишь слѣпое орудіе въ рукахъ желѣзныхъ экономическихъ законовъ. Онъ всегда будетъ жить во имя тѣхъ *идеаловъ*, которые создаются его волей, которые, имѣя вѣчную реальность въ истинѣ и отражаясь въ сущности человѣка, невольно влекутъ его къ себѣ. Жизненный процессъ всегда для него будетъ представляться частичнымъ воплощеніемъ этой вѣчной истины, живущей въ его идеалѣ, въ дѣйствительность, засыпаніемъ той пропасти, которая лежитъ между абсолютнымъ идеаломъ и дѣйствительностью.

Современный кризисъ въ марксизмѣ, признавая за нимъ права цѣльнаго міросозерцанія, мы и разсматриваемъ, *какъ голосъ этой второй, забытой половины человѣческой души*. Главный вопросъ, который мучитъ марксистовъ, не застывшихъ въ преклоненіи предъ догмой, заключается въ томъ, чтобы найти почву, на которой марксизмъ, *оставаясь въ пониманіи хозяйственныхъ явленій строго научнымъ, сохранилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ за идеаломъ самостоятельныя, присущія ему права*.

Въ настоящее время въ марксизмѣ совершается переворотъ, сопряженный съ ломкой большей части его философскихъ основоположеній, съ пересмотромъ всей системы; марксизмъ подаетъ теперь руку идеализму, но уже не тому, отъ котораго онъ отказался при своемъ рожденіи на свѣтъ, а критическому, трансцендентальному.

Историческія условія мѣняются, жизнь предъявляетъ новыя требованія, и задача мыслящихъ людей состоитъ въ отысканіи тѣхъ способовъ, которые бы дали возможность примирить эти два умственныя теченія и тѣмъ самымъ вдохнуть въ крѣпкое тѣло марксизма живую душу. Мы не принадлежимъ къ тѣмъ филистерамъ, которые, услышавъ о «кризисѣ» въ марксизмѣ, кричатъ: марксизмъ въ опасности, поэтому caveant consules и т. д., мы твердо убѣждены, что марксизмъ будетъ жить. Но въ то же время мы хотимъ, чтобы марксизмъ былъ не только соціально-экономической доктриной, но и соціально-философской, цѣльнымъ, законченнымъ міросозерцаніемъ, въ которомъ каждый человѣкъ могъ бы черпать свои идеалы.

Но вернемся къ затронутому нами вопросу. Марксизмъ переросъ тѣсныя рамки матеріализма, и жизнь заставляетъ его признать за идеаломъ самостоятельныя права. Единственнымъ пунктомъ, на которомъ возможно подобное примиреніе марксизма съ духомъ идеалистической философіи, является область практическаго разума, область этики *). Тутъ мы прежде всего наталкиваемся на новый вопросъ, а именно, какимъ образомъ возможно связать на этой почвѣ такія два противоположныя ученія, какъ аморализмъ или гуманизмъ Маркса съ одной сто-

*) См. объ этомъ *Vorländer*'а.

роны и категорическій императивъ Канта съ другой. Марксъ, какъ мы видѣли, очень скептически смотритъ на всякаго рода идеологію. Такой же участи, если еще не худшей, подверглась и этика. Трудно установить одну опредѣленную точку зрѣнія, которой придерживались Марксъ и Энгельсъ въ вопросахъ этики. Когда вопросъ непосредственно касался этики, Марксъ и особенно Энгельсъ признавали ее, не какъ самостоятельный факторъ, но просто за науку историческаго характера, и ихъ воззрѣнія въ этомъ случаѣ въ области этики выше навязаннаго имъ фейербаховскаго гуманизма никогда не поднимались. Когда же рѣчь заходила объ экономической структурѣ общества, то они, въ особенности Марксъ, уже совершенно не считались съ этикой и всякаго рода подобной идеологіей—здѣсь проявлялся уже аморализмъ. Строго говоря, Марксъ былъ гораздо логичнѣе и послѣдовательнѣе Энгельса. Его аморализмъ можно объяснить только однимъ образомъ. Марксъ изучалъ явленія въ ихъ причинной связи, онъ изслѣдовалъ законы, которые съ «желѣзной необходимостью» приводятъ отъ одного явленія къ другому, онъ давалъ отвѣты на вопросъ почему, а не для чего, человѣческая личность съ ея идеалами у него совершенно стиралась, поэтому и вопросъ о нравственной оцѣнкѣ, само собою разумѣется, уничтожался тою же желѣзной необходимостью. Его сужденія о соціальныхъ явленіяхъ были, такимъ образомъ, сужденія jenseits von Gut und Böse, какъ выразился бы Ницше. Съ другой стороны, всѣ сочиненія Маркса въ ихъ идейномъ содержаніи пропитаны духомъ гуманизма, духомъ любви къ человѣчеству. Подобное раздвоеніе и безсознательное принесеніе въ жертву чувству, обусловленному въ данномъ случаѣ моральными требованіями такого ума, какъ умъ Маркса, очень характерно. Но къ этому мы еще вернемся.

Нравственныя воззрѣнія Канта очень отличаются, какъ отъ Фейербаха, Маркса, такъ и отъ всѣхъ вообще философовъ, занимавшихся рѣшеніемъ этическихъ проблемъ. Исходнымъ пунктомъ его философіи служитъ не наибольшая сумма удовольствій возможно большаго количества людей, не лозунгъ въ видѣ «счастья всѣхъ», не эмпирически реальная цѣль, а тотъ нравственный законъ, который управляетъ поступками человѣка и который заключается въ его сокровеннѣйшей сущности. Къ морали эвдемонистической Кантъ относится не только какъ къ далекой отъ истины, но и какъ къ теоріи безнравственной, основанной на эгоизмѣ. Уже простому человѣческому сознанію должно быть ясно, что поступки цѣнятся не по тѣмъ результатамъ, къ которымъ они приводятъ, но лишь постольку, поскольку волевое сознаніе было независимо при совершеніи этихъ поступковъ отъ разныхъ чувственныхъ побужденій. Или, говоря другими словами, нравственнымъ можно назвать только такой поступокъ, который совершается во имя долга, изъ одного уваженія къ нравственному закону. Данная намъ въ опытѣ природа человѣка управляется нравственнымъ закономъ, слѣдовательно, сама она не можетъ служить основой для этого закона. Опытъ всегда

условленъ, закономъ же мы называемъ то, что общеобязательно и безусловно. Поэтому, источникомъ моральнаго закона является не человѣкъ-феноменъ, какъ чувственное существо, а человѣкъ, какъ нуменъ, какъ вещь въ себѣ. Соотвѣтственно этому раздѣленію человѣка на два различныхъ существа и его воля имѣетъ двѣ разновидности. Воля, направленная на эмпирическіе объекты и условія, опредѣляется ими въ этомъ смыслѣ и можно говорить объ ея детерминизмѣ,—другая разновидность, чистая, разумная воля опредѣляется сама собой. Эта добрая воля направлена на нѣчто совершенно отличное отъ всякихъ чувственныхъ склонностей, отъ эмпирическихъ явленій; ея содержаніи составляетъ тотъ категорическій императивъ, который былъ выдвинутъ Кантомъ въ видѣ регулятивной нравственной идеи. Этотъ основной законъ чистаго практическаго разума онъ выразилъ въ такой общей безусловной формѣ: «Поступай такъ, чтобы максима твоей воли всегда могла быть вмѣстѣ съ тѣмъ и принципомъ всеобщаго законодательства» *).

Изъ приведенныхъ краткихъ очерковъ пониманія этики Марксомъ и Кантомъ уже достаточно выяснилась та пропасть, которая раздѣляетъ этихъ двухъ мыслителей. Говоря о соединеніи этихъ двухъ доктринъ подъ одной эгидой, мы не стоимъ за ихъ механическую связь, мы не сторонники того вульгарнаго синкретизма, который считаетъ своимъ идеаломъ высшій синтезъ двухъ противоположныхъ началъ; поэтому единственный выходъ изъ даннаго положенія представляется намъ въ уничтоженіи одной теоріи другой, болѣе сильной, болѣе близкой къ истинѣ.

Духовная жизнь человѣчества быстро идетъ впередъ; ея формы принимаютъ все новый и новый характеръ. Ея требованія измѣняются съ каждымъ днемъ; тѣхъ требованій, которыя жизнь ставила человѣчеству вчера, сегодня уже недостаточно, и она настойчиво выдвигаетъ новыя, требуя немедленнаго ихъ удовлетворенія. То же самое было и съ марксизмомъ. Было время, когда преклонялись предъ его самой грубой матеріалистической формой, но изъ того, что раньше удовлетворялись ортодоксальнымъ марксизмомъ, еще не слѣдуетъ, что его надо брать въ видѣ застывшей догмы. «Спящій въ гробѣ, мирно спи. *жизнью* пользуйся живущій!»

Возникнувъ первоначально на чисто экономической почвѣ, онъ хочетъ удержать за собой эту почву и тогда, когда онъ изъ экономической доктрины превращается въ соціально-философскую. Теперь какъ разъ мы и переживаемъ такой моментъ, когда марксизмъ переходитъ изъ спеціальной, «однобокой» доктрины въ общее законченное міросозерцаніе. Его насущной потребностью теперь и является совмѣстить въ себѣ въ этомъ новомъ міросозерцаніи двѣ стороны своего суще-

*) «Критика практическаго разума». Перев. Н. М. Соколова, 1897 года, стр. 38, § 7

ства—тѣло и душу. Эта душа, витая въ сумеркахъ философіи, давно уже пыталась найти себѣ пристанище въ бренномъ тѣлѣ марксизма, но всюду встрѣчала отпоръ со стороны ортодоксовъ. Но теперь, когда эти сумерки разсѣеваются, когда въ воздухѣ вѣетъ чѣмъ-то новымъ, живымъ, можно надѣяться, что вмѣстѣ съ этимъ туманомъ исчезнетъ и этотъ холодный духъ ортодоксіи. Теперь уже пора бросить предразсудокъ, что философская мысль есть продуктъ тѣхъ или иныхъ экономическихъ отношеній. Марксизмъ съ его экономикой, какъ разъ наоборотъ, есть лишь незначительное звено въ той вѣчной работѣ духа, которая «выбираетъ и судитъ», которая занята вопросами міропознанія. Пора отвести этой работѣ духа соотвѣтствующее, принадлежащее ей по праву мѣсто. И въ настоящее время уже совершаются подготовительныя работы къ водворенію царства идеализма.

Современный поворотъ въ марксизмѣ въ сторону идеалистической философіи не есть простая реакція противъ матеріализма; его жизненнымъ нервомъ были тѣ запросы духа, о которыхъ мы уже говорили выше, и это придаетъ ему высокое и самостоятельное значеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и на его жизнеспособность.

Человѣкъ—обитатель двухъ міровъ: феноменальнаго и умопостигаемаго. Онъ живетъ не только въ мірѣ явленій, управляющемся строгой закономѣрностью въ формѣ необходимости, но и въ мірѣ свободы, въ царствѣ цѣлей. Эта послѣдняя жизнь слагается изъ поставленія свободной человѣческой волей извѣстныхъ идеаловъ и стремленія къ нимъ; эта умопостигаемая жизнь настолько тѣсно связана съ природой человѣка, что онъ, въ силу своей сущности, никогда не откажется отъ этихъ идеаловъ. Идеалъ въ частности можетъ быть политическимъ, экономическимъ, правовымъ и т. д., но всѣ эти идеалы могутъ быть сведены къ одному общему, включающему въ себя всѣ эти частные элементы, какъ части одного великаго цѣлаго. Этотъ высшій идеалъ—*этическій*. Регулятивной идеей, указывающей человѣку путь къ нему, служитъ моральный законъ, категорическій императивъ. Этотъ законъ абсолютенъ, онъ стоитъ внѣ пространства и времени; поэтому онъ носитъ чисто формальный характеръ. Существуетъ лишь форма, облекаясь въ которую, воля дѣлается благою. Жизнь человѣка слагается не изъ однихъ причинъ и дѣйствій, но, главнымъ образомъ, изъ поставленія извѣстныхъ цѣлей, стремленія къ нимъ и ихъ осуществленія; жизнь—длинный рядъ, въ которомъ средство превращается въ цѣль, эта цѣль вновь дѣлается средствомъ для того, чтобы стать основаніемъ для новой цѣли и т. д. Но этотъ длинный рядъ не безконеченъ—его послѣднее звено, его конечная цѣль есть только что упомянутый идеалъ, который, однако, въ силу своей абсолютности, не воплощается цѣликомъ въ жизнь. Всѣ остальныя цѣли, всѣ остальные идеалы должны имѣть извѣстное отношеніе къ этому высшему идеалу, который служитъ критеріемъ въ опредѣленіи ихъ справедливости. Справедливъ или, какъ говорятъ, законенъ тотъ идеалъ, который близокъ

къ истинѣ, который стоитъ въ телеологической связи съ абсолютнымъ, который поднимаетъ человѣка на одну ступеньку выше къ этому вѣчному, неизмѣнному идеалу. Но для жизнеспособности идеала одной телеологической закономѣрности недостаточно, нужно, вмѣстѣ съ тѣмъ, доказать его необходимость. Только такой идеалъ можетъ удовлетворить насъ, который имѣетъ подъ ногами твердую научную почву и который получилъ, кромѣ того, санкцію справедливости.

Марксизмъ по самому своему существу, по своей основной идеѣ тѣсно примыкаетъ къ этикѣ—цѣлью всякаго частнаго соціальнаго процесса является, въ концѣ концовъ, какое-нибудь нравственное требованіе, установленіе какой-нибудь правовой нормы. Поэтому соціально-экономическія явленія, изучаемыя марксизмомъ, должны быть разсматриваемы не какъ сухія абстракціи, но какъ сферы проявленія духовной дѣятельности человѣка, какъ мѣсто воплощенія его идеаловъ. Ортодоксальный марксизмъ отвергаетъ идеалы—ихъ для него не существуетъ, есть только неумолимая «желѣзная необходимость». Но развѣ можно любить необходимость, развѣ можно вѣрить въ то, необходимость чего я могу доказать математическимъ путемъ? «Ясно, что объективная необходимость, о которой говоритъ наука, не можетъ быть обоснованіемъ идеала, не можетъ придать ему этическую цѣнность. Я ставлю себѣ идеалъ общежитія, я признаю этотъ идеалъ справедливымъ и считаю добромъ дѣятельность, направленную къ его осуществленію, совсѣмъ не потому, что онъ необходимъ» *). Сознаніе необходимости это уже не вѣра, а знаніе; воля же не можетъ жить знаніемъ—оно принадлежность разсудка. Идеалъ для человѣка это все то, что истинно, прекрасно, вѣчно, что ему близко, дорого; это образъ, въ который отливается его вѣра, его воля. Разсудокъ признаетъ необходимость какого-нибудь явленія, воля же съ своей стороны заботится о наиболѣе справедливой формѣ этого явленія.

Вводя соціальную жизнь въ область опыта, мы должны считаться, какъ съ объективной, общеобязательной природой этого опыта, такъ и съ природой другой половины человѣка,—человѣка, какъ нумена. Мы твердо должны помнить, что вмѣстѣ съ пространствомъ и временемъ, вмѣстѣ съ категоріей причинности человѣку дана и категорія свободы, что она присуща всѣмъ людямъ, что она общеобязательна. Въ области практическаго разума она играетъ такую же роль, какую категорія причинности играетъ въ области познанія. «Поэтому, какъ бы отдѣльные сторонники экономическаго матеріализма ни старались доказать, что слѣдующая стадія развитія необходимо должна наступить въ силу естественнаго хода вещей или причиннаго сцѣпленія между явленіями, всякій изъ нихъ, въ концѣ концовъ, все-таки долженъ признать, если онъ хочетъ остаться честнымъ и добросовѣстнымъ мыслителемъ, что

*) Н. Бердяевъ. «Субъективизмъ и индивидуализмъ въ общественной философіи», стр. 71.

кромѣ того онъ *требуетъ* наступленія этой стадіи или *постулируетъ* ее, основываясь на *идеѣ справедливости»* *).

Удовлетворяющимъ идеаломъ такимъ образомъ является тотъ, который совмѣщаетъ въ себѣ объективно-необходимое его основаніе съ лучшими субъективными стремленіями человѣка. Только такой идеалъ способенъ вселить гармонію и миръ въ духовную жизнь человѣка, только онъ въ состояніи будетъ удовлетворить запросамъ его духа. Но возможенъ ли такой идеалъ, возможно ли въ немъ подобное сочетаніе двухъ различныхъ элементовъ? Жизнь говоритъ, что возможно. Марксъ былъ глубоко правъ, говоря, что жизнь ставитъ себѣ только такія задачи, которыя она въ состояніи разрѣшить, даже больше,— при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что сама задача выдвигается только тогда, когда назрѣютъ условія, необходимыя для ея разрѣшенія. Въ настоящее время условія для разрѣшенія вопроса о высшемъ санкціонированіи марксизма трансцендентальнымъ идеализмомъ созрѣли, жизнь признала необходимость разрѣшенія поставленной задачи и марксизму остается лишь формальнымъ образомъ констатировать этотъ фактъ, высказавшись принципіально по данному вопросу.

Марксизмъ хочетъ быть такой стройной системой, которая удовлетворяла бы всѣмъ духовнымъ запросамъ тѣхъ общественныхъ силъ, которыя строятъ свое міровоззрѣніе на его идеяхъ; поэтому онъ долженъ чутко прислушиваться къ голосамъ своихъ адептовъ. Однимъ изъ такихъ запросовъ духа, предъявляемыхъ въ настоящее время марксизму, является требованіе иной точки зрѣнія на жизнь. Это требованіе вытекаетъ изъ примѣненія идеи справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій, изъ признанія за соціальными явленіями телеологической закономѣрности. Нравственная оцѣнка возможна только въ томъ случаѣ, если критеріемъ этой оцѣнки не служатъ чувственныя явленія въ родѣ страданія, удовольствія, счастья и т. п., ибо эти послѣднія соотвѣтствуютъ лишь отдѣльнымъ моментамъ человѣческой жизни, но не жизни, какъ цѣлому. При признаніи за этими чувственными явленіями правъ рѣшающаго критерія, конечно, не можетъ быть и рѣчи о подчиненіи низшихъ цѣлей болѣе высокимъ, частныхъ идеаловъ болѣе общимъ, потому что жизнь понимается здѣсь, какъ господство мгновеній, потому что цѣль, направленная, напр., на счастье или удовольствіе, не есть нѣчто цѣльное въ самомъ себѣ, а представляетъ лишь одно мгновеніе жизни. Это «господство мгновеній», яркимъ представителемъ котораго въ философіи былъ Аристиппъ Киренскій, подъ тѣмъ или другимъ именемъ, тянется почти непрерывно вплоть до Канта. Марксизмъ также удѣлилъ очень много мѣста, особенно въ практической своей части, этому принципу. Отклоненія въ сторону отъ «конечной цѣли» въ угоду разнымъ практическимъ соображеніямъ, замѣна этой цѣли простымъ «одержаніемъ побѣды», «движеніемъ» (Бернштейнъ) и вѣчные, тре-

*) Кистяковскій. «Категоріи необходимости и справедливости при изслѣдованіи соціальныхъ явленій». «Жизнь» 1900 г., V, стр. 147.

буемые жизнью компромиссы съ «самимъ чортомъ и его бабушкой» (Бебель)—все это есть ничто иное, какъ отраженіе того же признаваемаго господства мгновеній.

Какъ и всякая другая соціально-философская доктрина, марксизмъ, если онъ не хочетъ, путемъ постояннаго отклоненія въ сторону конкретныхъ цѣлей, обречь себя на духовную смерть, долженъ выставить тѣ общіе принципы, изъ которыхъ онъ могъ бы исходить въ своихъ сужденіяхъ о соціальномъ строѣ. Въ этихъ принципахъ онъ долженъ совершенно «отвлечься отъ всякаго соціальнаго содержанія какого-либо исторически даннаго соціальнаго бытія и стремиться къ уразумѣнію закономѣрности, свойственной общественной жизни людей вообще» *). Эти основные принципы, заключающіе въ своемъ содержаніи понятіе о человѣкѣ вообще и его духовной сущности, будутъ возвышаться надъ всѣмъ индивидуальнымъ, надъ всѣмъ тѣмъ, что связано съ извѣстнымъ временемъ или мѣстомъ. Они будутъ заключать въ себѣ выраженную въ категорической формѣ ту цѣль, которая, освѣщая человѣчеству дорогу, будетъ въ то же время и его вѣчнымъ, незыблемымъ идеаломъ. Тогда, пародируя Бернштейна, можно будетъ сказать: «цѣль»—это все, «движеніе» же будетъ лишь зеркаломъ, въ которомъ отразится путь по направленію къ этому идеалу.

Другой стороной, вытекающей изъ признанія абсолютнаго идеала и царства цѣлей, является измѣненіе точки зрѣнія на личность, повышеніе объективной цѣнности человѣка. «Вопросъ о высшей закономѣрности, которой должна быть подчинена соціальная жизнь,—говоритъ Штаммлеръ,—практически немедленно превращается въ принципіальное воззрѣніе на отношеніе индивидуума къ обществу». Ортодоксальный марксизмъ привыкъ считать человѣка существомъ причинно-обусловленнымъ во всѣхъ сферахъ дѣйствія,—существомъ, не имѣющимъ свободной воли. Немудрено поэтому, что человѣкъ былъ въ его глазахъ лишь общественнымъ атомомъ, не имѣющимъ никакой цѣны, разъ онъ взятъ отдѣльно отъ какого-нибудь класса или соціальной группы. Но въ то же время марксизмъ намѣревался дать въ новомъ обществѣ этой оторванной личности полноправное гражданство. Достичь этого онъ хотѣлъ исключительно при помощи соціально-экономическихъ факторовъ, безъ всякаго отношенія къ этикѣ, забывъ, что его соціально-экономическій идеалъ только потому и живетъ въ сердцахъ людей, что получилъ извѣстную санкцію отъ абсолютнаго этическаго идеала, опредѣляющаго, какъ мы уже видѣли, всѣ другіе. Человѣкъ для него представляется, какъ въ борьбѣ съ природой, такъ и въ борьбѣ общественной, все тѣмъ же слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ желѣзной необходимости, средствомъ для достиженія высшихъ формъ жизни. Признавъ же абсолютный этическій законъ съ телеологической закономѣрностью, марксизмъ тѣмъ самымъ долженъ будетъ измѣнить

*) Штаммлеръ. «Хозяйство и право». I, стр. 7.

и точку зрѣнія на человѣка, повысить его цѣнность. Человѣкъ будетъ для него уже не средствомъ, а *самоцѣлью*, во имя которой и совершается движеніе по направленію къ «обществу свободно-хотящихъ людей», какъ говоритъ вслѣдъ за Кантомъ Штаммлеръ. Эта точка зрѣнія на человѣческую личность придастъ соціальному процессу совершенно иной видъ, видъ извѣстной сознательности, видящей въ человѣкѣ носителя чего-то высшаго,—видъ, соотвѣтствующій и удовлетворяющій человѣческой сущности.

До сихъ поръ мы имѣли дѣло лишь съ «практическимъ разумомъ» и телеологизмомъ. Но выдвинутый жизнью пересмотръ марксизма нуждается не только въ этихъ двухъ силахъ,—не менѣе необходимъ ему и «чистый разумъ».

Какъ и всякая другая эволюціонная теорія, марксизмъ долженъ имѣть свою *теорію познанія*. Вотъ на эту-то теорію познанія и должна быть прежде всего направлена острая критика чистаго разума. Марксизмъ нуждается не въ простомъ признаніи философскаго критицизма, работа эта состоитъ не въ грубой механической связи этихъ двухъ доктринъ и подтасовкѣ, какъ ее понимаетъ Вольтманнъ, но въ обработкѣ соціальнаго вопроса и его проблемъ въ духѣ критической философіи. Философской задачей въ данномъ случаѣ будетъ—подвергнуть критикѣ какъ тѣ понятія, съ которыми мы оперируемъ, такъ и тѣ основы, опираясь на которыя, эволюціонизмъ, оказавшійся столь плодотворнымъ въ естественныхъ наукахъ, можетъ получить права гражданства и въ области соціологіи. Для этого придется прежде всего разложить всю доктрину Маркса на ея составныя части и только затѣмъ уже очищать каждый ея элементъ обеззараживающимъ огнемъ чистаго разума.

Только при свѣтѣ всѣхъ трехъ кантовскихъ «Критикъ» марксизмъ можетъ служить путеводной звѣздой для своихъ адептовъ. Только идеализмъ можетъ дать марксизму «душу живу». Вмѣстѣ съ Ланге мы твердо убѣждены, что рѣшеніе соціальнаго вопроса будетъ принадлежать въ конечномъ итогѣ идеализму, что побѣда останется за тѣми, кто своимъ лозунгомъ выставитъ идеальнѣйшія стремленія человѣчества. «Будетъ ли эта битва безкровной борьбой умовъ, или же она, подобно землетрясенію, съ громомъ превратитъ въ прахъ развалины пройденной міровой эпохи и похоронитъ подъ этими развалинами милліоны людей—во всякомъ случаѣ *новая эпоха одержитъ побѣду не иначе, какъ надписавъ на своемъ знамени великую идею*, которая отвергаетъ эгоизмъ и на мѣсто неутомимаго труда, руководимаго одною лишь личною выгодой, ставитъ какъ новую цѣль человѣческое совершенство въ человѣческомъ общежитіи» *).

Г. Маркеловъ.

---

*) Ланге. «Исторія матеріализма», т. II, стр. 344. Руск. пер. 1898 г.

ВЪ НОЧИ БЕЗСОННЫЯ.

Въ ночи безсонныя
Двери души своей шире раскрой,
Блѣдныхъ тѣней пусть войдетъ туда рой.
Въ ночи безсонныя
Прясть онѣ ходятъ предчувствія нить,
Диво повѣдать и чудо явить,
Глуби потайныя, тайны бездонныя.
Новаго много у блѣдныхъ тѣней,—
Сердце раскрывъ, только слушать умѣй.
Жизнь коротка, какъ и ночи безсонныя.

Въ ночи безсонныя
Стань, сторожи у порога души:
Много чудесъ тамъ творится въ тиши
Въ ночи безсонныя.
Если же блѣдныя тѣни спугнуть,—
Молча исчезнутъ, и ихъ не вернуть,
Какъ и туманы весной окрыленные.
Новаго много у блѣдныхъ тѣней,—
Сердце раскрывъ, только слушать умѣй.
Жизнь коротка, какъ и ночи безсонныя.

А. Калин—скій.

Викторъ Петровичъ Острогорскій.

† 31 марта 1902 г.

ВИКТОРЪ ПЕТРОВИЧЪ ОСТРОГОРСКІЙ.

(Некрологъ).

31-го марта внезапно скончался редакторъ нашего журнала Викторъ Петровичъ Острогорскій, извѣстный педагогъ и литераторъ.

В. П. Острогорскій родился въ 1840 г., образованіе получилъ въ 3-й петербургской гимназіи и на историко-филологическомъ факультетѣ петербургскаго университета. Педагогическая его дѣятельность началась очень рано; еще будучи онъ студентомъ, принималъ участіе въ первой безплатной Василеостровской воскресной школѣ въ Петербургѣ, гдѣ обучалъ съ 1859 по 1861 г. Затѣмъ въ теченіе 40 слишкомъ лѣтъ подвизался на поприщѣ учителя и лектора, и послѣдній урокъ свой давалъ 14-го марта, за двѣ недѣли до смерти, въ «Классахъ новыхъ языковъ» М. М. Бобрищевой-Пушкиной. Въ своей учительской дѣятельности, какъ преподаватель русскаго языка, русской и иностранной словесности, Викторъ Петровичъ олицетворялъ собой идеальный типъ учителя, проводя въ жизнь идеи Пирогова, Водовозова, Стоюнина и Ушинскаго, руководя изученіемъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ живымъ словомъ и въ многочисленныхъ статьяхъ критическаго содержанія по исторіи литературы и искусства. Ниже читатели найдутъ въ статьѣ нашего сотрудника, библіографа Д. П. Сильчевскаго, подробный перечень его литературныхъ работъ по разнообразнымъ вопросамъ, какъ педагогическимъ, такъ литературнымъ и общественнымъ. Чтобы дать понятіе о работѣ его, какъ неутомимаго педагога и лектора, приводимъ подробное указаніе, гдѣ и когда покойный учительствовалъ и читалъ лекціи и цѣлые курсы.

Съ 1859—1861 г.—учительствовалъ въ Безплатной Василеостровской школѣ.

1863—1869—былъ учителемъ словесности въ женской гимназіи В. В. Швидковской.

1867—1869—учителемъ словесности въ Василеостровской женской гимназіи.

1869—1892—преподавателемъ исторіи всеобщей литературы на Женскихъ Педагогическихъ курсахъ.

1869—1877—преподавателемъ словесности въ Елизаветинскомъ институтѣ.

1864—1880—учителемъ словесности въ 1-ой Военной гимназіи.

1871—1890—учителемъ словесности въ Ларинской гимназіи.

1876—1882—учителемъ словесности въ женскомъ пансіонѣ Шаффе.

1880—1900—учителемъ словесности въ Коломенской женской гимназіи.

1881—1888—преподавателемъ литературы въ Театральной школѣ Боровякова.

1887—1889—читалъ курсъ исторіи новой русской литературы въ VIII кл. гимназіи Стеблинъ-Каменской.

189⁶/₇ учебн. годъ—читалъ курсъ «По искусству вообще и поэзіи въ особенности» въ Смольномъ институтѣ.

1891—1902—преподавателемъ исторіи всеобщей литературы и исторіи литературы русской на драматическихъ курсахъ при Театральномъ училищѣ.

1892—1902—преподавателемъ исторіи русской литературы въ «Классахъ новыхъ языковъ» М. М. Бобрищевой-Пушкиной.

1900 г. лѣтомъ—читалъ курсъ «выразительнаго чтенія» на земскихъ учительскихъ курсахъ въ г. Владимірѣ.

1901 г. лѣтомъ—читалъ 1) курсъ «Выразительнаго чтенія» и 2) курсъ исторіи литературы на земскихъ учительскихъ курсахъ въ гг. Курскѣ и Пензѣ.

1898—читалъ лекціи по выразительному чтенію для учителей земскихъ школъ Царскосельскаго и Шлиссельбургскаго уу. въ Гатчинѣ.

1897—въ апрѣлѣ и мартѣ читалъ курсъ (8 публичныхъ лекцій) объ искусствѣ въ Соляномъ городкѣ въ пользу Подвижнаго музея и Безплатной школы В. П. Острогорскаго въ г. Валдаѣ.

1897—въ октябрѣ лекція объ искусствѣ въ Твери въ обществѣ «Парусъ».

1897—въ ноябрѣ лекція объ искусствѣ въ Соляномъ городкѣ въ пользу Отдѣла защиты дѣтей отъ жестокаго обращенія.

1898—въ январѣ читалъ курсъ объ искусствѣ въ Москвѣ въ пользу Московскаго общества грамотности и Безплатной школы В. П. Острогорскаго въ Валдаѣ.

1898—въ январѣ лекція о музыкѣ въ пользу общества «Дѣтская помощь» въ Соляномъ городкѣ.

1898—въ мартѣ лекція о Бѣлинскомъ въ пользу Подвижнаго музея и Безплатной школы В. П. Острогорскаго въ Соляномъ городкѣ.

1899—лекція «Наканунѣ столѣтія» (о Пушкинѣ) въ пользу Подвижнаго музея и Безплатной школы В. П. Острогорскаго въ Соляномъ городкѣ.

1900—лекція «Искусство, какъ воспитательно-общественныя сила и его мѣсто въ низшей и средней школѣ» въ Новгородѣ въ пользу интерната общества взаимопомощи учащихъ и учившихъ въ начальныхъ училищахъ Новгородской губ.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ онъ вмѣстѣ съ Резенеромъ основалъ безплатное Василеостровское училище. Въ 1898 г. онъ основалъ на собственныя средства безплатную школу въ г. Валдаѣ, которую и поддерживалъ до послѣднихъ дней на свои небольшіе заработки, учредивъ затѣмъ общество, къ которому и перешли теперь заботы объ этой школѣ.

Такова дѣятельность этого неутомимаго труженика на педагогическомъ поприщѣ. Въ школѣ, на каѳедрѣ и въ литературѣ онъ былъ горячимъ и не-

измѣннымъ проповѣдникомъ высокихъ завѣтовъ своихъ учителей Водовозова и Стоюнина, поборникомъ идей шестидесятыхъ годовъ и проводникомъ свѣтлаго взгляда на жизнь, святого долга служенія народу и борьбы за свѣтъ истины, знанія и свободы. Какъ личность, это былъ человѣкъ цѣльный, съ кристальной душой и рѣдкой доброты.

Не ограничиваясь этой некрологической замѣткой, редакція надѣется дать въ ближайшихъ книгахъ журнала подробную характеристику Виктора Петровича, какъ учителя и писателя.

Редакція.

Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.

«Духа не угашайте».
(*Ап. Павелъ*).

Ты умеръ... Эта вѣсть вчера дошла до слуха,
Но среди насъ стоишь ты, какъ живой,
И вновь звучатъ слова: «Не угашайте Духа»,
Ты ихъ не уставалъ вѣщать передъ толпой.
Въ тебѣ душа избранника пылала,
Она была, какъ пламя, горяча,
Она твой путь тернистый освѣщала
И жгла тебя, горѣлъ ты, какъ свѣча...
Есть много званыхъ, избранныхъ такъ мало.
Ты изъ «*немногихъ*» былъ, учитель дорогой,
Но сердце чуткое за многихъ отвѣчало
На всякій звукъ призывный и родной.
И это сердце биться перестало,
И утомленная поникла голова,
Струны отзывчивой, надорванной не стало,
Вернулась къ Богу искра Божества.

М. Зубкова *).

2-го апрѣля 1902 г.

Литературная дѣятельность В. П. Острогорскаго. 1856—1902 гг.

(Библіографическіе матеріалы).

Свою литературную дѣятельность В. П. Острогорскій началъ еще въ юношескихъ годахъ. Будучи въ VI-мъ классѣ гимназіи, онъ написалъ историче-

*) Бывшая ученица В. П. Острогорскаго по классамъ новыхъ языковъ М. Бобрищевой-Пушкиной.

*

скую драму въ стихахъ «Андре Шенье» (1856 г.). Затѣмъ, при переходѣ въ VII-й классъ, онъ прочиталъ написанную имъ рѣчь «Д. В. Веневитиновъ» (1857 г.), а также произнесъ и рѣчь на выпускномъ гимназическомъ актѣ, 19-го іюня 1858 г. (эта рѣчь хранится въ архивѣ гимназіи).

Но эти юношескіе опыты В. П. Острогорскаго служили, такъ сказать, только прологомъ къ его настоящей литературной дѣятельности, начавшейся собственно только съ 1859 года, когда онъ сталъ сотрудничать въ ежемѣсячномъ журналѣ «Ласточка», гдѣ помѣщалъ (безъ подписи) свои стихотворенія и компилятивныя статьи. Затѣмъ онъ сотрудничалъ послѣдовательно въ слѣдующихъ газетахъ и журналахъ: «Время» 1861 г., «Учитель» 1862 и 1864 гг. (здѣсь В. П. помѣщалъ свои переводныя компилятивныя и оригинальныя статьи), «Библіотекѣ для чтенія» 1863 г. (гдѣ, кромѣ помѣщенія особыхъ статей, завѣдывалъ, вмѣстѣ съ Е. Н. Эдельсономъ, отдѣломъ критики и библіографіи), въ 1863—1864 гг. помѣщалъ біографическія статьи о русскихъ писателяхъ въ «Энциклопедическомъ словарѣ, составленномъ русскими учеными и литераторами» подъ ред. П. Л. Лаврова (т. VI, буква *Е*) и «Настольномъ словарѣ» Ф. Г. Толля (на букву *Л*, во II-мъ томѣ). Далѣе, онъ сотрудничалъ: въ «Якорѣ» (1864 г.), «Искрѣ» (1864), «Антрактѣ» (1864), «Дѣтскомъ Чтеніи» и въ «Библіографическомъ Листкѣ», при этомъ журналѣ (съ 1869 по 1884 включительно) въ «Педагогическомъ Листкѣ спб. женскихъ гимназій» (1872—74 гг.), «Женскомъ Образованіи» (въ 1876—1889 гг.), «Новомъ Времени» (1878—79 г.), «Молвѣ» (1880 г.), «Голосѣ» (1882 г.), «Новостяхъ» (1883—1902 гг.), «Вѣстникѣ Европы» (1881—1883 гг.), «Педагогич. Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» (съ 1883 г.), «Театрѣ» (1883 г.), «Дѣлѣ» (1883—1887 гг.), «Изящной Литературѣ» (1885 г.), «Родникѣ» и издававшемся при немъ «Воспитаніи и обученіи» (1885 г.) «Днѣ» (1887 и 1888 г.), «Еженедѣльномъ Обозрѣніи» (1888 г.), «Одесскомъ Листкѣ» (1889 г.), «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1893—1894 и 1898—1899 гг.), «Мірѣ Божіемъ» (1892—1902 гг.), «Русской Жизни» (1894 г.), «Спб. Вѣд.» (1896—1897 гг.), «Вѣстникѣ Воспитанія» (1890—1900 гг.), «Всемірной Иллюстраціи» (1898 г.), «Русской Мысли» (1884, 1891 и 1897 гг.), «Вѣстникѣ Новгородскаго Земства» (1901 г.), «Недѣлѣ», и въ разныхъ сборникахъ и отдѣльныхъ книгахъ.

Редактировалъ В. П. Острогорскій слѣдующія изданія: 1) журналъ «Дѣтское Чтеніе» и при немъ «Педагогическій Листокъ» (съ іюля 1877 г. по іюль 1884 г.), помѣщая въ обоихъ изданіяхъ оригинальныя и компилятивныя статьи; 2) журналъ «Дѣло» (съ іюня 1883 г. по іюнь 1884 г.); 3) журналъ «Воспитаніе и Обученіе», издававшійся при дѣтскомъ журналѣ «Родникъ» (въ 1885 г.) и 4) ежемѣсячный литературный и научно-популярный журналъ для самообразованія «Міръ Божій» (съ января 1892 г. по мартъ 1902 г.).

Въ нижеприводимомъ указателѣ печатныхъ трудовъ В. П. Острогорскаго мною помѣщены всѣ извѣстныя мнѣ его научно-литературныя произведенія, хотя за абсолютную полноту этого указателя поручиться нельзя, такъ какъ иныя изъ давнихъ и неподписанныхъ статей были забыты и самимъ авторомъ. Такъ, наприм., въ рукописныхъ замѣткахъ о своихъ работахъ съ

1856 по 1887 г., В. П. Острогорскій указываетъ, что помѣщалъ безъ подписи разныя стихотворенія и статьи въ «Ласточкѣ» 1859 г. и (тоже безъ подписи) разные переводы и компиляціи въ «Учителѣ» 1862 г. Въ этихъ же рукописныхъ замѣткахъ онъ, по забывчивости, пропустилъ многія свои даже подписанныя статьи въ разныхъ журналахъ и газетахъ *). Всѣ статьи мною расположены, по возможности, въ хронологическомъ порядкѣ, причемъ всѣ неподписанныя или же подписанныя иниціалами и псевдонимами статьи мною оговорены.

I. Статьи въ журналахъ, газетахъ и сборникахъ.

1. Не надо мнѣ бурь и томленій. Стихотвореніе («Ласточка» 1859 г., № 5, май. Первое печатное произведеніе).

2. Липочка. Комедія въ 4-хъ дѣйствіяхъ. («Время» 1861 г. Въ первый разъ была представлена въ Москвѣ 26-го августа 1863 г., а въ Петербургѣ, на Александринскомъ театрѣ, 16 го августа 1864 г.).

3. Помяловскій, его типы и очерки («Библ. для чтенія» 1863 г., № 4. Безъ подписи).

4. Кохановская и ея повѣсти (Ibid., 1863 г., № 6. Подпись: *В. О—скій*).

5—6. Н. Г. Помяловскій. Некрологъ и стихотвореніе, посвященное его памяти (Ibid., 1863 г., № 9. Обѣ статьи безъ подписи).

7. Богатые и бѣдные дворяне-собственники. Критич. статья о романѣ А. А. Потѣхина «Бѣдные дворяне» (Ibid., 1863 г., № 10).

8—10. Тятъ.—Вавило.—Маша на дѣвичникѣ. Разсказы изъ народнаго быта, выражающіе воззрѣнія народа («Учитель» 1864 г.).

11. Воспитательное значеніе нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній (И. А. Крыловъ). (Ibid., 1864 г.).

12. Первый шагъ. Сцена. («Якорь» 1864 г.).

13. На однѣхъ сѣняхъ. (Ibid., 1864 г.).

14. Рецензія книги Е. Судовщикова: «Пособіе при изученіи русской литературы» (Ibid., 1864 г.).

15. Въ бель-этажѣ на улицу. Сцена («Антрактъ» 1864 г.).

16. Въ минуту раскаянія. Сцена («Искра» 1864 г.).

17. Мгла. Драма въ 5 дѣйствіяхъ (написана въ 1868 г. Была представлена въ 1-й разъ на сценѣ Импер. русскаго театра въ Москвѣ, въ октябрѣ того же года, но напечатана была позднѣе—въ 1883 г.).

18. О литературномъ образованіи, получаемомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ («Педагогич. Листокъ женскихъ гимназій» 1873 г.).

19. Писатель, какъ предметъ изученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (Ibid., 1874 г.).

20. Писатель, какъ предметъ внѣкласснаго обученія (Ibid., 1875 г., № 2).

21. Больше свѣта. По поводу статьи А. Д. Градовскаго: «Значеніе идеала въ общественной жизни» («Женское Образованіе» 1877 г.).

---

*) Такъ, въ настоящій списокъ не вошли многочисленныя рецензіи его, напечатанныя въ теченіе десяти лѣтъ въ «Мірѣ Божіемъ». *Ред.*

22. Благія желанія (Ibid., 1877 г.).

23 — 24. Къ вопросу о высшихъ женскихъ курсахъ (Ibid., 1877 года, №№ 6 и 7).

25. Жены и мужья. Нѣсколько мыслей о семейной жизни (Ibid., 1878 г.).

26. Грибоѣдовскій юбилей («Новое Время» 1878 г., № 1005).

27. Весь отдѣлъ книгъ по русскому языку (въ изданной спб. комитетомъ грамотности книгѣ: «Систематическій обзоръ русской учебной народной литературы». Спб. 1878 г.).

28. Въ виду ожидаемаго открытія памятника Пушкину («Новое Время» 1879 г., № 1266).

29. В. Ѳ. Кеневичъ. Некрологъ (Ibid., № отъ 25-го октября).

30—35. Рядъ фельетоновъ по случаю открытія памятника Пушкину въ Москвѣ («Молва» 1880 г., №№ 131, 132, 133, 139, 140 и 141). Изданы затѣмъ отдѣльно.

36. Театръ и музыка (Ibid., 1880 г., № 299).

37—38. Этюды о русскихъ женщинахъ. Старыя дѣвы («Женское Образованіе» 1880 г., №№ 6 и 7).

39. Ѳ. Ѳ. Резенеръ. Некрологъ («Вѣстникъ Европы» 1881 г., № 11).

40. Пятидесятилѣтній юбилей педагога М. Б. Чистякова. («Голосъ» 1882 г., № 273. Безъ подписи).

41. Двадцатипятилѣтіе женскихъ гимназій. («Вѣстникъ Европы» 1883 г., № 10).

42—44. Выразительное чтеніе (3 статьи въ «Педагогич. Сборникѣ военно-учебныхъ заведеній» 1883 г.).

45. Памяти И. С. Тургенева («Ребусъ» 1883 г., № 36. Издано и отдѣльно).

46—49. Бѣлинскій о театрѣ (4 статьи въ газетѣ «Театръ» 1883 года, №№ 1, 2, 3 и 4).

50. О вечерѣ въ честь П. И. Вейнберга («Новости» 1883 г,, № 240. Безъ подписи).

51. Переводъ комедіи Мольера «Мѣщанинъ во дворянствѣ» (въ «Собраніи сочиненій Мольера», изд. О. И. Бакста. Спб., 1883 г. Переводъ этотъ ранѣе былъ помѣщенъ въ журналѣ «Театральная Библіотека» 1879 г.).

52—57. Бесѣды о преподаваніи русской словесности (6 статей въ «Женскомъ Образ.» 1884 г.).

58—60. Годовые итоги русской живописи (3 статьи въ «Дѣлѣ» 1884 г.).

61. О народныхъ чтеніяхъ въ Соляномъ городкѣ («Русская Мысль» 1884 г.).

62. По поводу одной литературной хроники (объ А. Н. Плещеевѣ). (Ibid., 1884 г., № 11).

63—64. Рецензіи книгъ для дѣтскаго и народнаго чтенія (Ibid., 1884 г., №№ 11 и 12).

65. Пятьдесятъ лѣтъ русской литературы («Изящная Литер.» 1885 г., № 1).

66—67. Русскіе педагогическіе дѣятели: Пироговъ. Ушинскій (2 статьи въ «Воспитаніи и Обученіи» 1885 г.).

68. Тяжелая утрата (М. Б. Чистяковъ). (Ibid., 1885 г.).

69. Насущные вопросы (Ibid., 1885 г.).

70. Новые пути русской живописи («Дѣло» 1885 г.).

71. М. Б. Чистяковъ. Некрологъ («Новости» 1885 г., № 264).

72. За малыхъ сихъ (Ibid., 1885 г., № 274).

73. О пенсіяхъ для учителей и учительницъ городскихъ школъ (Ibid., 1885 г., № 322).

74. 25-ти-лѣтіе спб. комитета грамотности («Дѣло» 1886 года, № 5. Подпись: *В. П.*).

75. В. И. Водовозовъ. Некрологъ (Ibid., 1886 г., № 6).

76. Годовые итоги русской живописи (Ibid., 1886 г.).

77. Замѣтка о комитетѣ грамотности («Новости» 1886 года, № 16. Безъ подписи).

78. О 25-ти-лѣтіи комитета грамотности (Ibid., 1886 года, № 97. Безъ подписи).

79. Полвѣка великой комедіи. «Ревизоръ» (Ibid., 1886 г., № 107).

80. Памяти В. И. Водовозова (Ibid., 1886 г., № 136).

81. И. С. Пермскій. Некрологъ (Ibid., 1886 г., № 158. Безъ подписи).

82. Наканунѣ пушкинскаго юбилея (Ibid., 1886 г., № 238).

83. Новый портретъ Лермонтова (Ibid., 1886 г., № 268).

84. Памяти И. С. Никитина (Ibid., 1886 г., № 285).

85. Купецъ Петръ Даниловичъ Ларинъ. (Въ книгѣ «50-лѣтіе Ларинской гимназіи». Спб., 1886 г.).

86. О «Стихотвореніяхъ» А. Н. Плещеева («День» 1887 г., № 6).

87. Полувѣковая годовщина смерти А. С. Пушкина («Еженед. Обозрѣніе» 1887 г., № 159).

88. Литературная дѣятельность И. А. Гончарова («Дѣло», 1887 г., № 1).

89. И. Т. Осининъ. Некрологъ («Новости», 1887 г., № 54. Безъ подписи).

90. Рецензія дѣтскихъ книгъ (Ibid., 1887 г., № 67).

91. Бюстъ И. Т. Осинина (Ibid., 1887 г., № 96).

92. Новое произведеніе И. А. Гончарова («День» 1888 г., № 6)

93. Читальня народной школы (Ibid., 1888 г., № 33).

94. Изъ литературы и жизни (О Бѣлинскомъ). (Ibid., 1888 года, № 64. Подпись: *В. О.*).

95. В. Я. Стоюнинъ («Недѣля» 1888 г., № 46).

96. Первая годовщина смерти И. Т. Осинина («Новости» 1888 г., № 54).

97. 10-лѣтіе петербургскихъ начальныхъ училищъ (Ibid., 1888 г., № 77).

98. В. П. Скопинъ. Некрологъ (Ibid., 1888 г., 41).

99. Значеніе петербургскихъ думскихъ школъ въ дѣлѣ русскаго народнаго образованія («Женское Образ.» 1888 г., № 5).

100. Вниманію русской интеллигентной женщины («День» 1888 г., № 128).

101. Объ общедоступномъ изданіи сочиненій Бѣлинскаго («Новости» 1888 г., № 165).

102. Открытіе томскаго университета (Ibid., 1888 г., № 200).

103. Памяти А. Ѳ. Ядринцевой (Ibid., 1888 г., № 256).

104. 25-лѣтняя годовщина смерти Н. Г. Помяловскаго (Ibid., 1888 г., № 275).

105—106. 2 статьи о Н. Г. Помяловскомъ («Русская Мысль» 1888 г., №№ 9 и 10).

107. Новости педагогической литературы («Еженед. Обозрѣніе» 1888 г.).

108. Педагогическая и литературная дѣятельность Д. И. Тихомірова («Женское Образ.» 1889 г., № 2).

109. Пушкинъ въ сознаніи русскаго общества при своей жизни и послѣ смерти («Одесскій Листокъ» 1889 г., № 99).

110. Поэтъ «забытыхъ словъ» (о Салтыковѣ). («Новости» 1889 г., № 117).

111. На судъ общества (о 10-лѣтіи думскихъ школъ). (Ibid., 1889 г., № 139).

112. Фальсификація хлѣба (Ibid., 1889 г., № 180).

113. Памяти Е. Н. Андреева (Ibid., 1889 г., № 193).

114. Неужели правда? (Ibid., 1889 г., № отъ 17-го іюля. Подпись: *Лѣсной дачникъ*).

115. Два замогильныхъ завѣта (Ibid., 1889 г., № 225).

116. Скромное патріотическое дѣло (Ibid., 1890 г., № 32).

117. 10-лѣтіе журнала «Игрушечка» (Ibid., 1890 г., № 34).

118. О. К. Семенова. Некрологъ (Ibid., 1890 г., № 43).

119. 25-лѣтіе педагогической дѣятельности А. Н. Бетхера (Ibid., 1890 г.,

120. Памяти П. Н. Бѣлохи (Ibid., 1890 г., № 206).

121. «Игрушечка» 1890 г. (Библіографич. разборъ). (Ibid., 1890 г., № 350).

122. Скромное торжество (25-лѣтіе В. Е. Игнатьева). (Ibid., 1891 г., № 35. Безъ подписи).

123. Вниманію интересующихся женскимъ образованіемъ (Ibid., 1891 г., № 142).

124. Объ уставѣ товарищества русскихъ художниковъ-иллюстраторовъ (Ibid., 1891 г., № 143. Безъ подписи).

125. Новая отрасль женскаго труда (Ibid., 1891 г., № 241).

126. Памяти И. А. Гончарова (Ibid., 1891 г., № 257).

127—128. Мотивы Лермонтовской поэзіи («Русская Мысль»).

129. Памяти Гончарова («Міръ Божій» 1892 г., № 1, отдѣлъ III, стр. 1).

130. Михаилъ Ивановичъ Семевскій. Некрологъ (Ibid., 1892 г., № 4. Подпись: *В. О.*).

131. Евгенія Туръ. Некрологъ (Ibid., 1892 г., № 5. Подпись: *В. О.*).

132. Художникъ русской пѣсни. (По поводу 50-лѣтія смерти А. В. Кольцова) (Ibid., 1892 г., № 10, отд. III, стр. 1).

133. Алексѣй Николаевичъ Плещеевъ (Ibid., 1893 г., № 11, стр. 92).

134. Скромный художникъ (о книгѣ М. Л. Песковскаго: «Въ глуши»). (Ibid., 1883 г., № 11, стр. 162).

135. 10-лѣтіе смерти И. С. Тургенева («Новости» 1893 г., № 230).

136. Памяти А. Н. Плещеева (Ibid., 1893 г., № 277).

137. Страница изъ воспоминаній: А. Н. Плещеевъ («Русскія Вѣдом.» 1893 г., № 310).

138. Хорошія книжки дѣтямъ къ празднику («Новости» 1893 г., № 353).

139. Педагогъ-идеалистъ («Вѣстникъ Воспитанія» 1890 г., № 1).

140. 30 лѣтъ назадъ (Ibid., 1894 г., іюльскій №).

141. Біографія К. Н. Батюшкова, (прилож. къ «Отрывному военному календарю» Н. Плахова на 1893 г.).

142. Памяти Н. М. Ядринцева («Руск. Вѣдом.» 1894 г., № 214).

143. Годовщина смерти поэта А. Н. Плещеева («Русск. Жизнь» 1893 г., № 254).

145. Письмо въ редакцію стараго педагога (о М. И. Беккерѣ). («Новости» 1894 г., № 313).

146. Письмо въ редакцію по поводу инцидента на юбилеѣ А. М. Скабичевскаго («Новое Время» 1894 г., № 6502).

147. 50-лѣтіе литературной дѣятельности Д. В. Григоровича («Міръ Божій» 1893 г., № 12).

148. Морлей о литературѣ (Ibid., 1894 г., № 8).

149. Полувѣковая годовщина смерти И. А. Крылова (Ibid., 1894 г., № 11).

150—151. Два письма въ редакцію по поводу смерти Сиповскаго («Новости» 1895 г., №№ 230 и 242).

152. Прадѣдъ современнаго романа («Міръ Бож.», 1895 г., № 8, стр. 57).

153. В. Д. Сиповскій. Некрологъ («Міръ Божій», 1895 г., № 9 стр. 236).

154. Кого мы лишились 25 лѣтъ назадъ? (Объ Ушинскомъ). (Ibid., 1895 г., № 12, стр. 152).

155. Дѣтей воспитываетъ въ чтеніи художникъ-человѣкъ и литераторъ («Педагогическій Листокъ» 1895 г., № 3).

156. Выразительное чтеніе, какъ предметъ обученія (Ibid., 1895 г., іюль-сентябрь).

157. Нѣсколько примѣрныхъ уроковъ обученія выразительному чтенію (Ibid., 1895 г.).

158. Выставочныя заблужденія («Новости» 1894 г., № 219. Безъ подписи).

159. Біографія И. А. Крылова (при книгѣ г. Богданова: «Дѣдушка Крыловъ для чтенія въ сельской школѣ». Спб., 1896 г. Редакція этой книги также В. П. Острогорскаго).

160. 30-лѣтній юбилей В. Э. Иверсена («Новости» 1896 г., № 250).

161. Екатерина II въ ея отношеніяхъ къ русской литературѣ («Спб. Вѣд.» 1896 г., № 306).

162. А. Н. Бетхеръ. Некрологъ («Новости» 1896 г., № 316).

163. Благія желанія стараго театрала (Ibid., 1897 г., № 224).

164—165. «Учитель, гдѣ ты?» (2 статьи. «Спб. Вѣд.» 1897 г., №№ 332 и 344).

166. Вступительная лекція С. А. Венгерова («Новости», 1897 г., № 164. Подпись: *V*).

167. 30 лѣтъ на службѣ народу (о Д. И. Тихоміровѣ). («Русская Мысль» 1897 г., № 8).

168. Бѣлинскій въ средней школѣ («Вѣстникъ Воспитанія», 1897 г.).

169. Тургеневъ о культурной русской женщинѣ (въ сборникѣ «Въ добрый часъ», изданномъ въ пользу недостаточныхъ ученицъ Коломенской гимназіи. Спб., 1895 г.).

170. Сцена изъ драмы Лессинга «Натанъ Мудрый» (Ibid.).

171. Отрывокъ изъ трагедіи Софокла «Аяксъ-бичченосецъ» (въ сборникѣ въ пользу ученицъ Василеостровской гимназіи. Спб.).

172. Къ 50-лѣтію смерти Бѣлинскаго («Рус. Вѣд.» 1898 г., № 43).

173. Значеніе Бѣлинскаго («Всемірная Иллюстрація» 1898 г., май).

174. Дни Бѣлинскаго въ Пензѣ, 26 и 27 мая 1898 г. Письмо изъ Пензы («Міръ Божій» 1898 г., № 7).

175. Пушкинскій уголокъ земли (Ibid., 1898 г., № 9, стр. 201).

176. Пушкинская скорбь («Рус. Вѣд.» 1899 г., февраль).

177. Пушкинъ—наставникъ русскаго юношества («Вѣстникъ Воспит.» 1899 г.).

178. Пушкинъ въ народной школѣ («Педагогич. Листокъ» 1899 г., № 4).

179. Наканунѣ столѣтія («Міръ Божій» 1899 г., № 5, стр. 1).

180. Поэтъ сермяжныхъ героевъ. (Памяти Д. В. Григоровича). (Ibid., 1900 г., № 2, отд. II, стр. 12).

181. Искусство, какъ воспитательно-общественная сила (Вѣстникъ Воспит.» 1900 г.).

182. Недѣля на учительскихъ земскихъ курсахъ во Владимірѣ («Педагогич. Листокъ», 1900 г., № 10).

183—184. Прошлое, настоящее и желанное будущее (2 статьи. «Новости» 1901 г., №№ 106 и 108.

185. О квартетныхъ вечерахъ (Ibid., 1901 г., № 274).

186. Разборъ книги В. П. Авенаріуса: «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній» (въ «Сборникѣ Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ». 1897 г. Томъ LXVI, стр. 87—99).

187. Къ вопросу о внѣшкольныхъ средствахъ народнаго образованія («Вѣстникъ Новгородскаго Земства» 1901 г., № 4).

188. Лѣтописецъ дореформенной Руси («Міръ Божій» 1901 г., № 9, отд. II).

189. 13-е августа 1901 года. Стихотвореніе (въ посвященномъ юбилею Д. И. Тихомірова сборникѣ: «На трудовомъ пути». М., 1901).

190. Отрывокъ изъ поэмы Крабба: «На кладбищѣ» (Ibid.).

191. Н. В. Гоголь. Біографич. очеркъ (при изданныхъ вятскимъ губернскимъ земствомъ «Избранныхъ сочиненіяхъ Н. В. Гоголя» въ 2-хъ томахъ. Вятка, 1902).

192. Дорогой памяти Д. Д. Семенова («Новости» 1902 г., № 70, 12

марта. Это была послѣдняя литературная работа В. П. Острогорскаго, напечатанная при его жизни).

193. Посмертное письмо В. П. Острогорскаго о судьбѣ основанной имъ въ Валдаѣ безплатной народной школы (Ibid , 1902 г., № 99, 10 апрѣля).

II. Отдѣльно изданныя книги.

194—196. Каталогъ книгъ, періодическихъ изданій и журнальныхъ статей, находящихся въ библіотекѣ для чтенія Макалинскаго и 2 добавленія къ нему. Спб., 1864 (Этотъ библіографическій трудъ былъ изданъ безъ имени его составителя—В. П. Острогорскаго).

197. Илья Муромецъ—крестьянскій сынъ. Разсказано по народнымъ былинамъ (1-е изданіе: Спб., 1869); 2-е изд. Спб., 1883; 3-е изд. М., 1892; 4-е изд. «Дѣтскаго Чтенія» М., 1896 и 5-е изд. М., 1899).

198. Маланья (подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ). Спб., 1869. (2-е изд. Спб. 1883).

199. Необыкновенный ребенокъ (дѣтство Гёте по Льюису). Спб., 1869.

200. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми. Спб., 1872 (2 е изд. Спб., 1874; 3-е измѣн. изд. Спб., 1879. Вып. І-й).

200а. Юнымъ читателямъ разсказы о разныхъ людяхъ Спб., 1872.

201. О литературномъ образованіи, получаемомъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Спб., 1873.

202. Руководство къ чтенію поэтическихъ произведеній. Переведено и составлено по Людвигу Эккардту Н. Максимовымъ и В. Острогорскимъ. Спб., 1875. (2-е измѣн. изд. Спб., 1877; 3-е вновь переработ. и дополн. изд. Спб., 1897).

203. Памяти Пушкина. 6 іюня 1880. Очерки Пушкинской Руси. Спб., 1880.

204. Вавило. Разсказъ, составл. изъ подбора русскихъ примѣтъ. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб. 1883.

205. Титъ. Подборъ русскихъ пословицъ и поговорокъ. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб., 1883.

206. Изъ народнаго быта. Маша на дѣвичникѣ. Разсказъ, составл. изъ подбора пѣсенъ и причитаній. Изд. Н. Д. Тяпкина. Спб., 1883.

207. Изъ міра великихъ преданій. Спб., 1883 (2-е изд. М., 1888; 3-е: М., 1890; 4-е: М., 1892; 5-е: М., 1895; 7-е: М., 1898; 8-е: М., 1900 и 9-е изд. М., 1902).

208. Мгла. Драма въ 5 дѣйствіяхъ. Спб., 1883.

209. Памяти Ивана Сергѣевича Тургенева. Спб., 1883.

210. Хорошіе люди. Сборникъ разсказовъ. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1883 (2-е изд. Спб., 1891; 3-е: Спб., 1896; 4-е: Спб., 1901.

211. Русскіе писатели, какъ воспитательно-образовательный матеріалъ для занятій съ дѣтьми (передѣланное сочиненіе, отмѣченное выше подъ № 200). Спб., 1883 (2-е измѣн. и дополн. изд. Спб., 1885; 3-е дополн. изд. М., 1891; 4-е просмотр. и дополн. изд. М., 1899 и 5-е изд. М., 1901).

212. Выразительное чтеніе. Пособіе для учителей и учащихся. Спб., 1885 (2-е исправл. и дополн. изд. М., 1886; 3-е изд. Д. И. Тихомірова. М., 1894; 4-е значит. дополн. изд. М., 1898 и 5-е изд. М., 1901).

213. Бесѣды о преподаваніи словесности. Спб., 1885 (2-е изд. М., 1886).

214. Русскіе педагогическіе дѣятели: Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій и и Н. А. Корфъ. Изд. Е. Н. Тихоміровой. М., 1887.

215. Родные поэты для чтенія въ классѣ и дома. Сборникъ стихотвореній. Изд. К. Н. Тихоміровой. М., 1888 (2-е изд. М., 1895).

216—220. Этюды о русскихъ писателяхъ. 5 книжекъ: I. И. А. Гончаровъ (М. 1888).—II. Н. Г. Помяловскій (Спб., 1889).—III. Мотивы лермонтовской поэзіи (М., 1891).—IV. Кольцовъ (М., 1893; 2-е изд. «Міра Божьяго»).—V. Очерки Пушкинской Руси (Спб., 1897. Эта послѣдняя книжка представляетъ собою 2-е изд. книжки, указанной подъ № 203).

221. Изъ народнаго быта. Титъ. Вавило. Маланья. Маша (2-е изд. М., 1889; 3-е изд. М., 1892; 4-е изд. М., 1896 и 5-е изд. М., 1898. Первымъ изданіемъ каждый изъ соединенныхъ здѣсь разсказовъ выходилъ отдѣльно).

222. Двадцать біографій образцовыхъ русскихъ писателей. Съ портретами. Изд. Ф. Павленкова (1-е и 2-е изд. Спб., 1890; 3-е: Спб., 1891; 4-е: Спб., 1894; 5-е: Спб., 1897; 6-е: Спб., 1900 и 7-е: Спб., 1901).

223. Наталья Борисовна Долгорукая. Разсказъ. Изд. М. М. Ледерле и К°. Спб., 1891.

224. Изъ далекаго прошлаго. Драматическіе эскизы («Мгла», «Липочка», «На однѣхъ сѣнахъ», «Первый шагъ» и «Въ бель-этажѣ на улицу»). Изд. М. М. Ледерле. Спб., 1891.

225. С. Т. Аксаковъ. Критико-біографич. очеркъ. Изд. Н. Г. Мартынова. Спб., 1891.

226. Орлеанская дѣва (по Шиллеру). Разсказъ. Изд. В. И. М., 1892.

227. Дѣдушка Крыловъ и его памятникъ. Спб., 1894.

228. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. М., 1894 (2-е изд. «Міра Божьяго». Спб., 1896).

229. Изъ исторіи моего учительства. Какъ я сдѣлался учителемъ (1851—1864 гг.). Спб.. 1895.

230. В. Г. Бѣлинскій, какъ критикъ и педагогъ. Двѣ публичныя лекціи. Спб., 1898 г.

231. А. С. Пушкинъ. Спб., 1899 г.

232. Альбомъ. «Пушкинскій уголокъ». Съ иллюстраціями В. М. Максимова. Изд. В. А. Фишера. М., 1899 г.

233. «Листки изъ дѣтскихъ воспоминаній». Десять автобіографическихъ разсказовъ В. П. Авенаріуса». Рецензія. Спб., 1897 г. (это отдѣльное изданіе сочиненія, указаннаго выше подъ № 186).

234. Первое знакомство съ А. С. Пушкинымъ. Избранныя стихотворенія и отрывки изъ сказокъ, поэмъ, повѣстей и драмъ. Съ біографіей, портретами, поясненіями и иллюстраціями. Спб., 1901 г.

235. Редакція книги г. Богданова: «Дѣдушка Крыловъ для чтенія въ сельской школѣ». Спб., 1896 г.

236—237. Избранныя сочиненія Н. В. Гоголя. Въ 2-хъ томахъ. Изд. вятскаго губернскаго земства, подъ редакцій В. П. Острогорскаго. Вятка, 1902 г.

238—239. Избранныя сочиненія Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Изд. Спб. городской думы, подъ редакціей В. П. Острогорскаго. 2 т. Спб., 1902 г. (Это были послѣднія изданія, надъ которыми трудился В. П. Острогорскій).

Кромѣ вышеуказанныхъ работъ, В. П. Острогорскому принадлежали еще слѣдующіе труды:

240—241. Русская женщина въ поэзіи Пушкина (изъ статей, напечатанныхъ въ газ. «Молва»). («Женское Образ.» 1880 г., №№ 4 и 5).

242. Проблески свѣта («Одес. Листокъ», 1890 г., № отъ 14-го мая).

243. Счастье—цѣль жизни (по поводу книги Лёббока: «Утѣхи и радости жизни»). («Вѣстн. Воспит.». 1890 г., № 6).

244. Д. В. Григоровичъ (Театр. Газета», 1893 г., № 22).

245. О «Вильгельмѣ Теллѣ» Шиллера (въ сборникѣ «Путь-Дорога». Спб., 1893 г.).

246. Редактированіе сборника стихотвореній «На досугѣ», составленнаго сельскимъ учителемъ И. Богдановымъ. Спб., 1896 г.

247. Пушкинская копейка («Рус. Вѣд.» 1899 г., № 140).

Въ заключеніе я считаю пріятною обязанностью выразить здѣсь искреннюю благодарность вдовѣ Виктора Петровича, Елизаветѣ Яковл. Острогорской, любезно сообщившей мнѣ нѣкоторыя рукописныя замѣтки В. П. объ его трудахъ и сообщившей, кромѣ того, и другія цѣнныя указанія. Точно также я долженъ поблагодарить и библіотекаря русскаго отдѣленія Импер. публичной библіотеки за его просвѣщенное содѣйствіе и указанія, которыми и въ данномъ случаѣ (какъ и всегда прежде) я пользовался.

Д. П. Сильчевскій.

КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

«Мѣщане» М. Горькаго.—Старые и молодые представители мѣщанства.—Въ чемъ сущность послѣдняго.—Отцы и дѣти мѣщанства.—Противники мѣщанства.—Постановка пьесы въ Художественномъ театрѣ.—Памяти Виктора Петровича Острогорскаго.—Его значеніе, какъ одного изъ основателей нашего журнала и редактора его.

Пьесу М. Горькаго намъ пришлось сначала видѣть на сценѣ и потомъ уже прочесть ее, и мы должны, прежде всего, отмѣтить, что, несмотря на прекрасную, любовную постановку, въ чтеніи «Мѣщане» производятъ куда болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ на сценѣ. Отъ чего это можетъ зависѣть, объ этомъ потомъ. Для насъ важенъ самый фактъ, который служитъ лишнимъ доказательствомъ, что «драматическія сцены» М. Горькаго—настоящее литературное произведеніе, не только отмѣченное огромнымъ талантомъ, какъ и все, что пишетъ Горькій, но и важное по замыслу и содержанію. Къ нему примѣнимо то, что говоритъ Толстой въ предисловіи къ роману «Крестьянинъ»; «Авторъ говоритъ про то, что ему нужно сказать потому, что онъ любитъ то, про что говоритъ, и говоритъ не разсужденіями, не туманными аллегоріями, а тѣмъ единственнымъ средствомъ, которымъ можно передать художественное содержаніе: поэтическими образами—и не фантастическими, необыкновенными и непонятными образами, безъ внутренней необходимости соединенными между собой, а изображеніями самыхъ обыкновенныхъ, простыхъ лицъ и событій, связанныхъ между собой внутренней художественною необходимостью».

Именно самые обыкновенные и простые люди изображены Горькимъ, и потому драма ихъ жизни и есть настоящая правдивая драма, какую каждый въ томъ или иномъ видѣ можетъ наблюдать, если только онъ умѣетъ видѣть и наблюдать. И старики Бессѣменовы, и ихъ дѣти, Петръ и Татьяна, и Нилъ съ Полей, и сумрачный философъ Тетеревъ, и «божье дитя» Перчихинъ—это тѣ же люди, какими кишитъ жизнь, какими и прежде она была полна, и только теперь, пожалуй, всѣ они опредѣленнѣе и ярче, потому что для нихъ наступилъ переломъ въ жизни, и каждому приходится такъ или иначе рѣзче и яснѣе показать себя. Такъ бываетъ въ тѣ моменты, когда скрытая до поры до времени сущность каждаго должна выясниться подъ вліяніемъ сильнаго внутренняго толчка, разбивающаго обычную житейскую скорлупу, къ которой они давно привыкли и не замѣчаютъ, что она уже не отвѣчаетъ внутреннему со-

держанію. Тогда наступаетъ кризисъ и происходитъ рѣзкое столкновеніе, выясняющее, что каждый есть самъ по себѣ и чего онъ стоитъ.

Мѣщане и ихъ мѣщанская жалкая драма, съ одной стороны, съ другой— живые, бодрые люди, жаждущіе жить ради самой жизни для себя и другихъ,— таково положеніе, изображенное авторомъ. Старики Безсѣменовы,—собственно отецъ, такъ какъ мать слишкомъ незначительная величина, чтобы о ней стоило говорить,— и ихъ дѣти—таковы представители мѣщанства, хотя и въ двухъ разныхъ видахъ, но по существу мало отличные. Старикъ Безсѣменовъ—это представитель мѣщанства въ наивномъ грубомъ видѣ, это—мѣщанинъ въ первичной фазѣ развитія, когда всѣ отличительныя свойства мѣщанства выступаютъ въ голомъ, неприкрашенномъ видѣ, когда мѣщанинъ еще слишкомъ мало развитъ и некультуренъ и не научился подъ внѣшнимъ лоскомъ скрывать пустоту и ничтожество своей личности. Онъ еще не тронутъ ядомъ сомнѣнія, это цѣльная, новорожденная пошлость, торжествующая и самодовольная. И потому онъ много привлекательнѣе, чѣмъ его отпрыски. «Ибо ты,—какъ говоритъ ему Тетеревъ,—въ мѣру уменъ и въ мѣру глупъ; въ мѣру добръ и въ мѣру золъ; въ мѣру честенъ и подлъ, и трусливъ, и храбръ... ты образцовый мѣщанинъ! Ты законченно воплотилъ въ себѣ пошлость... ту силу, которая побѣждаетъ даже героевъ и живетъ, живетъ и торжествуетъ...»

Въ этихъ словахъ превосходная характеристика наивнаго, цѣльнаго, безсознательнаго мѣщанства, которое тѣмъ и побѣждаетъ героевъ, что въ своей законченности оно неуязвимо. Какъ бы ни былъ силенъ герой, у него всегда есть ахиллесова пята, а у Безсѣменова нѣтъ такого мѣста, въ которое его можно было бы уязвить и пронять до глубины души. Дѣти—да, но и они не настолько его трогаютъ, чтобы онъ пошатнулся въ своихъ устояхъ, измѣнилъ своему порядку, разъ счастье дѣтей не совмѣстимо съ нимъ. Его любовь къ дѣтямъ тоже въ мѣру. Это мѣщанская любовь, не выходящая за предѣлы порядка, и дѣти больше всего огорчаютъ его тѣмъ, что нарушаютъ незыблемо, какъ ему казалось, установленный порядокъ его жизни. Согласно сему послѣднему, дочь, войдя въ лѣта, должна выдти замужъ по его указу и выбору, сынъ долженъ добропорядочно кончить университетъ, получить хорошо оплачиваемую службу и взять жену съ приданымъ. А между тѣмъ, и дочь, и сынъ вышли ни въ тѣхъ, ни въ сѣхъ, и старикъ «обиженъ» на судьбу, на нихъ, и походя грызетъ вся и всѣхъ. «Учись!—поучаетъ онъ сына.—Но ты не учишься... фордыбачишь. Ты вотъ научился презрѣнію ко всему живущему, а размѣра въ дѣйствіяхъ не пріобрѣлъ... Изъ университета тебя выгнали. Ты думаешь неправильно? Ошибаешься. Студентъ есть ученикъ, а не распорядитель въ жизни. Ежели всякій парень въ двадцать лѣтъ уставщикомъ порядковъ захочетъ быть... тогда все въ замѣшательство должно придти... И дѣловому человѣку на землѣ мѣста не будетъ. Ты научись, будь мастеромъ въ твоемъ дѣлѣ и тогда—разсуждай... А до той поры всякій на твои разсужденія имѣетъ полное право сказать—цыцъ. Я говорю тебѣ это не со зла, а по душѣ, какъ ты есть мой сынъ, кровь моя, и все такое... Я не хочу никого обижать... Я самъ обиженъ вами, горько обиженъ... Въ домѣ моемъ я хожу осторожно, ровно на полу вездѣ битое

стекло насыпано... Ко мнѣ и старые пріятели перестали ходить; у тебя, говорятъ, дѣти образованные, а мы народъ простой, еще насмѣются они надъ нами. И вы не однажды смѣялись надъ ними, а я со стыда горѣлъ за васъ... А вѣдь я—люблю васъ... Люблю. Понимаете вы, что значитъ—любовь? Тебя вотъ выгнали, мнѣ это больно. Татьяна зря въ дѣвкахъ сохнетъ, мнѣ это обидно... и даже конфузно передъ людьми. Чѣмъ Татьяна хуже многихъ прочихъ, которыя выходятъ замужъ и... все такое? Мнѣ хочется видѣть тебя, Петръ человѣкомъ, а не студентомъ... Вонъ Филиппа Назарова сынъ — кончилъ учиться, женился, взялъ съ приданымъ, двѣ тыщи въ годъ получаетъ... въ члены управы попадетъ...»

Весь обликъ мѣщанина въ этихъ яркихъ словахъ, мѣщанина съ прочной традиціей, вѣками сложившейся,—и въ этой святой для Безсѣменова традиціи заключается все различіе между нимъ и сыномъ. Послѣдній тоже мѣщанинъ въ полномъ смыслѣ слова, но отцовскія традиціи его уже не удовлетворяютъ, а новаго устоя для своего мѣщанства у него пока нѣтъ. И какъ это ни странно, но отецъ-мѣщанинъ производитъ болѣе симпатичное впечатлѣніе, чѣмъ сынъ. Происходитъ это отъ того, что у отца все же есть нѣчто свое, выработанное, даже выстраданное («для васъ горбомъ добывалъ, жилы изъ себя тянулъ»). Вы знаете, съ кѣмъ имѣете дѣло и соотвѣтственно этому можете располагать свои дѣйствія. Въ лицѣ Безсѣменова предъ нами цѣльная личность, со всѣми пороками, достоинствами и добродѣтелями цѣлаго сословія. Съ нимъ надо считаться, и еще какъ! Онъ норовитъ въ городскія головы, въ думѣ и у себя въ ремесленной управѣ—онъ сила, задаетъ тонъ и на все противное налагаетъ свою тяжелую лапу. Въ общественной жизни, какъ и у себя дома, онъ строго держитъ свой «порядокъ жизни», и потому онъ опасенъ и враждебенъ всему, что не желаетъ укладываться въ его порядокъ. Но, какъ и всякая сила, онъ внушаетъ извѣстное уваженіе, и даже все презирающій Тетеревъ не безъ уваженія замѣчаетъ по его адресу: «И ты нравишься мнѣ».

Совсѣмъ иное сынъ Безсѣменова, унаслѣдовавшій отъ отца всѣ его мѣщанскія качества, но безъ его мѣщанской добродѣтели—опредѣленности и цѣльности. Насколько отецъ—личность, насколько Петръ—безформенное существо, неопредѣленное, жалкое, безсильное, безвольное и скучное. Именно — скучное, т.-е. безъ всякой яркой окраски, сѣрое и безцвѣтное. Несмотря на молодость, онъ кажется старше отца, потому что нѣтъ въ немъ никакой страсти. «Я думаю, — говоритъ онъ въ припадкѣ откровенности, — что когда французъ или англичанинъ говоритъ «Франція», «Англія», онъ непремѣнно представляетъ себѣ за этимъ словомъ нѣчто реальное, осязаемое... понятное ему... А я говорю «Россія»—и чувствую, что для меня это звукъ пустой. И у меня нѣтъ возможности вложить въ это слово какое-либо ясное содержаніе... Жизнь... Моя жизнь... Чѣмъ не наполняются эти два слова?.. Чортъ дернулъ меня принять участіе въ этихъ дурацкихъ волненіяхъ. Я пришелъ въ университетъ учиться и учился... Никакого режима, мѣшавшаго мнѣ изучить римское право, я не чувствовалъ... нѣтъ! По совѣсти, нѣтъ, не чувствовалъ. Я чувствовалъ режимъ товарищества... и уступилъ ему. Вотъ два года моей жизни вычеркнуто... да.

Это насиліе! Насиліе надо мной—не правда ли? Я думалъ: кончу учиться, буду юристомъ, буду работать... читать, наблюдать... буду жить!» Тетеревъ иронически подсказываетъ: «Родителямъ на утѣшеніе, церкви и отечеству на пользу, въ роли покорнаго слуги общества»... Но обществомъ Петръ именно и возмущается,—по-мѣщански, конечно. «Общество? Вотъ что я ненавижу. Оно все повышаетъ требованіе къ личности, но не даетъ ей возможности развиваться правильно, безъ препятствій... «Человѣкъ долженъ быть гражданиномъ прежде всего!» кричало мнѣ общество въ лицѣ моихъ товарищей! Я былъ гражданиномъ... чортъ ихъ возьми!.. Я... не хочу, не обязанъ подчиняться требованіямъ общества. Я личность. Личность свободна...»

Въ головѣ этого «мѣщанина, бывшаго гражданиномъ полчаса», по мѣткому слову Тетерева, идетъ пока смутная борьба. Мѣщанство его отца, составляющее его плоть и кровь, борется съ чуждыми ему понятіями о долгѣ, объ обществѣ, товариществѣ, свободѣ личности и кладетъ на всѣ эти высокія понятія свой опошляющій отпечатокъ. Эта борьба лишаетъ Петра такой цѣльности, какъ у отца его Бессѣменова. Такимъ онъ войдетъ и въ жизнь, куда внесетъ мѣщанскій духъ и будетъ все опошлять и принижать. Когда онъ въ пылу спора заявляетъ отцу, что правда отцовская—узка, что ему тѣсно въ ней, что порядокъ отца не годится для него, то это лишь пустыя слова. Его возмущаетъ только форма этого порядка, обстановка, какъ старый отцовскій шкафъ, который «восемнадцать лѣтъ стоитъ на одномъ мѣстѣ». Онъ его уберетъ, перемѣнитъ всю мебель, не станетъ судачить съ прислугой, какъ его мать, но по существу ничего не измѣнитъ. Его идеалы и стремленія ничуть не выше отцовскихъ. Служба, женитьба, личное довольство, мелкое крохоборство и постоянный трепетъ за эти блага — вотъ будущая программа его жизни. Даже такое сильное, повидимому, чувство, какъ любовь, ни мало не мѣняетъ его настроенія,—и тутъ онъ занятъ только вопросомъ о себѣ, о своихъ маленькихъ удобствахъ, взвѣшиваетъ все, кромѣ вопроса о судьбѣ довѣрившагося ему человѣка, о его внутренней жизни, которую онъ не понимаетъ и не желаетъ понимать. На минуту подъ давленіемъ сильнаго характера любимой женщины онъ заявляетъ отцу, что уходитъ отъ него и устроитъ жизнь по своему. Но это обманъ, въ который онъ меньше всего вѣритъ, и тотъ же Тетеревъ правильно рѣшаетъ за него вопросъ, объясняя огорченному отцу, что «онъ не далеко уйдетъ отъ тебя. Онъ это временно наверхъ поднялся, его туда втащили... Но онъ сойдетъ... Умрешь ты,—онъ немного перестроитъ этотъ хлѣвъ, переставитъ въ немъ мебель и будетъ жить, какъ ты, спокойно, разумно и уютно. Онъ переставитъ мебель и—будетъ имѣть въ сознаніи, что долгъ свой передъ людьми и жизнью отлично выполнилъ. Онъ, вѣдь, такой же, какъ и ты... труслив и глупъ... И жаденъ будетъ въ свое время и такъ же, какъ и ты, самоувѣренъ и жестокъ... И даже несчастенъ будетъ онъ вотъ такъ же, какъ ты теперь... Жизнь идетъ, старикъ, — кто не поспѣваетъ за ней, тотъ остается одинокимъ. И также вотъ несчастнаго и жалкаго сына твоего не пощадятъ и скажутъ ему правду въ лицо, какъ я тебѣ говорю: чего ради ты жилъ? Что сдѣлалъ добраго? И сынъ твой, какъ ты теперь, не отвѣтитъ...»

Отсутствіе движенія въ себѣ самомъ и страхъ передъ всякимъ движеніемъ—это сущность мѣщанства, идеалъ котораго—покой, порядокъ, ничѣмъ невозмутимый, тишина, никѣмъ ненарушаемая. Этотъ страхъ передъ жизнью, движеніемъ, шумомъ проистекаетъ изъ недостатка вѣры и фантазіи у мѣщанъ. Безсѣменовъ и его правовѣрный отпрыскъ Петръ мало разсуждаютъ и живутъ болѣе инстинктами, почему въ нихъ и не замѣтны эти существенныя черты мѣщанства, обусловливающія все остальное и дающія всему тонъ. Но дочь Безсѣменова, Таня, болѣе утонченное существо, и въ ней съ особой яркостью проступаютъ именно эти мѣщанскія черты. Она образована, много читала, много думаетъ и разсуждаетъ, и тѣмъ не менѣе ни на вершокъ не можетъ подняться сама надъ окружающей жизнью и другихъ поднять. Потому именно, что она—сама проза, скучная и тоскливая, безъ полета мысли въ неизвѣданную даль, безъ вѣры въ себя и людей. Мысли и чувства у нея коротенькія, какъ и близорукіе взгляды. Она видитъ только то, что возлѣ нея, и не можетъ представить себѣ ничего другого. Она достаточно развита, чтобы понимать мелочность отцовской жизни, ненужность его порядка жизни для другихъ, но не понимаетъ, что существуетъ иная жизнь. Поэтому, ей все противно, ничто ея не удовлетворяетъ. Она учительница, но дѣтей не любитъ и учитъ ихъ, сама не понимая зачѣмъ. Читаетъ много, и не вѣритъ тому, что читаетъ. Когда подруга ея, тоже учительница, увлекается учениками и рисуетъ ихъ будущую жизнь, Татьяна называетъ это сказками, и для нея эти мечты дѣйствительно тѣ же сказки. «Мнѣ ничто никогда не казалось достовѣрнымъ, кромѣ того развѣ, что вотъ это—я, это—стѣна. Когда я говорю да или нѣтъ, я это говорю не по убѣжденію... а какъ-то такъ... я просто отвѣчаю—и только... А мнѣ жалко людей, которые вамъ вѣрятъ... вѣдь, вы ихъ обманываете! Вѣдь жизнь всегда была такая, какъ теперь... мутная, тѣсная... и всегда будетъ такая...» Ея несчастье въ томъ, что ее научили разсуждать, а для мѣщанства это-то и не нужно. Она была бы вполнѣ въ своей сферѣ, какъ ея простодушная мать, вся ушедшая въ кухню, въ домостроительство и въ дѣтей, не разсуждающая и неспособная къ критикѣ. Татьяна перешла за этотъ фазисъ бездумнаго и бездушнаго житія, но ей никогда не войти въ другой фазисъ—сознательной живой дѣятельности ради жизни, ради цѣлей, лежащихъ внѣ насъ и потому поглощающихъ и насъ. Она, какъ и всѣ мѣщане, не можетъ оторваться отъ себя и взглянуть на жизнь по-шире и по-выше. «Я какое-то ползучее растеніе у васъ подъ ногами... Ни красы во мнѣ, ни радости, а идти людямъ я мѣшаю, цѣпляясь за нихъ...» Неудачная попытка ея покончить съ собой только подчеркиваетъ неспособность мѣщанства къ какому-либо энергичному, яркому проявленію себя. Какъ ни кажется ей нелѣпой, ненужной ея жизнь, она все же цѣпляется за нее, жаждетъ ея и никогда уже больше не повторитъ своей попытки. Самоубійство не мѣщанское дѣло. Для него нужна извѣстная энергія, подъемъ воли, хотя бы и минутный, а у мѣщанства—«все въ мѣру», ровно настолько, чтобы равномѣрнымъ шагомъ идти къ безвѣстной могилѣ.

Блестяще обрисовавъ мѣщанство, Горькій вскрылъ еще одну сторону современнаго мѣщанства: онъ показалъ намъ, что оно страдаетъ. Старики Безсѣме-

новы дѣйствительно страдаютъ, видя, что жизнь дѣтей, для которыхъ они «жилы изъ себя тянули», не такъ удачно слагается, какъ они того желали бы. Жертва оказывается безплодной, и это ихъ глубоко трогаетъ, задѣваетъ ихъ родительскую гордость, самую, быть можетъ, чувствительную вообще, а въ мѣщанахъ единственно человѣчную, сближающую ихъ съ другими людьми. Петръ страдаетъ отъ противорѣчія между коренными стремленіями его мелкой натуры и навѣянными на него извнѣ идеями, отъ которыхъ онъ, тѣмъ не менѣе, не можетъ такъ легко отдѣлаться. Татьяна страдаетъ глубже всѣхъ, такъ какъ глубже всѣхъ понимаетъ причины своей неудовлетворенности. Ихъ страданія не возвышаютъ ихъ въ нашихъ глазахъ, а дѣлаютъ только болѣе жалкими. Мы не можемъ сочувствовать имъ, но и не можемъ жалѣть, — и въ этомъ отсутствіи жалости къ нимъ ихъ неписанный, но тѣмъ болѣе непредотвратимый приговоръ жизни. Они — мертвые, и все мертвятъ, къ чему ни прикоснутся, и потому, какъ заражающее тѣло, должны быть устранены изъ жизни. Только не такъ-то легко это сдѣлать, ибо мѣщанство—страшная сила, даже страждущее и разлагающееся. Оно слишкомъ заполонило жизнь, и уйти отъ него гораздо труднѣе, чѣмъ для Нила и Поли уйти изъ дома Бессѣменовыхъ.

Для этого необходимо знать, куда идти. Нилъ и его простодушная невѣста этого не знаютъ, и ихъ сила въ данный моментъ въ томъ и заключается, что они не задумываются надъ этимъ вопросомъ. Главное — уйти поскорѣе и подальше, а тамъ что будетъ—посмотримъ. Съ своей точки зрѣнія они вполнѣ правы. Нилъ и Поля, прежде всего, люди непосредственные, жизнерадостные, простые и потому способные всецѣло отдаться радости бытія, наслаждаться самимъ процессомъ жизни. Даже ѣзда на дрянномъ паровозѣ, въ дождь и вѣтеръ, даетъ Нилу свою радость — ощущеніе борьбы, преодолѣнія препятствій, чувство силы. Тѣмъ полнѣе испытываютъ они чувство радости жизни, когда могутъ использовать свѣтлыя стороны бытія. Взаимная любовь поднимаетъ въ нихъ такую бурю радости, предъ которой все должно уступить—и уступаетъ. Въ этой жизнерадостности простыхъ и нетронутыхъ натуръ ихъ сила, и мы не сомнѣваемся, что они съумѣютъ добыть у жизни если не все, какъ увѣряетъ Нилъ, то очень много. «Хорошо жить! Славная штука жизнь!» — то и дѣло восклицаютъ они, и мы вѣримъ, что они дѣйствительно испытываютъ эту радость. Но дальше этого ихъ радость пока нейдетъ.

Молодость, здоровье, ощущеніе силы—неоцѣненныя блага сами по себѣ. Только этого какъ будто мало для человѣческой жизни вполнѣ. Правда, у Поли прорываются кое-какія мечтательныя настроенія, въ которыхъ слышится отзвукъ чего-то болѣе широкаго, чѣмъ личное только чувство къ Нилу. «Не всѣ еще люди живутъ,—возражаетъ она Татьянѣ,—очень мало людей жизнью пользуются... множеству ихъ и жить-то некогда совсѣмъ... они только работаютъ куска хлѣба ради... а вотъ когда и они...» мечтаетъ она, и въ этихъ мечтахъ чувствуется такая хорошая, добрая и чистая душа, что ужъ никогда изъ Поли не будетъ «ползучее растеніе», мѣшающее жить другимъ.

Нилъ тоже не изъ тѣхъ, что выѣзжаютъ на чужой спинѣ. Для этого онъ

*

слишкомъ гордъ той славной рабочей гордостью, которая скорѣе снисходительно допуститъ себя эксплуатировать, чѣмъ самому пользоваться чужимъ трудомъ. Онъ не только силенъ, какъ здоровый, еще не истощенный непосильной работой организмъ,—онъ нравственно силенъ, и эта сила не унизитъ его до рабства передъ другими и до порабощенія другихъ. Про него можно сказать то же, что онъ говоритъ про товарища Петра, студента Шишкина: «Онъ славный парень! Не только не позволитъ наступить себѣ на ногу, самъ первый всякому наступитъ! Хорошо имѣть въ себѣ столько чувства человѣческаго достоинства». Эти слова для него не пустые звуки, и онъ сейчасъ же практически поясняетъ ихъ и подтверждаетъ своимъ примѣромъ: «Хорошо, когда единственный кусокъ хлѣба отшвыривается прочь только потому, что его даетъ несимпатичный человѣкъ», и самъ онъ его, ни на минуту не задумываясь, отшвыриваетъ, расходясь съ своимъ пріемнымъ отцомъ и «отчитавъ» начальника депо, поступающаго, по его мнѣнію, несправедливо. И такъ поступаетъ Нилъ просто потому, что его здоровая жизнерадостная натура органически не выноситъ никакого насилія надъ собой и другими. «Жить—славное занятіе! Ѣздить на скверныхъ паровозахъ осенними ночами, подъ дождемъ и вѣтромъ, или зимою въ метель, когда вокругъ тебя нѣтъ пространства, все на землѣ закрыто тьмою, завалено снѣгомъ—утомительно ѣздить въ такую пору, трудно... опасно, если хочешь,—и все же въ этомъ есть своя прелесть! Все-таки есть! Въ одномъ не вижу ничего пріятнаго,—въ томъ, что мною и другими честными людьми командуютъ свиньи, дураки, воры... Но жизнь не вся за ними! Они пройдутъ, исчезнутъ, какъ исчезаютъ нарывы на здоровомъ тѣлѣ. Нѣтъ такого росписанія движенія, которое бы не измѣнялось! Я знаю, что жизнь тяжела, что порою она омерзительно жестока, что разнузданная, грубая сила жметъ и давитъ человѣка, я знаю это—и это мнѣ не нравится, возмущаетъ меня. Я этого порядка не хочу! Я знаю, что жизнь—дѣло серьезное, но не устроенное... что она потребуетъ для своего устройства всѣ силы и способности мои. Я знаю и то, что я—не богатырь, а просто честный, здоровый человѣкъ, и все-таки говорю: ничего! Наша возьметъ! И на всѣ средства души моей удовлетворю мое желаніе вмѣшаться въ самую гущу жизни... Мѣсить ее и такъ, и этакъ, тому помѣшать, этому—помочь... вотъ въ чемъ радость жизни!»

«Вотъ смыслъ глубочайшей науки! Вотъ смыслъ философіи всей! А всякой другой философіи—анаѳема!» возглашаетъ Тетеревъ, въ мрачной душѣ котораго эта свѣтлая и бодрая рѣчь на минуту побѣждаетъ скептическое отношеніе къ людямъ и жизни, какъ и въ читателѣ возбуждаетъ смѣлую вѣру, что чѣмъ больше даетъ жизнь такихъ здоровыхъ и жизнерадостныхъ натуръ, тѣмъ скорѣе «свиньи, дураки и воры» перестанутъ «командовать честными людьми».

Если Нилъ и Поля своимъ веселымъ и смѣлымъ отношеніемъ ко всему окружающему превосходно оттѣняютъ мертвую пустоту мѣщанства, то Тетеревъ какъ бы подводитъ итоги мѣщанской философіи и выворачиваетъ на изнанку всѣ его скрытыя стороны, безпощадно и злобно поражая его въ самыя больныя мѣста. Фигура Тетерева безспорно самая оригинальная и яркая во всемъ

произведенія. Съ перваго появленія на сценѣ онъ приковываетъ вниманіе зрителей, заслоняя всѣхъ остальныхъ дѣйствующихъ лицъ. Въ богатой галлереѣ типовъ Горькаго Тетеревъ—одно изъ наиболѣе удачныхъ и оригинальныхъ лицъ. «Потомственный алкоголикъ и кавалеръ Зеленаго Змія, Терентій Богословскій», какъ онъ рекомендуется доктору, «человѣкъ никудышный, никчемный, но гордость въ немъ чисто барская», по опредѣленію Безсѣменова, «вредный и злобный человѣкъ», по его же мнѣнію. Самъ Тетеревъ такъ понимаетъ себя: «Меня губитъ не водка, а сила моя. Избытокъ силъ—вотъ моя гибель... Теперь сила не нужна. Нужна ловкость, хитрость... нужна змѣиная гибкость... Мнѣ некуда дѣвать силы. Я могу найти себѣ мѣсто по способности только въ балаганѣ, на ярмаркѣ, гдѣ могъ бы рвать желѣзныя цѣпи, поднимать гири и прочее. Но я учился, и хорошо учился, за что и былъ изгнанъ изъ семинаріи... Я учился и не хочу жить на показъ, не хочу, чтобы ты, придя въ балаганъ, любовался мною со спокойнымъ удовольствіемъ. Я желаю, чтобы всѣ смотрѣли на меня съ безпокойнымъ неудовольствіемъ...» Но въ его избыткѣ силы только часть правды, мѣшающей ему жить по настоящему. Главная суть въ томъ, что мѣщанство заполонило всю жизнь, «и оттого мнѣ негдѣ жить, мѣщанинъ», говоритъ онъ, обращаясь къ Безсѣменову. «Мнѣ благороднѣе пьянствовать и погибать, чѣмъ жить и работать на тебя и тебѣ подобныхъ. Можешь ли ты, мѣщанинъ, представить себѣ меня трезвымъ, прилично одѣтымъ и говорящимъ съ тобою робкимъ языкомъ слуги твоего?» И онъ на каждомъ шагу безпощадно вскрываетъ все ничтожество мѣщанства, ѣдкими и злыми словами доводя Безсѣменова до бѣлаго каленія. Не менѣе достается отъ него и Петру, пожалуй, еще больше, чѣмъ старику Безсѣменову, въ которомъ Тетеревъ признаетъ цѣльность, а въ Петрѣ онъ видитъ всѣ дурныя стороны мѣщанства безъ отцовской опредѣленности, что дѣлаетъ Петра еще хуже и вреднѣе. Но и вся жизнь, и остальные люди не заслуживаютъ отъ него пощады. Правда, онъ какъ-будто влюбляется въ Полю, но и въ этомъ чувствѣ скорѣе преобладаетъ насмѣшка надъ самимъ собой, какъ такой дикій человѣкъ могъ увлечься «юбкой, и все такое». Для него ясно, что онъ «упалъ» и уже не подымется, и ему остается одна отрада—сознаніе, что онъ—выше этой жизни, стоитъ въ качествѣ любопытнаго и созерцаетъ въ то время, какъ другіе суетятся, рвутъ другъ у друга добычу и въ концѣ концовъ придутъ всѣ къ тому же итогу—къ могилѣ, для всѣхъ равной. «Ничего,—заявляетъ онъ Нилу, когда у того выходитъ яростная стычка съ пріемнымъ отцомъ,—сцена очень интересная. Я слушалъ и смотрѣлъ съ большимъ удовольствіемъ. Очень не дурно, очень. Не волнуйся, братъ. У тебя есть способности—ты можешь играть героическія роли. Въ данный моментъ герой нуженъ... повѣрь мнѣ! Въ наше время всѣ люди должны быть дѣлимы на героевъ, т.-е. дураковъ, и на подлецовъ, т.-е людей умныхъ... Людей очень удобно дѣлить на дураковъ и мерзавцевъ. Мерзавцевъ—тьма. Они живутъ умомъ звѣринымъ, они вѣрятъ только въ правду силы... не моей силы, не этой вотъ, заключенной въ груди моей, а въ силу хитрости... Хитрость—умъ звѣря... Жизнь украшаютъ дураки. Дураковъ немного. Они все ищутъ чего-то, чего не имъ нужно, не только имъ однимъ...

Они любятъ выдумывать проспекты всеобщаго счастья и подобной ерунды. Хотятъ найти начала и концы всего сущаго. Вообще, дѣлаютъ глупости... Дуракъ можетъ всю жизнь думать о томъ, почему стекло прозрачно, а мерзавецъ просто дѣлаетъ изъ стекла бутылку... Дуракъ спрашиваетъ себя, гдѣ огонь, пока онъ не зажженъ, куда дѣвался, когда угасаетъ. А мерзавецъ сидитъ у огня и ему тепло... Въ сущности—они оба глупы. Но одинъ глупъ красиво, героически, другой—тупо, нищенски глупо. И оба они, хотя разными дорогами, но приходятъ въ одно мѣсто—въ могилу, только въ могилу, другъ мой...»

Смертью и тлѣніемъ отдаетъ мрачная философія Тетерева, который и не ищетъ примѣненія ея въ жизни. Про себя онъ такъ и понимаетъ, что замерзнетъ гдѣ-нибудь въ дорогѣ, и утѣшаетъ себя мыслью, что «лучше замерзнуть на ходу, чѣмъ гнить, сидя на одномъ мѣстѣ», какъ ненавистное ему мѣщанство. Если къ кому онъ снисходитъ и даже чувствуетъ симпатію, такъ развѣ къ беззаботному старичку, отцу Поли, любителю птичьей охоты Перчихину, который, какъ и Тетеревъ, ничего не ищетъ отъ жизни, а просто живетъ, яко птицы небесныя. Перчихинъ—полная противоположность мѣщанству и ему, Тетереву. Мѣщанство всего боится, вѣчно въ заботахъ о завтрашнемъ днѣ, постоянно въ тревогѣ,—Перчихинъ знать не хочетъ никакихъ заботъ, наслаждается всѣмъ, а больше всего любезными его сердцу птицами. «Расчудесное это занятіе снигирей ловить! Только что снѣгъ выпалъ, земля словно въ пасхальную ризу одѣта... чистота, сіяніе и кроткая тишина вокругъ... Особенно ежели день солнечный—душа поетъ отъ радости! На деревьяхъ еще осенній листъ золотомъ отливаетъ, а ужъ вѣтки серебрецомъ снѣжка припухлаго присыпаны. И вотъ на этакую умилительную красоту—гурлы! гурлы!—вдругъ съ небесъ частыхъ стайка красныхъ птичекъ опустится, цви! цви! цви! и словно маки расцвѣтутъ. Малешенькія эдакія пичужки, степенныя, въ родѣ генераловъ. Ходятъ и ворчатъ и скрыпятъ—умиленіе души! Самъ бы въ снигиря обратился, чтобы съ ними порыться въ снѣгу... эхъ!» Вся душа незлобиваго, чистаго старика въ этой картинѣ сквозитъ и искрится, какъ и этотъ «припухлый снѣжокъ». Онъ любитъ всѣхъ и во всемъ хочетъ видѣть свѣтлыя, хорошія стороны, хотя съ прозорливостью святого или ребенка видитъ темное даже тамъ, гдѣ никто этого не видитъ. Онъ ясно понимаетъ все ничтожество и гадость мѣщанства, но надѣется на силу любви, которая все превозможетъ. Онъ радуется и тѣшится, какъ дитя, когда Поля и Нилъ объявляютъ о своей любви, но тутъ же огорчается, что Татьяна, которая любитъ Нила, страдаетъ, и ставитъ это на счетъ Полѣ, хотя и понимаетъ, что тутъ ничего не подѣлаешь. Онъ любитъ порядокъ, но порядокъ жизни, любовный, ко всѣмъ снисходительный и всѣмъ милый, безъ насилія и труда. Въ мрачной жизни мѣщанства онъ—единственный свѣтлый лучъ, вносящій своей беззаботной философіей веселье и примиреніе. Вмѣстѣ съ Тетеревомъ они составляютъ крайніе пункты мѣщанства: оба—его полное отрицаніе, но одинъ во имя любви и радости жизни, которыхъ нѣтъ въ мѣщанствѣ, другой—во имя силы и правды, которыхъ боится и не признаетъ мѣщанство. Но ни ему, ни Тетереву не суждено одолѣть послѣднее. Только соединеніе любви съ силой и правдой уничтожитъ

его,—и такимъ соединеніемъ въ будущемъ рисуются читателю Поля и Нилъ, у которыхъ есть зачатки этихъ сокровищъ. Предъ силой ихъ любви, жизнерадостности и инстинктивнаго стремленія къ правдѣ не устоять мѣщанству, которое можетъ выгнать Перчихина, какъ его выгоняетъ обозленный Безсѣменовъ, задавить Тетерева, который и самъ не желаетъ никакой борьбы, потопляя въ водкѣ свою злобу, но пасуетъ предъ этой бодрой, жизнеспособной и увѣренной въ себѣ парой настоящихъ, здоровыхъ и хорошихъ людей.

«Не кричи, старикъ,—обращается въ концѣ пьесы Тетеревъ къ расходившемуся Безсѣменову,—всего, что на тебя идетъ, ты не разгонишь...» Эти слова подчеркиваютъ то бодрое настроеніе, которымъ вѣетъ отъ новаго прекраснаго произведенія Горькаго. «Нестройный, громкій звукъ многихъ струнъ», раздающійся, какъ финалъ мѣщанской тоски, въ заключеніе—это какъ бы отходная мѣщанству, которое еще сильно и мощно снаружи, но прогнило, источено червемъ сомнѣнія и разъѣдено страхомъ въ предчувствіи, что дни его сочтены, что «свиньи, дураки и воры» не вѣчно будутъ командовать. И грозная «анаѳема» Тетерева звучитъ для Безсѣменова и его присныхъ, какъ звукъ погребальнаго колокола, ибо всѣмъ своимъ ничтожнымъ существомъ чувствуютъ они, что всего, что идетъ на нихъ, «не разгонишь».

Постановка «Мѣщанъ» на сценѣ Художественнаго театра въ общемъ очень хороша, но, какъ мы отмѣтили въ самомъ началѣ, пьеса въ чтеніи и сильнѣе, и ярче, и художественнѣе. Происходитъ это отъ многихъ причинъ. Для сцены въ пьесѣ мало движенія, чего не замѣчаешь при чтеніи, увлекаясь оригинальностью и яркостью каждаго типа, блескомъ языка, по силѣ и образности безподобнаго, глубокими и мѣткими афоризмами, которыми искрится каждая страница,—всей этой роскоши первоклассного художественнаго литературнаго произведенія не передать никакой сценѣ, для которой нужно, прежде всего, дѣйствіе, движеніе, развитіе драмы. Художественный театръ сдѣлалъ все, чтобы воплотить типы Горькаго, и въ значительной степени ему это удалось. Самъ Безсѣменовъ, Тетеревъ, Перчихинъ—какъ наиболѣе яркіе персонажи—очень хороши и сливаются въ вашемъ воображеніи съ лицами пьесы въ цѣльное представленіе. Менѣе удачны—Поля и Нилъ, въ особенности послѣдній, похожій скорѣе на стереотипнаго «добраго русскаго молодца», чѣмъ на простого, безпритязательнаго Нила пьесы. Излишній реализмъ въ нѣкоторыхъ сценахъ стираетъ неуловимый оттѣнокъ идеализаціи, который въ пьесѣ только усиливаетъ впечатлѣніе жизнерадостности,—на сценѣ, напримѣръ, любовные восторги Нила и Поли просто пошлы, чего и тѣни нѣтъ въ самой пьесѣ. Вообще, Художественный театръ, по обыкновенію, слишкомъ щеголяетъ внѣшними мелочами и недостаточно силенъ талантами для возсозданія глубокихъ и сильныхъ внутреннихъ сторонъ, которыми такъ богаты «драматическія сцены» Горькаго.

Тѣмъ не менѣе, въ репертуарѣ этого театра «Мѣщане» займутъ по праву одно изъ первыхъ мѣстъ не только какъ яркія картины мѣщанской жизни, но и по настроенію, полному бодрости и вѣры въ жизнь, въ людей, въ лучшее будущее.

Почти одновременно русское общество и литература понесли три тяжелыхъ утраты: умерли два писателя, Нефедовъ и Гл. Успенскій, и педагогъ и литераторъ Викторъ Петровичъ Острогорскій, редакторъ нашего журнала. Всѣ они—люди разнаго общественнаго калибра и значенія, но было въ нихъ и одно общее, дѣлающее эту тройную утрату особенно знаменательной и тяжкой. Въ лицѣ ихъ сошли съ общественной арены трое великихъ идеалистовъ-шестидесятниковъ, сохранившихъ свято и ненарушимо тотъ священный огонь чистѣйшихъ идеаловъ—любви, добра и красоты, съ которыми они выступили на зарѣ личной своей жизни, въ великую эпоху обновленія русской жизни вообще. Глѣбъ Ивановичъ закончилъ свое общественное служеніе раньше, разбитый и потрясенный тяжелыми условіями, при которыхъ шла наша общественная жизнь за послѣднее десятилѣтіе. Нефедовъ до послѣдняго времени работалъ, и какъ писатель и какъ вѣрный другъ народа, который въ лицѣ московскихъ рабочихъ такъ трогательно провожалъ его къ мѣсту послѣдняго успокоенія. Викторъ Петровичъ умеръ внезапно, еще за четыре дня до смерти, 27-го марта, подписавъ послѣднія корректуры апрѣльской книги нашего журнала.

Крѣпкую закалку получили эти люди шестидесятыхъ годовъ, и сорокъ лѣтъ неустаннаго труда не ослабили въ Острогорскомъ ни его рабочей способности, ни его живого, почти юношескаго отношенія къ любимой дѣятельности и общественнымъ интересамъ. Сорокъ лѣтъ работалъ онъ, какъ учитель, словомъ и перомъ проводя въ жизнь дорогія ему идеи любви къ людямъ, правдѣ и свѣту, идеи, которыя онъ вынесъ изъ великой эпохи реформъ, когда впервые загорѣлась искра общественной жизни. Вмѣстѣ съ знаменитыми создателями русской педагогической школы, Водовозовымъ, Стоюнинымъ и Ушинскимъ, онъ, ихъ ученикъ и товарищъ, съ юношескимъ жаромъ продолжалъ ихъ дѣло, передавая тысячамъ учениковъ и ученицъ дорогія этимъ людямъ завѣты русской литературы и правильнаго воспитанія. Въ теченіе всей жизни, и какъ учитель, и какъ писатель, Викторъ Петровичъ отличался однимъ великимъ и рѣдкимъ у насъ качествомъ—цѣльностью личности, незыблемой вѣрой въ силу правды и неуклоннымъ проведеніемъ ея въ жизнь. Никакихъ колебаній и уступокъ не сдѣлалъ онъ на всемъ протяженіи трудной и тернистой дороги педагога и писателя, и сошелъ въ могилу такимъ же чистымъ идеалистомъ, восторженнымъ проповѣдникомъ правды и любви къ людямъ, какимъ выступилъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ. Русская жизнь, видѣвшая столько измѣнъ и перемѣнъ, мало знаетъ такихъ подвижниковъ, и только когда мы ихъ хоронимъ, пустота, наступающая послѣ нихъ, даетъ намъ понять, что̀ мы въ нихъ потеряли...

Викторъ Петровичъ принадлежалъ къ числу тѣхъ рѣдкихъ людей, которые органически неспособны отдѣлить себя отъ общественнаго дѣла, и всякій шагъ его былъ связанъ съ тѣмъ или инымъ общественнымъ начинаніемъ. Оттого, подводя итоги этой прекрасной труженической жизни, мы не видимъ въ ней ничего личнаго, себялюбиваго или узко-эгоистическаго: вездѣ предъ нами, въ той или иной роли, скромный, живой и беззавѣтно преданный общественный дѣятель, для котораго его маленькое «я» всецѣло сливается съ общественнымъ дѣломъ, съ интересами школы или литературы. Какъ учитель, какъ лекторъ

на каѳедрѣ, какъ писатель или какъ редакторъ, Викторъ Петровичъ всегда неизмѣненъ. Онъ вѣритъ прежде всего въ людей и жизнь, любитъ ихъ и жертвуетъ всѣмъ для нихъ. Добрый до полной неразсчетливости, онъ никому не можетъ отказать, разъ видитъ въ человѣкѣ искреннее стремленіе къ свѣту и правдѣ, и даже многочисленные уроки жизни не оказываютъ на него никакого вліянія въ этомъ отношеніи. Страстно преданный литературѣ, онъ подчасъ не зналъ, какъ справиться съ массой «трудовъ» добровольцевъ-писателей, заваливавшихъ его послѣдніе годы, какъ редактора большого популярнаго журнала, но никому и никогда не рѣшался отказать въ указаніяхъ и руководствѣ. Нерѣдко онъ былъ настоящимъ мученикомъ своей доброты, и приходилось просто насильно выручать его изъ-подъ бремени этой массы рукописей. Уроки, чтеніе лекцій, писаніе статей и безконечное количество рукописей вмѣстѣ съ обязательной перепиской по поводу ихъ—такова была атмосфера жизни его послѣднихъ лѣтъ, въ которой онъ горѣлъ, какъ свѣча, сжигаемая съ двухъ концовъ, не замѣчая, что годы берутъ свое. Въ этомъ отношеніи онъ былъ истинно русскій общественный дѣятель, не умѣющій и не могущій беречь свои силы...

Въ нашемъ журналѣ, съ первыхъ самыхъ трудныхъ дней его существованія, онъ былъ настоящимъ редакторомъ-другомъ, который въ каждомъ сотрудникѣ видѣлъ близкаго себѣ человѣка и готовъ былъ поощрить каждую попытку, каждое робкое начинаніе. Болѣе бережнаго отношенія къ только что выступающимъ писателямъ я не знаю, и не могу не поставить Виктору Петровичу въ огромную заслугу предъ родной литературой, что много полезныхъ работниковъ было имъ создано и выдвинуто такимъ образомъ. Въ сложномъ и отвѣтственномъ дѣлѣ редактированія онъ былъ до извѣстной степени такимъ же педагогомъ, какъ и въ школѣ. Развивать, учить, поощрять и исправлять—вотъ тѣ начала, которыми онъ руководствовался, постепенно объединяя въ журналѣ все больше и больше опытныхъ работниковъ, отводя каждому мѣсто, больше всего отвѣчающее его достоинствамъ и силамъ. Всегда обаятельный въ личныхъ отношеніяхъ, чрезвычайно доступный и дѣтски-незлобивый, онъ очаровывалъ посѣтителей въ свои пріемные дни, чѣмъ не мало содѣйствовалъ популярности журнала, въ которомъ каждый новый сотрудникъ скоро чувствовалъ себя, какъ родномъ кругу. Но онъ же становился неузнаваемымъ; когда при немъ задѣвались дорогіе ему принципы, и тогда немыслима была никакая уступка, никакой компромисъ. Въ старикѣ просыпался въ такія минуты настоящій боецъ-шестидесятникъ, рѣзко и безпощадно отдѣлывавшій противника, по недоразумѣнію залетѣвшаго въ редакцію «Міра Божьяго». Правда, такихъ недоразумѣній было немного, такъ какъ слишкомъ хорошо всѣ знали, каковы взгляды и направленіе Виктора Петровича. Эта неизмѣнная преданность взглядамъ своей молодости и ревность къ нимъ отнюдь не дѣлали его консерваторомъ, не желавшимъ признавать новыхъ вѣяній и теченій. Напротивъ, онъ широко открывалъ страницы своего журнала молодымъ настроеніямъ и, даже не соглашаясь съ нѣкоторыми новыми теченіями въ искусствѣ, напр., охотно допускалъ ихъ, находя, что «надо дать высказаться», чтобы читатели были освѣдомлены обо всемъ, что новаго происходитъ въ области идей и направленій. Несмотря на

свои годы, онъ очень любилъ «молодежь» въ литературѣ, «новые всходы», какъ онъ ихъ называлъ, и требовалъ только одного—«помягче», безъ лишней рѣзкости, не обижая «стариковъ», чѣмъ и сглаживалъ рѣзкости полемики. За каждымъ онъ признавалъ широкое право свободно излагать свои взгляды, если они не шли противъ основныхъ принциповъ общественности, усвоенныхъ имъ въ молодости: прогресса, гуманности, знанія и широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, свободы и, прежде всего, вѣры въ людей. Эта вѣра была въ немъ незыблема и поддерживала его въ самыя мрачныя минуты. Ее онъ не уставалъ проповѣдывать и устно, и перомъ, поддерживая ее въ другихъ и укрѣпляя всѣми доводами ума и сердца. Она-то и давала ему силы пережить тяжкія минуты русской жизни и донести до могилы незапятнанными идеалами молодости, не поступившись ничѣмъ отъ благородныхъ завѣтовъ своихъ великихъ учителей—Бѣлинскаго, Добролюбова, Чернышевскаго, память которыхъ онъ чтилъ съ трогательной благодарностью.

Такова была эта жизнь, такъ внезапно пресѣкшаяся, жизнь, чистая, полная труда, преданная добру и людямъ. Умирая, онъ могъ бы съ полнымъ правомъ сказать, что ни одно слово его, ни одинъ поступокъ не причинили никому зла, а все добро, которое онъ могъ совершить,—онъ совершилъ. Нѣсколько поколѣній воспитано имъ, сотни тысячъ читателей развивались на его произведеніяхъ или руководимыхъ имъ журналахъ, тысячи слушателей вынесли изъ его лекцій благородную вѣру въ силу любви, добра и красоты, и всею своею жизнью онъ является прекраснымъ примѣромъ истиннаго служителя правды и свободы, вѣрнымъ и прекраснымъ представителемъ самой свѣтлой эпохи въ русской исторіи—эпохи великихъ реформъ. И мы убѣждены, что память о нашемъ незабвенномъ редакторѣ всегда будетъ связана съ незабвеннымъ временемъ шестидесятыхъ годовъ.

А. Богдановичъ.

Глѣбъ Успенскій.

24-го марта, послѣ многихъ безпросвѣтныхъ лѣтъ тяжелой душевной болѣзни, скончался выдающійся русскій писатель, художникъ и публицистъ, Глѣбъ Ивановичъ Успенскій.

Тѣсные ряды могилъ, усѣивающихъ «Литературные мостки» Волкова кладбища, пополнились одной новой; но украшающіе ее теперь вѣнки и цвѣты, свидѣтельствуя о любви и скорби живущихъ, мало или даже ничего не говорятъ о томъ, прахъ котораго скрытъ подъ этимъ свѣжимъ и наряднымъ холмомъ могилы. И намъ представляется здѣсь въ близкомъ будущемъ скромный и строгій, аскетическаго типа памятникъ, въ мраморъ котораго врѣзана простая короткая надпись:

«*Свѣтить можно только сгорая*».

Эти четыре слова, принадлежащія извѣстному венгерскому поэту Александру Петефи, обнимаютъ и объясняютъ не только литературное и общественное зна-

ченіе Успенскаго, но и весь внутренній міръ этой обаятельной личности, также какъ и ея трагическую судьбу. Интеллигенція,—писалъ Успенскій,—«всегда—*свѣтъ*, и только то, что свѣтитъ, или тотъ, кто свѣтитъ, и будетъ исполнять интеллигентное дѣло, интеллигентную задачу. Въ полѣ—грѣютъ сучья хвороста, въ избѣ—лучина, въ богатомъ домѣ—лампа. Но вездѣ разными способами задача исполняется одна и та же: *во тьму вносится свѣтъ*» («Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 701). Успенскій, даже съ точки зрѣнія *такого* опредѣленія понятія интеллигенціи, былъ интеллигентомъ высшаго типа. Онъ свѣтилъ и въ то же время горѣлъ и сгоралъ въ яркомъ пламени своего огромнаго дарованія, озарявшаго самыя сокровенныя глубины русской народной жизни.

Намъ вспоминается чудная легенда, которую съ такимъ увлеченіемъ разсказывала М. Горькому «старуха Изергиль».

«Тамъ были болота и тьма, потому что лѣсъ былъ старый, и такъ густо переплелись его вѣтви, что сквозь нихъ не видать было неба, и лучи солнца еле могли пробить себѣ дорогу до болотъ сквозь густую листву. Но когда его лучи падали на воду болотъ, то подымался смрадъ, и отъ него люди гибли одинъ за другимъ. Тогда стали плакать жены и дѣти этого племени, а отцы задумались и впали въ тоску...» И вотъ явился Данко. «Его сердце вспыхнуло яркимъ огнемъ желанія спасти ихъ и вывести на легкій путь...» И онъ повелъ ихъ, но когда они истомились тяжелой дорогой, среди пугавшей ихъ темноты, Данко «разорвалъ руками себѣ грудь и вырвалъ изъ нея свое сердце и высоко поднялъ его надъ головой. Оно же пылало такъ ярко, какъ солнце, и ярче солнца, и весь лѣсъ замолчалъ, освѣщенный этимъ факеломъ любви къ людямъ...»

Такимъ же Данко былъ для насъ Успенскій, и поднятый имъ «факелъ любви къ людямъ»—его собственное болѣвшее о «не своемъ горѣ» сердце и его напряженно, страстно работавшая мысль—сгорали медленно, постепенно, но совершенно явственно—на глазахъ не только близкихъ ему людей, но и многихъ его читателей, съ трепетнымъ чувствомъ наблюдавшихъ этотъ страшный пожаръ мысли и сердца дорогого для нихъ автора *).

Успенскій выступилъ на литературное поприще, когда,—по его же словамъ,—«большого художника, съ большимъ сердцемъ ожидало полчище народа, забо-

---

*) Намъ кажется, между прочимъ, что именно этотъ замѣтный для другихъ пожаръ сердца и мысли Успенскаго имѣетъ въ виду Н. К. Михайловскій, указывая что его любовь къ Гл. Ив. осложнялась, съ одной стороны, *чувствомъ жалости* (курсивъ нашъ), а съ другой—почтеніемъ къ его блестящему таланту и высокимъ нравственнымъ качествамъ («Литература и Жизнь», «Русск. Богатство», III, 1902). Г. Михайловскій увѣренъ, что «сочетаніе жалости и почтенія—знакомо всѣмъ, кто имѣлъ счастье сколько-нибудь близко знать Успенскаго». Мы этого счастья не имѣли, и тѣмъ не менѣе мы отчетливо помнимъ и свое личное настроеніе, и настроеніе другихъ постоянныхъ читателей Успенскаго, съ нервнымъ нетерпѣніемъ поджидавшихъ появленія каждой новой статьи любимаго автора: въ настроеніи, съ какимъ мы приступали къ чтенію, точно также глубокое почтеніе къ автору сплеталось съ жалостью. Не то же ли сложное чувство возбуждаетъ въ насъ личность героя, сознательно жертвующаго собою во имя принципа? *Вл. К.*

лѣвшаго новою, свѣтлою мыслью, народа немощнаго, изувѣченнаго и двигающагося волей-неволей по новой дорогѣ и, несомнѣнно, къ свѣту. Сколько тутъ фигуръ, прямо легшихъ пластомъ, отказавшихся идти впередъ; сколько тутъ умирающихъ и жалобно воющихъ на каждомъ шагу, сколько бодрыхъ, смѣлыхъ, настоящихъ, сколько злыхъ, оскалившихъ отъ злости зубы! И все это — рвущееся съ пути, разбѣшенное, немощное, все это рвется съ дороги только потому, что это — новая дорога, новая мысль, и злится только потому, что не можетъ или не хочетъ помириться съ новой мыслью. Словомъ—все это скопище терзается или радуется и смѣло идетъ впередъ потому только, что надъ всѣмъ тяготѣетъ одна и та же болѣзнь сердца, боль вторгнувшейся въ это сердце правды, убивающая и мучащая однихъ и наполняющая душу другихъ несокрушимою силою. Минута, ожидающая сильный и могучій талантъ, который, несомнѣнно, долженъ родиться среди такой массы глубокихъ сердечныхъ страданій» («Сочиненія», I, 521). Успенскій проглядѣлъ, что этотъ «большой художникъ съ большимъ сердцемъ» уже народился, что это — онъ самъ, съ такой силой художественной правды изображающій именно эту «рвущуюся съ пути» массу, въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. И онъ не только проглядѣлъ этотъ очевидный для всѣхъ его читателей фактъ. Мало того, онъ сознательно мѣшалъ развиться своему, несомнѣнно, огромному художественному дарованію, которое ярко обнаружилось въ его первыхъ же литературныхъ опытахъ. Разсказывая въ предисловіи къ изданію своихъ сочиненій въ 1883 г. о своихъ литературныхъ дебютахъ, Успенскій писалъ: «Общество требовало отъ литературы—и имѣло на это право—многосложной и внимательной работы». Художественное воспроизведеніе жизни онъ не могъ признать такой работой: его «внутреннее сознаніе» говорило ему о «ненужности этого дѣла». «Все это не то!» думалось тогда, и, вслѣдствіе этого, матеріалъ обрабатывался плохо, «кой-какъ», появляясь въ видѣ «отрывковъ», безъ начала и конца»... Словомъ, здѣсь мы встрѣчаемся съ тѣми же мотивами, которые знакомы намъ и въ поэзіи Некрасова:

.... Намъ ли, бѣднякамъ,
На отвлеченныя природы наслажденья
Свободы краткія истрачивать мгновенья!

Но это были только логическія построенія, увѣнчивавшія и санкціонировавшія тотъ внутренній процессъ, который совершался въ душѣ писателя. Тамъ разгорался уже тотъ пожаръ мысли и сердца, для котораго обиліе внѣшнихъ впечатлѣній перестраивавшейся на новый ладъ жизни служило богатымъ горючимъ матеріаломъ и первой жертвой котораго явилась способность художественной изобразительности. Подаривъ читателей въ первомъ періодѣ своей литературной дѣятельности нѣсколькими болѣе или менѣе цѣльными художественными произведеніями, безъ попытокъ объяснить изображаемыя явленія при помощи той или иной теоріи, Успенскій не долго выдерживаетъ эту несоотвѣтствующую ему роль спокойнаго безпристрастнаго наблюдателя. Подъ наплывомъ впечатлѣній, которыя поддерживаютъ его мысль въ постоянномъ возбужденіи, ему некогда задумываться надъ формой. Форма стѣсняетъ его, и

онъ пишетъ свои произведенія—какъ свидѣтельствуетъ Н. К. Михайловскій въ «литературной характеристикѣ»—не «вынашивая» и не «обставляя» ихъ. Впечатлѣніе, полученное имъ отъ того или иного поразившаго его факта, навѣянная этимъ фактомъ мысль, «тутъ же, чуть не въ тотъ же самый день записывались на бумагу, а исписанная бумага отправлялась въ типографію клочками, по мѣрѣ того, какъ работа подвигалась впередъ». При такихъ условіяхъ не могло быть и рѣчи о соблюденіи какихъ бы то ни было требованій, обязательныхъ для художника, да и «какая же это словесность?—восклицаетъ самъ Успенскій, обращаясь къ читателю во «Власти земли»:—это просто черная работа литературы, а съ словесностью, вѣроятно, надобно покуда повременить».

Отказавшись отъ своего художественнаго дарованія, какъ отъ самостоятельной, самодовлѣющей творческой силы, Успенскій отвелъ ему подчиненное мѣсто въ своей публицистической дѣятельности, которая все сильнѣе и сильнѣе захватывала его. Впрочемъ, къ публицистикѣ произведенія Успенскаго можно отнести только условно. Эта «публицистика»—явленіе весьма своеобразное въ нашей литературѣ, и подыскать ей точное названіе мудрено. Это былъ рядъ фейерверковъ, въ которыхъ горящія искры мысли сочетались съ безконечною вереницею живыхъ и яркихъ образовъ, легко и свободно запечатлѣвавшихся въ памяти читателей. Отъ публицистики произведенія Успенскаго рѣзко отличались, кромѣ того, отношеніемъ автора къ явленіямъ, которыя онъ имѣлъ въ виду освѣтить и объяснить читателямъ. Нечего, разумѣется, было и ждать отъ Успенскаго спокойнаго анализа явленій. Быть можетъ, одинъ только разъ въ жизни онъ примѣнилъ къ своимъ наблюденіямъ «строго научный методъ», какъ шутливо называетъ онъ свою пассивную роль въ присутствіи задыхающейся отъ усталости бабы («Четверть лошади»), но и тутъ онъ сознается, что «положительно не перенесъ бы дальнѣйшей строгости въ сохраненіи себя на научной точкѣ зрѣнія, если бы въ самомъ дѣлѣ къ видѣнному можно было бы добавить что-нибудь еще». Въ этой неспособности Успенскаго отойти отъ наблюдаемой имъ жизни, оторваться отъ нея хоть на короткое время, необходимое для объективнаго ея изученія, заключается его слабое мѣсто, какъ публициста. Но въ этомъ же, вмѣстѣ съ тѣмъ, надо искать разгадку того обаянія, какимъ было окружено въ 70-е и 80-е годы имя Успенскаго, безраздѣльно владѣвшаго сердцами читателей. «Публицистика» Успенскаго была сильна не разрѣшеніемъ вопросовъ, а ихъ постановкой, честной, искренней и мужественно-смѣлой. Въ его «замѣткахъ» и «отрывкахъ», рѣдко законченныхъ, но всегда оригинальныхъ и содержательныхъ въ каждой своей строчкѣ, Успенскій выпукло и ярко ставилъ цѣлый рядъ вопросовъ, безъ которыхъ наше знаніе современной намъ Россіи вообще, а народной жизни въ особенности было бы слишкомъ недостаточнымъ, слишкомъ неполнымъ. Пусть многіе изъ этихъ вопросовъ и сейчасъ еще остаются спорными въ нашей экономической литературѣ и въ публицистикѣ; пусть отвѣты Успенскаго на эти вопросы признаются черезчуръ рѣшительными и недостаточно обоснованными, но важно то, что спорящія стороны при разрѣшеніи вопроса безъ внимательнаго изуче-

нія сочиненій Успенскаго, во всякомъ случаѣ, не обойдутся и непремѣнно, волей-неволей, придутъ къ нему за постановкой вопроса. Здѣсь онъ одинъ внесъ столько свѣта, сколько не могутъ дать десятки самыхъ добросовѣстныхъ спеціальныхъ изслѣдователей, потому что этимъ свѣтомъ былъ онъ самъ,—его огнемъ пылавшія сердце и мысль. Тридцать лѣтъ длился этотъ пожаръ, и можно было только поражаться безмѣрной выносливости человѣка. Но вотъ еще нѣсколько послѣднихъ искръ, уже менѣе яркихъ и жгучихъ, и силы человѣческія надорвались,—огонь погасъ. И тотъ, кто такъ самоотверженно освѣщалъ намъ дорогу среди царящей темноты жизни, самъ погрузился въ глубокій и безысходной мракъ, въ сравненія съ которымъ даже непроницаемый мракъ могилы кажется желаннымъ и благодатнымъ проблескомъ.

При той субъективности, которой окрашена вся литературная дѣятельность Г. И. Успенскаго, и при безусловной правдивости и искренности его натуры, произведенія его могутъ служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для будущаго его біографа. Это же подтверждаетъ и самъ Успенскій, сказавъ, что вся его «новая біографія, послѣ забвенія старой, пересказана почти изо дня въ день» въ его книгахъ. «Больше,—утверждаетъ онъ,—у меня ничего въ личной жизни не было и нѣтъ...» Въ самомъ дѣлѣ, многія и, быть можетъ, лучшія страницы, написанныя Успенскимъ, носятъ на себѣ несомнѣнную печать автобіографическаго происхожденія, и г. Горнфельдъ, напримѣръ, дѣлаетъ на нашъ взглядъ весьма правдоподобное предположеніе, что Тяпушкинъ едва ли не самое автобіографическое созданіе Успенскаго, скорбный обликъ котораго съ большой силой и яркостью проступаетъ за фигурой этого горемычнаго героя, появляющагося къ тому же въ произведеніяхъ автора не одинъ разъ. «Онъ вложилъ въ него,—говоритъ г. Горнфельдъ,—лучшія движенія своей правдивой, чистой и любящей души; въ немъ онъ признался въ своихъ паденіяхъ; въ немъ торжествовалъ свою лучшую побѣду—побѣду совѣсти» *).

Но во всякомъ случаѣ и для того даже, чтобы только использовать тотъ автобіографическій матеріалъ, который заключается въ сочиненіяхъ Успенскаго, необходимо прежде найти опорные пункты во внѣшнихъ, твердо установленныхъ фактахъ личной жизни писателя. Къ сожалѣнію, такихъ фактовъ изъ жизни Успенскаго наша литература даетъ пока очень немного, и всѣ скудныя свѣдѣнія наши по этому предмету почти исчерпываются въ настоящее время краткой автобіографической запиской писателя **) да «Матеріалами для біографіи Г. И. Успенскаго», опубликованными недавно Н. К. Михайловскимъ ***).

Насколько недостаточны эти свѣдѣнія, можно судить уже изъ того, что даже годъ рожденія Успенскаго нельзя считать установленнымъ. Такъ, г. Васинъ («Русское Богатство» 1894 г.) даетъ 31-е октября 1843 г., какъ дату рожденія писателя, тогда какъ г. Скабичевскій, основываясь, кажется, на указа-

*) «На славномъ посту».—«Эстетика Гл. Успенскаго», стр. 298.

**) См. «Исторію новѣйшей русской литературы» А. М. Скабичевскаго. Спб. 1891 г., стр. 268—280, гдѣ разсѣяны отрывки изъ автобіографіи.

***) «Русское Богатство», 1902 г. кн. III, «Литература и Жизнь».

ніяхъ самого Успенскаго, считаетъ датой его рожденія 14-е ноября 1840 г. Затѣмъ, тотъ же г. Скабичевскій въ двухъ разныхъ мѣстахъ цитируемой нами книги называетъ отца Глѣба Ивановича то секретаремъ палаты государственныхъ имуществъ (стр. 226), то секретаремъ казенной палаты (стр. 268). Такимъ образомъ, чтобы избѣжать ошибки, приходится еще болѣе сократить тѣ скудныя фактическія свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о его жизни сейчасъ въ своемъ распоряженіи, и ограничиться лишь самыми общими указаніями.

Г. И. Успенскій, приходившійся, кстати сказать, двоюроднымъ братомъ почти совершенно забытому теперь писателю Николаю Васильевичу Успенскому, родился въ Тулѣ, въ семьѣ чиновника средней руки. Въ Тулѣ онъ провелъ свое дѣтство и здѣсь же, до 1856 г., учился въ гимназіи, окончить курсъ которой ему пришлось въ Черниговѣ, въ 1861 г. Затѣмъ онъ побывалъ въ двухъ университетахъ, петербургскомъ и московскомъ, но вышелъ, не окончивъ курса. Объ этомъ раннемъ періодѣ жизни Успенскаго мы имѣемъ свѣдѣнія отъ самаго писателя,—свѣдѣнія, опять-таки лишенныя какихъ бы то ни было фактическихъ указаній, но въ высшей степени цѣнныя для выясненія основной черты его характера—страшной, болѣзненной чуткости.

«Вся моя личная жизнь, — говоритъ онъ въ своей автобіографической запискѣ,—вся обстановка моей личной жизни до 20-ти лѣтъ, обрекала меня на полное затменіе ума, полную погибель, глубочайшую дикость понятій, неразвитость и вообще отдѣляла отъ жизни бѣлаго свѣта на неизмѣримое разстояніе. Я помню, что я плакалъ безпрестанно, но не зналъ, отчего это происходитъ. Не помню, чтобы до 20-ти лѣтъ сердце у меня когда-нибудь было на мѣстѣ. Вотъ почему, когда настаілъ 61-й годъ, взять съ собою въ «дальнюю дорогу» что-нибудь *изъ моего прошлаго* было рѣшительно невозможно—ровно ничего, ни капельки; напротивъ, для того, чтобы *жить* хоть какъ-нибудь, надобно было непремѣнно до послѣдней капли *забыть все* это прошлое, истребить въ себѣ всѣ внѣдренныя имъ качества. Нужно было еще претерпѣть все то разореніе невольной неправды, среди которой пришлось жить мнѣ годы дѣтскіе и юношескіе, надо было потратить годы на эти непрестанныя похороны людей, среди которыхъ я выросъ, которые исчезали со свѣта безропотно, какъ погибающіе среди моря, зная, что никто не можетъ имъ помочь и спасти, что «не тѣ времена...» Слѣдовательно, начало моей жизни началось только послѣ *забвенія моей собственной біографіи*, а затѣмъ и личная жизнь, и жизнь литературная стали созидаться во мнѣ одновременно *собственными средствами...*» (Курсивъ вездѣ Успенскаго) *).

Право, если-бы рѣчь шла не объ Успенскомъ и если бы она исходила не отъ него самого, можно было-бы усумниться въ возможности такой гипертрофированной (чуткости къ «неправдѣ» жизни. Но Успенскому *надо* вѣрить безусловно. Ему *можно* вѣрить, потому что эта же чуткость къ неправдѣ, вольной и невольной, исторгавшая безпрестанныя слезы у мальчика, а въ період его сознательной жизни выражавшаяся въ стремленія уйти отъ неправды

*) «Исторія новой русской литературы», стр. 268.

въ прошломъ, до полнаго его «забвенія», эта-же чуткость, даже возрастающая съ годами, характерна для всей литературной дѣятельности Успенскаго; съ проявленіями ея же мы встрѣчаемся и въ біографическихъ данныхъ, относящихся къ болѣе позднему періоду его жизни. Въ «матеріалахъ», опубликованныхъ г. Михайловскимъ, есть одно письмо Успенскаго, гдѣ воспроизводится настроеніе, съ изумительнымъ, до мелочей, сходствомъ повторяющее знакомое намъ настроеніе, которое сопутствовало Успенскому при разставаніи съ «ученическими годами». Въ этомъ письмѣ Успенскій разсказываетъ о томъ, какъ онъ, сидя въ Перми и занимаясь книгами, вдругъ услышалъ какой то отдаленный звукъ, «будто бубенчики звенятъ или, какъ въ Ленкорани, караванъ идетъ съ колокольчиками, далеко-далеко». Скоро выяснилось, что это проходитъ партія арестантовъ: «все знакомыя лица, и мужики, и господа, и воры, и политическіе, и бабы, и все, все наше, изъ нутра русской земли,—человѣкъ не менѣе 1.500, все это валило въ Сибирь изъ этой Россіи. И меня такъ потянуло вслѣдъ за ними, какъ никогда въ жизни не тянуло ни въ Парижъ, ни на Кавказъ, ни въ какія бы то ни было мѣста, гдѣ виды хороши, а нравы еще того превосходнѣй. Вѣдь эти люди—отборный продуктъ тѣхъ русскихъ условій жизни, той путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смѣлости, среди которыхъ живемъ мы, не сосланные, томимся, скучаемъ, мучаемся, пьемъ чай съ вареньемъ отъ скуки, время и лжемъ и опять мучаемся: всѣ *эти*, отъ воровъ до политическихъ, *не выдержали* этой жизни, и ихъ тащутъ въ новыя мѣста. И мнѣ *охотой*, а не на цѣпи захотѣлось необузданно идти на новыя мѣста, мнѣ также не подходитъ «жить» (а не бороться) съ людьми, съ которыми (и которымъ) приходится много лгать, безплодно, бездѣльно, и изживать русскій теперешній вѣкъ—безвѣстно, неинтересно, безвкусно и неумно... Отчего переселяются только мужики, а интеллигенцію тащатъ на цѣпи? И намъ надо бросать добровольно запутанныя, тяжкія, ненужныя отношенія, хотя бы они и были старыя, привычныя, и искать и мѣстъ, и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй» *).

Письмо безъ даты, но по всѣмъ признакамъ его слѣдуетъ отнести къ концу 80-хъ годовъ. И тѣмъ интереснѣе это тожество настроенія въ началѣ и на исходѣ сознательной жизни Успенскаго. Есть, правда, одна деталь, какъ будто нарушающая тожество. Тамъ онъ уже порвалъ съ неправдою прошлой жизни, уже бросилъ ее до полнаго забвенія; здѣсь онъ только *собирается* уйти отъ неправды окружающей его жизни, только *собирается* «искать мѣстъ и людей, съ которыми можно чувствовать себя искреннѣй и сильнѣй». Но это различіе несущественное. Если въ этомъ случаѣ Успенскій, опутанный цѣпями обязательствъ (надо было «устроить семью на всю зиму, покончить съ писаніемъ, изданіемъ и т. д.», какъ прибавлялъ онъ въ концѣ письма) и не успѣлъ осуществить своего намѣренія, то вообще вся его жизнь состояла въ поискахъ той «правды» отношеній, которая непрестанно манила его съ одного мѣста на

*) «Русск. Богатство». «Литература и жизнь». Кн. III. 1902 г., стр. 37.

другое и непрестанно разочаровывала, заставляя его переживать въ итогахъ каждаго изъ такихъ поисковъ лишь «адское душевное состояніе».

Только что онъ навсегда порвалъ съ неправдою своего дѣтства и юношества и выступилъ (надо замѣтить—съ большимъ успѣхомъ) въ литературѣ, какъ чуткое ко всякой неправдѣ сердце его подмѣчаетъ большіе недочеты правды и въ литературной средѣ, въ которой онъ сразу же почувствовалъ себя совершенно одинокимъ. «Несомнѣнно—говоритъ въ автобіографіи Успенскій о своихъ литературныхъ товарищахъ того времени—народъ этотъ былъ душевный, добрый и глубоко талантливый; но питейная драма, питейная болѣзнь, похмелье и вообще разслабленное состояніе, извѣстное подъ именемъ «послѣ вчерашняго», занимало въ ихъ жизни слишкомъ большое мѣсто». Эта «сивушная гибель» литераторовъ явилась, по мнѣнію Успенскаго, слѣдствіемъ того, что ихъ захватила новая жизнь, «такая, что завтрашній день не могъ быть даже и предвидѣнъ». Литераторъ совершенно растерялся въ потокѣ нахлынувшей на него новой жизни, не могъ оцѣнить ее: «даже малѣйшихъ опредѣленныхъ взглядовъ на общество, на народъ, на цѣли русской интеллигенціи ни у кого рѣшительно не было». Не было у нихъ—говоритъ дальше Успенскій — и читателя, «они писали неизвѣстно для кого и хвалили только другъ друга». Вообще все въ журнальномъ мірѣ въ этотъ періодъ (1863—1868) падало и разрушалось. «Современникъ» сталъ тусклъ, а потомъ былъ и закрытъ, «Русское Слово» тоже закрыто, и всѣ маломальски видные дѣятели разбрелись, исчезли. Стали появляться какія-то темныя изданія съ темными издателями... Когда же, наконецъ, въ 1868 г. основаны были «Отечественныя Записки», то первое время, пока дѣло только налаживалось и складывалось, въ нихъ тоже было мало уюта... «Жить въ неустановившемся и неуютномъ обществѣ большею частью до послѣдней степени изломанныхъ писателей (съ новыми я едва встрѣчался еще) не было никакой возможности, и я—заканчиваетъ Успенскій отчетъ объ этомъ періодѣ своей жизни—уѣхалъ за границу»... *).

Это было въ 1871 г., и здѣсь, слѣдовательно, мы застаемъ Успенскаго въ тотъ моментъ, когда онъ во второй разъ рѣшительно отсѣкаетъ себя отъ нездоровой, питающейся неправдой обстановки и ищетъ новыхъ мѣстъ и новыхъ, и болѣе скренныхъ иболѣе сильныхъ людей. Въ Парижъ онъ попалъ послѣ коммуны, видѣлъ израненный прусскими и коммунарскими пулями городъ, видѣлъ, какъ буржуазія праздновала свою кровавую побѣду, массами приговаривая къ смерти своихъ пораженныхъ противниковъ. Конечно, это было не то, чего искалъ Успенскій, но уже одна невозможность самому окунуться въ чужую для него жизнь, необходимость волей-неволей стоять въ сторонѣ отъ этой жизни, лишь присматриваясь и наблюдая ее, создала для него на время сравнительно спокойную обстановку, которой онъ никогда—ни раньше, ни послѣ—не имѣлъ на родинѣ. Неудивительно поэтому, что о своей двухкратной поѣздкѣ за-границу Успенскій вспоминаетъ съ чувствомъ нѣкотораго удовлетворенія и посвящаетъ ей въ своей автобіографической запискѣ слѣдующія короткія, но характерныя строки: «Я мало писалъ

*) «Исторія нов. русск. литер.», стр. 270.

объ этомъ (о заграничномъ своемъ пребываніи), но многому поучился, много записалъ добраго въ мою душевную родословную книгу навсегда»... Но, разумѣется, «бѣгство» Успенскаго за-границу могло быть лишь маленькимъ вставнымъ эпизодомъ въ его біографіи. Не ему, болѣющему недугами своей бѣдной родины, сидѣть въ покойной позѣ созерцателя жизни, въ которую онъ не можетъ вмѣшаться. И вотъ послѣ второй своей заграничной поѣздки, въ которой онъ пробылъ два года, онъ ѣдетъ въ 1876 г. въ Сербію, гдѣ въ это время онъ долженъ былъ застать русскихъ добровольцевъ, быть можетъ, представлявшихся ему издали въ самомъ привлекательномъ видѣ безкорыстныхъ и мужественныхъ борцовъ за идею. «И объ этомъ—замѣчаетъ онъ въ автобіографіи—я мало писалъ, но много передумалъ и навѣки много опять-таки взялъ въ свою душевную родословную»... Почти то же замѣчаніе, какое мы уже слышали отъ него о пребываніи въ Зап. Европѣ,—*почти*, за исключеніемъ выпущеннаго здѣсь эпитета «добрый». Тамъ онъ взялъ «много добраго», здѣсь—просто «много»,—чего? Отвѣтъ на этотъ вопросъ мы найдемъ въ бесѣдѣ Успенскаго съ добровольцемъ Долбежниковымъ, въ разсказѣ «Не воскресъ» *). Оказывается, что и война-то началась далеко не изъ-за высокихъ побужденій, а просто «изъ-за свинины», которую сербскіе купцы захотѣли продавать не сырою, какъ прежде, подъ опекою Турціи, а уже копченою; что и доброволецъ русскій показалъ себя въ Сербіи далеко не героемъ, идущимъ на подвигъ, какъ это требовало отъ него имъ же самимъ принятое на себя положеніе. Ѣхали домой наши добровольцы въ настроеніи, близко подходящемъ къ «тоскѣ гимназиста, возвращающагося въ гимназію послѣ каникулъ». А въ Сербію они попали не потому, чтобы ненавидѣли турокъ, какъ басурманъ, а «потому, что измучились совершенно другимъ и хватаются за басурмана, потому что не сообразятъ, не въ силахъ и не могутъ сообразить всей тяжести тяготящихъ умъ вопросовъ»...

До сихъ поръ, отсѣкая себя отъ одной обстановки, въ которой онъ распознавалъ «неправду», и переходя въ другую, гдѣ онъ разсчитывалъ найти условія, болѣе благопріятствующія развитію правдивыхъ и искреннихъ отношеній, Успенскій не выходилъ за предѣлы знакомой ему городской жизни. Вслѣдствіе этого цѣлый рядъ разочарованій, которыя онъ испыталъ, сближаясь съ различными наслоеніями и группами городского культурнаго населенія, оставляютъ ему надежду, что «подлинная правда жизни» сохранилась въ деревнѣ и тамъ именно ее и надобно искать. И вотъ его повлекло теперь, какъ онъ выражается въ автобіографіи, «къ источнику», т. е. къ мужику. По первымъ его произведеніямъ, посвященнымъ описанію деревенской жизни, мы знаемъ, какъ горько было и здѣсь его разочарованіе, хотя онъ и успокаивалъ себя тѣмъ соображеніемъ, что «источникъ» на этотъ разъ попался ему не настоящій! «По несчастью—говоритъ онъ—я попалъ въ такія мѣста, гдѣ *источника* видно не было... Деньга привалила въ эти мѣста, и я видѣлъ только, до чего можетъ дойти бездушный мужикъ при деньгахъ. Я здѣсь

*) «Соч. Гл. Успенск.», т. I, стр. 628.

въ теченіе полутора года не зналъ ни дня, ни ночи покоя. Тогда меня ругали за то, что я не люблю народъ. Я писалъ о томъ, какая онъ свинья, потому что онъ дѣйствительно творилъ преподлѣйшія вещи»... Въ «адскомъ душевномъ состояніи» бѣжитъ онъ изъ деревни съ жаждою не думать о ней, «освободиться хоть на время отъ этой безплодной муки», которая доходила у него въ это время «до физической боли». Такія впечатлѣнія пережилъ онъ въ Самарской губерніи, завѣдуя нѣкоторое время одною крестьянскою ссудо-сберегательною кассою.

Мятущаяся душа Успенскаго не могла, разумѣется, успокоиться на этихъ отрицательныхъ и совершенно безнадежныхъ положеніяхъ вывороченной даже не наизнанку, а совершенно искалѣченной деревенской «таблицы умноженія», по которой «по сту разъ въ день» получается, что дважды два—«то стеариновая свѣча, то свиная морда, словомъ, нѣчто неожиданное и невозможное»... Справившись кое-какъ съ «адскимъ состояніемъ» своей души, онъ снова направляется въ деревню, расположенную уже въ Новгородской губерніи. На этотъ разъ ему кажется, что «источникъ», къ которому онъ подошелъ,—настоящій, и здѣсь онъ, какъ сказано въ автобіографической запискѣ—«въ первый разъ въ жизни увидѣлъ дѣйствительно одну подлинную важную черту въ основахъ жизни русскаго народа—именно власть земли». Для художника это было дѣйствительно цѣлое откровеніе, которое давало ему возможность объективировать крестьянскую жизнь въ ея трудовой обстановкѣ, не вдаваясь въ преувеличенія ни идеализма, размалевывавшаго крестьянъ на манеръ буколическихъ героевъ, ни натурализма, въ одностороннемъ освѣщеніи котораго крестьяне почти неизбѣжно утрачивали всякій образъ и подобіе божіе. Но бѣда Успенскаго заключалась въ томъ, что свое обобщеніе, игнорировавшее самую сущность условій земледѣльческаго труда, а главное—ихъ измѣнчивость, онъ, при любезномъ содѣйствіи современной ему критики, возводитъ на степень теоріи. Мы говоримъ—«бѣда» Успенскаго, потому что съ этого момента начинается быстро затѣмъ усиливающійся разладъ между Успенскимъ-художникомъ и Успенскимъ-публицистомъ,—разладъ, до крайности обострившій то напряженное нервное состояніе, въ какомъ и безъ того постоянно горѣлъ этотъ неутомимый искатель правды. Какъ художникъ, наблюдающій народную жизнь такою, какою она въ дѣйствительности представляется непредубѣжденному взору, Успенскій ясно видѣлъ и со свойственной ему безстрашной откровенностью высказывалъ, что въ сущности и подъ «властью земли» деревенская таблица умноженія продолжаетъ подсовывать свиную морду или стеариновую свѣчу тамъ, гдѣ по правиламъ (т. е. по его собственной теоріи) полагается только «четыре». Какъ увлеченный публицистъ, онъ выбивался изъ силъ, чтобы увѣрить и себя, и другихъ, что это пустяки, что интеллигенція, стоитъ лишь ей этого пожелать, такъ ловко подчиститъ свиную морду, что изъ нея, изъ морды, какъ разъ именно «четыре» и получится.

Что «открытіе», сдѣланное Успенскимъ, внесло въ его мятущуюся душу разладъ, а не умиротвореніе, это видно уже по такому характерному для его

настроенія признаку, какъ участившіяся поѣздки, которыя принимаютъ, наконецъ, форму болѣзненной непосѣдливости, скитальчества.

Мы уже видѣли, что въ критическіе моменты своей жизни Успенскій рѣшительно сразу отсѣкалъ себя отъ старой обстановки, въ которой онъ чувствовалъ неправду, и переходилъ въ новую. Нѣсколько такихъ моментовъ мы отмѣтили выше и здѣсь прибавимъ къ нимъ еще одинъ, показывающій что въ такихъ случаяхъ Успенскій не допускалъ никакихъ уступокъ, никакихъ компромиссовъ.

«Измученный всякаго рода житейской «ахинеей и чепухой», Глѣбъ Ивановичъ—говоритъ г. Михайловскій въ «Матеріалахъ для біографіи Успенскаго» *) подумывалъ иногда усѣсться на мѣстѣ, поступить на службу и, имѣя постоянный заработокъ, работать въ литературѣ спокойно, не разрывая свои произведенія на клочки». И вотъ одинъ изъ такихъ опытовъ и его результаты. «11-го сентября (все равно какого года) онъ даже съ нѣкоторымъ торжествомъ извѣщалъ» г. Михайловскаго: «Сижу *въ должности*», а письмо отъ 1-го февраля слѣдующаго года начинается словами: «Мѣста у меня больше нѣтъ». Мотивы такого скораго ухода намъ уже извѣстны — это опять тоже бѣгство отъ неправды, но мы все-таки процитируемъ здѣсь его собственное объясненіе, изложенное типичнымъ для него сильнымъ и оригинальнымъ языкомъ. «Мѣсто,—пишетъ Успенскій,—я долженъ былъ бросить, и какъ ни скверно это въ матеріальномъ отношеніи, но рѣшительно не раскаиваюсь: подлые концессіонеры глотаютъ милліоны во имя разныхъ шарлатанскихъ проектовъ,—а во сколько же разъ подлѣе интеллигенція, которая не за милліоны, а за два двугривенныхъ осуществляетъ эти разбойничьи проекты на дѣлѣ, тамъ, въ глубинѣ страны? Громадныя челюсти концессіонеровъ ничего бы не сдѣлали, ничего бы не проглотили, если бы имъ не помогали эти острые двухъ-двугривенные зубы, которые тамъ, въ глубинѣ-то Россіи, въ глуши, пережевываютъ неповиннаго ни въ чемъ обывателя. Я не могу быть въ числѣ этихъ зубовъ; если бы мнѣ было хоть мало-мальски покойно, я бы, можетъ быть, и не такъ былъ чувствителенъ ко всему этому и, понимая, считалъ бы себя скотиной, но жалованье получалъ бы аккуратно. Но при томъ раздраженіи, которое временами достигаетъ поистинѣ глубочайшей невыносимости, я не могу не принимать этихъ скверныхъ впечатлѣній съ особой чувствительностью. Мѣсто надо было бросать: всѣ, тамъ служащіе, знаютъ, что они дѣлаютъ разбойничье дѣло (будьте въ этомъ увѣрены), но всѣ знаютъ, чѣмъ оправдать свое положеніе... а вотъ зачѣмъ литераторъ-то (каждый думаетъ изъ нихъ) тоже мокаетъ свое рыло въ эти лужи награбленныхъ денегъ—это ужъ не хорошо. «Пишетъ одно, а дѣлаетъ другое». Вотъ почему нужно было бросить ихъ въ ту самую минуту, какъ только стала понятна вся подлецкая механика ихъ дѣла...»

И въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, Успенскій рѣшительно и навсегда, «до полнаго забвенія», уходилъ отъ окружающей его неправды, когда сознаніе ея принимало вполнѣ опредѣлившіяся формы, когда постепенно нако-

*) «Русск. Богатство», кн. III, 1902 г., стр. 47.

плявшіяся въ душѣ горечь и раздраженіе достигали «поистинѣ глубочайшей невыносимости». Но вѣдь между этой высшей степенью раздраженія съ одной стороны и полнымъ душевнымъ равновѣсіемъ, котораго, впрочемъ, онъ никогда не зналъ, съ другой—существуетъ цѣлая градація настроеній, и какъ же поступалъ Успенскій въ тѣхъ случаяхъ, когда эти промежуточныя настроенія обострялись, когда они больно ударяли по его чувствительнымъ нервамъ? — Онъ и въ этихъ случаяхъ уходилъ, но уходилъ не навсегда, какъ въ моменты серьезныхъ душевныхъ кризисовъ, а только на время, и туда именно, гдѣ онъ могъ разсчитывать найти что-нибудь «новое», отличное отъ той среды, которая только что еще «коверкала» и «ломала» его душу. «Ахъ, сколько новаго на Руси! Не тужите, не скучайте, не думайте о себѣ печально, — интереснѣе думать о томъ, какъ живутъ люди. Я всегда исцѣляюсь этимъ», — писалъ онъ М. В. Соболевскому откуда-то изъ-подъ Одессы. «Сколько ужасно интереснаго: менониты, колонисты-нѣмцы, штундисты, казаки! Все это до чрезвычайности ново, любопытно...» Уже по этому одному случайному перечню «ужасно интересныхъ» для Успенскаго объектовъ наблюденія можно судить, куда именно, къ какимъ «новымъ» проявленіямъ жизни и отношеній направлялся его интересъ. Онъ хочетъ видѣть, какъ устраиваютъ люди жизнь «по своему», самостоятельно, сколько мѣста даютъ они у себя той правдѣ, которая въ обычныхъ предѣлахъ его наблюденія такъ жестоко устраняется изъ жизни «бумагой», «купономъ» и другими факторами, главенствующими въ современной ему обстановкѣ. Въ другихъ случаяхъ мы узнаемъ, что его «манитъ», и все по тѣмъ же приблизительно причинамъ, на Донъ, въ Соловецкій, въ Череповецъ, гдѣ онъ разсчитываетъ лично узнать обстоятельства, при которыхъ произошло закрытіе земства, въ Семеновскій уѣздъ, о которомъ онъ по дорогѣ узнаетъ «соблазнительнѣйшія вещи», къ переселенцамъ, вообще на «новыя мѣста» и т. д.

«Онъ постоянно былъ въ разъѣздахъ»,—говоритъ г. Михайловскій,—и «это центральный пунктъ его біографіи». Въ имѣющихся у г. Михайловскаго коллекціяхъ писемъ Успенскаго (адресованныхъ главнымъ образомъ къ тремъ лицамъ: къ Н. К. Михайловскому, В. М. Соболевскому и одной дамѣ) «прежде всего, по его замѣчанію, бросается въ глаза, если можно такъ выразиться, географическая пестрота этихъ коллекцій. Письма писаны изъ Петербурга, Кисловодска, Парижа, Калуги, Чудова, Софіи, Новороссійска, Перми, Козлова, Константинополя, Рязани, Ростова, Одессы, Москвы, Ялты, Казани, Воронежа и Нижняго-Новгорода». И, разумѣется, этотъ хотя и длинный, но случайный перечень далеко не соотвѣтствуетъ еще болѣе поразительной «географической пестротѣ» дѣйствительно сдѣланныхъ Успенскимъ посѣщеній и наѣздовъ.

Мы уже имѣемъ представленіе о томъ, *зачѣмъ* Успенскій устремляется въ ту или иную мѣстность. На вопросъ, *почему* онъ это дѣлаетъ, какими причинами обусловливается фактъ его «Агасферова житія», въ его письмахъ содержится такой же опредѣленный отвѣтъ. «*Ужасная тоска* вдругъ какъ обухомъ пришибла» его въ Петербургѣ, гдѣ онъ пробылъ всего нѣсколько часовъ, и онъ бѣжитъ назадъ въ свой уединенный уголокъ въ Чудовѣ спасаться «работою». Въ другомъ случаѣ оказывается, что «сидѣть въ этомъ смертельно

надоѣвшемъ Чудовѣ или въ литературныхъ петербургскихъ кружкахъ... положительно *не въ моготу»* ему, онъ «изсыхаетъ» въ обстановкѣ, которая его «*пугаетъ*». «Не знаю,—пишетъ онъ еще въ одномъ письмѣ,—куда мнѣ ѣхать: за границу или въ Сибирь къ переселенцамъ и съ переселенцами? А такъ «отдыхать» зря—не могу, *тоска смертная*. Въ Сибирь любопытно,—поясняетъ онъ дальше—но мрачно, чортова яма, холодъ и вообще я поотсталъ отъ мужика, его бороды, лаптей и вообще всего этого голоднаго и холоднаго. Больно смотрѣть, и голова отказывается мучиться объ этомъ, просто утомился...»

Послѣ всего, что мы дали сейчасъ для характеристики внутренняго міра этой скорбной фигуры печальника «о не своемъ горѣ», приходится какъ будто бы удивляться не тому, что онъ сгорѣлъ въ пожарѣ собственной мысли и сердца, а скорѣе тому, что у него хватило силъ такъ долго переносить раскаленную температуру все болѣе и болѣе разгоравшагося пламени. Казалось бы, что, при своей совершенно необычной чуткости ко всякой неправдѣ, Успенскій имѣлъ передъ собой только два исхода: или эта неправда жизни, непрерывно раздражая его «обнаженные нервы», должна была бы, наконецъ, притупить ихъ, сдѣлавъ ихъ совершенно нечувствительными и невоспріимчивыми ко всякому раздраженію, или въ одинъ изъ наиболѣе острыхъ моментовъ мучительной боли Успенскій могъ бы однимъ рѣшительнымъ ударомъ, разъ и навсегда, удалить себя отъ источника страданій—отъ жизни. И тотъ, и другой исходъ были бы, разумѣется, наиболѣе вѣроятны въ ранніе годы,—первый въ періодъ дѣтства, когда неокрѣпшій характеръ такъ податливъ еще къ внѣшнимъ вліяніямъ и толчкамъ, второй—въ періодъ юношества, когда только что установившійся волевой аппаратъ человѣка, еще не источенный молью рефлексовъ, способенъ къ наиболѣе сильной работѣ. Ничего подобнаго однако не случилось. Почему? Потому—отвѣтимъ мы—что кромѣ того реальнаго міра, неправдой котораго всю свою жизнь болѣлъ и терзался Успенскій, для него открытъ былъ широкій доступъ въ міръ иной—міръ грезъ, красоты, идеала. Въ этомъ мірѣ Успенскій былъ не менѣе своимъ человѣкомъ, и къ впечатлѣніямъ этого міра онъ былъ не менѣе чутокъ. Сюда изъ міра неправды онъ несъ свою «скомканную, искалеченную» душу», здѣсь «выпрямлялъ ее» и, наполнивъ «расширившуюся грудь, весь выросшій организмъ свѣжестью и свѣтомъ», возвращался на новые подвиги.

Воспріимчивость Успенскаго къ эстетическимъ впечатлѣніямъ такъ характерна для него, проливаетъ такъ много свѣта на всю его жизнь, что обойти молчаніемъ эту страницу изъ его біографіи совершенно невозможно. Безъ этой свѣтлой страницы многострадальная жизнь писателя оставалась бы непонятной, загадочной.

Передъ нами очеркъ Успенскаго «Волей-неволей»—одинъ изъ наиболѣе глубокихъ по замыслу, художественныхъ по формѣ и богатыхъ по содержанію. Герой очерка—излюбленная авторомъ фигура Тяпушкина. Не касаясь этого очерка въ его цѣломъ, мы ограничимся лишь экскурсіей въ дѣтскіе годы Тяпушкина, безъ всякихъ колебаній устанавливая несомнѣнную автобіографическую цѣнность цитируемыхъ нами ниже строкъ.

Дѣтство Тяпушкина, который былъ сыномъ сельскаго священника *), прошло въ тяжелой обстановкѣ крѣпостного режима, и въ воспоминаніяхъ его объ этомъ періодѣ своей жизни не было ничего, что бы говорило о человѣческомъ достоинствѣ и тѣмъ менѣе о протестѣ. Напротивъ, надъ всѣми близкими ему людьми, какъ и надъ всѣми окружающими тяготѣло сознаніе какой-то собственной вины и неизбѣжнаго за нее наказанія. «И не ошибусь—разсказываетъ Тяпушкинъ—если скажу, что въ ряду моихъ тяжкихъ васпоминаній—воспоминаніе о тяготѣющемъ надъ всѣмъ родомъ людскимъ тяжкомъ грѣхѣ,—грѣхѣ, для меня хотя совершенно непонятномъ, непостижимомъ, но не подлежащемъ сомнѣнію, и о жестокомъ наказаніи, которое должно постигнуть всѣхъ насъ за этотъ тяжкій неизбывный грѣхъ, воспоминанія объ этихъ подробностяхъ адскихъ мученій, крюковъ воткнутыхъ въ ребра, огня, полымя и смрада, несмотря на свою смутность, отдаленность, имѣли едва ли не самое сильное и важное значеніе для дальнѣйшей участи моего сердца. Можно положительно сказать, что едва я вышелъ изъ утробы матери, какъ узналъ, что въ концѣ концовъ мнѣ предстоитъ крюкъ въ ребро и огонь, и что кромѣ какой-то неизбывной вины и тяжкаго грѣха нѣтъ ничего важнаго и значительнаго». Эта «безчеловѣческая» дѣйствительность, въ которой все, не исключая и самой религіи, дѣйствовало принижающимъ образомъ, «прямо и неотразимо вела меня—продолжаетъ свой разсказъ Тяпушкинъ—къ полной атрофіи сердца, и я несомнѣнно бы, въ концѣ концовъ, сталъ въ ряды тѣхъ безчисленныхъ на Руси безсердечныхъ исполнителей чужого приказанія, которые и сейчасъ, и каждую минуту, даютъ знать о своемъ огромномъ изобиліи на Руси. Но отъ атрофіи сердца меня спасло... нѣчто совершенно случайное, нѣчто, пожалуй, совершенно неожиданное... Это не было ни доброе слово, ни человѣческое участіе, ни ласка, ни любовное человѣческое вниманіе къ моей человѣческой забитости и угнетенности. Нѣтъ! Я ничего этого не видалъ... Это было... Нѣтъ, это были... Это были просто-на-просто гусли!» **).

И вотъ, въ то время, какъ все, что видѣлъ ребенокъ кругомъ, могло возбуждать въ немъ только «страхъ, тоску, отраву, испугъ, доходившій до полнаго замиранія сердца,» жалобные звуки гуслей, на которыхъ игралъ его отецъ, пробуждали въ его душѣ чувство «жалости». «Гусли сдѣлали это совершенно случайно, такъ сказать, механически, отъ этихъ звуковъ мнѣ становилось жалко. И вотъ, механически возбужденное чувство жалости стало обращаться не къ кому-нибудь и не къ чему-нибудь изъ того, что и кого я предъ собою видѣлъ, а къ чему-то отдаленному, къ какому-то огромному, надо всѣми и всѣмъ висящему горю... Жалостливое чувство развило вниманіе вообще къ горю, и, не зная, что *лучше* для себя, я начиналъ думать, что *для всѣхъ* (никакихъ лицъ я при этомъ не представлялъ) должно быть и лучше и легче»!.. ***).

Гусли расширили скомканную душу ребенка и вмѣстили въ нее способность

*) Священникомъ былъ дѣдъ Успенскаго. *Вл. Кр.*

**) «Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 493.

***) Ibid., стр. 494.

сочувственнаго вниманія къ «огромному, надо-всѣми висящему горю». Быть можетъ, въ иной обстановкѣ то же самое могла бы совершить съ нимъ и окружающая его полная страданій жизнь, но гусли прибавили къ этому нѣчто еще, чего ни при какихъ условіяхъ не могли бы дать ему непосредственныя впечатлѣнія жизни. Гусли заронили въ душу ребенка смутную грёзу о счастьѣ, мечту о томъ, «что должно быть и лучше, и легче», и только съ этой грезой Успенскій и могъ вынести на плечахъ своихъ бремя «огромнаго горя».

Воспитавъ лучшія стороны своей души подъ благотворнымъ вліяніемъ музыки, Успенскій потомъ не одинъ разъ внимательно и любовно останавливается на воспитательной роли искусства, и въ его произведеніяхъ найдется не мало чудныхъ страницъ, которыя могли бы послужить поучительными иллюстраціями на тему Шиллера «Ueber die estetische Erziehung des Menschen».

Вотъ, напримѣръ, разсказъ «Слѣпой пѣвецъ». Подъ впечатлѣніемъ спѣтаго, подъ акомпаниментъ ветхаго гармоніума, покаяннаго псалма, базарная толпа сразу же взята была «за живое», «за душу» первыми тягучими скорбными нотами. «Никогда—говоритъ Успенскій—никто изъ этой массы не ощущалъ самого себя и не задумывался надъ самимъ собой, надъ своею совѣстью, надъ своей душою въ такихъ огромныхъ, неожиданныхъ размѣрахъ, какъ это заставилъ его невольно ощутить простой, задушевный, выразительный пересказъ базарнымъ музыкантомъ понятныхъ всякому человѣку словъ о понятныхъ человѣческихъ грѣхахъ... Вся эта масса ординарныхъ, и иногда ничего не внушающихъ лицъ, или внушающихъ только тяжкія мысли и ощущенія, была поистинѣ неузнаваема. На опухшихъ кабачныхъ лицахъ легли черты дѣтской слезливости, а у иного тряслась голова и изъ тусклыхъ глазъ падали слезы куда ни попало... Вообще вся толпа превратилась въ скорбнаго человѣка, человѣка съ сокрушеннымъ сердцемъ, совсѣмъ не похожаго на ту человѣческую силу, которая безцѣльно тратитъ себя въ лошадиномъ трудѣ и въ смрадномъ кабакѣ»...

Гусли, ветхій гармоніумъ, тихій речитативъ слѣпого пѣвца—вотъ тѣ простыя, несложныя средства, при помощи которыхъ искусство проявляетъ свою чудодѣйственную силу въ произведеніяхъ Успенскаго. «Вразумительный, задушевный пересказъ понятными каждому живому человѣку словами» покаяннаго псалма дѣйствуетъ на Успенскаго глубже и сильнѣе, чѣмъ могучіе звуки органа въ парижскомъ соборѣ или великолѣпные архіерейскіе хоры въ православныхъ церквахъ. Чуткій даже къ самымъ безпретенціознымъ проявленіямъ красоты, онъ не любитъ ея крикливыхъ формъ, самъ тщательно избѣгаетъ ихъ въ своихъ произведеніяхъ и не прочь, при случаѣ, высмѣять ихъ въ произведеніяхъ другихъ художниковъ, какъ, напримѣръ, у Лермонтова въ стихотвореніи: «Когда волнуется желтѣющая нива...»

И однако же принципіальнымъ противникомъ яркихъ, разцвѣчивающихъ дѣйствительность красокъ Успенскаго назвать нельзя. Напротивъ, въ извѣстныхъ случаяхъ онъ допускаетъ ихъ полную законность, и вотъ что по этому поводу пишетъ онъ подъ впечатлѣніемъ только что прочитаннаго имъ въ обстановкѣ полнаго одиночества «Рокамболя»: «Пожалуйста, господа романисты, берите краски для романовъ, которые пишете вы одинокому рабочему человѣку, еще

гуще, еще грубѣе тѣхъ, какія вы до сихъ поръ брали... Одиночество человѣка становится все ужаснѣе, судьба загоняетъ его все въ болѣе и болѣе темный уголъ, откуда не видно свѣта, не слышно звуковъ жизни... Бейте же въ барабаны, колотите, что есть мочи въ мѣдныя тарелки, старайтесь представить любовь необычайно жгучею, чтобы она въ самомъ дѣлѣ прожгла нервы, также въ самомъ дѣлѣ сожженные настоящимъ, заправскимъ огнемъ... Не церемоньтесь поэтому, господа дешевые романисты, рисовать все, что есть хорошаго въ жизни, самыми аляповатыми красками, доводить черты красиваго, великаго до громадныхъ размѣровъ, чтобы намъ было видно ихъ изъ такой страшной дали...» Дальше идутъ подробности рекомендуемой имъ програмы. Невинность, олицетворенная какой-нибудь бѣдной прачкой, не должна продаваться ни за какіе милліоны. Пусть она возьметъ отъ своихъ соблазнителей банковый билетъ необычайно громадной цѣнности, тутъ же сожжетъ его, а сама умретъ съ голода... Такъ же невѣроятно надо изображать красоту женщинъ. Такъ нужно писать, потому что иначе «нѣтъ возможности ощутить и пережить хоть что-нибудь подобное, нѣтъ возможности узнать ни красоты души, ни красоты формъ... Грудь работящихъ женщинъ сохнетъ рано—и ужъ какія же формы послѣ пяти, десяти лѣтъ поденной работы? И гдѣ въ этой тьмѣ кромѣшной найдутся такія прачки, которыя бы подорожили своей невинностью за сумму и гораздо меньшую, чѣмъ сотни тысячъ и милліоны?.. Если бы не являлся нелѣпый романистъ и не вралъ намъ, темнымъ людямъ, про этихъ прачекъ, про этихъ красавицъ, не нагородилъ бы намъ съ три короба про разныя какія-то добродѣтели необыкновенныя, то, право, жизнь, т.-е. одна только голая дѣйствительность, съумѣла бы совсѣмъ отучить бѣдныхъ одинокихъ людей отъ самомалѣйшей тѣни представленій добродѣтели, красоты, невинности...» *).

Въ этомъ обращеніи къ гг. «дешевымъ» и даже «нелѣпымъ» романистамъ больше, разумѣется, ядовитаго сарказма по адресу все той же бичуемой Успенскимъ неправды жизни, чѣмъ серьезнаго признанія ихъ заслугъ. И тѣмъ не менѣе это признаніе здѣсь несомнѣнно присутствуетъ, и оно очень характерно для Успенскаго-художника, такъ какъ оно вводитъ насъ въ его собственную художественную мастерскую и знакомитъ насъ съ пріемами его творчества. Тонкое чутье правды никогда не позволило бы самому Успенскому «бить въ барабаны», «колотить въ мѣдныя тарелки», тѣмъ болѣе, что для его чуткаго слуха тихіе звуки гуслей достаточно сильны и понятны сами по себѣ, чтобы ихъ усиливать какимъ-нибудь особенно раздражающимъ нервы шумомъ. Но для выясненія его эстетическаго *credo* все-таки надо помнить, что, по его убѣжденію, «одна только голая дѣйствительность сумѣла бы совсѣмъ отучить бѣдныхъ одинокихъ людей отъ самомалѣйшей тѣни представленій добродѣтели, красоты, невинности» и—прибавимъ отъ себя—правды человѣческихъ отношеній. Это послѣднее прибавленіе сдѣлано нами потому, что въ немъ—въ отыскиваніи этой правды—основной мотивъ всей его литературной дѣятельности, и, разрабатывая его, Успенскій никогда не воспроизводитъ «одну голую

*) Ibid., т. I, стр. 558.

дѣйствительность», не ослабивъ однѣ ея стороны и не подчеркнувъ другія. Успенскій—художникъ-экспериментаторъ, и къ нему цѣликомъ приложимо то опредѣленіе, которое даетъ художникамъ этого типа проф. Овсянико-Куликовскій: «Интуиція художника-экспериментатора даетъ творческому процессу опредѣленное направленіе и рѣзко выраженную «окраску», и явленія жизни, образы людей выходятъ изъ этой лабораторіи въ коренной переработкѣ, въ особомъ освѣщеніи. Тогда-то и получается столь извѣстный художественный эффектъ: образы и картины, строго говоря, *не правдивы* въ смыслѣ точнаго и разносторонняго изображенія дѣйствительности, но они по-своему говорятъ намъ о дѣйствительности, о человѣкѣ, о человѣчествѣ ту грустную или страшную правду, которую не скажетъ самое точное изображеніе ихъ» *).

Ниже мы скажемъ, въ чемъ собственно состояли эксперименты Успенскаго надъ русскою жизнью, а теперь, чтобы покончить съ вопросомъ объ отношеніи его къ искусству, скажемъ нѣсколько словъ по поводу извѣстнаго очерка «Выпрямила».

Эстетическое воспитаніе Успенскаго, въ которомъ музыкальныя впечатлѣнія сыграли такую большую роль, началось, какъ мы видѣли, въ періодѣ его ранняго дѣтства. Музыка подготовила настроеніе для выработки и воспріятія опредѣленнаго идеала, который пока рисовался ребенку въ формѣ смутной грезы о томъ, «что должно быть и лучше и легче». Въ какой постепенности затѣмъ отвердѣвала и кристаллизовалась эта мечта, въ какой мѣрѣ, кто и что помогали этому сложному душевному процессу, мы, къ сожалѣнію, рѣшительно ничего не знаемъ. Но зато о заключительномъ моментѣ этого процесса мы освѣдомлены точно и обстоятельно, такъ какъ ему посвящена Успенскимъ одна едва ли не самая блестящая страница изъ всего имъ написаннаго.

Мы застаемъ Успенскаго (загримированнаго знакомымъ уже намъ Тяпушкинымъ) въ тотъ моментъ, когда онъ все съ тою же тяжелою ношею «огромнаго горя», останавливается вдругъ «пораженный чѣмъ-то необычайнымъ, непостижимымъ» передъ Венерой Милосской. Онъ почувствовалъ, что съ нимъ «случилась большая радость». «Что-то—говоритъ онъ о своемъ настроеніи—дунуло въ глубину моего скомканнаго, искалѣченнаго и измученнаго существа и выпрямило меня, мурашками оживающаго тѣла пробѣжало тамъ, гдѣ уже, казалось, не было чувствительности, заставило всего «хрустнуть» именно такъ, когда человѣкъ растетъ»... Въ чемъ заключалась «животворящая тайна этого каменнаго существа», откуда влилось въ его душу «твердое, покойное и радостное состояніе», Тяпушкинъ опредѣлить не могъ. Онъ видѣлъ только, что среди той «неправды» жизни, въ которой «человѣкъ» оказывается на каждомъ шагу скомканнымъ, «осрамленнымъ», изуродованнымъ «необходимостью унижать себя до раба, до торговли своимъ тѣломъ, до желанія наложить на себя руки, до потребности прекратить чужую жизнь, убивъ такого же, какъ и самъ, человѣка, до потребности ограбить человѣка, до потребности

*) Проф. П. Овсянико-Куликовскій: «Н. В. Гоголь». «Вѣстн. Воспитанія», кн. 2, 1902 г.

наконецъ щеголять чрезвычайной добротой», что среди этой неправды «каменная загадка» являлась поражающимъ, но въ то же время и ободряющимъ человѣка контрастомъ. Изъ многообразнаго матеріала человѣческой красоты, независимо отъ пола и возраста, скульпторъ создалъ «то истинное въ человѣкѣ, что составляетъ смыслъ всей его работы, то, чего сейчасъ, сію минуту *нѣтъ* ни въ комъ, ни въ чемъ и нигдѣ, но что *есть* въ то же время *въ каждомъ* человѣческомъ существѣ, въ настоящее время похожемъ на скомканную перчатку, а не на распрямленную». Стараясь проникнуть въ сокровенныя намѣренія художника, Успенскій думаетъ, что «ему (скульптору) нужно было и людямъ своего времени, и всѣмъ вѣкамъ и всѣмъ народамъ вѣковѣчно и нерушимо запечатлѣть въ сердцахъ и умахъ огромную красоту *человѣческаго* существа, ознакомить человѣка—мужчину, женщину, ребенка, старика—съ ощущеніемъ счастья быть *человѣкомъ*, показать всѣмъ намъ и обрадовать насъ видимой для всѣхъ насъ возможностью быть прекрасными—вотъ какая огромная цѣль овладѣла его душой и руководила рукой».

Надо быть самому настоящимъ художникомъ, чтобы умѣть *такъ* цѣнить искусство, чтобы прекрасное потрясало его въ такой степени, какъ насъ простыхъ смертныхъ можетъ потрясать только живая, реальная дѣйствительность.

И любопытно, что та же «каменная загадка», въ тайну которой съ такой поразительной чуткостью проникъ нашъ многострадальный писатель, съ неотразимой силой привлекала къ себѣ и поэта, который, подобно Успенскому, только «смѣющимися слезами» умѣрялъ свои «колосальныя скорби и страданія». По крайней мѣрѣ, Тяпушкинъ «ни на минуту не сомнѣвался въ томъ, что сторожъ, истолкователь луврскихъ чудесъ, говоритъ сущую правду, утверждая, что на этомъ узенькомъ диванчикѣ, обитомъ краснымъ бархатомъ, приходилъ сидѣть Гейне, что здѣсь онъ сидѣлъ по цѣлымъ часамъ и плакалъ». «Это непремѣнно должно было быть»—подчеркиваетъ Тяпушкинъ. И вѣдь есть много общаго и въ творчествѣ, и въ характерѣ, и даже въ личной судьбѣ этихъ двухъ, быть можетъ, разныхъ лишь въ степеняхъ художниковъ, которыхъ Венера сблизила въ Луврѣ однимъ и тѣмъ же потрясеннымъ чувствомъ. И тотъ, и другой такъ много и горько плакали «смѣющимися слезами»; оба они сожгли свои художественныя дарованія въ огнѣ страстнаго отношенія къ окружающей ихъ жизни; оба такъ трагически закончили свою жизнь—одинъ, прикованный къ «матрацной могилѣ», гдѣ ослѣпшій и недвижимый пролежалъ въ тяжелыхъ страданіяхъ около девяти лѣтъ, другой—въ теченіе почти того же времени буквально заключенный въ лечебницѣ для душевно-больныхъ. Оба до крайности неуравновѣшенные, они съ благоговѣніемъ преклонились передъ каменной богиней, воплощавшей ту высшую степень душевнаго равновѣсія и покоя, какую только можетъ представить и о какой только можетъ мечтать современный мятущійся человѣкъ.

Идеалъ, олицетворенный Успенскимъ въ мраморной богинѣ, проливаетъ на всю его литературную дѣятельность яркій свѣтъ, въ лучахъ котораго становится возможнымъ отчетливо разглядѣть всѣ достоинства и недостатки художника, всѣ его литературные побѣды и промахи.

Мятущійся, находящійся въ непрестанномъ движеніи не только въ переносномъ, но и въ прямомъ смыслѣ этого слова, Успенскій и жизнь, и людей разсматривалъ въ процессѣ ихъ движенія. Весьма характерно для него въ этомъ смыслѣ продисловіе къ третьему тому его сочиненій (въ изданіи Павленкова). Подводя итоги русской жизни за время своей литературной дѣятельности, съ 1864 по 1890 г., онъ утверждаетъ, что «несомнѣнная особенность русской жизни» заключается въ томъ, что «переходное время» стало въ послѣднія тридцать лѣтъ какъ бы обычнымъ «образомъ жизни» русскаго человѣка. «Ощущалось оно до Севастопольской войны, до освобожденія крестьянъ, до судебной, земской, городской реформъ. Ощущалось и во время войны, и послѣ войны, во время и послѣ каждой реформы; ощущается й въ настоящее время». Сдѣлай подобное обобщеніе тридцатилѣтнихъ итоговъ русской жизни кто-нибудь другой, мы должны были бы отвѣтить, что оно не имѣетъ рѣшительно никакой цѣнности. Жизнь сама по себѣ есть движеніе, переходъ изъ одного состоянія въ другое, и сказать, что «особенность» *русской* именно жизни за послѣднее тридцатилѣтіе есть движеніе—значитъ сказать или безсмыслицу, или, въ лучшемъ случаѣ, ничего. Но въ устахъ Успенскаго это опредѣленіе пріобрѣтаетъ извѣстный и даже очень большой смыслъ и значеніе, такъ какъ оно раскрываетъ самую сущность его творческой дѣятельности.

Дѣло въ томъ, что его интересуетъ не статика явленій, а ихъ динамика, вопросъ, не что *есть*, а что *будетъ*. Задумывая новый рядъ очерковъ, онъ сообщаетъ В. М. Соболевскому, что ихъ будетъ три. Первый займется вопросомъ «*что будетъ?*» («не что дѣлать?», не «какъ жить на свѣтѣ?» — этому уже не время», прибавляетъ Успенскій въ скобкахъ). «Второй будетъ называться «что *будетъ* съ фабрикой?» Третій—«что *будетъ* съ бабой» *)? И этотъ тревожный вопросъ «что будетъ» красной нитью проходитъ сквозь всѣ произведенія Успенскаго. Останавливаетъ ли онъ свое вниманіе на индивидуальныхъ характерахъ, на психической жизни отдѣльныхъ лицъ, или на соціальномъ положеніи народной массы, всегда и вездѣ объектъ наблюденія интересуетъ Успенскаго не съ точки зрѣнія достигнутаго имъ въ данный моментъ равновѣсія, а съ точки зрѣнія направленія, какое онъ приметъ въ дальнѣйшемъ своемъ движеніи. Съ этой точки зрѣнія для него весь наблюдаемый имъ міръ находится въ процессѣ непрестаннаго движенія, въ «переходномъ» состояніи, и постоянная забота Успенскаго—тщательно выяснить въ каждомъ случаѣ взаимодѣйствіе дѣйствующихъ силъ, и отсюда уже заключить о скорости и направленіи движенія. Въ тотъ слишкомъ тридцатилѣтній періодъ нашей жизни, который вошелъ въ сферу наблюденія Успенскаго, мы успѣли пережить моменты акціи и реакціи, прилива и отлива идейной устроительной работы; въ этотъ періодъ кореннымъ образомъ измѣнился цѣлый рядъ институтовъ, которые въ своихъ новыхъ формахъ оказали замѣтное, существенное вліяніе на старый дореформенный строй жизни. Произошло освобожденіе кре-

*) «Русск. Богатство», кн. III, 1902 г., стр. 44.

стьянъ, осуществлены были реформы судебная, земская, городская, университетская, и, несомнѣнно, каждая изъ этихъ реформъ, являясь результатомъ взаимодѣйствія и борьбы силъ и идей *въ прошломъ*, устанавливала, хотя бы на самый короткій моментъ, хотя бы только въ опредѣленныхъ, строго ограниченныхъ общественныхъ группахъ, равновѣсіе *въ настоящемъ*. Но Успенскій этого равновѣсія не замѣчалъ, да съ своей точки зрѣнія и не могъ замѣчать. Равновѣсіе силъ представлялось ему въ лишь отошедшемъ уже отъ него прошломъ Россіи. Тамъ, по принятой Успенскимъ предпосылкѣ, исторія постепенно создавала и, наконецъ, выработала устойчивую среду, въ которой форма и содержаніе взаимно уравновѣшивались. И вотъ въ эту-то среду вторглась какая то новая сила, «нѣчто большое, небывалое», и вся она пришла въ броженіе, процессъ котораго и поглотилъ исключительное вниманіе Успенскаго. Сила эта — «новая правда», къ которой стали приспособляться одни, которую стали приспособлять къ себѣ другіе, но самый процессъ ассимиляціи далеко еще не законченъ, и пока онъ не закончится совершенно, «образъ жизни» русскаго человѣка, по убѣжденію Успенскаго, будетъ по прежнему продолжать собою «переходное время». Для поясненія сказаннаго позволимъ себѣ слѣдующее сравненіе.

Представьте себѣ огромный акваріумъ, населенный рыбами всевозможныхъ породъ и разновидностей. Постоянная температура и качество воды, присутствіе въ ней извѣстныхъ минеральныхъ веществъ, водорослей, насѣкомыхъ и проч. создали для рыбьяго населенія акваріума опредѣленную устойчивую среду, въ которой оно въ совершенствѣ приспособилось. Не все въ акваріумѣ благополучно. Въ немъ систематически и неустанно совершается безпощадное и безжалостное истребленіе однѣхъ породъ другими, но внѣшнему порядку однако это обстоятельство нисколько не мѣшаетъ. Когда какая-нибудь зубастая щука бросается на приглядѣвшагося ей пискаря, то этимъ ни мало не нарушается общественная тишина и спокойствіе акваріума, такъ какъ съ одной стороны, щука совершаетъ эту операцію безъ всякихъ эксцессовъ злобы и ненависти, а съ полною пристойностью существа, чувствующаго себя въ полномъ своемъ правѣ, а съ другой—и пискарь, въ трепетномъ сознаніи своего долга—служить пищевымъ довольствіемъ для сильныхъ хищниковъ, не поднимаетъ излишняго шума и не мутитъ воды. Но вотъ подошелъ кто-то и впустилъ въ акваріумъ струю какой-то острой жидкости. Среда измѣнилась. Часть вылитой кислоты, вступивъ въ химическія соединенія съ растворенными въ водѣ минеральными веществами, осаждается на днѣ и стѣнкахъ бассейна отложеніями разныхъ формъ и качествъ. Въ неясныхъ очертаніяхъ этихъ отложеній ваша фантазія можетъ различить тѣ учрежденія, земскія, городскія, судебныя и другія, которыя въ нашей общественной жизни отложила влившаяся въ нее струя «новой правды». Успенскаго собственно эти отложенія не интересуютъ. Но съ тѣмъ большимъ интересомъ онъ будетъ слѣдить за тѣмъ, какъ свободная часть кислоты дѣйствуетъ на живое населеніе акваріума, которое сразу вдругъ все всполошилось и забродило. Щука почувствовала вдругъ приливъ новыхъ силъ, а съ ними вмѣстѣ и аппетита, и стала нервно метаться въ водѣ въ погонѣ за

крупной рыбой. Спокойный карась тоже пришелъ въ возбужденіе и началъ судорожно биться тѣломъ о стеклянныя стѣнки аквaріума. Судакъ вдругъ почувствовалъ недостатокъ воздуха и всплылъ къ поверхности, высовывая голову и жадно поглощая кислородъ. Всполошилась и мелкая рыбешка, забурлила и закипѣла вода, взбаламученная наступившей въ бассейнѣ суматохой. Теперь сдѣлайте рядъ моментальныхъ снимковъ... Впрочемъ нѣтъ, погодите... Бросьте раньше въ аквaріумъ кусокъ квасцовъ, чтобы осадить нѣсколько муть, поднятую задвигавшейся рыбой и затемняющую зрѣлище. Влейте, пожалуй, еще нѣсколько капель кислоты, чтобы уловить на объективъ движеніе въ его наиболѣе остромъ видѣ. Теперь фотографируйте, и когда вы воспроизведете ваши снимки при помощи кинематографа на экранѣ, то эта картина возмущенной кѣмъ-то жизни аквaріума даетъ нѣкоторое представленіе о той громадной панорамѣ, въ которой Успенскій воспроизвелъ русскую жизнь, послѣ того какъ въ нее вторглась «новая правда».

Нѣкоторые искусственные пріемы, допущенные нами передъ фотографическимъ воспроизведеніемъ аквaріума,—квасцы и нѣсколько капель кислоты, прибавленные нами въ воду для того, чтобы воспроизвести заинтересовавшее насъ явленіе въ наиболѣе чистомъ его видѣ,—могутъ напомнить намъ, что и Успенскій въ своемъ художественномъ творчествѣ являлся не спокойнымъ наблюдателемъ жизни, а экспериментаторомъ, который фиксировалъ однѣ ея стороны и отбрасывалъ другія, не переступая при этомъ, разумѣется, границъ художественной правды. Надобно прибавить только, что, производя опыты надъ жизнью, изучая силу и направленіе ея стремительнаго потока, Успенскій самъ лично былъ захваченъ этимъ потокомъ и самъ лично пережилъ наиболѣе тяжелые моменты изъ всей имъ написанной соціальной трагедіи.

Итакъ, стало быть, мы опять возвратились къ тому, съ чего начали нашу статью, сказавъ, что Успенскій это именно тотъ «большой художникъ съ большимъ сердцемъ», котораго, по его словамъ, ожидаетъ полчище *рвущагося съ пути* народа. Онъ отдалъ этому полчищу свой талантъ, свою мысль и сердце и самъ же вмѣшался въ его нестройные ряды. Среди намѣченныхъ Успенскимъ главныхъ четырехъ-пяти фигуръ, которыя онъ считаетъ типичными для этой рвущейся толпы, не трудно установить мѣсто, и для самого писателя. Онъ намѣчаетъ: труженика мысли, погибающаго въ общемъ стремительномъ потокѣ движенія и ропщущаго на него; человѣка, уныло воющаго, оплакивающаго свои несовершенства и ежеминутно эти несовершенства предъявляющаго; того, кто молчитъ и думаетъ, не видя для себя никакого исхода; того, кто не умѣетъ думать, а прямо пораженъ задавленъ и разбитъ всѣмъ полчищемъ нахлынувшихъ на его бѣдную голову мыслей; того, наконецъ, который ломаетъ въ себѣ все не идущее къ задачѣ, считаемой имъ за подлинное дѣло. Люди этого послѣдняго типа опредѣляются имъ въ другомъ мѣстѣ, какъ работники, взявшіеся за работу потому, что некому, потому, что *надо* стоять на этой работѣ кому нибудь, ставшіе на работу потому что *нельзя* не работать, нельзя не служить дѣлу, для котораго еще нѣтъ настоящихъ работниковъ. Около этихъ главныхъ фигуръ группируется безчисленное множество разновидностей: «одинъ не воетъ

вслухъ, воетъ внутри себя, другой хотя и чувствуетъ, что его несетъ, сорвало, но не показываетъ виду, а притворяется, будто даже очень радъ, хотя и тотъ и другой въ сущности испытываютъ тоже, что и тѣ, которые воплями и ропотомъ не церемонясь оглашаютъ каждый шагъ, дѣлаемый ими на новомъ пути. Все это—какъ разновидности, такъ и главные представители разновидностей—все это составляетъ ту массу идущаго по новому пути народа, который загнанъ на этотъ путь неожиданно ставшими необходимостью идеями простоты и правды» *).

Даже среди этихъ слегка, лишь самыми общими контурами, очерченныхъ фигуръ, изъ которыхъ состоитъ сорвавшееся съ пути полчище, замѣтно бросаются въ глаза люди того типа, для котораго появленіе «новой правды» во всякомъ случаѣ не могло быть непріятнымъ. Въ какомъ-же направленіи двинулись они и былъ ли успѣшенъ ихъ новый путь? Увы! Движущаяся панорама Успенскаго и для этихъ людей рисуетъ недобрыя перспективы. «Одинъ—пишетъ онъ—рванулся къ свѣту и съ ужасомъ увидалъ, что онъ безъ ногъ, что какъ бы онъ ни желалъ идти—онъ не можетъ сдѣлать шагу... Другой вдругъ нежданно-негаданно увидалъ и узналъ, что вмѣсто сердца у него деревяшка или пустое мѣсто, а жизнь какъ нарочно потребовала сердца, да еще какого большого!.. Правда и совѣсть нежданно-негаданно, среди заматорѣлой безсовѣстности, среди прочно укрѣпившейся, довольной, покойной неправды, точно прикосновеніе свѣжаго воздуха къ трупамъ, произвели разложеніе этихъ труповъ, которые до сего времени почти невредимо сохранялись въ лишенномъ воздуха мѣстѣ... Толпы этихъ невинно-убіенныхъ совѣстью людей, буквально толпы неслись въ моемъ воображеніи, не прекращая своего мрачнаго шествія ни на минуту и не обѣщая конца... Да, подумалъ я, еще долго, безконечно долго, еще въ большомъ количествѣ поколѣній будутъ отдаваться слѣды вѣковой неправды».

Въ конечномъ итогѣ этого непрерывнаго броженія, гдѣ то тамъ, въ туманной и загадочной дали встревоженная мысль художника рисовала себѣ свѣтлый образъ богини, потрясающій строгимъ спокойствіемъ мрамора. Но вѣдь это только конечный итогъ, идеалъ, а для возстановленія нарушеннаго равновѣсія требовалась въ дѣйствительности, въ настоящемъ, хоть на минуту найти что-нибудь неизломанное, цѣльное, остановившееся, на чемъ могъ бы отдохнуть утомленный взоръ. «Я Богъ знаетъ что бы далъ въ эту минуту—восклицаетъ Успенскій, измученный окружающей его неуравновѣшенностью—если бы пришлось увидать что-нибудь настоящее, безъ прикрасы и безъ фиглярства: какого-нибудь стариннаго станового, вѣрнаго искреннему призванію своему бросаться и обдирать каналій, какого-нибудь подлиннаго шарлатана, полагающаго, что съ дураковъ слѣдуетъ хватать рубли за заговоръ отъ червей, словомъ, какое-нибудь подлинное невѣжество—лишь бы оно считало себя справедливымъ». И авторъ не шутитъ. Зрѣлище уравновѣшенной личности создаетъ ему возможность нѣкотораго отдыха и покоя даже въ такихъ случаяхъ, въ

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. I, стр. 525.

какихъ другіе, болѣе уравновѣшенные люди ничего ни привлекательнаго, ни успокоительнаго не найдутъ. Разсказывая, напримѣръ, о своихъ заграничныхъ впечатлѣніяхъ, авторъ утверждаетъ, что «въ концѣ концовъ—какъ бы ни было дурно то, что попадается вамъ на глаза,—*на душѣ будетъ хорошо* *). Дальше онъ разсказываетъ о томъ, какъ Берлинъ насквозь пропитанъ духомъ милитаризма, повсюду шевелятся усы, одни другимъ честь отдаютъ и проч. О Парижѣ, въ которомъ всѣ «порядки приведены въ большую огромность», онъ разсказываетъ, какъ во имя этой «огромности» члены военнаго суда являются настоящими звѣрями, ими же остаются и въ перерывахъ засѣданія и по окончаніи суда, даже при видѣ обездоленной ими семьи подсудимаго. Ничего хорошаго, какъ видите, ни о Берлинѣ, ни о Парижѣ мы не узнали отъ автора, но у него самого на душѣ хорошо отъ этихъ впечатлѣній, потому что онъ имѣлъ случай увидѣть и «подлинныхъ» становыхъ и «подлинныхъ» шарлатановъ. Въ солдатскомъ Берлинѣ «существеннѣйшая» для Успенскаго вещь—«это полное *убѣжденіе* въ своемъ дѣлѣ, въ томъ, что бычачьи рога вмѣсто усовъ есть красота почище красоты Елены Прекрасной». Въ Парижѣ у него на душѣ стало хорошо потому, что въ судьяхъ, разстрѣливавшихъ коммунаровъ, онъ усмотрѣлъ присутствіе «подлинной ненависти», замѣтилъ, что они «дѣйствительно злы и дѣлаютъ такъ, а не иначе, именно потому, что злы».

«Подлинность», какъ устойчивая форма, въ которую отливаются люди или среда въ результатѣ предварительнаго броженія, давала Успенскому короткіе моменты отдыха и покоя, совершенно независимо отъ ея содержанія. И мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что его симпатіи къ большимъ героямъ на маленькія дѣла **), симпатіи, вызвавшія въ литературѣ даже обвиненія по адресу Успенскаго въ апологіи малыхъ дѣлъ, въ сущности исходятъ изъ тѣхъ же мотивовъ, изъ которыхъ вытекаетъ его удовольствіе при видѣ «подлинныхъ» становыхъ, шарлатановъ, берлинскихъ солдатъ и парижскихъ судей. Маленькіе культуртрегеры Успенскаго уже вышли изъ «общаго стремительнаго потока жизни»; изъ «новой правды» они извлекли для себя какую-то крохотную крупицу, ассимилировали ее и этимъ удовлетворились. Они сдѣлались «подлинными», т.-е. уравновѣшенными, и этимъ своимъ свойствомъ привлекли и даже, быть можетъ, обманули Успенскаго. Но что, во всякомъ случаѣ, они остались для него, точно также какъ и подлинный становой, чужими, это видно изъ того, что даже въ художественномъ его олицетвореніи они не подчиняютъ себѣ настроенія читателя, и какой-нибудь уравновѣшенный «иностранецъ» («Три письма») никогда не станетъ такъ близокъ намъ, какъ тѣ разнообразныя измученныя, истерзанныя фигуры, въ которыхъ мы чувствовали хоть маленькую частицу самого дорогого намъ автора.

Когда человѣкъ мчится на утлой ладьѣ среди бушующихъ волнъ, когда кругомъ него разстилается утомительная безбрежность одной взволнованной

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. I, стр. 708.

**) См., напримѣръ, очерки: «Три письма», «Хочешь—не хочешь» и др.

стихіи, то внезапное зрѣлище самаго скудного оголеннаго островка способно потрясти и увлечь его. Это рай, потому что это земля! Тамъ, у конечной цѣли моихъ странствованій «будетъ у меня мой собственный рай, да еще лучше этого!.. Но какъ еще ужасно, ужасно далеко это время!»—восклицаетъ Успенскій: «Когда-то еще его (мое) мертвое животное, локомотивъ, достигнетъ поворотливости любой деревенской кобыленки! Когда-то еще его (мое) упорное желаніе летать птицей осуществится хоть въ приблизительныхъ размѣрахъ того совершенства, которымъ *уже* обладаетъ галка, обладаетъ такъ, безъ всякихъ усилій съ своей стороны, а просто такъ... галка такъ галка и есть, *взяла* да и полетѣла! А Надары еще лѣтъ тысячу будутъ разбивать себѣ головы и тонуть въ моряхъ, прежде нежели добьются умѣнья произвольно перелетать съ крыши на крышу» *)... И вотъ рай настоящій, существующій представился взору Успенскаго въ деревнѣ, подъ «властью земли». Еще такъ недавно онъ въ «адскомъ душевномъ настроеніи» бѣжалъ изъ деревни, онъ бѣжалъ съ такой стремительностью, что «вмѣсто трехъ часовъ ночи, какъ бы слѣдовало, уѣхалъ на станцію въ 11 ч. вечера, рѣшаясь сидѣть болѣе шести часовъ безъ дѣла въ ожиданіи поѣзда», лишь бы только «не думать о деревнѣ, освободиться хоть на время отъ этой безплодной муки». А теперь онъ увидѣлъ здѣсь рай, и что самое главное,—не мужикомъ созданной рай (о *созданіи* рая хлопочетъ и мучится интеллигентъ), а тотъ *готовый*, въ которомъ жилъ человѣкъ до грѣхопаденія. Оказалось, что мужикъ—«это тотъ человѣкъ, который, по изгнаніи изъ рая непокорнаго собрата, предпочелъ остаться тамъ... сказавъ себѣ: «ладно и такъ». И онъ остался въ готовомъ раю, разсчитавъ, что лучше «повиноваться»... Сказано: «не касайся древа *знанія*!»—онъ и не касается... И до сихъ поръ не касается... И ничего! Живетъ! И всѣ звѣри и птицы служатъ ему и покоряются; куры несутъ яйца, свиньи предоставляютъ поросятъ, кобыленки дарятъ готовыми локомотивами, бабочки приносятъ цвѣточную пыль, пчела передѣлываетъ ее въ медъ, черви вырабатываютъ черноземъ. И въ этомъ раю онъ только исполняетъ, что ему опредѣлено, довольствуясь *готовымъ* умомъ природы, и выходитъ въ его жизни также почти все стройно, хорошо, удивительно, какъ все удивительно хорошо въ природѣ: какъ цвѣтокъ, какъ галка, какъ пчела...» **)

Словомъ, среди бушующаго океана Успенскій увидѣлъ островокъ, жизнь котораго опредѣлялась своей особенной «зоологической правдой». Хозяину этого островка—мужику—живется *легко*, потому что онъ «ни за что не отвѣчая, ничего не придумывая», только прислушивается къ голосу природы и безпрекословно ему повинуется. Та «новая правда», которая внесла столько броженія въ наблюдавшуюся доселѣ Успенскимъ жизнь, сюда еще не проникла. Она, по мнѣнію Успенскаго, и не можетъ проникнуть сюда, такъ какъ «непреложность

*) «Соч. Гл. Успенскаго», т. II, стр. 683.
**) Ibid., стр. 685.

и послѣдовательность» взглядовъ безсознательнаго исповѣдника «зоологической правды»—мужика разрушаетъ всякую попытку ея пропаганды здѣсь; онъ, мужикъ, даже «совершенно устраняетъ съ поверхности земного шара» носителей новой правды со всѣми ихъ книжками, газетными лохмотьями, со всѣмъ гуманствомъ. «Подлинность» выглядывающаго изъ-за этихъ строкъ мужика не подлежитъ никакому сомнѣнію. Если-же вмѣстѣ съ «подлиннымъ» становымъ и «подлинный» мужикъ Успенскаго всецѣло являются продуктами варварскаго состоянія Руси, соотвѣтствующаго самой примитивной степени развитія ея производительныхъ силъ, то увлеченія его этими отстоявшимися «подлинностями» мы не должны ставить ему на счетъ. Не надо забывать, что Успенскій былъ художникомъ броженія по преимуществу,—къ этому влекли его не только особенности его времени, но и личныя свойства его характера. На «подлинностяхъ» же онъ останавливался только для короткаго отдыха и любовался ими исключительно издали, «со стороны», и когда подходилъ къ нимъ вплотную, то и въ нихъ онъ отыскивалъ все тѣ-же близко знакомые ему признаки начинавшагося броженія. Такъ и въ густомъ частоколѣ обрѣтеннаго Успенскимъ рая скоро оказались прорѣхи, черезъ которыя на «подлиннаго» мужика подулъ разрушительный для его «зоологической правды» вѣтеръ: «рубль... свистъ машины... и глядишь—«*образчикъ будущаго*» *развалился* прахомъ!..»

Когда вы принимаетесь читать произведенія Успенскаго, то непремѣнно попадаете вмѣстѣ съ авторомъ въ водоворотъ самыхъ разнообразныхъ настроеній. Часто, начиная чтеніе, вы смѣетесь—авторъ предлагаетъ вашему вниманію сплетеніе комическихъ эпизодовъ и подробностей. Вы читаете дальше—комическія подробности слагаются въ драму, и вы испытываете даже чувство душевной неловкости за вашъ недавній смѣхъ. Узелъ драмы затягивается, и вы съ трепетнымъ чувствомъ слѣдите за дальнѣйшими, часто мучительными ея перипетіями. Но вотъ герой, съ которымъ авторъ незамѣтно связалъ васъ тонкими звеньями сочувствія, гибнетъ или просто отходитъ отъ васъ въ концѣ вдругъ оборвавшагося очерка или разсказа, и въ душѣ вашей остается тяжелый осадокъ, вы какъ будто присутствовали только что на похоронахъ близкаго вамъ человѣка. И какъ много здѣсь этихъ сдѣлавшихся вамъ близкими людей, гибнущихъ или явно обреченныхъ на гибель часто за то лишь, что они *сознали* присутствіе въ себѣ старой неправды!.. Но какъ только вы отложили книгу въ сторону, какъ только въ вашемъ сознаніи стали сглаживаться наиболѣе острые моменты только что прочитанной потрясающей драмы, вы чувствуете, что въ душу вашу проникаетъ новое—свѣтлое, бодрое настроеніе; оно растетъ, крѣпнетъ и, наконецъ, становится господствующимъ. Вы чувствуете, что силы ваши ободрились, напряглись, и, подобно Тапушкину, охваченному радостными воспоминаніями луврскаго видѣнія, вы сами готовы... «такую сдѣлать «овацію» волостному старшинѣ Полуптичкину, что онъ у васъ обѣими руками начнетъ строчить донесенія!..» Эта метаморфоза, происшедшая въ вашемъ настроеніи, вполнѣ естественна и необходима. Заставивъ васъ лично окунуться въ «стремительный потокъ жизни», лично пережить и перечувствовать его

страшную разрушительную силу, Успенскій въ то-же время успѣлъ передать вамъ и свою глубокую вѣру въ «какое-то безконечно свѣтлое будущее». Равновѣсіе стараго, вѣками слагавшагося дореформеннаго строя жизни, мысли; и чувствъ нарушено окончательно и безповоротно. Въ жизнь вторглись новыя идеи простоты и правды, и силою ихъ только и создается рядъ драматическихъ положеній для этой разношерстной толпы. Пока еще она мечется, страдаетъ но именно «своими глубокими страданіями, своимъ глубокимъ негодованіемъ свидѣтельствуетъ о томъ, что эти новыя идеи, эти новыя потребности сердца прошли, вотъ тутъ гдѣ-то, и *идутъ все ближе и ближе*. Можно *на нихъ* лаять, можно *отъ нихъ* рваться, можно *ихъ* опровергать, можно на нихъ просто плевать, притворяться, что не видишь, можно просто не видать ихъ, но лаять, негодовать, бѣжать, опровергать, словомъ продѣлывать все вышеизображенное «безъ нихъ»—никакъ ужъ невозможно» *).

Вл. Кранихфельдъ.

---

*) Ibid., т. I, стр. 525.

*

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ провинціальныхъ мотивовъ. Нашъ извѣстный писатель, Вл. Г. Короленко, проживающій въ Полтавѣ, гдѣ онъ работаетъ, какъ своевременно было сообщено въ печати, надъ обширнымъ и давно задуманнымъ литературнымъ трудомъ, недавно выступилъ въ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» съ разъясненіемъ по слѣдующему поводу: 25-го декабря городская дума устроила для учащихся въ городскихъ школахъ елку. Дѣти провели вечеръ въ большомъ оживленіи и подъ конецъ ожидалась обычная въ такихъ случаяхъ раздача подарковъ, приготовленныхъ по числу дѣтей. Однако, между приглашенными оказался гость, инспекторъ 1-го района, который нарушилъ радостное настроеніе дѣтей весьма несвоевременнымъ и немотивированнымъ вмѣшательствомъ при раздачѣ подарковъ, отложивъ въ сторону всѣ тѣ книжки, на которыхъ, кромѣ обычнаго цензурнаго разрѣшенія, не стояло особаго штемпеля о допущеніи этихъ книжекъ въ ученическія библіотеки народныхъ училищъ и народныхъ читаленъ. Тщетно хозяева указывали своему гостю, принявшему на себя столь неблагодарную по отношенію къ дѣтямъ роль, что всѣ книги для дѣтскаго чтенія прошли общую цензуру, продаются во всѣхъ магазинахъ и слѣдовательно доступны каждому желающему ихъ пріобрѣсти, строгій гость остался trouble-fete'омъ, лишивъ значительную часть дѣтей елочныхъ подарковъ. В. Г. Короленко, присутствовавшій также въ качествѣ гостя на праздникѣ, разсказалъ этотъ эпизодъ, съ присущимъ талантливому писателю оттѣнкомъ юмора, въ корреспонденціи, помѣщенной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», подписавъ ее литтерами В. К. Теперь «Русскія Вѣдомости» сообщаютъ нижеслѣдующее:

«Помѣщенный въ № 78-мъ «Русскихъ Вѣдомостей» фельетонъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ» привелъ въ негодованіе инспектора народныхъ училищъ Полтавской губерніи, г. И. Панаженка. Вмѣсто того, чтобы направить, какъ это дѣлается обыкновенно, опроверженіе невѣрнаго, по его мнѣнію, сообщенія въ ту газету, гдѣ былъ напечатанъ фельетонъ, г. Панаженко привлекъ его автора къ допросу съ пристрастіемъ на страницахъ «Полтавскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», помѣстивъ въ № 70-мъ этой газеты слѣдующее письмо въ редакцію:

«Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ «Русскихъ Вѣдомостей» за текущій мѣсяцъ какимъ-то полтавскимъ обывателемъ напечатана корреспонденція подъ заглавіемъ «Изъ провинціальныхъ мотивовъ», касающаяся, между прочимъ, школьной елки, устроенной въ Полтавѣ городской управой въ первый день минувшихъ рождественскихъ праздниковъ для учащихся въ городскихъ училищахъ.

«Въ ней истина настолько извращена, а я, какъ должностное лицо, такъ глубоко и незаслуженно оскорбленъ, что нахожу себя вынужденнымъ заявить печатно, что неизвѣстный мнѣ авторъ (корреспонденція подписана иниціалами В. К.), незнакомый, очевидно, съ законоположеніями о народныхъ училищахъ и защищающій въ сущности хозяйничанье въ чужомъ огородѣ, на елкѣ самъ не присутствовалъ, а описалъ ее по чужимъ впечатлѣніямъ, легкомысленно довѣрившись клеветѣ и злорѣчію.

«И въ самомъ дѣлѣ: если бы авторъ присутствовалъ, то не могъ бы конечно не замѣтить отсутствія образовательно-воспитательнаго и эстетическаго элемента на елкѣ, устроенной, кстати сказать, безъ вѣдома и участія тѣхъ лицъ, коимъ поручено завѣдываніе этой стороной школьнаго дѣла, и не могъ бы утверждать, будто «елка удалась превосходно», будто я, «вступивъ въ отправленіе своихъ обязанностей, остановилъ раздачу дѣтямъ книгъ и сталъ ихъ просматривать» и тѣмъ вызвалъ будто бы «крайнее замѣшательство и самое тяжелое недоумѣніе». Я утверждаю, что раздача дѣтямъ книгъ на елкѣ была для меня полной неожиданностью, ибо я узналъ объ этомъ только за нѣсколько минутъ до раздачи, что просматривать книги я сталъ также до раздачи, а когда она началась, то производилась безъ перерыва и безъ всякаго замѣшательства среди дѣтей и ихъ учительницъ. Я утверждаю, что живописно нарисованная авторомъ корреспонденціи картина всеобщаго смущенія съ «потупленными глазами учительницъ» и «недоумѣлыми взглядами дѣтей» есть плодъ его фантазіи. Далѣе, если бы авторъ присутствовалъ на елкѣ и видѣлъ тогда же книги, выдѣленныя мною для возвращенія городской управѣ, то не сталъ бы указывать, напримѣръ, на «Смерть Шарика», какъ на книгу, признанную мною будто бы непригодною для дѣтскаго чтенія.

«Такъ или иначе, но оставляя пока въ сторонѣ обстоятельную оцѣнку названной корреспонденціи, нынѣ въ цѣляхъ полнаго выясненія истины я взываю къ чувству чести автора, позволившаго себѣ глумиться моимъ именемъ и прошу его открыть свое имя и на этихъ же страницахъ отвѣтить мнѣ, присутствовалъ ли онъ на описанной имъ елкѣ. Умолчаніе сочту за поводъ утверждать, будто авторъ способенъ кидать грязью только изъ-за угла.

«Инспекторъ народныхъ училищъ *И. Панаженко.*

«Авторъ фельетона, В. Г. Короленко, исполнилъ желаніе г. Панаженка, помѣстивъ въ № 77-мъ «Полт. Губ. Вѣд.» слѣдующее:

«Въ 70-мъ нумерѣ «Полт. Губ. Вѣд.» я (признаюсь, не безъ удивленія) прочелъ письмо инспектора народныхъ училищъ, г-на И. Панаженка, вызванное извѣстнымъ «инцидентомъ на елкѣ» и моей замѣткой по этому поводу (въ № 78-мъ «Русскихъ Вѣдом.»). Въ письмѣ этомъ г. И. Панаженко требуетъ,

съ нѣкоторой даже строгостью, чтобы я сообщилъ (и при томъ непремѣнно на страницахъ «Полтавскихъ Вѣдомостей») свою полную фамилію. Я могъ бы сказать, что считаю это требованіе совершенно неосновательнымъ. Законъ даетъ г-ну Панаженку возможность найти (посредствомъ обращенія къ суду) лицо, отвѣтственное за сообщеніе факта; затѣмъ, дѣло не въ фамиліи автора, а въ самомъ фактѣ; наконецъ, мнѣ трудно повѣрить, чтобы въ небольшомъ городѣ, какъ Полтава, инициціаловъ имени и фамиліи не было достаточно для точнаго установленія личности автора, да и вообще терминъ «изъ-за угла» едва ли приложимъ къ гласному сообщенію о всѣмъ извѣстномъ событіи. Какъ бы то ни было, однако, я готовъ исполнить желаніе г-на Панаженка и на вызовъ, сдѣланный мнѣ на страницахъ «Полтавскихъ Вѣдомостей», имѣю отвѣтить г-ну Панаженку слѣдующее:

«Прежде всего самый фактъ. 25-го декабря прошлаго года въ зданіи для просвѣтительныхъ цѣлей была устроена городской управой елка для учащихся въ городскихъ училищахъ. Г-нъ инспекторъ былъ приглашенъ на нее въ качествѣ гостя. Когда началась раздача подарковъ и книгъ, г-нъ Панаженко счелъ нужнымъ пріостановить выдачу нѣкоторыхъ изъ нихъ (около 70-ти), вслѣдствіе чего часть дѣтей книгъ не получила.

«Что же собственно опровергаетъ г. Панаженко? Прежде всего онъ упрекаетъ меня въ незнаніи «законоположеній». Это очень можетъ быть, и точное указаніе г. Панаженко на законы, которые бы воспрещали раздачу на елкѣ книгъ, дозволенныхъ къ обращенію въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ (да еще послѣ строгаго выбора компетентными людьми), могло бы содѣйствовать если не опроверженію факта, то разъясненію самаго вопроса. Боюсь, однако, что г. Панаженко самъ смѣшиваетъ «законоположенія», публикуемыя ко всеобщему свѣдѣнію и исполненію, съ «циркулярами» тѣхъ или другихъ инстанцій, всегда требующими въ примѣненіи особеннаго такта. Вся цѣль моей замѣтки состояла именно въ указаніи на это (очень распространенное) смѣшеніе понятій, и кажется мнѣ, что своимъ письмомъ г. Панаженко только еще разъ наглядно иллюстрировалъ мою мысль.

«Вообще я не могу понять, въ чемъ собственно г. Панаженко усматриваетъ нанесенное ему мною оскорбленіе. Основного факта онъ не отрицаетъ, и тѣ немногія возраженія, которыя онъ приводитъ, касаются лишь его послѣдствій. Такъ, г. Панаженко утверждаетъ, что картина замѣшательства и смущенія, нарисованная въ замѣткѣ, есть лишь «плодъ фантазіи автора». Я, конечно, могъ бы сказать, что г. Панаженко, весь погруженный въ сортировку книгъ, могъ и не замѣтить впечатлѣнія, которое это производило на окружающихъ, что затѣмъ невѣроятно, чтобы такое внезапное вмѣшательство и публичное изъятіе «недозволенныхъ» книгъ могло обойтись безъ замѣшательства и смущенія. Однако у меня есть и болѣе убѣдительныя доказательства. По этому спорному пункту мы имѣемъ три показанія *). Первое гласитъ, будто «нѣ-

*) Въ оффиціальной бумагѣ 5-го февраля, № 1336, имѣющейся въ дѣлахъ городской управы.

которыя лица» проявили «явное недовольство и возбужденіе и, что г. инспекторъ увидѣлъ себя вынужденнымъ во избѣжаніе «сенсаціи» «оставить залу празднества и неодобренныя (sic) книги въ рукахъ товарища городского головы». Показаніе это оффиціальное, принадлежитъ г. Панаженку и, кажется мнѣ, значительно преувеличиваетъ дѣйствительность. Второе (печатное) показаніе гласитъ, что не было уже ни замѣшательства, ни даже «потупленныхъ глазъ», ни недоумѣлыхъ взглядовъ. Оно (увы!) принадлежитъ тому же г. Панаженку и, кажется мнѣ, уже слишкомъ ослабленнымъ. Между этими крайними противоположностями мое скромное среднее мнѣніе, не констатирующее никакого возбужденія, а лишь ту самую «сенсацію», возможность которой «предвидѣлъ» и самъ г. Панаженко, — кажется мнѣ, — пріобрѣтаетъ силу полной доказательности.

«Мнѣ остается еще отвѣтить (на вопросъ г. И. Панаженка), что я, благодаря любезному приглашенію распорядителей, на елкѣ присутствовалъ лично и видѣлъ самъ «изъятыя» книги. Что касается злополучнаго «Шарика», то это скромное животное, очевидно, ускользнуло теперь изъ памяти г. Панаженка, потому что находится подъ одной обложкой съ «Великодушнымъ Голіаѳомъ», несомнѣнно попавшимъ въ число изъятыхъ *).

«Кажется все. Считаю излишнимъ спорить съ г. Панаженкомъ по вопросу объ удачѣ или неудачѣ елки. Я и не описывалъ особеннаго «порядка» и дидактичности, а говорилъ, наоборотъ, о бившемъ черезъ край дѣтскомъ весельѣ, которое вначалѣ даже озадачило учительницъ. По моему, это юное веселье и есть «удача». По мнѣнію г. Панаженка, это—лишь предосудительный безпорядокъ. Дѣло взгляда, — какъ и другое наше разнорѣчіе: я полагаю, что все прямо не запрещенное слѣдуетъ считать дозволеннымъ. Такъ думаютъ многіе, и въ этомъ главная тема моей статьи. Г. Панаженко съ этимъ не согласенъ и, повидимому, держится мнѣнія, которое я стараюсь опровергнуть,—что, наоборотъ, все не получившее спеціальнаго «одобренія» считается запрещеннымъ, и такимъ образомъ рекомендаціи нѣкоторыхъ книгъ для библіотекъ означаетъ запрещеніе всѣхъ остальныхъ на елкахъ. Точно также мы расходимся съ г. Панаженкомъ во взглядѣ на вопросъ: кто собственно «распоряжался въ чужомъ огородѣ» 25-го декабря. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но продолжаю думать, что для мѣстнаго общества (и, значитъ, для его представителей) учащіяся дѣти, его собственныя дѣти, ни въ какомъ отношеніи съ «чужимъ огородомъ» сравниваемы быть не могутъ. Къ сожалѣнію, г. Панаженко и по этому вопросу думаетъ иначе.

«Надѣюсь, послѣ всего сказаннаго я могу со всею подобающей вѣжливостью возвратить въ полное распоряженіе г. Панаженка нѣкоторыя слова, въ родѣ «легкомыслія», «клеветы», «киданія грязью» и т. д., которыя онъ счелъ возможнымъ употребить по моему адресу. Не прибѣгая, съ своей стороны, къ

*) Полное заглавіе брошюрки: «Звѣри и люди»—I. «Великодушный Голіаѳъ». разсказъ Ю. Безродной. II. «Смерть Шарика», разсказъ съ французскаго. № 204, Москва, 1897 г.

подобнымъ выраженіямъ, позволю себѣ только напомнить г. Панаженку, что слова эти очень «острыя» и требуютъ осторожнаго обращенія.

«Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ уваженіи *Влад. Короленко*».

Изъ старыхъ провинціальныхъ мотивовъ. Книга, съ такимъ усердіемъ вытѣсняемая изъ современнаго обывательскаго обихода, «въ доброе старое время» пользовалась часто настолько добрымъ расположеніемъ, что находила даже на крайнихъ верхахъ провинціальной администраціи усердныхъ поклонниковъ и даже распространителей. «Саратовскій Дневникъ» извлекъ изъ нѣдръ мѣстнаго архива два характерныхъ въ этомъ смыслѣ «дѣла».

Въ саратовской городской думѣ 30-го іюня 1805 года (въ составѣ городского головы Осипа Горбунова и гласныхъ: Григорія Калентьева, Ивана Винокурова, Степана Масленникова, Ивана Устинова и Василія Кузнецова) слушали предписаніе г. губернатора Петра Ульяновича Бѣлякова «о пріобрѣтеніи выписаннаго имъ для любопытства (sic!) и вольной продажи сочиненія подъ названіемъ: «Путешествіе по Саксоніи, Австріи и Италіи», въ количествѣ 20 экземпляровъ, по 6 рублей за экземпляръ, всего на сумму 120 рублей, приказали: деньги 120 руб. немедленно отправить къ его превосходительству, взявъ оныя изъ городскихъ доходовъ, а полученныя книги передать гласному Устинову съ роспискою и велѣть ему сіе любопытное сочиненіе продавать съ надбавкою по 10 коп. на рубль, т.-е. по 6 руб. 60 коп. за каждую книгу, а сколько и когда продано будетъ, о семъ думу увѣдомить. А дабы о сей продажѣ вѣдомо было по городу, чрезъ градскую полицію оповѣстить жителей».

Тѣмъ не менѣе это «любопытное сочиненіе», несмотря на содѣйствіе даже полиціи, не бойко расходилось по городу: въ два мѣсяца Устиновъ успѣлъ продать всего только 5 экземпляровъ. «Болѣе же охочихъ людей изъ здѣшняго купечества купить сіе «Путешествіе» никого не объявилось,—какъ докладывалъ Устиновъ объ этомъ въ августѣ мѣсяцѣ думѣ, — поелику тѣ страны, о коихъ говорится въ семъ «Путешествіи», въ дальнемъ разстояніи отъ Саратова,—добавляетъ Устиновъ,—и никакой торговли съ ними здѣшнее купечество не производитъ». Ничего не оставалось дѣлать, какъ остальные 15 экземпляровъ, по обоюдному между собою согласію, разверстать среди членовъ думы, причемъ на долю городского головы Горбунова пришлось заплатить за 4 экз., Масленникова и Устинова—за 6, Кузнецова и Калентьева—за 4 и Винокурова—за 1 экземпляръ. Деньги были внесены въ городскую кассу, о чемъ дума почтительнѣйше и донесла его превосходительству.

Но эта не совсѣмъ удачная коммиссіонная операція по книжной торговлѣ не остановила, однако, губернатора Бѣлякова въ его дальнѣйшемъ стремленіи такимъ же путемъ насаждать просвѣщеніе среди саратовцевъ.

Въ городской думѣ 20-го декабря 1805 года (составъ гласныхъ тотъ же) слушали предложеніе г-на губернатора П. У. Бѣлякова такого содержанія: «Издатели «Санктпетербургскаго Журнала» пріемлютъ на себя продолжать оный и въ будущемъ 1806 году, а потому всемѣрно стараться содѣйствовать его распространенію, подобно тому, какъ и въ прошедшихъ годахъ сіе было сдѣ-

лано съ совершенною благодарностью отъ издателей. Изъ доставленнаго же объявленія видно, что издаваемый на 1806 годъ «С.-Петербургскій Журналъ», сверхъ извѣстной пользы, будетъ заключать всѣ интересныя для любителей просвѣщенія свѣдѣнія. Препровождая при семъ въ думу два экземпляра таковыхъ объявленій, надѣюсь, что члены думы, будучи предубѣждены пользою «С.-Петербургскаго Журнала», возжелаютъ непремѣнно имѣть оный и не оставятъ употребить мѣръ къ извѣщенію о семъ и прочаго купечества и мѣщанства, дабы чрезъ сіе посредство умножить число желающихъ имѣть полезное сіе изданіе. Слѣдующіе за журналъ деньги, 15 рублей съ полупроцентами доставлять ко мнѣ. Впрочемъ, если выписывавшіе въ прошедшемъ году «Спб. Журналъ» не получили онаго въ настоящее время, то они увидятъ причину въ объявленіи, что медленность происходила отъ исправленія типографіи (sic!), чего уже въ будущемъ 1806 году не будетъ»... приказали: «предложеніе завесть дѣломъ и съ приложеніемъ объявленія дать о семъ знать чрезъ базарныхъ старостъ купечеству и мѣщанству».

Много ли нашлось охотниковъ выписывать журналъ на 1806 годъ, особенно изъ тѣхъ, кои не получили его въ 1805 г.,—неизвѣстно.

Подобныхъ фактовъ «въ доброе старое время» можно во множествѣ указать и не въ одномъ только Саратовѣ. Дѣйствія подобнаго рода носили названія «просвѣщеннаго абсолютизма» и въ большинствѣ случаевъ заканчивались довольно курьезно.

Обывательская цензура. Въ каждомъ русскомъ городѣ, имѣющемъ собственную газету, имѣется, какъ обязательное въ ней дополненіе, болѣе или менѣе сильная и сплоченная обывательская клика, у которой есть достаточно основаній враждовать съ гласностью. Клика эта обыкновенно не стѣсняется въ средствахъ, чтобы измыть ненавистныхъ имъ литераторовъ—«газетчиковъ», а съ ними вмѣстѣ и газету. До сихъ поръ отъ этой клики приходилось защищаться только «газетчикамъ», но теперь, оказывается, она доняла и цензоровъ. Вотъ два характерныя «письма въ редакцію», напечатанныя почти одновременно въ газетахъ, издающихся въ двухъ разныхъ и ничего между собою общаго не имѣющихъ городахъ.

Письмо № 1, напечатанное въ «Уралѣ».

«М. г.! Неоднократно приходилось мнѣ слышать, что лица, даже принадлежащія къ несомнѣнно интеллигентному классу общества, винятъ цензуру въ томъ, что она разрѣшаетъ къ печати статьи, которыя бываютъ часто непріятны и обидны для тѣхъ или другихъ лицъ и основательность которыхъ подлежитъ сомнѣнію.

«Для предотвращенія такихъ обвиненій, ненадлежаще направляемыхъ, считаю долгомъ сослаться на законъ, который гласитъ слѣдующее: «Цензура *не имѣетъ* (курсивъ мой) права входить въ разборъ справедливости или неосновательности частныхъ мнѣній и сужденій писателя, если только оныя не противны общимъ правиламъ цензуры...» (зак. о печати, ст. 111).

Сопоставляя приведенную статью съ законами о печати вообще, приходишь къ слѣдующему выводу: законъ, возлагая на цензора обязанность не разрѣшать

въ печати статей, содержащихъ мнѣнія и сужденія, закономъ предусмотрѣнныя, требуетъ въ то же время отъ него, цензора, быть, такъ сказать, объективнымъ и безучастнымъ зрителемъ схватки между печатнымъ органомъ, какъ служителемъ общественныхъ интересовъ, и лицами, къ тому или другому обществу принадлежащими. Если же обличительныя статьи его построены на ложныхъ основаніяхъ, то въ распоряженіи лицъ, противъ которыхъ статьи направлены и причиняютъ имъ непріятность, обиду, оскорбленіе и проч., имѣются законные способы самозащиты. Цензоръ же защитникомъ такихъ лицъ, если бы даже онъ искреннѣйше и желалъ этого, быть не можетъ, потому что по ст. 111 зак. о печати онъ «не имѣетъ права входить въ разборъ справедливости или неосновательности мнѣній и сужденій автора».

Подписано: Цензурующій газету *Бехъ*». Въ Никольскѣ-Уссурійскомъ обывательская клика не только «винитъ» цензора, но даже не стѣсняется застращивать его «скорымъ вылетомъ вонъ со службы» за яко бы послабленія, оказываемыя имъ «газетчикамъ». Впрочемъ, вотъ цѣликомъ письмо (№ 2) въ редакцію «Никольско-Уссурійскаго Листка», откуда читатель самъ можетъ судить о настроеніи уссурійскаго обывателя.

«М. г.! Очень многія лица обращаются ко мнѣ, какъ цензору «Листка», съ разными грозными требованіями дать имъ объясненіе: на какомъ основаніи мной пропускаются замѣтки или статьи, въ которыхъ задѣто чье-либо самолюбіе или невѣрно, по ихъ мнѣнію, освѣщены факты или событія. Нѣкоторые субъекты, не стѣсняясь, шлютъ по моему адресу угрозы воспретить мнѣ пропускать замѣтки обличительнаго характера, а другіе идутъ дальше: стращаютъ жалобами въ судъ и «скорымъ вылетомъ вонъ со службы».

«Въ виду часто повторяющихся за послѣднее время подобныхъ инцидентовъ въ видѣ угрозъ и не придавая особаго имъ значенія, прошу васъ оповѣстить черезъ посредство вашей газеты всѣхъ тѣхъ, кто не знакомъ съ этикой печатнаго слова и имѣетъ неудовольствіе на меня, какъ цензора «Листка», чтобы обращались съ жалобами къ моему начальству или непосредственно въ главное управленіе по дѣламъ печати. Этимъ я буду избавленъ отъ неумѣстныхъ требованій давать объясненіе о причинахъ пропуска не нравящійся статьи. 16-го февраля 1902 г.».

Подписано: «Ис. об. цензора «Листка» начальникъ округа *И. Вологдинъ*».

Женщина въ дальней тайгѣ. Положенію женщины на золотыхъ пріискахъ Восточной Сибири посвящаетъ статью въ «Восточномъ Обозрѣніи» г. Золинъ. Многое изъ разсказываемаго авторомъ относится къ недавнему прошлому, многое происходитъ и теперь, въ наши дни, но суть въ томъ, что и прежде, и теперь установившіяся на пріискахъ отношенія къ женщинѣ поражаютъ посторонняго наблюдателя своей одичалостью, грубостью и первобытной простотой нравовъ.

Женщинъ на пріискахъ бываетъ всегда мало,—промышленнику не выгодно набирать много женатыхъ рабочихъ, такъ какъ женскій трудъ на пріискахъ ничтоженъ, а число жилыхъ помѣщеній всегда бываетъ ограничено. Въ сред-

немъ надо считать, что на 30 мужчинъ приходится одна женщина и въ этой малочисленности прекраснаго пола слѣдуетъ искать главную и существеннѣйшую причину прочно установившихся къ ней отношеній. Къ этому надо прибавить, что на пріискахъ встрѣчаются почти исключительно молодыя, красивыя женщины, что объясняется самымъ способомъ наемки рабочихъ.

Каждую весну съ пріисковъ выѣзжаютъ въ жилыя мѣста особые довѣренные, на обязанности которыхъ лежитъ закупка припасовъ и наемъ рабочихъ на слѣдующій операціонный годъ. Накупивъ товару, нанявъ нѣсколько сотенъ здоровыхъ, крѣпкихъ рабочихъ и честно выполнивъ такимъ образомъ свою миссію передъ хозяиномъ, довѣренный рѣшаетъ заодно угодить также и своимъ коллегамъ, преимущественно холостымъ (я говорю: преимущественно!) и съ этой цѣлью производитъ наемку женатыхъ рабочихъ, зорко наблюдая, чтобы нанятыя женщины были молоды, здоровы и красивы. Наемка женщинъ напоминаетъ нѣсколько невольничій рынокъ, но зато «партія» невольницъ подбирается хоть куда: одна къ одной. Дѣлается это такъ же просто, какъ и цинично.

— Наниматься пришелъ?—спрашиваетъ довѣренный рабочаго, явившагося на наемку.—Женатый?

— Такъ точно, ваше благородіе.

— А вотъ сначала приведи-ка жену. Посмотримъ, какова она изъ себя есть: можетъ, старбень какая? Рабочій приводитъ жену, но довѣренному она не нравится; онъ машетъ рукой.

— Нѣтъ братъ, не подойдетъ,—безапелляціонно рѣшаетъ онъ.—Намъ молодыхъ надо.

Лѣтъ десять тому назадъ на пріискахъ былъ довольно распространенъ обычай отдавать своихъ женъ «на-подержаніе» кому-либо изъ рабочихъ или служащихъ на извѣстное время и за извѣстную плату. Срокъ колебался отъ одной недѣли до 2—3 мѣсяцевъ. Неизвѣстно, производилась ли такая сдѣлка съ согласія отдаваемой жертвы или она вызывала бурю справедливаго негодованія со стороны насильно продаваемой женщины, но фактъ тотъ, что случаи эти бывали, и женщины безропотно «отслуживали» положенный срокъ.

Если виновниками паденія женщинъ является отчасти холостая молодежь, то пальма первенства на этомъ поприщѣ все же принадлежитъ холостымъ служащимъ пріиска, которыхъ рабочіе съ циничнымъ остроуміемъ окрестили мѣткимъ прозвищемъ «пріискательскихъ быковъ». Этихъ господъ надо по справедливости считать истинными развратителями пріисковыхъ женщинъ и очень рѣдко можно найти въ нихъ такую, которая благополучно избѣгла бы благосклоннаго вниманія таежныхъ донъ-жуановъ. Дѣло обыкновенно начинается съ того, что «влюбленный» донъ черезъ сваху увѣдомляетъ предметъ своей страсти о посѣтившихъ его чувствахъ и выражаетъ желаніе имѣть съ «предметомъ» личное объясненіе; если «предметъ» хранитъ упорное молчаніе, пускается въ ходъ злато, которое почти заставляетъ очаровательницу сдаться на волю побѣдителя (довольно, впрочемъ, великодушнаго); когда первый ледъ сломанъ, донъ имѣетъ тайное совѣщаніе съ «надворнымъ» (завѣдующій женскими работами), результатомъ каковаго совѣщанія является распоряженіе надворнаго,

чтобы такая-то отправилась бы къ такому-то мыть полы въ его квартирѣ. Добавимъ, что выраженіе «мыть полы» имѣетъ на пріискательскомъ жаргонѣ, помимо своего буквальнаго значенія, еще другое, особенное.

Вслѣдствіе почти полнаго отсутствія невѣстъ, браки среди служащихъ пріисковаго персонала случаются крайне рѣдко, и служащіе, желающіе связать себя узами Гименея, ѣдутъ обыкновенно въ города съ спеціальной цѣлью найти подходящую невѣсту. Автору передавали за фактъ, что лѣтъ 15—20 тому назадъ таежные женихи въ погонѣ за невѣстами прибѣгали къ довольно оригинальному способу: такой женихъ пріѣзжалъ въ Иркутскъ, являлся къ начальницѣ сиропитательнаго заведенія и излагалъ ей свое желаніе вступить въ бракъ съ какой-либо воспитанницей заведенія; начальница просматривала бумаги жениха, наводила кое-какія справки и въ опредѣленный день приглашала жениха на смотрины, заключавшіяся въ томъ, что воспитанницы старшаго класса, какъ бы прогуливаясь, дефилировали передъ гостемъ. Женихъ намѣчалъ какую-нибудь «бѣленькую съ синимъ цвѣточкомъ въ волосикахъ», сиропитательное начальство устраивало два—три невинныхъ свиданія, и дѣло заканчивалось обыкновенно свадьбой.

До какой степени невѣсты стоятъ «въ цѣнѣ» на пріискахъ и по настоящее время, показываетъ слѣдующій случай. Управляющій однимъ изъ пріисковъ три раза подъ рядъ выписывалъ себѣ изъ Европейской Россіи гувернантокъ для дѣтей, и всѣ три гувернантки выходили замужъ, спустя нѣкоторое время послѣ своего пріѣзда; а вторая по счету гувернантка получила предложеніе, еще не доѣзжая верстъ 100 до пріиска и явилась на мѣсто назначенія съ сопровожденіи своего жениха.

Остается коснуться еще одного явленія, исключительно созданнаго тѣмъ же отсутствіемъ невѣстъ,—неравныхъ браковъ, когда болѣе или менѣе интеллигентные служащіе женятся на своихъ горничныхъ, кухаркахъ, сожительницахъ рабочихъ и др.

Особенно счастливыхъ браковъ при такихъ условіяхъ автору видѣть не приходилось, хотя, съ другой стороны, надо признать, что положеніе замужнихъ женщинъ въ тайгѣ вообще очень печально и достойно сожалѣнія при всякихъ условіяхъ: во-первыхъ, вся жизнь таежныхъ барынь проходитъ въ невозможной, прямо-таки возмутительной праздности; въ этомъ отчасти виноваты сами онѣ, отчасти виноваты и условія жизни; такъ, напримѣръ, наблюдая таежную жизнь, можно подумать, что управленіе пріисками сдѣлало отъ себя все возможное, чтобы убить въ таежной барынѣ всякую живую дѣятельность; заботъ у ней нѣтъ рѣшительно никакихъ; не надо закупать провизію, такъ какъ она еще съ утра отпущена на кухню любезнымъ матеріальнымъ; не надо готовить пищу, такъ какъ обѣдъ приготовляетъ нанятый управленіемъ поваръ на общей кухнѣ; не надо заботиться ни о дровахъ, ни о водѣ, ни объ освѣщеніи,—все это доставляетъ даромъ предусмотрительное управленіе; даже прислуга—и та полагается казенная. Управленіе заботится объ ея мебели, управленіе покупаетъ посуду, управленіе устраиваетъ театры, танцы и др. развлеченія. Словомъ, управленіе такъ полно входитъ во всѣ стороны ея жизни, что

человѣкъ невольно утрачиваетъ всякое понятіе о какой-либо дѣятельности; сонная, ожирѣвшая, отупѣлая—ибо въ самомъ дѣлѣ можно отупѣть, не ударивъ палецъ о палацъ въ продолженія 12 часовъ—таежная барыня производитъ некрасивое впечатлѣніе. Постоянная праздность входитъ въ привычку и отбиваетъ охоту заняться хоть какимъ-нибудь дѣломъ, чтеніе книгъ недоступно за неграмотностью, наряжаться не для кого и не для чего. Остается одинъ выходъ—сплетни, и барыни широко пользуются этимъ единственнымъ развлеченіемъ: сплетней насыщенъ воздухъ, она одна занимаетъ нездоровые праздные умы, къ ней одной тяготѣютъ всѣ стремленія, всѣ интересы этихъ одичалыхъ представительницъ прекраснаго пола. Изрѣдка примѣшиваются карты, изрѣдка составляются танцы, изрѣдка принимаются гости... И такъ идетъ день за днемъ, годъ за годомъ... Дѣйствительно, ужасное существованіе.

Въ Финляндіи. Въ «Финл. Газ.» напечатано слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«4-го (17-го) апрѣля, въ 10 часовъ утра, въ присутствіи нюландскаго губернатора, призывное по воинской повинности присутствіе открыло въ гельсингфорскомъ гарнизонномъ манежѣ засѣданіе для провѣрки по призывнымъ спискамъ явившихся къ призыву лицъ.

Толпа въ количествѣ около 500 человѣкъ громкимъ кашлемъ и шумомъ заглушала сначала чтеніе статей закона, а затѣмъ выкликаніе фамилій. Еще бо́льшими безпорядками сопровождались выходы выкликиваемыхъ лицъ.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа былъ сдѣланъ перерывъ засѣданія.

Выходившаго изъ манежа полицейскаго коммисара Кайтокангаса толпа сопровождала криками и бросаньемъ камнями и кусками льда, коими нанесла серьезныя пораненія головы. Благодаря энергичнымъ дѣйствіямъ и. д. помощника полицеймейстера штабсъ-капитана Максимова, названнаго коммиссара удалось посадить на извозчика и привезти на центральную полицейскую станцію. При этомъ толпа избила нѣсколькихъ констаблей.

На возобновленномъ въ 12 часовъ того же дня засѣданіи призывнаго по воинской повинности присутствія толпа, нѣсколько болѣе многочисленная, чѣмъ утромъ, среди которой были: протокольный секретарь Императорскаго финляндскаго сената Фуругельмъ, баронъ фонъ-Борнъ, Аксель Лилле, городскіе фискалы и другіе интеллигенты, позволила себѣ еще большія безчинства.

Всего изъ 857 призываемыхъ явилось въ манежъ 57 человѣкъ и 2 явилось непосредственно губернатору, доложивъ, что въ манежѣ толпа силою не допустила ихъ подойти къ кригсъ-коммиссару и шумомъ заглушила ихъ откликъ.

Около 4 часовъ пополудни того же дня толпа начала собираться на Южной Эспланадной улицѣ, противъ магазина портного Зелигсона, въ который вошелъ коммиссаръ Кайтогангасъ. Подъ прикрытіемъ вызваннаго наряда конной и пѣшей полиціи упомянутому коммиссару удалось уѣхать на извозчикѣ, за которымъ бросилась толпа, но, потерявъ изъ виду, направилась на Сенатскую площадь, къ зданію полиціи, гдѣ и была разогнана констаблями.

5-го апрѣля, въ 10 час. утра, призывное по воинской повинности присутствіе открыло засѣданіе въ казармахъ лейбъ-гвардіи 3-го финскаго батальона для производства медицинскаго осмотра явившихся къ призыву.

Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, несмотря на просьбы полиціи разойтись, запрудила Казарменную площадь и крикомъ, свистомъ, ругательствами встрѣчала каждаго призывного, выходившаго изъ присутствія.

Около 11 часовъ толпа набросилась на спокойно стоявшаго на углу Южной Магазинной и Фабіанской улицы жандармскаго унтеръ-офицера, который хотѣлъ укрыться отъ нея въ аукціонный залъ, но былъ оттуда вытолкнутъ и для самообороны выхватилъ шашку.

Видѣвшій это и. д. помощника полицеймейстера штабсъ-капитанъ Максимовъ съ обнаженной шашкой бросился на толпу, которая разбѣжалась, но въ это время штабсъ-капитанъ Максимовъ былъ серьезно раненъ въ голову кускомъ льда.

Кинувшійся на выручку его констабль Гедманъ сбитъ толпою съ ногъ и избитъ.

Около 12 часовъ къ присутствовавшему все время на площади полицеймейстеру подошелъ «депутатъ» отъ толпы съ просьбою убрать усиленный нарядъ полиціи, ручаясь, что толпа разойдется, и уличный порядокъ города Гельсингфорса будетъ возстановленъ. Полицеймейстеръ подполковникъ Карлстедтъ рѣшилъ испробовать это послѣднее средство для возстановленія уличнаго порядка. Дѣйствительно, нѣкоторые стали уходить, но замѣтно толпа не уменьшилась. Вскорѣ съ окончаніемъ дѣйствій призывного присутствія толпа перешла на Сенатскую площадь.

Около двухъ часовъ дня вся площадь и прилегающія улицы были запружены народомъ и вызванная вся имѣвшаяся на лицо полиція, какъ пѣшая, такъ и конная, оказалась безсильною для удержанія порядка въ присутствіи возбужденной массы, угрожавшей полиціи и нѣкоторымъ изъ сенаторовъ, а потому была вызвана сотня оренбургскаго казачьяго дивизіона, при появленіи которой на площади толпа разсѣялась въ ближайшіе дворы, на лѣстницы Николаевскаго собора, сената, университета и въ боковыя улицы, но вскорѣ начала опять запружать площадь. Посланныя отдѣленія казаковъ для разсѣянія толпы были встрѣчены камнями, кусками льда, изъ оконъ бросали полѣнья и пузырьки съ какою-то жидкостью.

Нѣсколько казаковъ были ушиблены и одинъ тяжело раненъ въ голову; несмотря на это, было рѣшено еще обождать примѣнять оружіе, но пришлось разгонять сопротивляющуюся толпу нагайками.

Въ это время были вызваны двѣ роты 1-го финляндскаго стрѣлковаго полка. Было ранено еще трое констаблей и казакъ, сильно ушиблены коммиссаръ Левингъ, трое констаблей, и многіе легко.

Въ виду обѣщанія нѣсколькихъ лицъ изъ публики и городскихъ уполномоченныхъ, что они уговорятъ толпу разойтись, дѣйствіе войскъ пріостановлено и казачья сотня введена во дворъ полицейскаго управленія.

Пасторъ Муренъ обратился къ народу съ рѣчью на финскомъ и шведскомъ языкахъ, уговаривая разойтись, не доводя до кровопролитія.

Въ виду приближенія времени окончанія работъ на фабрикахъ и возможности увеличенія толпы рабочими, вызваны были еще двѣ роты 1-го финляндскаго стрѣлковаго полка и двѣ роты л.-гв. 3-го стрѣлковаго финскаго батальона.

До прихода послѣднихъ толпа начала расходиться, а затѣмъ были отправлены домой вызванныя части и поддержаніе порядка всецѣло вновь перешло въ руки полиціи. Казачья сотня на обратномъ пути была осыпана камнями, которыми сильно ушибленъ офицеръ и урядникъ, раздроблено ложе винтовки и поранено нѣсколько лошадей. Мѣстами сотня пробивалась силою.

Около десяти часовъ народъ кучками вновь началъ прибывать на Сенатскую площадь, откуда образовавшаяся толпа съ пѣніемъ бьернеборгскаго марша, съ съ крикомъ и свистомъ двинулась по Александровской улицѣ. У студенческаго дома она остановилась и затѣмъ мало-по-малу стала расходиться.

На слѣдующее утро во всѣхъ гельсингфорскихъ газетахъ было напечатано обращеніе городскихъ уполномоченныхъ къ гражданамъ, призывающее ихъ къ сохраненію порядка. Таковыя же воззванія были расклеены по всѣмъ улицамъ, а такъ какъ онѣ вскорѣ оказались порванными, то были расклеены вторично. Повидимому все это возымѣло дѣйствіе; день этотъ прошелъ покойно».

9-го апрѣля опубликовано объявленіе нюландскаго губернатора генералъ-майора Кайгородова слѣдующаго содержанія: «Въ послѣдніе дни въ городѣ происходили уличные безпорядки, потребовавшіе вызова войскъ, имѣющихъ въ такихъ случаяхъ по закону право дѣйствовать огнестрѣльнымъ оружіемъ, сила котораго нынѣ ужасна. Въ предупрежденіе напрасныхъ жертвъ, призываю гражданъ не нарушать общественнаго порядка, а въ особенности не допускать женщинъ и дѣтей примыкать къ толпѣ. Участіе въ недозволенныхъ сборищахъ, составляя нарушеніе закона, само по себѣ преступно. Уличная смута не можетъ поколебать требованій правительства; поэтому, дерзкое своеволіе толпы, будучи совершенно безцѣльнымъ, можетъ лишь повлечь за собой весьма тяжкія послѣдствія».

Въ этотъ же день, 9-го апрѣля, обнародованъ слѣдующій Высочайшій рескриптъ:

«Въ послѣднее время, въ Финляндіи распространились ложные слухи о намѣреніи Нашемъ отмѣнить въ настоящемъ году призывъ новобранцевъ. Слухи эти, смутивъ многихъ призываемыхъ, поселили въ ихъ средѣ сомнѣніе, слѣдуетъ ли имъ являться къ исполненію воинской повинности. Нашъ финляндскій сенатъ, опасаясь, что при такомъ положеніи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ могутъ встрѣтиться затрудненія къ своевременному исполненію призыва, вошелъ къ Намъ съ всеподданнѣйшимъ ходатайствомъ о продленіи установленнаго срока призыва, дабы дать населенію время убѣдиться въ неосновательности разсѣеваемыхъ по поводу воинской повинности слуховъ. Признавъ за благо снизойти къ этому ходатайству, предоставляемъ вамъ по заявленію сената продлить время производства призыва долѣе назначеннаго въ законѣ срока (24-го іюня).

Ожидаемъ, что освѣдомленные относительно истинныхъ Нашихъ намѣреній финляндскіе граждане не преминутъ безпрекословно исполнить требованіе закона. Уклоненіе отъ призыва приведетъ Насъ къ убѣжденію, что установившійся въ теченіе истекшаго столѣтія порядокъ управленія Финляндіею не обезпечиваетъ спокойнаго теченія государственной жизни и повиновенія властямъ».

За мѣсяцъ. 2-го апрѣля, около 1 часа дня, при входѣ министра внутреннихъ дѣлъ въ помѣщеніе комитета министровъ, въ Маріинскомъ дворцѣ, пріѣхавшій за нѣсколько минутъ до этого въ каретѣ и ожидавшій министра въ швейцарской неизвѣстный человѣкъ въ военной офицерской формѣ, подавая запечатанный конвертъ, произвелъ въ министра четыре выстрѣла, причемъ двумя пулями тяжко ранилъ егермейстера Сипягина. Раненому, по перенесеніи его въ Максимиліановскую лечебницу, была немедленно подана помощь докторами Вельяминовымъ и Трояновымъ, но, несмотря на это, егермейстеръ Сипягинъ черезъ часъ скончался.

Слѣдствіе производится и установлено, что задержанный преступникъ не будучи военнымъ, надѣлъ адъютантскую форму для облегченія себѣ доступа къ министру.

— Высочайшимъ указомъ 4-го апрѣля статсъ-секретарь *В. К. фонъ-Плеве* назначенъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ.

— 6-го апрѣля, въ 11 час. утра, министръ внутреннихъ дѣлъ, статсъ-секретарь, дѣйствительный тайный совѣтникъ В. К. Плеве принималъ въ зданіи министерства, въ залѣ совѣта министра, представлявшихся ему высшихъ чиновъ министерства. По окончаніи представленія, министръ обратился къ присутствовавшимъ со слѣдующими словами:

«По волѣ Его Императорскаго Величества я замѣняю, въ положеніи министра внутреннихъ дѣлъ, безвременно погибшаго Дмитрія Сергѣевича Сипягина. Имя Дмитрія Сергѣевича, незабвенное отнынѣ въ лѣтописяхъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вызываетъ представленіе о государственномъ дѣятелѣ, самоотверженно служившемъ Государю и беззавѣтно преданномъ кореннымъ основамъ русской жизни. Онъ обратилъ свое служеніе въ подвигъ и запечатлѣлъ этотъ подвигъ своею кровью. Миръ праху человѣка, оставившаго намъ назидательный примѣръ цѣльнаго міросозерцанія и непоколебимой преданности долгу. Становясь на его постъ, молю Всевышняго даровать мнѣ нравственныя силы слѣдовать этому примѣру. Историческій смыслъ нашего времени столь глубокъ, значеніе общественныхъ событій, нами переживаемыхъ, такъ велико, что созданное ими положеніе требуетъ не словъ, а дѣла. Въ порученномъ намъ Государевомъ дѣлѣ приглашаю васъ на разумную, благожелательную и спокойную работу, требую честнаго и умѣлаго сотрудничества. Зная большинство изъ васъ, увѣренъ, что мое требованіе будетъ исполнено».

— Въ «Прав. В.» напечатано:

«Министръ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи п. 1-го ст. 17 Высочайше утвержденнаго положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и

общественнаго спокойствія, призналъ необходимымъ дѣло объ убійствѣ 2-го апрѣля бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ, егермейстера Сипягина, передать на разсмотрѣніе военнаго суда, съ примѣненіемъ законовъ военнаго времени».

Изъ русскихъ журналовъ.

(«Русская Старина»—апрѣль. «Образованіе»—мартъ)

Въ прошломъ обозрѣніи мы обращали вниманіе читателей нашего журнала на появившееся въ мартовской книжкѣ «Русской Старины» очень интересное сообщеніе И. А. Бычкова о неизданной главѣ изъ «Жизни графа Сперанскаго» барона М. А. Корфа. Въ апрѣльской книжкѣ того же журнала появилось непосредственное продолженіе упомянутаго сообщенія И. А. Бычкова подъ заглавіемъ «Ссылка Сперанскаго въ 1812 году». Сокровенныя причины этой ссылки и обстоятельства ее сопровождавшія занимали вниманіе многихъ русскихъ историковъ, но полнаго свѣта на это дѣло не было пролито и до настоящаго времени. Когда появилось въ свѣтъ извѣстное сочиненіе барона Корфа «Жизнь графа Сперанскаго», то печать обратила особое вниманіе на умолчаніе авторомъ подробностей происходившаго 17-го марта 1812 года свиданія Сперанскаго съ Александромъ Первымъ, послѣ котораго послѣдовала такая внезапная ссылка русскаго реформатора. Въ нынѣ цитируемой статьѣ и помѣщены именно эти любопытныя подробности. «Важнѣйшая ихъ часть,—говоритъ Корфъ,—основана на сообщеніяхъ престарѣлаго Ѳедора Петровича Лубяновскаго, которому будто бы пересказывалъ все это самъ Сперанскій въ длинныхъ и откровенныхъ пензенскихъ бесѣдахъ въ 1821 году. Но показаніе его дополнены и разными другими». На основаніи всего этого дѣло представляется такъ: 17-го марта 1812 г. Сперанскій былъ у Александра съ докладомъ. «Государь встрѣтилъ его, по обыкновенію, милостиво, извинился, что такъ давно не могъ принять его за множествомъ работы по военной части, утвердилъ всѣ его представленія и вообще не далъ замѣтить ничего, кромѣ всегдашняго своего благорасположенія». Когда, по окончаніи доклада, Сперанскій собирался уже откланяться, то государь вдругъ обратился къ нему съ такою рѣчью: «Намъ надо объясниться, Михайло Михайловичъ, я уже давно замѣчаю, что вы идете противъ меня, а теперь вполнѣ въ этомъ убѣдился». Не давая сказать Сперанскому ни слова, Александръ сталъ обвинять его: 1) «въ томъ, что, стоя у кормила правленія, онъ при всѣхъ случаяхъ худо о немъ отзывается и даже въ секретарской комнатѣ не разъ громко говорилъ о предстоящемъ будто бы паденіи имперіи; 2) что онъ стремился разстроить ее финансовыми своими мѣрами и посредствомъ усиленныхъ налоговъ возбудить ненависть противъ правительства; 3) что онъ жертвуетъ благомъ государства изъ привязанности своей къ французской системѣ; 4) что, не довольствуясь общимъ преобразованіемъ всего государственнаго строя, въ которое вовлекалъ государя своими софизмами, онъ замышлялъ уничтожить даже и послѣднее звено, соединявшее Россію александровскую съ петровскою—че-

резъ логику сената; 5) что, несмотря на ввѣренный ему уже обширный кругъ дѣлъ, онъ старался еще болѣе его расширить и покушался проникнуть въ дипломатическія тайны, употребляя для того во зло вліяніе свое на нѣкоторыхъ чиновниковъ министерства иностранныхъ дѣлъ; 6) что онъ готовъ былъ, чтобы только не встрѣчать никакихъ препонъ своимъ замысламъ и своему властолюбію, пожертвовать даже личными своими чувствами и соединиться съ прежними извѣстными своими врагами Армфельдомъ и Балашовымъ».

Обвиненія были до очевидности несостоятельны, и, тѣмъ не менѣе, Александръ не хотѣлъ и слушать никакихъ объясненій Сперанскаго. Видя все это, Сперанскій сказалъ: «Прошу, послѣ всего этого, за всю мою службу, одной только милости: отпустить меня не съ безчестіемъ и позволить подать отъ самого себя просьбу объ отставкѣ». Отвѣтъ на эту просьбу проливаетъ яркій свѣтъ на характеръ Александра: «Въ другое время,—сказалъ онъ,—я поступилъ бы иначе; во всякомъ иномъ положеніи дѣлъ, менѣе настоятельномъ, я употребилъ бы годъ или два, чтобы ближе изслѣдовать и провѣрить взведенныя на тебя обвиненія. Но теперешнія обстоятельства этого не позволяютъ. У тебя сильные враги; общее мнѣніе требуетъ твоего удаленія, только на этомъ условіи соглашаются дать нужныя намъ деньги, а у меня на рукахъ — Наполеонъ и неизбѣжная война. Но на желаніе твое самому проситься въ отставку *я охотно соглашаюсь, пріѣзжай ко мнѣ завтра утромъ въ 12 часовъ съ просьбой и мы покончимъ все между собою, а теперь прощай, до свиданія*»...

Докладъ Сперанскаго начался Александру въ этотъ день въ восемъ часовъ вечера; разговоръ съ Александромъ, или правильнѣе рѣчи послѣдняго къ Сперанскому заняли также извѣстное время и такимъ образомъ уже ночью отправился Сперанскій къ себѣ домой. На основаніи словъ самого Александра, онъ думалъ, что ему предстоитъ, по крайней мѣрѣ, еще одно свиданіе съ государемъ, но вышло не такъ, ибо *въ это же время* въ другомъ мѣстѣ происходило слѣдующее: «Въ особенной или секретной канцеляріи министерства полиціи, состоявшей подъ начальствомъ де-Санглена, дежурнымъ въ этотъ день былъ Густавъ Васильевичъ Лерхе, впослѣдствіи извѣстный петербургскій адвокатъ. Вечеромъ, по разсказу Лерхе, де-Сангленъ, заѣхавъ въ канцелярію, взялъ у Лерхе два слѣдующіе нумера по исходящему журналу, выставилъ ихъ секретно на привезенныхъ бумагахъ и велѣлъ молодому человѣку не уходить впредь до приказанія. Въ ту же ночь внезапно разбудили тогдашняго оберъ-полицеймейстера Ивана Саввича Горголи. Частный приставъ Шипулинскій явился донести о полученномъ имъ отъ министра полиціи предписаніи.

— Что такое?

— Мнѣ велѣно сейчасъ ѣхать изъ Петербурга.

— Куда, зачѣмъ?

— Не велѣно сказывать.

«По вліянію своему на подчиненнаго, Горголи, однако, тутъ же вывѣдалъ всю истину и остолбенѣлъ: Шипулинскій долженъ былъ везти Сперанскаго въ Нижній... Кромѣ самыхъ непосредственныхъ дѣятелей, никому въ Петербургѣ не прихо-

дило въ мысль ничего подобнаго. Менѣе всѣхъ, послѣ словъ Александра, сама обреченная жертва провидѣла готовившуюся ей участь.

«Въ третьемъ часу утра де-Санглéнъ воротился въ канцелярію и позволилъ Лерхе идти домой. Все было кончено...»

Но кто же были эти «непосредственные дѣятели» и кто былъ во главѣ ихъ? Де-Санглéнъ называетъ ихъ поименно: то были графъ Марковъ, графъ Растопчинъ, графъ Армфельдъ и тайный посланникъ короля Людовика XVIII chevalier de Vernègus, у котораго было, въ свою очередь, три «ассистента»: графъ Н. А. Толстой, графъ Гурьевъ и князь П. М. Волконскій. Во главѣ же всѣхъ этихъ лицъ находился самъ императоръ Александръ. Сперанскаго ненавидѣла за его реформаторскіе планы именно знать и шумъ отъ ея-то голосовъ и принимался за «общественное мнѣніе», а ея ненависть къ реформатору—за ненависть къ нему всей Россіи. Не было такой клеветы, которая не была бы пущена въ ходъ для погубленія Сперанскаго. «Утверждали,—разсказываетъ де-Санглéнъ,—будто Сперанскій состоялъ регентомъ въ ложѣ иллюминатовъ Вейсгаупта (читатели, вѣроятно, знаютъ, что именно этотъ жупелъ т.-е. обвиненіе въ сношеніяхъ съ иллюминатами, былъ большимъ козыремъ въ рукахъ лицъ, ведшихъ въ царствованіе Екатерины интригу противъ просвѣтительной дѣятельности Н. И. Новикова) и былъ въ тайныхъ сношеніяхъ съ Наполеономъ на гибель Россіи. Главный распространитель этихъ слуховъ былъ государевъ флигель-адъютантъ князь Андрей Борисовичъ Голицынъ, подтверждавшій это на письмѣ». Само собою разумѣется, что обвиненіе Сперанскаго въ сношеніяхъ съ Наполеономъ представляло вымыселъ чистѣйшей пробы, но предлогъ былъ хорошъ и за него ухватились... Но для какой же цѣли? «Тильзитскій міръ,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ де-Санглéнъ,—тяготѣлъ надъ Россіей, и въ умѣ царя родилась мысль свергнуть бремя, наложенное на коммерческія дѣла наши; но война противъ сильнаго, искуснаго и счастливаго врага требовала большихъ издержекъ и жертвъ. Нужно было обратить эту войну въ національную. Для достиженія сей цѣли должно было еще сильнѣе пробудить во всѣхъ сословіяхъ духъ патріотическій и найти благовидную причину или предлогъ». Ненависть къ Сперанскому и послужила такимъ предлогомъ. Онъ былъ принесенъ въ жертву... «Итакъ,—говоритъ де-Санглéнъ,—все началось, развилось и созрѣло въ затаенной глубокой мысли *одного* (курсивъ де-Санглéна), а разыгралось передъ лицомъ *его* (тоже) актерами, желавшими утолить свою ненависть, угождать, и не смекнувшими, въ чемъ дѣло состояло...»

Въ той же книжкѣ «Русской Старины» помѣщено очень интересное изслѣдованіе академика Дубровина объ отношеніи В. А. Жуковскаго къ находившимся въ ссылкѣ декабристамъ. Собственно говоря, Жуковскій далеко не проявлялъ такой настойчивости въ облегченіи участи декабристовъ, которую при занимаемомъ имъ положеніи при дворѣ отъ него можно было бы ожидать, но если принять во вниманіе, что другіе не дѣлали въ этомъ отношеніи почти рѣшительно ничего, то личность Жуковскаго должна выдѣлиться и здѣсь въ очень симпатичномъ свѣтѣ. Жуковскій просилъ кн. А. Н. Голицына ходатайствовать передъ государемъ о разрѣшеніи женѣ декабриста И. Д. Якушкина отправиться

въ Сибирь, чтобы раздѣлить тамъ съ мужемъ его участь. Соизволенія государя на это не послѣдовало, и поѣздка Якушкиной, поэтому, не состоялась. Неудачи преслѣдовали и просьбы В. К. Кюхельбекера: пробывъ много лѣтъ въ одиночномъ заключеніи и находясь на поселеніи въ г. Баргузинѣ, Забайкальской области, Кюхельбекеръ писалъ гр. Бенкендорфу, что онъ не имѣетъ средствъ къ жизни, «рана же въ плечо и недостатокъ тѣлесныхъ силъ будутъ ему всегдашнимъ препятствіемъ къ снисканію пропитанія хлѣбопашествомъ или какимъ-либо рукодѣліемъ» и потому просилъ «исходатайствовать у государя императора позволеніе питаться литературными трудами», не подписывая своего имени. Разрѣшенія не послѣдовало и на просьбѣ Кюхельбекера было написано одно только слово: *«нельзя»*. Просьбу свою возобновилъ Кюхельбекеръ въ 1838 году черезъ Жуковскаго, который, препровождая ее шефу жандармовъ, писалъ: «Мое убѣжденіе насчетъ всѣхъ этихъ несчастныхъ то, что мѣра наказанія исполнилась и теперь чередъ благости. По крайней мѣрѣ, все то надобно дѣлать, что можетъ ихъ поддержать нравственно. Писать никому не запрещено; чтобы написанное не было вредно для читающихъ, на то есть цензура. Писать для изгнанника, если только онъ для того имѣетъ талантъ, есть великое нравственное лекарство; оно поддержитъ душу отъ совершеннаго упадка. И почему ему не позволить печатать того, что онъ напишетъ, дабы имѣть деньги, столь нужныя ему, особливо, если у него на рукахъ семья. Человѣкъ, имѣющій занятіе имъ любимое и для него выгодное, надежнѣе человѣка празднаго или принужденнаго по необходимости заниматься такимъ трудомъ, который не по его силамъ и склонностямъ. Мнѣ кажется, что было бы несправедливо отказать въ этомъ Кюхельбекеру». Тѣмъ не менѣе, ему отказали. 18 января императоръ Николай написалъ на докладѣ: «дослужилъ ли онъ до офицерскаго чина?» И когда ему было доложено, что не дослужилъ, то Высочайшаго соизволенія на просьбу Кюхельбекера не послѣдовало.

Прошло еще пять лѣтъ и Кюхельбекеръ снова обратился съ письмомъ къ Жуковскому, въ которомъ просилъ его содѣйствія въ удовлетвореніи той же, направленной имъ черезъ графа Орлова, просьбы. Ему было отказано на томъ же основаніи, какъ и прежде и самое письмо его къ Жуковскому, нынѣ воспроизводимое г. Дубровинымъ, по принадлежности доставлено не было.

Неоднократно хлопоталъ Жуковскій и за неявившагося къ суду Н. И. Тургенева, который проживалъ въ Лондонѣ. Тургеневъ просилъ сначала о пересмотрѣ своего дѣла, но когда это оказалось безнадежнымъ, то братъ его А. И. Тургеневъ обращался за содѣйствіемъ къ Жуковскому объ облегченіи участи Николая Ивановича, въ невиновности котораго во взводимыхъ на него обвиненіяхъ Жуковскій былъ вполнѣ убѣжденъ, въ томъ смыслѣ, чтобы гарантировать изгнаннику безпрепятственное проживаніе во всѣхъ городахъ Европы, для чего стоило только дать «подъ рукою» соотвѣтствующее указаніе нашимъ европейскимъ посольствамъ, но и эта просьба не привела къ удовлетворительнымъ результатамъ.

Однажды Жуковскій составилъ на имя государя интересное письмо, изъ котораго мы приведемъ нѣсколько выдержекъ:

«Государь! Время строгости для нихъ (декабристовъ) миновало! Время милости наступило! Пришла пора залечить тѣ раны, которыя въ столькихъ сердцахъ болятъ и вѣчно болѣть не перестанутъ. Государь! *Произнесите амнистію*! Обрадуйте ваше сердце, Россію и Европу! Я переношусь мысленно къ первой минутѣ вашего царствованія, къ этой удивительной минутѣ, которой нѣтъ примѣра ни въ какой исторіи, въ которую вы, сначала отказавшись отъ короны изъ уваженія къ святости права, потомъ принявъ ее изъ покорности къ промыслу, явились намъ столь достейнымъ вашего назначенія. Въ эту минуту провидѣніе изъ безумства нѣсколькихъ несчастныхъ произвело для васъ случай вдругъ явиться передъ Россіей въ естественномъ вашемъ величіи, вдругъ овладѣть довѣренностью вашихъ подданныхъ и уваженіемъ остального свѣта. Но преступленіе сихъ несчастныхъ есть преступленіе политическое, плодъ заблужденія, произведеннаго и духомъ времени, подъ вліяніемъ котораго образовалась ихъ молодость, и войнами, въ которыя столько пылкихъ, неопытныхъ, невозмужалыхъ умовъ столкнулись съ идеями неуспокоенной Европы, и, смѣю сказать, самимъ государемъ Александромъ, который съ благими намѣреніями возбудилъ столько свободныхъ идей и не далъ имъ надлежащаго направленія. Вы строго наказали преступленіе; виновнѣйшіе т.-е. злодѣи по умыслу и дѣйствію не существуютъ. Всѣ остальные не иное что, какъ жертвы заблужденія! Ни одинъ не зналъ ни чего хотѣлъ, ни что дѣлалъ; всѣ были заражены какою-то умственною чумою, которая теперь должна казаться неизъяснимою загадкою и для нихъ самихъ, уже исцѣленныхъ несчастьемъ заслуженнымъ. Твердость, съ которою поразило ихъ ваше царское правосудіе, положила конецъ всему; увидѣли, что власть державная досталась рукѣ могучей и все пришло въ порядокъ. Строгое правосудіе удовлетворено. Милосердіе ждетъ своей очереди. И именно теперь, когда ничто, кромѣ вашего сердца, не можетъ требовать сего милосердія, насладитесь вы, государь, во всей полнотѣ вашимъ лучшимъ царскимъ правомъ. Вы помилуете, какъ Богъ, только потому, что на то есть ваша воля. Произнесите амнистію! Но мнѣ должно объяснить, какой смыслъ соединяю я съ словомъ амнистія. Я разумѣю подъ нимъ не возстановленіе осужденныхъ въ первобытномъ ихъ состояніи. Нѣтъ! Приговоръ, лишившій ихъ политическаго бытія, навсегда разлучилъ ихъ съ тѣмъ обществомъ, коего членами были они прежде. На мѣсто, посрамленное ихъ преступленіемъ, они уже никогда не могутъ и не должны возвращаться. Изъ своего изгнанія принесли бы они воспоминаніе прошедшаго, которое сдѣлало бы ихъ совершенно безполезными для настоящаго. Амнистія не можетъ имъ возвратить ихъ прежняго отечества; она должна создать для нихъ отечество новое, *тамъ, гдѣ они теперь*; отечество, въ которомъ не будетъ для нихъ воспоминаній оскорбительныхъ, а будутъ цѣлительныя надежды. Тамъ могутъ они сдѣлаться гражданами дѣятельными и полезными. Всѣ они болѣе или менѣе образованы, а несчастіе остепенило ихъ характеръ и, безъ сомнѣнія, исправило ихъ мысли».

Такимъ образомъ, какъ это и развиваетъ Жуковскій болѣе подробно далѣе, подъ «амнистіей» онъ разумѣлъ не болѣе, какъ освобожденіе декабристовъ изъ каторги и водвореніе ихъ въ Сибири. Написалъ это письмо Василій Андрее-

вить, но подать его не рѣшился... Черновой его набросокъ находится у графа Бреверна-де-ла-Гарди, а свѣтъ увидѣлъ его только теперь, т.-е. черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ его написанія...

Всего три-четыре года тому назадъ въ голодовку 1898—1899 года наряду съ оффиціальными учрежденіями въ борьбѣ съ голодомъ принимало участіе общество. Картинѣ такой борьбы съ бѣдствіемъ нѣкоторыхъ общественныхъ элементовъ и посвящена въ мартовской книжкѣ «Образованія» небольшая статья А. С. Пругавина «Студенты на голодѣ. Изъ очерковъ голодовки 1898—1899 года». Авторъ статьи былъ тогда членомъ извѣстнаго Самарскаго кружка для борьбы съ голодомъ. На первый день праздника Пасхи отправился онъ въ село Ташолку, въ которомъ считалось 2.166 душъ обоего пола. Несмотря на праздникъ, деревня была тиха и безлюдна. Встрѣчается мужикъ. Поздоровались.

— Какъ встрѣтили праздникъ?—спросилъ я.

— Наша встрѣча—не приведи Богъ.

— Почему такъ?

— У многихъ, чай, и хлѣба-то не было разговѣться... Не ѣвши, чай, и праздникъ-то стрѣтили.

— Неужели были и такіе?

— А то какъ же?.. Недалече ходить, вотъ, къ примѣру, мой шабёръ, что насупротивъ живетъ... который день и печки не топитъ: нечѣмъ хлѣба замѣсить.

Въ деревнѣ была организована Самарскимъ кружкомъ столовая, но, по ограниченности находившихся въ распоряженіи кружка средствъ, исключительно для дѣтей до 13-ти-лѣтняго возраста. Столовой завѣдывалъ пріѣхавшій въ Ташолку студентъ Юрьевскаго университета г. К—овъ. Это была одна изъ тѣхъ чуткихъ и отзывчивыхъ на страданія ближняго личностей, которыхъ, слава Богу, не перестаетъ поставлять, несмотря ни на что, русская жизнь. Пріѣхалъ г. К—въ по собственному желанію и собственной иниціативѣ и вступилъ въ сношенія съ самарскимъ частнымъ кружкомъ. Вотъ что, между прочимъ, писалъ онъ изъ Ташолки г. Пругавину: «Передайте, пожалуйста, на первомъ засѣданіи кружка то, что происходитъ у насъ въ Ташолкѣ. Помощь дѣтямъ у насъ организовалась порядочно: изъ 437 нуждающихся, пользуется пропитаніемъ 333, число это можетъ быть увеличено до 400, и тогда почти всѣ дѣти будутъ сыты. Это было бы очень пріятно, если бы матери и отцы ихъ были также сыты и здоровы. Но этого какъ разъ и нѣтъ. Приходитъ рабочее время. Нужна сила, здоровье. А куда же годенъ хворый человѣкъ? Какой онъ работникъ? Вотъ и опять въ перспективѣ мрачная картина... Теперь у насъ въ Ташолкѣ распространилась цынга. Нѣкоторые больные уже совсѣмъ лежатъ. Нужно видѣть этихъ больныхъ, чтобы понять всю горечь ихъ существованія. Разлагаться заживо при сознаніи и страшныхъ страданіяхъ! Я не знаю, можетъ ли быть что нибудь мучительнѣе этого. И вотъ приходится быть очевидцемъ медленнаго угасанія многихъ кормильцевъ и кормилицъ. А

тутъ еще примѣшивается сознаніе, что достаточно было бы дать этимъ больнымъ чаю съ лимономъ, горячей здоровой пищи и т. п., то-есть того, чѣмъ мы, здоровые, пользуемся ежедневно и, такъ сказать, безсознательно и они встали бы на ноги. Тогда дѣлается до того гадко, что радъ бы самъ захворать цынгою! У насъ нѣтъ и фельдшера... Мало того я прежде утѣшалъ больныхъ скорымъ пріѣздомъ врача, такъ какъ, *по моему настоянію, сельскими властями былъ посланъ рапортъ о цынгѣ въ Ташолкѣ* (курсивъ нашъ. Цѣль его будетъ видна ниже) въ волостное правленіе и къ земскому врачу г. Глушкову. Но теперь я не могу дѣлать и этого, потому что отъ медицинскаго персонала слыхалъ, что не имѣетъ смысла народъ «булгачить», ибо цынга существуетъ во всѣхъ селеніяхъ, а всѣхъ все равно не вылѣчишь...»

Тревога, забитая г. К—вымъ все-таки сдѣлала свое дѣло. О цынгѣ никто ничего до этого времени не зналъ или дѣлалъ видъ, что не знаетъ, но теперь «становые пристава, земскіе начальники и т. п. начальство волей-неволей должно было признать не только появленіе цынги, но и ея быстрое распространеніе...»

О полученномъ отъ г. К—ва изъ Ташолки письмѣ г. Пругавинъ довелъ въ Самарѣ до свѣдѣнія уполномоченнаго Краснаго Креста и послѣдній командировалъ въ Ташолку для борьбы съ цынгою находившагося въ его распоряженіи студента-медика послѣдняго курса. Съ этимъ субъектомъ г. Пругавинъ также познакомился въ Ташолкѣ. То былъ типичный «бѣлоподкладочникъ». «Покручивая свои маленькіе усики съ явнымъ желаніемъ придать имъ видъ «стрѣлки», Х. очень досадовалъ на то, что ему приходится проводить праздники въ такой отчаянной глуши, какъ эта Ташолка. Между тѣмъ, онъ могъ бы поѣхать въ Самару, гдѣ у него много хорошихъ знакомыхъ среди представителей Краснаго Креста. Они звали его къ себѣ, чтобы вмѣстѣ разговѣться. Тамъ, разумѣется, можно было бы весьма недурно и весело провести время. Къ тому же онъ знакомъ съ домомъ губернатора... И такъ далѣе, все въ томъ же родѣ...» До цынги и разлагающихся отъ нея заживо людей, этому господину, разумѣется, было мало дѣла и относился онъ къ своей задачѣ болѣе чѣмъ формально. «Люди, заслуживающіе полнаго довѣрія, разсказывали,—говоритъ г. Пругавинъ, — что, наскоро осмотрѣвъ больныхъ, Х. обыкновенно расточалъ имъ совѣты и наставленія, примѣрно въ такомъ родѣ:

«— Вотъ вамъ порошки... вотъ пилюли... принимайте ихъ передъ обѣдомъ и ужиномъ.

Бѣдный молодой человѣкъ, очевидно, забывалъ даже, что огромное большинство его паціентовъ — «голодающіе», у которыхъ, конечно, не было ни обѣда, ни ужина...»

Съ Х. пришлось встрѣтиться г. Пругавину еще разъ уже въ поѣздѣ. Онъ сообщилъ, что «состоитъ въ распоряженіи не то уполномоченнаго Краснаго Креста, не то мѣстнаго управленія этого Общества — хорошо не помню. Во всякомъ случаѣ онъ очень доволенъ своимъ переводомъ въ Самару, такъ какъ здѣсь у него много знакомыхъ, начиная съ дома губернатора... Софья Борисовна постоянно приглашаетъ его на вечера и обѣды... Здѣсь очень порядоч-

ный театръ, много интересныхъ барышень... Словомъ, здѣсь можно очень не скучно проводить время... Но, конечно, это не то, что въ Петербургѣ, гдѣ онъ намѣренъ устроиться по возвращеніи отсюда... Онъ выбралъ себѣ спеціальность, которая, навѣрно, доставитъ ему хорошую, доходную практику. Ему извѣстны врачи, которые, благодаря той же спеціальности,—венерическія болѣзни, — зарабатываютъ большія деньги и въ короткое время составляютъ цѣлыя состоянія...»

«Когда я слушалъ разсказы своего случайнаго спутника, — продолжаетъ г. Пругавинъ, — мнѣ невольно вспомнились тѣ молодыя интеллигентныя барышни и пожилыя дамы, которыя пріѣзжали къ намъ въ Самару во время голодовки, съ цѣлью предложить свои услуги по организаціи помощи голоднымъ и больнымъ. О, какъ онѣ были далеки тогда отъ всякаго желанія, даже отъ всякой мысли о развлеченіяхъ, о театрахъ, о вечерахъ. Какъ онѣ были полны стремленія возможно скорѣе попасть въ глухія села и деревни, населеніе которыхъ изнывало отъ нужды, голода и болѣзней... Точно пламенемъ онѣ охвачены были однимъ страстнымъ желаніемъ — поскорѣе, чѣмъ только возможно, облегчить страданія людей, которые пухли отъ долгаго голода, отъ недостатка хлѣба, отъ цынги...»

«Огромное большинство студентовъ, молодыхъ врачей, фельдшерицъ, сестеръ милосердія шли въ поволжскія степи, воодушевленныя искреннимъ желаніемъ облегчить страданія, нужду и горе народа, разореннаго неурожаями и голодовкой, шли бороться съ болѣзнями и эпидеміями, нерѣдко рискуя собственнымъ здоровьемъ и даже жизнью».

«Но особенно кипучей энергіей и полнымъ, беззавѣтнымъ самоотверженіемъ отличалась дѣятельность именно учащейся молодежи—студентовъ и слушательницъ разныхъ курсовъ... Мы увѣрены, что этотъ отзывъ подтвердятъ всѣ тѣ, кому пришлось болѣе или менѣе близко стоять къ дѣлу организаціи помощи голодающимъ «въ кампанію» 1898—1899».

За границей.

Настроеніе въ Англіи. Во всѣхъ статьяхъ англійскихъ газетъ, обсуждающихъ шансы мира и печатающихъ телеграммы изъ южной Африки, сквозитъ тихо скрытая тревога. Война длится уже тридцать мѣсяцевъ (вмѣсто трехъ — какъ думали въ Англіи, когда отправлялись первые отряды въ Капштадтъ), а, между тѣмъ, до конца еще далеко. Признаки утомленія войной съ каждымъ днемъ усиливаются, и въ послѣднее время въ Лондонѣ стали упорно распространяться слухи о серьезныхъ разногласіяхъ, возникшихъ будто бы между Чэмберленомъ и канцлеромъ казначейства, Гиксъ Бичемъ, который давно уже съ неудовольствіемъ смотритъ на безполезныя траты, вызываемыя войной. Столкновеніе вышло изъ-за вопроса о займѣ, на которомъ настаиваетъ Чэмберленъ. Канцлеръ казначейства, однако, предпочитаетъ налоги, находя, быть можетъ, справедливымъ, чтобы народъ, погнавшійся за военною славой въ южной

Африкѣ, расплачивался теперь за свое увлеченіе имперіализмомъ. Лондонскій рабочій, которому приходится въ настоящее время платить дороже за всѣ продукты, не можетъ, конечно, не поразмыслить о томъ, что все это происходитъ изъ-за войны. У многихъ возникаютъ тревожные вопросы: что же будетъ дальше? Какіе новые налоги будутъ включены въ новый бюджетъ? Экстренное ночное засѣданіе министровъ, происходившее на-дняхъ, только усилило всеобщую тревогу.

Англія, дѣйствительно, переживаетъ теперь серьезный моментъ, такъ какъ въ Преторіи происходятъ совѣщанія о мирѣ. Когда въ мартѣ 1900 г. впервые начались переговоры, то предводители оранжевыхъ буровъ не принимали въ нихъ тогда никакого участія. Штейнъ и Деветъ, храбрѣйшіе изъ храбрыхъ, и слышать тогда ничего не хотѣли о мирѣ, какъ это указываетъ перехваченная переписка Штейна. Теперь же всѣ вожди буровъ собрались въ Клерксдорпѣ; Шалькобургеръ, Бота, Деларей — со стороны Трансвааля, Штейнъ и Деветъ — со стороны Оранжевой республики и нѣкоторые другіе. Всѣ вмѣстѣ они отправились въ Преторію, и ихъ совѣщаніе должно имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ они будутъ говорить отъ лица всѣхъ буровъ.

Нельзя, однако, сказать, чтобы въ Лондонѣ преобладали оптимистическіе взгляды на этотъ счетъ. Скорѣе наоборотъ. Камнемъ преткновенія можетъ явиться вопросъ объ амнистіи всѣхъ капскихъ колонистовъ, присоединившихся къ бурамъ, кот[ор]ый, какъ говорятъ, поставленъ въ основу переговоровъ о мирѣ.

Опубликованіе завѣщанія Сесиля Родса вызвало много толковъ. Оно явилось сюрпризомъ для всѣхъ и отчасти выказало въ новомъ свѣтѣ этого въ высшей степени оригинальнаго человѣка, для котораго одни не находятъ достаточно бранныхъ и презрительныхъ эпитетовъ, другіе же превозносятъ чуть не до небесъ. Редакторъ журнала «Reweiw of Reviews» Стэдъ, не скрывающій своихъ симпатій къ бурамъ и открыто высказывавшійся противъ войны, говоритъ о Родсѣ, что въ немъ были всѣ задатки убѣжденнаго человѣка, способнаго вызвать какое-нибудь великое движеніе, создать новую религію. Слѣдуетъ замѣтить, что Стэдъ былъ нѣкогда яростнымъ противникомъ Родса, которому сильно доставалось въ его статьяхъ. Но Родсъ самъ отправился къ нему, чтобы привлечь его на свою сторону. Они очень много и долго спорили, и хотя Родсъ не убѣдилъ Стэда въ справедливости своихъ взглядовъ, но съ тѣхъ поръ Стэдъ сталъ лично иначе къ нему относиться и уважалъ его, какъ человѣка. И теперь въ своей статьѣ, написанной послѣ смерти Родса, Стэдъ съ жаромъ доказываетъ, что чувство тщеславія было совершенно незнакомо Родсу. Онъ никогда не стремился играть никакой оффиціальной роли. «Его величайшею мечтой,— говоритъ Стэдъ,—было основаніе великой ассоціаціи изъ людей убѣжденныхъ и милліонеровъ, которая поставила бы себѣ задачей объединеніе расъ, говорящихъ на англійскомъ языкѣ. Эта ассоціація должна была бы также трудиться для этой идеи, какъ трудилось общество Іисуса для католической церкви, потому что англо-саксонская раса была для Сесиля Родса тѣмъ же, чѣмъ была католическая церковь для Игнатія Лойолы». Стэдъ увѣряетъ, что Родсъ согласился бы

даже на то, чтобы объединеніе расъ, говорящихъ по-англійски, совершилось подъ «звѣзднымъ знаменемъ Соединенныхъ Штатовъ», если оно не можетъ быть достигнуто другимъ путемъ. Въ доказательство Стэдъ цитируетъ выдержки изъ письма Родса, полученнаго Стэдомъ въ 1890 году. «Какая грандіозная идея!— пишетъ ему Родсъ. — Если-бъ мы не потеряли Америки или если-бъ теперь было бы возможно достигнуть соглашенія между членами американской палаты представителей и нашей палаты общинъ, то всеобщій миръ былъ бы навсегда обезпеченъ, засѣданія федеральнаго парламента могли бы происходить попеременно въ Вашингтонѣ и Лондонѣ, въ теченіе пяти лѣтъ въ одномъ городѣ и пять лѣтъ въ другомъ...»

Въ этомъ письмѣ, въ которомъ Родсъ подробно развиваетъ свою идею, свои планы и взгляды, онъ является въ образѣ мечтателя, идеалиста и такимъ же онъ представляется намъ и въ своемъ завѣщаніи, которое возбудило столько толковъ. Замѣчательно, что этотъ человѣкъ, котораго называли торгашемъ, ставящимъ деньги выше всего и смотрѣвшимъ на все съ финансовой точки зрѣнія, повидимому, ставилъ идеи выше власти и денегъ; поэтому-то онъ и завѣщалъ все свое состояніе на «интеллектуальное развитіе» британской имперіи и ни одного милліона не пожертвовалъ на усиленіе ея военнаго и морского могущества!

Это завѣщаніе Родса можетъ служить отвѣтомъ для тѣхъ, кто полагаетъ, что результатомъ южно-африканской войны будетъ окончательная милитаризація Англіи и укрѣпленіе культа золота и силы въ этой странѣ. Этого нечего опасаться, такъ какъ завѣщаніе Родса указываетъ, что снова берутъ верхъ тѣ самыя идеи, которыя во времена Гладстона стояли на первомъ планѣ; Англія начинаетъ понимать свое роковое заблужденіе, также какъ его понялъ Родсъ, составляя свое завѣщаніе.

Въ Англіи происходитъ теперь борьба изъ за народной школы. Бальфуръ внесъ законопроектъ, имѣющій цѣлью ввести большее единство въ школьномъ управленіи посредствомъ отмѣны такъ называемыхъ «School Boards» и подчиненія школъ общинному управленію. Законопроектъ, однако, встрѣтилъ весьма ожесточенную оппозицію въ парламентѣ и вызвалъ полемику въ англійской печати. Большинство газетъ, соглашающихся съ тѣмъ, что теперешняя система школьнаго управленія носитъ хаотическій характеръ и требуетъ реформы, не думаютъ все таки, чтобы законопроектъ Бальфура представлялъ шагъ къ прогрессу въ этомъ отношеніи. Нѣтъ сомнѣнія, что общинныя власти города болѣе интересуются вопросами объ освѣщеніи колонизаціи и т. п., нежели вопросами воспитанія юношества и поэтому навязанный имъ новымъ закономъ надзоръ надъ школами, явится для нихъ дѣйствительно непріятнымъ бременемъ. Между прочимъ высказывается опасеніе, что муниципалитеты будутъ экономизировать на школахъ, чтобы имѣть средства для другихъ цѣлей. Кромѣ того, такъ какъ члены муниципальныхъ комиссій назначаются муниципальнымъ же совѣтомъ, а не выбираются какъ члены «School Boards» самими же плательщиками налоговъ, то они и не будутъ считать себя отвѣтственными передъ избирателями. Затѣмъ бальфуровскій законопроектъ ставитъ

въ привиллегированное положеніе церковныя школы. Если члены какой-нибудь религіозной школы недовольны формою религіознаго преподаванія въ государственной элементарной школѣ, говорится въ законопроектѣ, то они могутъ открыть собственную школу и содержать ее на общественныя средства. «Вѣдь такимъ образомъ въ Англіи, въ каждой деревнѣ будутъ пожалуй существовать по три микроскопическихъ школы, восклицаетъ одна изъ радикальныхъ газетъ.—Одна изъ этихъ школъ будетъ ортодоксальная, другая будетъ принадлежать къ свободной церкви, а третья атеистическая и всѣ три будутъ дѣйствовать другъ противъ друга, а не другъ съ другомъ. Что же выиграетъ отъ этого бѣдное англійское ханжество?»

На происходившемъ недавно годовомъ собраніи національнаго союза учителей, существующаго уже 33 года, школьный вопросъ дебютировался очень горячо и снова были вотированы тѣ самые принципы свободной народной школы, которые въ 1872 г. были поставлены Джо Чэмберленомъ въ основу своей политической програмы, а теперь выброшены имъ за бортъ, какъ и многое изъ его прежняго либеральнаго богажа. Всѣ стояли за необходимость централизаціи школьной власти и за реформу школьныхъ комиссій, но высказалось все-таки противъ ихъ отмѣны и противъ нарушенія чэмберленовской програмы 1872 г.

Германскіе общественные вопросы. Въ Гановерѣ состоялось въ прошломъ мѣсяцѣ общее собраніе союза народныхъ университетскихъ курсовъ. Нѣмецкая печать посвятили этому собранію прочувствованныя статьи и съ похвалой отозвалась о чрезвычайно полезной дѣятельности союза. Изъ докладовъ, прочитанныхъ въ собраніи, выяснилось, въ настоящее время въ двадцати германскихъ городахъ организованы комитеты народныхъ высшихъ курсовъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ эти комитеты, завѣдующіе открытіемъ курсовъ и выработкой програмнъ, исключительно состоятъ изъ доцентовъ, но въ другихъ мѣстахъ признано было полезнымъ привлечь къ участію въ комитетахъ муниципалитета рабочее сословіе и результаты этого нововведенія вездѣ получились очень хорошіе. Одинъ изъ докладчиковъ въ подтвержденіе этого указалъ на дѣятельность комитета въ Карлсруэ, гдѣ, во всѣхъ отдѣлахъ организаціи участвуютъ рабочіе. Признано очень полезнымъ для успѣха дѣла, чтобы представители рабочаго сословія сообщали всегда конференціи профессоровъ о томъ, какое впечатлѣніе на слушателей произвела та или другая лекція и какія дѣлаются критическія замѣчанія самими же слушателями. Только такимъ образомъ можно судить насколько слушатели усвоили себѣ предметъ лекціи. Кромѣ того представители рабочаго класса, участвуя въ организаціи, несутъ на себѣ также извѣстную долю отвѣтственности. Выслушавъ докладчика, собраніе высказалось большинствомъ голосовъ въ пользу привлеченія въ комитетъ представителей рабочихъ классовъ. На собраніи выяснился между прочимъ слѣдующій любопытный фактъ: въ Берлинѣ не существуетъ самостоятельнаго комитета по устройству курсовъ, потому что тамъ раньше существовала уже подобная организація изъ рабочихъ, которые совмѣстно съ основаннымъ въ

Берлинѣ союзомъ доцентовъ, взяли въ свои руки организацію въ столицѣ высшихъ курсовъ для народа.

Въ нѣкоторыхъ городахъ, между прочимъ въ Карлсруэ, съ курсами связаны и народныя читальни, а въ Килѣ предполагаютъ соединить съ этими курсами и удовлетвореніе художественныхъ потребностей народа. Вообще члены этого союза могутъ съ чувствомъ удовлетворенія читать газеты, указывающія на развитіе этого симпатичнаго дѣла въ Германіи, гдѣ съ каждымъ годомъ увеличивается въ рабочихъ классахъ потребность болѣе широкаго образованія и стремленіе къ просвѣщенію. Слѣдующее общее собраніе союза состоится въ будущемъ году въ Карлсруэ.

Снова возгорѣлась полемика относительно избранія второго бургомистра въ Берлинѣ. Какъ извѣстно, по поводу этого избранія произошелъ конфликтъ между императоромъ Вильгельмомъ и берлинскимъ муниципалитетомъ. Императоръ отказался утвердить избраніе Кауфмана въ первый разъ и, несмотря на это, муниципалитетъ избралъ его огромнымъ большинствомъ голосовъ во второй разъ. Такъ какъ это избраніе носило уже явно демонстративный характеръ, то оберъ-президентъ бранденбургской провинціи отказался доложить о немъ министру внутреннихъ дѣлъ для передачи императору. Конечно, такой поступокъ оберъ-президента вызвалъ сильнѣйшее негодованіе въ берлинскомъ муниципалитетѣ, который отказался произвести новые выборы. Вопросъ оставался открытымъ, и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Берлинъ существовалъ безъ второго бургомистра. Муниципалитетъ даже рѣшилъ жаловаться административному суду на поведеніе оберъ-президента, но пока шли пререканія вдругъ получено было письмо Кауфмана, въ которомъ онъ заявлялъ, что отказывается отъ избранія! Этотъ неожиданный отказъ произвелъ огромную сенсацію, и такъ какъ онъ былъ написанъ не самимъ Кауфманомъ, а подъ его диктовку, въ психіатрической больницѣ, куда его помѣстили, какъ заболѣвшаго нервнымъ разстройствомъ, то естественно, что возникло подозрѣніе относительно подлинности этого документа. Началась перебранка; оппозиція открыто высказываетъ обвиненіе, что на больного Кауфмана было произведено извѣстное давленіе и что его заставили подписать отказъ отъ избранія на должность второго бургомистра. Такъ или иначе, но дѣло это волнуетъ общественное мнѣніе въ Германіи, и печать требуетъ, чтобы оно было разслѣдовано наиболѣе основательнымъ образомъ.

Агитація противъ хлѣбныхъ пошлинъ продолжается и чуть не ежедневно газеты сообщаютъ о происходящихъ въ разныхъ мѣстахъ собраніяхъ и демонстраціяхъ противъ новаго законопроекта правительства. Но съ своей стороны и аграріи не сидятъ сложа руки, и иногда одновременно въ какомъ-нибудь городѣ происходятъ собранія, причемъ на однихъ собраніяхъ ораторы подвергаютъ самой рѣзкой критикѣ аграрную политику, а на другихъ доказывается необходимость аграрныхъ пошлинъ и такой политики, которая одна только можетъ спасти германское сельское хозяйство отъ гибели. Недавно происходило очень многолюдное собраніе въ одной изъ деревень Эльзаса, состоявшее почти исключительно изъ однихъ крестьянъ. Предсѣдателемъ собранія былъ бургомистръ мѣстечка. Одинъ изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, присутствовавшій

на собраніи, сказалъ чрезвычайно горячую рѣчь противъ повышенія хлѣбныхъ пошлинъ и, вооружившись цифрами, доказывалъ неправильность всѣхъ жалобъ аграріевъ на бѣдственное положеніе сельскаго хозяйства въ Германіи. Точно такъ же посредствомъ статистическаго матеріала, имѣвшагося у него въ рукахъ, ораторъ старался доказать, что повышеніе хлѣбныхъ пошлинъ не только не принесетъ пользы огромному большинству сельскихъ хозяевъ, но даже, наоборотъ, можетъ причинить въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ущербъ ихъ благосостоянію. Это собраніе возбудило вниманіе печати именно потому, что въ немъ преимущественно участвовали крестьяне и мелкіе землевладѣльцы, отрицавшіе пользу покровительственной системы для земледѣлія, основанной на искусственномъ повышеніи цѣнъ на жизненные припасы. Разумѣется, аграріи не оставили безъ отвѣта эти разъясненія сельскихъ хозяевъ Эльзаса и обвиняли ихъ чуть ли не въ государственной измѣнѣ.

Бельгійскій общественный дѣятель. Извѣстный французскій журналистъ Адольфъ Бриссонъ разсказываетъ о своемъ посѣщеніи въ Гентѣ бельгійскаго депутата Анселе, устроившаго кооперативную хлѣбопекарню «Vooruit» и разныя другія, находящіяся съ нею въ связи учрежденія, облегчающія рабочимъ полученіе съѣстныхъ и другихъ припасовъ по удешевленной цѣнѣ. Анселе самъ происходитъ изъ семьи рабочихъ. Его отецъ былъ башмачникъ, пользовавшійся репутаціей безусловной честности, и хотя самъ онъ былъ почти неграмотнымъ, но для воспитанія своего сына не жалѣлъ ничего и отказывалъ себѣ во многомъ, работая, какъ волъ, чтобы только дать возможность сыну учиться. Въ концѣ концовъ, однако, молодому Эдуарду Анселе пришлось бросить ученіе, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба, и онъ поступилъ на службу, сначала къ одному архитектору, потомъ къ хлѣботорговцу, а отъ него перешелъ къ торговцу сукнами. Ни о какой общественной дѣятельности Анселе тогда не мечталъ и жилъ изо дня въ день, довольный тѣмъ, что у него есть обезпеченный кусокъ хлѣба. Но однажды онъ, возвращаясь домой, случайно попалъ на какой-то народный митингъ, на которомъ одинъ изъ весьма талантливыхъ ораторовъ говорилъ о бѣдственномъ положеніи людей, не имѣющихъ заработка, и разсказалъ трагическую исторію двухъ малютокъ, оставшихся безъ пристанища и замерзшихъ въ одну холодную ночь. Эдуардъ Анселе первый разъ слышалъ такія рѣчи и они произвели глубокое впечатлѣніе на душу юноши. Онъ ушелъ съ митинга совсѣмъ разстроганный. Одинъ изъ товарищей поджидалъ его, чтобы идти съ нимъ въ трактиръ, играть на бильярдѣ, но Анселе наотрѣзъ отказался. Въ немъ совершился нравственный переворотъ. Онъ началъ размышлять о такихъ вещахъ, на которыхъ прежде не останавливалъ своего вниманія, и когда однажды онъ заговорилъ объ этомъ съ хозяиномъ, желая облегчить свою душу, тотъ грубо оборвалъ его, и пригрозилъ что выгонитъ его, если онъ будетъ развивать такіе взгляды. Анселе замолчалъ но долго не могъ выдержать, и кончилось тѣмъ, что онъ долженъ былъ покинуть своего хозяина. Онъ отправился въ Антверпенъ пѣшкомъ, такъ какъ у него не было денегъ, питаясь по дорогѣ кореньями, которые онъ находилъ на

поляхъ. Въ Антверпенѣ ему удалось зачислиться юнгой на корабль, отходившій въ Лондонъ, но въ Лондонѣ онъ опять очутился безъ мѣста и въ теченіе полугода жилъ случайною работой, скитаясь по уайтъ-чепльскимъ трущобамъ и терпя всевозможныя лишенія. Онъ пробовалъ зачислиться на службу въ англійскій флотъ или армію, но его не приняли, потому что онъ не удовлетворялъ требованіямъ роста. Наконецъ послѣ долгихъ мытарствъ ему удалось таки вернуться въ Гентъ и тамъ онъ сдѣлался газетнымъ разносчикомъ. Честный башмачникъ, его отецъ, который былъ еще живъ, очень горевалъ надъ злоключеніями своего сына и его униженіемъ, такъ какъ ремесло газетнаго разносчика казалось ему очень унизительнымъ для человѣка, все-таки получившаго нѣкоторое образованіе. Но и самъ Анселе не былъ удовлетворенъ. Онъ научился типографскому дѣлу и поступилъ наборщикомъ. Это было началомъ его общественной карьеры. Онъ пріобрѣлъ вліяніе на своихъ товарищей и мало по малу убѣдилъ ихъ организовать кооперативное общество для устройства хлѣбопекарни и производства хлѣба по дешевой цѣнѣ.

«Сначала мы наняли подвальное помѣщеніе и тамъ соорудили печь для печенія хлѣбовъ,—разсказывалъ Анселе Бриссону.—Мы работали день и ночь и при помощи усиленной пропаганды намъ удалось къ концу года залучить 500 членовъ, а теперь у насъ семь тысячъ! Мы работали въ подвальномъ помѣщеніи, безъ свѣта и безъ воздуха, а теперь посмотрите-ка на зданія, которыя принадлежатъ нашему обществу!»

Дѣйствительно «Vooruit» представляетъ теперь могущественную организацію. Слово «Vooruit» значитъ по-фламандски «впередъ» и оно послужило девизомъ общества, которое развивалось необыкновенно быстро. Въ настоящее время «Vooruit» имѣетъ бакалейныя лавки, склады угля, аптеки, магазины готоваго платья, кофейни (безъ спиртныхъ напитковъ) и т. п. Всюду члены общества могутъ пріобрѣтать все что имъ нужно, расплачиваясь при помощи чековъ, которые замѣняютъ бумажныя деньги и выдаются обществомъ.

— Кто-нибудь завѣдуетъ у васъ этою торговлей,—спросилъ Бриссонъ.

— Да, у насъ есть главный управляющій,—отвѣчалъ Анселе.

— Сколько же онъ получаетъ?

— Тридцать франковъ въ недѣлю.

— Тридцать? И онъ доволенъ?

— Какъ такъ доволенъ?.. Я, управляющій дѣлами всего общества, получаю только сорокъ, да и то отдаю большую часть въ общую кассу.

— Да, но на вашей сторонѣ слава.

Анселе улыбнулся. «Слава—пустой звукъ», сказалъ онъ и не распространяясь дальше объ этомъ повелъ своего посѣтителя въ типографію «Vooruit», гдѣ печатается органъ общества на фламандскомъ языкѣ. Рядомъ съ типографіей находится прекрасная библіотека. Эдуардъ Анселе съ гордостью показалъ типографію Бриссону и заставилъ его обратить вниманіе на прекрасные станки, скоропечатныя машины и всю обстановку типографіи. «А вѣдь пришлось же намъ пережить трудныя минуты,—сказалъ онъ при этомъ.—Однажды явился приставъ, чтобы описать все наше имущество и конфисковать нашу газету. Я

поскорѣе послалъ за адвокатомъ, который долженъ былъ избавить насъ отъ этой грозной участи и мнѣ надо было выиграть время, пока придетъ этотъ адвокатъ. И вотъ я началъ занимать пристава разговорами, поролъ ему всякую чепуху, а самъ посматривалъ на часы... Адвокатъ наконецъ явился и мы были спасены отъ когтей полицейской власти. Но я готовъ былъ бы растерзать пристава, если бы онъ не сталъ слушать моихъ разсказовъ, а вздумалъ бы настаивать на наложенiи печатей... Мы боролись постоянно съ нуждой, неудачами и выходили побѣдителями».

Теперь Эдуарду Анселе, какъ депутату и представителю извѣстной партiи, предстоитъ довольно трудное испытанiе. Въ Бельгiи неспокойно. Клерикалы, находившiеся у власти въ теченiи 18 лѣтъ, неизмѣннымъ образомъ разрушали всѣ попытки либеральной партiи ввести реформы въ существующемъ режимѣ. Съ начала 90-хъ годовъ въ Бельгiи стали раздаваться голоса въ пользу пересмотра конституцiи и требованiя введенiя всеобщей подачи голосовъ. Въ 1893 г. былъ произведенъ пересмотръ конституцiи, но послѣдствiя этого пересмотра оказались еще хуже. Новый законъ давалъ права нѣкоторымъ гражданамъ, удовлетворявшимъ извѣстнымъ условiямъ ценза, не только на одинъ голосъ, но на два и даже на три и поэтому парламентскiе выборы, произведенные на основанiи этого закона, дали клерикальному министерству огромное большинство. Равновѣсiе между партiями въ парламентѣ было такимъ образомъ совершенно нарушено, и правительство, уступая настоянiямъ либераловъ, рѣшило нѣсколько возстановить это равновѣсiе, предложивъ парламенту законопроектъ о пропорцiональномъ представительствѣ. Однако это не удовлетворило оппозицiю, не имѣвшую никакихъ шансовъ при существующихъ условiяхъ свергнуть клерикальное министерство и поэтому всѣ послѣднiе годы не прекращалась агитацiя въ пользу пересмотра конституцiи. Волненiя за послѣднiя двѣ недѣли приняли очень серьезный характеръ, тѣмъ болѣе, что они осложняются полнѣйшимъ застоемъ въ области фабричной промышленности, что наноситъ странѣ существенный ущербъ.

Величайшее въ мiрѣ акцiонерное общество. Театръ для дѣтей въ Америкѣ. Въ 1898 году, въ области американской стальной и желѣзной промышленности можно было наблюдать любопытное явленiе—стремленiе къ объединенiю всѣхъ промышленныхъ предпрiятiй, къ организацiи громаднаго союза фабрикъ, который бы могъ охватить всю американскую промышленность. Къ этому времени шотландецъ Карнеджи, американскiй Круппъ, сдѣлавшiйся миллiардёромъ изъ простого рабочаго и раздающiй теперь свои миллiоны въ пользу библiотекъ и другихъ общественныхъ учрежденiй, успѣлъ совершенно уничтожить всякую мелкую конкуренцiю, благодаря своей системѣ сосредоточенiя въ однѣхъ рукахъ всѣхъ отраслей промышленности, находящихся въ тѣсной связи съ производствомъ желѣза и стали. Онъ стремился поставить свои громадныя фабрики въ полную независимость отъ закупки необходимыхъ сырыхъ матерiаловъ, угля, желѣза и т. д. и прiобрѣлъ громадныя угольныя копи, чтобы имѣть свой собственный уголь, желѣзные рудники —

чтобы имѣть свою руду, и, кромѣ того, построилъ корабли и провелъ собственную желѣзную дорогу. Но этого мало: чтобы повысить спросъ на сталь и желѣзо, онъ нанялъ архитекторовъ, которые изготовили для него множество плановъ зданій, при постройкѣ которыхъ преимущественно употреблялся стальной матеріалъ. Эти планы раздавались даромъ строителямъ и дѣйствительно спросъ на сталь повысился. Достигнувъ этого, Карнеджи могъ, казалось, спокойно почить на лаврахъ и пожинать плоды своего искусства. Но въ 1898 году у него явился чрезвычайно опасный конкурентъ въ образѣ громаднаго стального синдиката «Federal Steel Company», образовавшагося изъ соединенія шести большихъ промышленныхъ обществъ. Организаторомъ этого величайшаго въ мірѣ акціонернаго общества былъ банкиръ Морганъ, состоявшій директоромъ 21 желѣзнодорожнаго общества. Тогда то возникла борьба между промышленною компаніей Карнеджи и стальнымъ синдикатомъ. Побѣда осталась за послѣднимъ. Морганъ не только скупилъ всѣ акціи Карнеджи, но присоединилъ еще другія промышленныя предпріятія къ своему синдикату, такъ что въ январѣ 1899 г. «American Steel and Wire Company» состояло изъ 31 промышленной компаніи и къ февралю 1901 г. уже объединилась въ обширнѣйшую на свѣтѣ стальную корпорацію, подчиняющуюся законамъ штата Нью-Джерсей. Морганъ старался привлечь въ свою гигантскую корпорацію всѣхъ крупныхъ промышленниковъ. Ему удалось также залучить и «нефтяного короля» Рокфеллера, который владѣлъ значительными желѣзными рудниками и пароходствомъ.

Согласно американской статистикѣ на всей землѣ выдѣлывается 26.888.755 тоннъ стали, изъ нихъ 6.290.434 поставляетъ Германія и 4.933.010—Англія. На долю Соединенныхъ Штатовъ выпадаетъ 10.200.000 тоннъ всего производства стали, но изъ этого количества семь милліоновъ доставляетъ грандіозный стальной синдикатъ Моргана, остальное же двадцать или тридцать другихъ промышленныхъ компаній, еще не поглощенныхъ синдикатомъ.

Морганъ, организуя свое грандіозное акціонерное общество, имѣлъ, прежде всего, въ виду сдѣлать невозможной никакую мѣстную конкуренцію, сбивающую цѣны. Трудность управленія дѣлами такого величайшаго въ мірѣ промышленнаго общества, устраняется до нѣкоторой степени децентрализаціей и тѣмъ, что включенныя въ «American Steel Corporation» акціонерныя общества, не вполнѣ поглощены корпораціей, а пользуются все-таки самостоятельностью, хотя и съ извѣстными ограниченіями. Управленіе этою величайшею промышленною корпораціей заключаетъ въ себѣ много аналогіи съ государственнымъ управленіемъ Соединенныхъ Штатовъ, причемъ промышленныя компаніи, вступившія въ корпорацію, можно уподобить отдѣльнымъ штатамъ. Съ вашингтонскимъ конгрессомъ можно сравнить «директоріумъ», состоящій изъ 24 членовъ, выбираемыхъ акціонерами. Въ числѣ членовъ находятся президенты разныхъ промышленныхъ обществъ и вообще компетентные люди. Замѣчательно, что половина этихъ директоровъ — такъ называемые «Self made men», своею карьерой исключительно обязанные собственнымъ силамъ. Различнымъ министерствамъ отвѣчаютъ коммиссіи, финансовая, законодательная

и исполнительная. Такое же положеніе, какое занимаетъ Рузвельтъ во главѣ сѣвероамериканскаго союза, принадлежитъ въ стальной корпораціи Чарльзу Швабу, обязанности котораго чрезвычайно обширны и сложны, что понятно самособой. Во владѣніи стальной корпораціи находятся шесть «большихъ желѣзнодорожныхъ линій и множество мелкихъ». Вообще, въ организаціи этого гигантскаго промышленнаго предпріятія крайне типически выражаются всѣ стороны американскаго характера и широкій размахъ американской предпріимчивости, не любящей узкихъ и торныхъ тропинокъ и стремящейся завоевать міръ.

Американцы и въ области педагогики обнаруживаютъ то же желаніе отдѣлаться отъ рутинныхъ пріемовъ и стараются отыскать новые пути. Мы уже говорили объ учрежденіи спеціальныхъ библіотекъ и читаленъ для дѣтей, какъ главнаго пособія при воспитаніи. Теперь въ Нью-Іоркѣ возникло новое движеніе, имѣющее цѣлью учрежденіе спеціальныхъ театровъ для дѣтей, которые также должны служить задачамъ воспитанія. Въ лицеѣ Карнеджи уже организованы постоянныя театральныя представленія для дѣтей, и при театрѣ существуетъ дѣтскій оркестръ. Самому младшему музыканту въ этомъ оркестрѣ восемь лѣтъ; это родственникъ Рузвельта, очень мило играющій на скрипкѣ. Успѣшный починъ Нью-Іорка вызвалъ подражанія и въ Бостонѣ открылся спеціальный дѣтскій театръ, организаторъ котораго, между прочимъ, хочетъ сдѣлать его пособіемъ при изученіи исторіи. Американская печать относится очень сочувственно къ этому предпріятію и, вѣроятно, скоро во всѣхъ большихъ городахъ будутъ устроены спеціальные дѣтскіе театры, какъ пособіе при школьномъ обученіи.

Китайскія тайныя общества. Со времени послѣднихъ китайскихъ волненій, осады Пекина и т. д. особенное вниманіе возбуждаютъ тайныя общества въ Китаѣ, которыя, безъ сомнѣнія, являются главными виновниками китайскихъ восстаній и безпорядковъ. Быть можетъ не найдется другой такой страны, въ которой тайныя общества были бы такъ распространены и такъ бы процвѣтали, какъ въ Китаѣ, гдѣ вообще въ населеніи очень развитъ духъ солидарности. Народъ, подвергающійся эксплуатаціи и порабощенію, знаетъ, что ему нечего разсчитывать на справедливость чиновниковъ и, поэтому, онъ сознаетъ необходимость сплотиться, чтобы защищать свои интересы и мстить притѣснителямъ. Склонность китайцевъ къ символизму также была причиною образованія такого множества тайныхъ обществъ. Изъ этихъ обществъ особенную извѣстность пріобрѣло то, которое европейцы назвали «обществомъ боксеровъ».

О происхожденіи этого общества, его распространеніи, обрядахъ и т. п. существуетъ множество разсказовъ, достовѣрность которыхъ, однако, подлежитъ сомнѣнію, но въ послѣднее время найдены были документы, во время грабежа, произведеннаго въ китайскихъ трущобахъ, которые по словамъ Леона Шарпантье («Mercure Frame»), проливаютъ свѣтъ на ритуалъ и кодексъ общества боксёровъ. Это общество представляетъ не что иное, какъ преобразованное общество «Большихъ ножей», существовавшее въ Китаѣ уже триста лѣтъ. Боксё-

рами ихъ стали называть англичане и поэтому-то это названіе звучитъ совсѣмъ не по китайски, а напоминаетъ англійскій боксъ, такъ что можно, пожалуй, подумать, что члены тайныхъ обществъ въ Китаѣ изучаютъ это «благородное» искусство англичанъ.

Китайскіе боксёры однако совершенно не занимаются этимъ. Они образуютъ обширное тайное общество, на очень широкихъ и глубокихъ основаніяхъ, которое представляется настоящимъ государствомъ въ государствѣ, такъ какъ имѣетъ свои собственные законы и правила и даже собственное уголовное законодательство. Но такъ какъ это общество, какъ и многія другія, образованныя съ политическими цѣлями, стремится къ возрожденію китайскаго духа и ниспроверженіи манчжурской династіи, то вполнѣ естественно, что оно возбуждало противъ себя самыя ожесточенныя преслѣдованія властей. Эти преслѣдованія прекратились только тогда, когда въ послѣдніе годы вдовствующая императрица вздумала воспользоваться членами общества какъ союзниками противъ иностранныхъ державъ. Вотъ почему, какъ видно изъ настоящихъ документовъ, общество это, несмотря на угрозы властей, могло называться въ концѣ послѣднихъ двухъ лѣтъ «императорскимъ обществомъ» и прежній девизъ: «Ниспроверженіе династіи Цзингъ и возстановленіи Минговъ» былъ исключенъ изъ документовъ и повѣстокъ, разсылаемыхъ членамъ. Вмѣсто прежняго призыва, тамъ теперь находились слѣдующія слова: «Прославляйте династію! Убивайте иностранцевъ. Если же вы не послушаетесь этого приказанія, то потеряете свою голову». Союзъ между тайнымъ обществомъ и манчжурскимъ правительствомъ, которое прежде это общество считало своимъ завзятымъ врагомъ, былъ объявленъ публично; вотъ почему въ позднѣйшихъ своихъ призывахъ къ возстанію боксёры ни разу не упоминаютъ объ истребленіи манчжурской династіи. Вотъ, напримѣръ текстъ одного изъ такихъ воззваній, которыя въ громадномъ количествѣ распространялись во всѣхъ китайскихъ городахъ передъ самымъ началомъ пекинскихъ событій: «Боги, помогающіе боксёрамъ, повелѣваютъ вамъ изгнать иностранныхъ дьяволовъ, явившихся лишь для того, чтобы внести смуту въ царство сына неба и заставить мужчинъ нарушить свои клятвы, а женщинъ совершать супружескія измѣны. Всѣ вы истребляйте этихъ дьяволовъ, разрушайте желѣзныя дороги, телеграфные столбы, а въ особенности старайтесь потопить пароходы, тогда сердце великой Франціи сожмется отъ холода, англичане и русскіе обратятся въ прахъ, но это навсегда обезпечитъ процвѣтаніе прекрасной имперіи великихъ Цзинговъ».

Въ этомъ воззваніи боксёры уже явно становятся союзниками императорскаго правительства и временно забываютъ свою ненависть противъ него. Но вѣроятно, рано или поздно тайное общество вернется къ своей прежней дѣятельности и будетъ снова стремиться къ политической революціи. Въ Европѣ совершенно ложно представляютъ себѣ боксёровъ въ видѣ какого-то сброда бродягъ и разбойниковъ худшаго сорта. Въ дѣйствительности это не такъ. Всѣ жестокости и насилія, совершенныя боксёрами, вызваны были ихъ фанатизмомъ. Правда, очень многія изъ тайныхъ обществъ въ Китаѣ превратились теперь въ простыя ассоціаціи грабителей, можетъ быть вслѣдствіе преслѣдованій, кото-

рымъ они подвергались постоянно, и всевозможныхъ притѣсненій и несправедливостей властей, но, во всякомъ случаѣ, въ основѣ ихъ заключаются другіе принципы, часто даже весьма высокаго нравственнаго характера. Въ прежнія времена собранія китайскихъ обществъ происходили въ джунгляхъ или въ уединенныхъ ущельяхъ, гдѣ зоркое око китайской власти не могло ихъ настигнуть, но теперь общество боксёровъ, напримѣръ, имѣетъ уже собственныя помѣщенія, гдѣ собираются члены и гдѣ происходятъ церемоніи, сопряженныя со вступленіемъ новыхъ членовъ. Въ найденныхъ документахъ заключаются между прочимъ, всѣ правила пріема: новые члены на колѣняхъ выслушиваютъ чтеніе однимъ изъ старѣйшихъ членовъ общества его эзотерическаго кодекса, состоящаго изъ 36 параграфовъ. Первый гласитъ слѣдующее: «Вы вступаете въ общество, основанное «пятью предками», и должны строго выполнять свои обязанности и заниматься своими дѣлами. Давно уже признано, что первая изъ всѣхъ добродѣтелей—это сыновняя любовь, поэтому уважайте своихъ родителей и повинуйтесь имъ. Тотъ кто нарушитъ эту заповѣдь, не будетъ пользоваться любовью ни неба, ни земли. Божественный громъ сразитъ его. Пусть каждый изъ васъ строго слѣдуетъ этому предписанію».

Второй параграфъ обязываетъ вступающаго строго соблюдать тайну, иначе ему грозитъ проклятіе и тѣлесное наказаніе, состоящее въ отсѣченіи уха и 108 палочныхъ ударахъ. Въ третьемъ параграфѣ членамъ предписывается оказывать другъ другу одинаковые знаки уваженія, кто бы они ни были, богачи или нищіе, мандарины или простые ремесленники и купцы. Всѣ должны считать другъ друга братьями! «Не полагайтесь на свое богатство,—гласитъ этотъ параграфъ,—не оскорбляйте бѣдняка, не пользуйтесь своимъ могуществомъ для того, чтобы притѣснять другихъ, честныхъ и мужественныхъ людей. Тотъ, кто нарушитъ эту заповѣдь, повелѣвающую любить своихъ братьевъ, пусть станетъ добычей тигровъ».

Затѣмъ въ слѣдующихъ параграфахъ запрещается оскорблять буддистскихъ или таоистскихъ священниковъ, которыхъ слѣдуетъ уважать, хотя можно и не быть ихъ послѣдователями, члены общества должны избѣгать лжи и клеветы. Вообще, въ этихъ правилахъ заключается цѣлый кодексъ самыхъ возвышенныхъ нравственныхъ правилъ, которыми должны руководствоваться члены, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ и въ своемъ поведеніи.

Рѣшительно во всѣхъ классахъ китайскаго населенія можно найти членовъ этого тайнаго общества, которое покрываетъ своею сѣтью всю небесную имперію. И при этомъ не слѣдуетъ думать, что общество вербуетъ послѣдователей преимущественно среди простого невѣжественнаго и суевѣрнаго населенія. Напротивъ, главныя свои силы тайное общество находитъ среди избраннаго класса, представляющаго цвѣтъ китайской образованности и ума и въ этомъ именно и заключается гарантія его продолжительнаго существованія и его вліянія. Посредствомъ брошюръ и листовъ, распространяемыхъ въ огромномъ количествѣ, тайное общество пропагандируетъ свои идеи и поддерживаетъ ненависть и отвращеніе ко всякому иностранному вліянію. Ряды его приверженцевъ пополняются, кромѣ того, всякаго рода неудачниками, которыхъ въ Китаѣ,

какъ и вездѣ, множество. Далеко не всѣ изъ выдержавшихъ успѣшно трудные государственные экзамены получаютъ мѣсто въ обширной администраціи страны. Очень много людей, обладающихъ прекрасными дипломами и, слѣдовательно, имѣющихъ право украшать себя разноцвѣтными пуговками, вынуждены, ради куска хлѣба, заниматься самыми низкими ремеслами. Это создаетъ недовольныхъ, для которыхъ тайное общество представляетъ своего рода убѣжище. Вообще трудно найти китайца, будь онъ мандаринъ или чернорабочій, богатый или бѣдный, который бы не принадлежалъ къ какому-нибудь такому обществу. Но противъ европейцевъ возстаютъ не одни только тайныя общества, а весь Китай со всѣми своими традиціями и фактическимъ преклоненіемъ передъ предками и ихъ завѣтами.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

Дѣтскій трудъ и дѣтская преступность.—Болѣзни въ литературныхъ произведеніяхъ.—Очерки вашингтонскаго общества.—Вольная Англія.

Вездѣ, гдѣ промышленность достигла извѣстнаго развитія, женщины и дѣти вынуждены принимать участіе въ фабричной работѣ, чтобы вносить и свою долю на содержаніе дома, такъ какъ съ вздорожаніемъ жизни заработокъ мужчины становится недостаточнымъ. «Женскій, и дѣтскій трудъ достигъ высшей точки своего примѣненія, прежде всего въ Англіи, — говоритъ Эленъ Кей въ своей статьѣ въ «Neue deutsche Rundschau», обсуждающей связь между преступностью дѣтей и фабричнымъ трудомъ.—Англійскіе пріюты для бѣдныхъ отправляли цѣлыя массы дѣтей на фабрики. Въ промышленныхъ округахъ, благодаря этой системѣ, населеніе вырождалось, появились неизвѣстныя дотолѣ болѣзни. Беременныя женщины и даже 4-хъ—5-ти-лѣтнія дѣти работали отъ 14 до 18 часовъ въ сутки. Разслѣдованія, произведенныя въ этой области, побудили Елизавету Гарремъ написать свое знаменитое стихотвореніе «Theory of the children», вызвавшее страшное негодованіе фабрикантовъ, но зато заставившее парламентъ вотировать билль о десятичасовомъ рабочемъ днѣ. Подобныя же условія существовали, впрочемъ, и въ другихъ странахъ. Въ Саксоніи, Бельгіи, Эльзасѣ и рейнскихъ провинціяхъ. Послѣдствія такой системы давали себя чувствовать также сильно, какъ и въ Англіи. Но несмотря на это, теперь уже вездѣ введены покровительственные законы, регулирующіе работу женщинъ и дѣтей, тѣмъ не менѣе эта работа въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности, не подпадающихъ подъ статьи закона, носитъ такой же тяжелый характеръ, какъ и прежде. Въ домашней промышленности дѣти начинаютъ работать уже съ 4-хъ лѣтъ, тогда какъ законнымъ возростамъ для фабричной работы во многихъ государствахъ считается 12—14 лѣтъ. Въ Италіи большинство нищихъ дѣтей калѣкъ происходятъ изъ сѣрныхъ копей въ Сициліи. Они начинаютъ свой тяжелый трудъ съ самаго нѣжнаго возраста и обыкновенно къ 14-ти годамъ становятся уже совершенно неспособными къ работѣ калѣками. Въ Испаніи, въ копяхъ работаютъ шести—восьмилѣтнія

дѣти; во Франціи дѣло обстоитъ не лучше, несмотря на то, что партія, къ которой принадлежитъ теперешній министръ торговли Мильеранъ, требуетъ абсолютнаго воспрещенія работы дѣтей.

Наилучшимъ доказательствомъ вреднаго вліянія этого труда на здоровье населенія служатъ доклады врачей. Въ ланкаширскомъ округѣ изъ 2.000 дѣтей только 151 оказались здоровыми и крѣпкими. Такое вырожденіе населенія замѣчается всюду въ фабричныхъ округахъ и представляетъ грозную опасность для будущаго страны. Громадный вредъ приноситъ также то, что ребенокъ, посылаемый на фабрику или въ рудники, отрывается отъ школы, и такимъ образомъ уменьшается число образованныхъ рабочихъ, которые, однако, вездѣ признаются наиболѣе способными и получаютъ наибольшую плату. Промышленность ничего не выигрываетъ отъ пониженія уровня развитія рабочихъ, которые превращались въ простыя машины, выполняющія механически свой ежедневный трудъ и, поэтому, неспособные усваивать себѣ какія-либо нововведенія и усовершенствованія. Но самымъ ужасающимъ признакомъ вырожденной націи, которое является результатомъ этой эксплуатаціи дѣтскаго труда, служатъ цифры преступности. Во всѣхъ фабричныхъ округахъ возрастаетъ преступность среди дѣтей, причемъ карательная система въ большинствѣ случаевъ не только не содѣйствуетъ уменьшенію преступности, но даже, наоборотъ, всего чаще вызываетъ рецидивы. Общество, слѣдовательно, ради собственной выгоды и собственнаго будущаго, должно позаботиться о томъ, чтобы поставить дѣтей бѣднѣйшихъ классовъ населенія и вообще рабочаго сословія въ болѣе нормальныя условія жизни и избавить ихъ отъ фабричной атмосферы, одинаково вредной какъ для ихъ нравственнаго, такъ и для фабричнаго здоровья.

Въ средневѣковой литературѣ мы замѣчаемъ очень мало стремленія изображать патологическіе случаи. Наоборотъ, эта литература большею частью отворачивается отъ всего некрасиваго, непріятнаго и рисуетъ преимущественно картины прикрашенной дѣйствительности. Лишь рѣдко можно встрѣтить въ ней описанія какихъ-нибудь тѣлесныхъ недостатковъ, отвратительныхъ болѣзней, да и то лишь въ такихъ случаяхъ, когда бываетъ нужно изобразить вѣдьму или вообще какое-нибудь исчадіе грѣха и ада. Въ особенности же въ одномъ отношеніи средніе вѣка представляютъ прямую противоположность современной эпохѣ. Современный художникъ, если ему нужно бываетъ изобразить больного, всегда стремится къ тому, чтобы представить полную клиническую картину его болѣзней. И чѣмъ лучше онъ это сдѣлаетъ, тѣмъ больше гордится своимъ произведеніемъ. Различныя болѣзни, чахотка, бѣлая горячка, морфинизмъ и т. д. изображаются современными писателями въ ихъ произведеніяхъ необыкновенно реальнымъ образомъ, и въ этомъ они видятъ задачу своего искусства. Авторъ статьи въ «Deutsche Revue», говоря о той выдающейся роли, которую играютъ патологическія состоянія въ современной беллетристикѣ и поэзіи, называетъ цѣлый рядъ литературныхъ произведеній, описывающихъ главнымъ образомъ различныя патологическіе случаи. Карлъ Блейбтрей, Ибсенъ, Стриндбергъ,

Зудерманъ, Верга и множество другихъ современныхъ авторовъ, французскихъ, англійскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ ставятъ или въ основу своихъ произведеній какой-нибудь патологическій случай или же этотъ патологическій случай вводится какъ побочное обстоятельство, которое нужно автору для того или иного исхода его драмы или романа. Вообще, авторы часто прибѣгаютъ къ болѣзнямъ со смертельнымъ исходомъ для удаленія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, а иногда и самого героя или героини и возбужденія особеннаго интереса въ своихъ читателяхъ. Такого рода «Gelegenheits krankheiten», какъ ихъ называетъ авторъ статьи, представляютъ любимое средство, къ которому прибѣгаютъ современные писатели для повышенія драматическаго интереса и удобства развитія фабулы. Наслѣдственныя болѣзни также представляютъ для нихъ богатый источникъ, изъ котораго они черпаютъ обѣими руками. Это самая любимая тема современныхъ писателей, но, по мнѣнію автора, беллетристъ все-таки не можетъ быть врачомъ и, поэтому, лишь у очень немногихъ писателей можно найти дѣйствительно вѣрное описаніе болѣзни и въ особенности излюбленныхъ авторами болѣзненныхъ психическихъ состояній. Золя сознается, что для изображенія своего героя Ланневе онъ заимствовалъ у Ламброзо черты преступнаго типа, но, поэтому, изображеніе вышло блѣднымъ и напоминаетъ выцвѣтшій портретъ, снятый не съ живого человѣка, а съ картины. По словамъ одного психіатра изображеніе паралитика въ одномъ изъ произведеній Ибсена, также грѣшитъ большими неточностями, на которыя можетъ даже указать любая сидѣлка или фельдшеръ въ больницѣ. Но въ особенности грѣшатъ авторы противъ дѣйствительности тамъ, гдѣ они изображаютъ нервную горячку или тифъ, вызванную душевными волненіями. Разумѣется, каждый знаетъ, что тифъ не можетъ сдѣлаться отъ горя или отъ какого-нибудь душевнаго потрясенія. Однако, если зародышъ болѣзни уже существуетъ въ организмѣ, то душевное волненіе можетъ послужить благопріятнымъ моментомъ для его развитія. Но такіе случаи очень рѣдки, хотя въ литературѣ они встрѣчаются очень часто, въ виду удобства, которое представляетъ такого рода заболѣваніе, дающее возможность автору воспользоваться имъ для того, чтобы дать то или другое направленіе событіямъ въ своемъ произведеніи или ускорить конецъ. Впрочемъ, уже теперь замѣчается у нѣкоторыхъ авторовъ стремленіе дѣлать болѣе правдоподобнымъ заболѣванія своего героя и, поэтому, они прибавляютъ простуду къ душевнымъ волненіямъ и т. д. Если въ произведеніяхъ какого-нибудь писателя болѣзнь играетъ роль лишь вводнаго момента, то мы не можемъ отъ него требовать, чтобы онъ изобразилъ ее намъ, какъ медикъ, но если онъ, какъ это въ особенности замѣчается у многихъ современныхъ авторовъ беретъ исходною точкой патологическій случай, то тутъ уже требованія будутъ другія; мы вправѣ требовать, чтобы писатель хорошо зналъ то, о чемъ онъ говоритъ и на чемъ строитъ все свое произведеніе.

Въ «Harper's Magazine» Морицъ Лоу печатаетъ очерки вашингтонскаго общества. По его словамъ, Вашингтонъ отличается отъ другихъ американскихъ городовъ, такъ какъ онъ не занимается ни торговлей, ни финансовыми дѣлами,

не можетъ похвастаться ни знаменитыми картинными галлереями, ни музеями и это единственный американскій городъ, въ которомъ не извѣстенъ биржевой языкъ и въ которомъ существуетъ настоящее общество, строгое и проникнутое сознаніемъ собственнаго достоинства. Всѣ стремленія мужчинъ и женщинъ, живущихъ въ Вашингтонѣ, направлены къ тому, чтобы быть принятыми въ этомъ обществѣ. Богатство въ глазахъ вашингтонскаго общества не играетъ такой большой роли, какъ въ другихъ большихъ городахъ, и вашингтонцы даже находятъ неприличнымъ и признакомъ дурного тона, если какой-нибудь милліонеръ старается поразить роскошью своихъ пріемовъ и обстановки. Обыкновенно очень ошибались тѣ изъ министровъ или сенаторовъ, которые думали, что можно такимъ образомъ привлечь на свою сторону вашингтонское общество, совершенно неправильно обвиняемое въ разныхъ странностяхъ и приверженности къ богатству. Въ Вашингтонѣ преобладаетъ скромный образъ жизни и домашніе пріемы друзей, вмѣсто общественныхъ банкетовъ, которые обыкновенно устраиваются въ другихъ городахъ. Но вашингтонскій общественный кодексъ полонъ контрастовъ. Въ одномъ отношеніи онъ ультрадемократиченъ, но въ другомъ требуетъ строгаго выполненія этикета и любитъ титулы. Никто не осудитъ министра за то, что онъ живетъ въ меблированной комнатѣ, или супругу сенатора за то, что она сама закупаетъ на рынкѣ провизію и торгуется съ продавцомъ масла и яицъ. Общество ни слова не скажетъ и не посмотритъ на это съ удивленіемъ. Точно также вашингтонское общество не обратитъ вниманія на то, что какой-нибудь изъ посланниковъ отправляется пѣшкомъ на званый обѣдъ. Все это такія вещи, которыя нисколько не шокируютъ демократическіе взгляды общества. Вѣдь какую бы скромную жизнь ни велъ президентъ, онъ все-таки остается президентомъ и въ глазахъ вашингтонскаго общества нисколько не теряетъ своего достоинства. Въ этомъ отношеніи теперешній президентъ Рузевельтъ особенно пришелся по вкусу вашингтонцамъ, которые уважаютъ его за его скромность. Чванство и выставленіе на показъ своего богатства въ особенности ненавистно вашингтонскимъ гражданамъ и если даже они принимаютъ приглашеніе на какой-нибудь банкетъ милліонера, то все же въ душѣ осуждаютъ такую показную роскошь. Эта любопытная черта характера ставитъ вашингтонцевъ совершенно особо отъ гражданъ прочихъ американскихъ городовъ.

«Больная Англія» — такъ называется весьма пессимистическая статья въ «Revue des Revues», авторъ которой Жакъ Фино нисколько, повидимому, не сомнѣвается, что Англія находится въ періодѣ упадка и что ея исчезновеніе изъ ряда великихъ державъ можно считать вполнѣ вѣроятнымъ. Первымъ признакомъ упадка является пониженіе цифры рождаемости. Въ 1875 г. на 1.000 англичанъ приходилось 35 рожденій; число это упало до 29 въ 1900 году и продолжаетъ падать, такъ что, по вычисленію одного статистика, въ 1950 г. смертность будетъ превышать число рожденій. Но если населеніе убываетъ въ Англіи, то нищета увеличивается. Въ одной только Великобританіи насчитывается семь милліоновъ человѣкъ, которые не знаютъ, какъ имъ существовать

и чѣмъ питаться. Теперь въ Англіи существуютъ двѣ расы: богатыхъ людей, дѣти которыхъ въ 13 лѣтъ уже вѣсятъ 93 фунта, и бѣдныхъ, малютки которыхъ въ томъ же возрастѣ вѣсятъ не болѣе 73-хъ. Изъ волонтёровъ, которые подвергаются медицинскому осмотру, половина, по крайней мѣрѣ, признается неспособными къ военной службѣ, вслѣдствіе слабости сложенія. Только необходимость заставила англійскія военныя власти зачислять теперь въ войска такихъ людей, которые совершенно не удовлетворяютъ требованіямъ роста и развитію физической силы.

Переходя къ промышленности, авторъ находитъ и въ ней такой же упадокъ. Желѣзная промышленность Англіи не въ состояніи была выдержать конкуренціи Америки, которая производитъ на 50°/₀ дешевле Англіи и вывозитъ вдвое больше. Но этого мало: Германія и Соединенные Штаты оспариваютъ у Англіи то первое мѣсто въ морской торговлѣ, которое она раньше занимала. Только въ отношеніи пьянства, иронически замѣчаетъ авторъ, Англія сохраняетъ свое первенство.

Положеніе англійскихъ колоній также очень незавидное. Въ Индіи свирѣпствуетъ голодъ и эпидеміи, которыя грозятъ истребить все населеніе. Доходы быстро уменьшаются; такъ, напримѣръ: индусъ, имѣвшій прежде, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, ежедневный доходъ въ два пенса, т.-е. 20 сантимовъ, теперь получаетъ только семь сантимовъ. Въ годъ это составляетъ отъ 27 до 28 франковъ, за которые надо уплачивать подоходный налогъ. Но на эту сумму жить совершенно невозможно нигдѣ. Индусъ, питающійся только исключительно рисомъ да овощами, все-таки долженъ проживать 200 франковъ въ годъ. Результатомъ такого положенія вещей является ужасающая смертность. Англійскій медицинскій журналъ «The Lancet» вычисляетъ даже, что въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ погибло, по крайней мѣрѣ, до 20 милліоновъ отъ голода и болѣзней въ Индіи. Правда, другія англійскія колоніи находятся въ очень цвѣтущемъ состояніи, но именно это процвѣтаніе и развитіе служили источниками всевозможныхъ опасеній и безпокоятъ Англію. Кто же поручится за то, что Австралія и Канада, несмотря на всѣ заявленія насчетъ лойяльности своихъ чувствъ, не пожелаютъ въ одинъ прекрасный день сдѣлаться независимыми, да и южная Африка, послѣ того, какъ она будетъ умиротворена, послѣдуетъ, вѣроятно, по ихъ стопамъ и также отпадетъ отъ Англіи, которая теперь проливаетъ столько крови, чтобы обезпечить себѣ владѣніе ею.

Таковы главные симптомы болѣзни Англіи, положеніе которой авторъ считаетъ очень серьезнымъ. Въ слѣдующей статьѣ онъ намѣренъ указать нѣкоторыя средства, которыя могутъ содѣйствовать излеченію этой болѣзни.

Сословная честь.

(Письмо изъ Берлина).

Одну изъ наиболѣе характерныхъ чертъ нѣмецкаго общества представляетъ обиліе кастовыхъ перегородокъ и обособленность отдѣльныхъ общественныхъ

слоевъ. Каждое сословіе и каждая профессія живетъ особнякомъ. Педагогъ лишь очень рѣдко сходится съ артистомъ, инженеръ съ политикомъ, коммерсантъ съ чиновникомъ. Да и въ предѣлахъ одной и той же сословной или профессіональной группы существуетъ опять-таки множество отдѣльныхъ градацій, въ зависимости отъ общественнаго и служебнаго положенія, средствъ и семейныхъ связей. Въ крупныхъ центрахъ, какъ, напр., въ Берлинѣ и Мюнхенѣ, перегородки эти до нѣкоторой степени сглаживаются, но стоитъ только выбраться изъ столичной сутолоки, какъ вы тотчасъ же натыкаетесь на яркія проявленія кастоваго духа, на множество узкихъ сословныхъ предразсудковъ и общественныхъ условностей, разладъ съ которымъ равносиленъ исключенію изъ общества.

Легко представить себѣ поэтому, какую бурю подняло не только въ консервативно-аристократическихъ, но и въ буржуазныхъ кругахъ облетѣвшее недавно всю Германію извѣстіе о томъ, что великій герцогъ гессенскій Эрнстъ-Людвигъ отъ времени до времени вступаетъ въ дружескую бесѣду съ соціалъ-демократическимъ депутатомъ гессенскаго ландтага Ульрихомъ. Герцогъ и самъ предвидѣлъ, что его встрѣчи съ соціалъ-демократомъ надѣлаютъ много шума, но онъ думалъ, что непріятныя послѣдствія встрѣчи эти могутъ имѣть лишь для Ульриха. Смѣясь, онъ замѣтилъ своему собесѣднику, что единомышленники этого послѣдняго, пожалуй, останутся недовольны его свиданіями съ великимъ герцогомъ. Однако это оказалось не совсѣмъ такъ. Большинство соціалъ-демократовъ осталось при томъ мнѣніи, что это исключительно дѣло Ульриха, но великому герцогу пришлось хуже. Недавно извѣстная консервативная газета «Hamburger Nachrichten», когда-то бывшая органомъ Бисмарка, сочла нужнымъ ополчиться противъ него. Она обвинила его ни болѣе ни менѣе, какъ въ измѣнѣ имперской конституціи, такъ какъ, на основаніи ея, монархи всѣхъ германскихъ государствъ присягой обязуются охранять правопорядокъ и неприкосновенность государства. Ну а соціалъ-демократы вѣдь отрицаютъ и то, и другое. Слѣдовательно, вступая съ ними въ общеніе, великій герцогъ нарушилъ данную имъ присягу.

Несмотря на вздорность этой аргументаціи, взглядъ «Hamburger Nachrichten» раздѣляется, несомнѣнно, очень значительной частью нѣмецкаго общества, и потому не будетъ удивительно, если великій герцогъ гессенскій Эрнстъ-Людвигъ увидитъ себя вынужденнымъ прекратить свои встрѣчи съ депутатомъ Ульрихомъ, хотя бы при этихъ встрѣчахъ совсѣмъ и не было рѣчи о политикѣ.

Еще болѣе яркое проявленіе кастовыхъ воззрѣній представляетъ собою эпизодъ, недавно происшедшій въ одной изъ аудиторій мюнхенскаго университета. Дѣло происходило на лекціи извѣстнаго физіолога, проф. Ранке. Почтенный ученый разъяснялъ своимъ слушателямъ сходство и различія въ строеніи человѣка и обезьянъ. Какъ на существенную особенность перваго, онъ указалъ на стройную талію, которой нѣтъ ни у одной породы обезьянъ. При этомъ профессоръ полушутя добавилъ, что люди любятъ особенно подчеркивать это отличіе и что, какъ извѣстно, всего болѣе грѣшатъ въ этомъ отношеніи дамы

и офицеры. На бѣду въ числѣ слушателей находился одинъ изъ баварскихъ принцевъ — Георгъ. Въ качествѣ офицера, юный принцъ почувствовалъ себя оскорбленнымъ этими словами и потребовалъ, чтобы профессоръ взялъ ихъ обратно. Маститый ученый подчинился этому требованію и пояснилъ, что никакого желанія оскорблять офицерское сословіе у него не было. Но само-собой разумѣется, что это было сдѣлано лишь ради принца, а не ради офицерской чести. Газеты, съ своей стороны, слегка высмѣяли этотъ маленькій инцидентъ и такъ все дѣло и кончилось. Однако было бы ошибкой смотрѣть на него какъ на лишенное всякаго общественнаго значенія комическое quid pro quo. Напротивъ того, многочисленные факты показываютъ, что взгляды, выразителемъ которыхъ выступилъ юный баварскій принцъ, широко распространены въ сферѣ нѣмецкаго офицерства, и съ ними приходится серьезно считаться.

Передо мной лежитъ маленькая, но чрезвычайно поучительная брошюрка *) умершаго съ мѣсяцъ тому назадъ нѣмецкаго военнаго писателя Генига, въ которой разсказывается о злоключеніяхъ автора, явившихся послѣдствіемъ его работъ о франко-прусской войнѣ. Работы эти занимаютъ почетное мѣсто въ военной литературѣ, но Генигъ имѣлъ смѣлость разобрать въ нихъ, что называется, по косточкамъ, дѣятельность тогдашнихъ нѣмецкихъ военачальнииковъ. Въ числѣ другихъ такому разбору былъ подвергнутъ въ одной изъ книгъ Генига генералъ Шварцкоппенъ. Генигъ пришелъ къ не особенно благопріятному выводу объ его военныхъ талантахъ, но все же охарактеризовалъ его въ сдержанныхъ и осторожныхъ выраженіяхъ. Онъ упомянулъ о томъ, что давно уже умершій генералъ былъ, несомнѣнно, тщеславенъ, что одни называли его за его строгость въ соблюденіи дисциплины «полицейскимъ генераломъ», другіе же считали его за позера и крикуна, тогда какъ третьи видѣли въ немъ актера. При этомъ, однако, Генигъ добросовѣстно старается снять съ Шварцкоппена нареканія, которыхъ дѣйствительность, по его мнѣнію, не подтверждала. Однимъ словомъ отзывъ Генига, не будучи лестнымъ, имѣлъ все-таки несомнѣнно объективный и безпристрастный характеръ. Тѣмъ не менѣе, когда отзывъ этотъ дошелъ до сына покойнаго генерала, флигель-адъютанта Шварцкоппена,—того самаго Шварцкоппена, который получилъ такую печальную извѣстность въ дѣлѣ Дрейфуса,—то онъ счелъ необходимымъ потребовать у Генига удовлетворенія. Шварцкоппенъ отправилъ къ Генигу своего друга генерала Мольтке, который потребовалъ отъ него, чтобы онъ призналъ свой отзывъ ложнымъ, бездоказательнымъ и совершенно ненужнымъ для цѣлей книги и взялъ его назадъ, а въ противномъ случаѣ предложилъ указать свидѣтелей.

Однако Генигъ не сдѣлалъ ни того, ни другого.

— То, что я пишу, я готовъ отстаивать своимъ перомъ, но не писто-

---

*) Mein Ehrenhandel mit dem Oberst und Flügeladjutant v. Schwarzkoppen und dem Oberst und Atteilungschef im Generalstate v. Bernhardi. Von Fritz Hönig. Berlin, 1902.

летомъ,—отвѣтилъ онъ.—Если я ошибся въ оцѣнкѣ Шварцкоппена или невѣрно изобразилъ его дѣйствія, то я всегда готовъ поправить мой отзывъ публично, если только мнѣ докажутъ, что я ошибся. Доказать это я предоставляю полковнику Шварцкоппену.

Для генерала Мольтке такой отвѣтъ звучалъ очень странно и ново. Не менѣе ново было для него, навѣрное, и заявленіе Генига, что если бы исторіографъ считался съ чувствами сыновей и внуковъ, то исчезла бы всякая свобода исторической критики. Для него Генигъ былъ только оскорбителемъ памяти покойнаго генерала и въ качествѣ таковаго долженъ былъ дать личное удовлетвореніе Шварцкоппену съ оружіемъ въ рукахъ.

Точно такъ же смотрѣлъ на Генига и Шварцкоппенъ. Получивъ вышеприведенный отвѣтъ, онъ подалъ на Генига жалобу въ офицерскій совѣтъ, который вполнѣ примкнулъ къ его мнѣнію. И такъ какъ, вдобавокъ, Шварцкоппенъ былъ флигель адъютантомъ, а Генигъ—простымъ капитаномъ въ отставкѣ, правда, заслуженнымъ и извѣстнымъ, но все же ни по блеску имени, ни по общественному положенію не могущимъ идти въ сравненіе съ Шварцкоппеномъ, то предсѣдатель совѣта не счелъ за нужное особенно церемониться съ Генигомъ. Однако, Генигъ не далъ себя запугать. Взять свой отзывъ обратно онъ наотрѣзъ отказался. Поэтому, противъ него было возбуждено формальное судебное преслѣдованіе передъ офицерскимъ судомъ чести. Вскорѣ къ обвиненію, предъявленному къ Генигу Шварцкоппеномъ, присоединилось еще одно, тоже явившееся отголоскомъ литературной дѣятельности Генига. Иниціаторомъ этого второго обвиненія былъ полковникъ Бернгарди, начальникъ отдѣленія въ главномъ штабѣ, оскорбившійся тѣмъ, что въ одной изъ своихъ полемическихъ статей Генигъ упрекнулъ его въ мстительности, подозрительности и въ злоупотребленіи тайными документами. Подобно Шварцкоппену, Бернгарди потребовалъ отъ Генига, чтобы тотъ или отказался отъ своихъ словъ, или далъ ему удовлетвореніе съ оружіемъ въ рукахъ, и Генигъ, въ свою очередь, отвѣтилъ, что брать свои слова обратно онъ не имѣетъ основанія, а дуэли въ подобныхъ случаяхъ принципіально не признаетъ. Это дало Бернгарди поводъ обвинить Генига еще въ третьемъ, съ точки зрѣнія прусскаго офицера, еще болѣе тяжеломъ преступленіи,—въ томъ именно, что Генигъ принципіальный противникъ дуэли. Обвиненіе это тоже получило движеніе. И когда Генигъ во время судебнаго разбирательства заявилъ, что оно ложно, то предсѣдатель даже не пожелалъ принять его слова къ свѣдѣнію. Тогда Генигъ оставилъ комнату совѣщанія и отказался продолжать какія либо сношенія съ офицерскимъ совѣтомъ. Даже письма онъ отказывался принимать. Такая тактика принесла свою пользу. Предсѣдатель совѣта явился къ нему съ извиненіемъ и усиленно просилъ его прекратить абструкцію. Но Генигъ былъ непреклоненъ. Даже когда состоялся приговоръ, онъ не пожелалъ явиться для его выслушанія. Чтобы хоть какнибудь покончить съ этимъ непріятнымъ дѣломъ, члены совѣта, съ предсѣдателемъ во главѣ, явились къ Генигу на квартиру и здѣсь прочли ему приговоръ, на основаніи котораго онъ былъ лишенъ права носить военный мундиръ.

Бернгарди этимъ не удовольствовался. Когда, въ минувшемъ январѣ, Генигъ напечаталъ въ одной изъ берлинскихъ газетъ статью, содержавшую не особенно лестный отзывъ о генералѣ Бернгарди, однофамильцѣ, но даже не родственникѣ своего оппонента, то этотъ послѣдній въ письмѣ въ редакцію «Kreuzzeitung» выразилъ сожалѣніе, что онъ не можетъ привлечь Генига за этотъ отзывъ къ личной отвѣтственности, «по причинамъ, хорошо извѣстнымъ въ офицерскихъ кругахъ».

А когда Фрицъ Генигъ умеръ, офицеры его полка опубликовали краткое надгробное слово, въ которомъ съ сожалѣніемъ упоминали о томъ, чтъ Генигъ не всегда дѣйствовалъ согласно воззрѣніямъ офицерскаго корпуса, но въ то же время признавали, что онъ былъ заслуженный и храбрый офицеръ

Сословная честь чуть не каждый день требуетъ все новыхъ и новыхъ жертвъ. Стоитъ заглянуть хотя бы въ «Готскій Альманахъ», чтобы убѣдиться, что чуть ли не въ большинствѣ аристократическихъ родовъ имѣются члены, при имени которыхъ въ скобкахъ стоитъ названіе какого-нибудь американскаго города. Что это значитъ, ясно само собой. Достаточно, чтобы молодой лейтенантъ надѣлалъ долговъ, повздорилъ съ начальствомъ или, скажемъ, отказался отъ дуэли, чтобы его дальнѣйшее пребываніе въ отечествѣ сдѣлалось неудобнымъ для его родичей и чтобы его выпроводили за океанъ. Что онъ дѣлаетъ въ странѣ своего новаго обитанія, ихъ уже не касается. Имъ все равно, поступилъ ли онъ въ лакеи, или конюхи, или въ приказчики. Но если бы, выйдя въ отставку, онъ сдѣлался у себя дома хотя бы журналистомъ, это вызвало бы бурю возмущенія и навлекло бы на виновнаго цѣлую лавину родственныхъ проклятій.

П. Ш—въ.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Электрохимическія производства *).

Въ теченіе долгихъ вѣковъ человѣкъ довольствовался тѣмъ, что могъ взять непосредственно отъ другихъ животныхъ и растеній. Онъ былъ охотникомъ, пастухомъ и земледѣльцемъ. Тысячелѣтія прошли, пока въ этой борьбѣ съ другими организмами человѣкъ мимоходомъ научился пользоваться и «мертвой» природой; тысячелѣтія нужны были ему, чтобы перейти отъ каменнаго топора къ бронзовому и желѣзному. Наконецъ, появилась промышленность, но и она многія столѣтія занималась только добычей и внѣшней обработкой того, что можно было получить отъ другихъ организмовъ и изъ нѣдръ земли.

Только съ развитіемъ химіи люди научились готовить себѣ нужныя вещества искусственно изъ другихъ веществъ. Электрохимія вводитъ насъ во вторую часть этого періода: она даетъ намъ методы прямого полученія сложныхъ соединеній изъ элементовъ и столь же простые методы разложенія.

Основнымъ приборомъ, служащимъ для превращенія химической энергіи въ электрическую, является вольтовъ столбъ. Въ простѣйшемъ своемъ видѣ столбъ этотъ, какъ извѣстно, состоитъ изъ цинковой и мѣдной пластинокъ, погруженныхъ въ сѣрную кислоту, разведенную водой. Если соединить обѣ пластинки металлической проволокой, то по ней тотчасъ же начнетъ пробѣгать электрическій токъ, цинкъ станетъ растворяться и образовывать сѣрнокислый цинкъ; въ то же время на мѣдной пластинкѣ пойдетъ выдѣленіе водорода, который и образуетъ на ней какъ бы родъ газоваго покрова; благодаря этому послѣднему интенсивность тока станетъ слабѣть. Всѣ усовершенствованія, сдѣланныя впослѣдствіи въ вольтовомъ столбѣ, сводились, главнымъ образомъ, къ тому, чтобы уничтожить образованіе этого водороднаго покрова.

Явились батареи, снабженныя веществомъ, поглощающимъ водородъ; изъ наиболѣе употребительныхъ назовемъ элементъ Даніэля, въ которомъ такимъ веществомъ служитъ мѣдный купоросъ; затѣмъ элементъ Грове съ азотной кислотой и пластинкой изъ платины, которую Бунзенъ вскорѣ замѣнилъ углемъ;

---

*) Обзоръ этотъ составленъ по: 1) André Brochet. «L'industrie électrochimique». 2) H. Moissan. «Les carbures métalliques». 3) D-r. F. Weiske. «Die Darstellung künstlicher Diamanten».

элементъ Гренэ съ двухромово-кислымъ каліемъ и др. Въ этихъ батареяхъ энергія химическая превращается въ энергію электрическую.

Разсмотримъ обратное явленіе, т.-е. превращеніе электрической энергіи въ химическую. Опустимъ въ стеклянный сосудъ, наполненный растворомъ соли какого-нибудь металла, двѣ платиновыя пластинки (электроды) и соединимъ ихъ съ какимъ-нибудь источникомъ электрической энергіи. Тогда токъ станетъ проходить черезъ растворъ и разлагать металлическую соль. Металлы будутъ отлагаться на поверхности пластинки, названной катодомъ и соединенной съ отрицательнымъ полюсомъ, металлоиды же и кислоты на другой пластинкѣ — анодѣ, соединенной съ положительнымъ полюсомъ. Если мы возьмемъ растворъ какой нибудь сѣрнокислой соли и платиновый анодъ замѣнимъ мѣдной пластинкой, то эта послѣдняя мало-по-малу растворится; поэтому эта мѣдная пластинка и получила названіе растворимаго анода. Если же при электролизѣ какой-нибудь щелочной соли, мы замѣнимъ платиновый катодъ — ртутнымъ, то на немъ образуеся амальгама натрія, которая при дѣйствіи на нее воды дастъ водородъ и ѣдкій натръ.

Черезъ годъ послѣ открытія вольтова столба Карлейль и Никольсонъ разложили воду на кислородъ и водородъ. Въ томъ же году Крюикшэнкъ показалъ, что морская соль, при дѣйствіи на нее электрическаго тока, даетъ ѣдкій натръ. Позже Дэви разложилъ сѣрнокислый натръ на кислоту и щелочь, а въ 1807 году открылъ калій, натрій и ихъ амальгамы. Въ 1822 г. де-ла-Ривъ замѣтилъ, что мѣдь въ элементѣ Даніэля принимаемъ какъ разъ форму той пластинки, на которой отлагается, но онъ не вывелъ изъ этого никакого дальнѣйшаго заключенія. Только въ 1838 г. Якоби снова обратилъ вниманіе на это явленіе, попробовалъ замѣнить мѣдную пластинку различными предметами, поверхность которыхъ была бы хорошимъ проводникомъ электричества, и получилъ такимъ образомъ металлическія копіи этихъ предметовъ. Такъ было положено начало *гальванопластикѣ*.

Въ 1840 г. Рюольцъ во Франціи и Эклингтонъ въ Англіи открыли одновременно золоченіе и серебреніе гальваническимъ путемъ; нѣсколько позже были найдены аналогичные способы омѣдненія.

Если въ приборѣ, служащемъ для электролиза остановить токъ, а анодъ и катодъ соединить какимъ-нибудь проводникомъ, то по этому послѣднему будетъ пробѣгать токъ въ направленіи обратномъ первоначальному. Планте въ 1859 г. замѣтилъ, что если подвергать электролизу растворъ сѣрной кислоты, въ которую погружены двѣ свинцовыя пластинки, то количество электричества будетъ постепенно возрастать по мѣрѣ того, какъ токи чередуются то въ одномъ, то въ другомъ направленіи. Это наблюденіе превело къ открытію электрическаго *аккумулятора*.

Аккумуляторъ является какъ бы копилкой электрической энергіи. Запасъ накопленной энергіи зависитъ какъ отъ силы источника энергіи, такъ и отъ продолжительности самого процесса накопленія, иначе—отъ продолжительности заряженія аккумулятора и, наконецъ, отъ емкости послѣдняго. Благодаря аккумуляторамъ можно утилизировать тѣ силы природы, которыя раньше часто

пропадали почти совершенно: теченіе рѣкъ, паденіе водопадовъ, морской прибой, вѣтеръ и т. д.

Какъ извѣстно, аккумуляторъ Планте состоитъ изъ двухъ свинцовыхъ листовъ, отдѣленныхъ изолирующимъ веществомъ (резиной), свернутыхъ въ трубку и погруженныхъ въ 10% растворъ сѣрной кислоты. При пропусканіи тока отъ другой гальванической батареи одинъ изъ этихъ свинцовыхъ листовъ, всегда болѣе или менѣе окисленныхъ съ поверхности, начинаетъ покрываться красновато-коричневой перекисью свинца (PbO_2), а другой—возстановляется въ чистый свинецъ и становится сѣрымъ и губчатымъ. Такимъ образомъ, поверхности нашихъ двухъ свинцовыхъ листовъ пріобрѣтаютъ различный характеръ и потому при соединеніи ихъ проводникомъ получается токъ, но кратковременный, такъ какъ измѣненіе электродовъ было въ данномъ случаѣ незначительно и не шло вглубь металла. Планте примѣнилъ многократное заряженіе такого аккумулятора (такъ называемый процессъ формованія); при этомъ свинцовые электроды измѣнялись все болѣе и болѣе, становились рыхлыми и губчатыми, и ёмкость аккумулятора увеличивалась въ много разъ—онъ сталъ давать довольно продолжительный токъ.

Въ 1880 г. Форъ усовершенствовалъ аккумуляторъ Планте, замѣнивъ свинцовыя пластинки рамами съ многочисленными ячейками, наполненными окислами свинца, которые при возстановленіи превращались въ губчатый свинецъ. Такимъ образомъ получались гораздо быстрѣе большія количества электричества.

Въ теченіе долгаго времени электрометаллургическая индустрія занималась главнымъ образомъ галванопластикой, которая одна могла только окупить затраты, связанныя съ производствомъ электрической энергіи при помощи батарей. Въ первый разъ машина Грамма была примѣнена также въ гальванопластикѣ въ 1872 г. Только въ 1870 г., съ появленіемъ динамо-электрическихъ машинъ, наступила новая эра для электрометаллургіи и электрохиміи въ собственномъ смыслѣ этого слова.

Въ 1886 г., въ Америкѣ братья Коуль (Cowles) возстановили углемъ алюминій въ электрической печи и въ то же время приготовили алюминіевую бронзу, но этотъ способъ долженъ былъ уступить способу Геру (Héroult), который электрическимъ путемъ приготовилъ алюминій въ чистомъ видѣ. Этотъ способъ примѣняется нынѣ всюду. Новая эра въ электрической индустріи начинается въ 1889 г., когда Галь во Франціи впервые примѣнилъ электролизъ при производствѣ химическихъ продуктовъ. Благодаря электрической печи Муассана въ 1892 г. было доказано, что даже такія «неплавкія» тѣла, какъ кремнеземъ, известь, магнезія, алюминій и т. д., могутъ быть не только расплавлены, но часто даже переведены въ газообразное состояніе. Электрическая печь позволила получить въ большихъ количествахъ многіе металлы, которые до того были только лабораторными рѣдкостями, а также и цѣлую серію новыхъ тѣлъ,—напримѣръ, фосфористый углеродъ и различнѣйшіе карбиды.

Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ электрохимическія производства получили не-

обычайно быстрое развитіе; но скоро стало ясно, что одно введеніе динамо-машинъ не могло удешевить электрическихъ производствъ настолько, чтобы они въ состояніи были бороться съ старыми чисто химическими способами, такъ какъ часовая лошадиная сила въ центральныхъ электрическихъ станціяхъ, работающихъ на углѣ, обходилась довольно дорого—отъ 2,6—3,8 коп. Чисто коммерческія соображенія заставили обратиться къ утилизаціи природной силы паденія воды.

Всѣмъ знакома водяная мельница, устройство которой чрезвычайно просто. Въ опредѣленномъ мѣстѣ рѣки плотина останавливаетъ воду; какъ разъ подъ этой послѣдней становится мельничное колесо; вода стекаетъ въ крылья колеса и своей тяжестью приводитъ его въ движеніе. Представьте себѣ, что количество запруженной воды гораздо больше, чѣмъ въ обыкновенной мельницѣ, и что вода падаетъ съ гораздо большей высоты; замѣните античное колесо современной турбиной, а жернова динамо-машиной и вы получите силовой электрическій заводъ; энергія его можетъ служить или для освѣщенія, или для производства металлургическихъ и химическихъ продуктовъ, но можетъ быть также перенесена различными способами и въ другія мѣстности.

Водопріемникъ такого силового завода имѣетъ обыкновенно весьма большіе размѣры; длина его часто достигаетъ нѣсколькихъ верстъ; иногда онъ имѣетъ видъ открытаго канала, иногда же закрытаго тунеля, сложеннаго изъ цемента. Смотря по мѣстнымъ условіямъ—такой водопріемникъ слѣдуетъ теченію рѣки или пересѣкаетъ извилины, дѣлаемыя ею. Конецъ такого канала заключаютъ въ стальную трубу, которая слѣдуетъ направленію наибольшаго уклона данной мѣстности; трубу укрѣпляютъ на каменныхъ столбахъ или какимъ-либо инымъ способомъ на сосѣднихъ скалахъ. Трубы эти должны быть чрезвычайно крѣпкими, такъ какъ имъ приходится выдерживать громадное давленіе. Такъ напр., при паденіи воды съ высоты 600 метр., давленіе у основанія трубы равняется 60 килограммамъ на каждый квадратный сантиметръ. Діаметръ этихъ трубъ колеблется въ большихъ предѣлахъ и достигаетъ 1½, 2-хъ и даже 3-хъ метр. въ тѣхъ случаяхъ, когда паденіе воды имѣетъ небольшую высоту. Вода, выходящая изъ турбины, возвращается въ рѣку и можетъ быть снова запружена для другого завода и т. д. Устройство подобнаго завода легко можетъ обойтись въ нѣсколько сотенъ тысячъ рублей, въ особенности, если дно рѣки песчаное и теченіе быстро.

Средняя цѣна годовой лошадиной силы на такихъ силовыхъ заводахъ—отъ 10 до 20 руб., такъ что 24-хъ-часовая лошадиная сила обходится отъ 3-хъ до 5-ти коп., т.-е. почти то же, что часовая лошадиная сила при работѣ на углѣ. Вообще же, стоимость энергіи, получаемой при утилизаціи силы паденія воды, сильно колеблется въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Въ одномъ изъ самыхъ большихъ водяныхъ силовыхъ заводовъ во Франціи годовая лошадиная сила обходится меньше, чѣмъ 2 р. 90 коп.

Число такихъ силовыхъ заводовъ растетъ съ каждымъ днемъ, а также увеличиваются и размѣры ихъ. Такъ, на берегу Ніагары, на территоріи Соединенныхъ Штатовъ, находится громадный силовой заводъ, дающій до 60.000

лошадиныхъ силъ; нынѣ онъ расширяется и въ концѣ 1902 г. будетъ давать не менѣе 100.000 лош. силъ. Такой же заводъ сооружается и на противоположномъ канадскомъ берегу Ніагары. Вообще же этотъ водопадъ могъ бы дать энергіи на 100 такихъ заводовъ. Большіе электро-силовые заводы имѣются и въ Европѣ. Такъ, на Ронѣ давно уже работаютъ два силовыхъ завода по 20.000 силъ — одинъ близъ Женевы, другой близъ Ліона, а черезъ два года будутъ сооружены еще три — одинъ въ 25.000 силъ и два по 30.000 силъ. Вообще за послѣднія 5 лѣтъ лихорадочная дѣятельность въ этой области проявляется какъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Канадѣ, такъ и въ Швеціи, Франціи и Италіи. Энергія, получаемая на этихъ силовыхъ заводахъ, расходуется какъ для освѣщенія и для металлургическихъ и химическихъ производствъ, такъ и для устройства электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, главнымъ образомъ, трамвайныхъ и висячихъ. Впрочемъ, за послѣднее время въ нѣкоторыхъ государствахъ замѣчается тенденція замѣнить постепенно общую желѣзнодорожную паровую тягу электрической.

Изъ химическихъ производствъ, ведущихся электролитическимъ способомъ остановимся на слѣдующихъ. Однимъ изъ важнѣйшихъ химическихъ продуктовъ являются *щелочи*. Обычный химическій способъ полученія щелочей состоитъ въ обработкѣ щелочныхъ углекислыхъ солей известью. Исходнымъ пунктомъ для полученія щелочей является, главнымъ образомъ, сода — центръ всѣхъ химическихъ производствъ. Наоборотъ, полученіе щелочей электрохимическимъ путемъ очень просто, такъ какъ хлористый натрій разлагается при этомъ прямо на хлоръ и ѣдкій натръ. Интересно то, что способъ этотъ извѣстенъ былъ давно, такъ же давно, какъ и способъ Леблана, но не примѣнялся раньше, такъ какъ былъ очень дорогъ. Но и теперь, когда уже найдена дешевая энергія, встрѣчается много затрудненій, благодаря которымъ электрическому способу полученія щелочей трудно еще бороться съ химическимъ. Это — недостаточно разработанные вопросы о вторичныхъ реакціяхъ, объ электродахъ и, главное, о выпариваніи получающагося щелока; послѣднее требуетъ большихъ количествъ угля, а доставка его въ мѣста водяныхъ силовыхъ заводовъ обходится очень дорого. Эти коммерческія соображенія привели къ тому, что нѣкоторыя фирмы отказались уже отъ водяной энергіи и снова перешли на уголь, перенеся свои заводы въ центръ потребленія щелочей.

Вопросъ объ электродахъ важенъ для всѣхъ отраслей электрохимической индустріи, но въ особенности для производства щелочей. Единственный металлъ, почти не измѣняющійся при употребленіи его въ видѣ анода, это— платина. Но платиновые аноды увеличиваютъ мертвый капиталъ на многіе десятки и даже сотни тысячъ рублей. Если же брать тонкіе платиновые электроды, то распредѣленіе тока становится неправильнымъ, и, кромѣ того, такіе электроды очень трудно укрѣпить. При электродахъ же, только покрытыхъ или обшитыхъ платиной, электролизъ идетъ плохо. Поэтому, обратились къ электродамъ, сдѣланнымъ изъ каменоугольнаго кокса, куски котораго сое-

диняются минимальнымъ количествомъ смолы, превращенною, благодаря обжиганію, также въ уголь; затѣмъ такіе электроды подвергаютъ сильному давленію—въ 600—2.000 килограммовъ на каждый квадратный сантиметръ. Для этой цѣли существуютъ прессы, которые могутъ оказывать давленіе до 2.000 тоннъ. Чтобы сообщить такимъ электродамъ наибольшую неизмѣняемость, нагрѣваютъ уголь до бѣлаго каленія, при отсутствіи воздуха; совершаютъ это, или пропуская черезъ электродъ чрезвычайно сильный токъ или помѣщая такой угольный брусокъ въ электрическую печь. Электроды не должны содержать никакихъ примѣсей, такъ какъ эти послѣднія осаждаются въ веществахъ, добываемыхъ электролизомъ.

Въ электрохимическомъ производствѣ щелочей и хлора употребляютъ, главнымъ образомъ, три типа приборовъ: 1) приборы, съ трубчатой діафрагмой изъ цемента или глины; 2) приборы, въ которыхъ катодъ соприкасается съ діафрагмой изъ цемента; при этомъ катодъ не погруженъ въ жидкость, но только смачивается ею, благодаря капилярности; пары воды или угольной кислоты безпрерывно омываютъ такой катодъ и удаляютъ щелочь, образовавшуюся на немъ; благодаря этому не происходитъ вторичныхъ реакцій; 3) приборы съ катодомъ изъ ртути; здѣсь освобожденный натрій образуетъ съ ртутью амальгаму, которая затѣмъ разлагается отъ дѣйствія воды на водородъ и щелочь. На этихъ послѣднихъ приборахъ работаетъ фирма Сольвей, которая на 3-хъ заводахъ (одинъ изъ нихъ въ Россіи—въ Лисичанскѣ) вырабатываетъ до 18—20.000 тоннъ щелочей ежегодно. Въ приборахъ безъ діафрагмы употребляютъ также двуполюсные электроды, т.-е. такіе, у которыхъ одна сторона служитъ анодомъ, другая катодомъ. При этомъ цѣлый рядъ такихъ электродовъ, погруженъ въ жидкость, но только крайніе изъ нихъ сообщаются съ электрической машиной. Такимъ образомъ, тутъ нѣсколько приборовъ какъ бы соединены въ одинъ.

Раньше всего электролизомъ начали добывать *бертолетову соль*; въ настоящее время ея производство достигло большого совершенства и простоты. И все-таки энергія, затрачиваемая при этомъ, громадна. Такъ, при энергіи, равной годовой лошадиной силѣ, вырабатывается всего 500 килограммовъ бертолетовой соли. Всѣми заводами вмѣстѣ электролитическимъ путемъ вырабатывается солей хлорноватой кислоты (бертолетова соль и др.) отъ 10 до 12 тысячъ тоннъ, при затратѣ энергіи въ 25.000 лошадиныхъ силъ. Электролизомъ получаютъ также и *марганцово-каліеву соль*, весьма важную въ промышленности, *соли хлорной кислоты*, *баритъ*, *хромово-и двухромово-кислыя соли*, *красную соль и др.*

Соли *хлорноватистой кислоты* приготовляются также очень легко электролизомъ, но этимъ способомъ нельзя получить раствора требуемой крѣпости, такъ какъ, разъ концентрація такого раствора дошла до извѣстной степени, онъ разлагается какъ на анодѣ, такъ и на катодѣ. Натровая соль хлорноватой кислоты служитъ для бѣлѣнія тканей и приготовленія целюлозы. Такъ какъ для этихъ цѣлей достаточны весьма слабые растворы, то они и готовятся на тѣхъ заводахъ, гдѣ ихъ прямо можно пустить въ дѣло.

Производство электролитическимъ путемъ *водорода* и *кислорода*, необходимыхъ для плавки, подвигается, но медленно. *Водородъ* для наполненія аэростатовъ готовится только въ одномъ заводѣ въ Римѣ; заводъ этотъ утилизируетъ энергію водопада Тиволи.

Изъ органическихъ веществъ электролизомъ легче всего получаются *іодоформъ*, *ванилинъ*, *парамипофенолъ*, *бензидинъ* и др.

Наиболѣе блестящіе результаты дало примѣненіе электричества въ области металлургіи.

Электрометаллургія занимается нынѣ какъ извлеченіемъ изъ рудъ, такъ и очисткой многихъ металловъ: мѣди, золота, серебра, никеля, цинка, олова, платины и многихъ другихъ.

Самымъ важнымъ изъ этихъ производствъ является очистка *мѣди*. Первое мѣсто въ этой области занимаютъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, гдѣ въ настоящее время имѣется уже одиннадцать заводовъ, занимающихся этимъ производствомъ. Какъ быстро развивается здѣсь это дѣло, видно изъ того, что въ 1880 г. было очищено электролитическимъ путемъ всего 500 тоннъ мѣди, а въ 1900—200.000 тонъ, т.-е. 550 тоннъ ежедневно. Міровое производство не многимъ отличается отъ этой цифры—оно достигаетъ 270.000 тоннъ. Общее же міровое производство мѣди (всѣми способами) достигло въ 1900 г. до 500.000 тоннъ.

Такіе же заводы для электролиза мѣди имѣются въ Германіи, въ Англіи, въ Японіи и у насъ въ Россіи.

Громадный спросъ на электролитическую мѣдь обусловливается, въ свою очередь, могучимъ расцвѣтомъ электротехники, для которой необходима совершенно чистая мѣдь: самыя незначительныя примѣси другихъ металловъ, особенно мышьякъ, въ громадной степени уменьшаютъ проводимость мѣди.

Очищеніе мѣди ведется слѣдующимъ образомъ.

Мѣдь, содержащая не болѣе 2%—5% примѣсей, расплющивается въ листы, которые опускаются, какъ аноды, въ сосуды съ растворомъ сѣрнокислой мѣди (мѣднаго купороса). Подъ вліяніемъ электрическаго тока, мѣдь этихъ анодовъ растворяется и отлагается на отрицательномъ полюсѣ—на тонкихъ листочкахъ уже заранѣе очищенной мѣди, которые, конечно, постепенно во время электролиза становятся все болѣе и болѣе толстыми.

При этомъ процессѣ не происходитъ, слѣдовательно, никакого химическаго разложенія; металлъ просто какъ бы переносится съ анода на катодъ поэтому, здѣсь затрачивается только самое незначительное количество энергіи, необходимое для того, чтобы побороть сопротивленіе батареи. Принимаютъ, что для производства цѣлой тонны мѣди въ теченіе 24 часовъ необходимо всего 20 киловаттовъ,—количество энергіи совершенно ничтожное.

Металлическія примѣси или растворяются въ сѣрнокислой мѣди, или же (золото, серебро) отсѣдаютъ нерастворенными въ слоѣ грязи. Эта «грязь» содержитъ, благодаря этому, до 50% серебра и въ Сѣверо-Американскихъ Сое-

диненныхъ Штатахъ изъ нея извлекаютъ до 500 тоннъ серебра и до 5 тоннъ золота.

Для электролитической очистки мѣди требуется, слѣдовательно, имѣть предварительный запасъ мѣди, который могъ бы быть пущенъ прямо въ работу, конечно, безъ плавки его. Это условіе въ теченіе долгаго времени дѣлало самое производство крайне медленнымъ; еще 12 лѣтъ тому назадъ на раствореніе анода требовалось около 3 мѣсяцевъ. Такимъ образомъ, для большихъ американскихъ заводовъ, вырабатывающихъ по 100—150 тоннъ мѣди ежедневно, нужно было бы совершенно непроизводительно держать въ электролитическихъ сосудахъ громадное количество мѣди—до 15.000 тоннъ. Понятно, что главныя усовершенствованія здѣсь направлены къ тому, чтобы увеличить быстроту процесса, не ухудшая въ то же время качества мѣди. Въ настоящее время достигли того, что первоначальное, какъ бы непроизводительное, количество мѣди всего только въ 20 разъ превышаетъ ежедневную выработку завода. Дѣло въ томъ, что когда мѣдь отлагается очень быстро, то она получается яснокристаллической и весьма ломкой. Для устраненія этого Ельморъ предложилъ такое устройство электролитическихъ приборовъ, при которомъ мѣдь откладывается весьма быстро, но не на неподвижные электроды, а на вращающіеся цилиндры; въ то же время отлагающаяся на послѣднихъ мѣдь подвергается тренію особыми агатовыми приборами, что препятствуетъ мѣди осѣсть въ ясно кристаллическихъ образованіяхъ. Полученная такимъ образомъ мѣдь, обыкновенно въ формѣ трубъ, отличается необыкновенной ковкостью.

Было предложено также нѣсколько способовъ для прямого извлеченія мѣди изъ ея рудъ, но до сихъ поръ ни одинъ изъ нихъ не могъ быть примѣненъ для промышленнаго производства.

Золото же, наоборотъ, извлекается очень легко. Въ Трансваалѣ, напр., руда подвергается сначала обычной обработкѣ ртутью, которая извлекаетъ наибольшую часть драгоцѣннаго металла; остатокъ же выщелачивается слабымъ растворомъ ціанистаго калія, который при содѣйствіи кислорода воздуха и растворяетъ золото. Этотъ растворъ подвергаютъ электролизу; золото отсѣдаетъ на свинцовыхъ пластинкахъ, служащихъ катодомъ. Когда на такой пластинкѣ отсядетъ золота, приблизительно 10%, по отношенію къ ея вѣсу, ее вынимаютъ и подвергаютъ плавленію, чтобы удалить свинецъ. Болѣе 20 заводовъ работаютъ этимъ способомъ, затрачивая энергію не менѣе 500 лошадиныхъ силъ. Въ этомъ случаѣ еще болѣе, чѣмъ для мѣди, громадное значеніе имѣетъ скорость процесса; и такъ какъ, съ одной стороны, золото и серебро получаются всегда чистыми, какова бы ни была скорость реакціи, а съ другой — при цѣнности продукта расходы на выплавку не играютъ большой роли, то электролизъ благородныхъ металловъ ведется возможно быстрымъ темпомъ. Металлы эти, получаемые въ видѣ порошка, подвергаются затѣмъ выплавкѣ, что въ данномъ случаѣ возможно, такъ какъ благородные металлы не окисляются.

Гальванопластика, служившая прежде только для полученія предметовъ роскоши и искусства, нынѣ примѣняется, напримѣръ, для фабрикаціи типографскихъ клише; теперь часто употребляютъ клише изъ никеля, которыя отличаются большой

твердостью и въ то же время неизмѣняемостью. Никель очищается электролитическимъ путемъ на двухъ заводахъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ. Производство это представляетъ гораздо больше трудностей, чѣмъ подобная же очистка мѣди. Никель идетъ, главнымъ образомъ, для никеллированія, особенно желѣза, которое онъ предохраняетъ отъ ржавчины.

Золоченіе и *серебреніе*—спеціально парижскія производства; въ Парижѣ числится около 150 такихъ мастерскихъ. Стоимость работы зависитъ отъ величины предмета; средняя цѣна золоченія—16 франковъ съ килограмма для мелкихъ вещей и 5 франковъ для такихъ предметовъ, какъ мебель. Смотря по цѣнѣ, вещь остается въ ваннѣ отъ 10 секундъ до 10 минутъ. Также и при серебреніи, но въ этомъ послѣднемъ случаѣ имѣются особыя спеціальныя приспособленія, позволяющія опредѣлять количество отложеннаго серебра; при золоченіи такія опредѣленія ведутся чисто эмпирически. Многія изъ этихъ мастерскихъ работаютъ еще съ батареями Бунзена, но большинство замѣнило этотъ громоздкій и нездоровый приборъ маленькой динамо и двумя или тремя аккумуляторами.

Цинкъ также очищается электролитическимъ путемъ. Его употребляютъ для оцинковыванія котловъ морскихъ пароходовъ. Покрытіе предметовъ *оловомъ* электрическимъ путемъ производится крайне рѣдко.

Перейдемъ теперь отъ электролиза въ растворахъ къ *электролизу при плавленіи*. Этимъ путемъ добывается почти все количество *магнія*, *натрія* и *алюминія*. Раньше, когда эти металлы получали чисто химическимъ путемъ, цѣна ихъ была 200, 25 и 80 франковъ за килограммъ, несмотря на дешевизну сырыхъ продуктовъ, изъ которыхъ ихъ извлекали. Въ настоящее время цѣна ихъ—45, 3 и 3 фр. за килограммъ.

Магній вырабатывается на одномъ только заводѣ въ окрестностяхъ Бремена; сырымъ матеріаломъ служитъ минералъ карналитъ (двойная хлористая соль магнія и калія).

Натрій извлекается электролизомъ изъ расплавленной соды, что позволяетъ употреблять металлическіе пріемники. На заводахъ англійскихъ и нѣмецкихъ употребляютъ способъ Кастнера. Способы, основанные на употребленіи поваренной соли, какъ исходнаго матеріала, въ виду многихъ неудобствъ, теперь оставлены и только съ нѣкоторыми измѣненіями употребляются для полученія сплавовъ свинца съ натріемъ; послѣдній легко извлекается изъ такихъ сплавовъ или переводится въ довольно чистую соду, причемъ, какъ побочный продуктъ, получается губчатый свинецъ и двуокись свинца, идущіе для фабрикаціи аккумуляторовъ.

Для полученія *алюминія* подвергаютъ электролизу минералъ кріолитъ (двойная фтористая соль алюминія и натрія). Въ расплавленномъ видѣ кріолитъ владѣетъ свойствомъ растворять глиноземъ (Al_2O_3); послѣдній, собственно говоря, и является тѣмъ веществомъ, изъ котораго получаютъ металлическій алюминій, благодаря отнятію кислорода углемъ анода.

Глиноземъ (окись алюминія) можетъ быть извлеченъ также изъ глинъ и

изъ боксита. Упомянутый уже нами выше способъ Геру (Héroult) претерпѣваетъ здѣсь только незначительныя измѣненія и употребляется всюду.

Годовое производство семи заводовъ, располагающихъ силою въ 50.000 лошадей, равняется отъ 5.000 до 6.000 тоннъ алюминія. Особенную цѣнность алюминію придаетъ его легкость; но, къ сожалѣнію, распространеніе его ограничивается тѣмъ, что на него дѣйствуютъ даже слабые растворы щелочей или кислотъ. Но въ металлургіи значеніе алюминія возрастаетъ съ каждымъ днемъ; его обыкновенно прибавляютъ къ мѣди въ количествѣ отъ 3% до 6%.

Въ теченіе долгаго времени не знали способовъ спаиванія алюминія. Оказалось, что этотъ металлъ паяется также, какъ и желѣзо и платина, т.-е. безъ всякаго посредствующаго вещества, но только процессъ спаиванія идетъ въ очень узкихъ температурныхъ предѣлахъ, ниже котораго спаиванія не происходитъ, а выше—алюминій становится ломкимъ.

Алюминій имѣетъ большое сродство къ кислороду и потому является сильнымъ возстановителемъ по отношенію къ окисламъ другихъ металловъ. На этой возстановительной способности алюминія основанъ интересный способъ спаиванія различныхъ металловъ.

Аппараты, употребляемые при электролизѣ расплавленныхъ веществъ, носятъ названіе электролитическихъ печей, въ отличіе отъ печей электротермическихъ, къ которымъ мы и перейдемъ теперь.

Когда электрическій токъ проходитъ черезъ однородный проводникъ—мѣдь, желѣзо, уголь, то этотъ проводникъ нагрѣвается, вслѣдствіе сопротивленія, которое онъ представляетъ для прохожденія тока. Чѣмъ значительнѣе будетъ количество электричества, проходящаго черезъ единицу поперечнаго разрѣза, тѣмъ быстрѣе будетъ падать напряженіе, иначе — чѣмъ больше сопротивленія будетъ оказывать тѣло, тѣмъ выше будетъ температура. Предѣлъ этой температуры будетъ достигнутъ, когда средой, оказывающей сопротивленіе, будетъ воздухъ между электродами; тогда между ними засвѣтится электрическая дуга. Затѣмъ, чтобы сохранить высокую температуру, нужно, конечно, избѣгать всякой потери тепла. На этомъ принципѣ построена *электрическая печь.*

Подчеркнемъ снова, что здѣсь не проявляется никакого электролитическаго дѣйствія, пользуются только тепловымъ дѣйствіемъ тока. Вслѣдствіе этого для электрической печи можно примѣнять одинаково какъ перемѣнные, такъ и постоянные токи, тогда какъ при электролизѣ примѣняется, конечно, только постоянный токъ.

Электрическая печь Муассана построена слѣдующимъ образомъ. Два куска извести складываются другъ съ другомъ плоскими поверхностями; въ одномъ изъ нихъ (нижнемъ) выдалбливается камера въ нѣсколько десятыхъ кубическаго дециметра; въ эту камеру между двумя угольными электродами и помѣщается то вещество, которое желаютъ расплавить; здѣсь можетъ быть поглощена электрическая энергія многихъ сотенъ лошадиныхъ силъ; эта энергія превращается въ тепловую; въ нѣсколько минутъ, иногда нѣсколько секундъ,

вещества, введенныя въ эту камеру, накаляются до температуры вольтовой дуги, т.-е. до 3.500° Ц. Такая высокая температура далеко не всегда нужна въ индустріи; здѣсь преслѣдуютъ цѣль—построить приборъ удобный и способный къ продолжительной работѣ. Имѣются уже десятки различныхъ конструкцій элекрической печи. Основной частью прибора почти всегда является графитный или желѣзный ящикъ; въ него насыпанъ уголь такимъ образомъ, что въ центрѣ его остается свободное пространство, въ которомъ и виситъ подвижной угольный электродъ; другой электродъ обыкновенно вдѣланъ въ стѣнку ящика. Въ ящикѣ этомъ или сдѣлано отверстіе для того, чтобы время отъ времени выпускать готовый продуктъ, или же ящикъ имѣетъ форму подвижной телѣжки, которую по окончаніи операціи опоражниваютъ.

Благодаря электрической печи, во-первыхъ, получено много новыхъ дотолѣ неизвѣстныхъ химическихъ соединеній, во-вторыхъ, явилась возможность поставить производства такихъ веществъ, которыя до сего были, вслѣдствіе своей дороговизны, только лабораторными продуктами. Укажемъ, напр., на *карборундъ*—углеродистый кремній (CSi), получаемый возстановленіемъ (при t.—2.500° Ц.) кремнекислоты (SiO_2) углемъ въ электрической печи, въ которую засыпанъ уголь, кремнземъ и поваренная соль. Карборундъ по твердости выше наждака и въ нѣкоторыхъ производствахъ уже замѣняетъ его. Изъ карборунда приготовляютъ камни, жернова, пластинки для керамическихъ издѣлій. Главный недостатокъ его тотъ, что онъ легко раскалывается, при чемъ получаются такіе острые края, которые препятствуютъ нанести его, какъ наждакъ, на бумагу или полотно. Но все же, несмотря на это, производство карборунда достигаетъ многихъ сотенъ тоннъ. Впрочемъ, за послѣднее время, тоже благодаря примѣненію электрической печи, въ торговлѣ появился искусственный корундъ, который не представляетъ неудобствъ карборунда, и въ то же время тверже натуральнаго наждака, такъ какъ въ послѣднемъ всего 50% глинозема, а въ искусственномъ продуктѣ до 95%.

Электрической печью пользуются также для приготовленія фосфора, кремнія, графита, хрома, молибдена, титана, уранія, марганца и нѣкоторыхъ другихъ веществъ.

Не можемъ не упомянуть здѣсь также о полученіи Муассаномъ въ своей электрической печи *алмазовъ*, хотя это пока еще не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ наиболѣе крупные изъ этихъ алмазовъ не превосходятъ 0,6 милиметра, обыкновенно же являются въ видѣ микроскопическихъ кусочковъ.

Въ самое послѣднее время А. Лудвигъ примѣнилъ для искуственнаго полученія алмазовъ еще болѣе сильныя давленія, чѣмъ Муассанъ. Онъ пропускалъ токъ черезъ желѣзную спираль, погруженную въ угольный порошокъ, и такимъ образомъ нагрѣвалъ ее въ атмосферѣ водорода подъ давленіемъ въ 3.100 атмосферъ. По словамъ Людвига уже черезъ нѣсколько минутъ уголь, соприкасающійся съ желѣзною спиралью, переходитъ въ алмазъ. Дальнѣйшіе опыты показали этому ученому, что такое превращеніе происходитъ и въ отсутствіи желѣза, если только подвергнуть уголь дѣйствію температуры, при которой

онъ плавится, и въ то же время сильному давленію. Людвигъ надѣется этимъ путемъ получить алмазы значительной величины.

Но наибольшее примѣненіе нашла электрическая печь для выработки такъ называемыхъ *карбидовъ,* т.-е. соединеній углерода съ металлами въ эквивалентныхъ отношеніяхъ. Наиболѣе важнымъ карбидомъ, можно даже сказать пока единственно важнымъ въ промышленномъ отношеніи, является *карбидъ кальція* или *углеродистый кальцій* (CaC_2). Карбидъ кальція получается въ описанныхъ уже нами печахъ сплавленіемъ кокса съ известью. Реакцію, которая идетъ при этомъ можно выразить слѣдующимъ уравненіемъ: $CaO + 3C = CaC_2 + CO$. Коксъ для этого производства долженъ содержать не болѣе 10% золы, а известь не болѣе 5% примѣсей (при этомъ не болѣе 3% магнезіи). Хорошій кальцій-карбидъ имѣетъ кристаллическое сложеніе и рыжеватый цвѣтъ; сѣрый или черный цвѣтъ говорятъ о плохомъ качествѣ этого продукта. Какъ извѣстно карбидъ кальція остановилъ на себѣ вниманіе техники, такъ какъ онъ обладаетъ свойствомъ разлагать воду, при простомъ соприкосновеніи съ нею, безъ всякаго предварительнаго нагрѣванія, причемъ выдѣляется газъ *ацетиленъ* (C_2H_2), представляющій прекрасный освѣтительный матеріалъ. Реакція образованія ацетилена можетъ быть выражена слѣдующимъ уравненіемъ: CaC_2 (углеродистый кальцій) $+ H_2O$ (вода) $= CaO$ (известь) $+ C_2H_2$ (ацетиленъ). При разсчетѣ по этому уравненію 1 килограммъ углеродистаго кальція долженъ дать 348, 9 литра ацетилена. Ацетиленъ горитъ яркимъ бѣлымъ пламенемъ и развиваетъ громадную силу свѣта: онъ даетъ въ 15—18 разъ больше свѣта, чѣмъ свѣтильный газъ въ обыкновенной горѣлкѣ, и въ 3—4 раза больше, чѣмъ этотъ же газъ при горѣлкѣ Ауэра; при этомъ температура пламени ацетилена гораздо ниже, чѣмъ у свѣтильнаго газа, онъ даетъ тепла только немногимъ больше, чѣмъ обыкновенная электрическая лампочка; кромѣ того, при горѣніи ацетиленъ требуетъ почти въ 2½ раза меньше воздуха, чѣмъ свѣтильный газъ.

Понятно, что при легкости производства карбида кальція и прекрасныхъ освѣтительныхъ качествахъ ацетилена новая индустрія развилась необычайно быстро: въ нѣсколько лѣтъ было основано до 50 карбидныхъ заводовъ. Одна Европа довела годовое производство карбида кальція до 120.000 тоннъ. Но за послѣдніе 3 года въ этой области промышленности произошелъ кризисъ. Спросъ на карбидъ быстро уменьшился (въ годъ не болѣе 15.000 тоннъ) и цѣна его такъ пала (до 100 руб. за тонну, вмѣсто прежнихъ 300 р.), что не покрываетъ даже издержекъ производства. Причинъ этому, вѣроятно, много; наиболѣе существенная и ясная изъ нихъ — это многочисленные взрывы ацетилена какъ въ рукахъ потребителей и такъ на самыхъ карбидныхъ заводахъ. Дѣло въ томъ, что ацетиленъ подобно другимъ горючимъ газамъ, даетъ съ воздухомъ смѣси, взрывающія при воспламененіи; при этомъ температура, при которой взрываютъ эти ацетиленовыя смѣси (480° Ц.) гораздо ниже температуры (600°), при которой взрываютъ смѣси свѣтильнаго газа съ воздухомъ. Понятно, что и взрывы ацетилена будутъ чаще (при равенствѣ прочихъ условій), чѣмъ свѣтильнаго газа. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ условіяхъ (при давленіи болѣе 2-хъ атмосферъ и пропу-

сканіи электрической искры) ацетиленъ даетъ взрывъ и самъ по себѣ, будучи въ совершенно чистомъ видѣ.

Но все же нужно отмѣтить, что несчастные случаи были обязаны больше неосторожности и непредусмотрительности предпринимателей и потребителей и не являются неизбѣжными. Болѣе обдуманные способы производства, лучшая конструкція аппаратовъ и лампъ дастъ, конечно, полную гарантію безопасности. Въ эту сторону и направлены исканія и кое что уже сдѣлано. Такъ, г-г. Клодъ и Гессъ замѣтили, что ацетиленъ растворяется во многихъ органическихъ жидкостяхъ, особенно сильно въ ацетонѣ, который въ одномъ объемѣ при обыкновенной температурѣ растворяетъ въ 25—30 разъ большій объемъ ацетилена; такъ что, напримѣръ, одинъ литръ ацетона при давленіи въ 5 атмосферъ растворитъ около 180 литровъ ацетилена; 150 изъ нихъ, значитъ, могутъ быть употреблены въ дѣло. Этимъ же вопросомъ занялся Бертело съ Віелемъ. Такіе растворы ацетилена въ ацетонѣ сохраняются въ стальныхъ бутыляхъ, какъ ожиженные газы, и не представляютъ никакой опасности: они не взрываютъ ни отъ дѣйствія накаленной проволоки, ни отъ взрывовъ гремучей ртути, если давленіе въ нихъ ацетилена менѣе 10 килогр. на квадр. сантим., между тѣмъ какъ чистый жидкій ацетиленъ является сильнымъ взрывчатымъ средствомъ легко взрывающимъ даже при сильномъ ударѣ. Для большей предосторожности такія бутыли съ ацетонными растворами ацетилена наполняются еще пористыми кирпичиками или особымъ видомъ бетона, главной составной частью которою является древесный уголь. При этихъ условіяхъ такая бутыль, вмѣстимостью на 10 литровъ, даетъ кубическій метръ ацетилена, что приблизительно соотвѣтствуетъ 15 метрамъ обыкновеннаго свѣтильнаго газа.

Мы уже упоминали о кризисѣ въ карбидо-ацетиленовомъ производствѣ, нѣкоторые заводы уже закрыты, нѣкоторые стоятъ на очереди. Видимо, добыча ацетилена только въ цѣляхъ освѣщенія, даже и при усовершенствованіи приборовъ, не оправдаетъ произведенныхъ уже затратъ; но вѣроятно, углеродистый кальцій и ацетиленъ найдутъ и другія примѣненія и даже отрицательныя, при теперешнихъ цѣляхъ, свойства, напримѣръ, сильная взрывчатая способность, будутъ использованы соотвѣтственнымъ образомъ.

Кромѣ углеродистаго кальція Муассанъ приготовилъ въ своей печи цѣлый рядъ углеродистыхъ металловъ, изъ которыхъ одни разлагаются холодной водой, какъ карбидъ кальція (это—углеродистыя щелочи и щелочныя земли, углеродистые—лантанъ, иттрій, неодимъ, празеодимъ, самарій, торій, алюминій, марганецъ, глюцивій и ураній), другіе же не разлагаются (это—углеродистые—желѣзо, хромъ, молибденъ, вольфрамъ, ванадій, цирконій и титанъ). Ни одно изъ этихъ веществъ не имѣетъ еще техническаго примѣненія, но въ этихъ вопросахъ нельзя ручаться даже за завтрашній день. Нѣкоторые углеродистые металлы второй группы, напримѣръ, углеродистый хромъ являются весьма ковкими и твердыми и въ то же время легко поддающимися обточкѣ и пилкѣ, нѣкоторые являются энергичными возстановителями,—такъ напр., углеродистый литій, нагрѣтый до 300° Ц., воспламеняется и быстро

сгораетъ въ атмосферѣ кислорода, въ парахъ сѣры или селена. Наконецъ, общее всѣмъ карбидамъ ствойство—образовать при дѣйствіи на нихъ хлора хлористыя соединенія соотвѣтственныхъ металловъ—тоже можетъ явиться въ будущемъ отправнымъ пунктомъ для нѣкоторыхъ химическихъ производствъ. Бертело въ своей рѣчи на международномъ конгрессѣ прикладной химіи *) предсказываетъ, «что недалекъ тотъ день, когда ацетиленъ явится въ лабораторіи источникомъ прямыхъ синтезовъ и дастъ дешевый способъ приготовленія бензина, щавелевой кислоты и, можетъ быть, алкоголя».

В. А.

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма. — Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ.— Электричество въ растеніяхъ.

О вѣковыхъ колебаніяхъ земного магнетизма. Еще въ 1866 г. *Роланъ (V. Raulin)* пришелъ къ заключенію, что наблюдаемыя въ Европѣ и Атлантическомъ океанѣ явленія земного магнетизма лучше всего объясняются медленнымъ поворотомъ сѣвернаго магнитнаго полюса около географическаго полюса на 70°. Такой поворотъ совершается въ теченіи 600 лѣтъ. Производимыя въ Парижѣ еще въ 1580 г. наблюденія надъ магнитнымъ склоненіемъ даютъ автору возможность сдѣлать слѣдующіе выводы. Съ 1580 г. до 1664 г. (85 лѣтъ) склоненіе было восточное, причемъ магнитный меридіанъ постепенно перемѣстился съ 11°30′ до 0°. Затѣмъ, въ теченіе 150 лѣтъ (1664 г.—1814 г.) движеніе магнитнаго полюса становится западнымъ и доходитъ до максимума 22° 34′; наконецъ, съ 1814 г. по 1865 г. западное склоненіе начинаетъ падать и съ 22° 34′ уменьшается до 18°33′.

Эти наблюденія указываютъ на циклъ въ 600 лѣтъ.

Магнитное наклоненіе стали наблюдать гораздо позже, только съ конца XVII-го столѣтія; такимъ образомъ эти наблюденія обнимаютъ 195 лѣтъ, въ теченіе которыхъ наклоненіе упало съ 75° до 65° 58′.

Согласно гипотезѣ Ролэна, склоненіе въ Парижѣ съ 1664 г. по 1814 г. должно расти, а съ 1814 г. до 1964 г. падать, такъ какъ этотъ періодъ (300 лѣтъ) будетъ соотвѣтствовать второй западной половинѣ цикла. Затѣмъ склоненіе перейдетъ въ восточную половину и съ 1964 до 2114 г. будетъ рости, а съ 2114 г. по 2264 г. упадетъ до 0°.

Наклоненіе, достигнувъ опредѣленнаго западнаго максимума, начнетъ падать до тѣхъ поръ, пока магнитный полюсъ не достигнетъ въ 2264 г. парижскаго меридіана. Такъ какъ было констатировано въ прошломъ, что въ періодъ возрастанія склоненія, величина наклоненія уменьшилась въ общемъ на 6° 24′,

*) См. «М. Б.», 1900 г., январь. «Двѣ рѣчи Бертело».

то съ большою вѣроятностью можно допустить, что въ теченіе начавшагося уже періода паденія склоненія наклоненіе снова упадетъ на такую же величину. Протекшіе съ 1866 г. до 1901 г. 35 лѣтъ еще болѣе подтверждаютъ гипотезу Ролэна. Паденіе склоненія въ теченіе 77 лѣтъ послѣ 1814 г. шло совершенно правильно, также какъ и возрастаніе его въ предыдущіе 78 лѣтъ; величина склоненія въ 1736 г. была 15° 40′, а въ 1891—15° 35′.

Такимъ образомъ нужно ожидать, что чрезъ слѣдующіе 73 года—въ 1964 г. склоненіе, какъ въ 1664 г., будетъ=0°.

Магнитный полюсъ, который въ 1830 г., по изслѣдованію Росса, проходилъ черезъ островъ «Счастливая Беотія» (Boothia Felix), находящійся на 90° 7′; въ 1901 г. долженъ былъ пройти черезъ 141°7′, т.-е. находиться по ту сторону устья Мекензіевой рѣки. Къ сожалѣнію, въ этой области до сихъ поръ еще не сдѣлано соотвѣтственныхъ наблюденій.

Что касается наклоненія, которое уже въ теченіе 230 лѣтъ (съ 1671 г.) падаетъ, то, вѣроятно, паденіе его будетъ продолжаться еще 64 г., когда закончится 300-лѣтній періодъ паденія, затѣмъ, какъ полагаетъ Ролэнъ, начнется періодъ возрастанія наклоненія.

Всѣ эти явленія могли бы быть объяснены, по мнѣнію автора, если вообразить, что черезъ земной шаръ идетъ магнитное веретенообразное тѣло, концы котораго лежатъ на магнитныхъ полюсахъ земли, и что тѣло это, вѣроятно, вмѣстѣ съ жидкимъ ядромъ земли, движется нѣсколько быстрѣе (на $^1/_{600}$), чѣмъ твердая земная кора въ своемъ вращеніи вокругъ оси.

Микроскопическія наблюденія надъ ростомъ кристалловъ. Много дѣлалось наблюденій надъ ростомъ кристалловъ съ помощью микроскопа, и уже съ 1839 г. попадаются указанія на то, что подъ микроскопомъ видно, какъ кристаллы выдѣляются сначала въ видѣ маленькихъ, жидкихъ шариковъ, которые затѣмъ соединяются вмѣстѣ и образуютъ кристаллики. Позднѣе вниманіе изслѣдователей сосредоточивалось все болѣе и болѣе на изученіи быстроты кристаллизаціи въ пересыщенныхъ и переохлажденныхъ растворахъ.

Недавно этимъ вопросомъ занялись англійскіе ученые Т. В. Ричардъ и Е. Г. Арчибальдъ. Совершенно невозможно, говорятъ они, подмѣтить подъ микроскопомъ начало образованія кристалла, такъ какъ обыкновенно въ полѣ зрѣнія, совсѣмъ внезапно, въ до того однородной массѣ появляется кристалликъ. Оставалось только прибѣгнуть къ моментальной фотографіи. Авторы поставили себѣ цѣлью произвести рядъ послѣдовательныхъ моментальныхъ снимковъ съ раствора въ моментъ его кристаллизаціи. Такъ какъ въ данномъ случаѣ нужна весьма быстрая экспозиція и сильное увеличеніе объекта, то крайне необходимымъ является сильное освѣщеніе и по возможности полное устраненіе тренія при смѣнѣ пластинокъ; малѣйшее сотрясеніе камеры или объекта отражается на точности и ясности снимка. Построенный ими приборъ состоялъ изъ хорошаго сложнаго микроскопа, окуляръ котораго находился въ камерѣ и отдѣлялся отъ фотографической пластинки вращающимся, непроницаемымъ щиткомъ,

который пропускаетъ свѣтъ только черезъ каждыя 45 своего оборота. Для освѣщенія пользовались концентрированнымъ солнечнымъ свѣтомъ, причемъ дѣйствіе тепловыхъ лучей его ослаблялось поглощающей тепло ширмочкой. Вначалѣ пробовали получать свѣтлые рисунки на темномъ фонѣ съ помощью отраженнаго или поляризованнаго свѣта при небольшихъ увеличеніяхъ; затѣмъ перешли къ темнымъ рисункамъ на свѣтломъ фонѣ, примѣняя уже проходящій неполяризованный свѣтъ при увеличеніи, позволявшемъ различить предметы въ 0,001 т. въ поперечникѣ.

Авторамъ ни разу не пришлось наблюдать упомянутыхъ выше жидкихъ шариковъ; даже при самомъ сильномъ увеличеніи получались уже кристаллики; правда границы ихъ были плохо очерчены, но не отъ недостатковъ строенія, а вслѣдствіе крайне быстраго роста въ плоскости предметнаго столика. Первоначальная быстрота такъ велика, что въ $^1/_5$ секунды замѣчается нѣсколько стадій, потому то на снимкѣ и получаются неясные контуры. Ричардъ и Арчибальдъ произвели цѣлый рядъ измѣреній этихъ кристалловъ въ различныя фазы ихъ роста и получили довольно удовлетворительные результаты съ азотнокислымъ натріемъ, хлористымъ баріемъ, мѣднымъ купоросомъ и двойной сѣрнокислой солью желѣза и аммонія.

Во время возникновенія и роста кристалловъ съ нихъ были получены многочисленные фотографическіе снимки, обыкновенно при увеличеніи свыше 4.000, какъ въ обыкновенномъ, такъ и въ поляризованномъ свѣтѣ. Наблюденія дѣлались только надъ веществами съ высокой точкой плавленія, и кристаллизація происходила всегда изъ жидкаго раствора. На всѣхъ хорошо проявленныхъ снимкахъ видна кристаллическая структура. Ростъ въ плоскости поля зрѣнія въ первую секунду происходилъ значительно быстрѣе, чѣмъ въ послѣдующіе моменты. Этимъ одностороннимъ, поразительно быстрымъ первоначальнымъ ростомъ и объясняется неясность контуровъ первыхъ снимковъ. Наблюдатели приходятъ къ выводу, что хотя теорія и стоитъ за переходную жидкую стадію, но произведенные ими опыты не подтверждаютъ того мнѣнія, что эти жидкіе шарики достигаютъ величины воспринимаемой съ помощью микроскопа; исключеніе представляютъ тѣ вещества, которыя плавятся при температурѣ, близкой къ температурѣ кристаллизаціи.

Электричество въ растеніяхъ. Англійскій физіологъ *А. Д. Уэллеръ* (*A. D. Waller*) сдѣлалъ на послѣднемъ конгрессѣ физіологовъ интересное сообщеніе о результатахъ своихъ опытовъ надъ электричествомъ въ растеніяхъ. Если повредить растеніе, то образуется электрическій токъ, который идетъ отъ раненной части къ частямъ неповрежденнымъ, и имѣетъ силу до 0,1 вольта, сила эта довольно скоро падаетъ. Такой же токъ, но только меньшей силы (0,02 вольта), можно вызвать простымъ механическимъ раздраженіемъ, а у нѣкоторыхъ растеній (листья бегоніи, ириса, табака и мног. др.) даже болѣе или менѣе сильнымъ освѣщеніемъ; въ этомъ случаѣ токъ идетъ также отъ освѣщен-

ной части къ неосвѣщенной. Затѣмъ автору удалось установить прямую связь между силою даннаго растенія и электрической реакціей: чѣмъ сильнѣе растеніе, тѣмъ сильнѣе и возникающій токъ. Растенія, происшедшія изъ болѣе молодыхъ сѣмянъ, даютъ и токъ болѣе сильный, чѣмъ растенія, выросшія изъ болѣе старыхъ сѣмянъ. Такъ, въ растеніи, происшедшемъ изъ сѣмени боба предшествующаго, года, токъ имѣлъ 0,0170 вольта, а въ растеніи, происшедшемъ изъ сѣмени, полученнаго 5 лѣтъ тому назадъ, всего—0,0014 вольта. Кромѣ того, наблюденія г. Уэллера указываютъ, что растительныя ткани относятся къ возбужденіямъ одной и той же напряженности, слѣдующимъ другъ за другомъ черезъ правильные промежутки времени, совершенно такъ же, какъ и животныя ткани. Во всѣхъ этихъ явленіяхъ большую роль играетъ температура: при—4°,—6° Ц. и выше+40° Ц. не образуется уже никакого тока.

Эти интересные опыты англійскаго ученаго, сближающіе нервную физіологію животнаго и растенія, конечно, требуютъ еще долгой и интенсивной работы многихъ ученыхъ, чтобы стать безспорными и общепризнанными фактами, которые можно было бы положить въ основу болѣе широкихъ біологическихъ обобщеній.

В. А.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„МІРЪ БОЖІЙ".

Май **1902 г.**

Содержаніе:—Беллетристика.—Исторія литературы и критики.—Исторія всеобщая и русская.—Политическая экономія и соціологія.—Медицина и гигіена.—Публицистика.—Новыя книги, поступившія для отзыва въ редакцію.—Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

Скиталецъ. «Разсказы и пѣсни».—*Ив. Бунинъ.* «Разсказы».

Скиталецъ. «Разсказы и пѣсни». Томъ I. Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Изд. товарищ. «Знаніе». Два года тому назадъ появился на страницахъ журнала «Жизнь» разсказъ «Октава», за подписью «Скиталецъ», и тогда же обратилъ на себя общее вниманіе читателей и критики яркостью изображенія и силою, съ которыми онъ написанъ. Затѣмъ авторъ этого оригинальнаго произведенія какъ-то скрылся и выступилъ только въ концѣ прошлаго года на страницахъ нашего журнала съ не менѣе яркой и оригинальной повѣстью «Сквозь строй», въ которой сила изобразительнаго таланта напоминаетъ мѣстами Горькаго. Эти два замѣчательныя произведенія сразу опредѣлили своеобразную литературную физіономію автору, рѣзко выдѣляющуюся въ ряду нашихъ молодыхъ талантовъ замѣчательно образнымъ красочнымъ языкомъ и оригинальностью темъ. Но въ сборникѣ Скиталецъ, помимо нѣсколькихъ также красиво и сильно написанныхъ разсказовъ, выступаетъ и какъ поэтъ, и трудно сказать, въ чемъ сильнѣе его талантъ—въ повѣсти или въ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ большинство превосходны какъ по блестящему, совершенно особому стиху, такъ и по самобытности настроенія. Намъ кажется, что въ своихъ стихотвореніяхъ онъ даже оригинальнѣе, чѣмъ въ прозѣ. Здѣсь все оригинально, начиная съ стиха, музыкальнаго и совершенно особеннаго по построенію, напоминающаго ритмъ народныхъ пѣсенъ, и по силѣ страсти, сдавленной и могучей, терзающей пѣвца, для котораго его пѣсня—это вопль муки и злобы, не находящей себѣ утоленія. Таковы «Колоколъ», «Нѣтъ, я не съ вами: своимъ напрасно и лицемѣрно меня зовете» и другія. Но иногда и у него выливаются такія нѣжныя пѣсни, которыя выдаютъ тайну Скитальца, что не только для гнѣва открыто это сердце. Вотъ, напримѣръ, какое граціозное стихотвореніе вылилось изъ-подъ его пера:

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!

Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.

Эхъ! лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ

Эй, вы, шире, сторонитесь, раздавлю!
Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дороги никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...

Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...
Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки!

Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!

Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованной дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.

Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.

Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Не правда ли, какая прелестная идиллія? Основной, однако, тонъ поэзіи скитальца сумрачный и гнѣвный. Въ немъ чувствуется накопившаяся долгими годами обида и боль за себя и за тѣхъ, кто остался на «днѣ морскомъ», куда скитальцу «нѣтъ возврата», но гдѣ «слезы, перлы, а кровь рубины», какъ говоритъ онъ въ одномъ стихотвореніи. Въ повѣсти «Сквозь строй», повидимому, заключающей много автобіографическаго, это «дно» превосходно обрисовано, и можно видѣть, какія силы таятся тамъ. Понемногу онѣ поднимаются наверхъ, и въ лицѣ М. Горькаго и Скитальца пролагаютъ дорогу другимъ. Въ литературу они уже внесли свѣжесть и нетронутость непосредственнаго чувства, оригинальную форму и содержаніе и сильную индивидуальность, и въ этомъ уже ихъ не малая заслуга. *А. Б.*

Ив. Бунинъ. Разсказы. Томъ первый. Ц. 1 р. Спб. 1902 г. Изд. товарищества «Знаніе». Въ настоящій сборникъ разсказовъ г. Бунина вошли почти всѣ произведенія его за послѣдніе два—три года, разсѣянныя по журналамъ, въ томъ числѣ и напечатаныя у насъ («Осенью», «Сосны», «Тишина», «Безъ роду-племени»), а также часть разсказовъ изъ прежняго сборника, изданнаго въ 1898 г. подъ общимъ заглавіемъ «На край свѣта». Такое смѣшеніе, признаемся, вышло не совсѣмъ удачно. Въ первый періодъ своей писательской дѣятельности г. Бунинъ выступилъ, какъ художникъ-реалистъ, прекрасно умѣвшій оттѣнить нѣжныя и глубокія черты того или иного явленія, но реальная сторона все же была сущностью каждаго разсказа. Напомнимъ, напр., чудесные его разсказы «Кастрюкъ», «Святая ночь» («М. Б.» 1895 г., напр.), «Тарантелла», «Байбаки», прелестью выполненія напоминавшіе тончайшую акварель. Въ нихъ реализмъ содержанія былъ слитъ въ рѣдкой гармоніи съ нѣжностью отдѣлки. Новыя произведенія г. Бунина рѣзко стали отличаться отъ этихъ реалистическихъ произведеній. Фабула, разсказъ, все это отошло на задній планъ, все замѣнилось «настроеніемъ», и значительная часть, если

не всѣ, изъ этихъ разсказовъ скорѣе напоминаютъ стихотворенія въ прозѣ. Тонкость отдѣлки, красивый музыкальный языкъ выступили на первый планъ. Каждый разсказъ, размѣромъ двѣ-три страницы, много полъ листа, даетъ одну черту, подмѣченную авторомъ и тщательно обработанную, небольшую, миніатюрную картинку, мимолетное настроеніе, охватившее автора и запечатлѣнное имъ на бумагѣ. Взятый въ отдѣльности, каждый такой очеркъ производитъ пріятное впечатлѣніе граціозной вещицы, проникнутой поэтическимъ настроеніемъ. Но собранныя вмѣстѣ, эти двадцать (или около того) маленькихъ «настроеній» не даютъ чего-либо яркаго, цѣльнаго, а такъ и остаются отдѣльными мелкими картинками, черточками, штрихами, разсѣянно выхваченными авторомъ изъ своей записной книжки. Вкрапленные среди нихъ четыре-пять большихъ и цѣльныхъ очерка прежняго типа («Байбаки», «Тарантелла», «Кастрюкъ», «На край свѣта») рѣзко выдѣляются среди этихъ маленькихъ вещицъ какъ серьезностью и содержательностью, такъ и здоровымъ реализмомъ. По красотѣ и художественности они ни мало не уступаютъ всѣмъ этимъ «Туманамъ», «Рудѣ», «Антоновскимъ яблокамъ» и другимъ мимолетнымъ «настроеніямъ», въ то же время неизмѣримо превосходя всю эту претенціозную мелочь значительностью и опредѣленностью содержанія.

Одно, что объединяетъ всю книгу разсказовъ, это любовная тщательность, съ которою авторъ относится къ языку своихъ произведеній, и что мы считаемъ его огромнымъ достоинствомъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ французскихъ авторовъ по отдѣлкѣ и красотѣ каждой фразы, каждаго періода, Языкъ его произведеній безукоризненно красивъ и изященъ, за что, между прочимъ, нѣкоторые критики нападали на г. Бунина по поводу напечатаннаго у насъ разсказа его «Сосны». Такъ одинъ изъ болѣе строгихъ, чѣмъ справедливыхъ критиковъ, выписавъ слѣдующую фразу, подчеркнулъ въ ней презрительнымъ курсивомъ два слова: «вечеръ рѣетъ надъ головою неслышной тѣнью, завораживаетъ соннымъ звономъ въ лампѣ, похожимъ на умирающее нытье комара, и таинственно дрожитъ и *убѣгаетъ на одномъ мѣстѣ* темнымъ волнистымъ кругомъ, кинутымъ на потолокъ лампой». Почтеннаго критика смутило выраженіе «убѣгаетъ на одномъ мѣстѣ», но ему стоило только провѣрить въ своемъ кабинетѣ образность этого выраженія и тогда онъ прочувствовалъ бы всю вѣрность и тонкость картины вечера, нарисованной г. Бунинымъ... Эта красота языка заставляетъ забывать подчасъ незначительность содержанія многихъ изъ небольшихъ очерковъ г. Бунина, сама по себѣ доставляя рѣдкое художественное удовольствіе. *А. Б.*

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА.

В. Сиповскій. «Пушкинская юбилейная литература».—*И. Билибинъ.* «Сказки».

В. В. Сиповскій. Пушкинская юбилейная литература (1899—1900 гг.). (Критико-библіографическій обзоръ). Спб. 1901. Стр. 272. Ц. 2 р. Столѣтняя годовщина рожденія Пушкина вызвала громадную литературу, въ которой главное мѣсто занимаютъ журнальныя и газетныя статьи, а также рѣчи, прочитанныя и произнесенныя академиками, профессорами, преподавателями словесности и законоучителями среднихъ учебныхъ заведеній. Кромѣ того, были опубликованы новые архивные матеріалы, имѣющіе отношеніе къ біографіи великаго поэта. Необходимость общаго обзора пушкинской юбилейной литературы чувствовалась уже давно, и первые опыты подобнаго рода появились въ печати еще въ 1899 году. Но эти первые обзоры не могли отличаться необходимою полнотою уже потому, что многія рѣчи, пріуроченныя къ 26-му мая,

появились въ печати значительно позднѣе. Книга г. Сиповскаго, составившаяся изъ статей, напечатанныхъ въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія», представляетъ наиболѣе полный и подробный обзоръ юбилейной литературы, но и въ этотъ обзоръ, за незначительными исключеніями, не вошли статьи о Пушкинѣ, появившіяся въ газетахъ и еженедѣльныхъ журналахъ. Даже нѣкоторыя рѣчи, напечатанныя въ провинціальныхъ городахъ, не вошли въ обзоръ г. Сиповскаго.

Итоги Пушкинской юбилейной литературы, подведенные г. Сиповскимъ, оказались громадными въ количественномъ и очень незначительными въ качественномъ отношеніи. По заявленію обозрѣвателя, въ этой литературѣ «лишь рѣдко сверкаютъ искры таланта и оригинальности». Среди массы статей и рѣчей сравнительно очень немногія удостоились болѣе или менѣе лестныхъ отзывовъ. Въ числѣ «матеріаловъ» оказались «бо́льшею частью мелочи анекдотическаго характера, или подтверждающія уже извѣстныя намъ черты пушкинскаго облика, или устанавливающія нѣкоторые незначительные факты изъ его жизни». Особое мѣсто занимаетъ почти одно только военно-судное дѣло о дуэли Пушкина, да и оно обмануло надежды на обиліе новыхъ данныхъ о смерти великаго поэта. Среди общихъ очерковъ жизни и дѣятельности Пушкина, по отзыву обозрѣвателя, «кромѣ 2—3-хъ работъ, нѣтъ ни одной, сколько-нибудь оригинальной, интересной». Лучшей, по его мнѣнію, біографіей Пушкина оказалась перепечатанная безъ измѣненій работа г. Венкстерна, написаная къ 1880 году. «Мало оригинальности и новизны» оказалось и среди массы работъ, посвященныхъ историко-литературной оцѣнкѣ дѣятельности Пушкина. Немного цѣннаго нашлось и среди сравнительно немногочисленныхъ рѣчей о Пушкинѣ, какъ о народномъ, національномъ поэтѣ, и среди работъ, посвященныхъ западно-европейскимъ и русскимъ вліяніямъ на его творчество. Наименѣе удовлетворительнымъ оказался тотъ отдѣлъ юбилейной литературы, который посвященъ выясненію воспитательнаго значенія поэзіи Пушкина. Юбилейныя статьи, посвященныя этому вопросу, по отзыву г. Сиповскаго, «такъ шаблонны, такъ богаты общими мѣстами, что трудно повѣрить, будто въ такомъ освѣщеніи великій поэтъ могъ покорить какое-нибудь юное сердце».

Наиболѣе цѣнными г. Сиповскій признаетъ «біографическіе очерки частнаго характера», представляющіе детальную разработку отдѣльныхъ эпизодовъ изъ жизни Пушкина, а также характеристики великаго поэта, хотя почти всѣ эти юбилейныя характеристики «построены исключительно на произведеніяхъ поэта... искусственно подтасованныхъ согласно вкусамъ и симпатіямъ изслѣдователей, вслѣдствіе чего Пушкинъ черезъ силу втискивался въ рамки, уже заранѣе приготовленныя—и, въ результатѣ, у одного изслѣдователя нашъ поэтъ оказался «радикаломъ», у другого — «консерваторомъ», у третьяго — человѣкомъ «религіознымъ», у четвертаго — «безбожникомъ»... Интересно, — продолжаетъ г. Сиповскій,—что всѣ эти характеристики, украшенныя цитатами изъ Пушкина, иногда довольно убѣдительны, если взять ихъ отдѣльно, — вмѣстѣ же взятыя, онѣ производятъ впечатлѣніе такой пестроты, что сложный образъ поэта, требующій болѣе осторожнаго съ нимъ обращенія, отъ такихъ характеристикъ еще болѣе затемняется».

При составленіи своей книги, г. Сиповскій имѣлъ въ виду наиболѣе подробно остановиться на лучшихъ работахъ о Пушкинѣ, отмѣтить недостатки худшихъ работъ и «бѣгло отозваться» о работахъ средняго достоинства, которыхъ оказалось подавляющее большинство. И, дѣйствительно, по книгѣ г. Сиповскаго можно познакомиться съ лучшими юбилейными работами о великомъ поэтѣ, а также и съ тѣми курьезными мнѣніями, которыхъ особенно много попадается въ рѣчахъ усердныхъ не по разуму провинціальныхъ ораторовъ. Чего только ни говорилось о Пушкинѣ въ порывѣ не всегда искренняго вос-

торга! Великій поэтъ оказывался и прообразомъ Каткова, и великимъ государственнымъ дѣятелемъ, объединителемъ разныхъ племенъ, входящихъ въ составъ имперіи, и «учителемъ набожности и нравственной чистоты», и проповѣдникомъ «малаго, но вѣрнаго дѣла». А какіе гиперболизмы попадаются въ рѣчахъ провинціальныхъ ораторовъ! Одни провозглашали, что «для всѣхъ славянскихъ національностей, для русской литературы, для нашего литературнаго языка Пушкинъ имѣетъ такое же значеніе, какъ всѣ философы и мыслители, взятые вмѣстѣ». По мнѣнію другихъ, «Пушкинъ превосходитъ даже такихъ великихъ поэтовъ, какъ Шекспиръ, Байронъ и Гёте». Третьи увѣряли, что «изящнѣе его произведеній нѣтъ ни въ одной литературѣ», что «ему, какъ художнику красоты, нѣтъ соперника въ мірѣ». И на ряду съ такими преувеличеніями курьезныя ошибки, обличающія незнакомство не только съ иностранными литературами, но даже съ біографіей и сочиненіями Пушкина. Достаточно указать, что «многіе ораторы и авторы» приписывали Пушкину сочиненный Жуковскимъ стихъ: «Прелестью живой стиховъ я былъ полезенъ».

Интересно также отмѣтить, что если среди лицъ, писавшихъ о Пушкинѣ, не нашлось ни одного, кто бы смотрѣлъ на него глазами Писарева, зато очень многіе широко пользовались такими источниками сомнительнаго достоинства. какъ книжка Никольскаго «Идеалы Пушкина» и знаменитая рѣчь Достоевскаго О книжкѣ Никольскаго г. Сиповскій вполнѣ справедливо говоритъ, что великій поэтъ является въ ней «какимъ-то напомаженнымъ, гладко причесаннымъ и затянутымъ», и что сдѣланная авторомъ этой книжки характеристика Пушкина представляетъ не болѣе, какъ «насъ возвышающій обманъ». Что касается рѣчи Достоевскаго, то Сиповскій жалѣетъ, что эта крикливая и фразистая рѣчь многихъ сбила и продолжаетъ еще сбивать съ толку. Относительно духовныхъ ораторовъ надо отмѣтить, что большинство ихъ рѣчей богато такими выраженіями, какъ «блудный сынъ» и «кающійся разбойникъ», заимствованными изъ пресловутой проповѣди покойнаго архіепископа Никанора. Наконецъ, г. Сиповскій могъ бы отмѣтить, что не малую роль сыгралъ въ юбилейной литературѣ и учебникъ Незеленова. Оттуда позаимствованы и приписанный Пушкину чужой стихъ, и нѣкоторые изъ приведенныхъ выше гиперболизмовъ.

Вообще, книга Сиповскаго даетъ не мало цѣннаго матеріала для знакомства съ пушкинской юбилейной литературой. Цѣнность этой книги еще болѣе увеличилась бы, если бы матеріалъ въ ней былъ расположенъ систематичнѣе и если бы составитель ея не былъ черезчуръ субъективенъ въ своихъ хвалебныхъ или пренебрежительныхъ отзывахъ, иногда ничѣмъ не мотивированныхъ и даже противорѣчивыхъ. Такъ, напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ г. Сиповскій соглашается съ мнѣніемъ, что «Пушкинъ былъ геніальнымъ представителемъ искусства для искусства» (стр. 165), а въ другомъ мѣстѣ онъ приводитъ безъ всякихъ возраженій и оговорокъ мнѣніе академика Веселовскаго: «Это не поэзія для поэзіи, а поэзія, какъ проповѣдь добрыхъ чувствъ» (стр. 219). Въ началѣ отзыва объ извѣстной рѣчи г. Кони говорится о «всепобѣждающей силѣ краснорѣчія и логики» этого оратора-юриста, а въ концѣ г. Сиповскій неожиданно заявляетъ, что, вопреки оратору, Пушкинъ былъ «все-таки поэтъ, а не философъ-юристъ». Куда же дѣлась «всепобѣждающая сила краснорѣчія и логики?» Въ началѣ книги рѣчи педагоговъ называются «умными и содержательными, теплыми и искренними», а въ концѣ книги спеціально-педагогическія рѣчи о воспитательномъ значеніи Пушкина всѣ названы «шаблонными», кромѣ одной.

Нельзя также пройти молчаніемъ нѣкоторыя парадоксальныя мнѣнія самого составителя книги. Нельзя, напримѣръ, согласиться съ нимъ, что «Пушкинъ чуждъ идеализаціи», или что «Панъ Тадеушъ» Мицкевича «въ общемъ производитъ впечатлѣніе чего-то невыношеннаго». Нельзя также согласиться съ

разсужденіями г. Сиповскаго о слабомъ воспитательномъ значеніи литературы вообще и въ частности сочиненій Пушкина. Наконецъ, было бы несправедливымъ считать праздникъ 1899 года «академическимъ», какъ это дѣлаетъ г. Сиповскій. Была предложена другая характеристика праздника 1899 года: онъ былъ названъ «педагогическимъ». Г. Сиповскій не отрицаетъ, что «педагоги своими рѣчами... сыграли въ 1899 году роль огромнаго, довольно хорошо спѣвшагося хора», но все же думаетъ, что «солистами, давшими роль празднику, выступили не они, а изслѣдователи, авторы монографій и всевозможныхъ этюдовъ по разнымъ пушкинскимъ вопросамъ». Безспорно, что для науки и для лучшаго пониманія жизни и творчества Пушкина «солисты» дали гораздо больше, чѣмъ «хоръ педагоговъ». Но значеніе праздника можетъ быть оцѣниваемо не только съ точки зрѣнія увеличенія фактическаго матеріала и новыхъ оригинальныхъ взглядовъ, обогатившихъ литературу о Пушкинѣ. Съ точки зрѣнія широкой популяризаціи великаго русскаго поэта, популяризаціи, захватившей не только низшую школу, но даже и безграмотные слои народа, результаты пушкинскаго праздника могутъ представиться еще важнѣе, чѣмъ съ точки зрѣнія науки. Конечно, пушкинскій праздникъ не былъ «всенароднымъ», но его нельзя называть и «академическимъ», и даже «педагогическимъ». Это былъ праздникъ всей русской и даже славянской интеллигенціи съ участіемъ наиболѣе грамотныхъ слоевъ народа.

Самъ г. Сиповскій въ концѣ своего обзора юбилейной литературы признается, что «главная сила ея—*численность*, ясно показующая, насколько въ какія-нибудь 20 лѣтъ расширился кругъ цѣнителей нашего поэта, насколько прочно укоренилось въ народное сознаніе пониманіе заслугъ великаго поэта. Возьмемъ ли мы оцѣнку его литературной дѣятельности, или его характеристики—мы неизбѣжно должны будемъ признать за всей этой многоголосной литературой одно—искреннее и порою страстное желаніе сказать «спасибо» великому поэту! Не только профессора и педагоги, но и художники, доктора, юристы, естественники,—всѣ своими рѣчами доказали, что *великій «поэтъ»* въ сознаніи русскаго народа сдѣлался *великимъ человѣкомъ*, который дорогъ не однимъ жрецамъ поэзіи, но всему народу русскому! Возьмемъ ли мы «изданія» его произведеній—мы невольно признаемъ въ нихъ демократическій характеръ нашего праздника,—почти все вниманіе издателей устремлено на то, чтобы дать Пушкина *народу* и *учащимся*,—значитъ, есть въ этомъ спросъ, значитъ, образъ поэта не умираетъ, не гаснетъ въ памяти народной,—а растетъ, просвѣтляется, захватываетъ все глубже и шире всѣ слои русскаго народа!»

Неужели кабинетные ученые своими «изслѣдованіями» придали пушкинскому празднику такой широкій размахъ и даже «демократическій характеръ»? Вся книга г. Сиповскаго, отмѣтившая скудость цѣнныхъ и оригинальныхъ работъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что большинство писавшихъ о Пушкинѣ думало не объ интересахъ науки, а о распространеніи наличнаго запаса фактовъ и выводовъ о жизни, творчествѣ и значеніи Пушкина.

С. Ашевскій.

Сказки. Сказка объ Иванѣ-царевичѣ, Жаръ-птицѣ и о сѣромъ волкѣ. Рисунки И. Я. Билибина. Изданіе Экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ. Художественныя изданія предпринимаются у насъ рѣдко, а тѣ, которыя предпринимаются, удаются еще рѣже, поэтому нельзя не отмѣтить настоящаго выпуска, перваго изъ предполагаемой серіи русскихъ сказокъ съ иллюстраціями И. Я. Билибина. Ни одна изъ частныхъ издательскихъ мастерскихъ, конечно, не можетъ конкурировать въ роскоши выполненія съ Экспедиціей загот. госуд. бумагъ особенно въ многоцвѣтномъ печатаніи, требующемъ сложныхъ и дорогихъ машинъ и спеціальныхъ мастеровъ. На данное изданіе, оче-

видно, употребленъ былъ весь запасъ средствъ и умѣнья, какой былъ въ распоряженіи издателей, и дѣйствительно, внѣшность только что появившейся сказки оставляетъ весьма мало желать; можно указать только на одну подробность исполненія, нѣсколько нарушающую общее изящное впечатлѣніе: темные тоны для большей интенсивности проклеены, поэтому иллюстраціи нѣсколько напоминаютъ олеографію. Въ аквареляхъ, которыя воспроизводятся многоцвѣтнымъ печатаніемъ, художники никогда не прибѣгаютъ къ подобному пріему. Что касается художественной стороны самыхъ иллюстрацій, то многія изъ нихъ весьма интересны и о нихъ стоитъ поговорить подробнѣе. Естественно было ожидать, что рисунки къ русской сказкѣ будутъ исполнены въ русскомъ стилѣ, изъ котораго теперь наши художники стремятся извлечь освѣжающій принципъ жизни для обѣднѣвшаго искусства. Это направленіе имѣетъ крупныя заслуги, поскольку оно побуждаетъ изучать и собирать остатки народнаго художественнаго творчества, оно несомнѣнно произвело много прекрасныхъ художественныхъ произведеній, но при этомъ не надо упускать изъ виду одно обстоятельство: то, что современные художники создаютъ «въ русскомъ стилѣ», весьма далеко отъ искусства московской Руси XVI и XVII вѣковъ, которое они стремятся воскресить. Это вполнѣ естественно и иначе быть не можетъ. Стиль есть ничто иное, какъ «наилучшее средство овладѣть той спеціальною истиной, которой искалъ художникъ» (Рёскинъ). Выборъ наилучшаго средства въ каждомъ данномъ случаѣ опредѣляется двумя факторами: свойствомъ матеріала, которымъ располагаетъ художникъ, и его творческою психологіей. Вотъ почему стремленіе возвратиться къ искусству отдаленныхъ предковъ неизбѣжно обречено на неудачу. Когда современный архитекторъ строитъ каменный театръ или желѣзный и стеклянный вокзалъ и примѣняетъ тѣ декоративные мотивы, которые выработались на постройкахъ деревянныхъ избъ и теремовъ, то, конечно, онъ можетъ быть только болѣе или менѣе неудачнымъ подражателемъ. Какъ бы современный художникъ ни былъ проникнутъ религіознымъ вдохновеніемъ, онъ не можетъ возвратиться къ архаической иконописи Рублева или Ушакова, еще менѣе ихъ византійскихъ прототиповъ. Недаромъ извѣстная Мадонна В. М. Васнецова во Владимірскомъ соборѣ долго встрѣчала оппозицію каноническихъ правилъ, а его же «Страшный Судъ» по общей концепціи гораздо ближе къ Микель Анджело, чѣмъ къ наивнымъ мастерамъ новгородскихъ и владимірскихъ церквей, или къ картинѣ, которая такъ поразила воображеніе кіевскаго князя Владиміра: здѣсь муки грѣшниковъ изображаются съ такимъ нравоучительно-эпическимъ спокойствіемъ, а восторгъ блаженныхъ такъ чуждъ состраданія къ несчастнымъ, тогда какъ у г. Васнецова, какъ и у его великаго предшественника, мы видимъ цѣлую міровую трагедію; умъ цивилизованнаго европейца не мирится съ воздаяніемъ зломъ за зло, и святые, окружающіе престолъ Судіи, Богоматерь, Іоаннъ Креститель, апостолы уже не радуются своему положенію, а поражены ужасомъ передъ жестокостью страданій своихъ ближнихъ. Наконецъ, даже въ области чисто декоративнаго искусства продолженіе традицій національнаго творчества оказывается невыполнимымъ. Любопытно наблюдать, напр., какъ въ высокодаровитыхъ, изящныхъ произведеніяхъ покойной Е. Д. Полѣновой подробности русскаго орнамента складываются въ общую композицію, близкую скорѣе всего къ новѣйшему англійскому modern style: какъ бы случайная, но въ дѣйствительности тонко взвѣшанная недодѣланность, изящная чопорность, гармоническій подборъ притушенныхъ, какъ бы выцвѣтшихъ тоновъ, на фонѣ которыхъ особенно эффектно вырываются двѣ-три яркихъ ноты,—все это, конечно, не удовлетворило бы вкусъ нашихъ предковъ. Если мы теперь обратимся къ рисункамъ г. Билибина, то найдемъ въ нихъ гораздо болѣе рѣзкое противорѣчіе между элементами національнаго стиля и манерой современнаго художника. Всѣ его орнаменты, заставки, коймы ясно-

раздѣляются на двѣ категоріи: всѣ дѣйствительно стильные мотивы непосредственно взяты изъ памятниковъ, всѣ оригинальныя его композиціи ничего общаго съ русскимъ стилемъ не имѣютъ; это не мѣшаетъ имъ быть иногда очень изящными, напр., коймa очень натурально нарисованныхъ мухоморовъ въ различнѣйшихъ варіаціяхъ. Въ колоритѣ онъ также «выпадаетъ» изъ стиля: вмѣсто яркой пестроты у него господствуютъ мягкія и нѣжныя краски. Повидимому, г. Билибинъ рисуетъ нестолько подъ непосредственнымъ вліяніемъ народнаго искусства, сколько подъ впечатлѣніемъ тѣхъ художниковъ, которые его обновили. По крайней мѣрѣ нерѣдко можно указать прямую зависимость его композицій отъ того или другого извѣстнаго произведенія. Такъ, сейчасъ же на заглавномъ листѣ, кстати сказать, скомпонованномъ не особенно удачно, бросается въ глаза сходство трехъ витязей въ степи съ тремя богатырями В. М. Васнецова. То же нужно сказать и относительно птицы Сирина; а избушка на курьихъ ножкахъ напоминаетъ тотъ же сюжетъ у Е. Д. Полѣновой, такъ же какъ и Жаръ-птица ночью въ царскомъ саду, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что у Полѣновой она такъ и горитъ огнемъ, а у г. Билибина ея матово-розовыя перья среди вялыхъ красокъ всей остальной картины не производитъ достаточно эффекта. Иванъ-царевичъ на бѣломъ конѣ, читающій надпись на камнѣ у распутья, также похожъ на извѣстнаго Васнецовскаго витязя. Но при всемъ томъ нѣкоторыя черты иллюстрацій г. Билибина обнаруживаютъ въ немъ задатки несомнѣннаго таланта, который со временемъ, быть можетъ, перерастетъ постороннія вліянія, имитацію стиля и станетъ на собственныя ноги. Особенно удачна пейзажная сторона нѣкоторыхъ композицій. Рисованіе сплошными планами, необходимое для печатанія, позволяетъ художнику проявить большую наблюдательность въ формахъ растительности, облаковъ и реальную свѣжесть колорита. Такъ, напр., очень изящны и вмѣстѣ просты тона пейзажа въ упомянутой уже картинкѣ: три витязя въ степи; прекрасна даль въ композиціи, изображающей Ивана-царевича на распутьи; удаченъ восходъ мѣсяца на стр. 11. Заключительная заставка—сѣрый волкъ съ горящими глазами убѣгаетъ ночью въ лѣсъ—не лишена даже настроенія. Рисунокъ хорошо выработанный и красивый. Во всякомъ случаѣ, рисунки г. Билибина не имѣютъ ничего общаго съ обычной мазней иллюстраторовъ,—это произведенія, къ которымъ вполнѣ примѣнима художественная критика безъ всякой обидной снисходительности. Нельзя сомнѣваться, что предпринятое Экспедиціей изданіе будетъ имѣть успѣхъ въ публикѣ, тѣмъ болѣе, что цѣна (75 коп. за выпускъ) вполнѣ доступна, въ противоположность обыкновеніямъ частныхъ издателей, которые за мало-мальски приличное съ внѣшней стороны изданіе сейчасъ заламываютъ цѣны несуразныя.

Е. Дегенъ.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ И РУССКАЯ.

Н. Кудринъ. «Очерки современной Франціи».—*Д. Петрушевскій.* «Возстаніе Уота Тайлера».—*П. Буцинскій.* «Отзывы о Павлѣ его современниковъ».

Н. К. (Н. Е. Кудринъ). Очерки современной Франціи. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». Спб. 1902 года, цѣна 2 рубля. За исключеніемъ статьи «О марксизмѣ вообще», всѣ остальные очерки представляютъ рядъ корреспонденцій «печатавшихся за шесть лѣтъ въ «Русскомъ Богатствѣ». Самъ авторъ въ предисловіи предупреждаетъ читателей, что очерки «отмѣчены всѣми недостатками спѣшной, срочной работы». Къ этому слѣдуетъ прибавить и слишкомъ субъективное представленіе автора о самой французской жизни. Выходитъ ли это оттого, что у г. Кудрина отсутствуетъ чувство реальности,

или оттого, что онъ слишкомъ увлекается общими мѣстами, но его очерки не дають впечатлѣнія живой дѣйствительности. Это видно уже изъ перваго очерка, озаглавленнаго: «Психологія француза». Здѣсь, какъ на отрицательную черту, г. Кудринъ указываетъ на «безсердечный формализмъ француза и жестокое отношеніе къ тому, кто преступилъ уголовный и гражданскій кодексъ». «Очевидно,—продолжаетъ г. Кудринъ,—буржуазія успѣла внушить болѣе или менѣе всей націи, что страхъ судьи и жандарма есть начало премудрости въ современномъ обществѣ, и что стянуть, напримѣръ, булку, такъ же преступно, само по себѣ, какъ совершить самое тяжелое преступленіе» (стр. 11). Изъ какихъ фактовъ французской жизни авторъ выводитъ эту черту? «Я не могу до сихъ поръ забыть,—поясняетъ онъ тутъ же,—одной сцены, которую устроила моему хорошему знакомому консьержка дома, гдѣ онъ жилъ, за то, что этотъ господинъ не хотѣлъ жаловаться на стекольщика, укравшаго у него нѣсколько ложекъ, а лишь отобралъ и отпустилъ вора съ миромъ» (12). Вотъ фактъ, давшій поводъ автору обвинять французовъ въ формализмѣ. Его пріемъ напоминаетъ французскій разсказъ объ англичанинѣ, увидѣвшемъ въ Калэ француженку блондинку, откуда онъ заключилъ, что всѣ француженки блондинки. Однако, если даже согласимся, что консьержка «хорошаго знакомаго» выражаетъ мнѣніе всѣхъ французовъ, то отсюда можно сдѣлать заключеніе, что у француза сильно развито чувство собственника, чувство реальное, а отнюдь не формализмъ. Самый ярый защитникъ мелкой собственности, Прудонъ, былъ и самымъ ярымъ врагомъ кодексовъ и властей. И вообще, до сихъ поръ въ формализмѣ обвиняютъ англичанъ, но мы не знаемъ, чтобы эту черту приписывали французамъ, исторія которыхъ есть постоянное нарушеніе кодексовъ. Да и въ ихъ обыденной жизни можно найти множество фактовъ, подтверждающихъ, что масса, включительно до церберовъ закона «консьержекъ», не стѣсняется нарушеніемъ кодексовъ, когда это ей выгодно.

Если французъ имѣетъ какое-нибудь отношеніе къ формализму, то скорѣе отрицательное. Его житейскій реализмъ подсказываетъ ему тѣ ироническія пѣсни, въ которыхъ съ французскимъ остроуміемъ осмѣивается формализмъ *властей*. Но послѣдній связанъ не съ характеромъ француза, а съ духомъ бюрократизма.

У француза, какъ мы замѣтили, существуетъ сильно развитое чувство собственника. Нерѣдко въ судебной хроникѣ бываютъ описаны случаи, когда крестьянинъ избиваетъ и даже убиваетъ нищаго за то, что онъ укралъ яблоки изъ его сада, или перехватилъ рыбу изъ оставленной имъ сѣти. Но это не есть специфическая французская черта, она встрѣчается и у нѣмцевъ, и у швейцарцевъ, и вообще у всѣхъ мелкихъ собственниковъ, въ болѣе или менѣе развитой степени. Несомнѣнно, такая черта тоже безсердечна, но это не формализмъ, а даже отрицаніе формализма, такъ какъ крестьянинъ, прибѣгающій къ самораспpавѣ, этимъ самымъ нарушаетъ кодексъ.

Другая приводимая г. Кудринымъ черта француза—«любовь къ деньгамъ», тоже не специфически французская, потому что кто не любитъ денегъ? Правда, авторъ спѣшитъ прибавить, что французъ ихъ любитъ для тѣхъ «благъ жизни», которыя онѣ ему могутъ доставить, тогда какъ англичанинъ любитъ ихъ, чтобы ими «спекулировать... и громоздить средства производства на средства производства». Насколько такое утвержденіе неправильно, можно судить по общеизвѣстному факту, что жизнь средняго англичанина обставлена съ гораздо большими удобствами, чѣмъ жизнь средняго француза, что сказывается и въ разницѣ наемной платы по сю и по ту сторону Ламанша. Другая черта француза—эпикуреизмъ. Онъ любитъ пожить, повеселиться. «Онъ отъ времени до времени,—пишетъ г. Кудринъ,—даетъ обѣды своимъ пріятелямъ и самъ любитъ ходить на таковые. Но попробуйте придти къ французу, безъ предупре-

жденія въ обѣденное время: это вѣрнѣйшее средство произвести на него неріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, французъ не любитъ ѣсть какъ попало: у него за обѣдомъ полагается и супъ, и жаркое, и салатъ, и дессертъ, и сыръ, и, конечно, вино, по большей части красное, которое онъ пьетъ маленькими глотками, разбавляя водой. Но всего этого у него въ обрѣзъ: вашъ приходъ выбиваетъ его изъ колеи и онъ въ душѣ посылаетъ васъ ко всѣмъ чертямъ—посылаетъ не изъ скупости, а потому, что вы нарушаете регулярно разъ навсегда установленный образъ жизни, въ которомъ бюджетная отчетность соблюдается строго. У него отчислена на угощеніе друзей и знакомыхъ извѣстная сумма въ мѣсяцъ—большая или меньшая, смотря по средствамъ. Сошлись вы съ нимъ или нужны по дѣлу, милости просимъ къ нему по приглашенію!.. О тогда, онъ угоститъ васъ съ честью, достанетъ лучшаго вина изъ своего погреба, откупоритъ бутылку стараго коньяку, предложитъ ароматнаго кофе, тонкую сигару; самъ будетъ всѣмъ этимъ наслаждаться и искренно будетъ радъ за васъ, если угощеніе придется вамъ по душѣ» (9).

Въ такую мелко-буржуазную идиллію впалъ г. Кудринъ, вслѣдствіе ложнаго методологическаго пріема. Онъ старается изобразить какого-то *отвлеченнаго* француза, соединяющаго въ себѣ недостатки и качества націи. Въ результатѣ получается этотъ домохозяинъ, разбавляющій красное вино водою и пьющій его глотками, «потому что все это у него въ обрѣзъ», хотя въ его погребѣ есть нѣсколько сортовъ вина.

Изъ положительныхъ качествъ француза г. Кудринъ указываетъ на его способность легко увлекаться. Этой способности онъ посвятилъ нѣсколько страницъ, но не для того, чтобы объяснить ея психическіе стимулы, а чтобы утопить ее въ потокѣ фразъ. Между прочимъ, онъ сравниваетъ француза, нѣмца и англичанина, давая каждому изъ нихъ въ руку по топору, заставляя ихъ рубить одно дерево. Раньше чѣмъ приступить къ дѣлу, нѣмецъ съ глубокомысленнымъ видомъ, пускается во всякаго рода разсужденія, англичанинъ приступитъ къ рубкѣ, но не самого дерева, а гнилыхъ вѣтвей. «Подошелъ къ дереву и французъ, взглянулъ на него и сейчасъ же рѣшилъ пустить его на срубъ». Когда такую параболу читаешь въ сборникѣ произведеній народной мудрости, надъ ней можно остановиться, но она комична въ спеціальной книгѣ, тѣмъ болѣе, когда ей посвящена цѣлая страница.

Между тѣмъ, вопросъ о психологіи француза чрезвычайно важенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Элементы для его разрѣшенія можно найти во французской литературѣ: научной, исторической и беллетристической. Но прежде всего нужно рѣшить вопросъ, что слѣдуетъ понимать подъ психологіей француза? Его врожденные душевные задатки или его идеи? Можно ли говорить о качествахъ, свойственныхъ французамъ, какъ особой расѣ? Такъ, напримѣръ, извѣстный французскій психологъ Альфредъ Фулье увѣряетъ, что французъ по своей природѣ легко раздражается, что его волевые центры слабы, а что, наоборотъ, преобладаютъ аффективныя способности. Является ли этотъ взглядъ только переведеннымъ на языкъ психологіи общимъ мнѣніемъ, что французъ легко увлекается, или онъ выведенъ на основаніи какихъ-нибудь научныхъ опытовъ, вотъ что, по нашему, должно было остановить вниманіе желающаго писать о психологіи француза. Если рѣчь идетъ объ идеяхъ француза, конечно, можно найти такія общія начала, которыми проникнуты болѣе или менѣе всѣ французы, какъ, напримѣръ, индивидуалистское начало, но и только. Далѣе начнется соединеніе противорѣчивыхъ чертъ, описаніе фантастическихъ каррикатурныхъ портретовъ, въ которыхъ и самъ французъ себя не узнаетъ. Еще меньше говоритъ такое изображеніе русскимъ читателямъ, которые не знаютъ Франціи. Намъ нужно француза конкретнаго, реальнаго—плоти и крови: рабочаго или крестьянина, ученаго, интеллигента, чиновника и т д. Представи-

тели всѣхъ этихъ категорій изображены во французской беллетристикѣ, въ которой слѣдовало бы искать и матеріалъ для психологіи француза; во всякомъ случаѣ, она вѣрнѣе благонравныхъ консьержекъ рисуетъ его черты.

Страсть г. Кудрина къ голословнымъ обобщеніямъ хорошо видна и въ другомъ очеркѣ: «Современное чертобѣсіе». Что же понимаетъ авторъ подъ этимъ словомъ? Все, что угодно, или лучше—все, что не согласно съ его взглядами. Чертобѣсіе—это сонамбулизмъ, буддизмъ, ессеніанство, неокатолицизмъ; чертобѣсіе—романы Бурже и Гюисманса; чертобѣсіе—критики Брюнетьера, Ренана и Тэна. Если бы пришлось г. Кудрину писать теперь объ одержимыхъ чертобѣсіемъ, онъ долженъ былъ бы причислить къ нимъ Жореса, объявившаго себя недавно деистомъ.

Если бы онъ не увлекался желаніемъ пощеголять краснымъ словцомъ, и относился бы болѣе критически къ своему предмету, онъ долженъ былъ бы понять, что его пріемъ только поощряетъ настоящее «чертобѣсіе». Католическіе патеры и парижскія сонамбулы должны ему быть признательны за хорошую компанію, которою онъ ихъ окружаетъ.

Должно быть, такъ «въ высшемъ рѣшено совѣтѣ», что именно тѣ, которые чаще всего говорятъ о критической мысли, относятся меньше всего критически къ своей собственной мысли. Такъ и г. Кудринъ, перечисляя на стр. 383 причины идейной реакціи во Франціи, говоритъ о ложномъ дарвинизмѣ, о пессимизмѣ, о эпикуреизмѣ и упускаетъ упомянуть о такой важной причинѣ пониженія французской общественной мысли, какъ пораженіе 1870—1871 года и неудачная политика оппортюнистской партіи. Эти причины, вызвавшія громадное сотрясеніе во всей странѣ, тѣмъ меньше позволено игнорировать, что онѣ выставляются всѣми авторами на первомъ планѣ.

Мы не будемъ останавливаться на очеркахъ, имѣющихъ предметомъ политическую борьбу во Франціи. Отмѣтимъ лишь большую словоохотливость автора и его склонность злоупотреблять газетными тирадами сомнительнаго литературнаго вкуса въ родѣ слѣдующихъ: «Большинство (республиканцевъ) нуждалось въ кляузникѣ, крючкотворѣ, жалкое безцвѣтное слово котораго представляетъ собою минимумъ членораздѣльной рѣчи, нужной для защиты нечленораздѣльнаго урчанія утробы» (365).

Очеркъ объ эволюціи политическихъ партій во Франціи не лишенъ и нѣкоторыхъ ошибокъ. Такъ, г. Кудринъ увѣряетъ, что въ 1891 году, произошелъ «переломъ» въ воззрѣніяхъ французской рабочей партіи, которая будто бы съ тѣхъ поръ стала усердно заниматься избирательной агитаціей. Однако, извѣстно, что рабочая партія имѣла своихъ представителей въ парламентѣ еще съ 1885 г. (Антидъ Буане) и 1889 г. (Ферруль, Тивроэ) и что самъ Гедъ былъ кандидатомъ въ Парижѣ въ 1885 г. и въ Марселѣ въ 1889 году. Г. Кудринъ приводитъ при этомъ выдержки изъ программы этой партіи, смыслъ которыхъ онъ, очевидно, неясно понимаетъ, ибо называетъ «парламентарнымъ скептицизмомъ» воззрѣнія, относящіяся къ муниципалитетамъ (378).

Среди очерковъ г. Кудрина находится одинъ, посвященный «марксизму вообще, по поводу французскаго марксизма въ частности». Написанъ былъ этотъ очеркъ, увѣряетъ авторъ, еще въ 1897 году, но до сихъ поръ оставался ненапечатаннымъ. Въ такомъ видѣ онъ могъ бы остаться навсегда, безъ большой потери для науки. Г. Кудринъ не только ничего новаго не говоритъ, но и старое повторяетъ въ самой неинтересной формѣ, путается въ цѣломъ рядѣ неясныхъ для него понятій: «географическая среда», «религіозный факторъ», «орудія производства», и спрашиваетъ себя съ глубокомысліемъ, какія видоизмѣненія происходятъ въ головѣ человѣка, если онъ будетъ смотрѣть на «топоръ» и на «прирученную ламу».

Разбирать, однако, этотъ устарѣлый очеркъ г. Кудрина мы не намѣрены, считая это совершенно лишнимъ трудомъ, ограничившись однимъ замѣчаніемъ. Г. Кудринъ правъ, называя нѣкоторыхъ французскихъ марксистовъ «доктринерами» за то, что они послѣ перваго увлеченія въ борьбѣ за реабилитацію Дрейфуса стали проявлять равнодушіе. Мы позволимъ себѣ только одно замѣчаніе. Историческій матеріализмъ — доктрина великая и всеобъемлющая и поэтому именно даетъ мѣсто доктринерскимъ увлеченіямъ.

Очерки читаются легко, но стиль ихъ напоминаетъ отчеты развязнаго газетнаго репортера. Авторъ чрезвычайно фамильяренъ, и изъ всѣхъ явленій жизни Франціи самое постоянное, на которое наталкивается читатель — это появленіе самого г-на Кудрина. Онъ страдаетъ настоящей «эгоманіей»,—благосклонно одобряетъ, порицаетъ, высказываетъ свое удовольствіе. «*Мнѣ* страстно хотѣлось бы проникнуть въ будущее Франціи (2); «*мнѣ* ужасно нравится эта нація» (14); «*я* увѣренъ, что страстно любимая *мною* страна» (612); «*мнѣ* пришлось бы повторить *мою* обычную мысль». Король говоритъ: «мы хотимъ», г. Кудринъ — «мнѣ бы хотѣлось» (292), «мнѣ очень пріятно бороться», «я охотно подписываюсь» (305), «я детерминистъ», «я монистъ», и другіе нескончаемые «я». На стр. 360 онъ великодушно снисходитъ до высказыванія своего одобренія Бебелю: «Я съ удовольствіемъ прочелъ, что нѣкоторые крупные марксисты въ родѣ Бебеля» и пр. Въ другомъ мѣстѣ онъ заявляетъ во всеуслышаніе: «Я—точильный брусъ», или буквально—«я беру на себя роль точильнаго бруса» (309). Вольно г. Кудрину называть себя не только точильнымъ брусомъ, но даже, если ему угодно, и tête de turc, но какое отношеніе все это имѣетъ къ спорнымъ вопросамъ? Когда на стр. 276 онъ пишетъ: «Я какъ былъ врагомъ метафизики, такъ и остался имъ», этимъ лишній разъ онъ даетъ своимъ противникамъ возможность повернуть противъ него его же собственное оружіе. Ибо есть метафизика и метафизика: есть метафизика, которая, по мѣткому выраженію Сенъ Симона («Письма женевскаго обывателя»), «беретъ слова за вещи»,—и г. Кудринъ не только не врагъ этой схоластической метафизики, но проникнутъ ею до мозга костей. Есть другая метафизика, изучающая связь человѣка со вселенной, но эта метафизика для него «чертобѣсіе».

Обращаясь къ марксистамъ, г. Кудринъ принимаетъ героическую позу Леонида при Өермопилахъ и восклицаетъ: «Я жду противниковъ безъ фанфаронства, но и безъ малодушія» (279). Предъ такимъ скромнымъ великолѣпіемъ противникамъ г. Кудрина остается только потупить голову и почтительно умолкнуть: «Ему же честь—честь, ему же хвала — хвала».

Несмотря на неполноту и недостаточную обработку «Очерковъ современной Франціи», мы желаемъ имъ широкаго распространенія. Какъ бы ни утопала французская дѣйствительность во фразеологіи г. Кудрина и ни заслонялась его субъективнымъ освѣщеніемъ, Франція все-таки даетъ себя чувствовать въ его книгѣ. Пусть г. Кудринъ продолжаетъ прививать любовь къ великому народу и къ великой странѣ и разсѣивать неосновательныя предубѣжденія, которыя существуютъ противъ нея среди русскихъ читателей. Мы позволимъ себѣ внести только одну «поправку»: его дѣло выиграетъ гораздо больше, если самъ авторъ будетъ болѣе скроменъ и болѣе вдумчивъ. *Х. Г. Инсаровъ.*

Возстаніе Уота Тайлера. Очерки изъ исторіи разложенія феодальнаго строя въ Англіи. Дмитрія Петрушевскаго. Часть вторая. М. 1901. Первая часть изслѣдованія г. Петрушевскаго вышла въ свѣтъ въ 1897 году; она была посвящена, главнымъ образомъ, описанію самого событія, анализу лѣтописной традиціи, характеристикѣ и разъясненію инсуррекціонныхъ тенденцій и плановъ. Лежащая теперь предъ нами вторая часть работы посвящена исключительно соціально-экономическимъ условіямъ, подготовившимъ возстаніе, его

причинамъ, отдаленнымъ и ближайшимъ. Нельзя сравнивать научной цѣнности обѣихъ частей, настолько вторая для современной исторіографіи феодализма важнѣе и нужнѣе первой.

Разумѣется, мы не хотимъ сказать, что описаніе внѣшнихъ деталей событія и, вообще, все содержаніе I-го тома, уклоняется отъ научныхъ методовъ, что оно грѣшитъ натяжками и т. п. Этого нѣтъ, но по самому сюжету своему эта часть работы могла быть посвящена лишь выясненію второстепенныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ и критикѣ источниковъ, уже нашедшихъ и раньше довольно разностороннюю и внимательную оцѣнку. Мы склонны разсматривать весь первый томъ работы г. Петрушевскаго, какъ обширное введеніе ко второй части, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ появившейся и представляющей, дѣйствительно, выдающійся интересъ. Авторъ вполнѣ самостоятельно изучилъ соціальное состояніе Англіи, приведшей страну къ бунту Уота Тайлера, и въ своемъ «введеніи», а также въ четвертой главѣ (объ экономической эволюціи и соціальной борьбѣ во второй половинѣ четырнадцатаго вѣка) пришелъ, дѣйствительно, къ своеобразнымъ заключеніямъ; первая, вторая и третья главы, необходимыя для связности изложенія и обработанныя (какъ и вся книга) совершенно самостоятоятельно, дали результаты, которые для изучавшихъ эту эпоху, не могли оказаться неожиданными. Выводы, которые извлекаются изъ книги г. Петрушевскаго сводятся къ слѣдующему.

Бунтъ 1381 года, получившій по имени одного изъ вождей названіе возмущенія Уота Тайлера, былъ подготовленъ цѣлымъ рядомъ фактовъ, вторгшихся въ эволюцію англійскаго хозяйственнаго строя и, въ извѣстной мѣрѣ, усилившихъ ея интенсивность. Въ первыя времена англійскаго феодализма, какъ онъ сложился послѣ нормандскаго завоеванія, между лордомъ, имѣвшимъ власть чисто политическую, надъ сельской общиною и самою это общиною антагонизма не было, ибо хозяйственный бытъ того времени былъ такого свойства, что по удовлетвореніи нуждъ барской усадьбы,—дальнѣйшая эксплуатація общины была безполезна лорду. Но къ концу XIV столѣтія обстоятельства измѣнились. Въ помѣстье проникли денежно-хозяйственныя тенденціи, натуральныя повинности замѣнились денежными податями, начались систематическіе захваты лордами общинныхъ земель и, въ связи съ этими явленіями, даже объясняя ихъ, — помѣстья коснулись сложныя отношенія рыночнаго спроса и предложенія. Внѣшній міръ вторгся въ хозяйственную доселѣ замкнутую жизнь помѣстья, — и кризисъ начался. Появились уже довольно рѣзко очерченные классы землевладѣльцевъ, арендаторовъ и рабочихъ, что авторъ совершенно вѣрно считаетъ признаками начала «народнаго хозяйства». Чрезвычайно живо описано развитіе рабочаго законодательства въ XIV столѣтіи, которое, дѣйствительно, составляетъ самый яркій и знаменательный аргументъ въ пользу существованія многочисленнаго общественнаго класса, жившаго исключительно трудами рукъ своихъ. Особенную остроту рабочему вопросу придало разразившееся надъ Англіей въ концѣ первой половины XIV столѣтія бѣдствіе, извѣстное подъ названіемъ «черная смерть». Такъ называлась эпидемія чумы, опустошавшая Европу съ 1347 года и проникшая въ Англію осенью 1348 года. Она унесла не меньше половины всего англійскаго народонаселенія и выдвинула предъ хозяйственною жизнью страны самыя серьезныя проблемы. Недостатокъ рабочихъ рукъ былъ такъ великъ и ощутителенъ, что огромная масса земель оставалась совсѣмъ невоздѣланною въ теченіе ряда лѣтъ, слѣдовавшихъ за чумою. Плата за рабочія руки неимовѣрно возвысилась, и англійское правительство, желая смягчить ожесточенную борьбу между рабочими и работодателями, желая охранить соціальный миръ и спокойствіе,—издало рядъ статутовъ, имѣвшихъ цѣлью урегулировать рабочую плату и избавить государство отъ остраго хозяйственнаго кризиса. Эти статуты всею своею юридически-

обязательною силою подрывали основы устарѣвшаго феодальнаго строя, ибо заставляли, какъ оттѣняетъ авторъ, лорда помѣстья поступаться своими правами въ отношеніи къ вилланамъ и предоставляли полную возможность посторонним помѣстью людямъ вмѣшиваться въ хозяйственную жизнь помѣстья путемъ найма рабочихъ изъ вилланов. Но классовыя отношенія развивались и усложнялись съ каждымъ годомъ и разрушали не только этотъ старый средневѣковый хозяйственный укладъ, но и узкія, искусственныя рамки рабочаго законодательства. Правительство, видя неудачу всѣхъ своихъ мѣръ, убѣждаясь, что и наниматели, и рабочіе нарушаютъ всѣ его статуты, прибѣгло къ самымъ драконовскимъ мѣропріятіямъ, чтобы наказать своихъ ослушниковъ и превратить свои законы изъ мертвой буквы въ нѣчто реальное. Но ничего не помогало. Авторъ подчеркиваетъ (и это — одинъ изъ самостоятельныхъ его выводовъ), что правительство, прикрѣпляя рабочаго человѣка къ опредѣленному мѣсту, вовсе не думало этимъ всецѣло возстановить старые средневѣковые порядки: оно лишь стремилось «такъ направить дѣятельность новаго хозяйственнаго механизма, чтобы онъ, оставаясь самимъ собою, въ то же время давалъ такіе же результаты, какіе вполнѣ обезпечивались прежней хозяйственной организаціей». А одною изъ главныхъ цѣлей было сохраненіе въ государствѣ порядка; другою—защита угрожаемыхъ интересовъ фиска. Послѣ черной смерти было и такое теченіе среди лордовъ, недовольныхъ новыми порядками,— которое стремилось упрочить падавшій и расползавшійся по всѣмъ швамъ натурально-хозяйственный режимъ. Раздражаемые, съ одной стороны, этими феодалистическими поползновеніями, съ другой стороны, варварскимъ поведеніемъ правительства въ дѣлѣ осуществленія стѣснительныхъ рабочихъ статутовъ, вилланы не остановились и предъ рѣшительною борьбою со своими угнетателями. Возстаніе 1381 года, гдѣ инсургенты были побѣждены, тѣмъ не менѣе, не имѣло (и не могло имѣть) никакихъ роковыхъ послѣдствій для непрерывно развивавшагося новаго экономическаго режима. Еще въ первой части своей работы авторъ указывалъ на то, что крестьяне вполнѣ сознательно требовали ликвидаціи стараго строя, упраздненія всѣхъ слѣдовъ личной несвободы, — и эта основная тенденція, сказывающаяся въ программѣ инсургентовъ, вполнѣ соотвѣтствовала естественному разложенію стараго хозяйственнаго режима. Автору почему-то кажется, что этотъ процессъ до черной смерти былъ безсознательнымъ, стихійнымъ, а лишь черная смерть создала условія, внесшія въ него элементъ сознательности. По нашему мнѣнію, антагонизмъ интересовъ сеньоровъ и крестьянъ и до черной смерти сказывался вполнѣ сознательно (авторъ признаетъ «малое участіе сознательности», но такія произведенія, какъ стихи Лэнглэнда, несомнѣнно, были подготовлены обширною устною литературою, бродившею въ народѣ до ихъ сознанія и до черной смерти). Но въ качествѣ выработанной соціальной идеи, весьма точной въ основныхъ своихъ частяхъ,—мысль о необходимости рѣшительной борьбы съ реакціонными вожделѣніями лордовъ является на сцену, дѣйствительно, лишь во второй половинѣ XIV столѣтія. Строго обоснованное на источникахъ изслѣдованіе этого стихійнаго процесса превращенія натуральнаго хозяйства въ денежное, въ связи съ рабочимъ законодательствомъ и соціальными послѣдствіями названнаго процесса и составляетъ, какъ сказано, содержаніе книги г. Петрушевскаго. Если она будетъ переведена на англійскій языкъ (какъ была переведена близкая по темѣ работа г. Виноградова—«The villinage in England»), она, конечно, привлечетъ въ Англіи большее вниманіе, нежели у насъ, ибо кругъ спеціалистовъ у насъ слишкомъ узокъ. Вѣроятно, для англійскаго изданія авторъ сочтетъ нужнымъ расширить ту часть работы, гдѣ говорится о положеніи крестьянской аренды (съ конца XIII вѣка). Эти страницы (197, 198, 199 и сл.) — однѣ изъ интереснѣйшихъ, и онѣ получатъ еще бóльшую яркость, будутъ произво-

дить еще болѣе опредѣленныя впечатлѣнія, если авторъ приложитъ къ своей книгѣ таблицы съ подсчетомъ земель, упоминаемыхъ въ арендныхъ сдѣлкахъ и въ документахъ, касающихся дробленія крестьянской собственности. Примѣры, приводимые авторомъ, весьма характерны, но лишь подсчетъ покажетъ воочію всю ихъ типичность. Исчерпывающій подсчетъ слишкомъ труденъ для силъ одного изслѣдователя, но, сдѣланный для нѣсколькихъ мѣстностей въ разныхъ графствахъ, онъ, все равно, будетъ достаточно убѣдителенъ.

Весьма важно съ соціологической стороны «введеніе», предшествующее рецензируемой 2-й части изслѣдованія. Оно является общимъ выводомъ относительно исторіи англійскаго феодализма, насколько этотъ предметъ разработанъ современной наукою. Введеніе имѣетъ интересъ и для неспеціалистовъ, ибо даетъ такого рода обобщенія, безъ которыхъ вся англійская исторія, весь ходъ ея—могутъ показаться непонятными и случайными. И Стэбсъ, и Виноградовъ, и авторъ настоящей работы, и другіе изслѣдователи способствовали выработкѣ этихъ обобщеній, но нельзя не признать весьма удачною самую мысль скомбинировать эти выводы и предпослать ихъ своей работѣ. Г. Петрушевскій въ этомъ введеніи обнаружилъ, что ясно видитъ предъ собою основныя цѣли научной исторіографіи, и болѣе нежели оправдалъ выборъ своей темы, если только этотъ выборъ нуждался въ оправданіи. Эта работа по праву даетъ ему видное мѣсто среди медіевистовъ, посвятившихъ себя англійскому средневѣковью. *Евг. Т.*

Проф. П. Н. Буцинскій. Отзывы о Павлѣ Первомъ его современниковъ. Харьковъ. 1901. in 8-го Стр. 42. Брошюра г. Буцинскаго—дань автора событію 11—12 марта 1801 года. По содержанію она нѣсколько шире своего заглавія, а по исполненію оригинальнѣе, нежели можно было бы себѣ представить. *Не* всякіе отзывы современниковъ попали на ея страницы: этой чести удостоились лишь тѣ изъ нихъ, которые принадлежатъ лицамъ, имѣвшимъ возможность близко знать императора Павла или *не* имѣвшимъ партійныхъ разсчетовъ быть пристрастными. Авторъ подчеркиваетъ самъ, что онъ дѣлаетъ «выборъ» изъ отзывовъ, а такой выборъ всегда будетъ крайне субъективнымъ и тѣмъ самымъ обрекаетъ писателя на одностороннее и некритическое изображеніе личности. Результаты указаннаго антинаучнаго пріема нашего автора будутъ тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ рѣзче звучатъ его упреки русской литературѣ за игнорированіе «*эпохи* (sic!) императора Павла»; онъ говоритъ, что «Рюрику, Синеусу и Трувору, или какому-нибудь Гришкѣ Отрепьеву оказано съ ея стороны гораздо больше чести». Какъ ни сердись г. Буцинскій, а все-таки Григорій Богдановъ Отрепьевъ—прелюбопытная личность въ московской Руси и тѣмъ болѣе любопытная, что въ ней, какъ въ фокусѣ, отражались тогдашнія общественныя теченія. Что же касается «игнорированія», то оно во-первыхъ, вынужденное, а во-вторыхъ его до нѣкоторой степени можно отрицать, если *словамъ* г. Буцинскаго противопоставить *факты* существованія книгъ гг. Кобеко, Шумигорскаго и Шильдера. Выбирая отзывы, авторъ приходитъ къ опредѣленному выводу о значеніи дѣятельности Павла и совсѣмъ не къ такому, къ какому пришелъ Шильдеръ въ своей книгѣ «Императоръ Павелъ Первый: у Шильдера—картина темная, а у г. Буцинскаго—свѣтлая. То, что всякій видитъ темнаго за пятилѣтіе 1796—1801 годовъ, то, по мнѣнію г. Буцинскаго, отнюдь не принадлежитъ Павлу, а исключительно его сотрудникамъ. Исполнители воли Павла не только создали катастрофу 11—12 марта 1801 года, но они же и ихъ приспѣшники постарались исказить черты характера Павла для потомства. Это искаженіе доходило до того, что по смерти Павла сочинялись не издававшіеся имъ указы; при жизни же Павла распубликовывались указы имъ не дававшіеся, и г. Буцинскій категорически утверждаетъ, что «безъ колебанія можно вѣрить только тѣмъ приказамъ Павла, подъ которыми видишь его собственноручную подпись». Итакъ, личность и дѣятельность

Павла искажены, искажены ловко, умѣло, чудовищно; все, что писалось до сихъ поръ о Павлѣ отрицательнаго и въ томъ стилѣ, въ какомъ читаемъ у Шильдера, есть подлогъ. Нѣтъ! Павелъ вовсе не таковъ, какъ изобразило его преданіе. Авторъ отвергаетъ и преданіе, и факты, и критику, а на ихъ развалинахъ пишетъ такой портретъ: «Павелъ Петровичъ—этотъ царь демократъ—былъ человѣкомъ рѣдкимъ въ нравственномъ отношеніи, глубокорелигіознымъ, прекраснымъ семьяниномъ, съ недюжиннымъ умомъ, феноменальною памятью, высокообразованнымъ, энергичнымъ и трудолюбивымъ и наконецъ мудрымъ правителемъ государства, какъ въ дѣлахъ внѣшней политики, такъ и внутренней». Немного далѣе авторъ, впрочемъ, признается, что Павелъ совсѣмъ не умѣлъ выбирать себѣ сотрудниковъ, искалъ ихъ тамъ, гдѣ трудно или нельзя было найти.

Такъ выборъ отзывовъ приводитъ автора къ колоссальной реабилитаціи дѣятельности Павла, къ апоѳеозу его личности. Точка зрѣнія, конечно, и любопытная, и оригинальная, но отнюдь не новая. Въ сущности г. Буцинскій поступаетъ крайне смѣло, объявляя войну нашей литературѣ безъ достаточнаго и даже безъ какого бы то ни было запаса сильныхъ аргументовъ; онъ не стоитъ на твердой почвѣ строго научнаго метода, не обнаруживаетъ пріемовъ тонкаго критическаго анализа. Въ погонѣ за блескомъ оригинальности, за призракомъ необычайнаго чудовищнаго заговора современниковъ и потомства, авторъ забываетъ, что нынѣ нельзя какъ сорокъ лѣтъ тому назадъ выступать съ опытомъ реабилитаціи, основанной на однихъ словахъ и едва ли кому-нибудь нужной. На реабилитацію своеобразной политики, столь восхищающей г. Буцинскаго, не пошелъ даже Н. М. Карамзинъ. Н. Шильдеръ признаетъ Карамзинскую характеристику правленія Павла «правдивой и неподражаемой» и возмущается попыткой доказывать, что приказы того времени преслѣдовали «воспитательныя цѣли». Но г. Буцинскій ничему не внимаетъ, ему мила его своеобразная тенденція, онъ расточаетъ по ея поводу рядъ любезностей, забывая, что современному представителю исторической науки не пригоже такъ дѣйствовать. Ужъ если что-либо доказывать, такъ доказывать съ опредѣленными фактами въ рукахъ.

Мы воздерживаемся отъ того, чтобы привѣтствовать появленіе въ свѣтъ брошюры г. Буцинскаго, но думаемъ, что, разъ апоѳеозъ выпущенъ въ свѣтъ, русской исторической наукѣ надлежитъ произвести разслѣдованіе историческаго матеріала и съ фактами въ рукахъ или отвергнуть основную мысль г. Буцинскаго, или же доказать ее такъ, чтобы въ ея правотѣ не оставалось никакихъ сомнѣній. Самъ г. Буцинскій ничего *не* доказываетъ, но лишь безъ конца и непріятно мечтаетъ. *В. Николаевъ.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И СОЦІОЛОГІЯ.

А. Скворцовъ. «Основы экономики земледѣтія». — *Л. Брентано.* «Этика и народное хозяйство». — *Шиппель.* «Современная бѣдность и перенаселеніе».

А. Скворцовъ. Основы экономики земледѣлія. Часть II. Выпускъ I-й. Ученіе о системахъ хозяйства и системахъ полеводства. Спб. 1902 166 стр. Ц. 1 р. О первой части этого труда проф. А. Скворцова былъ уже своевременно данъ отзывъ на страницахъ «Міра Божьяго». Вышедшій теперь первый выпускъ второй части составляетъ непосредственное продолженіе первой части. Продолжая свое изложеніе основъ экономики земледѣлія, авторъ въ вышедшей теперь части своего труда излагаетъ исторію развитія формъ хозяйства, системы хозяйства и полеводства въ современномъ мірѣ, вопросъ о рентѣ въ современномъ хозяйствѣ и т. д.

Новый трудъ проф. Скворцова отличается обычными всѣмъ его трудамъ особенностями—силою абстрактнаго анализа, выдержанностью точки зрѣнія съ одной стороны и съ другой—отсутствіемъ полноты историческихъ и фактическихъ данныхъ, на ряду съ слишкомъ поспѣшнымъ примѣненіемъ абстрактныхъ положеній къ рѣшенію конкретныхъ вопросовъ.

Это сказалось, напр., на развиваемой г. А. Скворцовымъ теоріи земельной ренты. Г. Скворцовъ является, какъ извѣстно, убѣжденнымъ сторонникомъ теоріи трудовой цѣнности, нѣсколько оригинально и, по нашему мнѣнію искусственно обосновываемой авторомъ. Эта точка зрѣнія послѣдовательно проводится авторомъ при изслѣдованіи всѣхъ вопросовъ, касающихся экономики земледѣлія вообще и въ частности ренты. Теорію ренты Рикардо авторъ считаетъ не выдерживающей критики. Основными ея ошибками онъ считаетъ смѣшеніе понятій «плодородіе» и «богатство» почвы, а затѣмъ неправильное представленіе о вліяніи увеличенія интенсивности на стоимость производства продукта. Поправки сдѣланныя Марксомъ къ теоріи ренты Рикардо, тоже не удовлетворяютъ г. Скворцова, по своимъ идеямъ примыкающаго въ существенномъ къ теоріи ренты Родбертуса.

Теорія ренты Родбертуса должна быть признана вполнѣ логическимъ выводомъ изъ теоріи трудовой цѣнности, но это нисколько не мѣшаетъ ей быть во многихъ пунктахъ невѣрной и служащей доказательствомъ той истины, что трудовой теоріей не слѣдуетъ пользоваться какъ опытной теоріей и съ ея точки зрѣнія непосредственно разрѣшать вопросы экономики земледѣлія. Такимъ образомъ споръ переносится въ область того, какъ слѣдуетъ понимать теорію трудовой цѣнности. Останавливаться на этомъ вопросѣ здѣсь совершенно неумѣстно, но посчитаться съ нимъ было необходимо для того, чтобы уяснить общій характеръ новаго труда проф. Скворцова.

Выяснивъ свое пониманіе теоріи ренты, авторъ переходитъ къ разсмотрѣнію ренты въ современныхъ хозяйствахъ, приходя къ общему заключенію, что условія экстенсивныхъ и интенсивныхъ районовъ хозяйства до извѣстной степени противоположны другъ другу, можно сказать, что насколько въ экстенсивныхъ странахъ легко повысить ренту, настолько же, обратно, трудно достигнуть повышенія ея въ интенсивныхъ странахъ умѣреннаго пояса. Въ общемъ «рента съ единицы эксплуатируемой площади, подъ вліяніемъ современныхъ способовъ транспорта и сношеній, стремится уравняться въ различныхъ районахъ» (166 стр.).

Общую оцѣнку новаго труда Скворцова придется отложить до тѣхъ поръ когда появятся слѣдующіе выпуски, и весь трудъ будетъ законченъ.

П. Б—инъ.

Л. Брентано. Этика и народное хозяйство въ исторіи. (Dr. Lujo Brentano. Ethik und Volkswirtschaft in der Geschichte. München. 1902). Небольшая брошюра мюнхенскаго профессора представляетъ собою текстъ сказанной имъ въ 1901 г. при вступленіи въ ректоратъ рѣчи. Въ короткое время (одна или двѣ недѣли) она успѣла выдержать два изданія, и вотъ почему мы считаемъ не лишнимъ сказать здѣсь о ней два слова.

Талантливый экономистъ задался цѣлью доказать, что «нельзя, quasi исправляя божественное созданіе (общественное развитіе), добиваться невозможнаго и посредствомъ механическаго воздѣйствія,—безразлично, реакціоннаго или революціоннаго характера—противорѣчащаго жизненнымъ условіямъ современности и интересамъ государственнаго цѣлаго, стремиться къ осуществленію задачъ нравственнаго существованія (die Aufgabe des sittilichen Daseins).

Тезисъ доказывается бѣглымъ очеркомъ нѣкоторыхъ моментовъ изъ области хозяйственной жизни и этическихъ представленій. Передъ нами проходятъ Аристотель, апостолы, отцы церкви, схоластика, Маккіавелли, Кальвинъ и т. д.,

и т. д. Всѣ они ставили хозяйственной жизни извѣстныя требованія, но жизнь проходила мимо нихъ, протекала по своимъ собственнымъ законамъ и требованія такъ и оставались требованіями. Происходило это такъ потому, что всѣ они плохо или недостаточно анализировали и понимали окружающую дѣйствительность. Брентано заканчиваетъ поэтому свою рѣчь обращеніемъ къ коллегамъ-профессорамъ и требуетъ, чтобы они тщательно изучали дѣйствительное положеніе вещей, старались выяснять и себѣ, и другимъ жизнь во всѣхъ ея причинахъ и слѣдствіяхъ. Такое изученіе дастъ возможность «отличить необходимое отъ случайно сопровождающаго зла (Misshände)». Но что такое необходимое? И что такое случайно сопровождающее зло? Гдѣ критерій для распознаванія одного отъ другого? Интересы большинства? Но какіе? Моральные, экономическіе, политическіе?.. «Жизненныя условія современности» и «интересы государственнаго цѣлаго» черезчуръ общія и неопредѣленныя понятія, чтобы ими можно было какъ-нибудь воспользоваться. Вообще же избранный Брентано родъ доказательства страдаетъ, какъ это ни странно по отношенію къ профессору, ненаучностью. Историческіе факты, какъ и данныя статистики, могутъ служить лишь иллюстраціей, а иллюстрація далеко еще не доказательство. Къ сожалѣнію, эта старая истина нашими учеными часто забывается.

Р. Ольгинъ.

Шиппель. Современная бѣдность и современное перенаселеніе. Перев. съ нѣм. Спб. 1902. 403 стр. Ц. 1 р. 25 к. Книга Шиппеля во второмъ нѣмецкомъ изданіи вышла въ 1888 году, т.-е. четырнадцать лѣтъ тому назадъ; за эти четырнадцать лѣтъ въ наше нервно и быстро живущее время кое-что въ области соціально-экономической жизни успѣло значительно измѣниться и, сообразно съ этимъ, нѣсколько измѣнились если и не самые соціальные идеалы, то, по крайней мѣрѣ, пріемы ихъ осуществленія. Книга Шиппеля вышла тогда, когда новѣйшія явленія современной экономической жизни еще не успѣли вполнѣ обнаружиться и найти себѣ выраженіе въ экономическихъ теоріяхъ и онъ отразилъ, въ своей книгѣ, ярко и талантливо, то міровоззрѣніе, которое теперь принято называть «ортодоксальнымъ» марксизмомъ и отъ котораго въ настоящее время и самъ Шиппель въ значительной долѣ отказался.

За всѣмъ тѣмъ сочиненіе Шиппеля ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть признано устарѣлымъ, и появленіе въ русскомъ переводѣ этой умно и талантливо написанной книги можно только привѣтствовать.

Въ введеніи авторъ сильными чертами набрасываетъ свое міровоззрѣніе: «Надъ нами,—говоритъ онъ,—повисла тяжелая туча, ежеминутно готовая разразиться грозой. Куда бы мы ни взглянули, облака повсюду покрываютъ небо, и бывали такіе моменты, когда всѣмъ намъ казалось, что мы уже слышимъ, какъ съ грохотомъ надвигаются разразившіяся стихійныя силы. Столѣтіе, родившееся въ судорогахъ, повидимому, и закончится конвульсіями. Увѣрены ли мы, что, по крайней мѣрѣ, тогда настанетъ свѣтлое будущее для всѣхъ народовъ Европы?» (6).

На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ утвердительно: авторъ причисляетъ себя къ числу тѣхъ, которые «вполнѣ понимаютъ всю ужасающую серьезность положенія, но при этомъ нисколько не отчаиваются. Они видятъ, какъ камень за камнемъ рушится старый общественный строй, и какъ подъ отживающей оболочкой существующихъ формъ производства, съ быстротою и силою весеннихъ побѣговъ уже пробиваются зачатки высшаго строя экономическихъ отношеній. Наконецъ, они понимаютъ, что съ постояннымъ расширеніемъ нужды и бѣдствій общность борьбы и лишеній развиваетъ самосознаніе и закаляетъ силы»...

Этимъ оптимизмомъ по отношенію къ близкому будущему и пессимизмомъ по отношенію къ настоящему проникнута отъ начала до конца вся книга

Шиппеля. Въ высшей степени мрачными красками рисуетъ онъ современную соціально-экономическую дѣйствительность. Онъ старается показать, какъ современный капиталистическій строй все больше запутывается въ своихъ собственныхъ противорѣчіяхъ, какъ онъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше ухудшаетъ положеніе трудящейся массы народа, и чѣмъ дальше, тѣмъ меньше способенъ справиться собственными силами съ порождаемыми имъ противорѣчіями. Новый общественный строй, необходимость наступленія котораго такъ убѣжденно и убѣдительно доказываетъ Шиппель, явится, по его мнѣнію, какъ продуктъ наростанія противорѣчій капиталистическаго строя, который самъ себѣ роетъ могилу, и новое общество выростетъ на развалинахъ стараго.

Шиппель въ общемъ стоитъ на точкѣ зрѣнія теоріи соціальныхъ катастрофъ, которая, покидая эволюціонную точку зрѣнія, разсматриваетъ наступленіе новаго общественнаго строя не какъ постепенный процессъ отмиранія стараго и нарожденія *въ его нѣдрахъ* новаго общества, а какъ катаклизмъ, рѣзко отдѣляющій скоропостижно умершее старое отъ сразу народившагося новаго. Сверхъ того, та точка зрѣнія, на которой стоитъ Шиппель, игнорируетъ роль, такъ сказать, фагоцитовъ капиталистическаго организма, который отнюдь не оставался безучастнымъ зрителемъ уготовляемой ему историческимъ ходомъ развитія могилы, онъ, располагая громадными силами техники и науки, сумѣлъ выработать въ себѣ цѣлый рядъ фагоцитовъ, усердно борящихся съ разрушающими его организмъ силами.

Противорѣчія современнаго строя хозяйства превосходно нарисованы Шиппелемъ. Онъ сначала набрасываетъ яркую картину необычайнаго прогресса техники, необычайнаго развитія производительныхъ силъ, а затѣмъ показываетъ, что, несмотря на все ихъ развитіе, силы эти въ капиталистической формѣ ихъ эксплуатаціи сдѣлались проклятіемъ для огромной массы населенія и превратили въ жестокую дѣйствительность древній миѳъ о Танталѣ и его мукахъ.

«Въ греческомъ миѳѣ кони Ѳеба, вмѣсто того, чтобы развивать надъ нами животворный свѣтъ, мечутъ съ неба по всѣмъ направленіямъ огонь разрушенія.

«Точно также подъ владычествомъ капитала всякое благословеніе превращается въ проклятіе и это проклятіе ложится все возрастающей тяжестью на все болѣе широкіе слои населенія, ибо мелкіе самостоятельные предприниматели все болѣе и болѣе исчезаютъ, а число наслаждающихся жизнью капиталистовъ все болѣе сокращается» (141 стр.).

Авторъ посвящаетъ очень много страницъ выясненію ужасающихъ бѣдствій англійскаго пролетаріата и весьма скептически относится къ возможности улучшенія его матеріальнаго благосостоянія въ рамкахъ существующаго капиталистическаго строя.

Къ роли профессіональныхъ союзовъ въ дѣлѣ улучшенія матеріальнаго благосостоянія рабочихъ Шиппель относится недовѣрчиво. «Трэдъ-юніоны,—говоритъ онъ,—все болѣе и болѣе теряютъ характеръ организацій, имѣющихъ цѣлью борьбу за условія найма, и принимаютъ характеръ союзовъ взаимопомощи. Въ экономической борьбѣ съ капиталомъ они теперь безпомощнѣе, чѣмъ когда либо» (161).

Эта нѣсколько односторонняя оцѣнка роли профессіональныхъ союзовъ находится, конечно, у автора въ тѣсной связи съ вышеочерченной теоріей катастрофъ.

Къ русскому переводу книги Шиппеля приложенъ переводъ весьма интересной статьи «Профессіональное движеніе и право каолицій».

На русскій языкъ книга Шиппеля переведена очень хорошо.

П. Б—инъ.

рые стоятъ близко къ видамъ, встрѣченнымъ экспедиціей «Чэлленжера» нѣсколько сѣвернѣе и на меньшей глубинѣ у острововъ Крозэ.

Иглокожія составляли вообще значительный процентъ выловленныхъ организмовъ, въ особенности богато были представлены офіуры. По опредѣленію проф. Цурштрассена, онѣ относятся къ четыремъ видамъ, изъ которыхъ одинъ новый, тогда какъ остальные соотвѣтствуютъ видамъ, найденнымъ «Чэлленжеромъ» при такихъ же условіяхъ, именно вблизи окраины антарктическихъ льдовъ. Имѣлись въ сборѣ и голотуріи, изъ которыхъ одна чрезвычайно красиво окрашенная, темно-фіолетовая, относилась къ семейству эльпидій.

Если замѣтить далѣе, что былъ найденъ сломанный скелетъ морского ежа, нѣсколько хорошо сохранившихся гидроидовъ, кремневыя губки и множество замѣчательно крупныхъ фораменниферъ (рис. 41) то надо сознаться, что, принимая во вниманіе огромную глубину, было добыто все же удивительно много организмовъ.

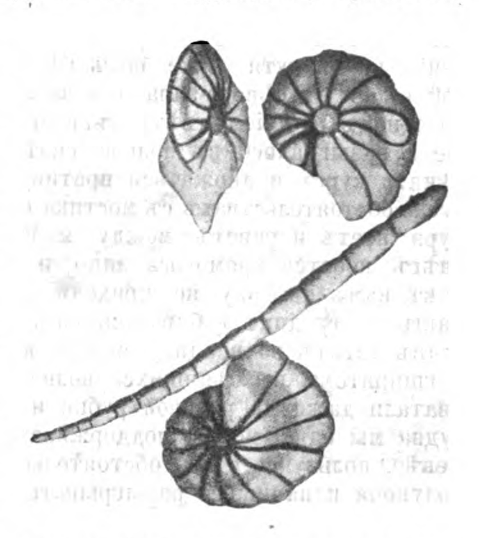

Рис. 41. Раковинки фораминиферъ съ глубины 4636 метровъ.

Какъ только тралъ былъ поднятъ, на море спустился густой туманъ и принудилъ насъ съ большою осторожностью начать нашъ путь на сѣверъ. Когда, наконецъ, около 10 часовъ вечера туманъ снова разошелся, судно наше оказалось окруженнымъ густымъ плавучимъ льдомъ. Пока мы пробивались черезъ него, мы замѣтили на востокѣ самую крупную изъ всѣхъ ледяныхъ горъ, которыя намъ до тѣхъ поръ попадались. Первоначально мы думали даже, что имѣемъ передъ собой ледяную стѣну антарктическаго континента, но затѣмъ выяснилось, что это настоящій ледяной островъ, который мы, къ сожалѣнію, не были въ состояніи точнѣе измѣрить, такъ какъ лавировали въ плавучемъ льдѣ. По опредѣленію на глазъ нашего капитана и офицеровъ, она была шириною въ 4—5 морскихъ миль. Кромѣ того, мы въ этотъ день, также какъ и наканунѣ, встрѣтили льдину, окрашенную въ шоколадный цвѣтъ землистыми примѣсями.

Послѣ того, какъ мы вторично выбрались изъ плавучаго льда, барометръ началъ быстро падать. Восточно-сѣверо-восточный вѣтеръ усилился до настоящей бури и достигъ въ воскресенье къ полудню 10 балловъ по шкалѣ Бофора. Какой невѣроятный контрастъ наступилъ сразу по сравненію съ днемъ наканунѣ! Среди рева снѣжной бури волны съ грохотомъ разбивались о борта судна и неоднократно къ тому же спускался туманъ, препятствуя намъ усилить ходъ. Лишь съ большимъ трудомъ удалось намъ раннимъ утромъ дополнить серію нашихъ температурныхъ изслѣдованій температурою, взятою при помощи лотовой машины ле-Блана съ глубины 3.000 метровъ.

При такихъ обстоятельствахъ о дальнѣйшемъ движеніи на югъ или на востокъ нечего было и думать, и мы взяли курсъ на Кергуэльскіе острова. Если до сихъ поръ, въ теченіе трехъ недѣль нашего пу-

*

тешествія вдоль границы плавучихъ льдовъ, погода намъ удивительно благопріятствовала, то теперь зато, въ этой послѣдней части нашего пути по холоднымъ областямъ, мы перенесли цѣлый рядъ тяжкихъ бурь, которыя препятствовали намъ производить какія бы то ни было работы. 5 дней подрядъ, съ 18-го по 22-ое декабря, продолжались бурные и сопровождавшіеся густыми туманами восточные вѣтры, которые достигли 20-го—22-го декабря 10 балловъ по шкалѣ Бофора. Перемѣна вѣтра произошла лишь на 56° шир.: 22-го декабря вѣтеръ повернулъ на сѣверный, а въ послѣдующіе дни на сѣверо-западный и западный, не уменьшаясь, впрочемъ, по своей силѣ. Вступленіе наше въ область западныхъ вѣтровъ было отмѣчено 22-го декабря энергичными колебаніями атмосфернаго давленія: въ теченіе 12 часовъ барографъ указалъ паденіе давленія на 21 мм. и достигъ наиболѣе низкаго давленія въ 725 мм., какое только было отмѣчено нами въ теченіе всего пути. Уже подъ 61° шир. мы замѣтили появленіе сильной волны съ сѣверо-запада и запада, затѣмъ волненіе постепенно приняло, подъ вліяніемъ вѣтровъ, восточное и сѣверо восточное направленіе и разыгралось въ полной силѣ. Неоднократно приходилось намъ мѣнять курсъ и держаться противъ волны полнымъ ходомъ. При такихъ обстоятельствахъ съ мостика открывается поразительное зрѣлище: буря воетъ и реветъ между мачтами и снастями, мокрый, тающій снѣгъ несется прямо въ лицо, и волны вздымаются такой вышины, какъ намъ ни разу не приходилось видѣть за весь путь. Пароходъ нашъ съ трудомъ взбирается на гребень волны, поднявшись — стремглавъ летитъ во впадину между волнами, чтобы затѣмъ, зарываясь бугшпритомъ въ пѣнящихся волнахъ, снова начать подъемъ. Волны хватали даже до рулевой рубки и при сильнѣйшихъ размахахъ нашего судна мы едва могли поддерживать сообщеніе по палубѣ. Тѣмъ не менѣе, пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что вѣтеръ затихалъ около полуночи и начиналъ разыгрываться лишь утромъ, намъ удалось произвести до Кергуэльскихъ острововъ серію изъ 6 промѣровъ. Два раза пришлось прерывать промѣры вслѣдствіе слишкомъ сильно поднимавшейся бури, но и въ этомъ случаѣ лотовая машина Сигсби дѣйствовала превосходно, такъ какъ указывала прикосновеніе лота къ грунту дна съ такою же точностью, какъ при нормальныхъ условіяхъ. Промѣры наши показываютъ, что дно между землею Эндерби и Кергуэльскими островами сильно складчато. На югъ отъ острововъ Макдональда и острова Хердъ (Heard) мы нашли глубину въ 2.388 метровъ и думали, что достигли той ступени, которая можетъ быть прослѣжена далѣе за этими островами въ юго-восточномъ направленіи. Однако, промѣры слѣдующихъ дней показали, что плоское плато, соединяющее Кергуэльскіе острова съ островомъ Хердъ, очень круто спускается къ западу—два промѣра, произведенные 24-го декабря, дали глубину въ 3.923 метра и вблизи самаго хребта—2.043 метра.

На этомъ пути бросалось въ глаза замѣчательно раннее исчезновеніе ледяныхъ горъ; послѣднія ледяныя горы были нами встрѣчены 19-го декабря, между ними находилась гигантская гора въ 455 метровъ длины подъ 61° 22′ юж. шир. Одновременно температура поверхности воды начала быстро подниматься; тогда какъ 16-го декабря она достигала лишь—1,8° (посреди плавучаго льда—0,8°), 20-го декабря температура поверхности была=0° и поднялась затѣмъ 24-го декабря до+3°.

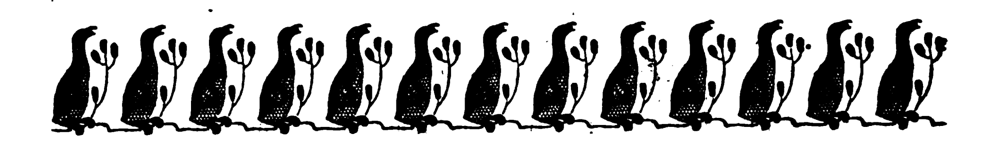
Сочельникъ мы провели въ радостномъ ожиданіи того подарка, который

должно было намъ принести Рождество въ видѣ Кергуэльскихъ островъ. Буря въ теченіе 7 дней мѣшала намъ работать. Люки были задраены, и въ лабораторіяхъ было полное запустѣніе: баночки и бутылочки были закрѣплены тамъ треугольными деревяшками, микроскопы, лупы и всѣ мелкія принадлежности, въ которыхъ нуждается изслѣдователь, были привинчены и завернуты въ вату и тряпки. Тѣмъ не менѣе, отъ времени до времени, при хорошемъ размахѣ парохода, то то, то другое срывалось съ мѣста и отправлялось путешествовать по лабораторіи, производя полнѣйшій хаосъ въ остальныхъ вещахъ.

Мы имѣли достаточно свободнаго времени, чтобы приготовиться къ встрѣчѣ Рождества. На наше піанино пришлось натянуть новыя струны изъ лотовой проволоки; ёлка, сдѣланная изъ зеленой бумаги и палочекъ была крѣпко привяза въ нашей каютъ-компаніи, тогда какъ команда устроила такую же точно елку у себя и убрала ее сладостями и колбасами. Пришлось, однако, отказаться отъ первоначальнаго намѣренія разложить подарки членамъ каютъ-компаніи подъ елкой,—и тому еще приходилось радоваться, если удавалось благополучно вытащить ихъ изъ кармана. Неоднократно подарки эти вылетали изъ кармановъ на полъ къ великому удовольствію нашего такса,—такая же плачевная судьба постигла и блины, которые умудрился изготовить нашъ поваръ, даже и при столь затруднительныхъ обстоятельствахъ. Тѣмъ съ большимъ одушевленіемъ пили мы, однако, нашъ «ледоколъ» за здоровье родныхъ и знакомыхъ, отъ которыхъ были удалены болѣе чѣмъ на 100° широты!

Еще менѣе успѣха имѣлъ нашъ фотографъ, попытавшійся было увѣковѣчить этотъ знаменитый рождественскій вечеръ снимкомъ при вспышкѣ магнія: онъ отлетѣлъ вмѣстѣ со своимъ аппаратомъ въ другой уголъ, вспышка пропала даромъ и лишь напугала до смерти нашего негра! Недурно было положеніе и начальника экспедиціи, котораго веревками привязали къ піанино, чтобы насладиться его игрою, сопровождаемой цитрой капитана и окариной одного изъ сочленовъ. Инструменты эти, правда, расходились между собой примѣрно на полтона, но, благодаря реву бури, выходило все же недурно! Врядъ ли Кошату грезилось когда-нибудь, что его штирійскіе мотивы долетятъ до слуха антарктическихъ альбатросовъ!

ГЛАВА XI.

Кергуэльскіе острова.—Исторія ихъ открытія.—Берега.—Бухта.—Газели.—Животный міръ.—Растительность.—Пингвины.—Морскіе слоны.

Между 48° и 50° юж. шир. и 68° и 71° вост. долг. располагается группа островов, занимающая поверхность около 180 кв. миль. По имени открывшаго ихъ, группа эта называется Кергуэльскими островами (Kerguelen) и состоитъ изъ одного главнаго, большого острова и около 130 болѣе мелкихъ островковъ.

При имени Кергуэльскихъ островов, въ нашей памяти воскресаютъ разнообразныя и захватывающія воспоминанія: горы, отчасти покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, съ фирновыми полями и свѣшивающимися глетчерами, фіорды, ограниченные часто отвѣсными обрывами и окаймленные базальтовыми скалами, столообразныя террассы, слагающіяся изъ горизонтальныхъ базальтовыхъ слоевъ и придающія вулканическому ландшафту своеобразный отпечатокъ. Изъ многочисленныхъ прѣсноводныхъ водохранилищъ собирается вода, происходящая отъ таянія льда, и низвергается живописными каскадами по крутымъ стѣнамъ фіордовъ; зеленые ковры луговъ, образованные совершенно оригинальной флорой, покрываютъ долины и тянутся нерѣдко на далекое разстояніе по обрывамъ, наконецъ, все это оживляется удивительно богато развитымъ міромъ пернатыхъ, который прекрасно уживается съ населяющими берегъ морскими слонами...

На Кука острова эти произвели такое грустное впечатлѣніе, что онъ назвалъ ихъ островами Отчаянія. Позднѣйшіе посѣтители также представляютъ ихъ непривѣтливою страною вѣчныхъ тумановъ, гдѣ въ фіордахъ постоянно разыгрывается вѣтеръ, сопровождаемый дождемъ или снѣгомъ.

Впечатлѣніе, которое они производятъ на посѣтителей, зависитъ, однако, въ значительной степени отъ свѣжести недавнихъ впечатлѣній, вынесенныхъ изъ посѣщенія болѣе благодатныхъ странъ тропической полосы. Для того, кто недавно покинулъ мысъ Доброй Надежды, гдѣ вѣчно свѣтитъ солнце и роскошно развивается растительность, Кергуэльскіе острова, конечно, покажутся безотрадной страною тумановъ, подъ покровомъ которыхъ не разглядѣть даже тѣхъ дѣйствительно живописныхъ ландшафтовъ, какіе открываются тамъ на горы. Но для того, кто, какъ мы, покинулъ Капштатъ 52 дня тому назадъ и не видалъ за это время ничего, кромѣ антарктическаго моря, волнуемаго страшными бурями, кромѣ безконечныхъ полей плавучаго льда, ледяныхъ горъ и окованнаго льдомъ острова,—для того Кергуэльскіе острова могутъ показаться почти раемъ! Намъ казалось, что острова эти одѣ-

лись въ праздничный нарядъ ради нашего прибытія. Въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые мы провели въ бухтѣ Газели, тамъ господствовала превосходная весенняя погода при температурѣ въ 4°. Вся наша экспедиція разбилась на партіи, которыя разбрелись по всѣмъ направленіямъ, чтобы познакомиться съ окрестностями: насъ не бросала болѣе буря, туманъ не разстилался непроницаемой пеленой передъ глазами и при яркомъ солнечномъ свѣтѣ мы обошли всю сѣверо-восточную сторону острова до бухты Рождества.

Насколько милостива была къ намъ погода во время пребыванія на этихъ островахъ, показываютъ описанія предыдущихъ посѣтителей. Климатъ острововъ передаютъ лучше всего слова Клейница: «Почти постоянно здѣсь дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ, вращающійся между сѣверомъ и западомъ, сопровождаемый снѣжною метелью, градомъ или дождемъ и, обыкновенно, туманомъ; иногда, впрочемъ, такой вѣтеръ бываетъ и при чистомъ небѣ и прохладной погодѣ. Отъ времени до времени буря эта прерывается не менѣе сильнымъ вѣтромъ съ сѣверо-востока, который приноситъ съ собою уже совершенно непроницаемый туманъ и дождь». Силу порывовъ вѣтра очень наглядно описываютъ какъ участники прежнихъ экспедицій, такъ и тюленебои: порывы эти возникаютъ совершенно внезапно и настолько сильны, что суда, даже стоящія въ бухтахъ, срываются съ якорей, лодки переворачиваются, а люди на сушѣ принуждены бываютъ ложиться пластомъ на землю. Съ западной стороны острова разбивается постоянно такой страшный прибой, что и по сейчасъ точныя очертанія острова съ той стороны почти неизвѣстны. Западныя бури связаны здѣсь обыкновенно съ повышеніемъ барометра, тогда какъ внезапныя сильныя пониженія его указываютъ на приближеніе сѣверо-восточной бури. Какъ сильно подвержена область Кергуэльскихъ острововъ бурямъ, ясно уже изъ того обстоятельства, что экспедиція «Чэлленжера», посѣтившая острова эти лѣтомъ, въ теченіе 26 дней отмѣчаетъ 16 разъ бурю, тогда какъ Россъ, который стоялъ у острововъ зимою въ теченіе 68 дней, пережилъ бурю 45 разъ и отмѣчаетъ всего лишь 3 дня, когда не было снѣга и дождя.

Группу этихъ острововъ открылъ 12-го февраля 1772 г. французскій капитанъ Ивъ Жозефъ де-Кергуэленъ-Тремарекъ со своими кораблями «Фортуною» и «Дѣдомъ». На слѣдующій день онъ замѣтилъ маленькіе островки впереди западнаго берега, названные имъ островами Фортуны, и осмотрѣлъ весь западный берегъ отъ мыса Луи до мыса Бурбонъ. Онъ не могъ добраться до главнаго острова, но ему удалось все же высадиться въ одномъ изъ заливовъ, который былъ названъ бухтой Морского Волка. Въ этой бухтѣ, расположенной, вѣроятно, около мыса Бурбонъ, была оставлена бутылка съ документомъ о посѣщеніи. Открытіе его произвело въ свое время большую сенсацію: согласно господствовавшему воззрѣнію, предположили, что найденъ тотъ обширный южный материкъ съ ожидаемыми на немъ чудесами, для отысканія котораго и былъ посланъ капитанъ Кергуэленъ французскимъ правительствомъ. Уже на слѣдующій годъ онъ былъ снова отправленъ туда же для ближайшаго изученія своего открытія. 14-го декабря 1773 г. онъ вторично подошелъ къ островамъ и открылъ вблизи нихъ маленькую группу располагающихся передъ ними островковъ, которые были довольно удачно названы Туманными островами. Вслѣдствіе сильныхъ бурь, однако, ему долго не удавалось высадиться на землю, и лишь 18-го января 1774 г. одинъ изъ его спутниковъ,

де-Розневэ, высадился въ бухтѣ Рождества и отъ имени короля присоединилъ еще разъ новооткрытую Terra australis къ владѣніямъ Франціи. Бутылка съ заключающимся въ ней документомъ этого присоединенія была позднѣе найдена Кукомъ во время его третьяго путешествія.

Что въ дѣйствительности мы имѣемъ здѣсь дѣло съ островами, которые нисколько не связаны съ антарктическимъ материкомъ, было доказано Джэмсомъ Кукомъ, который уже во время своего второго путешествія прошелъ южнѣе Кергуэльскихъ острововъ, но не видалъ ихъ; въ 1776 г. онъ впервые изслѣдовалъ подробнѣе эту группу острововъ, названныхъ имъ островами Отчаянія. Онъ обошелъ ихъ вплоть до южнаго берега и далъ названія отдѣльнымъ бухтамъ и группамъ горъ, которыя и по сіе время сохраняются на картахъ. Второе, болѣе тщательное изслѣдованіе Кергуэльскихъ острововъ было произведено знаменитымъ путешественникомъ по антарктической области Джэмсомъ Россомъ, который сталъ на якорѣ въ бухтѣ Рождества 12-го мая 1840 г. и пробылъ здѣсь не менѣе 68 дней. Молодой врачъ Гукеръ, ставшій впослѣдствіи знаменитымъ ботаникомъ, сопровождалъ его и первый далъ въ своей классической «Flora antarctica» описаніе своеобразной растительности Кергуэльскихъ острововъ. Позднѣе острова эти были посѣщены не менѣе, какъ 5 экспедиціями, не говоря уже о многочисленныхъ китобояхъ, которые, познакомившись съ обиліемъ тюленей здѣсь, стали посѣщать ихъ регулярно. Кромѣ экспедиціи «Чэлленжера», которая въ январѣ 1874 г. крейсировала у Кергуэльскихъ острововъ въ теченіе 26 дней, ихъ посѣтили также два германскихъ корвета, именно «Аркона» и «Газель»—послѣднее судно провело здѣсь съ 26-го октября по 23-е декабря 1874 г. Мы можемъ замѣтить съ удовольствіемъ, что, главнымъ образомъ, тщательная топографическая съемка, произведенная «Газелью» и дала намъ болѣе точныя свѣдѣнія относительно расчлененія восточной стороны острова. Командиръ французскаго экспедиціоннаго судна «Эвра», который въ январѣ 1893 г. возобновилъ прежнія права Франціи на Кергуэльскіе острова, также указываетъ на замѣчательную добросовѣстность произведенныхъ «Газелью» промѣровъ. Мы сами были вполнѣ увѣрены въ надежности германскихъ изслѣдованій и входили въ бухту «Газель» ночью 25-го декабря полнымъ 12-узловымъ ходомъ, руководствуясь промѣрами этого германскаго судна, и не ошиблись въ нашей увѣренности.

Утромъ въ день Рождества, 25-го декабря, Кергуэльскіе острова явились для насъ настоящимъ рождественскимъ подаркомъ. Въ 6 часовъ утра мы замѣтили на горизонтѣ узкую полоску земли съ выдающимися снѣжными вершинами. Это была часть острова, извѣстная по пребыванію тамъ англійской экспедиціи, отправлен-ой для наблюденія прохожденія Венеры и носящая названіе Royal Sound, съ выступающимъ мысомъ принца Уэльскаго. При приближеніи открылся видъ на плоскую низменность крайней восточной части Кергуэльскаго острова, на которой выдѣлялось нѣсколько низкихъ горныхъ пиковъ. Здѣсь замѣчалось уже поразительно богатое развитіе жизни пернатыхъ: тысячи голубыхъ буревѣстниковъ (*Prion*) колыхались на поверхности воды, три вида альбатросовъ окружали наше судно или же виднѣлись на берегу, на своихъ гнѣздахъ, тогда какъ совсѣмъ не пугливые бакланы приближались къ судну, широко распустивъ свои крылья, неуклюже хлопая ими и вытянувъ свои длинныя шеи,—они съ любопыт-

ствомъ глядѣли на насъ и подлетали такъ быстро, что можно было схватить ихъ.

Около полудня мы приблизились къ покрытому снѣгомъ хребту полуострова Обсерваціи. На уровнѣ Доступнаго залива и открывающейся въ нее бухты Бэтси, гдѣ экспедиція «Газели» устроила станцію для наблюденія прохожденія Венеры, мы наслаждались чуднымъ видомъ, развернувшимся передъ нами на вытянутую въ длину гору Мозели, пикъ Чимней-Топъ съ его фантастическимъ базальтовымъ гребнемъ и на примыкающую гору Гукера. Волны стали замѣтно слабѣе, послѣ того, какъ мы завернули за горы, въ то же время длинныя бурыя полосы указывали на мѣста, гдѣ глубина меньше и на днѣ растутъ гигантскія водоросли (*Macrocystis pyrifera*). Благодаря этимъ водорослямъ, веденіе судна и является столь надежнымъ вблизи

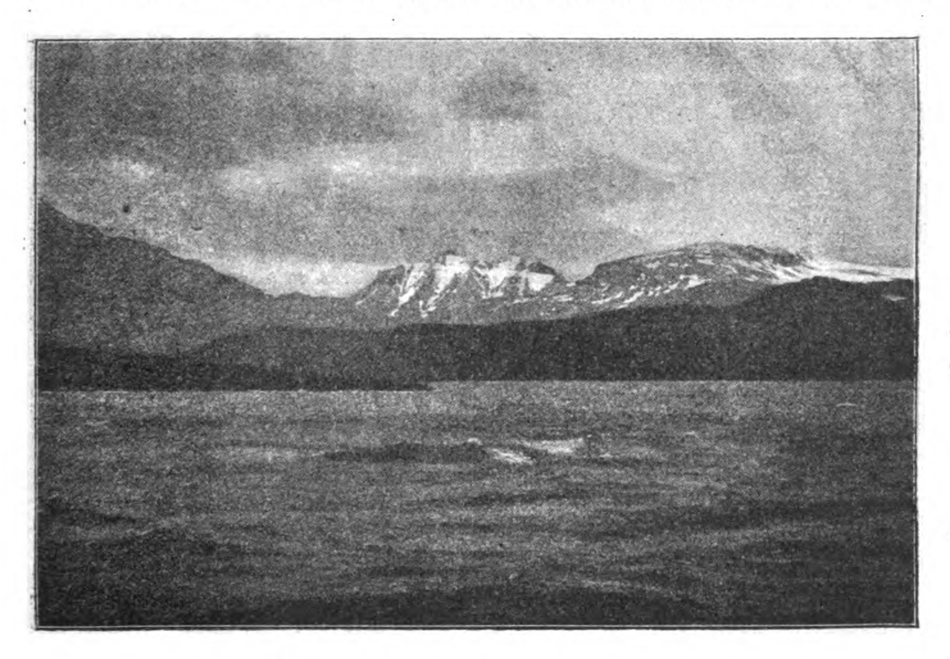

Рис. 42. Гора Крозье на Кергуэльскомъ островѣ.

этихъ бухтъ: если избѣгать тѣхъ мѣстъ, гдѣ замѣтны водоросли, то можно съ полной увѣренностью разсчитывать на вполнѣ безопасный фарватеръ.

Когда мы обошли мысъ Моубрей, передъ нами изъ бухты Елизаветы открылся превосходный видъ на гору Гюттенбергъ и Моунтъ-Лейелль, позади которыхъ возвышался фантастически изрѣзанный гребень горы Крозье (рис. 42) высотою въ 990 метровъ. Глубоко врѣзывающійся заливъ Гилльсбороу отдѣляетъ эти горы отъ массы крупныхъ и мелкихъ островковъ, располагающихся передъ восточнымъ берегомъ. Отъ этого залива отходитъ на юго западъ вѣтвь—заливъ Фоундери, ограниченный мысомъ Альфельда и полуостровомъ Яхманна.

Когда экспедиція «Газели» вошла въ этотъ заливъ, она открыла, къ собственному изумленію, 16 го ноября 1874 г., фіордъ, далеко врѣзывающійся въ островъ и сообщающійся съ заливомъ Фаундери при

помощи пролива не болѣе одного кабельтова шириною. Проливъ этотъ съуживается двумя базальтовыми скалами, которыя, какъ два басті-

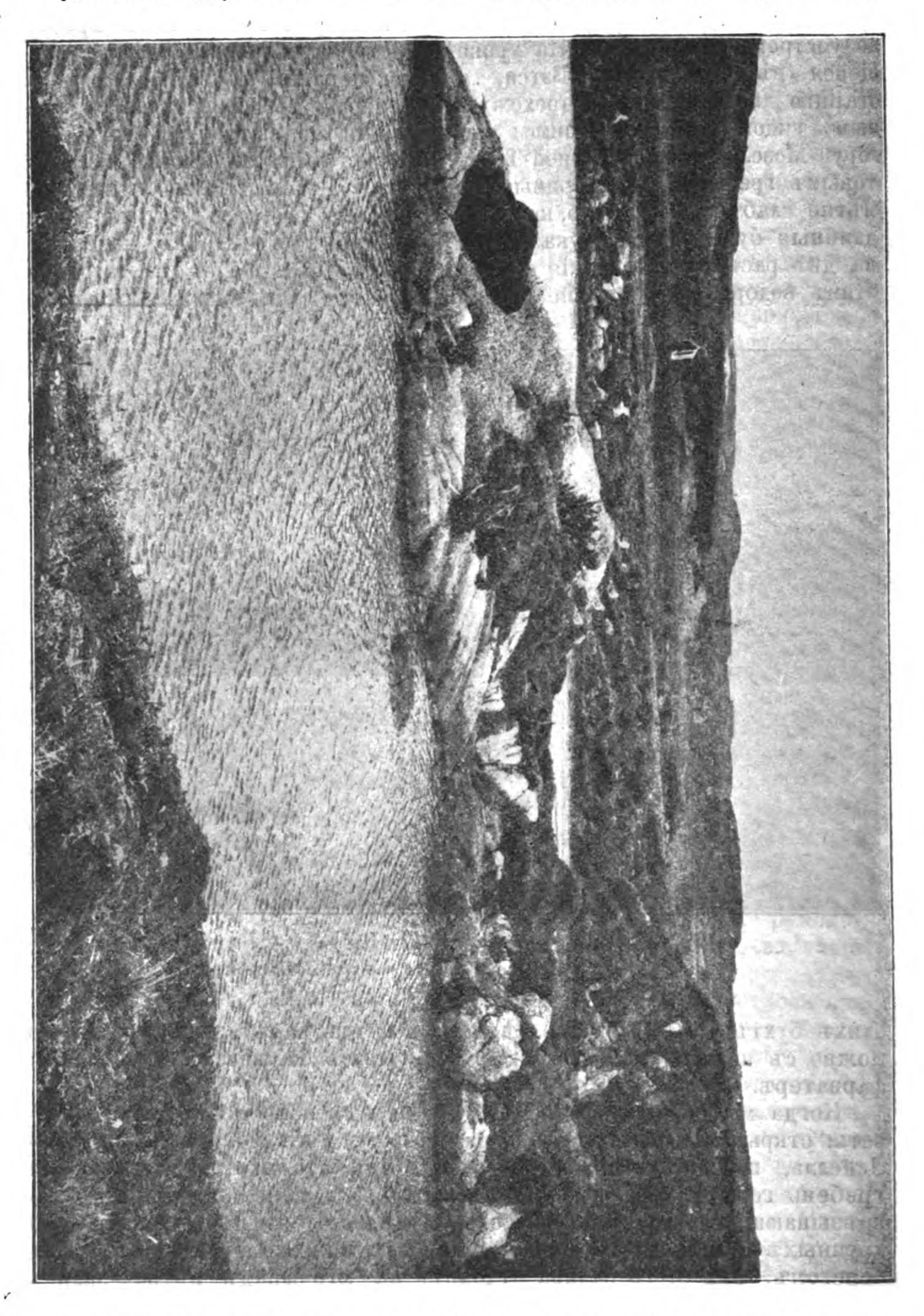

Рис. 43. Гавань Газели.

она, защищаютъ входъ въ него. Передняя часть фіорда получила названіе гавани Газели, задняя была названа гаванью Хорошей Погоды. Котлы наши требовали безотлагательной чистки и мы избрали

въ качествѣ временнаго прибѣжища гавань Газели, руководствуясь не только указаніями экспедиціи «Газели», но и данными, сообщенными командиромъ судна «Эвра». И въ томъ, и въ другомъ источникѣ гавань Газели изображалась, какъ лучшая и наиболѣе защищенная гавань Кергуэльскаго острова, въ которую вѣтеръ никогда не врывается съ такою страшною силою, какъ въ другіе болѣе извѣстные фіорды. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ также засвидѣтельствовать, что въ теченіе тѣхъ трехъ съ половиною дней, которые «Вальдивія» провела въ гавани Газели, стоя на двухъ якоряхъ, намъ казалось, что мы положительно стоимъ у стѣнки пристани въ Гамбургѣ. Намъ было даже какъ-то странно, когда исчезли съ нашихъ обѣденныхъ столовъ квадратныя штормовыя рамы и когда инструменты и реактивы въ нашихъ лабораторіяхъ оказывались стоящими спокойно на столахъ, безъ принятія спеціальныхъ мѣръ предосторожности. Гавань Хорошей Погоды, однако, заслуживаетъ, повидимому, менѣе данное ей названія, — намъ пришлось самолично испытать, что вѣтеръ въ ней задуваетъ при случаѣ очень сильно.

Что касается до природы этихъ обѣихъ гаваней, то экспедиція «Газели» даетъ ей такую характеристику: «Оба эти бассейна окружены непрерывнымъ рядомъ высокихъ горъ и образуютъ наилучшія гавани Кергуэльскихъ островов. Бурный вѣтеръ умѣряется высотою береговъ, и лучи солнца, повидимому, оказываютъ въ этой котловинѣ болѣе сильное дѣйствіе, чѣмъ въ другихъ частяхъ острова, судя по тому, что здѣсь роскошнѣе развивается растительность».

Что касается до гавани Газели, то окружающіе ее хребты ниже, чѣмъ въ гавани Хорошей Погоды, гдѣ они мѣстами совершенно отвѣсно спускаются къ морю. Гавань Хорошей Погоды представляетъ изъ себя пейзажъ болѣе романтическаго характера, тогда какъ гавань Газели зато выглядитъ гораздо симпатичнѣе и, благодаря сильному расчлененію бреговъ, представляетъ изъ себя также довольно красивый ландшафтъ. Окружающіе гавань хребты обнаруживаютъ на южномъ берегу характерную горизонтальную слоистость базальтовыхъ породъ, слои ихъ отдѣлены красноватыми вывѣтрившимися прослойками. Со всѣхъ сторонъ легко забраться на плоское плато, съ котораго открывается поразительный кругозоръ: на западѣ виднѣется покрытый глетчерами основной массивъ, завершающійся пикомъ Моунтъ Ричардса, на востокѣ выдѣляются надъ мысомъ Альфельда вершины горъ Крозье, Чимнейтопа, Моунтъ-Гукера и Моунтъ-Лайелля. На югѣ замѣчается рядъ поднятій въ видѣ плато, которыя представляютъ изъ себя характерную черту рельефа Кергуэльскихъ острововъ; на сѣверѣ, начиная отъ полуострова Яхманна, открывается видъ на цѣлый лабиринтъ островковъ и фіордовъ восточнаго берега.

Всѣ прежніе наблюдатели указываютъ на то, что ранѣе глетчеры спускались гораздо ниже по берегамъ острова. Это указывается экспедиціей «Чэлленжера» по отношенію къ Рояль-Зунду, и экспедиціей «Газель» относительно центральныхъ глетчеровъ, спускающихся съ Моунтъ-Ричардса. Посѣтивъ плато полуострова Яхманна, мы убѣдились также въ томъ, что нѣкогда онъ былъ покрытъ огромнымъ глетчеромъ, слѣды дѣятельности котораго замѣтны на сѣверныхъ склонахъ, обращенныхъ къ гавани Хорошей Погоды, и простираются до области центральнаго глетчера Моунтъ-Ричардса. Обломки базальта, на которыхъ онъ располагался, совершенно округло обточены, боковые

склоны отполированы и покрыты глетчерными царапинами, всюду встрѣчаются валуны, перенесенные глетчеромъ.

Гдѣ только на плато образуется углубленіе, тамъ собирается вода отъ таянія льда, образуетъ лужи и прудики или болѣе или менѣе крупныя прѣсноводныя озера. Наиболѣе значительное озеро Кергуэльскихъ острововъ располагается позади гавани Хорошей Погоды и, пожалуй, по величинѣ еще больше этого бассейна. Не ощущаетя недостатка и въ текущей водѣ. мелкіе горные ручьи бѣгутъ по направленію къ фіордамъ и нерѣдко вливаются въ нихъ, образуя каскады. Очень хорошенькій маленькій водопадъ находится въ западномъ углу гавани Газели, гдѣ на плоскомъ мысу стоитъ флагштокъ съ нарисованнымъ на металлическомъ щитѣ трехцвѣтнымъ флагомъ. Напротивъ него на полуостровѣ Яхманна «Эвра» устроила провіантскій складъ, который по просьбѣ французскаго адмиралтейства былъ освидѣтельствованъ нашимъ океанографомъ и офицерами «Вальдивіи» и оказался совершенно нетронутымъ.

Изъ этого обстоятельства можно заключить, что за послѣднее десятилѣтіе Кергуэльскіе острова не были посѣщаемы китоловами и тюленебоями. Мы нигдѣ не видали шкунъ и не замѣтили также никакихъ остатковъ лагеря, которые бы свидѣтельствовали о посѣщеніи острова какимъ-либо судномъ за послѣдніе годы.

Входъ изъ гавани Газелей въ гавань Хорошей Погоды съужается небольшими островками, о которыхъ у меня осталось особенно пріятное воспоминаніе. Когда я тотчасъ же послѣ нашего прихода посѣтилъ эти островки въ сопровожденіи перваго механика, намъ представился случай наблюдать ту замѣчательную безбоязненность животнаго міра островов по отношенію къ человѣку, которая положительно приближаетъ ихъ къ условіямъ, существовавшимъ въ раю. Граціозныя крачки (*Sterna virgata*) летали вокругъ насъ цѣлыми стаями и довѣрчиво опускались на парусинную крышу нашего парового катера. На черныхъ крышахъ базальта, обточенныхъ волнами, прыгали бѣлыя птицы, похожія по величинѣ на бѣлыхъ куръ,—это были единственныя сухопутныя птицы Кергуэльскихъ островов и вообще антарктической области именно футляроносы (*Chionis minor*). Опереніе ихъ совершенно снѣжнобѣлое; черноватый клювъ снабженъ надъ ноздрями футлярообразнымъ придаткомъ, ноги мясо-краснаго цвѣта и напоминаютъ куриныя. Въ системѣ онѣ занимаютъ совершенно изолированное положеніе и, пожалуй, ближе всего еще могутъ быть поставлены къ нѣкоторымъ голенастымъ. Онѣ съ любопытствомъ клевали наши башмаки и приклады ружей, прыгали вокругъ насъ и сопровождали насъ во время нашей прогулки. Мы сдѣлали лишь нѣсколько шаговъ и остановились какъ вкопанные, инстинктивно схватившись за оружіе. Передъ нами лежало огромное животное—самка морского слона (*Macrorhinus leoninus*), смотрѣвшая на насъ своими чудными каштаново-коричневыми глазами и не трогавшаяся съ мѣста. Лишь когда ее аттаковалъ сопровождавшій насъ таксъ, она широко раскрыла свою пасть, приподняла голову и въ нѣсколько пріемовъ издала глухое и хриплое рычаніе; вскорѣ она, однако, опять успокоилась, опустила голову, закрыла глаза и продолжала спать. Кто не привыкъ къ такой безбоязненности животнаго міра, не знающаго преслѣдователей, тотъ, конечно, лишь съ большой осторожностью будетъ подходить къ животному, имѣющему въ длину около трехъ метровъ,—но затѣмъ, разумѣется, и онъ сдѣлается похрабрѣе и не откажетъ себѣ въ удовольствіи дать нѣсколько шлепковъ

ревущему морскому слону, чтобы принудить его выйти изъ спокойнаго состоянія и покинуть занятое мѣсто. Цѣлый рой замѣчательно красивыхъ доминиканскихъ чаекъ, вырисовывавшихся своимъ черно-бѣлымъ нарядомъ на фонѣ неба, поднялся и сопровождалъ насъ, летя надъ самыми нашими головами и издавая нѣчто вродѣ громкаго хохота. Это было, однако, еще не все. Когда мы опустились на землю, чтобы прослѣдить за поведеніемъ футляроносовъ и успокоившагося снова морского слона, два баклана (*Phalacrocorax verrucosus*) нашли для себя очень интереснымъ побывать въ нашемъ обществѣ и усѣлись на той же дерновинкѣ, на которой и мы сидѣли,—они плутовато вытягивали свои головы на длинныхъ шеяхъ. Что за чудныя птицы эти бакланы Кергуэльскихъ острововъ! Брюхо ихъ бѣло какъ снѣгъ, спина сталь-

Рис. 44. Ревущій морской слонъ.

ного сѣраго цвѣта и клювъ у своего основанія отмѣченъ простирающимся до глаза бородавчатымъ наростомъ. Вскорѣ къ нимъ присоединились и молодыя птицы въ однообразномъ коричневомъ птенцовомъ опереніи. Весь островъ былъ покрытъ раковинками мидій (*Mytilus*) и блюдечекъ (*Patella*), такъ что иногда, положительно, можно бывало подумать, что видишь здѣсь кухонные остатки доисторическихъ временъ, встрѣчаемые на островахъ Даніи,—всѣ эти раковины были притащены сюда, однако, доминиканскими чайками, которыя набросали ихъ около своихъ гнѣздъ. Мы нашли множество ихъ гнѣздъ устроенныхъ безъ всякаго искусства и выстланныхъ травою,—въ нихъ находилось по 4—5 птенцовъ еще въ коричневомъ, пуховомъ нарядѣ. Когда я полѣзъ рукою въ одну изъ ямокъ въ землѣ, оттуда выскочила утка, величиною съ нашу крякву—она сидѣла и высиживала свое единственное яйцо и вскорѣ присоединилась къ другимъ своимъ товаркамъ, которыхъ

мы замѣтили множество. Всѣ посѣтители Кэргуэльскихъ острововъ указываютъ на эту породу утокъ, какъ на отличающуюся замѣчательно вкуснымъ мясомъ.

Не менѣе своеобразной оказалась наземная фауна низшихъ организмовъ. Отгибая листья кергуэльской капусты, мы замѣтили на черешкахъ ихъ насѣкомыхъ, которыя сперва показались намъ чрезвычайно крупными тлями,—при болѣе близкомъ ознакомленіи, однако, выяснилось, что это настоящія мухи (рис. 45). Вполнѣ естественно, что мы не признали ихъ сперва за таковыхъ: у нихъ не хватало наиболѣе важныхъ аттрибутовъ мухъ, именно крыльевъ. Эта безкрылость даннаго вида мухъ (*Calycopt:ryx Moseleyi*) представляетъ изъ себя удивительнѣйшее приспособленіе къ жизни въ области, обвѣваемой столь бурными вѣтрами. Ясно, что мухи, снабженныя крыльями и способныя летать, очень скоро совершенно погибли бы, а мухи этого вида, кромѣ того, избираютъ еще и чрезвычайно хорошо защищенное мѣстожительство, именно держатся на черешкахъ растенія, которое

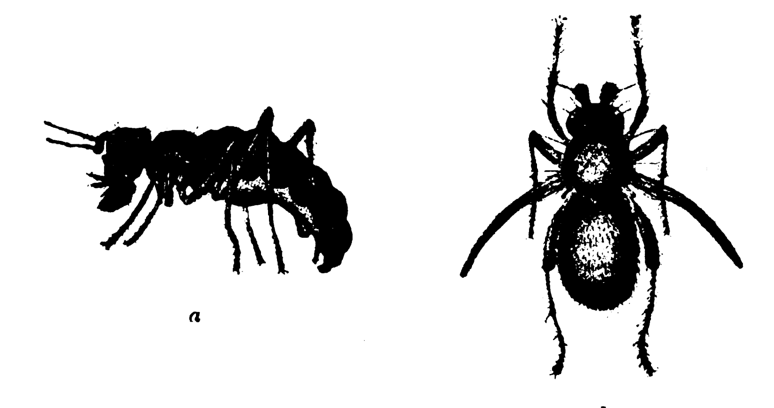

Рис. 45. *a*. Муха *Calycopteryx Moseleyi*.—*b*. Муха *Amalopteryx maritima*. Увелич.

способно оказывать сильное сопротивленіе вѣтру. Должно замѣтить, что на Кергуэльскихъ островахъ извѣстно не менѣе 7 видовъ мухъ, не имѣющихъ крыльевъ; одинъ изъ этихъ видовъ (*Amalopteryx maritima*) обладаетъ удивительно недоразвитыми крыльями,—они имѣютъ видъ косы и, разумѣется, не годятся для полета, зато это животное обладаетъ сильно развитыми бедрами заднихъ ногъ, благодаря чему можетъ дѣлать огромные скачки.

Отсутствіемъ крыльевъ отличаются также и жуки Кергуэльскихъ острововъ, которыхъ не трудно собрать большое количество подъ камнями. У нихъ мягкія кожистыя крылья совершенно недоразвиты, тогда какъ твердыя надкрылья, какъ и почти у всѣхъ другихъ жуковъ, служатъ покровомъ, защищающимъ все тѣло. Удивительнымъ образомъ они преимущественно относятся къ слоникамъ и именно къ роду *Ectemnorhinus* (рис. 46), представители котораго въ другихъ странахъ живутъ подъ корою деревьевъ. Уже это обстоятельство невольно заставляетъ думать, что Кергуэльскіе острова нѣкогда обладали древесною растительностью, и дѣйствительно уже Россъ указалъ на то, что въ бухтѣ Рождества встрѣчаются въ нѣкоторыхъ пластахъ пропитанные кремне-кислотою стволы деревьевъ. Нахожденіе слоевъ каменнаго угля также указываетъ на то, что въ отдаленныя времена здѣсь

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

А. Скибневскій. «Жилища фабрично-заводскихъ рабочихъ».—*В. Левицкій.* «Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія».

А. И. Скибневскій, санитарный врачъ Богородск. у. Жилища фабрично-заводскихъ рабочихъ Богородск. уѣзда Московск. губ. Изданіе Московскаго губ. земства. Москва. 1901 г. Ц. 40 коп., стр. 79. Сборн. стат. свѣд. по Моск. губ. Т. VIII. Вып. I. Задача, поставленная себѣ авторомъ—дать, на основаніи фактическаго матеріала, возможно сжатый очеркъ современнаго положенія и эволюціи за послѣднія 15 лѣтъ жилищныхъ условій фабрично-заводскихъ рабочихъ въ одномъ изъ наиболѣе обширныхъ и промышленныхъ уѣздовъ Московской губерніи—выполнена имъ вполнѣ удачно. Слѣдуетъ замѣтить, что трудъ автора заслуживаетъ тѣмъ бо́льшаго вниманія, что онъ знакомитъ насъ съ совершенно новыми пока проявленіями у насъ жилищнаго вопроса,—съ тѣми формами, которыя принимаетъ онъ внѣ городскихъ центровъ въ сельскихъ фабричныхъ мѣстностяхъ, и въ растущихъ съ такою поразительною быстротою въ промышленныхъ районахъ фабричныхъ поселкахъ; между тѣмъ, всѣ изслѣдованія о жилищахъ рабочихъ, появлявшіяся въ послѣдніе годы, относились почти исключительно къ крупнымъ городамъ—Петербургу, Москвѣ, Варшавѣ. Судя по встрѣчающимся постоянно въ отчетахъ санитарныхъ врачей какъ Петербургской, такъ и Московской губерніи указаніямъ, всѣ существенныя черты въ развитіи жилищныхъ условій фабричныхъ рабочихъ, отмѣчаемыя д-ромъ Скибневскимъ, не составляютъ особенностей Богородскаго уѣзда, а наблюдаются и въ прочихъ районахъ съ сильнымъ промышленнымъ ростомъ. Это обстоятельство придаетъ изслѣдованію д-ра Скибневскаго, помимо спеціально мѣстнаго, и общій интересъ. Послѣднему способствуетъ также прекрасная литературная обработка предмета у автора и его умѣнье разсматривать вызываемыя мѣстными условіями нужды въ рамкахъ общихъ вопросовъ, сообщать имъ болѣе широкій интересъ

Изслѣдованіе д-ра Скибневскаго относится исключительно только къ жилищамъ фабрично-заводскихъ рабочихъ болѣе крупныхъ предпріятій съ числомъ рабочихъ болѣе 50 человѣкъ. Такихъ предпріятій въ Богородскомъ уѣздѣ, за исключеніемъ самого г. Богородска и Павловскаго посада, въ 1899 году было 79 съ общимъ числомъ рабочихъ болѣе 34 тыс. чел., между тѣмъ какъ къ концу извѣстнаго санитарнаго изслѣдованія фабрикъ и заводовъ Московской г. подъ руководствомъ проф. Эрисмана—15 лѣтъ тому назадъ такихъ фабрично-заводскихъ заведеній въ уѣздѣ было 60 съ числомъ рабочихъ около 22 тыс.; такимъ образомъ, за короткій сравнительно періодъ времени число крупныхъ заведеніе возросло на 35%, а число работающихъ на нихъ увеличилось болѣе чѣмъ на 53%. Промышленное развитіе въ уѣздѣ выражается, слѣдовательно, не только въ ростѣ числа крупныхъ предпріятій, но и въ возрастаніи размѣровъ каждаго отдѣльнаго предпріятія. Въ 1883—1884 г. на каждое заведеніе съ числомъ рабочихъ болѣе 50 въ среднемъ приходилось 372 чел. рабочихъ, въ 1899 году среднее число рабочихъ въ каждомъ такомъ заведеніи возросло до 432. Интересно указаніе автора, что многія заведенія бывшія 15 лѣтъ тому назадъ только раздаточными конторами, въ настоящее время обратились въ крупныя фабрики съ механическимъ производствомъ. При этомъ ростъ предпріятій произошелъ, несмотря на значительное сокращеніе числа рабочихъ въ крупныхъ заведеніяхъ ручного бумаго-ткацкаго производства. Наиболѣе характерными измѣненіями въ составѣ рабочихъ крупныхъ предпріятій является ростъ среди нихъ числа рабочихъ изъ мѣстнаго населенія. Въ 1884 году преобладали еще пришлые, иноуѣздные рабочіе, въ 1899 году—число мѣстныхъ

и пришлыхъ рабочихъ уже сравнялось. Наиболѣе рѣзкое возрастаніе числа мѣстныхъ рабочихъ наблюдается въ такихъ производствахъ, которыя издавна служили мѣстными (кустарными) промыслами.

Какія же измѣненія произошли за 15 лѣтъ въ жилищныхъ условіяхъ этой быстро возрастающей рабочей арміи крупныхъ предпріятій? Насколько можно судить изъ санитарнаго описанія фабрикъ и заводовъ Богородскаго уѣзда, произведеннаго въ началѣ 80-хъ годовъ д-ромъ А. В. Погожевымъ, громадное большинство рабочихъ жило тогда при фабрикахъ, пользуясь или спеціально устроенными для этого очень неудовлетворительными спальными помѣщеніями, или, какъ это наблюдалось на всѣхъ фабрикахъ съ ручнымъ производствомъ, тѣми же самими мастерскими, въ которыхъ они проводили за работой цѣлые дни. Здѣсь на станахъ, подъ станами и въ проходахъ между ними ютились не только сами рабочіе, но нерѣдко и ихъ семьи. Въ настоящее время при фабрикахъ въ жилыхъ казармахъ помѣщается уже менѣе половины всѣхъ рабочихъ (48%), затѣмъ 32% живутъ въ своихъ избахъ, какъ мѣстные жители, и около $^1/_5$ всѣхъ рабочихъ размѣщаются на вольныхъ квартирахъ; кромѣ того, на вольныхъ же квартирахъ живутъ и всѣ рабочіе Морозовскихъ фабрикъ въ с. Зуево, а ихъ съ семьями болѣе 4 тыс. чел. Что касается жилищъ рабочихъ на самихъ фабрикахъ, то, благодаря изданію въ концѣ 80-хъ годовъ губернскимъ земствомъ обязательныхъ санитарныхъ постановленій, благодаря введенію и систематической работѣ въ теченіе 90-хъ годовъ земскаго санитарнаго надзора, они во всѣхъ отношеніяхъ стали лучше и удовлетворяютъ теперь въ большинствѣ случаевъ общепринятымъ санитарнымъ нормамъ. Должную роль въ санитарно-фабричномъ прогрессѣ слѣдуетъ отвести, по мнѣнію д-ра Скибневскаго, «также и общему культурному подъему, большему проникновенію въ жизнь санитарныхъ истинъ...» Но съ другой стороны строгое наблюденіе органовъ санитарнаго надзора, чтобы мастерскія не служили мѣстомъ для жилья и чтобы казармы для холостыхъ и семейныхъ рабочихъ соотвѣтствовали санитарному требованію на ряду съ упорядоченіемъ жилищъ для рабочихъ на фабрикахъ, имѣло и другой результатъ: оно усилило стремленіе фабрикантовъ совсѣмъ не строить казармъ для рабочихъ при фабрикахъ, а предоставлять имъ селиться гдѣ кто хочетъ на вольныхъ квартирахъ. Но если для владѣльцевъ фабрикъ отсутствіе при ихъ заведеніяхъ спальныхъ и вообще жилыхъ помѣщеній, для рабочихъ даетъ извѣстный выигрышъ, то, по увѣренію автора, для пришлыхъ рабочихъ разселеніе по вольнымъ квартирамъ при существующихъ въ данное время условіяхъ представляется, во всякомъ случаѣ, проигрышемъ, потому что имъ, при совершенно одинаковомъ заработкѣ со своими товарищами, живущими въ фабричныхъ казармахъ или въ собственныхъ избахъ, приходится непосильно много тратить на наемъ квартиры и при этомъ очень часто помѣщаться въ «невозможно нечеловѣческихъ условіяхъ, ибо всѣ столь извѣстные дефекты городской квартирной нужды—антисанитарныя жилища, переполненіе ихъ, квартирное ростовщичество повторяются теперь и въ крупныхъ фабричныхъ поселкахъ, только, пожалуй, еще въ худшемъ своемъ проявленіи». Авторъ раздѣляетъ «вольныя квартиры» по ихъ характеру на двѣ главныхъ категоріи: на 1) спеціальные сдаточные дома, занимаемые исключительно и цѣликомъ рабочими, какъ одиночками, такъ и семейными, и 2) обычныя жилыя крестьянскія избы, гдѣ или въ отдѣльномъ помѣщеніи, или непосредственно вмѣстѣ съ семьей домохозяина поселяется одинъ или нѣсколько рабочихъ-одиночекъ или даже и съ семьями. Только крайняя непритязательность большинства нанимателей, какъ вслѣдствіе недостатка средствъ, такъ и вслѣдствіе неразвитости потребностей, позволяетъ имъ мириться съ невозможною антигигіеническою обстановкою сдаточныхъ квартиръ, всегда переполненныхъ жильцами до того, что на человѣка приходится въ нихъ всего $^1/_5$—$^1/_3$ куб. саж. объема воздуха (!),

(вмѣсто допустимой, какъ предѣльный minimum, обязательными санитарными постановленіями 1—1½ куб. саж.), всегда до послѣдней степени загрязненныхъ, часто холодныхъ, сырыхъ, съ дымящимися печами и съ отсутствіемъ какихъ бы то ни было удобствъ. Особенно поражала автора при его осмотрахъ сдаточныхъ квартиръ ихъ «полнѣйшая неуютность, жалкая бѣдность и заброшенность жилья; вся обстановка въ каморкахъ отъ мебели до утвари крайне мизерна; вмѣсто кровати, служатъ доски, положенныя на козлы, вмѣсто постели—какое-то тряпье; посуда ограничена самыми минимальными. Такъ и видно, *что люди собрались здѣсь случайно, на короткій промежутокъ времени!*» Авторъ отдаетъ во всѣхъ отношеніяхъ предпочтеніе жилищамъ для рабочихъ, устраиваемымъ при фабрикахъ самимъ владѣльцамъ ихъ. И дѣйствительно, по удобству надзора за ними, по большей возможности добиться ихъ упорядоченія путемъ настойчиваго предъявленія извѣстныхъ санитарныхъ требованій, фабричныя казармы и вообще помѣщенія для рабочихъ при самихъ фабрикахъ съ точки зрѣнія спеціально санитарныхъ, такъ сказать, интересовъ представляютъ много преимуществъ. А такъ какъ разселеніе рабочихъ по вольнымъ квартирамъ ухудшаетъ также санитарное состояніе жилищъ мѣстнаго населенія и можетъ служить источникомъ «возможнаго заноса въ среду коренного населенія различныхъ заразъ», то авторъ выступаетъ горячимъ защитникомъ введенія обязательности для фабрикантовъ обезпечивать хорошими жилищами при фабрикѣ за плату всѣхъ пришлыхъ своихъ рабочихъ, не могущихъ по дальности разстоянія отъ фабрики жить у себя дома, подобно тому, какъ теперь фабриканты обязаны обезпечивать рабочихъ медицинской помощью. Изданіе въ возможно скорѣйшемъ времени обязательнаго постановленія объ обезпеченіи фабрикантами пришлыхъ рабочихъ за умѣренную плату жилищами тѣмъ болѣе необходимо, по мнѣнію автора, что «ждать частныхъ предпринимателей или строительныхъ обществъ, которые, слѣдуя западно-европейскому образцу, взяли бы на себя постройку въ фабричныхъ селахъ и деревняхъ благоустроенныхъ домовъ для рабочихъ, или разсчитывать на привлеченіе къ этому дѣлу земскихъ учрежденій, значитъ явно ухудшать положеніе рабочихъ, ибо въ дальнѣйшемъ жилищная нужда въ селеніяхъ будетъ неослабно разрастаться и усложняться въ виду все болѣе усиливающагося стремленія фабрикантовъ, особенно новѣйшей формаціи, предоставлять рабочимъ, слѣдуя якобы (?) западно-европейскому образцу, селиться, гдѣ угодно, и жить, какъ угодно на полномъ просторѣ» (стр. 30, 63).

Рѣшеніе постановленнаго д-ромъ Скабичевскимъ вопроса объ улучшеніи жилищныхъ условій фабричныхъ рабочихъ въ сельскихъ фабричныхъ районахъ, конечно, какъ и въ городахъ, немыслимо безъ поднятія культурности рабочихъ, ихъ жизненныхъ запросовъ и заработка. Огромнымъ тормазомъ къ улучшенію жилищныхъ условій служитъ также для нашихъ фабричныхъ рабочихъ ихъ пресловутая связь съ землею. Пока на жизнь свою въ фабричномъ поселкѣ или городѣ они смотрятъ, какъ на нѣчто преходящее, какъ на средство поддерживать свое хозяйство въ деревнѣ, пока, какъ это было обнаружено, напримѣръ, попутно при переписи въ нѣкоторыхъ фабричныхъ районахъ Петербурга,—они, живя безпрерывно цѣлые десятки лѣтъ на фабрикѣ, всѣ свои надежды на лучшее будущее пріурочиваютъ къ деревнѣ, отсылаютъ туда значительную часть своего заработка *),—до тѣхъ поръ лелѣемая ими мечта о желанномъ возвращеніи въ деревню заслоняетъ собою всѣ невзгоды и неудобства—временнаго въ ихъ представленіи, но фактически уже давно ставшаго постояннымъ,—ихъ существованія на фабрикѣ или въ городѣ, до тѣхъ поръ они, какъ аскеты,

---

*) Объ этомъ см. между прочимъ № 1, «М. Б.» за текущій годъ въ отдѣлѣ «На родинѣ» стр. 18—20.

*

жившіе лишь мечтою о будущей жизни, равнодушны ко всѣмъ улучшеніямъ своей реальной жизненной обстановки и готовы мириться съ самыми нечеловѣческими, антисанитарными и аскетическими условіями существованія. Но подъ грубыми и жестокими ударами дѣйствительности въ наше время разлетаются даже самыя дорогія иллюзіи, и для потерявшихъ реальную опору въ деревнѣ ея выходцевъ, населяющихъ наши промышленные центры,—для однихъ раньше, для другихъ позже—наступаетъ также моментъ, когда ихъ идеалъ будущей жизни въ деревнѣ меркнетъ, а въ мѣстѣ съ тѣмъ естественное стремленіе къ улучшенію своей доли пріурочивается уже не къ проблематическому будущему, а къ реальнымъ условіямъ ихъ фактической жизненной обстановки.

Въ заключеніе отмѣтимъ мимоходомъ неправильное употребленіе у автора слово «доходъ» для обозначенія заработка рабочаго (стр. 25); вѣроятно, впрочемъ авторъ имѣлъ въ виду употребить въ этомъ мѣстѣ слово «приходъ» въ параллель съ расходами рабочаго. Врачъ *Зах. Френкель.*

В. А. Левицкій, санит. врачъ Подольскаго у. Къ вопросу о физическомъ состояніи населенія Подольскаго уѣзда. По даннымъ подольскаго уѣзднаго воинскаго присутствія. Изданіе моск. губ. зем., Москва. 1901. Ц. 50 к. Стр. IV + 120. Мы прочитали работу д-ра В. А. Левицкаго отъ начала до конца съ неослабнымъ интересомъ и удовольствіемъ. Такими работами московская земская санитарная организація можетъ по праву гордиться. Въ тонкомъ статистическомъ анализѣ автора, въ его умѣньи заставить цифры давать отвѣты на предъявляемые къ нимъ вопросы, въ той осмотрительности и осторожности, съ которою его научная совѣсть побуждаетъ его взвѣшивать относительную цѣнность отдѣльныхъ статистическихъ выводовъ, — во всемъ этомъ нельзя не видѣть слѣдовъ хорошей санитарно-статистической школы, той школы проф. Эрисмана, которая дала намъ и продолжаетъ давать не только крупнѣйшія и лучшія работы по санитарной и медицинской статистикѣ, но и цѣлый рядъ выдающихся работниковъ въ этой области.

Для рѣшенія практически важнаго съ точки зрѣнія непосредственной санитарной дѣятельности вопроса, какія части уѣзда слѣдуетъ считать наиболѣе неблагополучными по физическому состоянію населенія, наиболѣе нуждающимися во внимательномъ изученіи и наблюденіи въ санитарномъ отношеніи, авторъ обратился къ разработкѣ очень мало использованнаго у насъ матеріала воинскихъ присутствій по призыву и изслѣдованію новобранцевъ. Собственно говоря, такой детальной, строго научной и плодотворной обработкѣ данныя воинскихъ присутствій подвергаются едва ли не впервые. Въ умѣлыхъ рукахъ автора эти данныя оказались неоцѣнимымъ матеріаломъ, при отсутствіи у насъ другихъ точныхъ санитарно-демографическихъ данныхъ за прежнія десятилѣтія, для освѣщенія цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи вопросовъ санитарной статистики.

Работа автора охватываетъ матеріалы воинскихъ присутствій по Подольскому уѣзду за 16 лѣтъ (1884—1899 годъ), что соотвѣтствуетъ годамъ рожденія призывныхъ, 1863—1878 г., но для выясненія очень многихъ вопросовъ авторъ сплошь и рядомъ пользовался также и матеріалами за всѣ предыдущіе годы существованія всеобщей воинской повинности (1874—1883 гг.). На основаніи этихъ матеріаловъ, авторъ прежде всего установилъ коэффиціенты выживанія до призывного возраста по годамъ и по отдѣльнымъ волостямъ и районамъ уѣзда. Интересно, что въ то время, какъ въ культурныхъ государствахъ запада изъ 100 родившихся мальчиковъ доживаютъ до призывного возраста 55 (Германія), до 65 (Бельгія, Франція) и даже до 72, въ Московской губерніи это число по отдѣльнымъ уѣздамъ колебалось въ 1885 г. между 41 и 24; при этомъ для многихъ покажется поразительнымъ тотъ фактъ, что наиболѣе благопріятный коэффиціентъ выживанія—41,3 изъ каждыхъ 100 родив-

шихся даетъ Богородскій уѣздъ, съ наиболѣе интенсивнымъ развитіемъ фабрично-заводской промышленности, а наименьшій % выживанія—24 на 100—мы имѣемъ въ уѣздѣ съ наименьшимъ развитіемъ фабрично-заводской дѣятельности—Рузскомъ (въ первомъ уѣздѣ фабрично-заводскіе рабочіе составляли въ срединѣ 80-хъ годовъ 1/4 всего населенія уѣзда, во второмъ—только 1,7%, т.-е. 1/60 часть его). Въ Подольскомъ уѣздѣ коэффиціентъ выживанія съ каждымъ годомъ становится все болѣе благопріятнымъ: въ призывные годы, 1874—1878, онъ не превышалъ въ среднемъ 35½%, а въ послѣднее изслѣдованное авторомъ пятилѣтіе, 1894—1898 г., онъ поднялся уже до 50. Столь же благопріятно было и движеніе дѣтской смертности въ послѣднія дѣсятилѣтія въ уѣздѣ: въ 1868—1872 гг. изъ каждыхъ 100 родившихся на первомъ году жизни умирало ежегодно 38, въ слѣдующія пятилѣтія эта цифра была 34,8 (1881—1885), 31,2 (1886—1890) и, наконецъ, въ 1896—1899 году—28,1. Знаменателенъ фактъ, что опредѣленную устойчивую тенденцію къ пониженію дѣтская смертность начинаетъ обнаруживать только съ 1862 года, т.-е. съ того времени, когда, по выраженію автора, съ населенія были сняты оковы рабства и оно выступило на широкій путь культурнаго прогресса.

Не можемъ не отмѣтить еще одного момента въ изслѣдованіи д-ра Левицкаго—установленнаго имъ полнаго совпаденія районовъ усиленной дѣтской смертности какъ въ предѣлахъ одного Подольскаго уѣзда, такъ и во всей Московской губерніи съ районами малорослости и вообще физической недоразвитости и болѣзненности. Такимъ образомъ, тѣ, кто захотѣлъ бы успокаивать себя по поводу нашей огромной дѣтской смертности софизмомъ въ родѣ того, что «при нашей колоссальной рождаемости особенно, въ районахъ высокой дѣтской смертности, опустошенные послѣднею ряды населенія быстро и съ избыткомъ пополняются новыми элементами, и въ результатѣ еще получается улучшеніе качества населенія, благодаря энергичному дѣйствію естественнаго отбора», должны будутъ горько разочароваться: чѣмъ выше дѣтская смертность, тѣмъ ниже % выживанія до зрѣлаго возраста и тѣмъ хуже въ качественномъ отношеніи выжившіе; очевидно—тѣ же причины, которыя обусловливаютъ собою усиленную дѣтскую смертность (некультурность, дурное питаніе, антисанитарная обстановка и пр.), вызываютъ также и усиленную заболѣваемость, и физическую отсталость, и недоразвитость среди остающихся въ живыхъ. Не говоримъ уже о томъ, что «ранняя смерть дѣтей причиняетъ странѣ непоправимый ущербъ, такъ какъ черезъ быстрое вымираніе дѣтей и черезъ быструю смѣну поколѣній безвозвратно теряется весь запасъ труда, заботъ и матеріальныхъ средствъ, который общество приложило къ своимъ слишкомъ рано погибшимъ членамъ» (Эрисманъ).

Но, кромѣ матеріала для освѣщенія цѣлаго ряда въ высшей степени важныхъ и интересныхъ теоретическихъ вопросовъ, изслѣдованіе автора дало также и прямой отвѣтъ на тотъ практическій вопросъ, въ цѣляхъ выясненія котораго оно было предпринято. Благодаря совпаденію такихъ признаковъ, какъ наивысшая въ уѣздѣ дѣтская смертность, наименьшая выживаемость до призывного возраста, наибольшая заболѣваемость рахитомъ, малорослость и наиболѣе неблагопріятное отношеніе обхвата груди къ полуросту, автору съ несомнѣнностью удалось опредѣлить наиболѣе неблагополучные районы въ уѣздѣ.

Таковыми оказались въ особенности двѣ волости—одна съ *чисто земледѣльческимъ* населеніемъ (*наиболѣе* малорослымъ во всемъ уѣздѣ), а другая съ сильнымъ распространеніемъ кустарнаго шляпнаго промысла. Послѣдняя волость, и спеціально шляпный промыселъ въ ней, вслѣдъ за окончаніемъ работы д-ра Левицкаго была подвергнута обстоятельному изслѣдованію на мѣстѣ; и это изслѣдованіе обнаружило у шляпниковъ картину сплошного хроническаго отравленія ртутью, а ознакомленіе съ техникой производства открыло и источ-

никъ его. Упоминаемъ объ этомъ только для иллюстраціи непосредственнаго практическаго значенія санитарно-статистическихъ и демографическихъ изслѣдованій.

Было бы чрезвычайно поучительно провѣрить многіе болѣе общіе выводы, полученные д-ромъ Левицкимъ на матеріалѣ по одному уѣзду, въ примѣненіи ко всей обширной территоріи нашего отечества на основаніи «Свѣдѣній (по губерніямъ) о результатахъ врачебнаго осмотра лицъ, подлежащихъ призыву къ отбыванію воинской повинности», публикуемыхъ въ ежегодныхъ отчетахъ медицинскаго департамента*). При этомъ для сужденія о сравнительномъ санитарномъ состояніи отдѣльныхъ районовъ не слѣдовало бы забывать огромнаго значенія отхода, такъ какъ призываемые въ данной мѣстности должны провести значительную часть своей жизни не въ этой мѣстности, а въ какомъ-либо отдаленномъ промышленномъ районѣ или городѣ и на ихъ физическомъ состояніи могли отразиться вліянія санитарнаго положенія не ихъ родины, а мѣста ихъ промысловой дѣятельности.

Врачъ Зах. Френкель.

ПУБЛИЦИСТИКА.

Н. Софистъ. «Проектъ мѣръ»—*Ш. Стетсонъ.* «Женщины и экономическое отношеніе».—*Г. Шрейдеръ.* «Наше городское общественное управленіе».

Н. Софистъ. Проектъ мѣръ для болѣе точнаго опредѣленія степени убѣжденности современныхъ писателей. Спб. 1902 г. Ц. 50 к. Авторъ этого любопытнаго проекта исходитъ изъ того неоспоримаго положенія, что въ наши дни, когда развилось такъ много «учителей жизни», изъ коихъ каждый выступаетъ съ готовымъ рѣшеніемъ всѣхъ вопросовъ, необходимо болѣе чѣмъ когда-либо имѣть объективный критерій въ ихъ убѣжденности. Но какъ найти такой критерій? Автору помогъ Кантъ, у котораго онъ нашелъ слѣдующее замѣчательное мѣсто: «Пробнымъ камнемъ того, есть ли нѣчто увѣренность или, по крайней мѣрѣ, субъективное убѣжденіе, т.-е. твердая вѣра въ то, что кто-либо утверждаетъ,—это пари (закладъ). Часто кто-нибудь высказываетъ свои убѣжденія съ такимъ увѣреннымъ и непоколебимымъ упорствомъ, что, повидимому, совершенно и не думаетъ о возможности ошибки. Пари дѣлаетъ его осторожнѣе. Иногда оказывается, что онъ имѣетъ довольно убѣжденія на одинъ дукатъ, но мало для десяти. Онъ охотно рискуетъ на одинъ, но для десяти онъ въ первый разъ сознаетъ то, чего не сознавалъ прежде, а именно, что онъ, можетъ быть, и ошибается». Эти слова Канта натолкнули автора на мысль —поставить вопросъ объ убѣжденіяхъ на практическую почву, и въ результатѣ явился слѣдующій проектъ, сущность котораго заключается въ его первой статьѣ: «Каждый фельетонистъ, публицистъ, писатель и учитель жизни, который въ своихъ произведеніяхъ пожелаетъ отмѣтить степень своей убѣжденности въ томъ или другомъ сужденіи, обязанъ въ скобкахъ указать, сколько рублей или копѣекъ онъ ставитъ на конъ, какъ пари или закладъ, противъ каждаго изъ своихъ возможныхъ противниковъ. Тогда форма фразы будетъ примѣрно такою. «Я безусловно убѣжденъ (5 р. 40 к.), что народы дикіе любятъ свободу, а народы образованные любятъ порядокъ». Или «ясно какъ день (11 коп.), что народы дикіе не любятъ свободы, а народы образованные не любятъ порядка». Это заявленіе, по проекту, каждый можетъ оспаривать предъ особымъ

---

*) Послѣдній вышедшій отчетъ медицин. деп. даетъ цифры за 1893, 1894 и 1895 годы.

третейскимъ судомъ, которому присвояется наименованіе «Постоянный по дѣламъ объ убѣжденности третейскій судъ», и этотъ судъ рѣшаетъ вопросъ о степени рѣшительности утвержденій автора и его убѣжденности.

Далѣе авторъ указываетъ, какая благодѣтельная перемѣна наступитъ въ литературѣ, гдѣ до сихъ поръ идутъ безконечные споры по каждому вопросу объ убѣжденіяхъ и взглядахъ того или иного писателя. Въ случаѣ принятія проекта дѣло упростится до крайности: простымъ ариѳметическимъ подсчетомъ будетъ устанавливаться убѣжденность и правильность взглядовъ любого автора, такъ что для составителей исторія литературы и некрологовъ нужно будетъ только подводить итоги, сколько тотъ или иной ставилъ за и противъ того или иного взгляда, и отсюда уже выводитъ заключеніе о принадлежности его къ тому или иному лагерю и его искренности.

Эта очень злая, по существу, шутка надъ современными спорами и спорщиками, написанная весьма остроумно, имѣетъ, по нашему мнѣнію, одинъ существенный недостатокъ. Кантъ, говоря о степени убѣжденности, доказуемой размѣромъ пари, былъ увѣренъ, конечно, въ необходимости и возможности правильной, не стѣсняемой свободы защиты своихъ взглядовъ, при которой пари только и можетъ осуществляться. Если же допустить, что на одной сторонѣ есть возможность открыто исповѣдывать свои взгляды и приводить доказательства, а на другой—рядъ ограниченій, то даже самое маленькое пари на этой другой сторонѣ будетъ имѣть большую силу доказательности, чѣмъ огромныя суммы на первой. Третейскій судъ былъ бы поставленъ въ большое затрудненіе въ такихъ случаяхъ, когда одна сторона защищала бы свои убѣжденія цѣлымъ арсеналомъ доводовъ, ничѣмъ не стѣсняемая, а другая только скромно указывала бы на затруднительность своего положенія въ виду такихъ-то и такихъ ограниченій, лежащихъ внѣ сферы компетенціи суда. Поэтому, намъ кажется лучшимъ мѣриломъ убѣжденности старый, общепризнанный методъ, когда человѣкъ отстаиваетъ свои убѣжденія не потому, что ему пришлось бы уплатить протори и убытки, и не потому, что ему уже уплочено столько-то, а по совѣсти, хотя бы и въ явный ущербъ своимъ матеріальнымъ интересамъ. И самъ г. Скептикъ знаетъ, конечно, современные примѣры такой убѣжденности, которая не внушаетъ никакихъ сомнѣній въ своей искренности. Что касается исторіи литературы, то и здѣсь, при условіи свободнаго изслѣдованія, вопросы объ убѣжденности тоже рѣшаются болѣе или менѣе удовлетворительно, какъ показываетъ приводимый имъ примѣръ—столкновеніе Гоголя съ Бѣлинскимъ по поводу «Переписки съ друзьями». Исторія вполнѣ выяснила теперь, что оба противника были вполнѣ искренни въ своихъ взглядахъ. Все сводится, такимъ образомъ, къ свободѣ мнѣній, при которой всякая неискренность очень скоро можетъ быть выведена на свѣтъ Божій и доказана безъ денежныхъ закладовъ.

А. Б.

Шарлотта Стетсонъ. Женщины и экономическое отношеніе. Изслѣдованіе экономическихъ отношеній между мужчинами и женщинами, какъ фактора въ соціальной эволюціи. Переводъ съ англійскаго А. Каменскаго. Цѣна 1 руб. Спб. 1902 (стр. 367). «Шарлотта Стетсонъ еще сравнительно молодая, красивая женщина. Помимо своего литературнаго дарованія и громадной образованности, она обладаетъ еще другими, болѣе скромными талантами», читаемъ мы въ предисловіи «отъ переводчика»: «Она хорошо рисуетъ; она прекрасная портниха и, кромѣ того, отличная кухарка, а въ случаѣ надобности, можетъ замѣнить и домашнюю прислугу». Съ полною готовностью вѣря въ наличность этихъ, дѣйствительно, гораздо «болѣе скромныхъ» талантовъ у г-жи Стетсонъ, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что литературная профессія не есть самая сильная сторона ея разнообразной дѣятельности, ибо писательница она и не «прекрасная», и не «отличная», и

не можетъ «замѣнить въ случаѣ надобности» одареннаго литератора. А «надобность» въ данномъ случаѣ велика, и какъ велика! Женскій вопросъ въ рукахъ разнохарактерныхъ феминистокъ и феминистовъ слишкомъ часто вырождается въ нѣчто безнадежно-плоское, тусклое, буржуазно-узенькое, несмотря на всю свою крикливость, праздно-болтливое, несмотря на видимую идейность, соціально-ненужное, несмотря на кажущуюся жизненность. Щедринъ былъ убѣжденъ, что еще не разрѣшенъ у насъ (а въ извѣстномъ смыслѣ и нигдѣ) и великій *мужской вопросъ*, а Бебель въ лучшемъ (потому что наиболѣе увлекательно и горячо написанномъ) своемъ трудѣ о женщинѣ далъ превосходную иллюстрацію къ тому, какъ нужно понимать мнѣніе нашего сатирика, и какова связь между разрѣшеніемъ «мужескаго» вопроса и разрѣшеніемъ «женскаго». Да проститъ намъ читатель, что мы потревожили эти имена по такому поводу, какъ г-жа Шарлотта Стетсонъ, но ассоціація весьма проста: мы размышляли о неисповѣдимости судебъ, которыя обогащаютъ русскую книжную сокровищницу переводами книгъ одного рода и упорно обходятъ книги другого рода.

Что сказать о книгѣ г-жи Стетсонъ? Пустѣйшія, никому и ни для чего ненужныя азбучности, преподнесенныя подъ соусомъ какой-то спеціальной бойкости, столь знакомой всякому, хоть разъ побывавшему на феминистскомъ конгрессѣ и слушавшему, кромѣ миссъ Фаусэтъ, и еще двухъ-трехъ лицъ другихъ ораторовъ, замашки суетливаго піонерства тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о такихъ новыхъ истинахъ, какъ данныя таблицы умноженія, хаосъ фактовъ изъ популярныхъ книжекъ по зоологіи, перемѣшанныхъ съ разсужденіями (ничѣмъ не подтвержденными) о прошломъ женщины—вотъ все содержаніе книги; объ «экономическомъ отношеніи» говорится въ перемежку и вскользь. Ну, что означаетъ, напримѣръ, нижеслѣдующая экскурсія въ область историческаго прошлаго женщины: «Ради созданія человѣческой жизни на землѣ, женщина въ состояніи была позабыть о своей собственной жизни; и—еще болѣе душевная, болѣе нѣжная, болѣе любвеобильная услуга — ради того, чтобы поднять своего самца до свободнаго и благороднаго друга-человѣка, чтобы возвысить человѣческую душу въ своемъ дорогомъ сынѣ, она могла вынести не только это, но гораздо больше, и вынести охотно, улыбаясь, весело, ради мужчины и ради міра. И теперь, когда долгое испытаніе кончено, когда ни мужчины, ни человѣчество не могутъ ничего болѣе выиграть отъ ея подчиненія, когда она неуклонно подвигается къ непосредственному выраженію своей личности, къ радостямъ, доставляемымъ расовою дѣятельностью на всемъ просторѣ (?) и властью, теперь было бы недостойно этого свѣтлаго возрожденія вздыхать и сожалѣть о перенесенныхъ страданіяхъ». Что означаетъ вся эта беллетристика и къ чему она наговорена,—остается секретомъ автора. Читаешь, читаешь эту книгу, страница за страницей, и не улавливаешь ни складу, ни ладу, ни общей мысли. Сначала говорится о самцахъ и самкахъ, потомъ о m-me Сталь и ея афоризмѣ, на той же страницѣ о различіи между дикой коровой и домашней, потомъ о значеніи кухни въ домѣ и ея отсутствіи, объ американскихъ отеляхъ, объ «обычномъ стремленіи женщинъ ходить по знакомымъ» и т. д., и т. д. Если ужъ возможно примѣнить къ чему-нибудь съ полнымъ правомъ старое, болѣе образное, нежели салонное, выраженіе о «чехардѣ мыслей», такъ это къ произведенію г-жи Стетсонъ. И главное—не уловишь, къ чему всѣ эти словесные потоки устремляются. Въ концѣ книжки читаемъ: «Тѣ самыя добродѣтели, изъ-за достиженія которыхъ мы теперь такъ боремся и страдаемъ, сдѣлаются какъ бы прирожденными и даже перестанутъ быть предметомъ особыхъ похвалъ. Нашъ прогрессъ, до сихъ поръ задерживаемый и извращаемый вслѣдствіе вреднаго вліянія отжившихъ первоначальныхъ силъ, потечетъ

ровною, быстрою струею, когда женщина и мужчина будутъ одинаково независимы въ экономическомъ отношеніи. Когда мать человѣческой расы станетъ свободною, тогда и самый міръ сдѣлается лучше, благодаря тому, что люди будутъ рождаться иные, и тому, что силы соціальной эволюціи будутъ дѣйствовать спокойнымъ, ровнымъ и благопріятнымъ образомъ». Эта мысль на разные лады, съ характерными для г-жи Стетсонъ прыжками въ неожиданную сторону, повторяется нѣсколько разъ и составляетъ, повидимому, въ глазахъ автора самое цѣнное изъ его открытій.

Такія книжки пишутся и такія лекціи читаются всюду,—мы говоримъ не о точномъ содержаніи «мыслей»—кое въ чемъ возможны (и бываютъ) варіаціи, но объ общемъ характерѣ основныхъ навыковъ мысли. Правда, въ Америкѣ пишется и читается рядомъ еще и многое, очень многое иное, и успѣхъ подобныхъ явленій умственной жизни можетъ навести на грустное раздумье лишь тамъ, гдѣ г-жамъ Стетсонъ отчасти судьба пріуготовила своего рода монополію. И зачѣмъ г. Каменскому, такъ хорошо (судя по переводу) знающему оба языка, захотѣлось перевести эту американскую г-жу Лухманову? Вѣдь у насъ и своя собственная есть! *Е. Т.*

Г. И. Шрейдеръ. Наше городское общественное управленіе. Этюды, очерки и замѣтки. Т. I. Спб. 1902. 337 стр. Ц. 2 руб. Однимъ изъ характернѣйшихъ явленій переживаемой нами эпохи является, безспорно, быстрый ростъ городовъ. Въ передовыхъ западно-европейскихъ странахъ города, а въ особенности крупные города, растутъ съ поразительной быстротой, не только поглощая весь приростъ населенія, но даже ведя къ уменьшенію абсолютнаго числа негородского населенія. Наблюдая этотъ необычайный ростъ городовъ, проф. Зерингъ имѣлъ полное основаніе замѣтить, что по охваченному имъ району дѣйствія и по числу участвующихъ въ немъ лицъ его можно смѣло сравнить съ великимъ переселеніемъ народовъ.

Россія не осталась въ сторонѣ отъ этого процесса—и въ ней теперь городское населеніе быстро и неуклонно растетъ. По даннымъ первой всеобщей переписи, городское населеніе Россіи равнялось 16.289.181 душъ обоего пола, тогда какъ, напр., въ Англіи городское населеніе равно 20.802.770 душъ, а въ Германіи—23.243.229 душъ, мы видимъ, такимъ образомъ, что если не съ относительной, то съ абсолютной стороны городское населеніе Россіи по своей величинѣ немногимъ уступаетъ крупнѣйшимъ западно-европейскимъ государствамъ, что же касается быстроты роста городского населенія, то въ этомъ отношеніи Россія стоитъ впереди остальныхъ европейскихъ государствъ. По даннымъ переписи 1897 г. городское населеніе пятидесяти губерній возросло за послѣднія двѣнадцать лѣтъ на 18,7%, или въ среднемъ ежегодно возрастало на 1,56%, тогда какъ даже въ Англіи соотвѣтствующая цифра не превышаетъ 1,53%.

Но этою чисто количественною стороною почти и исчерпывается сходство между ростомъ городовъ у насъ и за границей, въ западной Европѣ неразлучно съ этимъ ростомъ идетъ быстрое и неуклонное развитіе городского самоуправленія, расширеніе муниципальныхъ задачъ, идутъ все расширяющіяся заботы о благѣ огромной и быстро ростущей массы городского населенія.

Наша же русская дѣйствительность и по этой части угощаетъ насъ тѣми разительными противорѣчіями, на которыя она вообще столь торовата. Въ то время, какъ происходитъ безостановочный процессъ усложненія городской жизни, въ то время, какъ она начинаетъ захватывать интересы все бóльшаго круга лицъ, въ это же самое время дѣятельности городского самоуправленія ставятся все бóльшія преграды; по мѣрѣ того, какъ жизнь идетъ впередъ, городовое положеніе пятится назадъ.

Если мы сравнимъ городовое положеніе 1870 г. со смѣнившимъ его нынѣ дѣйствующимъ городовымъ положеніемъ 1892 г., то убѣдимся, что послѣднее представляетъ огромный шагъ назадъ, несмотря на то, что за это время городское населеніе Россіи необычайно разрослось, и нужды усложнились и расширились.

Эта сторона дѣла превосходна разъяснена въ прекрасной книгѣ извѣстнаго знатока нашего городского управленія г. Шрейдера, подвергнувшаго безпощадной критикѣ нынѣ дѣйствующее городовое положеніе. Съ первыхъ же главъ авторъ вводитъ насъ въ прошлое русскаго города и отлично показываетъ, что городовое положеніе 1870 г. представляется чуть ли не идеальнымъ по сравненію съ нынѣшнимъ.

Какъ извѣстно, прежнее городское управленіе вызывало нареканія за то, что въ лицѣ третьеразрядныхъ избирателей оно подпускало къ избирательнымъ урнамъ городскую мелкоту, недостаточно-де интеллигентную и дисциплинированную. Съ какимъ-то злорадствомъ подхватывали и съ усердіемъ, достойнымъ лучшаго примѣненія, раздували всякіе факты и сплетни, касавшіеся грубости и невоспитанности избирателей третьяго разряда, указывали на то, что эти избиратели являются послушнымъ орудіемъ въ рукахъ дѣльцовъ и проходимцевъ, что ихъ обманываютъ, подпаиваютъ и т. д.

Авторъ очень вразумительно и остроумно показываетъ всю вздорность подобнаго рода обвиненій, онъ очень справедливо замѣчаетъ, что «водка и прямой подкупъ играли роль не бо́льшую, если даже не меньшую, чѣмъ учтенный вексель, открытый кредитъ или семейныя связи въ двухъ первыхъ разрядахъ. Едва ли даже кто-нибудь изъ принимавшихъ когда-либо активное участіе въ муниципальныхъ выборахъ откажется засвидѣтельствовать и наличность многочисленныхъ фактовъ подобнаго рода: водка добросовѣстно выпита, но, очутившись у избирательной урны, опьяненный избиратель какъ-будто отрезвляется, вспоминаетъ о своемъ гражданскомъ долгѣ и... предательски кладетъ своему «благодѣтелю» черняка. Спрашивается, однако, кто же были эти люди, пускавшіе въ ходъ подкупъ и водку, вносившіе растлѣніе въ ряды третьяго разряда? Мы категорически заявляемъ, и всѣ знающіе подтвердятъ это, что по своему избирательному цензу они *къ третьему разряду не принадлежали,* за рѣдкими исключеніями» (15 стр.).

Однако, оставимъ въ сторонѣ прежнее городовое положеніе и обратимся къ современному. Вмѣсто того, чтобы расширять самоуправленіе городовъ, это положеніе, наоборотъ, рѣзко сузило его, превративъ городское самоуправленіе въ административную опеку надъ городами. Оно прежде всего повысило избирательный цензъ, лишило этимъ избирательныхъ правъ самую обширную массу городского населенія, которая вмѣстѣ съ тѣмъ больше всего терпитъ отъ городского неустройства и потому съ наибольшею страстью относится ко всѣмъ городскимъ дѣламъ. Устраненіе этихъ наиболѣе энергичныхъ и дѣятельныхъ элементовъ, по справедливому замѣчанію автора, «закрыло и ту единственную отдушину, черезъ которую проникала въ наши муниципалитеты струя свѣжаго воздуха».

Городовая реформа 1892 г. внесла затѣмъ въ наше городское хозяйство убивающій все живое элементъ канцеляризма, достигшій въ наши дни чудовищныхъ размѣровъ. Этого, конечно, ожидать слѣдовало, такъ какъ по новому городовому положенію должностныя лица городского управленія являются не общественными дѣятелями, а попросту чиновниками, состоящими на государственной службѣ по вѣдомству управленія городами и жителями, оные населяющими.

Надзоръ за дѣятельностью городскихъ управленій свелся въ сущности къ ревизіи исходящихъ и входящихъ и на исправное состояніе ихъ устремили все

свое усердіе городскіе служащіе, въ итогѣ канцеляризмъ со своей неразлучной подругой жизни—волокитой насквозь пропитали весь нашъ россійскій муниципалитетъ. Просьба обывателя отлеживается обыкновенно двѣ-три недѣли, пока, наконецъ, будетъ заслушана въ очередномъ засѣданіи думы, а потомъ начинаютъ скрипѣть перья, записывая, выписывая, помѣчая и нумеруя сію просьбу, пока, наконецъ, изнывающій обыватель не будетъ, наконецъ, удовлетворенъ. Обыкновенно приходится дожидаться два мѣсяца.

Городская реформа убила возможность широкаго развитія самодѣятельности и самоуправленія. Зато она содѣйствовала, какъ мы видѣли, пышному расцвѣту бюрократизма и канцеляризма и при томъ, несмотря на всю свою строгость, какъ это всегда бываетъ, создала самоуправство.

Любопытно еще, что въ то время какъ западно-европейскіе города употребляютъ всѣ усилія, чтобы всѣ служащіе въ городскихъ предпріятіяхъ были поставлены въ возможно болѣе благопріятное культурное и экономическое отношеніе, наши города эксплуатируютъ своихъ мелкихъ служащихъ хуже чѣмъ даже частные предприниматели.

Заключительныя главы книги г. Шрейдера посвящены животрепещущему вопросу о грядущей городской реформѣ. Прекрасная книга г. Шрейдера, написанная легкимъ, яснымъ языкомъ, должна стать настольною книгою для всякаго интересующагося общественными вопросами и въ особенности для общественныхъ дѣятелей и пишущей братіи. Она страдаетъ только нѣкоторымъ отсутствіемъ цѣльности и систематичности, объясняемымъ тѣмъ, что она составлена изъ статей, писанныхъ въ разное время, по разнымъ муниципальнымъ злобамъ дня. *П. Берлинъ.*

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го марта по 15-ое апрѣля 1902 г.).

К. Клементцъ. Всего понемножку. Мск. 1902 г. Ц. 60 к.

Народный университетъ. Сборникъ общедоступн. статей по самообразованію. Подъ ред. В. В. Витнера. Изд. Сойкина. Спб. 1902 г.

Гете. Фаустъ. Изд. А. И. Мамонтова. Мск. 1902 г. Ц. 80 к.

В. Величкина. Съ англ. «Что разсказывала мама». Изд. Сытина. Мск. 1901 г. Ц. 60 к.

М. В. Кочеджи-Шипаловъ. Женское движеніе въ Россіи и за границей. 1902 г.

Ив. Бунинъ. Разсказы. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Женщ.-врачъ М. И. Покровская. Популярныя статьи по гигіенѣ. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

Ея же. Женщины и дѣти. Спб. 1902 г. Ц. 30 коп.

Сельскохоз. обзоръ Самарск. губ. Изд. губ. земства. Самара. 1902 г.

Леонидъ Андреевъ. Разсказы. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р. Изд. втор.

Мор. Метерлинкъ. Жизнь пчелъ. Изд. т-ва «Общ. польза». Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Фармаковскій. Врачи и общество. Спб. 1902 г. Ц. 75 коп.

Т. Липпсъ. Основы логики. Изд. Поповой. Спб. 1902 г.

Ф. П. Купчинскій. Стихотворенія и прозы. Спб. 1902 г.

Гнатъ Хоткевичъ. Поэзія въ прозѣ. Харьковъ. 1902 г. Ц. 75 к.

Миссіонерскій календарь. Изданіе «Миссіонерскаго обозрѣнія». Подъ ред. В. М. Скворцова. Спб. 1902 г.

Скиталецъ. Разсказы и пѣсни. Изд. т-ва «Знаніе». Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

В. В. Селивановъ. Собраніе сочиненій въ двухъ том. Изд. подъ ред. А. В. Селиванова. Владиміръ. 1902 г. Ц. двухъ том. 3. р. 80 к.

М. Винаверъ. Очерки объ адвокатурѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р. 25 к.

М. Горкій. Оправданіе зла. Спб. 1902 г. Ц. 30 коп.

Н. Березинъ. Приключеніе въ пустынѣ. Спб. 1901 г. Ц. 40 к.

Максименко. Сеймы литовск.-русск. госуд. до Люблинск. унія. Харьковъ. 1902 г.

Тихомировъ. Жизнь и труды В. А. Жуковскаго. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

Общія черты агрономической техники. Изд. херсонскаго уѣздн. земства. Херсонъ. 1902 г.

А. Чеховъ. Дядя Ваня. Свадьба. Юбилей. Три сестры. Изд. Маркса. Спб. 1902 г. Ц. 75 к.

Н. Яковлевъ. Учебникъ химіи. Спб. 1902 г. Ц. 40 коп.

А. Новикова. Записки о сельской школѣ. Спб. 1902 г. Ц. 1 р.

Е. Смирновъ. Цѣна и трудовая стоимость. Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

Ю. Битовтъ. Руков. къ библіограф. описанію книгъ. Изд. антикварн. книжн. отд. при маг. древн. и рѣдкостей. М. Парадѣлова. Мск. 1902 г. Ц. 2 р.

И. В. Сажинъ. Вліяніе алкоголя на развивающійся организмъ. Спб. 1902 г.

В. И. Спасскій. Ива. Изд. Тихомирова. Мск. 1901 г. Ц. 15 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. II. Вып. XV—XVI. Изд. Юргенсона. Ц. 40 коп.

Г. Качерезъ. А. Чеховъ. Мск. 1902 г. Ц. 50 коп.

З. Евзлинъ. Самопомощь. Спб. 1902 г. Ц. 50 коп.

Біографія Гоголя. Издательск. комит. хар. об-ва грам. Харьковъ. 1902 г.

Г. Шнауссъ. Руководство къ изготовленію діапозитовъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 руб.

С. Р. Минцловъ. Кладъ. Спб. 1902 г. Ц. 60 к.

К. К. Баженовъ. Болѣзнь и смерть Гоголя. Мск. 1902 г.

Отчетъ о воскр. и праздничн. чтеніяхъ. Кіевъ. 1902 г.

Отчетъ т-ва «Союзъ» за 1901 — 1902 гг. Мск. 1902 г.

С. Булгаковъ. Ив. Карамазовъ.

Червяковскій. Замѣтки по огородничеству и садоводству. Изд. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 8 к.

Воскресенскій. В. А. Жуковскій. Изд. то же. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

Пятый всемірно-еврейск. конгрессъ сіонистовъ. Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1902 г. Ц. 25 к.

И. Т. Тарасовъ. Очеркъ политическ. экономіи. Мск. 1899 г.

Антекманъ. Алкоголизмъ и борьба съ нимъ на западѣ. Симбирскъ. 1902 г.

Н. Н. Писменный. Общепонятныя бесѣды. Изд. Тихомирова. Мск. 1902 г. Ц. 10 к.

К. А. Тимирязевъ. Столѣтн. итоги физіол. растеній. Мск. 1901 г.

Г. Ф. Шершеневичъ. Курсъ гражд. права. Казань. 1902 г.

В. И. Немировичъ-Данченко. На пути къ вѣчности. Изд. Маркса. Спб.

Я. А. Александровъ. К. Д. Ушинскій. Казань. 1901.

Сторожевъ. 25-ти-лѣт. ком. по устр. въ Москвѣ публ. народн. чтеній. Мск. 1902 г.

Н. Березинъ. Въ когтяхъ халифа. Спб. 1901 г.

Арепьевъ. Путевод. по окрестностямъ Петербурга. Вып. I—VI. Спб. 1901 г.

И. Тенеромо. Разводъ. Кіевъ. 1902 г.

Г. П. Георгіевскій. Исторія смутн. времени. Изд. А. А. Петровича. 1902 г.

Коцюбинськый. Дорогою циною. Кіевъ. 1902 г.

В. Н. Львовъ. Начальный учебникъ зоологіи. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Мск. 1902 г. Ц. 1 р.

А. Тарасенковъ. Послѣдніе дни жизни В. В. Гоголя. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.

А. Н. Будищевъ. Разсказы. Изд. т-ва «Обществен. польза». Спб. 1902 г. Ц. 50 к.

А. Рославлевъ. Видѣнья. Мск. 1902 г. Ц. 20 коп.

Н. Н. П—скій. Къ вопросу объ объемѣ науки уголовнаго права. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

И. Х. Озеровъ. Фабр. комитеты и коллект. договоръ. Мск. 1902 г.

Отчетъ Аккерманской обществен. библ-ки. Аккерманъ. 1902 г.

Сборникъ семейно-педаг. кружка. Казань. 1902 г.

Рѣчь Макса Нордау. Изд. книгоизд. «Улей». Харьковъ. 1902 г. Ц. 5 к.

Рѣчь д-ра Герцля. Изд. то же. Ц. 3 к.

Л. Б. Бертенсонъ. По вопросу о нормировкѣ рабочаго времени. Спб. 1902 г.

В. В. Лесевичъ. Буддійскія легенды. Одесса. 1902 г. Ц. 25 к.

Отчетъ филіальн. отд. Ворон. публ. библ-ки имени И. С. Никитина за 1901 г. Воронежъ.

Л. Я. Якобзонъ. Предохр. мѣры противъ зараженія перелоемъ.

Извѣстія красноярск. подъотд. восточно-сиб. отд. Импер. русск. геогр. об-ва. Красноярскъ. 1902 г.

Б. И. Тапоховскій. Опытъ характеристики Макса Нордау. Екатеринославъ. 1902 г. Ц. 10 к.

С. А. Жевайкинъ. Издѣлія куст. промышл. Нижег. губ. Спб. 1902 г.

А. Яроцкій. Объективная необходим. прогресса. Спб. 1902 г.

Кетуракисъ. Въ Америку. Изд. А. К. Мацѣевскаго. Вильна. 1902 г. Ц. 25 к.

Бейчо Липовски. Потайни жалби. Софія. 1902 г. Ц. 40 ст.

Г. А. Мачтетъ. Послѣдніе разсказы. Изд. кн. маг. «Трудъ». Житоміръ. 1902 г. Ц. 40 к.

Н. Г. Зиминъ. Новыя направленія въ дѣлѣ очищенія больш. колич. воды. Мск. 1902 г. Ц. 30 к.

Н. О. Золотницкій. О значеніи акваріума. Мск. 1902 г.

Н. Н. Бѣлявскій. Школьныя сберегательн. кассы. Юрьевъ. 1902 г.

Отчетъ саратовскаго общества. Саратовъ. 1902 г.

Н. П. Зиминъ. Къ вопросу объ устройствѣ городск. противопожарн. водопроводовъ. Мск. 1902 г. Ц. 20 к.

М. И. Бѣлавенецъ. Глиновѣдѣніе. Спб. 1902 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Outlines of Metaphysics» by I. S. Mackenzie. Prof. of logig and philosophy. London (Macmillan and C°). (Очерки метафизики). Несмотря на свой небольшой объемъ, книга эта очень богата содержаніемъ и даетъ возможность читателю основательнымъ образомъ познакомиться съ теоріей метафизики. Авторъ умѣетъ заинтересовать читателя своимъ предметомъ и, благодаря ясности и простотѣ изложенія, книга можетъ возбудить желаніе изучить эту область болѣе подробнымъ образомъ.

(Manchester Guardian).

«Gesundheiten, Medizin und Okkultismus» von D-r Albert Molle (Herm. Walther). Berlin. (Медицина и оккультизмъ). Очень интересное изслѣдованія образованія и развитія секты «христіанской науки» (Christian science), которая возникла въ Америкѣ и, перебравшись въ Европу, пріобрѣла такъ много приверженцевъ въ Берлинѣ среди интеллигенціи.

(Berliner Tageblatt).

«Un ministre socialiste» l'oeuvre de M-r Millerand par M-r Lavy. (Министръ соціалистъ). Изъ политическихъ дѣятелей современной эпохи французскій министръ торговли Мильеранъ вызвалъ наиболѣе бурную полемику въ печати, и какъ его друзья, такъ и его противники, съ величайшимъ жаромъ обсуждали его вступленіе въ кабинетъ Вальдека Руссо. Въ виду тѣхъ разногласій, которыя возбудило въ самой партіи вступленіе Мильерана въ министерство, авторъ и постарался въ своей книгѣ наивозможно болѣе безпристрастнымъ образомъ опредѣлить значеніе его поступка и выяснить его дѣятельность съ политической точки зрѣнія. Въ то же время книга эта представляетъ исторію эволюціи партіи съ момента ея образованія во Франціи двадцать пять лѣтъ тому назадъ вплоть до того поворотнаго пункта, которымъ является вступленіе Мильерана во французское правительство. (Temps).

«Travel and Adventure in Tibet». Including the Diary of Miss Annie R. Toylor's Remarkable Journey from Tauchau to Tachienlu, through the heast of Forbidden Land by William Careg. With 75 illustrations (Hodder and Stoughton) 6 s. (Путешествія и приключенія въ Тибетѣ). Авторъ воспользовался дневникомъ миссъ Тейлоръ, совершившей около восьми лѣтъ тому назадъ замѣчательное путешествіе по Тибету, а также изслѣдованіями другихъ новѣйшихъ путешественчиковъ по этой странѣ и составилъ чрезвычайно интересное описаніе Тибета. Это самая «запретная и недоступная» страна въ мірѣ. Миссъ Тейлоръ была первою европейскою женщиной, проникшей въ сердце Тибета и видѣвшей собственными глазами все то, что она описываетъ. Она отправилась въ Тибетъ въ качествѣ миссіонера и добралась почти до самой Лхассы, но тутъ была захвачена въ плѣнъ и вынуждена вернуться назадъ. Когда ее, наконецъ, отпустили, то она снова отправилась въ путь, но избрала уже другую дорогу, которую и указала на картѣ, приложенной къ ея дневнику. Правдивый разсказъ миссъ Тейлоръ не только знакомитъ съ неизвѣданными доселѣ областями Тибета, но въ то же время полонъ драматическаго интереса. (Daily News).

«The Nearer East» by D. G. Hoggarth. (Heinemann) 7 s. 6 d. (Ближній востокъ). Эта книга представляетъ попытку выяснить зависимость исторіи и характера нѣкоторыхъ расъ отъ физическихъ условій окружающей ихъ среды. Авторъ произвелъ очень тщательное и добросовѣстное изслѣдованіе физической природы и ея вліянія на населеніе ближняго востока.

(Times).

«Parliament; its Romance, its Comedy, its Pathos» by Michael Mac Donagh (King) 7 s. 6 d. (Парламентъ; романъ, комедія и паѳосъ). Очень интересные очерки англійскаго парламента, его обычаевъ и особенностей. Авторъ описываетъ парламентскую процедуру и различныхъ парламентскихъ дѣятелей въ Англіи, такъ что читатель можетъ получить основательное знакомство съ англійскою парламентскою жизнью. Несмотря на обиліе анекдотовъ, характеризующихъ англійскій парламентъ и его дѣятелей, книга все-таки представляетъ серьезное и добросовѣстное изслѣдованіе парламентскихъ обычаевъ и законовъ. (Times).

«Handbuch der Frauenbewegung», herausgeqeben von Helene Lange und Gertrud Bäumer. (Руководство къ женскому движенію). Это весьма основательное изслѣдованіе, основанное на изученіи источниковъ. Вышли пока два первые тома этого труда, который будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Въ первомъ заключается исторія женскаго движенія въ Германіи и въ другихъ культурныхъ странахъ. Во второмъ разсматривается женская соціальная дѣятельность въ Германіи по отдѣльнымъ областямъ. Третій томъ будетъ посвященъ развитію женскаго образованія въ Германіи и теперешнему положенію женскаго образованія въ другихъ странахъ. Четвертая часть должна будетъ разсматривать положеніе женскаго труда и содержать въ себѣ всѣ свѣдѣнія, касающіяся заработной платы, выборъ профес-

сіи, профессіональнаго образованія и т. п. Первый томъ заключаетъ въ себѣ чрезвычайно интересную главу исторіи культуры, въ которой изучается постепенное развитіе женскаго движенія во всѣхъ культурныхъ странахъ и различныя исходныя точки этого движенія въ разныхъ государствахъ. На сѣверѣ Европы это движеніе не находится въ связи съ рабочимъ движеніемъ, тогда какъ въ Бельгіи и Италіи оно соединяется съ нимъ. Въ Венгріи, Россіи и Швейцаріи на первый планъ выступаютъ вопросы образованія; въ Америкѣ же и Англіи—правовые и политическіе интересы. Въ Греціи онъ исключительно вращается на почвѣ благотворительности, а въ Испаніи и Португаліи оно только что начинается и не носитъ опредѣленнаго характера. (Frankfurt. Zeit.).

«*Anticipations of the reaction of mechanical and Scientific progress upon human life and thought*» *by H. G. Wells. London. 1902.* (*Предполагаемое воздѣйствіе механическаго и научнаго прогресса на человѣческую жизнь и мышленіе*). Авторъ старается предугадать, какую форму приметъ умственная и матеріальная жизнь человѣчества подъ вліяніемъ дальнѣйшаго прогресса техники и точныхъ наукъ. Онъ оцѣниваетъ очень высоко достигнутый уже прогрессъ въ этомъ отношеніи и объясняетъ нѣкоторыя вредныя стороны этого прогресса тѣмъ, что въ настоящее время господствуетъ хаотическое состояніе, въ которомъ старыя формы разрушены или уже становятся недѣйствительными, а новыя еще не успѣли образоваться. Авторъ глубоко вѣритъ въ будущее человѣчества и ожидаетъ отъ него много хорошаго. Въ его книгѣ заключается много оригинальныхъ мыслей и взглядовъ и поэтому она невольно заинтересовываетъ читателя и заставляетъ его надъ многимъ призадуматься. (Daily News).

«*Was ist National*» *von prof. Kirchhoff. Halle* (*Gebauer und Schwetschke*). (*Что считать національнымъ?*). Разсматривая вопросъ съ точки зрѣнія, являющейся результатомъ историческаго развитія понятія о націи и генеалогическаго взгляда на ея происхожденіе, ставящаго въ основу образованія великой націи кровное родство, авторъ приходитъ однако къ другому заключенію: по его мнѣнію, общее происхожденіе вовсе не является непремѣннымъ условіемъ національнаго развитія. Гораздо важнѣе, по его мнѣнію, естественныя границы страны, въ предѣлахъ которыхъ совершается развитіе человѣческой общины, постепенно превращающейся въ націю.

(Berliner Tageblatt).

«*Die Religion der Zukunft*» *von Th. Schultze.* (*Neuer Frankfurt. Verlag*). (*Религія будущаго*). Это посмертный трудъ автора, представляющій критику многихъ отживающихъ воззрѣній и подробное изслѣдованіе буддизма, въ которомъ авторъ видитъ религію будущаго.

(Frankfurt Zeit.).

«*The Kiss and Its History, by D-r Cristophes Nyrop, Prof. at the University of Copenhagen.* (*Sands and C°*). (*Поцѣлуй и его исторія*). Любопытная книга, авторъ которой, скандинавскій ученый, филологъ, разсматриваетъ поцѣлуй съ научной точки зрѣнія и излагаетъ свою теорію происхожденія поцѣлуя, а также его классификацію. Авторъ, между прочимъ, насчитываетъ тридцать родовъ поцѣлуя: любви, уваженія, примиренія, дружбы и т. д., и приводитъ множество цитатъ древнихъ и новыхъ авторовъ, относящихся къ предмету, который онъ изучаетъ. Вообще авторъ, обнаруживаетъ большую эрудицію и серьезное отношеніе къ своей задачѣ.

(Morning Post).

«*Science et Education*» *par M. Berthelot. Paris* (*Société française d'imprimerie*). *Prix: 3 fr. 50.* (*Наука и воспитаніе*). Знаніе составляетъ основу нравственности и служитъ источникомъ самоотверженія—таково мнѣніе знаменитаго французскаго ученаго Бертело, которое онъ не разъ высказывалъ въ своихъ рѣчахъ. Въ этомъ томѣ Бертело высказываетъ также свой взглядъ на классическое и реальное образованіе.

(Revue bibliographique universelle).

«*Elements d'uen Psychologie politique du peuple américain* (*La Nation*; *La Patrie*; *l'Etat*; *la religion*) *pas Emile Boutmy,* (*Armand Collin*). (*Элементы политической психологіи американскаго народа*). Эта книга, изслѣдующая характеръ американскаго народа, появляется какъ разъ въ такой моментъ, когда Соединенные Штаты выдвигаютъ на сцену политической жизни новыя проблемы и все болѣе и болѣе становятся міровою державой. Авторъ изучаетъ, изъ какихъ элементовъ, какими путями и въ какихъ условіяхъ сформировалась американская нація. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ идею отечества въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ у американскаго народа, столь бѣднаго поэзіей и мистицизмомъ, но зато обладающаго въ высокой степени гордостью и положительнымъ умомъ. Далѣе авторъ подвергаетъ самому тщательному анализу конституціонную, политическую, административную и финансовую систему Соединенныхъ Штатовъ и въ концѣ помѣщаетъ главу объ американскомъ имперіализмѣ и новыхъ стремленіяхъ Соединенныхъ Штатовъ, которыя угрожаютъ Европѣ. (Revue bibliographique).

«*The Basis of Social Relations*». *A study in Ethnie Psychology. By the late Daniel Brinton. 8 s.* (*Murray*). *Основы соціальныхъ отношеній*). Это интересное изданіе автора исторіи первобытныхъ ре-

лигій, расъ и народовъ, представляетъ изслѣдованіе этнической психологіи, которымъ авторъ занимался до самой своей смерти. (Athaeneum).

«Studies in Political and Social Ethics» by prof. D. G. Ritchie. 4 s. 6 d. (Swan Sonnenschein). (Изслѣдованіе политической и соціальной этики). Очень интересное ученое ислѣдованіе, авторъ котораго разсматриваетъ съ научной точки зрѣнія соціальную эволюцію, равенство, вопросъ о вмѣшательствѣ государства, гражданскія обязанности и политику партій, миръ и войну, значеніе соціальнаго усилія и свободу воли и отвѣтственность.

(Daily News).

«Psychology, normal and Morbid» by Charles Merius (Swan Sonnenschein). (Психологія нормальнаго и болѣзненнаго состоянія). Прекрасное изслѣдованіе нормальнаго душевнаго состоянія человѣка и различныхъ его уклоненій. Несмотря на свой строго научный характеръ, книга эта можетъ служить руководствомъ не для однихъ только клиницистовъ и обыкновенный читатель можетъ извлечь изъ нея много полезныхъ свѣдѣній.

(Daily News).

«Histoire de la charité» par Léon Lallemand (A. Picard) Tome I. (Исторія благотворительности). До сихъ поръ еще не было написано исторіи всего того, что было сдѣлано человѣчествомъ для обездоленныхъ и несчастныхъ и авторъ поставилъ себѣ задачей изслѣдовать исторію всѣхъ благотворительныхъ учрежденій съ самыхъ древнихъ временъ до нашего времени. Вышелъ только первый томъ его обширнаго труда, въ которомъ онъ говоритъ объ исчезнувшихъ цивилизаціяхъ, о древнихъ евреяхъ, грекахъ, египтянахъ, о восточныхъ народахъ, о галлахъ и германцахъ и т. д. и даетъ полную и яркую картину древняго міра и господствовавшихъ въ немъ взглядовъ на благотворительность. Въ послѣдующихъ томахъ авторъ предполагаетъ изучить благотворительность въ первыхъ девяти вѣкахъ христіанской эры а затѣмъ исторію благотворительности въ слѣдующія затѣмъ эпохи и развитія ея въ XIX вѣкѣ, такъ что должна будетъ получиться полная картина движенія благотворительности и стремленій человѣка придти на помощь своему ближнему.

(Journal des Débats).

«La Psychologie de la croyance» par Camille Bos (Félix Alcan) 2 fr. 50. (Психологія вѣрованій). Оставивъ въ сторонѣ всякіе споры о доинствахъ вѣрованій и о законности вѣры, авторъ ограничивается только тѣмъ, что самымъ тщательнымъ образомъ изслѣдуетъ постепенное появленіе и развитіе вѣрованій, начиная отъ безсознательнаго ощущенія вплоть до вѣрованій, сознательно и добровольно усвоенныхъ человѣкомъ. Этому интересному изслѣдованію авторъ предпослалъ прекрасно написанное историческое введеніе, знакомящее читателя съ эволюціей вопроса, которому авторъ посвящаетъ свой трудъ.

(Journal des Débats).

«Inductive Sociology» by Franklin Henry Giddings. (Macmillan and C°) 8 s. 6 d. (Индуктивная соціологія). Въ каждомъ сколько-нибудь значительномъ американскомъ университетѣ непремѣнно есть отдѣленіе соціологическихъ наукъ, въ которомъ дѣлаются серьезныя попытки создать отдѣльную политическую науку въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова. Авторъ названной книги—одинъ изъ наиболѣе способныхъ и лучшихъ работниковъ въ этомъ отношеніи, съ успѣхомъ выполнилъ трудную задачу, которую онъ поставилъ себѣ—выдѣлить соціологію, какъ отдѣльную науку, и отвести ей независимое мѣсто отъ психологіи и исторіи.

(Morning Post).

«Experimental Sociology» by Frances A. Kellor. (Macmillan and C°) 8 s. 6 d. (Экспериментальная соціологія). Это изслѣдованіе преступности и карательной системы, принятой въ Америкѣ, написано женщиной, изучившей тюрьмы и посѣщавшей арестантовъ и каторжниковъ со спеціальною цѣлью собрать какъ можно больше антропометрическихъ, психологическихъ и соціологическихъ данныхъ, которыя могли бы служить основою экспериментальной соціологіи. Между прочимъ миссъ Келлоръ указываетъ въ своей книгѣ на увеличеніе женской преступности въ Америкѣ, что является уже серьезнымъ факторомъ въ американской жизни и представляетъ результатъ соціальнаго и экономическаго положенія женщины. Разбирая уголовную систему въ сѣверныхъ и южныхъ штатахъ, миссъ Келлоръ выставляетъ на видъ огромные недостатки послѣдней, отражающей въ себѣ тираннію и несправедливое отношеніе бѣлой расы къ черной. Отношеніе къ преступникамъ въ южныхъ штатахъ преисполнено варварства, а различіе въ наказаніи бѣлыхъ и негровъ за одни и тѣ же преступленія обнаруживаетъ полнѣйшее отсутствіе самыхъ элементарныхъ понятій о правосудіи. Въ заключительной главѣ миссъ Келлоръ говоритъ о мѣрахъ къ предупрежденію преступности.

(Manchester Guardian).

За издательницу **М. К. Куприна-Давыдова.** За редактора **Ө. Д. Батюшковъ.**

— Ни за что! Я не люблю его, онъ слишкомъ похожъ на отца. Я вовсе не хочу, чтобы знали, что у меня есть сынъ, да еще двѣнадцатилѣтній. Но этому никто и не повѣритъ.

Селестина бросила на себя взглядъ въ большое зеркало.

— Вы хотѣли бы пристроить его?

— Да.

Питеръ пробылъ у Селестины почти цѣлый часъ, и въ первый разъ въ жизни опоздалъ на званый обѣдъ.

Зато когда онъ разстался съ Селестиной, все было рѣшено до мельчайшихъ подробностей. Однако лицо Питера не выражало удовольствія, и на обѣдѣ онъ не отличался веселостью.

Настроеніе его не улучшилось и на слѣдующій день. Онъ съ утра поѣхалъ въ страховое общество и переговорилъ съ предсѣдателемъ. Оттуда заѣхалъ въ пароходную контору.

Потомъ съ полчаса бесѣдовалъ съ директоромъ одной изъ самыхъ большихъ въ городѣ школъ для мальчиковъ. Наконецъ онъ вернулся въ свою контору.

— Васъ ждетъ въ кабинетѣ какой-то м-ръ Д'Аллуа, сэръ, — сказалъ ему разсыльный. — Онъ говоритъ, что онъ вашъ старый пріятель, и непремѣнно хотѣлъ васъ дождаться.

Питеръ прошелъ въ кабинетъ.

— Мой дорогой другъ,—закричалъ Уаттсъ,—чѣмъ я могу...

Онъ протягивалъ Питеру руку, но Питеръ не взялъ ее и прервалъ его изліянія.

— Я покончилъ дѣло съ мадамъ Лакуръ, — сказалъ онъ холодно. — Она уѣзжаетъ въ четвергъ на «Британіи». Ты долженъ купить ей ежегодную ренту въ три тысячи долларовъ; другую ренту въ тысячу долларовъ, на воспитаніе мальчика, пока ему не исполнится двадцать одинъ годъ, будешь выплачивать мнѣ, какъ опекуну его. Все это обойдется тебѣ въ сорокъ или пятьдесятъ тысячъ долларовъ, точно сообщу тебѣ тогда, когда страховое общество сдѣлаетъ для меня расчетъ. Въ обмѣнъ на твой чекъ, я пришлю тебѣ твои письма къ мадамъ Лакуръ или сожгу ихъ, какъ ты пожелаешь. Послѣ этого, дѣло будетъ кончено. Я не буду тебя больше задерживать.

— Послушай, пріятель, не смотри на это такъ трагически! Неужели ты думаешь...

— Я думаю, что хочу,—перебилъ Питеръ.—Прощай.

— Что-жъ, дѣлай какъ знаешь.— Уаттсъ пошелъ къ двери, но опять остановился.—Какъ тебѣ угодно. Только если ты перемѣнишь мнѣніе, дай мнѣ знать. Я не сержусь на тебя и хотѣлъ бы, чтобы мы оставались друзьями по прежнему.

— Прощай,—еще разъ повторилъ Питеръ, и Уаттсъ вышелъ, заперевъ дверь.

Питеръ бросился въ кресло и цѣлый часъ просидѣлъ неподвижно.

Неизвѣстно, сколько-бы времени онъ еще сидѣлъ, погруженный въ тяжелую думу, если бы къ нему не вошелъ Ривингтонъ.

— Апелляціонный судъ только что прислалъ свое рѣшеніе по дѣлу Генлея. Мы выиграли...

— Я такъ и зналъ, — машинально сказалъ Питеръ.

— Питеръ! Да что съ тобой? Ты выглядишь, какъ...

— Я плохо чувствую себя. Попробую бросить дѣло и прокатиться, чтобы стряхнуть хандру.—И онъ отравился въ манежъ.

— Алло! — привѣтствовалъ его берейторъ.—Два раза въ одинъ день, да въ еще такой необычный часъ, сэръ? Какую лошадь прикажете?

— Все равно какую, только погорячѣе.

— Значитъ, «Забіяку»? Вѣдь это не лошадь, а чортъ, сэръ! хотя вамъ-то нечего опасаться какой-бы то ни было лошади. Только поосторожнѣе въ паркѣ, сегодня очень скользко.

Питеръ въ десять минутъ доскакалъ до парка, и сразу наткнулся на Лиспенарда.

— Алло! Не часто васъ можно встрѣтить въ это время!

Лиспенардъ придержалъ свою лошадь и поѣхалъ рядомъ съ Питеромъ.

— Да,—отвѣтилъ Питеръ.—У меня

было очень непріятное дѣло, и мнѣ захотѣлось освѣжиться. Я не расположенъ къ разговорамъ сегодня.

— Понимаю. По крайней мѣрѣ вы откровенны, какъ всегда.

— Только пару словъ. Кеппель только что получилъ двѣ собственноручныя гравюры Гадена, послѣднія. Онъ заломилъ неправдоподобную цѣну, но вамъ слѣдуетъ посмотрѣть ихъ.

— Спасибо.—И пріятели дружески разстались.

Питеръ ѣхалъ шагомъ, погруженный въ свои мысли. Паркъ былъ пустъ, такъ какъ въ мартѣ еще рано темнѣетъ, и въ воздухѣ стоялъ туманъ. Вдругъ Питеръ встряхнулся и поднялъ Забіяку на крупную рысь. Но прежде чѣмъ онъ проскакалъ до поворота, Питеръ снова погрузился въ задумчивость, а Забіяка опять пошелъ шагомъ. Питеръ рисковалъ свалиться и сломать себѣ шею, но его спасъ отъ этого непредвидѣнный случай, имѣвшій, какъ мы увидимъ, огромное вліяніе на всю его дальнѣйшую жизнь. Питеръ былъ такъ углубленъ въ свои размышленія, что не слышалъ приближающагося стука копытъ, раздавшагося за его спиной въ ту минуту, какъ онъ выѣхалъ на длинную, сравнительно прямую аллею, ведущую къ Резервуару.

Но Забіяка замѣтилъ его, насторожилъ уши, и мимо нихъ въ ту же минуту вихремъ пронеслась амазонка. Забіяка прижалъ уши и также принялъ такой аллюръ, какой не дозволенъ въ правилахъ верховой ѣзды по парку.

Питеръ очнулся отъ толчка, натянулъ поводъ, и Забіяка, чувствуя, что потѣха кончена, сердито заплясалъ по дорогѣ.

Снова послышался стукъ копытъ и мимо Питера галопомъ промчался грумъ, во все горло крича: «Берегись! Тамъ лошадь понесла, ее надо поймать!»

Питеръ посмотрѣлъ впередъ и увидѣлъ, что амазонка была сажень на сто впереди. Онъ ничего не сказалъ ни груму, ни своей лошади, но Забіяка понялъ легкое движеніе поводьевъ, прежде чѣмъ шпоры коснулись его атласныхъ боковъ и поскакалъ широкимъ размашистымъ галопомъ.

Питеръ дѣйствовалъ хладнокровно. Онъ зналъ, что легко можетъ догнать взбѣсившуюся лошадь, но видѣлъ, что амазонка крѣпко держится въ сѣдлѣ, и по положенію ея локтей замѣтилъ, что она силится, хотя и безуспѣшно, натянуть поводья. Чтобы не испугать ее, Питеръ задержалъ немного Забіяку и продолжалъ скакать въ тридцати шагахъ сзади. Вдругъ онъ увидѣлъ, что амазонка выпустила поводья и схватилась за луку.

Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что случилось: у нея лопнула подпруга, или сѣдло свернулось на сторону.

Онъ далъ шпоры Забіякѣ, который въ первый разъ испытавъ подобное обращеніе, прижалъ уши и полетѣлъ, какъ стрѣла. Секундъ черезъ пятнадцать онъ догналъ амазонку.

Питеръ собирался поймать взбѣсившуюся лошадь подъ уздцы и задержать ее, надѣясь на свою богатырскую силу. Но подскакавъ совсѣмъ близко, онъ замѣтилъ что сѣдло совсѣмъ свернулось на сторону, и всадница готова упасть. Поэтому Питеръ бросилъ поводья, подхватилъ ее съ сѣдла и посадилъ передъ собою. Поддерживая ее одной рукой, онъ старался достать подводья, но Забіяка не давался и трясъ головой.

«Забіяка!» сказалъ Питеръ повелительнымъ голосомъ, и привыкшій къ повиновенію конь замедлилъ шагъ, перешелъ съ галопа на рысь, потомъ пошелъ шагомъ и остановился.

Питеръ былъ крайне удивленъ, что ему такъ легко удалось снять амазонку съ сѣдла. Ему приходилось, во время военныхъ упражненій, поднимать здоровыхъ мужчинъ, и хотя онъ зналъ, что женщина легче мужчины, но никакъ не предполагалъ, чтобы она была такая легонькая.

«Точно перышко!» подумалъ онъ. Но изумленіе его достигло крайнихъ предѣловъ, когда спасенная имъ амазонка обхватила его шею руками и спрятала голову на его плечѣ. Она не плакала, но порывисто дышала, что очень испугало Питера.

Онъ не могъ видѣть ея лица. Она

была очень стройна, а розовое ушко и круглая щечка, выглядывавшая изъ подъ курчавыхъ каштановыхъ волосъ, говорили о ея крайней молодости.

Питеръ не зналъ, что ему дѣлать, когда Забіяка остановился. Несомнѣнно, ему нужно поддерживать всадницу, пока она не придетъ въ себя. Это была его обязанность и даже очень пріятная обязанность. Такъ прошло нѣсколько секундъ. Вдругъ амазонка затихла и, взглянувъ на нее, Питеръ замѣтилъ, что ея блѣдная щечка вспыхнула яркимъ румянцемъ. Въ слѣдующее мгновеніе она высвободилась изъ его объятій и выпрямилась на сѣдлѣ. Ему удалось увидѣть ея лицо, и онъ рѣшилъ, что прелестнѣе нея онъ никого не встрѣчалъ. Дѣвушка сказала ему, не поднимая глазъ и стараясь говорить спокойно:

— Пожалуйста, помогите мнѣ сойти.

Въ ту же минугу Питеръ соскочилъ на землю и снялъ ее съ сѣдла, но она такъ шаталась, что онъ предложилъ ей:

— Лучше обопритесь на меня.

— Нѣтъ,—сказала дѣвушка,—глядя въ землю,—я прислонюсь къ лошади.

Она прислонилась къ Забіякѣ, который оглянулся на нее, какъ бы спрашивая, кто позволилъ себѣ такую фамильярность, и Питеру захотѣлось быть на его мѣстѣ.

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи. Наконецъ, дѣвушка сказала, все еще не подымая глазъ:

— Я такъ испугалась, что не помню, что дѣлала.

— Вы вели себя прекрасно,—сказалъ Питеръ успокоительнымъ тономъ,—и отлично справлялись съ лошадью.

— Я ни капельки не боялась, пока сѣдло не свернулось.

Дѣвушка продолжала смотрѣть въ землю и снова вспыхнула. Она страдала отъ униженія, какъ только можетъ страдать женщина.

Въ первый моментъ она пришла въ ужасъ отъ мысли, что такъ вела себя съ грумомъ. Передъ ней оказался джентельменъ, а это было еще хуже! Она не видѣла лица Питера, но успѣла замѣтить его безукоризненный костюмъ.

«Если бы это былъ полисменъ», думала она. «Что же сказать ему?»

Питеръ видѣлъ, что она сконфужена, но не зналъ—чѣмъ.

Онъ сознавалъ, что его обязанность ободрить ее, а это легче всего сдѣлать, давъ иное направленіе ея мыслямъ.

— Какъ только вы почувствуете себя достаточно сильной, чтобы идти, я совѣтую вамъ опереться на мою руку. Мы, вѣроятно, найдемъ извозчика на углу 72-й улицы. Если вы слишкомъ слабы, чтобы идти, присядьте на этотъ камень и подождите, пока я приведу извозчика. Я вернусь черезъ десять минутъ.

— Какъ вы добры, — отвѣтила дѣвушка, поднявъ глаза и въ первый разъ взглянувъ въ лицо Питера.

Питеръ вздрогнулъ отъ неожиданности: дѣвушка смотрѣла на него знакомыми, темно-сѣрыми глазами.

Глава XXXVI.

Сновидѣніе.

Что-то въ лицѣ Питера, казалось, внушило довѣріе дѣвушкѣ, хотя она опять опустила глаза, но перестала прижиматься къ лошади и сказала:

— Я ужасно глупо вела себя. Теперь я готова сдѣлать все, что вы найдете нужнымъ.

Прежде чѣмъ Питеръ успѣлъ опомниться отъ испытаннаго имъ потрясенія и отвѣтилъ ей, къ нимъ подъѣхалъ конный полисменъ, ведя въ поводу убѣжавшую лошадь.

— Раненъ кто-нибудь?—спросилъ онъ.

— Къ счастью, никто. Гдѣ бы достать извозчика? Не позовете ли вы?

— Боюсь, что извозчика ближе 59-й улицы не будетъ. Они уѣзжаютъ отъ всѣхъ другихъ выходовъ, какъ только стемнѣетъ.

— Не надо извозчика,—сказала дѣвушка.—Если вы мнѣ поможете сѣсть на лошадь, я отлично доѣду до дому.

— Храбрая барышня,—замѣтилъ полисменъ.

— Вы совсѣмъ оправились? — спросилъ Питеръ.

— О, да! И я вовсе не боюсь.

*

Будьте только добры перетянуть подпругу.

Питеру въ жизни не случалось видѣть такой прелестной дѣвушки, особенно, когда она оправилась вполнѣ и овладѣла собой. Онъ съ такой готовностью затянулъ ослабѣвшую подпругу, что лошадь зашаталась на ногахъ, и имѣлъ удовольствіе на минуту почувствовать въ своей рукѣ маленькую ножку дѣвушки, когда подсаживалъ ее въ сѣдло.

— Я васъ провожу, — сказалъ Питеръ, вскочивъ тоже на лошадь.

— Извините, сэръ,—вмѣшался полисменъ,—я долженъ записать ваши фамиліи. Мы обязаны доносить о подобныхъ случаяхъ въ полицейское управленіе.

— Какъ Виллльямсъ, развѣ вы не знаете меня?—спросилъ Питеръ.

Полисменъ посмотрѣлъ въ лицо Питера, который, сѣвъ на лошадь, очутился на одной высотѣ съ нимъ.

— Извините, м-ръ Стерлингъ. Такъ темно, да и вы такъ рѣдко бываете здѣсь въ этотъ часъ, что я не узналъ васъ.

— Скажите отъ меня старшему, чтобы онъ не доносилъ о случившемся, а главное, чтобы репортеры не узнали.

— Слушаю, м-ръ Стерлингъ.

— Простите меня, — спросила дѣвушка, прямо, но робко глядя на Питера,—какъ ваше имя?

Питеръ былъ изумленъ, но все-таки отвѣтилъ:

— Питеръ.

— О!—воскликнула дѣвушка, вглядываясь въ лицо Питера,—теперь я понимаю! Я не могла бы такъ вести себя съ чужимъ. Я чувствовала, что это вы!

Она довѣрчиво улыбалась и не только не опускала больше глазъ, но даже протянула обѣ руки.

Питеръ схватилъ ее ручки, не думая даже, хорошо это или дурно съ его стороны. Ручки были очень маленькія.

— Мнѣ было такъ стыдно! Но разъ это вы, такъ значитъ ничего!

Питеръ подумалъ, что ему это очень пріятно, но онъ все-таки ничего не понимаетъ.

Дѣвушка, должно быть, замѣтила его недоумѣніе, такъ какъ быстро прибавила:

— Да вѣдь вы не знаете, кто я! Какая же я глупая! Я — Леонора д'Аллуа.

Теперь у Питера перехватило дыханье.

— Не можетъ...—началъ онъ и остановился.

— Право,—весело подтвердила дѣвушка, которой изумленіе Питера, казалось, доставило большое удовольствіе.

— Да вѣдь она еще ребенокъ!

— Мнѣ на будущей недѣлѣ минетъ восемнадцать,—не безъ гордости сказала Леонора.

Питеру оставалось только повѣрить ей. У Уаттса могла быть такая большая дочь.

— Я долженъ былъ узнать васъ, вы такъ похожи на мать.

Но это была ложь, хотя и ненамѣренная. У нея были только глаза матери, ея длинныя рѣсницы и стройная фигура, хотя дочь была выше ростомъ. Во всемъ остальномъ она больше походила на Уаттса: у нея были тѣ же курчавые волосы, тотъ же овалъ лица, тотъ же изгибъ губъ и ямочка на щекѣ. Леонора Д'Аллуа была несравненно красивѣе матери, но Питеру казалось, что воскресла его прежняя мечта.

Въ эту минуту подъѣхалъ грумъ.

— Простите, барышня,—сказалъ онъ, снимая фуражку,—моя лошадь тоже понесла.

— Вы не ушиблись, Бельденъ?—спросила мисеъ Д'Аллуа. Ея озабоченный тонъ показался Питеру восхитительнымъ, и онъ пожалѣлъ, что самъ не сломалъ себѣ чего нибудь.

— Нѣтъ, барышня, мы съ лошадью оба цѣлы.

— Ну и прекрасно! М-ръ Стерлингъ, я не буду мѣшать вашей прогулкѣ. Бельденъ проводитъ меня.

«Бельденъ проводитъ! Хотѣлъ бы я это посмотрѣть!» подумалъ Питеръ, а вслухъ онъ сказалъ:

— Я все-таки проѣду съ вами. И они поѣхали рядомъ, а грумъ слѣдовалъ за ними.

Леонора первая заговорила.

— Я слышала за собой стукъ копытъ, но думала, что это грумъ, и была увѣрена, что ему не удастся догнать Ла-

сточку. Поэтому, когда сѣдло начало своравчиваться, я была увѣрена, что свалюсь, какъ разъ свалилась при мнѣ одна дама въ Англіи, а потомъ вдругъ я увидѣла передъ собой голову лошади, и почувствовала, что кто-то крѣпко, крѣпко меня держитъ. что я спасена! О, какое счастье быть такимъ большимъ и сильнымъ!

Питеръ мысленно согласился съ нею. Хотя онъ былъ счастливъ и гордъ своей силой, теперь, глядя съ высоты своего богатырскаго роста на курчавую головку, онъ не чувствовалъ своего превосходства, и отлично сознавалъ, что малѣйшее желаніе, высказанное этими розовыми губками, можетъ заставить его сдѣлать то, къ чему не могло бы принудить его цѣлое вооруженное войско.

— Какая у васъ чудная лошадь,— сказала Леонора

— Не правда ли?—потвердилъ Питеръ.—Она съ норовомъ, долженъ я, къ сожалѣнію, признаться, но я ее люблю. Мнѣ ее подарилъ мой полкъ, а выбиралъ ее очень дорогой мнѣ другъ, который уже умеръ.

— Кто именно?

— Вы его не знаете. Его звали Костелль.

— Нѣтъ, знаю. Я много слышала про него.

— Что же вы знаете?

— То, что мнѣ разсказывала миссъ Де-Во.

— Миссъ Де-Во?

— Да, мы дважды видѣлись съ нею въ Европѣ. Разъ въ Ниццѣ, другой разъ, въ 1882 году, на итальянскихъ озерахъ. Въ первый разъ мнѣ было только шесть лѣтъ, но она мнѣ часто разсказывала про васъ и о томъ, какъ вы играли съ бѣдными дѣтьми въ «треугольникѣ». Въ послѣдній разъ она должна была мнѣ разсказать про васъ все, что знала. Мы катались по озеру при лунномъ свѣтѣ и говорили о васъ.

— Почему это васъ интересовало?

— Какъ же могло быть иначе? Съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, папа всегда говорилъ про «милаго стараго Питера,— она сказала эти послѣднія три слова такимъ милымъ тономъ и посмотрѣла на Питера съ такимъ полу-лукавымъ, полуробкимъ видомъ, что онъ чуть изъ сѣдла не вылетѣлъ,—и, кажется, вы были его единственнымъ настоящимъ другомъ; мнѣ очень хотѣлось увидѣть васъ, а послѣ разсказовъ миссъ Де-Во вы меня такъ заинтересовали, что я начала разспрашивать всѣхъ американцевъ, такъ мнѣ хотѣлось знать все, что до васъ касается. Почти каждый могъ мнѣ что нибудь разсказать, и я многое узнала о васъ.

Питеръ началъ испытывать состояніе человѣка, въ первый разъ въ жизни выпившаго бокалъ шампанскаго.

— Скажите мнѣ, кто же разсказывалъ вамъ про меня.

— О, почти всѣ, т.-е. тѣ, кого мы встрѣчали за послѣдніе пять лѣтъ. Во-первыхъ, миссъ Де-Во и дѣдушка, когда онъ пріѣзжалъ къ намъ въ 1879 г.

— Но,—перебилъ ее Питеръ,—я не встрѣчался съ вашимъ дѣдушкой послѣ того, какъ гостилъ въ «Кустарникахъ».

— Да онъ самъ и не видѣлъ васъ. Но онъ слышалъ о васъ отъ м-ра Лафэма и отъ м-ра Авери, и еще отъ другихъ.

— Кто же еще?

— Миссъ Леруа, мамина подруга, которая провела у насъ двѣ недѣли во Флоренціи, и д-ръ Перплъ, вашъ священникъ, который жилъ въ одной гостинницѣ съ нами въ Обераммергау, а больше всего м-ръ и миссисъ Ривингтонъ. Они были съ нами на о-вѣ Джерси, какъ разъ послѣ ихъ свадьбы, и могли мнѣ разсказать больше, чѣмъ всѣ остальные вмѣстѣ.

— Этихъ я не боюсь. Мы съ Дороти старые друзья.

— И она, и ея мужъ не могли найти словъ, чтобы хвалить васъ.

— Примите во вниманіе, что они совершали свадебное путешествіе, а въ это время все кажется въ розовомъ свѣтѣ.

— Нѣтъ, они правду говорили. Дороти мнѣ разсказала, какъ вы взяли Ривингтона въ компанію, чтобы заставить ея отца дать согласіе на ихъ бракъ.

Питеръ разсмѣялся.

— А вѣдь Рей клялся, что не выдастъ меня, да и Дороти прикидывалась, что ничего не знаетъ! А между тѣмъ, она уже знала объ этомъ во время свадебнаго путешествія!

— Она не виновата. Она говорила, что такъ счастлива, что должна разсказать кому-нибудь. Вотъ она и разсказала намъ съ мамой, и карточку вашу показывала. Папа и мама нашли, что она очень похожа, а я теперь вижу, что вовсе нѣтъ.

Леонора снова посмотрѣла на Питера. У нея былъ тотъ же открытый и смѣлый взглядъ, что у ея матери въ молодости, но она не такъ часто и не такъ пристально смотрѣла на своего собесѣдника. Несмотря на свои семнадцать лѣтъ, она хорошо сознавала притягательную силу своихъ прекрасныхъ глазъ и не желала даромъ расточать ее. Питеру страшно хотѣлось взять ея милое личико и посмотрѣть въ самую глубину ея глазъ. Теперь же онъ могъ только любоваться на маленькое ушко подъ курчавыми волосами и на круглую щечку, оттѣненную густыми рѣсницами.

— Мнѣ такъ хотѣлось встрѣтиться съ вами. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вернулись, я каждый день приставала къ папѣ, чтобы онъ свезъ меня къ вамъ. Онъ каждый день обѣщалъ мнѣ, но потомъ всегда что-нибудь мѣшало. Видите ли, я совсѣмъ не знаю своей родины и своихъ земляковъ, а между тѣмъ мнѣ казалось, что васъ я хорошо знаю и познакомиться съ вами будетъ легко. Я такъ боюсь будущей зимы, когда я начну выѣзжать! Просто не знаю, что я буду дѣлать! У меня почти нѣтъ знакомыхъ.

— Вы меня знаете.

— Но вѣдь вы не бываете въ обществѣ?

— О да, бываю. Т.-е. изрѣдка бываю, а будущей зимой собираюсь бывать чаще. Я велъ ужъ слишкомъ уединенную жизнь.

Это открытіе Питеръ сдѣлалъ въ послѣднія десять секундъ.

— Какъ это будетъ хорошо! А вы будете ухаживать за мной?

— Вамъ мое ухаживанье доставитъ мало удовольствія. Вѣдь я не танцую.

— Можете выучиться. Пожалуйста, я такъ люблю вальсировать.

У Питера дыханье занялось при одной мысли, что онъ можетъ танцовать съ Леонорой. Неужели такое блаженство возможно?

Въ голосѣ его зазвучала горькая нотка, когда онъ ей отвѣтилъ.

— Боюсь, что я уже слишкомъ старъ для этого.

— Ни капельки не стары,—возразила Леонора.

— Вы выглядите моложе многихъ танцующихъ, т.-е. молодыхъ людей, я хотѣла сказать, потому что въ Европѣ я видѣла, какъ танцовали даже семидесятилѣтніе старики.

Неизвѣстно, усидѣлъ ли бы Питеръ въ сѣдлѣ послѣ этихъ словъ, но, къ счастью для него, въ это время лошади остановились у дверей манежа.

— Какъ,— сказала Леонора,— мы уже пріѣхали? Такъ скоро?

Питеръ подумалъ то же самое и вздохнулъ. Но ему вдругъ стало холодно при мысли, что онъ не успѣетъ ее снять съ сѣдла, и что она соскочитъ безъ его помощи. Въ ту же минуту онъ очутился на землѣ и протянулъ ей руки.

Она легко оперлась на его плечо и соскочила, но этого мгновенія было достаточно для него, чтобы прямо взглянуть ей въ глаза.

— Отведите, пожалуйста, мою лошадь въ клубный манежъ,— сказалъ онъ груму. Я провожу миссъ Д'Аллуа домой.

— Очень вамъ благодарна, только пожалуйста не безпокойтесь, моя горничная ждетъ меня въ каретѣ. До свиданія, благодарю васъ, О, какъ я вамъ благодарна!—Она стояла прямо передъ нимъ и смотрѣла на него своими удивительными глазами.—Я бы не хотѣла, чтобы меня спасъ кто-нибудь другой, а не вы.

Она сѣла въ карету, и Питеръ заперъ за ней дверцу, потомъ онъ снова сѣлъ на лошадь и, выпрямившись на сѣдлѣ, ускакалъ.

— Я думалъ, что онъ совсѣмъ не умѣетъ ѣздить,— сообщалъ грумъ свои

наблюденія конюху,—а между тѣмъ, онъ сидитъ на лошади, какъ гвардейскій капитанъ, видно, ему надоѣло возиться съ барышней.

Правда ли это?

Глава XXXVII.

Друзья.

Питеръ отвелъ лошадь въ конюшню, и, сѣвъ на извощика, поѣхалъ въ клубъ. Тамъ онъ съ полчаса спокойно читалъ газеты, потомъ также спокойно пообѣдалъ. Порядокъ его вечера ничуть не нарушился, пока онъ не добрался до своего кабинета. Но тамъ, вмѣсто того, чтобы заниматься, онъ пододвинулъ покойное кресло къ огню, подкинулъ въ каминъ нѣсколько полѣньевъ, открылъ новый ящикъ сигаръ и закурилъ. Сколько часовъ провелъ онъ въ креслѣ и сколько выкурилъ сигаръ—не стоитъ говорить, все равно намъ никто не повѣритъ.

Конечно, Питеръ хорошо зналъ, что жизнь полна заботъ, онъ не обольщался въ своихъ взглядахъ на будущее и не забывалъ пережитыхъ страданій. Но на этотъ вечеръ онъ отогналъ отъ себя всѣ мысли и лѣниво курилъ сигару за сигарой, задумчиво глядя на огонь. Въ послѣднее время онъ изучалъ вопросъ объ азіатской холерѣ, но теперь онъ объ ней не думалъ. Не думалъ онъ также и о томъ, что называлъ «непріятнымъ дѣломъ». Но каковы бы ни были его мысли—выраженіе, вызванное ими на его лицо, не походило на то, съ какимъ онъ нѣкогда изучалъ передъ собой стѣну.

Когда Питеръ усѣлся на слѣдующее утро, и гораздо позже, чѣмъ обыкновенно, за свой письменный столъ, онъ взялъ листъ бумаги и написалъ: «милостивый государь», но сейчасъ же разорвалъ. Взялъ другой, написалъ: «любезный м-ръ Д'Аллуа»—и опять разорвалъ. Началъ третій: «милый Уаттсъ»—и этотъ очутился подъ столомъ. То же постигло и четвертый со словами: «мой дорогой другъ». Тогда Питеръ всталъ и долго ходилъ по комнатѣ. Наконецъ, онъ вышелъ въ корридоръ, и открывъ одну изъ выходившихъ въ него дверей, просунулъ въ нее голову.

— Ахъ ты, негодный лицемѣръ! — сказалъ онъ.— А еще клялся мнѣ, что ни одна живая душа не узнаетъ!

— А что? — спросилъ кто-то виноватымъ голосомъ.

— Вѣдь Дороти знала все время?

Мертвое молчаніе.

— И вы оба и виду не подавали, точно невинные младенцы.

— Послушай, Питеръ, ты меня никогда не поймешь, потому что не переживалъ медоваго мѣсяца. Ей-Богу, старый другъ, я былъ такъ счастливъ и такъ обязанъ тебѣ моимъ счастьемъ, что я лопнулъ бы, если бы не сказалъ Дороти. Она обѣщала, что никому не скажетъ. А теперь все-таки проболталась тебѣ?

— Нѣтъ, она сказала не мнѣ, а кому-то другому!

— Не можетъ быть!

— Правда.

— Значитъ, она не сдержала слова, она...

— Нечего теперь валить съ больной головы на здоровую!

— Но вѣдь это совсѣмъ другое дѣло; то — собственная жена. Я думалъ, она съумѣетъ сохранить тайну.

— Какъ же ты можешь требовать, чтобы она сохранила тайну, когда самъ проговорился?—Питеръ и Рей оба расхохотались.

Рей думалъ:

«У Питера что-нибудь не клеится, и онъ хочетъ дать отдыхъ мозгамъ».

Рей замѣчалъ, что если Питеръ говоритъ съ нимъ въ часы занятій о посторонних, не относящихся къ дѣлу предметахъ—значитъ, у него есть какое-нибудь сложное, запутанное дѣло.

Питеръ закрылъ дверь и вернулся въ кабинетъ. Онъ взялъ пятый листъ бумаги и написалъ:

«Уаттсъ!

«Я обдумалъ все случившееся и въ мысляхъ моихъ произошла перемѣна. Никто не имѣетъ права судить поступки своего ближняго. Я жалѣю о своемъ вчерашнемъ поведеніи.

«Вспомнимъ наши старые школьные

дни и будемъ считать, что между нами ничего не произошло. «Питеръ».

Въ ту минуту, какъ онъ кончалъ писать, дверь тихонько отворилась. Питеръ ничего не слышалъ, онъ медленно перечитывалъ написанное.

— Бу-у-у!

Питеръ не подскочилъ при этомъ возгласѣ, онъ спокойно поднялъ глаза. Но въ ту же минуту онъ сорвался съ мѣста и горячо жалъ руки вошедшимъ.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!—говорилъ онъ.

— Ахъ ты, неповоротливый теленокъ,—весело кричалъ Уаттсъ. — Мы цѣлыхъ десять минутъ упрашивали его цербера впустить насъ безъ доклада, чтобы сдѣлать ему сюрпризъ, а когда мы явились, какъ снѣгъ на голову, онъ глазомъ не моргнулъ. Правда, скверный пріемъ, Крошка?

— Вы ужасно разочаровали насъ, м-ръ Стерлингъ.

Питеръ гораздо непринужденнѣе поздоровался съ Леонорой, чѣмъ съ Уаттсомъ. Ему доставило несказанное удовольствіе держать ее ручку въ своихъ рукахъ, и, чтобы продлить его, онъ сказалъ, не выпуская ея руки:

— Надо быть много страшнѣе, чѣмъ вы, чтобы испугать меня.

Питеръ сейчасъ же пожалѣлъ о сказанномъ, потому что Леонора опустила глаза.

— Ну, старина, пожалуй-ка къ отвѣту.

Уаттсъ говорилъ шутливо, но видно было, что ему не по себѣ.

— Мы съ дѣвочкой вчера ждали тебя весь вечеръ, да такъ и не дождались. Она потребовала, чтобы мы сами розыскали тебя сегодня.

— Я не понимаю, почему?—Питеръ оглянулся на Леонору, точно ждалъ отвѣта отъ нея, но Леонора спокойно разсматривала комнату.

— Какъ? Даже совсѣмъ чужой зашелъ бы, чтобы справиться, какъ Крошка чувствуетъ себя послѣ своего приключенія. А съ твоей стороны было просто преступленіемъ не сдѣлать этого. Не знаю ужъ, какого ты заслуживаешь наказанія.

— Вы ждали меня, миссъ Д'Аллуа?

Миссъ Д'Аллуа съ преувеличеннымъ интересомъ разсматривала полку юридическихъ книгъ. Она не обернулась, не отвѣтила.

— Да.

— Я жалѣю, что не зналъ этого,— сказалъ Питеръ съ искреннимъ раскаяніемъ въ голосѣ.

Интересъ миссъ Д'Аллуа къ юридической литературѣ внезапно упалъ, она повернулась и подарила Питера быстрымъ взглядомъ своихъ удивительныхъ глазъ. Очевидно, его слова или тонъ, которымъ они были произнесены, понравились ей. Уголки ея рта задрожали отъ сдержаннаго смѣха, она низко присѣла и сказала:—Можетъ быть, вамъ пріятно будетъ узнать, что приключеніе миссъ Д'Аллуа не имѣло серьезныхъ послѣдствій, и она провела ночь спокойно. Миссъ Д'Аллуа думала, что, въ отвѣтъ на любезность м-ра Стерлинга, она обязана избавить его отъ безпокойства справляться о ея здоровьи и не отнимать драгоцѣннаго его времени, посвященнаго на изученіе политики и скучныхъ дѣлъ.

— Хорошенько его! — закричалъ Уаттсъ.—Что, сударь, чувствуешь свою вину?

— Я не стану извиняться, что не былъ,—отвѣчалъ Питеръ,—ужъ такова моя судьба. Но сознаюсь, что жалѣю объ этомъ.

— И этого довольно,—сказала Леонора.—Я боялась, что вы не захотите, чтобы мы были друзьями. А такъ какъ я люблю все знать на чистоту, то и заставила папу свезти меня къ вамъ, чтобы самой все узнать.

Ея откровенность казалась Питеру очаровательной, хотя его бросало въ дрожь при мысли, что она могла подумать, будто онъ отказывается отъ ея дружбы.

— Конечно, вы съ Питеромъ должны быть друзьями,—сказалъ Уаттсъ.

— Но мама говорила мнѣ вчера вечеромъ, когда мы уже поднялись наверхъ, что она увѣрена, что м-ръ Стерлингъ никогда не придетъ къ намъ.

— Никогда, Крошка? — спросилъ Уаттсъ.

— Никогда. А когда я спросила ее почему, она сначала не хотѣла мнѣ говорить, но потомъ сказала, что онъ не любитъ общества. Я не хочу дружиться съ человѣкомъ, который никогда не зайдетъ ко мнѣ.

Леонора, казалось, смотрѣла на полъ, но изъ-подъ опущенныхъ рѣсницъ зорко наблюдала за Питеромъ.

Однако, Питеръ, о чемъ бы онъ ни думалъ, по наружности оставался совершенно спокоенъ, слишкомъ спокоенъ, по мнѣнію Леоноры.

— Я не буду давать вамъ клятвъ въ дружбѣ,—сказалъ онъ, — даже не обѣщаю, что приду къ вамъ, миссъ Д'Аллуа. Не забывайте, что дружба есть слѣдствіе свободныхъ отношеній. Если вы хотите, чтобы мы были друзьями, мы ничѣмъ не должны связывать другъ друга.

— Прекрасно,—возразила Леонора,— вѣроятно это вѣжливый способъ дать мнѣ понять, что вы не хотите придти. Однако, я хотѣла бы знать—почему?

— Слишкомъ долго было бы выяснять теперь причины, поэтому я откладываю объясненіе до перваго раза, когда приду къ вамъ.

Питеръ улыбался, глядя на нее съ высоты своего роста.

Миссъ д'Аллуа внимательно посмотрѣла на него, какъ бы желая прочесть въ его лицѣ истинный смыслъ его словъ; затѣмъ протянула ему обѣ руки.

— Мы будемъ друзьями, я увѣрена,— сказала она, не опуская глазъ, пока Питеръ пожималъ ея ручки.

Когда это важное дѣло было окончено, обращеніе Леоноры сразу измѣнилось.

— Такъ вотъ какова контора знаменитаго Питера Стерлинга? — шаловливо спросила она.

— Вотъ никогда не сказалъ бы этого,— замѣтилъ Уаттсъ.—Ей-Богу, тебѣ слѣдовало бы устроиться получше, принимая во вниманіе твою обширную практику. Это помѣщеніе еще хуже нашей школьной квартиры въ Гарвардѣ, а ужъ она-то была прямо пуританская.

— Я нахожу особую прелесть въ простотѣ. Если ты любишь стиль — зайди къ Огдену или Ривингтону.

— Отчего у васъ такая простая обстановка, м-ръ Стерлингъ?

— Оттого, что мнѣ приходится имѣть дѣло съ простымъ людомъ; они чувствуютъ себя лучше въ простомъ помѣщеніи и меньше конфузятся. До сихъ поръ я еще ни разу не терялъ кліентовъ, потому что у меня нѣтъ роскошной мебели, но я, навѣрное, разогналъ бы многихъ, если бы у меня была такая же блестящая обстановка, какъ у моихъ компаньоновъ.

— Однако, пріятель, мнѣ кажется, что этихъ кліентовъ не мѣшало бы пугнуть. Вѣдь врядъ ли ихъ практика приноситъ тебѣ доходъ?

— Мы о деньгахъ не говоримъ, мы говоримъ о людяхъ. Я съ гордостью говорю, что, не смотря на мой громкій успѣхъ, я не потерялъ связи съ моимъ «участкомъ» и съ моими избирателями. Они всѣ навѣщаютъ меня здѣсь и чувствуютъ себя, какъ дома, являются ли они, какъ кліенты, какъ сотрудники, или просто какъ пріятели.

— Вотъ какъ!—хохоталъ Уаттсъ.— Ахъ ты, старая лисица! Вы только посмотрите на эти голыя стѣны, на полочку съ книгами закона, на эти четыре стула, на сосновую конторку! Вотъ онъ, великій политикъ! Вотъ онъ—народный кумиръ.

Питеръ ничего не отвѣчалъ. Но Леонора сказала ему:

— Я очень рада, м-ръ Стерлингъ, что вы продолжаете помогать народу, — и снова остановила на немъ взглядъ.

Питеръ забылъ насмѣшку.

— Послушай, Крошка, — замѣтилъ Уаттсъ,—зачѣмъ ты зовешь моего пріятеля «м-ръ Стерлингъ». Это не хорошо. Зови его... г-м... зови его «дядя Питеръ».

— Не хочу,—отвѣчала Леонора, къ великой радости Питера.

— Подожди-ка... Какъ же мнѣ васъ звать?

— Зови его «душкой», — засмѣялся Уаттсъ.

— Какъ же мнѣ васъ звать?

Миссъ д'Аллуа склонила головку на бокъ и искоса взглянула на Питера.

— Рѣшите сами, миссъ д'Аллуа.

— Приходится рѣшать самой. Я думаю—я буду звать васъ—Питеръ.

Она говорила съ разстановкой, но безъ смущенія, и Питеръ нашелъ, что его имя необыкновенно красиво, когда она произносила его.

— Просто Питеръ?—удивился Уаттсъ.

— А какъ же вы будете меня звать?

— Миссъ д'Аллуа, — сказалъ Питеръ.

— Нѣтъ. Вы должны... вы должны... звать меня...

— Миссъ д'Аллуа,—подтвердилъ Питеръ.

— Тогда я буду звать васъ «м-ръ Стерлингъ», Питеръ.

— Нѣтъ, не будете.

— Это почему же?

— Потому, что сами сказали, что будете звать меня Питеръ.

— Не буду, если вы...

— Вы не ставили никакихъ условій при обѣщаніи. Показать вамъ статью закона?

— Не хочу. А я все-таки не стану звать васъ Питеръ; ни за что не стану, Питеръ.

— Тогда я буду преслѣдовать васъ законнымъ порядкомъ.

— Но я выиграю дѣло, потому что найму адвоката, моего хорошаго пріятеля, и онъ защититъ меня. Его зовутъ Питеръ.

Леонора усѣлась передъ конторкой Питера.

— Я сейчасъ же напишу ему.

Она вытащила бланкъ, взяла его перо и, взявъ кончикъ его въ зубы (Питеръ сохранилъ это перо), на минутку задумалась. Потомъ написала:

«Милый Питеръ.

«Мнѣ грозятъ судомъ. Не защитите ли вы меня? Пришлите отвѣтъ на имя «милой Леоноры».

«Леонора Д'Аллуа».

— А теперь,—сказала она Питеру,—вы должны написать мнѣ отвѣтъ. Тогда я вамъ дамъ эту записку. — Леонора вскочила держа свое письмо въ рукѣ.

— Я никогда не отвѣчаю на письма, прежде чѣмъ не получу ихъ.

Питеръ поймалъ маленькую ручку и отнялъ записку. Потомъ онъ въ свою очередь сѣлъ къ столу и написалъ на другомъ листкѣ.

«Дорогая миссъ Д'Аллуа.

«Я всегда готовъ вѣрно защищать васъ.

«Питеръ Стерлингъ».

— Я не то вамъ сказала, — замѣтила миссъ Д'Аллуа,—но мнѣ придется удовлетвориться этимъ.

— Вы забываете важную вещь.

— Еще что?

— Мой гонораръ.

— Боже мой,—вздохнула Леонора.—У меня почти нѣтъ денегъ, я все истратила. Развѣ вы никогда не защищаете даромъ бѣдныхъ, самыхъ бѣдныхъ людей?

— Не защищаю, если они только прикидываются бѣдными.

— О, я не прикидываюсь, я въ самомъ дѣлѣ бѣдна. Вотъ вамъ мой кошелекъ. Смотрите сами. Это все, что у меня есть до перваго числа.

Она протянула Питеру свой кошелекъ. Питеръ взялъ его и высыпалъ его содержимое на свой бюваръ. Затѣмъ онъ старательно разобралъ все по одиночкѣ. Въ кошелькѣ оказались: новенькая десяти-долларовая бумажка, очевидно послѣдняя изъ выданныхъ на булавки денегъ; два доллара; монетка въ пятьдесятъ центовъ; два квартета и одна дима; нѣмецкій золотой въ двадцать марокъ, кусочекъ пунцовой ленточки и пуговка отъ перчатки дополняли его содержимое. Питеръ аккуратно уложилъ обратно американскія деньги и пуговку и вручилъ кошелекъ миссъ Д'Аллуа.

— Вы забыли ленточку и золотой,— сказала Леонора.

— Вы жестоко ошибаетесь, — отвѣчалъ спокойнымъ, дѣловымъ тономъ Питеръ, аккуратно завернувъ золотой въ ленточку и пряча его въ жилетный карманъ.

— О,—воскликнула Леонора,—я не могу вамъ дать золотой, это моя счастливая монетка.

— Въ самомъ дѣлѣ?—Въ голосѣ Питера слышалось удивленіе, смѣшанное съ удовольствіемъ.

— Да. Вѣдь не захотите вы отнять у меня мое счастье?

— Я подумаю объ этомъ вопросѣ и напишу вамъ мое юридическое мнѣніе.

— Пожалуйста, — умоляла Леонора.

— Имѣйте терпѣніе.

— Но я хочу, чтобы вы мнѣ отдали мою счастливую монету! Я нашла ее въ трещинѣ скалы при переходѣ черезъ Геми. И лента мнѣ нужна. Это образчикъ, и мнѣ нужно еще прикупить.— Въ голосѣ миссъ Д'Аллуа звучало дѣйствительное безпокойство.

— Я съ удовольствіемъ помогу вамъ подобрать ленту,—сказалъ Питеръ. — Дайте мнѣ знать, и я пойду вмѣстѣ съ вами въ магазинъ. Что же до вашего «счастья», то я пока оставлю его у себя.

— Теперь я знаю, почему у адвокатовъ такая дурная репутація,—сказала Леонора сердито. — Они всѣ грабители.—Она смотрѣла на него, надувъ губки, а Питеръ серьезно вглядывался въ ея черты. Такъ они смотрѣли другъ на друга съ минуту, но вотъ губы Леоноры задрожали, она боролась со смѣхомъ, желая остаться серьезной, но не выдержала и расхохоталась.

Питеръ тоже засмѣялся.

Глава XXXVIII.

Келья отшельника.

Леонора росла одинокимъ ребенкомъ, и, благодаря вѣчнымъ передвиженіямъ ея родителей, у нея не было друзей, а семнадцатилѣтней дѣвочкѣ они необходимы. Поэтому, когда заговорили о возвращеніи въ Америку, Леонора рѣшила что она подружится съ Питеромъ и сдѣлаетъ его повѣреннымъ своихъ тайнъ и недоумѣній. Миссъ Де-Во и Дороти много говорили ей о Питерѣ, и изъ ихъ описаній, а также изъ воспоминаній своего отца, Леонара вывела заключеніе, что Питеръ можетъ быть именно такимъ другомъ, о какомъ она мечтала. Если она дразнила и мучила его, то только потому, что она была женщина, и ей было семнадцать лѣтъ. Но онъ ей нравился, и она чувствовала къ нему дружеское расположеніе съ нѣкоторой долей любопытства, иначе она не пришла бы къ нему и не болтала бы съ нимъ такъ откровенно. Что касается Питера, то онъ не умѣлъ опредѣлить свое чувство. Онъ провелъ наканунѣ восхитительные полчаса и рѣшилъ, что долженъ снова увидѣть эти сѣрые глаза, даже если ему придется бѣжать за ними на край свѣта, хотя ихъ обладательница была ему чужая, и онъ еще не зналъ, будутъ ли они для него только ignis fatuus или его путеводной звѣздой, ниспосланной ему Провидѣніемъ.

Во время бесѣды Питера съ Леонорой Уаттсъ пересмотрѣлъ всѣ книги на полкахъ, глядѣлъ въ окошко, свистѣлъ и зѣвалъ. Наконецъ, чисто отъ скуки, онъ толкнулъ какую-то дверь и заглянулъ въ нее.

— Ого!—закричалъ онъ.—Вотъ такъ открытіе! Полюбуйтесь! Здѣсь возсѣдаетъ защитникъ народа Питеръ Стерлингъ въ сіяніи пуританской простоты, а тамъ, за дверью—повѣренный банковъ и желѣзныхъ дорогъ среди роскоши востока.

Уаттсъ вошелъ въ сосѣднюю комнату.

— Что это значитъ, Питеръ?

— Онъ пошелъ въ мой частный кабинетъ. Не хотите ли...

Питера прервалъ голосъ Уаттса: «Иди сюда, Крошка, и посмотри, какъ живутъ угрюмые отшельники».

Леонора, а за ней Питеръ, послѣдовали приглашенію Уаттса. Комната, въ которую они вошли, была довольно любопытна. Она была очень велика, съ четырьмя окнами, изъ которыхъ два выходили на Брадвей, а два на боковую улицу, съ двумя дверями и огромнымъ каминомъ. Всѣ ея стѣны сплошь, отъ полу до потолка, были покрыты полками изъ темнаго дуба, уставленными книгами. Но книгъ совсѣмъ не было видно: онѣ были закрыты рамками то же изъ темнаго дуба, съ картинами, этюдами и гравюрами. Рамы эти повертывались на шарнирахъ, и картины въ нихъ были вставлены съ двухъ сторонъ. Потолокъ и полъ были также изъ темнаго дуба, изъ него же были сдѣланы четыре кресла, два стула и обширный письменный столъ, составлявшіе, вмѣстѣ

съ двумя-тремя шкурами бѣлыхъ медвѣдей на полу, всю обстановку комнаты.

— Ахъ,—закричала Леонора,—какъ я рада, что вижу все это! Мнѣ такъ много говорили о вашей квартирѣ, — и все разное.

— Да,—сказалъ Питеръ,—это яблоко раздора всѣхъ моихъ друзей. Одни бранятъ меня за то, что полки доходятъ до потолка, что все дерево одного цвѣта, у картинъ и гравюръ одинаковыя рамки, что у меня нѣтъ ковровъ и бездѣлушекъ, и т. д. Иногда я даже спрашиваю себя: кто же живетъ здѣсь—я или мои друзья?

— Эта комната очень необыкновенна,—сказала Леонора съ разстановкой, видимо выбирая такое выраженіе, которое не обидѣло бы Питера.

— Тебя стоитъ повѣсить за твое обращеніе съ картинами, — сказалъ Уаттсъ.

— Мнѣ пришлось вставить ихъ въ такія широкія рамы, потому что книги не давали хорошаго фона.

— Это, это... Леонара колебалась. Это не особенно поражаетъ, когда приглядишься.

— Мнѣ оставалось повѣсить ихъ только такъ, или вовсе не вѣшать, такъ какъ для картинъ и книгъ не было достаточно мѣста. А перевертывая рамы, я всегда могу имѣть передъ глазами новыя картинки.

— Посмотри, Крошка, вѣдь это подлинный Рембрандтъ, эти «Три креста». Не зналъ я, что ты такой знатокъ, старина.

— Я не знатокъ, отвѣтилъ Питеръ,— я люблю картины, но у меня не хватило бы ни времени, ни знаній, чтобы самому собрать все, что ты здѣсь видишь.

— Откуда же ты добылъ ихъ?

— Одинъ мой пріятель—человѣкъ съ огромнымъ художественнымъ вкусомъ, собралъ все это, но онъ разорился, и я купилъ ихъ у него.

— Это м-ръ Ле-Гранъ? — спросила Леонора.

— Да, онъ.

— Миссисъ Ревингтонъ мнѣ разсказывала.

— Должно быть, ему было чертовски тяжело разставаться съ такой коллекціей, замѣтилъ Уаттсъ.

— Онъ вовсе не разстался съ нею. Онъ постоянно приходитъ сюда и любуется ею, да и развѣшаны картины здѣсь по его указанію.

— Всѣ его картины здѣсь, Питеръ?

Питеръ едва удержался, чтобы не разцѣловать ее, такъ она мило говорила его имя.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ,—я купилъ только часть, а миссъ Де-Во и Лиспенардъ Огденъ остальныя. Меня обвиняютъ, что я порчу картины этими плоскими рамами и широкимъ золотымъ багетомъ; но мнѣ кажется, что матовое золото нѣсколько нарушаетъ общій монотонный характеръ комнаты. Впрочемъ, это мое личное мнѣніе.

— Значитъ, въ этой комнатѣ высказался вкусъ «простого человѣка»?— съехидничалъ Уаттсъ.

— Право же, папа, здѣсь все очень просто, проще быть не можетъ.

— Просто! Да, святая простота! Гравюры, по три тысячи долларовъ—простота, Милле—простота! О да! Питеръ любитъ простоту, медвѣдь этакій!

— Да нѣтъ, я говорю объ обстановкѣ. Ахъ, какое заманчивое кресло! Я должна попробовать его.—И Леонора почти потонула въ глубинѣ кресла. Питеръ сейчасъ же подошелъ къ камину подъ предлогомъ, что ему холодно, и сталъ глядѣть на нее. Пожалуй, Уаттсъ былъ правъ. Питеръ былъ не такъ простъ, какъ выглядѣлъ.

Питеръ смотрѣлъ и глазъ отвести не могъ, а Леонора спокойно снимала перчатки, и глядя на ея ручки, Питеръ рѣшилъ, что долженъ ихъ пожать, прежде чѣмъ она опять надѣнетъ перчатки

— Послушай,—спросилъ его Уаттсъ, какъ тебѣ удалось устроить такое помѣщеніе?

— Я уже давнишній жилецъ страхового общества, которому принадлежитъ этотъ домъ, и когда его стали перестраивать, архитекторъ передѣлалъ весь этажъ такъ, какъ мнѣ хотѣлось. Я перенесъ контору на улицу, а свои комнаты

расположилъ по переулку. Хотите посмотрѣть ихъ?—спросилъ онъ Леониру.

— Очень хочу.

Они вышли черезъ вторую дверь въ небольшую переднюю съ верхнимъ свѣтомъ, изъ которой лѣстница вела на крышу.

— Я занялъ верхній этажъ, чтобы дышать лучшимъ воздухомъ и любоваться видомъ города и залива, который очень живописенъ, объяснялъ Питеръ.— У меня есть лѣстница на крышу, куда я могу выходить въ хорошую погоду.

— Я и то удивлялся, что такая извѣстная фирма забралась на десятый этажъ,—замѣтилъ Уаттсъ.

— Огденъ и Ревингтонъ очень охотно помирились съ моими причудами. А вотъ моя столовая.

Это была комната въ девять квадратныхъ футовъ съ потолкомъ, поломъ и стѣнами изъ краснаго дерева, меблированная такимъ же столомъ и шестью стульями.

— Такъ вотъ то, что газеты называютъ «политическимъ инкубаторомъ Стерлинга». Не похоже, чтобы тутъ велись черные заговоры, — сказалъ Уаттсъ.

— Иногда у меня кое-кто обѣдаетъ, но всегда не больше шести человѣкъ, потому что мѣста мало.

— А вѣдь здѣсь преуютно, а, Крошка? Такъ и хочется забраться сюда, когда на улицѣ воетъ вѣтеръ, зажечь свѣчи, щелкать орѣхи и разсказывать сказки.

— Миссъ Леруа говорила мнѣ, Питеръ, какъ славятся ваши обѣды, и какъ всѣ стараются, чтобы вы ихъ пригласили хоть разочекъ, — сказала Леонора

— Именно разочекъ, старина. Ты понялъ намекъ Крошки? Но больше одного раза не надо.

— Питеръ, вы пригласите меня какъ нибудь?

Пригласить-ли? Питеру хотѣлось сказать, что его квартира, все, что въ ней есть, и онъ самъ... но тутъ онъ заявилъ самъ себѣ: «вѣдь ты ее не знаешь, перестань дурить», и отвѣтилъ ей:

— О моихъ обѣдахъ говорятъ потому, что они бываютъ очень рѣдко, а говорить о чемъ нибудь надо. Мои друзья—всегда желанные гости.

При этихъ словахъ Питеръ такъ посмотрѣлъ на Леонору, что она поняла, что послѣднія слова его относились только къ ней.

— Какъ ты справляешься съ меню, дружище?

— У м-ра Ле-Гранъ былъ слуга, негръ изъ Мэриленда, котораго онъ мнѣ уступилъ. Онъ у меня дѣлаетъ все, но по призванію онъ поваръ. По части приготовленія устрицъ, рыбы и дичи, онъ не имѣетъ себѣ равныхъ. А такъ какъ у меня никогда не бываетъ больше пяти приглашенныхъ, то онъ успѣваетъ и стряпать и подавать. Кромѣ того, собираясь послѣ работы, мы не торопимся поскорѣе проглотить обѣдъ и наслаждаемся отдыхомъ. А что, если вы позавтракаете со мной теперь, чтобы попробовать нашу стряпню? Мои товарищи обыкновенно завтракаютъ со мной, и у Дженифера всегда найдется что-нибудь особенное.

— Съ удовольствіемъ, — сказалъ Уаттсъ.

Но Леонора отказалась.

— Нѣтъ, мы не должны надоѣдать, и такъ нашъ первый визитъ затянулся.

Ни Уаттсъ, ни Питеръ не могли убѣдить ее. Леонора вовсе не желала завтракать въ компаніи четырехъ мужчинъ.

— Намъ пора домой,—твердила она.

— Докончите хоть осмотръ моей квартиры,—умолялъ Питеръ, чтобы задержать гостей.

Леонора благосклонно согласилась. Они пошли въ кладовую. Леонора открывала всѣ шкапы и ящики, все перетрогала и все раскритиковала съ серьезнымъ видомъ заправской хозяйки.

Питеръ любовался ею. Изъ кладовой перешли въ спальню. Леонора нашла ее крайне обыкновенной, но заинтересовалась двумя вещами.

— Вы сами ухаживаете за цвѣтами на окнахъ?

— Нѣтъ. Миссисъ Костеллъ завтракаетъ у меня разъ въ недѣлю и во-

зится съ ними. Она любитъ, чтобы всѣ мои окна были заставлены цвѣтами. Вы замѣтили ихъ въ другихъ комнатахъ?

— Да, они мнѣ очень понравились, но я не думала, что это ваши. Они слишкомъ хорошо содержатся для мужчины.

— Мнѣ кажется, что миссисъ Костелль достаточно взглянуть на цвѣты, чтобы они расцвѣли,—замѣтилъ Питеръ.

— Какая милая мысль! — сказала Леонора.

— Потому что предметъ милый,— отвѣтилъ Питеръ. Легко—говорить хорошо о прекрасныхъ вещахъ

— Мнѣ хотѣлось бы познакомиться съ миссисъ Костелль, я много о ней слышала.

Вторымъ интереснымъ предметомъ оказалось содержаніе того, что должно было служить подставкой для зонтиковъ.

— Зачѣмъ у васъ три шпаги?— спросила Леонора, вытаскивая самую нарядную.

— Чтобы я могъ убить побольше людей.

— Слушай, Крошка, ты должна была бы знать, что у каждаго офицера есть боевое и парадное оружіе.

— Но это все парадныя шпаги. Боюсь, что вы очень важничаете своимъ майорствомъ.

Питеръ только улыбнулся въ отвѣтъ.

— Да,—продолжала Леонора,—наконецъ то я нашла ваше слабое мѣсто. Вы обожаете золотое шитье и кантики.

Питеръ снова улыбнулся.

— «Эта шпага поднесена капитану Питеру Стерлингу въ благодарность за исключительное мужество, выказанное имъ въ Корневиллѣ 25-го іюля 1877 г.»— прочла Леонора на клинкѣ.—Что вы сдѣлали въ Корневиллѣ?

— То же, что и другіе.

— Но что же вы сдѣлали особеннаго, что получили шпагу?

— Только свой долгъ.

— Разскажите!

— Вы говорили, что все знаете про меня.

— Этого я не знаю.

Питеръ опять улыбнулся.

— Разскажите! Если вы не разскажете, разскажетъ кто нибудь другой. Пожалуйста.

— Развѣ не видишь, Крошка, это все почетныя шпаги.

— Да,—сказалъ Питеръ,—и такія парадныя, что я не рѣшаюсь ихъ употреблять. Шпаги, которыя я ношу, я держу въ арсеналѣ.

— Скажете вы мнѣ наконецъ, за что вы ихъ получили?

— Эту шпагу мнѣ поднесла моя команда, когда я былъ произведенъ въ капитаны, эту подарили по подпискѣ друзья. Ту, что вы держите въ рукахъ, я получилъ отъ управленія одной желѣзной дороги.

— За что?

— За исполненіе долга.

— Папа, идемъ. Пора домой.

Питеръ сдался.

— Была стачка, на смѣну забастовавшихъ наняли новыхъ рабочихъ, и помѣстили ихъ въ товарномъ вагонѣ. А стачники ихъ заперли въ вагонѣ и отвезли въ вагонный сарай.

— А вы что сдѣлали?

— Мы привезли вагонъ обратно.

— Только то, не стоило за это давать шпагу. Что же вы еще можете показать намъ?

— Больше нечего показывать. Есть еще одна запасная комната и коморка Дженифера, но ихъ не стоитъ смотрѣть.

Они опять пришли въ кабинетъ. Леонора достала свои перчатки

— Мнѣ было очень весело,—сказала она.—Я думаю, что буду часто приходить сюда.

— Не могу сказать вамъ, какъ я былъ счастливъ. Никогда еще не заглядывало ко мнѣ такое красное солнышко.

— А развѣ вы предпочитаете солнышко своимъ пыльнымъ книгамъ?—спросила Леонора съ лукавой улыбкой.

— Это зависитъ отъ солнышка,— серьезно отвѣтилъ Питеръ.

— Тамъ, куда заглядываетъ солнышко, должны выростать цвѣты. Мнѣ хочется... да, я подарю вамъ эти фіалки.

Леонора вынула букетъ фіалокъ, приколотый къ ея поясу, и подала его

Питеру, который задержалъ ея ручку въ своихъ рукахъ. Она еще не успѣла надѣть перчатокъ. Потомъ она надѣла перчатки и простилась съ Питеромъ, но онъ захотѣлъ проводить ихъ до элеватора и тутъ снова прощался съ нею. Потомъ онъ рѣшилъ, что доведетъ ихъ до экипажа, чтобы имѣть возможность еще разъ пожать ея ручку.

Глава XXXIX.

Новыя встрѣчи.

Не успѣлъ Питеръ вернуться въ кабинетъ, какъ завтракъ былъ поданъ.

— Отчего у тебя такой довольный видъ?—спросилъ Рей.

— Оттого, что я доволенъ.

— Какой онъ чудакъ! — замѣтилъ Рей Огдену, когда они снова принялись за работу.—Сейчасъ же послѣ завтрака онъ передалъ мнѣ свое заключеніе по дѣлу Голи-Сели. Я увѣренъ, что онъ просидѣлъ все утро надъ этими документами, суше и скучнѣе которыхъ не выдумаешь, а между тѣмъ, когда онъ сошелъ къ завтраку, у него былъ такой сіяющій видъ, точно онъ именинникъ.

Когда Питеръ вернулся въ кабинетъ, его очень соблазняло бросить всѣ дѣла и помечтать немножко. Ему хотѣлось держать въ рукахъ свой букетикъ фіалокъ и вдыхать ихъ нѣжный ароматъ, хотѣлось безъ конца перечитывать записочку и разсматривать ленточку и монету. Но онъ поборолъ искушеніе, заперъ всѣ свои сокровища въ ящикъ стола въ кабинетѣ, вышелъ въ контору и сѣлъ къ письменному столу. Прежде всего онъ разорвалъ свое письмо къ Уаттсу и написалъ новое.

«Уаттсъ.

«Ты самъ можешь понять, почему я не пришелъ къ вамъ вчера, и не могъ связать себя обѣщаніемъ на будущее. Я долженъ получить приглашеніе бывать у васъ отъ твоей жены. Какъ добыть его—это твое дѣло; но ты долженъ достать мнѣ его, это единственное вознагражденіе, которое я отъ тебя требую. Въ противномъ случаѣ между нами все кончено. Питеръ».

Написавъ это, Питеръ спокойно принялся за работу и проработалъ до шести часовъ, когда, взявъ гири, подѣлалъ минутъ десять гимнастику, принялъ душъ, переодѣлся и пообѣдалъ. Послѣ обѣда онъ вернулся въ кабинетъ и открылъ завѣтный ящикъ. Что онъ досталъ оттуда—ящикъ ли сигаръ, или букетикъ фіалокъ, ленточку, золотой и листикъ бумаги—не знаемъ. Извѣстно только одно: Питеръ провелъ второй вечеръ, ничего не дѣлая и не читая. Этого съ нимъ еще ни разу не случалось за послѣднія двадцать лѣтъ.

На слѣдующій день Питеръ спустился съ облаковъ, его сильная натура и здравый смыслъ, казалось, побороли очарованіе.

Онъ пилъ кофе, катался верхомъ и работалъ по заведенному порядку.

Послѣ обѣда, вечеромъ, онъ выкурилъ только одну сигару, и послѣ этого замѣтилъ самъ себѣ, должно быть, по поводу сигары:

«Питеръ, дѣлай свое дѣло и не обожгись!»

Лицо его приняло крайне рѣшительное выраженіе, и онъ углубился въ чрезвычайно занимательную книгу, подъ заглавіемъ: «Девять этіологическихъ и профилактическихъ изысканій по поводу холерной эпидеміи въ Остъ-Индіи», которую читалъ почти до часу ночи.

Слѣдующій день былъ воскресный. Питеръ сходилъ въ церковь, а послѣ завтрака поѣхалъ въ Вестчестеръ и провелъ весь день съ миссисъ Костелль. Ему казалось, что онъ снова окончательно нашелъ свое душевное равновѣсіе. Но и до него многіе люди говорили то же, и самый фактъ, что они такъ говорили, доказывалъ, что они не были увѣрены въ себѣ. Тоже самое оказалось, какъ мы увидимъ, и теперь.

Въ понедѣльникъ послѣ завтрака Питеръ не могъ такъ прилежно работать, какъ работалъ утромъ. Онъ былъ разсѣянъ; нѣсколько разъ, крѣпко сжавъ зубы, онъ принимался писать съ лихорадочной быстротой, но черезъ минуту отвлекался отъ дѣла. Онъ смотрѣлъ на часы, пряталъ ихъ и снова съ рѣшимостью принимался за работу, чтобы че-

резъ пять минутъ опять смотрѣть на часы.

Наконецъ, онъ позвонилъ.

— Дженниферъ,—сказалъ онъ, -- вычистите хорошенько мои шпоры и рейтузы.

— Да что вы, баринъ, я ихъ чистилъ сегодня утромъ.

— Ну, такъ не надо. Велите мальчику позвать извозчика.

Когда Питеръ черезъ полчаса въѣзжалъ верхомъ въ паркъ, онъ ни на минуту не колебался и быстрой рысью пустилъ лошадь по знакомой дорогѣ. Но онъ не долго скакалъ, а внезапно натянулъ поводья, поравнявшись съ двумя всадниками.

— Я искалъ васъ, — прямо сказалъ Питеръ. Онъ всегда отличался откровенностью.

— Алло! вотъ это славно!—отвѣтилъ Уаттсъ.

— Вы не находите, что уже довольно поздно? — освѣдомилась Леонора. У ней были свои взгляды на дружбу. Она не сердилась на Питера,—о нисколько! — но просто не хотѣла смотрѣть на него.

Питеръ поѣхалъ рядомъ съ ней.

— Я самъ думалъ это, а потому и поторопился пріѣхать, — спокойно сказалъ онъ.

— Когда вы вспомнили объ этомъ, скажите, пожалуйста?—съ достоинствомъ спросила Леонора.

— Тогда, когда мнѣ пришло въ голову, что вы, вѣрно, каждый день катаетесь здѣсь передъ обѣдомъ.

— А вы сами? — Леонора нѣсколько смягчилась.

— Я люблю ѣздить рано утромъ, когда здѣсь мало публики.

— Ахъ ты угрюмый, старый нелюдимъ!—воскликнулъ Уаттсъ.

— А теперь?—продолжала Леонора.

Леонора говорила все время, не глядя на Питера, а ему до боли хотѣлось увидѣть ея глаза. Онъ отвѣчалъ:

— Теперь я буду ѣздить днемъ.

Онъ былъ награжденъ очень нѣжнымъ взглядомъ.

— Какой вы милый, Питеръ,— сказала Леонора. — Если мы будемъ видѣться каждый день въ паркѣ, мы можемъ говорить другъ другу все, что мы дѣлаемъ и о чемъ думаемъ. Вѣдь мы съ вами друзья.'— Леонора говорила съ увѣренностью.

Питеръ былъ въ восторгѣ.

— Послушай, Питеръ, — сказалъ Уаттсъ,—какъ ты сталъ шикаренъ. Я собирался посмѣяться надъ тобой, когда увидѣлъ тебя въ первый разъ, но сегодня я просто ослѣпленъ! Готовъ поклясться на Библіи, что мнѣ и не снилась такая перемѣна съ моимъ старикомъ Питеромъ. Ты только взгляни на него, Крошка; развѣ онъ не наполняетъ тебя изумленіемъ, ужасомъ и восторгомъ?

Леонора робко посмотрѣла на Питера, но откровенно отвѣтила:

— Я была очень удивлена, Питеръ. Мнѣ говорили, что у васъ совершенно нѣтъ стиля.

Питеръ улыбнулся:

— Помните, что сказалъ Бэконъ?

— Время было, время прошло; но что прошло, не вернется никогда?— спросила Леонора.

— Это можно, я думаю, отнести къ моему «неимѣнію стиля».

— Пелль, Огденъ и остальные сдѣлали съ тобой то, чего я, несмотря на всѣ старанія, не могъ сдѣлать. Такъ ты, значитъ, снизошелъ къ мольбамъ твоихъ модныхъ пріятелей.

— Конечно, я старался одѣваться прилично ради «моихъ модныхъ друзей», когда я бывалъ съ ними. Но не они пріучили меня къ этому, хотя и рекомендовали мнѣ хорошаго портного, когда я рѣшился одѣваться получше.

— Значитъ, виновница перемѣны— твоя обширная юридическая практика? Ты сталъ франтить, чтобы поражать кліентовъ своей внѣшностью?

— Я думаю, что моя внѣшность также мало повліяла бы на мою практику, какъ и обстановка моей конторы.

— Такъ кто же «она»? Выкладывай, старая лисица!

— Питеръ, скажите мнѣ,—просила Леонора.

Питеръ улыбнулся, глядя ей въ глаза.

— Кто «она»?

— Нѣтъ. Почему вы стали хорошо одѣваться? Пожалуйста!

— Вы будете надо мной смѣяться, если я скажу, что для моихъ избирателей.

— Вотъ вздоръ! Слишкомъ ужъ не искусно! Разсказывай это тѣмъ, кто поглупѣе. Ужъ не сталъ ли ты опекуномъ какой-нибудь очаровательной барышни?

— Для вашихъ избирателей, Питеръ?

— Да. Не знаю, съумѣю ли я объяснить вамъ. Сначала я не обращалъ на свою внѣшность ни малѣйшаго вниманія. Но, поработавъ нѣсколько лѣтъ на политической аренѣ, я увидѣлъ, что, въ глазахъ народа, я отожествляю собою свой участокъ и являюсь его представителемъ. Я никогда не обращалъ вниманіе на свой костюмъ, и оказалось, что нѣсколько разъ, на разныхъ торжествахъ, митингахъ и открытіяхъ я былъ одѣтъ хуже, чѣмъ другіе. Такъ что, если просили кого-нибудь изъ моихъ избирателей показать меня, имъ было неловко за мою непредставительную наружность. Первый намекъ былъ сдѣланъ послѣ одного изъ такихъ торжествъ, на которомъ я появился въ мягкой шляпѣ. Изъ всѣхъ присутствующихъ у меня одного не было цилиндра, и моимъ избирателямъ было стыдно за меня. Они сдѣлали складчину и пришли просить меня заказать новый фракъ, купить цилиндръ и перчатки. Конечно, такая просьба возбудила съ моей стороны вопросы, и хотя они сначала упорно отмалчивались, чтобы не обидѣть меня, я, въ концѣ концовъ, добился, въ чемъ дѣло. И съ тѣхъ поръ я началъ тратить деньги на портного и обращать большое вниманіе на свое платье.

— Ай да «шестой»! Да здравствуетъ неумытая демократія, для которой всѣ люди равны! Самый «сѣрый» участокъ и требуетъ, чтобы его великій человѣкъ походилъ на модную картинку! Послушай, другъ, мы можемъ сколько угодно толковать о равенствѣ, а все-таки низшіе классы всегда будутъ восхищаться и преклоняться передъ мишурнымъ сіяніемъ аристократіи.

— Ты ошибаешься. Они любятъ блестящіе зрѣлища, парады, балы и т. п.— да и кто ихъ не любитъ! Любить красное эстетично, но не аристократично. Однако, они меньше судятъ людей по наружности и богатству, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ, даже гораздо меньше, чѣмъ люди твоего круга. Они хотѣли, чтобы я хорошо одѣвался, потому что это было необходимо. Но пусть кто-нибудь изъ нихъ самихъ попробуетъ одѣваться сверхъ своихъ средствъ и положенія—его осыплютъ градомъ насмѣшекъ, а можетъ быть, поступятъ съ нимъ еще хуже.

— Понятно, они всегда рады осмѣять своего брата,—возразилъ Уаттсъ.—Единственно, чего эти люди не могутъ простить своимъ подобнымъ, — это ихъ успѣха. Но они ничего не посмѣютъ сказать одному изъ насъ.

— Если бы ты или Пелль, или Огденъ попробовали войти во фракѣ въ пивную Бленкерса, въ моемъ участкѣ, васъ бы попросили уйти, и не только ничего бы вамъ не дали выпить, но вы рисковали бы нарваться на дерзость. На прошлой недѣлѣ мнѣ пришлось зайти къ тому же Бленкерсу прямо со званаго обѣда. Я былъ во фракѣ, въ лакированныхъ ботинкахъ и даже съ цвѣткомъ въ петлицѣ, но всѣ присутствующіе съ радостью жали мою руку и просили посидѣть съ ними. Бленкерсъ не надѣлъ бы такого платья, такъ какъ оно ему не свойственно. По той же причинѣ и вамъ всѣмъ нечего дѣлать въ пивной Бленкерса—тамъ не ваше мѣсто. Но ребята знаютъ, что я одѣваюсь съ опредѣленной цѣлью, а къ нимъ прихожу за дѣломъ. Я не важничаю, я не хвастаю передъ ними моими средствами.

— Послушай, дружище, сведи меня какъ-нибудь вечеркомъ къ Бленкерсу и дай мнѣ посмотрѣть, какъ ты ораторствуешь передъ «ребятами». Мнѣ бы хотѣлось видѣть, какъ ты священнодѣйствуешь.

— Хорошо,—спокойно отвѣтилъ Питеръ,—если ты позволишь мнѣ привести какъ нибудь Бленкерса посмотрѣть на одинъ изъ твоихъ званыхъ обѣдовъ. Я увѣренъ, что это доставитъ ему удовольствіе.

Леонора наморщила носикъ и отъ души расхохоталась.

— О, но это совсѣмъ другое дѣло,— протестовалъ Уаттсъ.

— Такая же разница, какая была между двумя людьми, у которыхъ болѣли зубы,—сказалъ Питеръ.—Они оба встрѣтились у дантиста, и случилось, что тотъ могъ въ данное время вырвать только одинъ зубъ. Возникъ вопросъ— которому изъ паціентовъ? «У меня много мужества,—сказалъ одинъ,—и я могу подождать до завтра».—«Я такой трусъ,—возразилъ другой,—что боюсь рѣшиться сегодня».

— Вы никогда не брали своихъ знакомыхъ въ такія мѣста, Питеръ?—спросила Леонора.

— Нѣтъ, я всегда отказывался. Теперь въ обществѣ въ модѣ «наблюдать народъ», и ко мнѣ часто обращались за содѣйствіемъ. У меня кровь закипаетъ, когда я слышу, какъ они говорятъ объ этомъ новомъ «удовольствіи». Они нанимаютъ полицейскихъ для защиты и ходятъ по самымъ грязнымъ кварталамъ, гдѣ живутъ бѣдняки, врываются въ ихъ дома и копаются въ ихъ ранахъ, только изъ одного любопытства. А затѣмъ, вернувшись домой, за изысканнымъ ужиномъ, запивая его шампанскимъ, со смѣхомъ вспоминаютъ «уморительныя» сцены, которыя имъ пришлось наблюдать. Если бы бѣдняки могли нанять полицейскихъ и разглядѣть блескъ и роскошь богатыхъ, они не стали бы смѣяться, хотя во дворцахъ на 5-ой Авеню куда больше смѣшного, чѣмъ въ домахъ рабочаго квартала. Я самъ недавно слышалъ, какъ одна молодая дѣвушка разсказывала о томъ, что она случайно ночью попала въ домъ гдѣ былъ покойникъ. «Намъ ужасно повезло»,—говорила она. «Было такъ смѣшно видѣть, какъ эти оборванцы плакали и въ то же время пили водку». Однако, вѣдь покойникъ,—можетъ быть кормилецъ семьи, погибшій въ борьбѣ за существованіе, или послѣдній маленькій пришелецъ, не имѣвшій силы вести жизненную борьбу—лежалъ передъ глазами этой дѣвушки. Кто же былъ безсердечнѣе? Семья ли и друзья покойнаго, собравшіеся вокругъ него въ послѣднюю ночь, по своему обычаю, или блестящее общество, со смѣхомъ смотрѣвшее на нихъ?—Питеръ забылъ, гдѣ онъ и съ кѣмъ говоритъ.

Леонора слушала, затаивъ дыханіе. Но въ ту минуту, какъ Питеръ кончилъ, она опустила голову и зарыдала. Питеръ мгновенно опомнился.

— Миссъ Д'Аллуа! — воскликнулъ онъ.—Простите меня. Я забылся. Не плачьте такъ.—Питеръ умолялъ ее испуганнымъ голосомъ. Онъ чувствовалъ себя почти убійцей.

— Полно, полно, Крошка. Перестань! Совершенно нечего плакать.

Леонора продолжала горько плакать, тщетно стараясь найти свой карманъ.

— Я знаю... что... я... очень...глупая... силилась она выговорить, продолжая не попадать въ карманъ.

— Такъ какъ я виноватъ въ вашихъ слезахъ, позвольте мнѣ утереть ихъ,— сказалъ Питеръ. Онъ вынулъ свой собственный платокъ и имѣлъ удовольствіе видѣть, какъ Леонора уткнулась въ него личикомъ. Черезъ минуту она посмотрѣла на Питера; ея горе, казалось уменьшилось.

— Я не знала, что вы можете такъ говорить,—объясняла она, все еще тихонько всхлипывая.

— Пусть это послужитъ тебѣ урокомъ—замѣтилъ Уаттсъ.—Впередъ усмиряй свой паѳосъ, когда имѣешь дѣло съ маленькими дѣвочками.

— Ахъ, папа! Питеръ, я... я очень рада, что вы мнѣ это сказали. Я никогда туда не пойду!

Уаттсъ засмѣялся.

— Теперь я знаю, чѣмъ ты очаровалъ всѣхъ женщинъ, съ которыми мнѣ приходилось говорить о тебѣ. Ей-Богу, когда ты закинешь голову, и глаза твои загорятся, а голосъ дрожитъ отъ волненія, я не удивляюсь, что ты увлекаешь. Клянусь святымъ Георгомъ, ты прямо великолѣпенъ, и тобою можно залюбоваться!

Это послѣднее и было причиной, что Леонора не плакала, пока Питеръ не кончилъ говорить. Женщины плачутъ охотно, но увѣряю васъ, онѣ ни за что не заплачутъ, если могутъ заняться чѣмъ-нибудь инымъ.

— — — — — — —

Глава XI.

Различныя заключенія.

Когда прогулка кончилась, Леонору отослали домой въ экипажѣ, такъ какъ Уаттсъ заявилъ, что проѣдетъ вмѣстѣ съ Питеромъ въ клубъ.

Какъ только они усѣлись на извозчика, Уаттсъ сказалъ:

— Мнѣ хотѣлось поговорить съ тобой по поводу твоего письма.

— Въ чемъ дѣло?

— Все идетъ хорошо. Понятно, жена возмущена твоей предполагаемой безнравственностью, но я изо всѣхъ силъ стараюсь растрогать ее. Она горько оплакивала твои грѣхи на моемъ плечѣ вчера вечеромъ, а ни одна женщина послѣ этого не станетъ долго упрямиться. Она очень скоро положитъ гнѣвъ на милость.

Питеръ нахмурился. Ему очень хотѣлось сказать Уаттсу, чтобы онъ не безпокоился больше, но его остановила мысль о Леонорѣ. Ему нужно видѣть ее только, чтобы убѣдиться, что она не для него—и для этого онъ долженъ бывать въ ея домѣ.

— Питеръ,—продолжалъ Уаттсъ,—завтра мы переѣзжаемъ въ нашъ собственный домъ, а во вторникъ на будущей недѣли даемъ обѣдъ, чтобы отпраздновать новоселье и день рожденія Леоноры. Оставь за нами этотъ день, я ручаюсь, ты получишь приглашеніе, хотя оно, можетъ быть, придетъ немного поздно. Ты на это не обидишься?

— Нѣтъ, только пожалуйста, не заставляй меня слишкомъ часто фигурировать на твоихъ празднествахъ. Я не люблю ихъ, я не свѣтскій человѣкъ и врядъ ли сойдусь съ твоими знакомыми,

— По однимъ этимъ словамъ вижу, что ты не свѣтскій человѣкъ! Свѣтскіе люди готовы любезничать даже съ кенгуру, если онъ окажется ихъ сосѣдомъ за обѣденнымъ столомъ. Да и не можемъ мы поступать иначе. Мы яичный желтокъ, который помогаетъ смѣшивать самые разнородные элементы: масло, уксусъ, соль и горчицу. Мы ничѣмъ въ жизни не выдѣляемся, но безъ насъ люди не могутъ смѣшиваться.

— Я знаю,—сказалъ Питеръ,—что можно цѣлые часы переливать изъ пустого въ порожнее, но у меня есть дѣло поважнѣе этого.

— Конечно. Но и у насъ есть свои цѣли. Не думай, что такъ легко быть свѣтскимъ человѣкомъ. Это очень тяжелая обязанность.

— Зато совершенно не требующая умственнаго напряженія.

— Неправда. Развѣ ты не знаешь, что люди, посвящающіе жизнь «свѣту», должны быть его вождями? Тебѣ кажется вздоромъ часами выдумывать новый соусъ или новую фигуру котильона; для насъ же это не менѣе важно, чѣмъ для тебя назначеніе новаго кандидата на какую нибудь должность. Кромѣ того о чемъ же намъ говорить, какъ не о пустякахъ, если умные люди, подобно тебѣ, избѣгаютъ насъ?

— Да я не мѣшаю вамъ, меня только оставьте въ покоѣ.

— Онъ презираетъ насъ, запѣлъ Уаттсъ,—онъ предпочитаетъ разговоръ съ оборванцами, кабатчиками, «ребятами» и прочими развитыми интеллигентными людьми.

— Я люблю говорить съ каждымъ, кто трудится, имѣя опредѣленную цѣль въ жизни.

— Однако, Питеръ, что въ самомъ дѣлѣ думаютъ о насъ эти люди?

— Я лучше всего могу это передать тебѣ словами миссъ Де-Во. Мы какъ-то вмѣстѣ съ нею были на обѣдѣ. Тамъ же былъ одинъ господинъ изъ Чикаго, который очень разсердился, когда кто-то изъ присутствующихъ обнаружилъ свое незнакомство съ величиною и значеніемъ его родного города. Наконецъ, онъ сказалъ: «Вы такъ мало знаете мой городъ, что даже не умѣете правильно выговорить его названіе». Онъ обратился къ миссъ Де-Во: «Мы говоримъ Чикааго. А какъ вы выговариваете это въ Нью-Іоркѣ?» Миссъ Де-Во приняла свой спокойный, уничтожающій видъ, какъ всегда дѣлаетъ, когда собесѣдникъ ей не нравится, и холодно отвѣтила: «Мы въ Нью-Іоркѣ никакъ не говоримъ о немъ».

— Превосходно! Въ ней заговорила

*

кровь нашихъ предковъ—голландскихъ гугенотовъ.

— Ну, я другого мнѣнія объ этомъ замѣчаніи; добра оно сдѣлать не могло и было сказано съ намѣреніемъ оскорбить. Однако, эти слова могутъ опредѣлить отношеніе низшихъ слоевъ Нью-Іорка къ такъ называемому «обществу». Я работаю среди народа уже 16 лѣтъ и не замѣчалъ, чтобы они упоминали что-нибудь объ этомъ предметѣ.

— Мнѣ казалось, что анархисты и соціалисты вѣчно кричатъ о насъ.

— Они возстаютъ противъ богачей, но не противъ общества. Не смѣшивай цѣлаго съ его составными частями. Лимонная кислота—смертельный ядъ, но смѣшай ее съ водой и сахаромъ—получишь безвредный лимонадъ. То, что можетъ возбуждать ненависть, должно обладать силой.

Всѣ слѣдующіе дни Питеръ катался въ паркѣ и встрѣчался тамъ съ одной особой. Эта особа сообщила ему много интересныхъ вещей о своей жизни въ Европѣ, о своихъ мысляхъ, надеждахъ и чувствахъ.

«Онъ не смѣется надо мной, какъ папа, — думала она, — и мнѣ гораздо легче все говорить ему. Его въ самомъ дѣлѣ все интересуетъ. О, я всегда говорила, что мы съ нимъ будемъ друзьями!»

Однако, когда на четвертый день Питеръ встрѣтился съ Уаттсомъ и Леонорой, въ обращеніи съ нимъ этой послѣдней произошла перемѣна. Она привѣтствовала его сухимъ: «Здраствуйте!» и впродолженіи десяти минутъ ему пришлось удовлетвориться разговоромъ съ Уаттсомъ.

Питеръ недоумѣвалъ, чѣмъ онъ провинился? И видя, что она не смягчается, прямо обратился къ ней:

— Что случилось?

— Съ кѣмъ?—спокойно спросила Леонора.

— Съ вами.

— Ничего.

— Это не отвѣтъ. Помните, мы клялись быть друзьями.

— Друзья навѣщаютъ другъ друга.

Питеръ почувствовалъ облегченіе и улыбнулся.

— Когда могутъ,—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, другіе вовсе не приходятъ, — сказала Леонора очень строго. Потомъ она нѣсколько смягчилась.

— Почему вы не были у насъ? У васъ была цѣлая недѣля.

— Да,—сказалъ Питеръ,—и очень занятая недѣля.

— Вы намѣрены сдѣлать намъ визитъ, м-ръ Стерлингъ?

— Кому вы говорите?

— Конечно, вамъ.

— Мое имя Питеръ.

— Это зависитъ... Сдѣлаете вы намъ визитъ?

— Надѣюсь и собираюсь.

Леонора еще немножко смягчилась.

— Если собираетесь, то собирайтесь скорѣе,—сказала она. — Мама сегодня еще говорила, что хочетъ васъ позвать обѣдать въ день моего рожденія, въ будущій вторникъ, а я ей отвѣтила, что не хочу васъ звать, пока вы сами не придете.

— А знаете ли вы, что подкупъ запрещенъ закономъ?

— Что же, вы сдѣлаете визитъ?

— Непремѣнно.

— Вотъ и отлично. Когда же?

— Когда вы будете дома вечеромъ?

— Завтра, — отвѣтила Леонора и улыбнулась.

— Прекрасно,—сказалъ Питеръ. — Мнѣ жаль, что вы не сказали «сегодня», но и до завтра не очень далеко.

— Конечно. Вѣдь мы опять друзья.

— Надѣюсь, что да.

— А вы хотите быть настоящимъ другомъ, не только такъ себѣ?

— Непремѣнно.

— Какъ вы думаете, истинные друзья все говорятъ другъ другу?

— О да!—Питеръ ничего не имѣлъ противъ того, чтобы Леонора все говорила ему, и даже очень желалъ этого.

— Вы увѣрены въ этомъ?

— Да.

— Ну такъ разскажите мнѣ, за что вы получили шпагу?

Уаттсъ засмѣялся:

— Она разспрашивала объ этомъ

всѣхъ, кого ни встрѣчала. Да разскажи ты ей объ этомъ, хоть ради меня!

— Я уже разсказывалъ вамъ.

— Не такъ, какъ я хочу. Вы ни капельки не стараетесь, чтобы заинтересовать меня. Кое-кто помнитъ, что произошло что-то особенное, но никто не могъ точно сказать мнѣ—что? Пожалуйста, разскажите мнѣ хорошенько, Питеръ.

Леонора смотрѣла на Питера умоляющимъ взоромъ.

— Дѣло было во время большой желѣзнодорожной стачки. Компанія Эри выписала рабочихъ изъ Нью-Іорка на мѣсто забастовавшихъ. Новыхъ рабочихъ помѣстили въ пустыхъ товарныхъ вагонахъ, такъ какъ было не безопасно переходить линію охраны. Нѣкоторые стачники одумались и просили принять ихъ на работу. Ихъ приняли, но оказалось, что они только разыграли комедію, чтобы попасть за линію военной охраны. Ночью, когда новые рабочіе, утомленные двойной работой, спали, стачники вышли и забили двери вагоновъ. Они втолкнули оба вагона въ сарай, гдѣ были сложены тюки съ джутомъ, облили ихъ керосиномъ, подожгли и забаррикадировали двери сарая. Понятно, мы ничего не подозрѣвали, пока пламя не прорвалось черезъ крышу сарая, и только тогда одинъ изъ надзирателей, при свѣтѣ пожара, замѣтилъ, что вагоны съ рабочими исчезли. Пожарные насосы оказались безсильными,— стачники еще наканунѣ позаботились перерѣзать всѣ рукава. Тогда намъ приказали добыть вагоны изъ сарая. Нѣсколько бунтовщиковъ попрятались въ зданія, откуда можно было видѣть сарай, и пока мы разбивали дверь, они стали стрѣлять. Мы были ярко освѣщены пожаромъ, а они скрывались въ темнотѣ, что давало имъ большое преимущество надъ нами, а мы не могли терять времени, чтобы разогнать ихъ. Мы вывернули нѣсколько рельсовъ и разбили ими двери. Люди въ запертыхъ вагонахъ кричали, и по ихъ крику мы узнали, который вагонъ надо брать; къ счастью, онъ былъ ближе къ дверямъ. Мы взяли ружья—вагоны накалились и до металлическихъ частей нельзя было дотронуться,—привинтили штыки, воткнули ихъ въ стѣнки вагона и такимъ образомъ вытолкнули изъ сарая. Когда мы очутились на воздухѣ, мы разбили тѣми же рельсами двери вагоновъ, которые успѣли загорѣться. Люди, бывшіе внутри вагоновъ, къ счастью, не пострадали, хотя были страшно перепуганы.

— А вы не пострадали?

— У насъ было восемь тяжело раненыхъ и много сильно обожженыхъ.

— Но вы сами?

— Я тоже получилъ свою долю ожоговъ.

— Я бы хотѣла, чтобы вы мнѣ разсказали то, что вы сами дѣлали, а не другіе.

Питеръ готовъ былъ сказать ей все, что она ни пожелаетъ, когда она такъ смотрѣла на него.

— Мнѣ было поручено командованіе этимъ отрядомъ. Я только распоряжался, если не считать отвинчиванія рельсъ. Я случайно зналъ, какъ легко можно снять рельсы, не вывинчивая болтовъ; много лѣтъ тому назадъ я прочелъ объ этомъ въ книгѣ о постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Не думалъ я, что это случайное свѣдѣніе поможетъ мнѣ спасти сорокъ жизней — вѣдь каждая минута промедленія могла имѣть роковое послѣдствіе! Вся внутренность сарая представляла одно море огня. Когда дверь была сломана, я только стоялъ и наблюдалъ, какъ вытаскивали вагоны. Все остальное сдѣлала моя команда.

— Но вы говорите, что внутри сарая было море огня?

— Да. Управленію желѣзныхъ дорогъ пришлось сшить намъ новые мундиры. Такъ что мы были еще въ выигрышѣ. Я слышалъ, какъ многіе говорятъ, что милиція ни на что не годна. Но я увѣренъ, что они измѣнили бы свое мнѣніе, если бы видѣли, какъ видѣлъ я, какъ моя команда возилась съ горящими вагонами, среди массы пылающаго джута, имѣя надъ головой крышу, готовую провалиться каждую минуту, и едва кто-нибудь изъ людей показывался на мгновеніе изъ сарая, стачечники осыпали его градомъ пуль.

— О,—воскликнула Леонора, и глаза ея заблестѣли отъ восторга. — Какое счастье быть мужчиной и совершать подвиги! Какъ я жалѣю, что не знала объ этомъ въ Европѣ!

— Почему?

— Потому что иностранные офицеры всегда смѣются надъ нашей арміей. Я каждый разъ просто приходила въ бѣшенство, но ничего не умѣла имъ отвѣтить. Если бы я могла разсказать имъ это!

— Нѣтъ, только послушай, что говоритъ эта маленькая француженка!— сказалъ Уаттсъ.

— Я не француженка!

— Нѣтъ, Крошка, ты француженка.

— Неправда, я американка. У меня нѣтъ ни одной мысли, которая бы не была американской. Развѣ этого не достаточно, чтобы быть американкой, Питеръ, и развѣ не все равно, гдѣ я родилась?

— Я думаю, по закону вы—американка.

— Правда?—Леонора посмотрѣла на него вопросительно.

— Да. Вы родились отъ родителей американцевъ и вы будете жить въ Америкѣ. Поэтому, вы американка.

— О, какъ я рада! Я знала, что я американка, всегда знала, но папа дразнитъ и говоритъ, что я иностранка. Я ненавижу иностранцевъ.

— Чортъ тебя побери, дружище! Испортилъ мнѣ лучшее мое удовольствіе. Такъ уморительно было видѣть, какъ Крошка выходитъ изъ себя, когда я ее дразню. Она самая пламенная патріотка!

— Питеръ,—серьезно спросила Леонора,—что стоитъ письменное удостовѣреніе?

— Цѣна его очень растяжима. Его можно сравнить съ мнѣніемъ одной женщины, которая сказала, про какой-то предметъ, что его длина равна длинѣ веревки.

— А ваши удостовѣренія?

— Я могу давать ихъ и даромъ, а на-дняхъ я писалъ удостовѣреніе для одного синдиката и получилъ восемь тысячъ долларовъ.

— Боже, какъ дорого! — вздохнула Леонора. — Боюсь, мнѣ нельзя будетъ попросить васъ написать удостовѣреніе о томъ, что я американка. Я бы хотѣла вставить его въ рамку и повѣсить въ свою комнату. Вы дорого возьмете?

— Адвокаты имѣютъ обыкновеніе разузнавать, сколько денегъ у кліента вообще и спрашивать немного меньше этого, — отвѣтилъ Питеръ совершенно серьезно. — Сколько у васъ денегъ?

— Право, у меня теперь ничего нѣтъ. Перваго числа я получу двѣсти долларовъ, но у меня есть долги.

— А ты забыла, Крошка, бабушкино наслѣдство?

— Да, въ самомъ дѣлѣ. Я буду богата, Питеръ. Во вторникъ я вступаю во владѣніе своимъ состояніемъ. Я всегда забывала, какъ велико оно, но я увѣрена, что могу заплатить за свое удостовѣреніе.

— Послушай, Крошка, вѣдь намъ, въ самомъ дѣлѣ, придется вынуть твои бумаги, и тебѣ надо найти кого-нибудь, кто бы все это оформилъ и взялся вести твои дѣла,—сказалъ Уаттсъ.

— Я думаю,—обратилась Леонора къ Питеру, — что когда одинъ адвокатъ ведетъ всѣ дѣла, это обходится дешевле?

— Да, потому что онъ не сразу беретъ все, что имѣетъ кліентъ, а по частямъ,—объяснялъ Питеръ, сохраняя прежній, серьезный видъ.

— Такъ я думаю, что все передамъ вамъ. Мы какъ-нибудь заѣдемъ къ вамъ и потолкуемъ. Только, пожалуйста, напишите удостовѣреніе теперь, чтобы я могла доказать всѣмъ, что я американка.

— Хорошо. Но есть другой, еще болѣе вѣрный, способъ доказать это.

— Какой-же? — заинтересовалась Леонора.

— Выйти замужъ за американца.

— О, да, — сказала Леонора. — Я всегда собиралась это сдѣлать, но не сейчасъ.

Глава XLI.

Визитъ.

На слѣдующій вечеръ Питеръ одѣвался особенно тщательно, и занимаясь

этимъ важнымъ дѣломъ, онъ былъ въ довольно угнетенномъ настроеніи.

Допросъ свидѣтелей по дѣлу, въ которомъ онъ участвовалъ въ качествѣ третейскаго судьи, занялъ весь день, и онъ былъ лишенъ своей предобѣденной прогулки. Питеръ старался разогнать свое настроеніе гимнастикой, но это много разъ испытанное средство сегодня оказалось недѣйствительнымъ. Обѣдъ привелъ его въ немного лучшее расположеніе духа, но все-таки онъ не выглядѣлъ особенно довольнымъ, когда, выпивъ кофе, онъ взглянулъ на часы и убѣдился, что только десять минутъ девятаго.

Послѣ минутнаго колебанія, Питеръ надѣлъ пальто и отправился на востокъ, на одну изъ окраинъ города. Онъ прошелъ три квартала и, толкнувъ дверь, вошелъ въ ярко освѣщенное помѣщеніе, гдѣ его сразу обхватило свѣтомъ и тепломъ, тѣмъ болѣе пріятнымъ, что на улицѣ дулъ свѣжій, мартовскій вѣтеръ. Питеръ кивнулъ головой тремъ приказчикамъ и спросилъ: «Деннисъ здѣсь?»

— Какъ же, м-ръ Стерлингъ. Всѣ завсегдатаи здѣсь.

Петръ прошелъ черезъ комнату и, не стучась, вошелъ въ слѣдующую. Тамъ было человѣкъ двадцать мужчинъ, видимо чувствовавшихъ себя, какъ дома. Двое изъ нихъ играли въ домино на маленькомъ угловомъ столикѣ; трое въ другомъ углу играли въ карты; двое читали газеты; остальные сидѣли за круглымъ столомъ посрединѣ комнаты и курили. Нѣсколько пивныхъ кружекъ и стакановъ стояло на столахъ, но едва ли треть изъ двадцати пили что-нибудь. Въ ту минуту, какъ Питеръ отворилъ дверь, одинъ изъ сидящихъ вскочилъ на ноги.

— Ребята!— крикнулъ онъ. — Это м-ръ Стерлингъ! Ей-Богу, сэръ, какъ пріятно видѣть васъ! Давно вы къ намъ не заглядывали.

Онъ пожалъ руку Питеру и подвинулъ ему стулъ.

Карты, домино, газеты были оставлены, и когда Питеръ пожалъ всѣ протянутыя ему руки и усѣлся къ столу, всѣ присутствующіе окружили его. Питеръ положилъ цилиндръ на столъ, сбросилъ пальто и закурилъ сигару.

— У меня очень мало времени, Деннисъ. Но мнѣ предстояло на выборъ— выкурить сигару дома, прежде чѣмъ идти въ гости, или здѣсь. Вотъ я и пришелъ сюда переговорить со всѣми вами о Дентонѣ.

— А что онъ надѣлалъ?—полюбопытствовалъ Деннисъ.

— Я говорилъ съ нимъ сегодня о концессіи Гуммеля, которая будетъ доложена совѣту въ будущій вторникъ. Онъ мнѣ заявилъ, что не подастъ голоса за нее. Я ему объяснялъ, что, по моему мнѣнію, въ интересахъ города увеличеніе транзита, и спросилъ его о причинѣ его отказа, а онъ мнѣ заявилъ, что увѣренъ, что шайка Гуммеля подкупила кого слѣдуетъ, поэтому отказывается вотировать за него.

— Неужели онъ посмѣлъ это сказать?—заоралъ одинъ изъ слушателей.

— Да.

— Вотъ скотина! — замѣтилъ Деннисъ.—А самъ спитъ и видитъ, чтобы совѣтъ пропустилъ проектъ линіи конкурентовъ!

— Не думаю, что бы было какое-нибтдь сомнѣніе въ томъ, что подкупы были съ обѣихъ сторонъ,—сказалъ Питеръ.—Боюсь, что ни одинъ билль безъ этого не прошелъ бы. Но компанія Гуммеля заслуживаетъ полнаго довѣрія и предлагаетъ городу хорошіе проценты, а тѣ, другіе, стараются захватить концессію въ свои руки только для того, чтобы съ барышемъ продать ее тому же Гуммелю. Не могу сказать, что бы образъ дѣйствій обоихъ конкурентовъ былъ мнѣ по душѣ, но такъ какъ дорога необходима, а концессія можетъ быть выдана только одна, то дѣло просто въ выборѣ между обоими. Если бы Дентонъ отказался вообще подать голосъ, я бы ничего не имѣлъ противъ этого, но, приводя такую причину отказа вотировать за Гуммеля и соглашаясь вотировать за его конкурента, онъ показываетъ, что его игра не безупречна. Я этого ему не сказалъ только потому, что хотѣлъ сначала пе-

реговорить съ вами и убѣдиться, согласны ли вы со мной.

— Безъ всякаго сомнѣнія, сэръ,— сказалъ Деннисъ, всѣ остальные молча утвердительно закивали.

Питеръ взглянулъ на часы.

— Значитъ, я могу прижать его?

— Конечно!—закричали всѣ.

Питеръ всталъ.

— Деннисъ, не зайдете ли вы сегодня же или завтра пораньше къ Бленкерсу и Дрисколлю, чтобы узнать, какъ они думаютъ? Если они не согласны, попросите ихъ зайти ко мнѣ, когда у нихъ будетъ время.

— Непремѣнно, сэръ; я сбѣгаю къ нимъ черезъ десять минутъ. А если они заупрямятся, я заставлю ихъ согласиться.

— Благодарю васъ. До свиданія.

— До свиданія, м-ръ Стерлингъ!— отвѣтили всѣ хоромъ, и Питеръ вышелъ.

Деннисъ обратилъ на присутствующихъ свое сіявшее энтузіазмомъ лицо:

—Видѣли вы его, ребята? Что за фигура! Право, участокъ можетъ гордиться имъ!»

Питеръ вышелъ на Бродвей и быстрыми шагами пошелъ впередъ.

Несмотря на холодъ, онъ разстегнулъ сюртукъ и несъ пальто на рукѣ; ему вовсе не хотѣлось принести въ изящную гостиную запахъ дешеваго табаку своихъ избирателей. Такъ онъ дошелъ до Мадисенъ-Сквера и только тутъ, взглянувъ на часы, взялъ извозчика. Было уже четверть десятаго, когда онъ позвонилъ у дверей дома на 57-й улицѣ, но отворившій ему лакей заявилъ, что «господа еще кушаютъ». Питеръ вышелъ на улицу и, пройдя нѣсколько шаговъ, вошелъ въ другой домъ.

— Миссисъ Пелль дома?— спросилъ онъ, подавая свою карточку.

Его тотчасъ попросили въ гостиную.

— Добро пожаловать, рѣдкій гость,— привѣтствовала его хозяйка. Какъ мило, что вы пришли именно сегодня вечеромъ. Вэнъ только что пріѣхалъ изъ Вашингтона въ отпускъ на два дня.

— А я сейчасъ собирался къ вамъ, чтобы узнать отъ васъ, что думаетъ народъ, чтобы имѣть возможность облегчить задачу нашихъ законодателей, когда вернусь къ нимъ,—сказалъ хозяинъ.

— Я сегодня написалъ Попу подробное письмо и просилъ показать его вамъ,—отвѣтилъ Питеръ,—дѣла идутъ не важно и съ каждымъ днемъ все хуже.

— Однако, Питеръ,—замѣтила хозяйка,—вѣдь вы лидеръ, зачѣмъ же вы позволяете имъ идти дурно.

— Чтобы оставаться лидеромъ,—спокойно сказалъ Питеръ, улыбаясь.

— Вотъ что значитъ возиться съ вашими избирателями! — разсердилась миссисъ Пелль.—Вы начинаете заражаться ирландскимъ остроуміемъ.

— Нѣтъ,—возразилъ Питеръ, я говорю совершенно серьезно, а тѣ, которые не понимаютъ моихъ словъ, не понимаютъ всей американской политики.

— Но вы нарочно говорите, что не желаете руководить, чтобы оставаться лидеромъ! Вѣдь это нелѣпо!

— Нисколько. Лучшій способъ лишиться власти—это злоупотреблять ею, какъ это ни кажется противорѣчивымъ. Христосъ положилъ основы демократическаго управленія, когда сказалъ: «Кто изъ васъ хочетъ быть господиномъ—будь всѣмъ слугою».

— Надѣюсь, что вы не заведете вашу теорію такъ далеко, чтобы допустить Магира?—со страхомъ спросилъ м-ръ Пелль.

— Ради Бога, не говорите о политикѣ! — взмолилась его жена.—Я не видѣла Вэна уже два мѣсяца, а Питера просто съ незапамятныхъ временъ, и только что я обрадовалась, что проведу пріятный вечеръ, какъ они оба уже погружаются въ свою несносную политику!

— Я зашелъ только, чтобы пожать вамъ руку,—сказалъ Питеръ.—Мнѣ еще надо сдѣлать одинъ визитъ, и я могу пробыть у васъ только 20 минутъ.

Дѣйствительно, черезъ 20 минутъ Питеръ входилъ въ гостиную Д'Аллуа. Онъ пожалъ руку миссисъ Д'Аллуа и Леоноры, затѣмъ его представили мадамъ Меллери, полугувернанткѣ и полукомпаньонкѣ Леоноры, какому то м-ру Максуэллю и какому-то маркизу. Эти

остроконечными башнями, то готическіе соборы съ горделиво поднимающимися куполами, то замки или гигантскіе амфитеатры—глазъ не можетъ насытиться прелестью этого зрѣлища! Нерѣдко ледяныя горы не лишены и обитателей—на нихъ находятъ себѣ пріютъ колоніи пингвиновъ, избирающихъ ихъ для своихъ странствій по антарктическимъ водамъ,—вокругъ вьются буревѣстники и альбатросы, пользующіеся прибоемъ вокругъ ледяной горы, чтобы поживиться рыбою и другими морскими животными.

Еслибы кто-нибудь спросилъ меня, какое море произвело на меня наиболѣе сильное впечатлѣніе, я безъ колебанія отвѣтилъ бы—антарктическое. Правда, эта область лишена солнечнаго блеска и теплыхъ тоновъ юга,—небо покрыто сѣрой завѣсой и вода также сѣраго унылаго цвѣта. Длинныя волны, постоянно раскатывающіяся по морской поверхности, кажутся спокойнымъ дыханіемъ спящаго великана. Его покровомъ является непроницаемый туманъ, мертвая тишь царитъ вокругъ и лишь размѣренные удары винта нашего судна, осторожно пробирающагося въ неизвѣстныя области, нарушаютъ тишину. Тихо становится и на мостикѣ,—съ удвоеннымъ напряженіемъ вглядываются и вслушиваются всѣ и стараются угадать, гдѣ таятся опасности, ревниво оберегаемыя загадочными водами Антарктики. Рѣзкимъ диссонансомъ раздается ночью пароходный свистокъ, разносящійся далеко по окрестностямъ. Покой этотъ, однако, обманчивъ! Поднимается легкій бризъ и въ поразительно короткое время, все разростаясь и разростаясь, переходитъ въ сильнѣйшій штормъ, который разгоняетъ туманъ, но зато несетъ съ собою снѣжную метель и рѣжетъ глаза и лицо ледяными иглами. Волны разыгрываются все сильнѣе и сильнѣе и вскорѣ достигаютъ такой длины и вышины, какая не наблюдается ни въ какомъ другомъ морѣ. Кажется, будто таившіяся въ скрытомъ состояніи силы расходились, все пришло въ дикое смятеніе, великанъ пробудился отъ сна! Стаи буревѣстниковъ и огромные альбатросы кружатся вокругъ судна, то равняясь съ верхушками его мачтъ, то опускаясь къ поверхности волнъ. Съ яростью ударяются волны въ поля плавучаго льда и съ еще большимъ бѣшенствомъ бичуютъ они грудь ледяныхъ исполиновъ, неподвижно выдерживающихъ натискъ и не обращающихъ вниманія на разыгравшуюся стихію.

Въ ледяной водѣ поверхностныхъ слоевъ антарктическаго моря, охлажденныхъ ниже 0°, кишитъ поразительно обильная животная и растительная жизнь. Здѣсь повторяются тѣ же условія, которыя извѣстны намъ въ арктическихъ моряхъ,—продуктивность ихъ поверхностныхъ слоевъ значительно превосходитъ воды умѣренныхъ и теплыхъ морей. Правда, развитіе массы животныхъ и растительныхъ организмовъ продолжается не въ теченіе всего года: лишь когда весною солнце поднимается надъ горизонтомъ, поверхность моря начинаетъ населяться миріадами микроскопическихъ организмовъ, количество которыхъ въ началѣ лѣта нѣсколько сокращается, чтобы затѣмъ въ концѣ лѣта вторично развиться роскошнѣйшимъ образомъ. Затѣмъ, съ наступленіемъ осени, количество организмовъ уменьшается и въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ продуктивность поверхности холодныхъ водъ значительно ниже продуктивности теплыхъ морей. Мы, очевидно, проникли въ высокія широты въ то время, когда количество органическихъ веществъ достигло своего максимальнаго развитія,—при опуска-

Рис. 38. Поверхностный планктонъ Антарктическаго моря. Увел. 145 разъ. 1.—*Chaetoceras* sp.—2, 3.—*Synedra* sp.—4. 5.—*Rhizosolenia* sp.

ніи въ воду тонкихъ шелковыхъ пелагическихъ сѣтей, онѣ приходили наполненныя цѣлою коричневатою кашицею организмовъ; если эта масса высушивалась и затѣмъ прокаливалась, то получалось бѣлое вещество, образованное почти чистой кремнекислотою. Микроскопическое изслѣдованіе показывало, что главнѣшей составною частью живыхъ существъ являлись діатомовыя водоросли, которыми, подобно тому какъ и въ арктической области, море иногда даже окрашивалось на большое протяженіе.

У подножія ледяныхъ горъ, у края льдинъ замѣчалось обыкновенно образованіе желтовато-коричневой каемки, которая подъ микроскопомъ оказывалась состоящей изъ скопленія діатомовыхъ водорослей. Различіе отъ арктическихъ водъ сказывалось въ томъ, что здѣсь совершенно отсутствовали встрѣчающіяся на сѣверѣ въ огромномъ количествѣ цератіи (*Ceratium*). Эти трехрогія существа, о которыхъ намъ случалось уже говорить выше при характеристикѣ Гвинейскаго теченія (стр. 31) попадались намъ еще довольно часто до 17-го ноября на поверхности моря, но уже на слѣдующій день составъ планктона внезапно измѣнился, появились новыя водоросли на поверхности; это произошло какъ разъ въ тотъ же самый день, когда термометръ указалъ послѣдній разъ присутствіе теплаго Агуласскаго теченія и холодныя проникающія въ него съ сѣвера струи стали получать пе-

ревѣсъ. Съ тѣхъ поръ получили преобладаніе исключительно діатомовыя водоросли, смѣшанныя съ другими одноклѣтными водорослями, имѣвшими видъ небольшихъ слизистыхъ комочковъ. Къ нимъ присоединились рои мелкихъ рачковъ изъ отряда веслоногихъ, многочисленныя сагитты и антарктическія крылоногіе моллюски (птероподы). Когда начиналась буря, и волны разбивались въ пѣну о ледяныя горы, бросалось въ глаза, что пѣна эта не имѣла ослѣпительно-бѣлаго цвѣта, а была нерѣдко желтоватой или сѣрой, — это объясняется присутствіемъ огромнаго количества микроскопическихъ организмовъ. Нѣсколько недѣль мы почти исключительно занимались собираніемъ и изученіемъ этого планктона и намъ удалось получить кое-какія новыя данныя, относительно состава и вертикальнаго распредѣленія его. Я позволю себѣ коснуться нѣсколько ближе этого предмета.

Діатомовыя водоросли, въ качествѣ одноклѣтныхъ растительныхъ организмовъ, обладаютъ способностью вырабатывать изъ неорганическихъ веществъ, подъ вліяніемъ солнечнаго свѣта и при участіи желтовато или коричневато окрашенныхъ хроматофоровъ, бѣлковыя вещества, изъ которыхъ слагается ихъ тѣло. Хроматофоры діатомовыхъ обусловливаютъ ту желтовато-коричневую основную окраску, которая свойственна антарктическому планктону поверхности. Въ виду того, что діатомовыя размножаются безполымъ путемъ, именно непосредственнымъ дѣленіемъ, онѣ могутъ въ короткое время размножиться до такой степени, что вся поверхность моря оказывается окрашенной Стѣнки клѣтокъ ихъ состоятъ изъ кремнекислоты и несутъ тѣ изящнѣйшіе рельефные узоры, благодаря которымъ діатомовыя составляютъ любимѣйшій объектъ изученія всѣхъ микроскопистовъ. Кремневый панцырь ихъ состоитъ изъ двухъ половинокъ, которыя заходятъ одна на другую, какъ крышка на коробку,—при дѣленіи обѣ половинки расходятся, и недостающія половинки панцыря возстановляются, такъ что изъ одного организма образуются два новыхъ.

Въ составъ антарктическаго планктона входятъ діатомовыя, которыя большею частью представляютъ, по сравненію съ водящимися въ другихъ моряхъ, лишь иные виды. Въ наибольшемъ количествѣ встрѣчаются прежде всего представители рода *Chaetoceras*, у которыхъ клѣточное тѣло снабжено длинными придатками, позволяющими особямъ соединяться въ цѣпи (рис. 38). Вблизи льда эти діатомовыя играютъ преобладающую роль въ планктонѣ поверхности. На ряду съ ними встрѣчаются сильно вытянутыя въ длину палочкообразныя *Rhizosolenia* и представители рода *Synedra*, сходные съ изогнутыми иглами и представленные многочисленными видами. Въ видѣ исключенія попадаются иногда во множествѣ изящные виды *Corethron* и *Fragilaria*. Обыкновенно представители одного изъ родовъ являются настолько преобладающими въ данной пробѣ планктона, что можно говорить о *Chaetoceras*'овомъ, *Rhizosoleni*'евомъ, *Synedr*'овомъ и *Corethron*'овомъ планктонѣ. Гораздо рѣже встрѣчаются на поверхности дисковидныя, похожія по формѣ на монеты *Coscinodiscus* и *Asteromphalus* (рис. 39), на ряду съ другими формами, которыхъ мы не будемъ называть, чтобы не утомлять читателя. Удивительнымъ кажется полное отхожденіе на задній планъ жгутиковыхъ инфузорій (*Flagellata*), изъ которыхъ, какъ уже было сказано, цератіи совершенно отсутствуютъ, а другія перидиніевыя представлены лишь немногими видами. Нельзя, однако, думать, что всѣ эти организмы скопляются въ наибольшемъ количествѣ на поверхности, — намъ тотчасъ же бросилось въ глаза, что поверх-

ностные слои, толщиною приблизительно въ 40 метровъ, бѣднѣе плавающими организмами, чѣмъ слои болѣе глубокіе. Довольно трудно, впрочемъ, сказать, каковы тѣ неблагопріятныя условія, которыя вы-

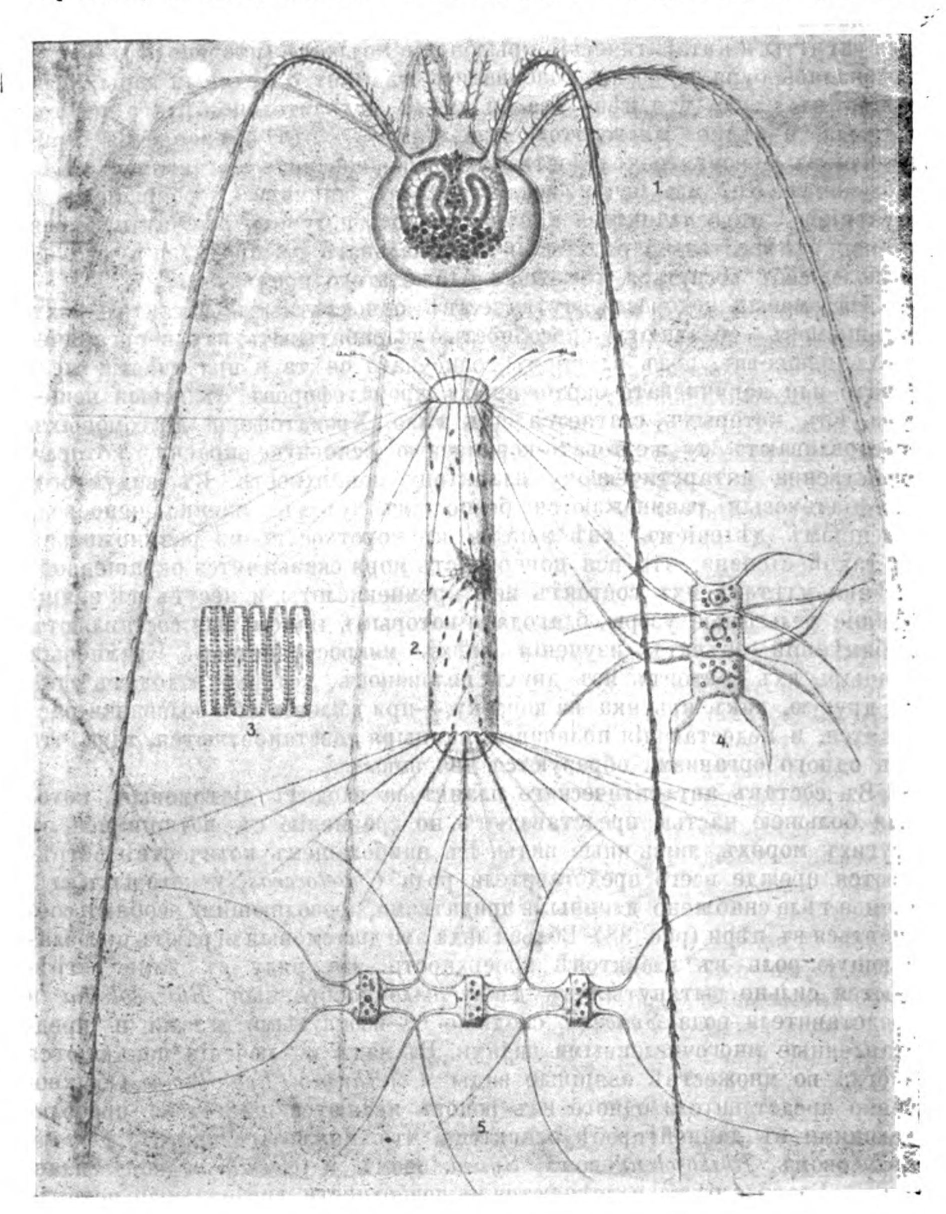

Рис. 39. Планктонъ поверхности и глубинъ Антарктическаго моря. 1.— *Tuscarora* sp. (радіолярія изъ феодарій). Діатомовыя водоросли: 2. — *Corethron* sp. 3.—*Fragilaria* sp.—4 и 5—*Chaetoceras* sp.

зываютъ болѣе слабое развитіе планктона въ поверхностныхъ слояхъ, несмотря на то, что послѣдніе непосредственно освѣщаются лучами солнца. Температура не можетъ въ данномъ случаѣ имѣть никакого

вліянія, такъ какъ поверхность, какъ было нами сказано ранѣе, даже нѣсколько теплѣе, чѣмъ слои между 40 и 80 метрами. Быть можетъ, причиной является то обстоятельство, что микроскопическимъ организмамъ, столь чувствительно реагирующимъ на внѣшнія условія, не нравится нѣсколько меньшее содержаніе соли въ поверхностныхъ слояхъ которое происходитъ отъ обилія прѣсной воды, даваемой тающими ледяными горами и полями. Содержаніе соли здѣсь 33,7 на 1.000, тогда какъ въ болѣе глубокихъ слояхъ (на 150 метровъ)—34 на 1.000 и затѣмъ съ возрастаніемъ глубины медленно увеличивается. Нерѣдко мы замѣчали, что какъ разъ вблизи ледяныхъ полей поверхность бѣднѣе всего организмами.

Отъ микроскопическихъ растительныхъ организмовъ поверхности, составляющихъ, такъ сказать, первоначальную и основную пищу моря, зависитъ существованіе всѣхъ остальныхъ организмовъ, не исключая глубоководныхъ. Какъ ни простъ кажется этотъ выводъ, все же потребовалось много трудовъ для того, чтобы обосновать его. Не трудно замѣтить, каковы тѣ препятствія, какія возникаютъ при рѣшеніи вопроса о питаніи глубоководныхъ организмовъ. Діатомовыя водоросли и другіе низшіе растительные организмы требуютъ для своего существованія и для возможности ассимилировать неорганическія вещества присутствія свѣта и не могутъ жить при слабомъ освѣщеніи. Насколько намъ извѣстно въ настоящее время, ниже 500 метровъ свѣтъ не проникаетъ, и тамъ царитъ абсолютный мракъ. Если поверхностные слои моря содержатъ въ изобиліи организмы планктона, то, несомнѣнно, свѣтъ проникаетъ еще на меньшую глубину, чѣмъ въ кристально-чистой и бѣдной жизнью водѣ хотя бы, напримѣръ, сѣверо-западной части Индійскаго океана. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ антарктическомъ морѣ съ его удивительной продуктивностью жизни на поверхности свѣтъ сильно ослабляется въ болѣе глубокихъ слояхъ. Для сужденія объ интенсивности освѣщенія глубокихъ слоевъ довольно правильный масштабъ даетъ проникновеніе туда ассимилирующихъ организмовъ. Если удается доказать, что на извѣстной глубинѣ ихъ нѣтъ или что обнаруживается измѣненіе содержимаго клѣтокъ такое же точно, какъ вызываемое искусственнымъ затемнѣніемъ, то мы можемъ предположить, что свѣта не достаточно для возможности ассимиляціи.

Въ виду такихъ соображеній, экспедиція обратила особое вниманіе на то, чтобы систематически производящимися на одномъ и томъ же мѣстѣ ловами при помощи замыкающихся сѣтей рѣшить вопросъ о томъ, на какую глубину проникаютъ водоросли. Осуществленіе такихъ лововъ было сопряжено, однако, съ большими трудностями уже вслѣдствіе того обстоятельства, что дѣло касалось наимельчайшихъ организмовъ,—приходилось особенно заботиться о томъ, чтобы горловина сѣти безукоризненно закрывалась, такъ какъ иначе при поднятіи замкнутой сѣти въ нее могли бы попасть живые организмы изъ поверхностныхъ слоевъ. Если недостаточно чисто вымыты сосуды, въ которые помѣщается содержимое сѣти, то уже одна капля морской воды съ поверхности можетъ находящимися въ ней діатомовыми водорослями затемнить результаты. Еще большаго вниманія требовала тщательная промывка мѣшка сѣти дестиллированной водой, что также должно было предохранить отъ ошибочныхъ заключеній. Кромѣ того, при подобныхъ работахъ мы приняли за правило сперва поднимать пробу съ наибольшей глубины и затѣмъ уже брать изъ слоевъ болѣе близкихъ къ поверхности. Если бы поступать въ обратномъ порядкѣ, то легко могло

бы случиться, что, не смотря на самое тщательное обмываніе сѣтевого мѣшка, все же нѣкоторыя поверхностныя формы оставались бы въ матеріи и попадали въ глубоководные сборы. Должно замѣтить еще, что мы были въ состояніи очень скоро опредѣлить, не заключается ли какихъ-нибудь источниковъ ошибокъ, такъ какъ проф. Шимперъ вмѣстѣ съ зоологами изслѣдовалъ содержимое замыкающихся сѣтей сейчасъ же, какъ только онѣ бывали подняты. Результаты его изслѣдованій надъ вертикальнымъ распредѣленіемъ растительныхъ организмовъ сводятся къ слѣдующему. Главная масса растительнаго планктона скопляется между 40 и 80 метрами глубины, — по направленію къ поверхности количество, какъ уже было сказано, уменьшается. Столь же замѣтно быстрое уменьшеніе количества ниже 80 метровъ. На основаніи нашихъ изслѣдованій, мы можемъ съ увѣренностью утверждать, что нижняя граница распространенія живыхъ растительныхъ организмовъ лежитъ между 300 и 400 метровъ. Ниже 200 метровъ живыя діатомовыя водоросли встрѣчаются въ столь незначительномъ количествѣ, что нерѣдко приходится очень долго разсматривать препараты, пока найдешь таковыя. Тамъ не встрѣчается болѣе цѣпей *Chaetoceras*, а лишь отдѣльныя звѣнья ихъ; виды рода *Corethron* также отсутствуютъ ниже 80 метровъ совершенно, а *Rhizosolenia*, *Fragilaria* и *Synedra* встрѣчаются лишь очень рѣдко. Замѣчательно, съ другой стороны, что количество экземпляровъ *Coscinodiscus* и *Asteromphalus* сохраняется до 200 метровъ безъ замѣтнаго уменьшенія, тогда какъ тотъ фактъ, что не ассимилирующія перидиніевыя также встрѣчаются на большой глубинѣ въ относительно значительномъ количествѣ,—разумѣется, менѣе удивителенъ.

Такъ называемой «тѣневой» флоры, съ которой мы познакомились въ болѣе теплыхъ моряхъ, въ антарктической области не было замѣтно вовсе, тѣмъ болѣе, что и характерный представитель этой флоры—родъ *Halosphaera* съ появленіемъ холодной воды исчезаетъ.

Подводя итоги полученнымъ результатамъ, мы видимъ, что растительный планктонъ ограничивается сравнительно тонкимъ поверхностнымъ слоемъ и ниже 400 метровъ совершенно отсутствуетъ. Въ противоположность этому, наши уловы замыкающимися сѣтями показываютъ, что животныя, которыя, въ концѣ концовъ, питаются растеніями же, существуютъ ниже 400 метровъ и до самаго морского дна встрѣчаются въ удивительно большомъ количествѣ. Въ одномъ изъ уловов, произведенныхъ нами 12-го декабря на глубинѣ 4.000—5.400 метровъ, мы нашли живыхъ радіолярій (*Acanthometra*), живыхъ веслоногихъ рачковъ, относящихся къ четыремъ родамъ и сопровождаемыхъ быстро двигающимися личинками ракообразныхъ, и, наконецъ, рачка изъ остракодъ. Не смотря на то, что организмы эти подвергались страшному давленію въ 500 атмосферъ, строеніе ихъ хорошо сохранилось. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы знаемъ, что давленіе это не одностороннее, а происходитъ по извѣстнымъ законамъ равномѣрно со всѣхъ сторонъ, и организмъ представляетъ изъ себя какъ бы небольшую капельку воды, которая при самомъ сильномъ давленіи претерпѣваетъ лишь весьма незначительное сжатіе.

Начиная съ этихъ большихъ глубинъ и до поверхности наши замыкающіяся сѣти приносили безъ исключенія каждый разъ большее или меньшее количество животныхъ. Между ними преобладали въ особенности радіоларіи, относящіяся къ семействамъ акантометридъ и феода-

рій, многочисленныя веслоногія (*Copepoda*) и остракоды. По мѣрѣ приближенія къ поверхности къ нимъ присоединялись увеличивающіяся въ числѣ радіоляріи изъ семейства чэлленжеридъ, глобигерины, сагитты, личинки кольчатыхъ червей (*Pelagobia*) и отдѣльные крылатые моллюски (*Limacina*), медузы и аппендикуляріи.

Замыкающаяся сѣть, въ качествѣ аппарата очень нѣжнаго, добываетъ, конечно, лишь мелкіе организмы, а потому мы производили также многочисленные ловы большими вертикальными сѣтями и убѣдились въ томъ, что въ болѣе глубокихъ слояхъ антарктическаго моря имѣются крупныя рыбы (*Scopelidae*), головоногія со стебельчатыми глазами, десятиногіе раки и фіолетовыя медузы (*Periphylla*). Въ виду того, что сборы, сдѣланные замыкающимися сѣтями еще не обработаны подробнѣе, пока трудно сказать, наблюдается ли какая-либо правильность въ вертикальномъ распредѣленіи различныхъ встрѣчающихся здѣсь видовъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ это, повидимому, такъ,—напримѣръ, самую красивую изъ всѣхъ радіолярій; такъ называемую *Tuscarora*, мы встрѣчали лишь тогда, когда опускали наши сѣти на наиболѣе значительную глубину.

Вѣроятно у читателя являлся уже невольно вопросъ: какимъ способомъ могутъ существовать животныя въ тѣхъ областяхъ, гдѣ растительная жизнь, отъ которой зависитъ и существованіе животныхъ, отсутствуетъ. И на этотъ вопросъ даютъ отвѣтъ ловы замыкающимися сѣтями. Дѣло въ томъ, что растительные организмы, возникающіе на поверхности, отмирая, медленно опускаются въ ниже лежащіе слои. Благодаря консервирующему дѣйствію холодной морской воды, протоплазма не разлагается тотчасъ же, а остается въ болѣе или менѣе неизмѣнномъ состояніи, окруженная панцыремъ, и попадаетъ на большія глубины. Иногда содержимое діатомовыхъ водорослей, характерныхъ своими толстыми скорлупками, оказывалось столь хорошо сохранившимся, что можно было счесть эти организмы, принесенные съ глубины около 1.000 метровъ, за живые, и лишь измѣнившееся расположеніе хроматофоръ указывало на то, что они отмерли. Такимъ образомъ, отъ богатой трапезы на поверхности все же попадаютъ обитателямъ глубинъ нѣкоторыя крохи, позволяющія имъ существовать. Впрочемъ, чѣмъ глубже опускается сѣть, тѣмъ рѣже она приноситъ растительные остатки съ сохранившейся плазмой и тѣмъ большее преобладаніе получаютъ пустые панцыри поверхностныхъ формъ. Замѣчательно, что какъ разъ самыя обыкновенныя діатомовыя, именно виды рода *Chaetoceras*, ниже 600 метровъ почти совершенно исчезаютъ, причемъ не только разлагается ихъ протоплазматическое тѣло, но и растворяются при опусканіи безъ остатка ихъ скорлупки. Напротивъ, обломки скорлупокъ *Rhizosolenia*, *Fragilaria*, *Synedra* и *Coscinodiscus* доходятъ до морского дна и въ болѣе глубокихъ слояхъ получаютъ перевѣсъ наиболѣе крѣпкіе панцыри діатомовыхъ *Fragilaria* и *Coscinodiscus*.

Съ этими наблюденіями стоитъ въ полномъ соотвѣтствіи уменьшеніе количества животной жизни съ глубиною. Съ 400 до 1.500 метровъ глубины встрѣчается еще довольно обильное количество живыхъ животныхъ, далѣе же, чѣмъ глубже опускается сѣть, тѣмъ бѣднѣе и бѣднѣе становится фауна. Животныя, встрѣчаемыя въ среднихъ слояхъ воды, въ большомъ количествѣ отмираютъ и опускаются на дно,—трупы ихъ служатъ пищею для видовъ, водящихся въ самыхъ глубокихъ слояхъ. Благодаря этому оказывается, что всѣ слои воды содержатъ

органическое вещество, которое можетъ служить пищею для животныхъ. Глубоководные организмы морского дна обладаютъ неисчерпаемымъ источникомъ пищи,—все, что отмираетъ въ поверхностныхъ, среднихъ и глубокихъ слояхъ и опускается на дно въ полуразложившемся состояніи, служитъ добычею придонной фауны. Чѣмъ обильнѣе количество органической матеріи, производимой на поверхности, тѣмъ роскошнѣе развивается пелагическая глубоководная фауна и тѣмъ богаче животная жизнь на самомъ днѣ. Всѣ наблюденія указываютъ съ полной достовѣрностью, что придонная фауна стоитъ въ прямой зависимости отъ продуктивности верхнихъ слоевъ,—въ антарктическомъ морѣ съ его поразительнымъ обиліемъ органической жизни на поверхности жизнь оказывается развитой, по нашимъ наблюденіямъ, удивительно богато даже на глубинахъ между 4.000 и 5.000 метровъ.

Морское дно является гигантскимъ кладбищемъ, гдѣ находятъ упокоеніе организмы, завершившіе свою жизненную дѣятельность на поверхности. Органическое вещество при опусканіи на дно растворяется или идетъ въ пищу другимъ организмамъ, неорганическіе же остатки скорлупокъ сильнѣе противостоятъ разрушенію и опускаются на дно. Достигаютъ до дна, впрочемъ, не всѣ скорлупки: наши сборы замыкающимися сѣтями доказываютъ неопровержимо, что значительная часть кремневыхъ скелетовъ растворяется во время продолжительнаго путешествія по мрачнымъ глубокимъ слоямъ; особенно постигаетъ такая судьба столь многочисленные на поверхности виды родовъ *Chaetoceras* и *Corethron*, которые вмѣстѣ со своими скелетами погибаютъ уже на небольшихъ глубинахъ и ниже 600 метровъ почти совершенно отсутствуютъ. Известковыя раковинки сравнительно рѣдко встрѣчающихся на поверхности глобигеринъ и крылоногихъ растворяются на болѣе значительныхъ глубинахъ, такъ что грунтъ дна антарктическаго моря, какъ показали уже изслѣдованія экспедиціи «Чэлленжера», состоитъ преимущественно изъ кремневыхъ панцырей діатомовыхъ. До нѣкоторой степени морское дно представляетъ изъ себя зеркало, отражающее въ себѣ то, что творится на поверхности моря,—впрочемъ отраженіе это не всегда вполнѣ правильно. Отъ области острова Бувэ до земли Эндерби мы находили грунтъ состоящимъ почти изъ однихъ кремневыхъ панцырей діатомовыхъ и лишь на самой южной точкѣ, которой мы достигли, стали примѣшиваться неорганическія частицы, указывавшія на происхожденіе отъ близко лежащаго материка.

На прилагаемомъ рисункѣ (рис. 40) художникъ попытался изобразить возможно болѣе точно состояніе сохранности и относительное количество организмовъ въ діатомовомъ илѣ дна на глубинѣ между 5.000 и 6.000 метровъ. Просматривая эту на первый взглядъ запутанную картину, можно убѣдиться въ томъ, что господствующее значеніе имѣютъ дисковидные представители рода *Coscinodiscus* (1—5), которые на поверхности занимаютъ второстепенное мѣсто въ планктонѣ. Они не всегда хорошо сохраняются (1, 3) и часто являются болѣе или менѣе растворенными; у нѣкоторыхъ видовъ легко нарушается связь между кольцеобразнымъ краемъ (2) и средней частью панцыря (4),—послѣдняя въ этомъ случаѣ имѣется обыкновенно въ видѣ обломковъ. Очень хорошо сохраняющимися оказываются представители родовъ *Asteromphalus* и *Fragilaria*,—послѣдніе, вмѣстѣ съ болѣе или менѣе длинными панцырями *Synedra*, являются главною составною частью глубоководнаго ила. Скопляющіеся въ огромномъ количествѣ на поверхности виды *Rhizosolenia*, напротивъ, очень легко подпадаютъ разложенію, такъ что, са-

мое большее, отъ нихъ остается лишь одна верхушка панцыря (10). Выше было замѣчено, что обычныя поверхностныя формы, *Chaetoceras*

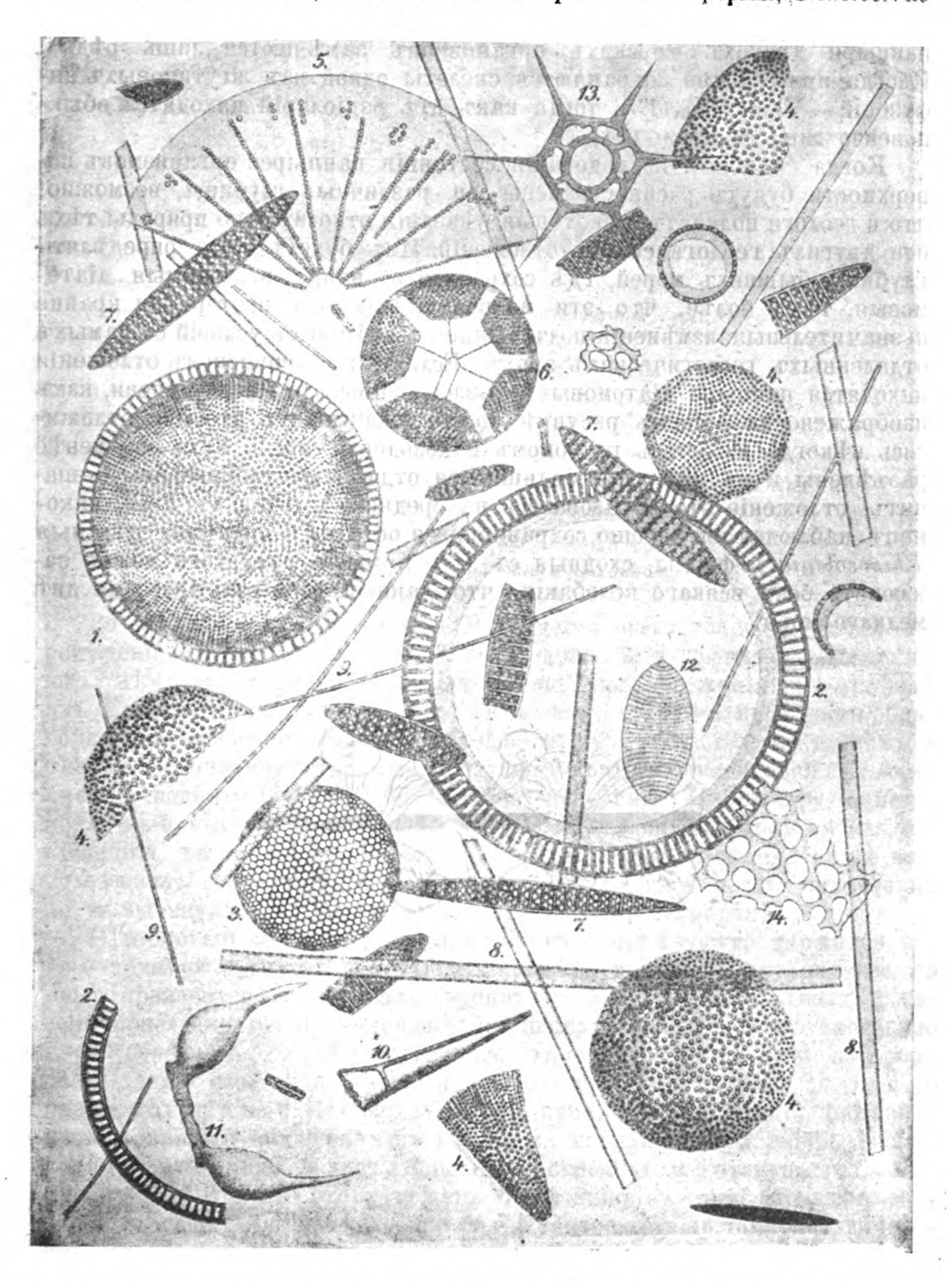
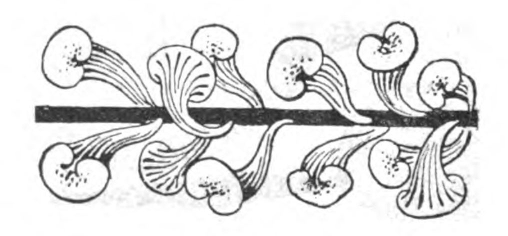

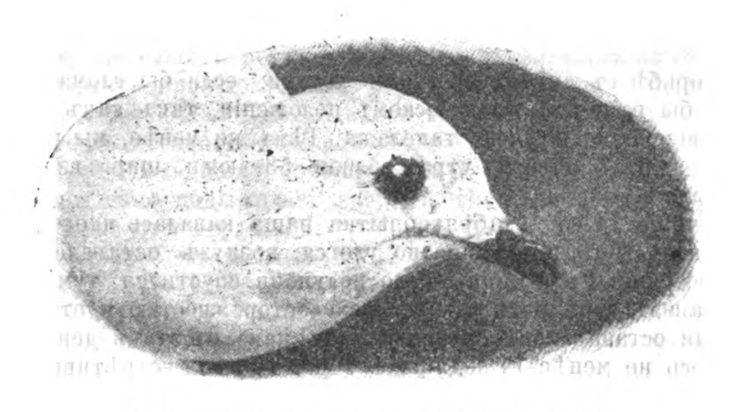
Рис. 40. Глубоководный илъ съ глубины 5.000—6.000 метр. изъ Антарктическаго моря. 1 — 5.—*Coscinodiscus* sp.—6.—*Asteromphalus*.— 7. —*Fragilaria*.—8 — 9.—*Synedra*.— 10.—*Rhizosolenia*.—11.—*Chaetoceras*.—13.—*Dictyocha*.—14.—Радіолярія.

и *Corethron*, растворяются уже на незначительной глубинѣ,—указаніе это нуждается въ небольшой поправкѣ: въ пробахъ грунта встрѣ-

чаются иногда своеобразныя двойныя образованія (11), которыя оказываются вздутіями одного изъ видовъ *Chaetoceras*, изображеннаго на рис. 40. По сравненію съ упомянутыми здѣсь діатомовыми, кремневые панцыри другихъ морскихъ организмовъ замѣчаются лишь рѣдко. Иногда превосходно сохраняются скелеты одной изъ жгутиковыхъ инфузорій — *Dictyocha* (13), тогда какъ отъ радіолярій находятся обыкновенно лишь обломки (14).

Когда подобныя изслѣдованія состоянія панцырей организмовъ поверхности будутъ распространены на различныя глубины, возможно, что и геологи получатъ нѣкоторыя указанія относительно природы тѣхъ или другихъ геологическихъ отложеній. Имъ будетъ легче опредѣлять глубины бывшихъ морей, гдѣ сохранились, напр., ископаемыя діатомовыя, тѣмъ болѣе, что эти мельчайшія формы претерпѣли крайне незначительныя измѣненія подъ вліяніемъ внѣшнихъ условій съ самыхъ отдаленныхъ геологическихъ эпохъ. Если въ геологическомъ отложеніи находятся панцыри діатомовыхъ, разложившіеся до такой степени, какъ изображено на нашемъ рисункѣ, то это доказываетъ, что они отложились нѣкогда въ очень глубокомъ и холодномъ морѣ. Если они менѣе разъѣдены и къ нимъ присоединяются отдѣльныя глобигерины,—значитъ, отложеніе это образовалось на среднихъ глубинахъ. Если, наконецъ, наблюдаются хорошо сохранившіеся остатки *Chaetoceras*, цѣльныя *Rhizosolenia* и формы, сходныя съ *Corethron*, то изъ этого можно заключить безъ всякаго колебанія, что данный слой отложился на днѣ мелкаго моря.

Снѣжный буревѣстникъ (*Pagodroma nivea*).

ГЛАВА X.

Попытка проникнуть на югъ.—Ледъ.—Глубоководный тралъ.—Пернатое царство.—Путь до Кергуэльскихъ острововъ.

Во вторникъ 13-го декабря «Вальдивія» находилась на точкѣ пересѣченія 60° юж. шир. и 50° вост. долг. Мы проникли дальше на югъ, чѣмъ заходили наши самыя смѣлыя предположенія при отъѣздѣ изъ Капштата. За день передъ тѣмъ намъ удалось произвести, благодаря прояснившей утромъ погодѣ, при умѣренномъ восточномъ и сѣверо-восточномъ вѣтрѣ, самый глубокій ловъ замыкающейся сѣтью,—именно, поднять ее съ 5.000 метровъ глубины. Къ вечеру, однако, восточный вѣтеръ засвѣжѣлъ и поднялась сильная снѣжная мятель, покрывшая наше судно толстымъ слоемъ снѣга. Команда наша воспользовалась случаемъ, чтобы поиграть въ снѣжки, и это привело въ не малое изумленіе нашего негра, нанятаго въ Камерунѣ.

Штормовый вѣтеръ, переходящій къ нордъ-осту, держался все 13-е декабря и сильно затруднялъ промѣрную работу, которая все же была произведена и показала глубину въ 5.566 метровъ. Около 2 часовъ пополудни мы приблизились къ плавучему льду, и это заставило насъ повернуть на сѣверо-востокъ; впрочемъ, вскорѣ мы потеряли опять ледъ изъ вида и могли продолжать придерживаться нашего прежняго курса на О. Изъ всѣхъ картъ прежнихъ экспедицій явственно вытекаетъ, что какъ разъ въ той части моря, куда мы теперь попали, граница плавучихъ льдовъ, описывая острый уголъ, отступаетъ далеко на югъ. Объясненіе этому можетъ быть лишь въ томъ, что здѣсь оказываетъ свое вліяніе нѣсколько болѣе теплое теченіе, направляющееся отъ Кергуэльскихъ острововъ къ югу. Потому, когда утромъ 14-го декабря мы увидѣли на югъ отъ себя свободное отъ льда море, явился вопросъ, не сдѣлать ли попытку еще разъ направиться прямо къ югу? Опасности, которыя могли въ данномъ случаѣ представиться, являлись, однако, далеко не маловажными. Хотя передъ нами и разстилалось чистое море, все же было возможно, что на обратномъ пути мы могли встрѣтить задвинувшіяся ледяныя поля, пробиться сквозь которыя совершенно не было бы въ состояніи наше судно, отнюдь не подготовлен-

ное въ борьбѣ съ антарктическими льдами: если бы сломался винтъ, мы были бы въ очень критическомъ положеніи, такъ какъ на «Вальдивіи» совершенно не было такелажа. Тѣмъ не менѣе, мы рѣшили попытаться, и въ 6 часовъ утра вблизи 53° южн. шир. взяли курсъ прямо на югъ.

Въ теченіе 14-го декабря попытка наша казалась много обѣщающей. За ночь вѣтеръ совершенно улегся, воздухъ оставался сравнительно прозрачнымъ и лишь около полуночи спустился туманъ, который заставилъ насъ идти съ большою осторожностью и отъ времени до времени останавливать машину, такъ какъ въ этотъ день намъ повстрѣчалось не менѣе 14 ледяныхъ горъ. Первыя встрѣтившіяся горы были поразительно малы и являлись, очевидно, сильно разложившимися; въ 9 часовъ утра, однако, мы миновали гигантскую гору вышиною въ 54 метра при длинѣ въ 575 метровъ. Барометръ началъ медленно подниматься, достигъ въ полночь 14-го декабря 748 мм. и не прекращалъ подниматься и въ теченіе послѣдующихъ дней. 15-го декабря мы уже перешли 62° юж. шир. и были въ состояніи, благодаря слабому восточному вѣтру, не только констатировать глубину въ 5.000 метровъ, но и произвести рядъ лововъ вертикальными и планктонными сѣтями. Намъ опять попадались навстрѣчу разложившіяся ледяныя горы и нѣсколько болѣе крупныхъ, но закругленныхъ льдинъ, которыя лишь немного выдавались надъ поверхностью моря и иногда ныряли вверхъ и внизъ.

Температура поверхностныхъ слоевъ опустилась до 1,5° и съ нею вмѣстѣ понизилась и температура воздуха. Въ теченіе всего послѣобѣденнаго времени падала какая-то снѣжная пыль и вмѣстѣ съ тѣмъ наши мачты и снасти покрылись ледяной корой въ 2 сант. толщиною. Кора эта иногда отваливалась большими кусками, такъ что по палубѣ надо было ходить съ осторожностью. Движеніе впередъ облегчалось намъ тѣмъ, что ночью, несмотря на совершенно затянутое небо, было свѣтло, почти какъ днемъ. При столь необыкновенно свѣтлой ночи и при понятномъ волненіи всѣ мало думали о снѣ и лишь на часъ-другой спускались къ себѣ въ каюты. Когда вечеромъ 15-го декабря я пошелъ отдохнуть, то уже бросалось въ глаза, что стали чаще попадаться крупныя льдины. Около часу ночи капитанъ велѣлъ меня разбудить, такъ какъ мы находились уже посреди плавучаго льда. Передо мной развернулась картина, которой я никогда не забуду: всюду на горизонтѣ торчали ледяныя горы, тогда какъ наше судно было со всѣхъ сторонъ окружено льдинами въ 15—20 метровъ шириною,—онѣ дѣлали дальнѣйшее движеніе впередъ совершенно невозможнымъ. Мы находились подъ 64° 14,3′ южн. шир. и 54° 31,4′ вост. долг. Это была самая южная точка, которой намъ удалось достигнуть. Чтобы закрѣпить ее за нами, нашъ штурманскій офицеръ въ 2 часа ночи началъ глубоководный промѣръ, который, благодаря стараніямъ всѣхъ участниковъ, прошелъ вполнѣ гладко и указалъ намъ глубину въ 4.647 метровъ. Проба грунта показала, какъ и при измѣреніи наканунѣ, присутствіе уже не чистаго діатомоваго ила, а значительную примѣсь глинистыхъ частицъ, которыя, при микроскопическомъ изслѣдованіи, оказались состоящими изъ зеренъ кварца съ разсѣянными черноватыми и зеленоватыми зернышками. Діатомовыя водоросли отступали въ этой пробѣ на задній планъ, но все же здѣсь находились обычныя формы, смѣшанныя съ нѣкоторымъ количествомъ иглъ губокъ. При промѣрѣ этомъ, мы встрѣтили, однако, нѣкоторыя

затрудненія: тяжелыя и огромныя льдины надвигались на самое судно и могли оборвать проволоку, такъ что матросы должны были отпихивать ихъ шестами. Намъ приходилось теперь выбираться изо льда, надъ которымъ носились дымчато-сѣрые альбатросы и бѣлоснѣжные буревѣстники. «Вальдивія» повернула на сѣверъ и, извиваясь между льдинами, медленно подвигалась впередъ. Подъ утро ледъ порѣдѣлъ, и у насъ отлегло отъ сердца.

Мы находились всего лишь въ 120 морскихъ миляхъ, т.-е. не болѣе чѣмъ въ разстояніи 12 часовъ хода отъ той земли, которую открылъ 27-го февраля 1831 года командиръ брига «Тула» капитанъ Бискоэ, который и назвалъ ее въ честь той фирмы, у которой находился на службѣ, «землею Эндерби». Онъ указываетъ, что находился на 65° 57′ юж. шир. и 47°20′ вост. долг. и затѣмъ шелъ вдоль этой земли до 49° вост. долг. Тремя годами позже, въ 1834 году, Кэмпъ замѣтилъ восточнѣе земли Эндерби подъ 66° 25′ южн. шир. и 59° вост. долг. землю, которую въ честь его назвали «землею Кэмпа». Представляютъ ли изъ себя земля Эндерби и земля Кэмпа берегъ антарктическаго континента или же онѣ являются болѣе или менѣе значительными островами, быть можетъ, рѣшитъ впослѣдствіи предполагаемая германская южно-полярная экспедиція. Здѣсь я укажу лишь на то, что мы не были въ состояніи замѣтить никакихъ явственныхъ признаковъ земли, — быть можетъ, впрочемъ, тому виною нѣсколько туманный воздухъ въ ночь съ 15-го на 16-е декабря. Капитану казалось, что слабо поднимающаяся на югѣ бѣлая полоска представляетъ изъ себя землю, но я считаю болѣе вѣроятнымъ, что это была лишь очень большая ледяная гора. Восточный вѣтеръ улегся, и барометръ поднимался медленно до 754,8 мм., такъ что 16-го декабря, выбравшись изо льда, мы были въ состояніи произвести рядъ подъемовъ замыкающихся сѣтей и приготовиться къ одному изъ наиболѣе обильныхъ результатами рабочихъ дней нашихъ на дальнемъ югѣ—17-го декабря.

Ловы замыкающимися сѣтями, которые были произведены на самой южной точкѣ, показали, что главнѣйшее количество планктона находится между 45 и 80 метрами. Ниже 80 метровъ было констатировано бросающееся въ глаза уменьшеніе планктона, которое сказывалось и въ поверхностныхъ слояхъ до глубины 40 метровъ. Изъ діатомовыхъ преобладали на поверхности напоминающія иголки *Synedra thalassothrix* и виды *Chaetaceras* и *Rhizosolenia*. Замѣчательно, что всѣ эти формы выказывали какъ бы не вполнѣ нормальное состояніе: хроматофоры въ ихъ плазматическомъ тѣлѣ были скучены. Примѣшанные къ нимъ въ небольшомъ количествѣ представители родовъ *Coscinodiscus* и *Asteromphalus* увеличивались въ количествѣ ниже 40 метровъ и становились здѣсь преобладающими.

Судьба какъ будто хотѣла вознаградить насъ за перенесенные за послѣдніе дни труды и лишенія и подарила насъ днемъ, какой рѣдко выпадаетъ въ антарктическихъ водахъ на долю мореплавателей. Ночью на 17-ое декабря вѣтеръ совершенно улегся, барометръ продолжалъ подниматься и достигъ утромъ 756 мм. — давленія столь высокаго, что мы не наблюдали такого съ 1-го декабря, когда покинули островъ Бувэ. Ночью свѣтлой, какъ день, мы шли по морю, какъ по Эльбѣ, миновали 7 ледяныхъ горъ и констатировали въ 5 часовъ утра глубину въ 4.636 метровъ.

Нельзя было упускать случая воспользоваться необычайно благопріятными условіями для спуска трала — работа, которая, въ виду

большой глубины, была связана съ порядочнымъ рискомъ. Въ антарктическихъ водахъ никогда нельзя поручиться, что вдругъ не наступитъ бурная погода или не спустится густой туманъ вблизи ледяныхъ горъ,—потому-то мы съ того времени, какъ покинули островъ Бувэ, и не рѣшались пустить въ ходъ нашихъ траловъ. Насъ удерживали отъ этого встрѣченныя неожиданно большія глубины, при которыхъ работа траломъ съ наступленіемъ сильнаго вѣтра могла бы быть опасной и для нашей команды и могла бы повести за собою потерю троса. Теперь всѣ эти колебанія уступили передъ тѣмъ доводомъ, что поднятый тралъ могъ бы не только выяснить намъ составъ глубоководной фауны, но и дать понятіе о составѣ грунта дна. Въ 7 часовъ утра мы опустили нашъ лучшій тралъ, отяготивъ его двумя тяжелыми чугунными гирями. Онъ достигъ дна около полудня, послѣ того какъ было выпущено 6.400 метровъ троса. Затѣмъ, въ теченіе часа мы тянули его по дну, причемъ увеличившееся сопротивленіе, достигавшее пяти тоннъ, указывало на то, что тралъ долженъ былъ захватить тяжелый грузъ. Когда затѣмъ мы стали поднимать его, то замѣтили, что на востокѣ, по тому направленію, гдѣ должна была находиться земля Кэмпа, показался сплошной плавучій ледъ, и яркій отблескъ на горизонтѣ свидѣтельствовалъ о томъ, что въ этомъ направленіи мы съ «Вальдивіей» никоимъ образомъ не могли бы пробраться. Солнце прорвало завѣсу облаковъ лишь около 8 часовъ утра на нѣсколько мгновеній, въ остальное же время все небо было обложено сѣрыми облаками и отъ времени до времени поднималась снѣжная метель. Когда затѣмъ нѣсколько прояснилось, мы замѣтили на горизонтѣ огромныя ледяныя горы и по свѣтлому отблеску на югѣ убѣдились окончательно, что путь на югъ намъ совершенно заложенъ.

Чрезвычайно богато было здѣсь развитіе жизни птицъ. Сѣрые альбатросы (*Diomedea fuliginosa*) плавно носились надъ морскою поверхностью, усѣянною льдинами; они не покидали насъ съ острова Бувэ, и въ журналѣ нѣтъ почти дня, когда бы не было отмѣчено ихъ появленіе. Въ большинствѣ случаевъ они носились по два или по три, рѣдко количество ихъ доходило до 9 — 10. Съ сильно втянутой головой, съ направленнымъ въ сторону клювомъ слѣдовали они, повидимому, крайне неуклюжимъ полетомъ въ теченіе часовъ и даже дней за нашимъ судномъ, безъ малѣйшей усталости. Лишь рѣдко производятъ они ударъ крыльями, обыкновенно же несутся безъ малѣйшаго движенія, только поворачивая тѣло то нѣсколько наклонно, то почти на бокъ. Ни одна изъ антарктическихъ птицъ не приковываетъ къ себя такъ вниманіе, какъ эти неутомимые пловцы въ воздушномъ океанѣ! Иногда они приближались къ мостику такъ близко, что, казалось, ихъ можно схватить руками, и при этомъ внимательно слѣдили своими глазами, блестѣвшими на сѣромъ фонѣ головы,—можно было подумать, что это не птицы, а какія-то безплотныя существа, рѣющія въ воздухѣ и чувствующія себя особенно пріятно, когда буря вздымаетъ высокіе гребни волнъ и бросаетъ наше судно, какъ щепку. Однако, разъ мнѣ все же удалось наблюдать, 15-го декабря, болѣе дюжины сѣрыхъ альбатросовъ, спокойно сидѣвшихъ на небольшой ледяной горѣ и, очевидно, отдыхавшихъ отъ своего полета. Опереніе этой птицы представляетъ всѣ переходы сѣраго цвѣта: голова съ черноватымъ оттѣнкомъ переходитъ въ свѣтло-сѣрое брюхо и спину, отъ которыхъ крылья и перья хвоста отличаются болѣе темнымъ бархатистымъ оттѣнкомъ, у нѣкоторыхъ экземпляровъ шея и спина были почти серебристо-сѣрыя.

Изслѣдованіе содержимаго желудка показало, что сѣрые альбатросы питаются преимущественно головоногими и пелагическими ракообразными, но не брезгаютъ и мелкими птицами. Когда судно наше стояло безъ движенія, они нерѣдко опускались на поверхность воды и жадно хватали всѣ судовые отбросы. Въ своемъ ненасытномъ голодѣ они не брезгали и трупами сотоварищей, застрѣленныхъ нами,—выклевывали имъ глаза и растерзывали, прежде чѣмъ спущенная лодка успѣвала подобрать плавающій на поверхности воды трупъ.

Другіе виды альбатроса давно уже не попадались намъ. Ни большой альбатросъ (*Diomedea exulans*), ни желтоклювый (*D. chlororhynchus*), ни черно-бѣлый (*D. melanophrys*) не проникаютъ въ настоящую антарктическую область до границы льдовъ. Мелкіе виды попадались намъ при приближеніи къ Капланду и провожали насъ во время экскурсіи на Агуласскую банку и когда мы находились въ области западныхъ вѣтровъ. Когда температура поверхности спустилась ниже 0°, насъ покинули послѣдніе альбатросы; дальше всѣхъ слѣдовалъ за нами черно-бѣлый альбатросъ, котораго мы видѣли еще 24-го ноября, незадолго до прихода на островъ Бувэ. Онъ же появился первымъ 20-го декабря, черезъ два дня послѣ того, какъ мы видѣли послѣднія ледяныя горы.

Изъ настоящихъ буревѣстниковъ за нами послѣдовали вдоль границы льдовъ гигантскій антарктическій (*Procellaria antarctica*) и ледяной буревѣстники (*Procellaria glacialoides*). Оба послѣднихъ вида избираютъ райономъ своей охоты полосу прибоя около ледяныхъ горъ и, нерѣдко, садясь длинными рядами, украшаютъ собою ледяныхъ колоссовъ. Антарктическій ледяной буревѣстникъ замѣщаетъ здѣсь своего сѣвернаго родича и походитъ на него и величиной, и окраской. Бѣлый цвѣтъ головы и брюха переходитъ на спинѣ и хвостѣ въ серебристо-сѣрый, отъ котораго отличаются лишь концы крыльевъ болѣе темной окраской. Оба вида являются типичными обитателями открытаго моря и охотно опускаются вблизи самаго судна, избирая, однако, при этомъ навѣтренную сторону, гдѣ имъ легче подниматься на воздухъ. Около земли Эндерби они оживляли и скрашивали поверхность моря вмѣстѣ съ безчисленными капскими голубями (*Daption capense*), сопровождавшими насъ все время. Мы бросали имъ нерѣдко сало и различные объѣдки, которые капскіе голуби ловили исключительно на поверхности, тогда какъ буревѣстники чрезвычайно ловко ныряли и схватывали ихъ подъ водою. Они такъ увлекались этимъ занятіемъ, что одинъ изъ нашихъ матросовъ поймалъ капскаго голубя ковшомъ, прикрѣпленнымъ къ длинному шесту, прямо съ судна. Наше описаніе жизни пернатыхъ въ Антарктикѣ было бы не полно, если бы мы не упомянули о сизыхъ буревѣстникахъ, относящихся къ роду *Prion*. Они величиной съ голубя и похожи на голубя даже по окраскѣ, такъ какъ шея и брюхо у нихъ бѣлыя, голова и спина—сизыя, а наружныя маховыя—черныя. У вида *Prion coeruleus* хвостовыя перья оканчиваются бѣлой полосой, у *Pr. desolatus* и *Pr. Banksi*—черной. Оба послѣдніе вида различаются между собой тѣмъ, что у *P. Banksi* надклювье сильно расширено и на внутреннемъ краю несетъ ситовидныя пластинки, которыя ясно замѣтны при разсматриваніи съ нижней стороны. Сизые буревѣстники встрѣчались намъ еще въ области западныхъ вѣтровъ и съ тѣхъ поръ сопровождали насъ вдоль границы льдовъ до земли Эндерби и оттуда до Кергуэльскихъ острововъ. Они пугливѣе другихъ буревѣстниковъ, держались далѣе отъ судна и охоти-

лись усердно въ водѣ нашей килевой полосы. Когда при приготовленіяхъ къ измѣренію глубины или къ работѣ сѣтями пароходъ нашъ давалъ ходъ назадъ и винтъ его взбивалъ бѣлую пѣну на далекое разстояніе, они собирались нерѣдко стаями по нѣсколько сотъ, чтобы поживиться взмученными пелагическими животными. Полетъ ихъ неровенъ и производимыми ими быстрыми поворотами напоминаетъ полетъ летучихъ мышей; восхитительное зрѣлище представляетъ стая этихъ птицъ, когда онѣ сразу, какъ по командѣ, производятъ поворотъ и въ воздухѣ блеститъ ихъ бѣлая брюшная поверхность.

Всѣ свойства, дѣлающія буревѣстника такимъ симпатичнымъ спутникомъ мореплавателя, соединяются въ замѣчательномъ бѣлоснѣжномъ буревѣстникѣ (*Pagodrom nivea*), который является въ то же время и наиболѣе достовѣрнымъ указателемъ близкаго присутствія льда. Создавая эту птицу, замѣчательной граціи и дивной окраски, природа, положительно, превзошла самое себя. Опереніе буревѣстника бѣло, какъ снѣгъ, и соперничаетъ бѣлизною съ ослѣпительно блещущими на солнцѣ поверхностями льда. Лишь небольшія черныя перышки окружаютъ огромный и полный выраженія глазъ птицы съ темно-коричневой радужной оболочкой; ноги ея и клювъ, которымъ она граціозно ловитъ на лету добычу съ поверхности моря, также чернаго цвѣта. Ни одна птица не производила на насъ такого чарующаго впечатлѣнія, какъ этотъ бѣлоснѣжный обитатель крайняго юга,—цѣлыми часами слѣдили мы за элегантными поворотами его полета надъ гребнями волнъ и надъ ледяными полями.

Когда мы находились вблизи земли Эндерби, появилась какъ бы въ видѣ привѣта съ далекой родины между этими бѣлоснѣжными буревѣстниками стайка хорошенькихъ черныхъ океаническихъ буревѣстниковъ (*Oceanites oceanica)*, носились между льдинами, отыскивали пищу и далеко держались отъ нашего судна. Способность ихъ приспособляться къ самымъ разнообразнымъ климатическимъ условіямъ прямо удивительна: мы наблюдали ихъ около нашего судна, начиная отъ береговъ Англіи и кончая окрестностями земли Эндерби,—на протяженіи слѣдовательно, 120 градусовъ широты. Вдоль границы плавучихъ льдовъ птицы эти очень часто появлялись передъ нами, хотя и въ единичныхъ экземплярахъ, и лишь съ неохотою рѣшились мы подстрѣлить одну изъ нихъ около земли Эндерби, какъ доказательство широкаго распространенія этого вида.

Въ Антарктическомъ морѣ для всѣхъ этихъ безчисленныхъ пернатыхъ гостей всегда готова трапеза. Плавучія льдины и ледяныя горы даютъ имъ превосходныя мѣста отдохновенія, и въ то же время постоянный прибой, разбивающійся объ отвѣсныя ледяныя стѣны, ежеминутно обнажаетъ огромное количество пелагическихъ организмовъ, служащихъ пищею птицамъ; между этими организмами особенно любимымъ блюдомъ ихъ являются красивые свѣтящіеся раки *(Euphausia)*, десятиногіе раки изъ рода *Pasiphaea* и головоногіе моллюски. Въ зобу буревѣстника накопляется въ значительномъ количествѣ въ видѣ желтыхъ и красноватыхъ маслянистыхъ капель жиръ, содержащійся въ ракообразныхъ. Жиръ этотъ служитъ, съ одной стороны, пищевымъ запасомъ на черный день, съ другой же—является до нѣкоторой степени и орудіемъ защиты. Кто окажется такъ неостороженъ, что схватитъ буревѣстника, напримѣръ, пойманнаго на крючокъ, въ руки, тотъ моментально будетъ облитъ этой мало ароматичной жидкостью, которую птица можетъ выплевывать даже въ нѣсколько пріемовъ, одинъ за другимъ.

Замѣчательно странно было то, что содержимое желудка сѣрыхъ альбатросовъ и различныхъ видовъ буревѣстниковъ часто состояло исключительно изъ клювовидныхъ челюстей головоногихъ моллюсковъ. Въ наши глубоководныя сѣти попадали, правда, иногда небольшіе представители замѣчательнаго рода головоногихъ *Taonius*, но врядъ ли эти животныя могли становиться жертвою буревѣстниковъ. У одного сѣраго альбатроса была найдена вмѣстѣ съ роговыми челюстями въ желудкѣ узкая роговая раковинка длиною въ 20 сант., какія имѣются у кальмаровъ,—находка эта доказываетъ, что, вѣроятно, и кальмары не отсутствуютъ здѣсь, въ антарктическихъ водахъ, не смотря на то, что они не попадали въ наши сѣти.

Говоря о жизни птицъ въ открытомъ морѣ, нельзя не упомянуть и о тѣхъ не способныхъ къ полету пернатыхъ, которыя всегда привлекали къ себѣ невольно особое вниманіе, именно—объ антарктическихъ пингвинахъ (*Pygoscelis antarctica*), которые при своихъ странствованіяхъ избираютъ своей постоянной квартирой низкіе выступы льдинъ и выдающіеся мысы ледяныхъ горъ. На одной изъ приложенныхъ фотографій ледяныхъ горъ (рис. 35) можно замѣтить нѣсколько черныхъ точекъ,—это и есть пингвины. При нашемъ приближеніи, спугнутые ружейными выстрѣлами, они скатывались прямо къ водѣ съ крутыхъ откосовъ льда въ воду, возбуждая этимъ веселость среди нашихъ матросовъ. Успокоившись, они затѣмъ снова приставали къ льдинѣ и съ большою ловкостью пользовались прибоемъ, чтобы взобраться на ледъ и, балансируя своими крыльями-плавниками, вскарабкаться наверхъ. Со своею черною головою, черною спиною и крыльями и бѣлымъ брюхомъ, съ черной полосою на шеѣ, эти удивительные птицы производятъ издали впечатлѣніе небольшихъ пограничныхъ столбиковъ на прусской границѣ. Если подойти къ нимъ ближе, они поднимаютъ страшный гамъ, вытягиваютъ шеи къ небу, принимаютъ забавнѣйшія позы и, окончательно разсердившись, скатываются, наконецъ, безъ помощи салазокъ, съ ледяной горы въ воду. Здѣсь пингвинъ въ своей стихіи и невольно возбуждаетъ удивленіе своей ловкостью и проворствомъ, тогда какъ на сушѣ онъ можетъ считаться лишь забавнымъ и оригинальнымъ аксессуаромъ антарктическаго пейзажа. Какъ бы быстро ни шелъ пароходъ, пингвинъ все же перегонитъ его безо всякаго напряженія, и при этомъ найдетъ еще время и полежать съ развернутыми плавниками на поверхности воды, поглядывая своими плутовскими, блестящими глазами на приближающееся незнакомое чудовище,—какъ только разстояніе между нимъ и судномъ сократится, въ одно мгновеніе ока онъ снова исчезаетъ подъ поверхностью и нѣсколькими могучими взмахами крыльевъ-плавниковъ опускается на такую глубину, что надолго исчезаетъ изъ глазъ. Когда онъ затѣмъ снова показывается внезапно надъ поверхностью, онъ вылетаетъ изъ воды съ прижатыми къ тѣлу крыльями, описываетъ дугу и снова пропадаетъ на глубинѣ. Ничего не можетъ быть интереснѣе, какъ наблюдать за стайкой такихъ пигвиновъ, когда они покидаютъ ледяную гору и, подобно стаду миніатюрныхъ дельфиновъ, граціозными прыжками приближаются къ судну. Ни одинъ буревѣстникъ не можетъ добыть себѣ съ такою легкостью добычу, какъ эти профессіональные водолазы,—мы находили желудки антарктическихъ пингвиновъ постоянно совершенно набитыми свѣтящимся рачками, которые были гораздо крупнѣе тѣхъ, какіе попадались въ наши сѣти.

Трудно описать то волненіе, которое овладѣло всѣми нами, когда, послѣ работы въ теченіе 4½ часовъ лебедкою, нашъ тралъ показался около 6 часовъ вечера на поверхности. Были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы возможно быстро и сохранно доставить его на бортъ судна, въ особенности когда оказалось, что тяжесть, указывавшаяся динамометромъ, зависѣла отъ присутствія въ немъ не ила, а камней. Прежде всего на палубѣ появился въ не разорвавшемся, къ счастью, сѣтевомъ мѣшкѣ трала огромный кусокъ краснаго песчаника до 5 центнеровъ тяжестью и съ явственными слѣдами полировки глетчерами. До той черты, до которой онъ находился въ грунтѣ дна, онъ имѣлъ черную окраску, которая рѣзко выдѣлялась на бѣломъ фонѣ діатомоваго ила верхней его стороны. Такой подарокъ антарктическихъ глубинъ былъ встрѣченъ нами съ восторгомъ. Этотъ обломокъ песчаника могъ бы сообщить о себѣ цѣлый романъ: первоначально онъ составлялъ частицу антакратическаго материка, царапался глетчерами, затѣмъ отдѣлился и былъ вынесенъ однимъ изъ ледяныхъ великановъ въ открытое море. Подъ вліяніемъ теплыхъ слоевъ морской воды, льдина растаяла, и камень опустился на глубину 4.636 метровъ, лежалъ тамъ долгое время, пока не попалъ въ тралъ глубоководной экспедиціи, былъ вынесенъ на поверхность и затѣмъ долженъ былъ подвергаться дѣйствію лучей тропическаго солнца. Теперь же ему во время лекціи, приходится фигурировать на столѣ передъ каѳедрой, какъ молчаливому свидѣтелю того, что земля Эндерби, очевидно, не вулканическаго происхожденія. На это указываютъ, впрочемъ, и другіе камни, извлеченные нашей сѣтью въ большомъ количествѣ. По сообщенію проф. Циркеля, всѣ эти представители геологическаго строенія земли Эндерби относятся къ гранитамъ, гнейсамъ (нѣкоторые со многочисленными включеніями зеренъ граната до 3 миллиметровъ въ діаметрѣ) и кристаллическимъ сланцамъ. Къ нимъ присоединяются осадочные песчаники и глинистые сланцы, повидимому, очень древняго происхожденія. Представители вулканическихъ породъ чрезвычайно немногочисленны. породы же, которыя указывали бы на современную вулканическую дѣятельность совершенно отсутствовали.

Если принять во вниманіе, что экспедиція «Чэлленжера» приблизительно подъ той же широтой и между 80° и 95° вост. долг. пришла къ такому же точно выводу, то можно, пожалуй, придти къ заключенію, что настоящимъ ядромъ антарктическаго континента являются первозданныя породы и онѣ лишь окаймлены цѣпью вулкановъ страны Викторіи и земли Грегэма.

Такимъ образомъ, уже добытыя пробы каменныхъ породъ вознаградили вполнѣ наши хлопоты съ этимъ траломъ,—не менѣе пріятно были мы изумлены, однако, и тѣмъ относительно большимъ количествомъ живыхъ организмовъ, которые были найдены здѣсь на огромной глубинѣ при температурѣ въ—0,5°. Въ швабрахъ трала висѣли двѣ своеобразныя асцидіи почти въ кулакъ величиною, которыя прикрѣплялись къ грунту дна стебелькомъ съ иглу толщиною и болѣе метра въ длину. Онѣ родственны роду Boltenia и отличаются студенистымъ тѣломъ, напоминающимъ тѣло медузы. По всей вѣроятности, онѣ прикрѣпляются своимъ стебелькомъ, какъ якорнымъ канатомъ, и качаются на немъ въ водѣ, какъ буйки, такъ какъ врядъ ли тонкій стебелекъ этотъ можетъ дать какую-нибудь опору. Вмѣстѣ съ ними намъ попались двѣ стебельчатыя морскія лиліи, изъ которыхъ одна сѣрно-желтаго цѣта относилась къ роду *Hyocrinus*, тогда какъ другая къ *Bathycrinus*. По сообщенію проф. Дедерлейна, это два новыхъ вида, кото-

имѣлись лѣса. Потому мы вполнѣ согласны съ мнѣніемъ Штудера, который объясняетъ нахожденіе этихъ слониковъ существованіемъ въ прежнія времена древесной растительности.

Изъ бабочекъ на Кергуэльскихъ островахъ встрѣчается лишь одна единственная моль *Embryonopsis* (рис. 46, с) и намъ удалось добыть нѣсколько экземпляровъ и этой неспособной къ полету бабочки съ совершенно недоразвитыми крыльями, а равно удалось отыскать и ея гусеницъ, находящихся въ кергуэльской капустѣ.

Изъ другихъ представителей наземной фауны слѣдуетъ упомянуть безкрылыхъ насѣкомыхъ, относящихся къ наиболѣе низко организованному отряду *Collembola*, именно—*Tulbergia antarctica*, одного паука (*Myro kerguelensis*), одну маленькую наземную улитку (*Helix Hookeri*) и, наконецъ, нерѣдко встрѣчающагося въ землѣ средней величины дождевого червя изъ рода *Acanthodrilus*.

Растительность острова столь же интересна, какъ и животный міръ. Прежде всего виднѣются всюду темно-зеленыя подушки типичнаго растенія Кергуэльскихъ острововъ *Azorella selago*; растеніе это разсѣяно по всѣмъ островамъ и образуетъ на возвышенныхъ плато полушарообразныя кочки, въ которыя легко погружается нога; поднимается это растеніе до 500 метровъ высоты, а на нѣкоторыхъ защи-

Рис. 46. *a*. Жукъ *Ectemnorhinus viridis*.—*b*. *Tulbergia antarctica*.—*c*. Бабочка *Embryonopsis halticella*. Увелич.

щенныхъ мѣстахъ даже и выше. Такихъ гигантскихъ подушекъ, однако, какія встрѣчаются на хорошо защищенныхъ островкахъ гавани Газели, мы не встрѣчали позднѣе нигдѣ. Растеніе это принадлежитъ къ крестоцвѣтнымъ и распространено по всѣмъ антарктическимъ островамъ, а также встрѣчается и на южной оконечности Огненной Земли. Обыкновенно подушки его окаймляются кустиками сложноцвѣтнаго *Cotula plumosa*, листья котораго покрыты серебристымъ, блестящимъ пушкомъ—это растеніе встрѣчается еще только на островахъ, лежащихъ на югъ отъ Новой Зеландіи. Типичной формой болѣе нижнихъ зонъ является одно изъ розоцвѣтныхъ *Acaena affinis*, съ сѣро-зелеными листьями, иногда оно покрываетъ обширныя поверхности почти сплошь.

Наиболѣе интереснымъ является, однако, знаменитая уже со временъ Росса кергуэльская капуста (*Pringlea antiscorbutica*),—ея яйцевидные или ланцетовидные, покрытые войлочкомъ, листья обнимаютъ собою стебель соцвѣтія, достигающій 1 метра въ вышину. Это растеніе является единственнымъ, свойственнымъ исключительно Кергуэльскимъ островамъ и не встрѣчаемымъ нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ, кромѣ развѣ располагающагося нѣсколько южнѣе острова Хэрда и острововъ Маріонскихъ и Крозэ. Команда Росса долгое время питалась листьями этой капусты, которая считается весьма дѣйствительнымъ средствомъ

противъ цынги. Мы также не упустили случая попробовать это растеніе,—оно имѣетъ довольно пріятный, нѣсколько горьковатый вкусъ.

Если упомянуть еще, что злаки изъ родовъ *Poa*, *Agrostis* и *Festuca* встрѣчаются всюду въ видѣ отдѣльныхъ кустиковъ, то этимъ мы почти и исчерпаемъ всѣ наиболѣе типичныя растенія, придающія мѣстности ея своеобразную физіономію. Всѣ они обусловливаютъ тотъ сѣровато-зеленый основной тонъ, который свойственъ лугамъ и склонамъ горъ Кергуэльскихъ острововъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, значительное участіе въ окраскѣ ландшафта принимаютъ также и многочисленныя тайнобрачныя, именно лишаи и мхи, которые покрываютъ обломки скалъ сплошнымъ покровомъ и обладаютъ нерѣдко довольно яркой желтой, серебристо-сѣрой или черной окраской. Прямо удивительно, въ какомъ невѣроятномъ множествѣ встрѣчаются здѣсь тайнобрачныя и какъ разъ наиболѣе низко организованныя наземныя формы. Цвѣтковыхъ растеній извѣстно здѣсь пока лишь 21, тогда какъ мховъ, лишаевъ и печеночницъ—не менѣе 160 видовъ. Къ нимъ присоединяются еще и 4 вида папоротниковъ, между которыми, къ изумленію, два широко распространенныхъ, космополитическихъ вида, встрѣчающихся даже въ средней Европѣ,—именно жесткій *Polypodium vulgare* и нѣжный *Cystopteris fragilis*; оба остальные принадлежатъ къ формамъ типичнымъ для болѣе холодныхъ областей юга (*Lomaria alpina*, *Polypodium australe*).

Если сравнить цвѣтковыя растенія Кергуэльскихъ острововъ съ таковыми въ арктическихъ областяхъ, то бросится въ глаза, прежде всего, что, съ одной стороны, количество видовъ относительно не велико, съ другой—отсутствуетъ то великолѣпіе окраски, какое встрѣчается даже на сѣверѣ Гренландіи и Шпицбергена во время короткихъ лѣтнихъ мѣсяцевъ. Было указано еще Дарвиномъ, что пахучіе и ярко окрашенные цвѣты предназначены для приманиванія насѣкомыхъ, которыя высасываютъ изъ нихъ медвяный сокъ и въ то же время принимаютъ на себя заботы объ опыленіи цвѣтовъ. И дѣйствительно, арктическимъ странамъ свойственны многочисленныя летающія насѣкомыя и даже еще довольно большое количество пестрыхъ бабочекъ, тогда какъ въ этомъ отношеніи антарктическая область, и въ данномъ случаѣ Кергуэльскіе острова, совершенно не могутъ идти въ сравненіе. Насѣкомыя, которыя могли бы взять на себя опыленіе цвѣтковыхъ растеній, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Предполагалось, правда, что безкрылыя мухи, ползая по соцвѣтіямъ кергуэльской капусты, могутъ способствовать опыленію,—я долженъ, однако, замѣтить, что, несмотря на необыкновенно солнечные и ясные дни во время нашего тамъ пребыванія, мнѣ никогда не приходилось наблюдать мухъ сидящими на соцвѣтіяхъ,—ихъ можно бывало найти, лишь отогнувъ черешокъ листа капусты. Еще Гукеръ предполагалъ, что кергуэльская капуста представляетъ изъ себя растеніе, опыляемое вѣтромъ, и, по всей вѣроятности, это предположеніе правильно. Шимперъ указывалъ мнѣ на то обстоятельство, что всѣ явнобрачныя растенія Кергуэльскихъ острововъ явственно приспособлены къ опыленію вѣтромъ. Пестрые лепестки вѣнчиковъ, служащіе для привлеченія насѣкомыхъ, отсутствуютъ не только у кергуэльской капусты, но даже и у обоихъ видовъ гвоздики, свойственныхъ спеціально Кергуэльскимъ островамъ (*Lyallia*, *Collobanthus*). У обоихъ видовъ лютиковъ (*Ranunculas crassipes*, *R. trullifollius*) лепестки выродились въ узкія, бѣлыя полоски, а у сложноцвѣтнаго *Cotula* отсутствуютъ краевые цвѣточки соцвѣтія,

НОВАЯ КНИГА:

ЛИТЕРАТУРНОЕ ДѢЛО.

СБОРНИКЪ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Евг. Чириковъ. На дворѣ во флигелѣ. Бытовыя картины.—Скиталецъ. Пѣсни скитальца. Стихотворенія.—Евг. Тарле. Изъ исторіи обществовѣдѣнія въ Россіи.—Танъ. На красномъ камнѣ. Повѣсть.—А. М. Вербовъ. Стихотворенія. — В. Богучарскій. Декабристъ-литераторъ Александръ Осиповичъ Корниловичъ.—В. Вересаевъ. На эстрадѣ. Эскизъ.—С. Булгаковъ. Васнецовъ, Достоевскій, Вл. Соловьевъ и Толстой. Параллели.—А. Лукьяновъ. Стихотворенія.—В. І. Дмитріева. Волки. Разсказъ.—Николай Бердяевъ. Къ философіи трагедіи. Морисъ Метерлинкъ.—Вас. Брусянинъ. Пѣвучая гитара. Разсказъ.—Галина. Стихотворенія.—Скиталецъ. Атаманъ. Разсказъ.—З. К. Максимъ Горькій въ иностранной критикѣ.—Танъ. Стихотвореніе.—Иванъ Новиковъ. Два очерка: 1) Къ жизни, 2) Ландыши.—Иванъ Странникъ. Изъ настроеній современной французской литературы.—Вл. Муриновъ. Скандалъ. Разсказъ.—Проф. Евг. Аничковъ. Виліамъ Моррисъ и его утопическій романъ.

С.-Петербургъ. 1902 г. Цѣна 2 р. 25 к.

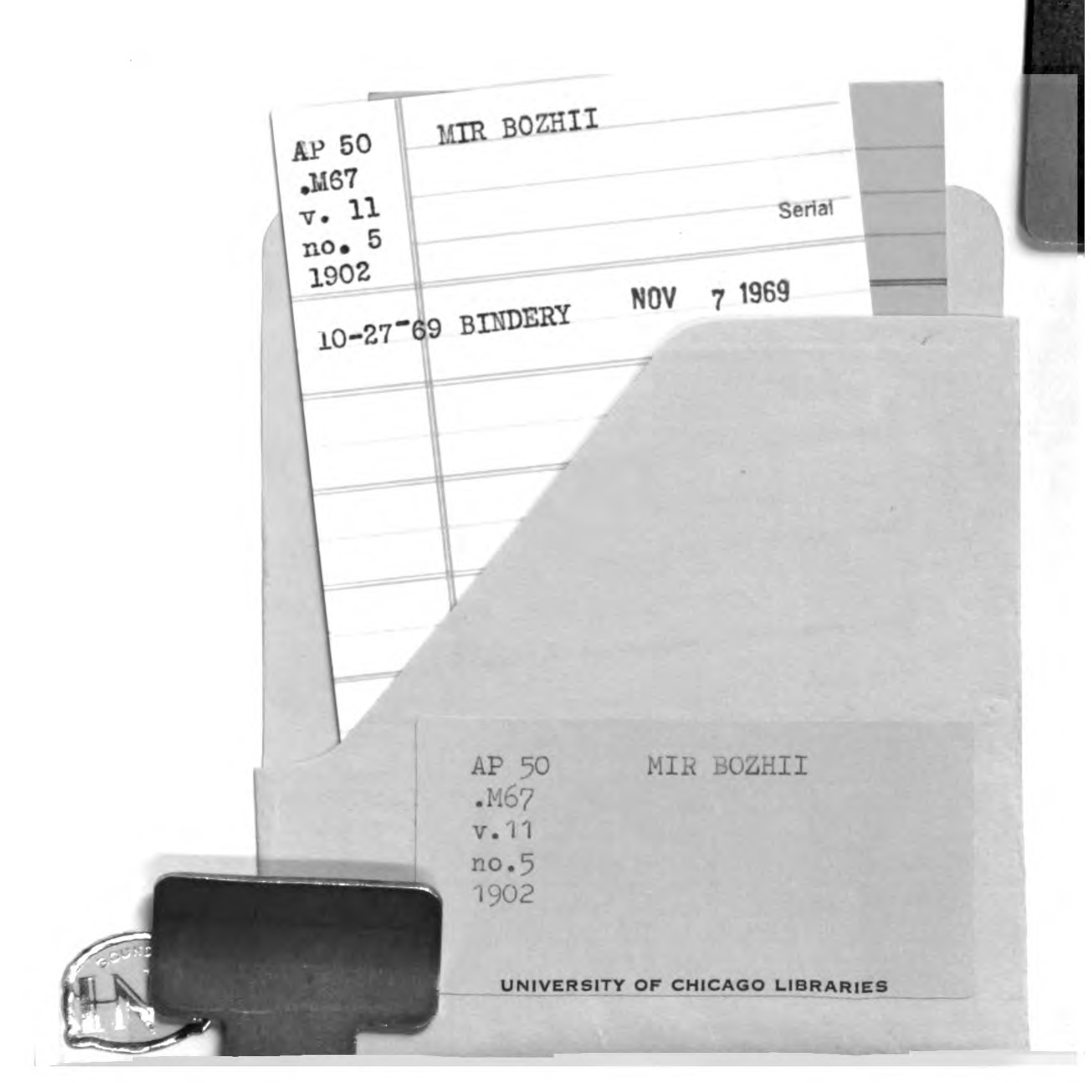
Складъ изданія при типографіи А. Е. Колпинскаго. Спб. Конная ул., д. 3—5.

Выписывающіе черезъ контору журнала „Міръ Божій“ за пересылку не платятъ.

ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА „МІРЪ БОЖІЙ":

Вальтеръ Безантъ. Тайна богатой наслѣдницы. Ц. 50 к.
Реклю. Исторія земли. Ц. 2 р.
Бородинъ. Процессъ оплодотворенія растеній. Ц. 1 р. 50 к.
Павловъ. Морское дно. Ц. 60 к.
Его же. Вулканы на землѣ. Ц. 40 к.
Павлова. Ископаемые слоны. Ц. 40 к.
Морисъ Вилькомъ. Чудеса микроскопа. Ц. 1 р.
Челпановъ. О памяти и мнемоникѣ. Ц. 60 к.
Его же. Мозгъ и душа. Ц. 1 р. 50 к.
Випперъ. Общественныя ученія. Ц. 1 р.
Сизеранъ. Рёскинъ и религія красоты. Ц. 80 к.
Фаминцынъ. Современное естествознаніе и психологія.
Милюковъ. Очерки по исторіи русской культуры. Ч. I. Ц. 1 р. 25 к.
„ „ „ „ „ Ч. II. Ц. 1 р. 75 к.
„ „ „ „ „ Ч. III. Ц. 75 к.
Ивановъ. Писемскій. Ц. 1 р.
Его же. Ив. Серг. Тургеневъ. Ц. 2 р.
Его же. Исторія русской критики. Ч. I и II. Ц. 2 р.
„ „ „ Ч. III и IV. Ц. 2 р
Его же. Изъ западной культуры. Сборн. I. Ц. 2 р.
„ „ „ Сборн. II. Ц. 60 к.
Его же. Поэзія и правда міровой любви. Ц. 75 к.
Его же. Новая культурная сила. Ц. 2 р.
Богдановичъ. Современный Китай. Ц. 75 к.
Тарле. Общественныя воззрѣнія Томаса Мора. Ц. 1 р. 50 к.
Смирнова. Маха-Бхарата. Ц. 50 к.
Острогорскій. Письма объ эстетическомъ воспитаніи. Ц. 40 к.

Складъ изданій: контора журнала „Міръ Божій" и книжный магазинъ Карбасникова. Спб. Литейный просп., д. 46.

AP 50
.M67
v. 11
no. 5
1902
MIR BOZHII
Serial
10-27-69 BINDERY
NOV 7 1969
AP 50
.M67
v.11
no.5
1902
MIR BOZHII
UNIVERSITY OF CHICAGO LIBRARIES

U of Chicago
55015080